Колдовские миры

Галина Гончарова

Азъ есмь Софья. Царевна

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Над Русью вновь собирается гроза: совершают набеги крымчаки, готовится к войне турецкий султан, плетут интриги бояре…

Как тут остаться безучастной? Софья, любимая сестра царевича Алексея, просто обязана вмешаться. Предстоит новая кровавая сеча, в которой русичи и поляки должны плечом к плечу встать против общего врага. И выжить. И победить.

А чтобы помочь и брату, и родной стороне, нужно взять на себя тяжкий груз ответственности — строить корабли, организовывать производство оружия, налаживать отношения Руси с соседями… Разве смогла бы это все поднять обыкновенная царевна? Но по плечу ли эта ноша женщине из будущего?

- Галина Гончарова
  - ○

Галина Гончарова
Азъ есмь Софья. Царевна

— Страшно мне, Машенька. Придут ли…

Михайло Корибут посмотрел на жену. Отвечая его взгляду, Марфа, раскинувшаяся на ложе в одной тонкой рубашке — и ту б не надела, да из окна холодком потянуло, чуть потянулась, изменила положение так, чтобы вышло более соблазнительно, еще раз добрым словом вспомнила науку Лейлы.

На Руси такого не было. А в гаремах когда девиц тысячи, а ей надобно стать одной — единственной — как только не научишься себя показывать…

— Придут, Мишенька. Не думай о плохом. Алешенька, брат мой. А Сонюшка — сестрица любимая. Не оставят они нас в беде.

— А царь согласится ли?

— Убедят.

Спокойная уверенность Марфы была заразительна, словно вирус гриппа, и Михайло поневоле проникался ей. И разглядывал жену.

Хороша…

Что тут скажешь?

Он отчетливо помнил, как встречал ее кортеж. Как пели трубы, и как из кареты выскользнуло восхитительное видение в белом платье. Девушка присела в реверансе, опустив глаза, а потом вскинула на него очи — и улыбнулась так, что у мужчины голова закружилась. Было, было в Марфе нечто такое, чего не нашлось во всех дамах его двора.

Невинность и чистота.

Воспитанная в тереме, в строгих порядках, она твердо знала, что измена — грех, что развратничать нельзя — и придворные дамы, которые свободно спали как с королем, так и с конюхом, на ее фоне казались Михайле теперь попросту… грязными.

Да и остальное…

Вопреки всем утверждениям о чистоте душевной — дескать, коли есть она, то о телесной чистоте и заботиться незачем, Марфа попросила мужа в качестве свадебного подарка построить ей баню.

Стоит ли говорить, что муж согласился, и несколько раз разделив с женой удовольствие от совместного посещения бани, вдруг заметил, что кожа стала чище, раздражений меньше, да и желудок болеть стал гораздо реже.

Ксендзы ворчали, но спорить с королевой не решались,

только шептали, что дикая страна, дикие нравы…

Но показная, даже нарочитая набожность и королевы, и ее свиты, затыкала всем рты. А Марфа, хоть и молилась усердно — делала все так, как ей надобно.

И батюшка, находящийся в ее свите, выслушивал молодую королеву — и отпускал ей грехи. А что делать, ежели во имя родины?

И постепенно Михайло не просто увлекся молодой женой, нет. Это чувство плавно переходило в любовь. И вот он уже морщится от надушенных прелестниц, четко ощущая за запахом духов вонь давно немытого тела и вспоминая, насколько приятнее пахнет кожа Марфы. Вот он смотрит на глубокие декольте, выставляющие напоказ то, что мужу одному должно быть ведомо — и сравнивает с ними Марфу, которая умудряется грациозно носить даже закрытые платья. Да и в постели… не было у Михайлы еще такой любовницы — невинной, он головой готов был клясться, что до него к Марфе ни один мужчина не прикасался, такое не сыграешь, и в то же время словно угадывающей его желания. Как-то не приходило мужчине в голову, что на Руси бани были совместные — и Марфа отлично знала, как выглядят голые мужчины. Не было для нее ничего удивительного в мужской наготе. А Лейла довела теоретические знания по ублажению мужчин до совершенства, научив Марфу определять по малейшим признакам, что нужно мужчине. Вот и получился… сплав. И Михайло таял в руках молодой жены.

К тому же приятным бонусом к красоте оказался ум. И Михайло с удивлением узнал, что его жена отлично говорит, читает и пишет на четырех языках, что читала множество книг, что знает греческих философов — и может спокойно поспорить об их учениях, что легко решает математические задачи и даже слагает стихи…

Мужской ум в очаровательной женской головке?

Софья, фыркнув, сказала бы на это — программа до пятого класса средней школы плюс углубленное изучение языков. Но ее не поняли бы. Тем не менее, Михайле было интересно разговаривать с женой днем — и он сходил с ума от ее тела ночью. Что еще надо для мужчины?

Он любил, был любим и искренне удивился бы, коли узнал о мыслях молодой королевы. А Марфа, глядя на мужа, думала о том, что его еще учить и учить, что двор его — сточная канава, которую придется чистить, что Сонюшка была права, рассказывая, что ее ждет. Но даже так — лучше, чем в постылом тереме. А значит — вперед!

Любовь?

Нельзя сказать, что Марфа была без ума от мужа, нет. Для этого ее слишком много учили. И женщина четко разграничивала симпатию, страсть, привязанность — и настоящую страстную любовь. Последней у нее еще не было.

Будет ли?

Бог весть…

В любом случае, немытая шляхта, которая не стеснялась отливать прямо на стены залов, не вызывала у королевы никакого душевного трепета. Разве что хотелось приказать взять розги — и пороть, пороть, пороть…

Останавливало только то, что подходящие для прутьев деревья в королевстве кончатся раньше, чем непоротые задницы. Увы…

Ничего, вот короля воспитаем, детей, опять же… Марфа еще не была уверена, но ей казалось, что связь с луной прервалась. Вот еще месяц подождем, а там и мужа можно будет обрадовать. И отписать Сонюшке на Русь. Пусть пришлет еще и пару повитух.

А насчет военной помощи — Марфа и не сомневалась. Это Михайле покамест не ответили, а ей Сонюшка на прощание шепнула, что сестру не бросит в любой беде. Ей опасаться нечего.

— Куда собираются нанести удар турки?

— Каменец — Подольский.

Марфа прищурилась.

— Пан Володыевский? Он там комендантом?

— Да…

Идеальной памяти своей жены Михайло и не удивлялся уже. Умница, что тут еще скажешь? Да Ежи Володыевский. Умница, молодец, только вот…

— А гарнизон велик ли там?

Марфа вопрос словно с языка сняла.

— Тысяча человек.

— Так направь им еще людей! Направь пушки, огненное зелье!

Женщина вскочила с кровати и зашагала по комнате. Не была Марфа стратегом, да только это само на язык просилось. Михайло посмотрел мрачно.

— И кого я туда направлю?

— Собесского. Но с приказом подчиняться коменданту крепости, чтобы его слово было решающим. На сколько-то он задержит турок, а там и Алеша подойдет.

Михайло задумался.

Ежели направить туда Собесского — оголить границы. Но Русь не ударит, да и подкрепление оттуда придет — хватит заткнуть глотки самым горластым. Он притянул к себе женщину.

Михайло и не замечал, что разговаривает с Марфой, не как с безмозглой бабой, нет. Как с другом… но чего тут и удивительного? Не придворная кукла, чай, которые только и знают, что любовников пересчитывать! Другие-то не задерживаются… как Король — Солнце при дворе бордель развел, так ему подражать и кинулись — а зря, ой как зря.

— Я могу ему приказать — да пойдет ли он?

— Любый мой, так он ведь коронный гетман! Дело его такое — войско в бой вести!

— А подчиняться Володыевскому… — Михайло все еще сомневался, но Марфа смотрела невинно.

— Так птица не бывает о двух головах. Он будет Каменец оборонять, кто ж о слабых местах города знает лучше коменданта? Вот ежели б в поле, там — да, там Собесский, а пока в городе…

— Нет, Машенька, нельзя так. Пусть Володыевский Собесскому подчиняется…

Марфа пожала плечами, вроде как недовольная, хотя в глубине души она торжествовала. Пусть — пусть. Работа такая будет у Собесского — либо победить, либо погибнуть. Коли не удержат они Каменец — все на Собесского спишем, все промахи повесим! Никакая жена под французским королем ему не поможет, как бы не вертелась, неудачников нигде не любят. Отказаться он тоже не может. Брат на помощь идет, да и… такая плюха по репутации будет! Коронный гетман отказался подчиниться королю и идти на защиту родины! Ха!

А когда Алеша придет… ну, тут уж дело пропаганды, чтобы успехи были его, а неудачи — Собесского. А это она знает, как обеспечить, хотя б при польском дворе. Еще как справятся!

— Придет ли Алексей? Ты уверена в своем брате?

Марфа кивнула. Выдержала взгляд мужа.

— Наши судьбы, любимый мой супруг, Богом связаны. Меня брат не бросит, а стало быть, и с тобой плечом к плечу встанет. Верь мне. А ежели не придет — я в твоей власти, хоть голову мне снеси…

— Свою бы не потерять тогда…

И все же Михайло решил рискнуть.

Коли уж на то пошло, его и королем сделали с тем условием, что он Каменец — Подольский укрепит да оснастит. Просто сейм раньше палки в колеса вставлял, а сейчас вот, когда встала за спиной его тень русского государя, попритихли. Да и гарнизон давно пора там было увеличить. Вот, Лончинский от поста того отказался, пришлось Володыевского ставить. А тот хоть и неглуп, и исполнителен, да на что способен музыкант без скрипки?

Послать, всенепременно послать туда людей, пушек, зелья огненного!

Завтра он отправит к Каменцу Собесского и десять тысяч человек на усиление гарнизона. Хорошо бы поболее, да не набрать сейчас, не даст сейм. Разогнать бы этих говорунов… с — сволочи! Завтра король распорядится усилить Каменец пушками и ядрами, влезет в долги, сделает все возможное и невозможное… коли победят турки — ему не жить.

А за свою жизнь и свое счастье стоит побороться?

Марфа смотрела пристально, подмечая все — изменившееся дыхание, движения глаз, рук… и четко угадала момент. Коснулась рукой щеки мужа.

— Мы справимся. Клянусь тебе, любый мой, мы справимся…

И приникла поцелуем к губам мужа.

Больше в эту ночь тревожные мысли Михайлу не посещали.

* * *

Шумно было в древнем граде Каменце. Особенно в доме пана Володыевского.

— Я уезжаю! Баська, где ты, негодная девчонка! Иди сюда, мне надо шторы снять!

Пани Кристина Володыевская металась вихрем по дому, успевая накричать на слуг, проверить сундуки и распорядиться племянницей. Но мужу она тоже внимание уделила.

— Ты тоже собери свои вещи. Мы должны уехать сегодня.

— Кристина, ты с ума сошла?

— Нет, это ты не понимаешь!

Пани Кристина решила на миг перевести дух, остановилась в гостиной у сундуков с доброй и внимательно поглядела на мужа.

Уже — четвертого мужа, заметим.

Пани Кристина себя не обманывала. Она была некрасива, неглупа — и богата. У ее отца, пана Езерковского было большое поместье и много денег, и именно это и привлекало в ней женихов.

Вот и Ежи…

Фактически — купленный муж, так что об уважении с ее стороны и речи не шло. Разве что чуть пани сдерживалась, говоря с ним, остальным-то от ее характера и еще поболее доставалось.

— К нам сюда идут турки. Говорят, их более ста тысяч. А что у тебя? Пятьдесят человек да шавка Маська?! Бежать отсюда надо! Бежать!

— Я отвечаю за оборону Каменца. Кристя, если я сбегу — это

измена будет!

— Да кто потом разберется, когда ты уехал? Скажи, что за пушками! Или за припасом!

— Кристина, я не могу так поступить. Это против чести.

— Тогда я одна уеду!

— Ты не можешь так поступить. Ты моя жена, а жена да последует…

— Нет уж, дорогой! — пани Кристина уперла руки в бока. — Коли тебе так захотелось — помирай сам, а меня за собой не тяни! Трех мужей я уже схоронила — и четвертого схороню!

— Тетя!

Пани Кристина резко развернулась и отвесила пощечину племяннице.

— А ты вообще молчи, приживалка! Из милости тебя держу, а ты еще рот открывать вздумала?!

Кристина размахнулась еще раз, но сильная рука перехватила ее кисть.

Ежи толкнул свою жену в кресло.

— Значит так. Я никуда отсюда не уеду. Понадобится — здесь и полягу. А что до тебя… хочешь уехать — катись. Но женой ты мне больше после этого не будешь!

— Вдовой буду! — огрызнулась пани Кристина, — все равно ты здесь подохнешь, как пес, под турецкими саблями…

— Кристина, я тебе все сказал. Посмеешь уехать — пеняй на себя.

Ежи развернулся и вышел из дома. Руки тяжело сжимались и разжимались… ему хотелось просто размазать по стене эту бабу, волей судьбы ставшую его женой… мерзавка!

К черту ее!

Надо готовиться к войне с турками!

Кристина посмотрела вслед мужу.

Дурак!

Ну и пусть катится к чертям! Она себе и пятого мужа найдет — ничего не случится! А покамест надобно собрать все — и ехать. Выезжать лучше засветло, а то у нее повозки…

— Баська!

Племянница не ответила и пани Кристина поспешила по дому ее разыскивать.

— Барбара, пся крев! Баська, холера…

Племянницу она так и не нашла. И за два часа до заката уехала одна.

* * *

Как Марфа радовалась потом, что упросила мужа отдать приказ Собесскому не на заседании сейма. И так много воли эти болтуны забрали, лучше приказ отдать, а потом о нем поговорить. Мол так и так, для вашей же защиты. А то ведь самое лучшее дело заболтают! Опять же, и себя утверждать надо…

Вот так и вышло, что на утреннем приеме предстал пред глазами царственной четы Ян Собесский…

Марфа разглядывала его внимательно и серьезно. Длинный нос с горбинкой, вислые усы, темные внимательные глаза, редеющие волосы…

В годах, уж больше сорока ему, но телом крепок и духом силен.

Великий гетман коронный.

Из плюсов — умен. Хороший полководец, всего добился умом и горбом. Громадный плюс — великого честолюбия у него нет, так серединка на половинку. Наверх пробивается, но корона его не манит. Или — не манила?

У всякого мужчины, как известно, есть плюсы и есть минусы. И минусом Яна Собесского в глазах Марфы была его жена — Марыся. Она же Мария Казимира Луиза ла Гранж д´Аркьен.

И, да простит Марфу Бог — та еще сучка.

Честолюбивая, расчетливая, но просчитывающаяся — иначе не вышла бы сначала за Замойского. Сейчас она метет хвостом перед французским Людовиком, чтобы добыть мужу корону Речи Посполитой. Но этому не бывать.

Громадный плюс — они друг друга любят. Для Марфы плюс, понятно, для Собесского-то это уязвимость. Уж неизвестно, как там Марыся, а Собесский от нее без ума. Так что же?

Ну, первым делом, подумать. Людовик французский, король — солнышко, как его презрительно называет почему-то Соня, ему тридцать четыре года.

Отлично…

Что может предложить королю молодая женщина, дабы получить свое?

Вот именно это самое. Если правильно пустить сплетню, что Марыся ради мужа прыгнула в постель к королю… простит?

Сложный вопрос. Клин точно вобьем. А там и еще чего придумаем хорошего…

Во всяком случае, держится Собесский вполне почтительно. Кланяется, улыбается, почтителен…Ладно, пока и мы поулыбаемся. Пока…

А потом — у Михайлы не должно быть соперников. Он должен быть не одним из. Нет, только единственным. Марфа отлично помнила слова сестры. Странно, насколько Соня ее

младше, а говорит такие вещи, которые ей в голову никогда не приходили.

Михаил сейчас король приглашенный. Считай, за него правит сейм, как за нашего деда правили мать с отцом и бояре. Он даже в худшем положении, чем наш дед Михайла. И тебе придется нелегко. Но ежели справишься — и дети, и внуки твои королями будут. Не сможешь? Зови, приедем, заберем тебя. Но ведь выигрыш стоит борьбы? А Париж стоит мессы…

Марфа слушала, как отправляет Собесского с войском ее муж, как напутствует, как шумят паны…

Если брат не поможет — никто мне не поможет. Хоть бы он успел… Господи, помоги мне!

Михайло тем временем отдавал приказ взять войска и идти на подмогу к Володыевскому. Принять на себя командование — и держаться, хоть бы небо на землю падало! Подкрепление подойдет!

Ян Собесский кланялся, но змеиное жало-таки не удержал.

— Русские к нам идут с большим войском. Как бы в спину не ударили, ваше величество…

Михайло на миг растерялся. Ну не привыкли тут доверять русским, не привыкли. И в эту минуту вскочила Марфа. Понимая, что коли сейчас она свое слово не скажет — никто не вступится, а доверие подорвано будет, как бы сейм еще не влез… с — сволочи…

— Да как смеешь ты, наглец честь своей королевы марать грязным языком!?

Отлично. Опешили все. Первое правило такого диалога — ошеломить. Второе — развивать успех, пока противник не опомнился.

— Называя моего брата предателем, бьющим в спину родную кровь, ты и меня такой считаешь!? Я жена короля твоего, гетман!

И возразить тут не получится. Собесский хоть и собирается с силами, но что скажешь на пламенную женскую речь? Не истерику, нет? Именно речь! Нет, вы не предательница? Я в вашем брате сомневаюсь? Но фраза так построена…

И — добить красивым жестом.

— Коли брат мой не на подмогу идет — я первая с замковой башни в ров кинусь, потому как не смогу на свете жить предательницей!

И опуститься на трон, лицо руками закрыть, словно плачет…

Вот так, поди, поспорь с беспомощной женщиной… из-под чуть раздвинутых пальцев Марфа изучала лица людей. Женщины смотрят восхищенно, не без того. Мужчины… кое у кого на лицах недовольство, явно Собесского поддерживали. Запомним,

сочтемся… Кто-то смотрит восхищенно. Тоже запомним, свои люди нам надобны.

Михаил откашлялся и тоже пошел в атаку.

— Гетман, приказ тебе ясен? Так исполняй, а не королевские дела обсуждай. Мои отношения с деверем — мое дело. Я за Алексея Алексеевича ручаюсь, а твое дело турок остановить.

В таком раскладе Собесский мог только поклониться и отправиться восвояси.

Марфа незаметно выдохнула. И с благодарностью вспомнила сестрицу Сонечку, которая учила ее подобным приемам.

Ай да царевна! Ай да сукина дочь! Переиграла!

* * *

Петька сидел на телеге и зорко оглядывал окрестности. Сейчас его черед дежурить.

Трое их тут. Он, а еще Федька и Сенька. Казалось бы, обычные парни. Прислуга при Воине Афанасьевиче. Иного никто о них и не знает.

Да и знать не надобно, что на самом деле они — Троянские кони.

Да, так их царевна Софья прозвала. Сказала, что как троянский конь, они принесут победу не воинской силой, но хитростью. И ведь прижилось.

Три троянских конька.

А еще — восемь бочонков, тщательно закрытых, промазанных, просмоленных, чтобы вода не попала, но все равно мальчишки их берегут по очереди. Чтобы никто и руки не протянул, не покусился, чтобы не дай Бог не стащили…

Ценнее этих бочек ничего сейчас в обозе нет. Войско идет, мальчишки трясутся на телеге….

Мог ли он еще десять лет назад предположить такое?

Не — ет…

Тогда, десять лет назад, мальчик Петя жил в семье кожемяки и считал себя счастливым. Да вот беда — пришел на Москву очередной мор. В горячке слегли все родные, отец с матушкой, старшие братья и младшенькая сестренка — любимица всей семьи. Чудом выздоровел Петька.

А потом добрые соседушки, испугавшись заразы, подожгли и дом, благо, стоял тот на выселках. Так мальчишка и остался на улице — и пропасть бы ему неминуемо, но вмешалась судьба. Подобрали, отмыли, определили в царевичеву школу…

И Петька принялся учиться.

Голова у него была светлая, а легче всего ему давалась химия, хоть и не знал он того слова. Зато видел, как тятенька с кожей работает, что сыплет, примечал, какие порошки — и когда узнал, что цельная наука про то есть — пропал. Загорелся так, что впору от взрывчатки отодвигать, дабы не рвануло ненароком.

Царевич то приметил и определил Петьку — да еще двоих ребят в ученики к иноземному ученому, алхимиком прозываемому. Старику Ивану. Так-то он Иоганн Рудольф, но уже прижился на Руси, и на ребячье «дядько Иван» не обижался никогда. Даже смеялся — всю жизнь одиноким был, а под старость лет семью обрел. Да большую такую…

И знаниями делился щедро.

А Петька ночами повторял, как песню — ртуть, гремучий газ, селитра, сера…

Откель царевич достал рукописные заметки про элементы — Петька и по сей день не знал, но дядько Иван их оценил весьма высоко. А потом вместе с дядькой Исааком помудрил, да и сделал чудо — взрывчатку.

Динамит.

Это пороху на подрыв крепости много надобно. А динамита куда как поменее хватит, им-то с запасом дано.

Разрушить стены что Азова, что Керчи — хватит. Только доехать надобно. За тем и сидят в обозе ребята. Стерегут, следят… когда до места доберутся — они ж и устраивать все будут. А кто еще?

Они-то знают, как все должно быть, они трудились…

Они справятся.

А государь царевич пообещал, что коли справятся они с заданием, да вернутся живыми — он у батюшки обязательно получит разрешение на создание саперной части. Так и назовут их — Троянские кони. И первыми коньками будут они трое.

Форму им пошьют свою, знаки отличия повесят, звания присвоят… но для того — сейчас надобно выжить, победить и вернуться.

Справятся ли они?

— Сидишь, малец?

Воин Афанасьевич своих подопечных проведывал пару раз в день.

— Сижу, дядько Воин.

— Смотрю, читаешь?

Петька кивнул. Читал. Космогонию Рене Декарта. На латыни, хоть и сложно это было мальчишке, да книга того стоила. Они с собой несколько книжек взяли, не просто ж так, без пищи для ума ехать?

Так и думать разучишься.

— Интересное что?

— А то как же! Как мир наш устроен…

— Это дело хорошее. А остальные двое героев где?

— Рядом тут крутятся.

Воин Афанасьевич кивнул.

— Смотри тут внимательнее…

И умчался. Петька вздохнул и опять углубился в книгу. А что ж…

Учиться надобно, где б он сейчас без учебы был? Под забором бы сдох давно. А коли уж государь царевич к нему милость проявил — так милости надо быть достойным.

И он — будет.

Когда-нибудь он своему благодетелю добром отплатит.

* * *

Пан Ежи Володыевский дураком не был. И отлично понимал, что турки идут. А еще — что он ничего сделать не сможет. С такими силами?

Ну — ну…

А вы с вилкой заместо рогатины на медведя не ходили? Не проткнете, так защекочете, не иначе. Защитников-то раз — два и обчелся. Пара сотен венгерских пехотинцев, пятьдесят солдат от Лощинского, да у него человек двадцать, пятьдесят казаков да сто пятьдесят пехотинцев. Ну, ополченцы есть, только проку с них — мясо пушечное. Краковский епископ Анджей обещал людей прислать, да пришлет ли…

Ну, так что ж делать — доля такая, здесь умереть.

Дом встретил его темнотой и тишиной. Ежи чертыхнулся, запалил трут и при его свете нашел лучину.

Кристина все вывезла, что могла, подсвечниками — и теми не побрезговала. Да и пес с ней. Вот уж кого Ежи ни разу не любил, так это свою жену, в девичестве (коли так говорить можно после трех браков) панну Озерковскую. Женился он на ней поздно, аж в сорок два года, и женился по расчету… а на свадьбе о том и пожалел сразу же.

Не сложилась жизнь с Кристиной и сложиться не могла, хоть и желал он все устроить, но увидел на свадьбе Барбару… На своей свадьбе, уже из церкви выходя…

Племянницу жены, дочь ее двоюродной сестры от бедного шляхтича из незнатного рода, бесприданницу, зато с такими глазами…

Он смотрел в них — и тонул, тонул, и ничего не мог с собой сделать. Слушал ее голос, как песню, приходил домой — и ложился в постель с другой. И особую боль причиняло ему то, что Басенька тоже была под этим кровом.

Барбара полностью зависела от милости своей родственницы, а та не спешила милостей оказывать. Что мог небогатый рыцарь?

Только посмотреть, да вздохнуть. Умер бы скорее, чем оскорбил бы честь девушки, на которую молиться готов был.

А теперь Кристина уехала.

И черт бы с ней, но единственное, что хорошо — Бася с ней отправилась.

И хорошо — и плохо.

Ежели все действительно так, как жена пророчит — то никогда он больше Басю не увидит. Зато жива останется. Кристина — она хвост из ловушки вытащит. Но коли жив он останется — ей — богу, запрет ее в монастырь! Черта ли в ней, в такой стерве? И повод будет хороший, никто не упрекнет!

К матери, что ли, сходить? Они ведь тоже в крепости остались, с сестрицей… *

**** родственники Володыевского действительно оставались в Каменце во время осады. Вот жена уехала, стоило запахнуть жареным. Басю я выдумала, но кто знает? Если честно, зачитывалась в свое время Сенкевичем, и так хотелось, чтобы у них все сложилось… прим. авт.***

Скрипнули ступеньки под чьими-то шагами, скрипнула дверь.

— Пан Ежи… вы здесь?

Не ожидал мужчина услышать здесь и сейчас этот голос.

— Пани Барбара?

— Я…

Басенька стояла в дверном проеме, держа в руках свечу, смотрела громадными голубыми глазами…

— Пан… Ежи, я хотела с вами поговорить…

Сердце рыцаря оборвалось и ухнуло куда-то.

— Вы… не уехали?

— Тетя уехала. А я осталась.

— Пани Барбара, это может быть опасно…

Вот сейчас она скажет, что передумала, что тоже уезжает… и к лучшему, все к лучшему! Но до последнего будет он помнить ее взгляд. С тем и в землю лечь не страшно…

Господи, пресвятая дева Мария, спасибо вам, дали в последний раз ее увидеть!

— Бася. Называйте меня Басей… пан, я знаю, вы женаты на моей тетке, я бесприданница и некрасива… но я люблю вас. Я хотела бы, чтобы вы об этом знали. Я остаюсь в крепости, чем бы

все не закончилось. Я знаю, я никто, но… не гоните меня, прошу вас!

Онемев, глядел на девушку храбрый рыцарь.

— Пани Бася…

Девушка всхлипнула, прикусила губу…

— Я знаю, вы любите мою тетку, но она вас не любит.

— Я ее тоже не люблю… — Слова выдавливались с трудом через пересохшее горло. — пани Бася, если б я знал, если бы вы… если бы я увидел вас хоть раз до венчания — я бы женился только на вас. Я люблю вас, клянусь спасением души…

Ежи сделал шаг вперед и упал на одно колено.

— Бася… я не знаю, что у нас впереди, но коли отстоим мы крепость — вы уедете со мной? На Русь, во Францию, куда угодно? Поменяем имена… мы еще сможем быть счастливы…

— Ежи…

И не нужно было другого ответа. Только сияющие ярче звезд голубые глаза.

Будь проклята война?

Да.

И в то же время, ежели б война не стерла границы между двумя людьми, не показала, что важно, а что наносное — разве признались бы они друг другу?

Да никогда…

Не было между влюбленными ничего, кроме поцелуя, но и тот стоил побольше многих ночей, проведенных с ненужными и постылыми женщинами.

А потом они просто сидели рядом, держались за руки — и не могли наглядеться друг на друга, не могли друг другом надышаться…

Только когда рассвело и ушла Бася, Ежи смог размышлять и о делах насущных.

Турки?

Да плевать на них. Главное, что Бася любит его, действительно любит, а он — ее, только крепость до последнего защищать надо. Теперь — до самого последнего, да и он, как представит судьбу своей Басеньки, коли турки в крепость ворвутся, завыть от горя готов. Лучше уж самому себе пулю в лоб.

Или мину заложить и подорвать так чтобы побольше врагов с собой захватить.

Кстати — надобно бы…

А еще хорошо бы починить плотину, дабы ров был заполнен водой. Стены укрепить — ни хоть и толстые, да внутри-то не камни — земля насыпана…

Оружие, опять же, хоть какие тренировки.

Да, и мать пригласить. Пусть поживет в его доме, чтобы про Басю мерзкие сплетни не пошли. Кристина-то против была, а сейчас… уехала? Ну и черт с тобой!

Мрачные мысли одолели мужчину, и одолевали его до той поры, как нашел его вестовой.

— Пан комендант, голубиная почта…

— Откуда?

— Король пишет.

Володыевский задрожавшими пальцами развернул клочок пергамента. Всмотрелся в значки… выдохнул раз, еще перечел, помотал головой — и сунул оказавшемуся рядом Васильковскому.

— Брежу ли я?

Тот тоже пробежал глазами письмо.

— Ежи, мы спасены!

И было, было от чего утратить разум. Ибо содержало письмо всего несколько строчек. Но в этот миг Ежи не променял бы и ни на что другое.

Направляю подмогу. 10000 войска. Держитесь.

Так что домой Володыевский влетел, чуть ли не сияя. Обнял мать, покружил по комнате, отпустил, подхватил на руки Басеньку — та недоуменно смеялась, глядя на счастливое лицо любимого.

— Что случилось, родной мой?

— Басенька, спасены! Спасены!!!

Стоит ли говорить, что в городе о том так и не узнали. Ну, получил письмо, так что ж с того? Что Володыевский, что Васильковский решили молчать. Шпионов турецких покамест еще никто не отменял, их армия идет медленно, да верно, но ведь и ускориться может. И окажутся они неподготовленными.

Зато сейчас… что надо?

Продовольствие, фураж, боеприпасы, подновить по возможности укрепления… справится?

Спрашиваете!

Когда есть надежда — есть и вера, и силы, и воля… Ежи буквально летал по бастионам, заражая своей уверенностью людей.

Починить плотину?

Согнать туда всех! Вообще всех! Включая женщин и детей, а то как же! Реквизировать по городу все телеги, кареты подводы, провести строгий учет продовольствия, выслать фуражиров по деревням… дел было невпроворот. Мужчина метался от одной заботы к другой, почти физически ощущая, как тают, уходят драгоценные мгновения, а сделано так мало, мало, мало…

Дни улетали так стремительно, что Ежи не отличал одного

дня от другого.

И все же — все должно быть готово к подходу подкрепления. Чтобы потом замкнуть ворота — и не дать туркам ничего узнать о защитниках города. Где бы еще соколов достать…

* * *

Ян Собесский смотрел на Каменец — Подольский в дорогую подзорную трубу.

Что же мы видим?

А видим мы два замка — один рядом с другим. Видим мы глубокий ров, который в любой миг может быть заполнен водой — не бог весть какое препятствие, но все ж таки…

Новый замок — вообще черт знает что такое, почти никаких укреплений. Куртина, пара полубастионов — и только-то. Старый укреплен получше, да ведь стоит один из замков захватить — и оба полягут. Защищать их чертовски неудобно…

У Старого замка минимум пять уязвимых мест. Раньше он был неприступен, а сейчас — поставь батареи и лупи, покуда стены не обрушатся.

Одним словом — стоит в одном месте ворваться туркам, как начнется резня.

Но ведь и не в поле их встречать?

Ян Собесский нахмурился.

А ему надо выиграть именно эту схватку и эту войну. Здесь и на этих стенах.

Королева, мерзавка, выхода ему не оставила. Теперь дворянство его в жизни не поддержит…

Не то, чтобы Собесский сомневался в русских, сейчас им просто невыгодно рвать Речь Посполитую. Но так он бы сразу выставил их негодяями. А сейчас, благодаря русской гадине, все смотрят на него, как на труса — и смыть такую славу можно только кровью. Ничего, он справится, обязательно справится.

Собесский нахмурился, тронул коня и медленно стал спускаться к городу.

* * *

Пан Володыевский был весьма и весьма нервен последнее время. Разведка доносила, что турки все ближе и ближе. Уже даже не в месяце — в паре недель пути. И что их — много! Тьма! Тысяч пятьдесят одних турок, кабы не семьдесят. А еще с ними идут

татары под предводительством Селим — Гирея в количестве чуть ли не сорока тысяч — и казаки под предводительством подлеца Дорошенко, чтоб ему на том свете черти вилами зад отчесали! Предатель веры христианской, ради гетманской булавы будет Мехмеду пятки лизать… мр — разь!

Поэтому когда с холмов запели рога, Володыевский себе сначала не поверил. Но знамена, стяги, хоругви… Свои!

Пришли-таки!

Родные вы мои!!!

У мужчины на полном серьезе сдавило горло спазмом — и он быстро хлебнул вина из кувшина, стоящего в кабинете. Подождал пару секунд, пока отпустит — и начал отдавать распоряжения.

Закрывать все ворота.

Никого не выпускать.

Разослать по округе патрули, чтобы ни одна тварь не проскочила, пока враг не должен знать о пополнении его гарнизона. Пусть это будет сюрпризом!

Собесского он принял со всем возможным почетом, попытался уступить ему покои коменданта, но Ян отмахнулся.

— Ежи, не надо. Не до того, да и родные у вас тут…

Володыевский кивнул.

— Мы уж и не верили.

— Ты мне расскажи, что сделано.

Володыевский принялся перечислять — и лицо Собесского чуть просветлело. Что мог — мужчина сделал, остальное надобно будет сделать ему. И — стоять насмерть. Нечего этим тварям Каменец отдавать, потом не отобьешь! Ведь сколько раз говорено было, что город плохо защищен!

Ур — роды!

С — сейм чер — ртов!

— У нас с собой пушки, их надо будет поместить на стены…

* * *

А в это же самое время Михайло Корибут наконец увидел в лицо своего деверя, Алексея Алексеевича Романова.

Встречи по всей форме, правда, организовать не удалось, хватило и того что король навстречу войску выехал.

— Ваше высочество…

— Ваше величество…

Двое мужчин мерили друг друга взглядами, как два кота, встретившихся в одной подворотне. Михайло вынужден был признать, что шурин у него хорош. Не внешне, хотя и это — тоже.

Но уверенная посадка в седле, то, как он выдерживает тяжесть кольчуги, движение, которым он поправлял оружие, спокойный синий взгляд…

Не паркетный мальчик, не придворный бездельник. Да и мозоли на руках не от безделья набиты, это видно.

Конь, опять же, злой, горячий, сразу видно, а стоит не двинется, хотя в сторону его коня косится лиловым глазом, так бы и цапнул… но слушается. Вышколен на славу.

Алексей тоже мерил взглядом мужа сестры. Ничего себе так зять. По лицу видно, что не дурак. Самодоволен, конечно, но неглуп. Опять же, с конем управляется неплохо, да и вольницу свою держит…

Но Алексей здесь гость, ему первым и говорить.

— Ваше величество, со мной войско, которое я привел вам на помощь. Располагайте нами по своему усмотрению.

Михайло едва заметно выдохнул. В темных глазах засветилось такое облегчение, что Алексей призадумался. А ведь мужчине нелегко пришлось — сдерживать всю эту шляхту…

— Дорогой шурин, позвольте пригласить вас во дворец…

— Ваше величество, дорогой зять, я буду рад увидеться с сестрой, но завтра же нам надо выступить в поход против безбожных мусульманских язычников.

— Ваше войско не нуждается в отдыхе?

Алексей покачал головой.

Грамотно организованное движение — это нечто. А хороший обоз — так и вообще. Особенно централизованное питание, которое наладил в своем полку Патрик Гордон. Великая вещь — походные кухни, которые едут вперед и на месте привала кормят все войско. В порядке строгой очередности. Кто есть, кто разбивает стоянку… одним словом — это позволяло сильно экономить время. Жаль только, что пока их было штуки четыре на все войско, но ведь новинки опробовать надобно. Теперь-то ученые, больше наделаем! Сначала возникали трения, стрельцы чего-то требовали, ругались, но Алексей, не долго думая, попросту повесил нескольких зачинщиков на ближайших деревьях — и внятно объявил, что кто хочет — пусть проваливает ко всем чертям хоть на Дон, хоть в Сибирь, держать не будут. Не до трусов и предателей сейчас, враг на всю землю наступает… А остальные будут слушаться и командиров — и его.

И сами увидят, что так будет лучше.

Возможно, в войске и вспыхнул бы бунт, но одно дело под стенами Кремля кричать да толпу подбивать, а другое — когда пара полков в клещи берет и глаза у людей ну оч — чень нехорошие. Так что повиновались, хотя кое-кто и утек. Но

Алексей распорядился их не преследовать. А остальные, кто шел, сначала ворчали, а потом оценили новшество — и смирились. Хотя и шипели для приличия, но кто б на то внимание обращал?

— Нет. Мы выступим уже завтра на рассвете.

— Что ж. поедем. Мария вас уже несколько дней как ждет…

— Мария… а, Марфуша? Как она?

— Переживает очень.

— Ничего. — Случайно или нет, следующая фраза была произнесена четко и громко. — Русские своих в беде не бросают!

— Вот и она так говорит, — усмехнулся Михайло.

Ответом ему была широкая улыбка юноши.

* * *

Софья без стука открыла дверь к тетке Ирине.

— Тетя, поговорить надобно.

В тереме царевнином было шумно и весело. Кривлялись две дурочки, коих царевна держала для развлечения, щебетали о чем-то сенные девушки, в уголке важно несколько бабок восседало.

Царевна Ирина на племянницу взглянула внимательно. Они с того раза, почитай, и не разговаривали, ежели встречались, каждая в сторону смотрела.

Ну разве что здоровья друг другу желали.

Не любила Ирина Сонечку, был грех. Не любила. Чуяла соперницу, которая займет то положение, коего Ирине за всю жизнь добиться не удалось. Не стала она для брата опорой, вовсе нет. И защитой, и поддержкой. Так, подушка, в которую плакать приходят.

У Соньки с Алексеем не так, ой не так.

Царевич на сестру иногда смотрит, как на мать, а та на него постоянно — таким взглядом, что рука к кресту тянется. И не с испуга, не со зла, нет в ее глазах ничего такого. Но…

Не в ее годы бы смотреть так на парня на несколько лет старше. Снизу вверх, с уважением — это да. Но Сонька же глядит так, как на дите неразумное, но любимое. Вот и на тетку сейчас смотрит с насмешкой, словно на малолетку какую…

И пришла ведь, и никто не шепнул… побоялись. Знают, шавки, кто хозяйка.

Ирина скрипнула зубами, но сделала жест рукой.

— Оставьте нас все!

Сонька и ухом не дернула, глядя, как выбегают за дверь все приживалки. Ждала,

пока дверь не закроется, потом еще пару минут стояла, дверь

приоткрыла, проверила… Ирине вдали топот ног послышался. Подслушивать хотели, мерзавки.

А Сонька плотно прикрыла дверь — и направилась прямо к тетке. Встала напротив, усмехнулась.

— Тетка Арина, не надоело тебе в тереме гнить?

Ирина посмотрела на девочку.

Возможностей много было. И возмутиться, и окоротить — не решилась. Она все-таки неглупа была, понимала, что Софья развернется да уйдет. А вот чего Ирина лишится?

— Надоело, Соня. А ты что иное предложить можешь?

Софья усмехнулась.

— Мы перед походом с Алешей поговорили. Арина… я тебя так называть буду?

— Называй.

— Наши войска на Крым идут. Представляешь, сколько там народу?

— Много.

— И все они домой вернутся. Ну, мужики — те себе работу найдут, устроятся.

— На большой дороге?

— Это ты, тетушка, о нас плоховато думаешь. И работа найдется, и как их туда доставить, и чем заплатить. Но то ж мужчины. А женщины?

Ирина прижала ладонь к губам.

— Господи…

— Вижу, понимаешь. Их отсюда в рабство угнали, а куда они вернутся? Хорошо, коли к отцу — матери, а если не примут их? Или деревни той нет уже? Или еще что? Коли дети у них?

— И что ты предложить хочешь, Соня?

— Это ведь не все еще. Есть план — забрать у татар детей младше двух лет, да у нас православными и вырастить. Окрестить, воспитать, в школе выучить…

— Турки такое делают…

— С православными. И называют тех детей янычарами. А мы вот в обратную развернем. Казна выдержит.

— Брат согласен ли?

— Обижаешь, Ирина. Алешка с отцом все обговорил еще до похода. Батюшка хоть зубами и скрипел, но согласился, что надобно.

— Ну… а я тут при чем?

— А кто этим заниматься должен?

У Ирина глаза стали по пятаку.

— Ч…т…о?!

— А вот то. Ты — царская сестра. Анна сейчас всю школу под

своим крылом держит, Татьяна тоже занята, ты одна остаешься. Не Любаву ж тревожить? У нее чадо малолетнее, да и отец не восхочет. А вот ты — самое то, что надобно. Сил и энергии у тебя хватает, у отца ты получишь, что захочешь, да и тебе самой… разве не интереснее будет, чем в тереме платья-то отсиживать?

— Куда как интереснее. Но…

— Еще и но?

— Разве ж я справлюсь?

— Конечно.

Софья спокойно извлекла из кармана пачку бумажных листов.

— Вот посмотри. Проект приюта святой Ирины.

— Кого?!

— Святой Ирины. А что тебя не устраивает, тетушка?

Вот теперь Софья явно ехидничала — и царевна не упустила свой шанс.

— А чего ж не святой Софии?

И вдруг увидела на лице девочки искреннюю и светлую улыбку.

— Мне Алешка пообещал, когда захватим Константинополь — он в мою честь обратно Святую Софию наименует. А на мелочи я не размениваюсь.

Что могла сказать на это царевна?

— Ну и нахалка ж ты, племянница!

— На том стоим и движемся. Ты не отвлекайся, сюда смотри. Здания построим, это недорого. Все остальное тоже будет, пусть батюшка с боярами поговорит. Ты прикинь, что надобно будет, а уж потом сядем вместе, составим список, с кого что трясти. С кого шерсть, с кого рыбу…

— Дадут?

— Не дадут — стрясем шкуру.

Судя по лицу Софьи и многозначительной ухмылочке — стрясет. Причем три шкуры, а четвертую еще и отрастить побыстрее потребует.

— И подумай, кто тебе надобен из учителей.

— Из кого?

— Тетка Ирина, ну рассуди сама. Женщины. Кто и с детьми. То есть надобно отдельные помещения для детей, их чему-то учить, хоть бы и грамоте, чтобы не носились целый день, надобно самих женщин обучать — они ж отвыкли от нашего уклада, надобно их пристраивать, хоть бы и служанками, а лучше — замуж выдавать.

— За кого, Соня?!

Я царевны голова шла кругом, но племянница и не думала

теряться.

— Как — за кого? Пленные обратно пойдут — это раз. Воины, опять же… за кого отдать — найдется. Но я с этим не справлюсь, и без того много тяну.

— Интересно, что такого ты тянешь?

— Ирина, тебе ведь это не интересно. Так что давай — садись и начинай работать. С планом ко мне, от меня — к отцу, а там и работать. Здание уже строится.

— Где?

— Рядом с Белопесоцким монастырем.

— Это ж далеко!

— Да вовсе нет. И тебе туда не пешком идти, довезут. Зато монастырь рядом, деревни, опять же, с продуктами полегче, а с рабочей силой подешевле. Да и удобно там, Ока рядом, по реке-то многое доставить можно. Опять же, монастырь невелик, сильно мешать не будут, а то в больших сколько времени на интриги потратишь!..

— Из Кремля уехать…

— Так и я здесь не сижу. Зато сама себя хозяйка. Кто тебе возразить посмеет?

Ирина задумалась.

— Время на размышления у меня есть?

— Дней десять. Потом предложу тетке Татьяне. Хоть и не хочется ее отпускать, но она-то порядок наведет.

Зная сестру?

Ирина в этом и не сомневалась. Еще как наведет.

— я подумаю…

Ирина и не замечала, как придвигает к себе поближе драгоценные листки.

Уходя, Софья усмехалась. Клюнула?

Еще как, наживка аж из попы торчит! А пусть!

Ей не разорваться, а у тетки Ирины и сил и времени навалом. Справится, никуда не денется.

Да и о людях позаботиться надобно.

А еще…

Цинично звучит?

Тем не менее, власть крепка тогда, когда народ ее любит. И ежели прибавится еще пара тысяч, а то и десятков тысяч человек, на которые она будет опираться — тем лучше.

Софья помнила Медный бунт. А еще понимала, что для осуществления ее планов людям придется потуже затянуть пояса и крепиться. И мало ли какие найдутся смутьяны?

Ей же хотелось, чтобы рядом с каждым смутьяном в какой-то момент появился человек, который рявкнет: 'Ах ты… Да я

царевичу жизнью обязан! А ты!!!' или 'Да моя жена в приюте у самой царевны воспитывалась! А ты!!!' И — в зубы. И никак иначе.

Справится ли она?

Но если не делать, то чего и спрашивать?

* * *

Марфа бросилась брату на шею, позабыв про все церемониалы. Расцеловала, всхлипнула…

— Алешенька! Я знала, знала, что ты придешь!

— Конечно, а как же иначе?

— А тут некоторые говорили, что русские нам в спину ударят! Представляешь, какова наглость?

Алексей вскинул брови, взглянул на зятя.

— Вот как?

Михайло усмехнулся.

— Несколько лет войны так легко не избыть.

— И то верно… Михайло, отдай мне тех говорунов? Пойдут с войском, сами поверят, чтоб мы до турок дошли?

— Договорились. К вечеру будут готовы, завтра с тобой выступят. А покамест — прошу ко мне, переговорим без лишних глаз.

Марфа к лишним глазам не причислялась. И она восторженно ахнула, когда Алексей достал из кармана небольшой мешочек — и на стол покатились крупные изумруды. Пусть пока и не обработанные.

— Бог мой!

Алексей протянул мешочек зятю. Михайло непонимающе взял, взвесил на руке, оценил камни…

— Это на оружие и припасы. Денег в казне нет, но эти игрушки всеми ценятся, под них можно получить большую сумму…

Михайло кивнул.

— Да, ростовщики охотно их примут…

— Вот и отлично. Мне нужна еще провизия, лошадей надо бы заменить кое — каких… ну а остальное — направляй за нами.

Михайло кивнул. Тиски, сдавливающие сердце, чуть приразжались. Есть люди, есть деньги, на эти изумруды можно еще полк снарядить, даже два…

— Передай царю мою благодарность…

— Я-то передам. Но он тоже просил передать, что лучшей благодарности, чем счастье дочери — для него на свете нету.

Марфа усмехнулась, так, чтобы мужчины не видели. На лбу у Михайлы было написано крупными буквами: 'какое счастье, что я на ней женился!'.

От пира в честь царевича, Алексей Алексеевич отказался, самых непонятливых шляхтичей пригласил с собой на войну, заявив, что плевал на всех оскорбленных разом. Дуэль? Дуэли — это пошлость, вы лучше за родную землю кровь проливайте, а не друг в друга острыми железками тыкайте. Тоже мне — честь нашли! Делом лучше займитесь! И вообще — в военное время ваши поступки к государственной измене приравнять можно! и так войска толком нет, так вы еще и число верных людей уменьшаете! Да вы, батенька, турецкий шпион и провокатор?

Вышло достаточно убедительно, тем более, что казаки в охране весьма недовольно поглядывали по сторонам и поигрывали кнутами.

А на следующее утро войско тронулось в поход к Каменцу.

Турки?

Татары?

Враг известный и привычный. Даст Бог — одолеем супостата.

* * *

Ровно через три дня царевна Ирина дала Софье свое согласие. И тут же получила по полной программе.

Двух девушек — секретарш для самых важных дел.

Деньги.

Несколько строительных бригад — бери и отправляйся на место. Стройматериалы подвезут, но только то, чего рядом не найти. И смотри, контролируй… девушки?

А ты прислушивайся, они плохого не посоветуют. Не сможешь справиться?

Пиши. Приеду, помогу.

Да нет, тетя, я не самоуверенна, просто хорошо знаю, что такое строительство. Помни, что ты царевна и не давай себя унижать.

С тобой еще казаков отправим, для безопасности… да и в монастыре тебе подмога будет. Там сейчас есть такая мать Манефа, вот с ней переговори, она кого хочешь построит.

И чтобы я не слышала про неподобающее поведение. Не подобает? Так сиди в тереме, пока не полиняешь!

Нет?

Тогда действуй. Ты царевна, тебе и карты в руки. Для всех ты на богомолье в монастыре. Почему этот монастырь? Да потому,

что Ока рядом. Людям удобно будет на кораблях, на плотах прямо до места добираться. Не пешком же через всю Русь топать?

То-то же…

Действуй, тетя.

С тем Ирина и укатила в Белопесоцкий монастырь, попрощавшись с братом. Хотя Алексей Михайлович вроде как и не против был… Ну да, новшество. Но ему-то все преподнесли своеобразно, сказав, что царевна просто помолиться поедет, ну и икону с нее напишут, или еще что…

Про руководство проектом Софья промолчала, а царь и не спросил. А чего ему? У него жена, ребенок, опять же, бояре что-то вякают, царевич старший в поход отправился… о другом голова болит. Так что Ирина фактически получила карт — бланш на свои действия, хоть такого слова и не знала.

Да и не хотелось царю вникать глубоко, был грех. А зачем? Вникать — это потом что-то делать надобно, как-то реагировать. А позиция «трех обезьянок» — она иногда выгоднее. Да, супротив обычая. Но ежели на пользу делу, то, может, и стоит в сторону-то поглядеть? Уж сколько бед царю те обычаи доставляли — и сказать нельзя. Бояр от кормушки оттерли? Тоже неплохо, перетопчутся. Хоть где-то воровать не будут. Сестра к делу приставлена? так это и вовсе радость, что Аринушка не горюет больше в тереме. Одним словом — со всех сторон хорошо, а стало быть — всех шептунов и наушников — гнать! Можно — палкой.

Приют для детей начинал строиться.

* * *

Ян Собесский тем временем занимался укреплениями. Каменец состоял из Старого и Нового города плюс несколько укреплений. И взять Старый город было сложнее. Вот Новый…

Раньше — нет, раньше с ним бы не справились, но пушки и бомбы сильно подорвали доверие к надежности крепостей.

Что ж, оставалось собрать ополченцев, расставить на стены своих людей, кого куда — и кое-что провести в Новом городе. Сделать сюрприз людям.

Старый-то на каменном основании, да рвом окружен… ров, конечно, можно осушить но Новый город взять проще, и из него ударить уже по старому. Он бы так и сделал — и не стоит считать турок глупее себя.

А вот готовиться — стоит.

И Ян гонял всех в хвост и гриву, понимая, что не успевает многого, но тем не менее, это надо, надо, обязательно надо

сделать.

И сделал.

А потом смотрел со стены на то, как маршируют турецкие полки.

Пятнадцатого августа армия Османов подошла к городу.

Впрочем, одним укреплением стен Ян Собесский не ограничился.

Под командованием его были и легкие войска, кавалерия, которой было под силу многое. И в городе от них было мало прока. Собесский недолго думая, отпустил кавалерию с наказом — не давать спуска врагу. Тревожить и тревожить его, неустанно и неусыпно, дабы турки и в кусты меньше, чем по десятку не ходили…

Чай, ляхам на своей земле все углы ведомы, а вот татары здесь чужие. Так пусть летят стрелы, свистят пули, а откуда… прилетела, ударила — и Бог весть.

Почти тысячу кавалеристов разбили на десять соединений, назначили их командирами самых осторожных и повелели идти — и тревожить турецкое войско, день за днем, час за часом, чтобы не ведали они покоя на чужой земле, но в драку не вступать.

Отходить, рассыпаться, прятаться — и опять подходить — и уничтожить захватчиков, как бешеных собак.

Даже когда встанут они под стенами Каменца, не давать им спуска. В единый отряд не соединяться, потому как тысяче человек двигаться сложнее, а подстеречь и найти их легче. А вот ежели падет Новый город — тогда идти вперед.

И уговорились о сигналах флагами и цветными огнями, кои будут подавать из города отрядам, да и друг другу.

Люди ушли.

Впрочем, не все ушли тревожить турок. Кое-кто остался, чтобы постоянно патрулировать окрестности. Две сотни всадников.

Не верили ни Собесский ни Володыевский в людскую честность — и знали, что коли прознают турки об их приготовлениях — многое насмарку пойдет. Людскими жизнями заплатить придется, а кровь не водица. А потому — смерть всем перебежчикам.

Был разработан план — и Собесский, с вдохновением отчаяния, принялся превращать Новый город в смертоносную ловушку. Он укреплял стены снаружи так, чтобы те выглядели грозно, но кое — где специально оставлял едва заметные опытному взгляду бреши. Пусть рвутся там, где ему будет удобнее.

А еще…

Коли враг прорвется в Новый город — надобно будет ему отрезать дорогу в Старый. Благо, есть и порох, и бомбы, сложить все в нужном месте, да и подорвать, когда надобно будет.

Четыре человека знали о том плане. Сам Собесский, Володыевский, да еще капитан Ян Букар и Владислав Вонсович. Любой из них четверых, кто уцелеет, в должный миг обязался поджечь заклад — и пусть погребет и их под обломками крепости, но и врагов они с собой на тот свет заберут.

Было все заложено таким образом, чтобы при взрыве камни перекрыли дорогу к мосту в Старый город и разбирать их пришлось долго, даже ежели просто взрывать.

Мужчины готовились к смерти. И единственное, что огорчало их — жены не собирались уходить, спасая свои жизни.

— Пусть лучше меня рядом с тобой положат, чем без тебя век доживать — просто высказалась Барбара. О ее любви к пану в городе только слепой и глухой не знал, но и осудить ни у кого язык не поворачивался. О том, что пани Кристина уехала, бросив мужа, да и родных, на произвол судьбы — тоже знали и осуждали негодяйку. А Бася…

Она жила с матерью Ежи Володыевского, ротмистр как мог берег ее репутацию и все знали, что между ними ничего не было — только любовь. А такому не завидуют. На такое стараются даже не смотреть, как на солнце — тут и ослепнуть можно.

К тому же и остальные женщины были согласны с ней. Они отлично знали, что могут потерять и мужей своих, и свободу, и честь, и самую жизнь, но готовы были на любой риск ради любимых.

Пусть смерть. Но вечность врозь — страшнее.

* * *

* * *

Воин Афанасьевич смотрел прищуренными глазами на стены Азова.

Уж сколько раз его брать пытались. Последний раз тридцать лет назад захватили его казаки, да не удержали, откатиться пришлось. А в этот раз государь отступать не намерен.

Не Алексей Михайлович, так Алексей Алексеевич. Не отдадут.

И то верно — сколько ж можно! Хватит татарве пить кровь православную!

— Смотришь?

Воин Алексеевич обернулся.

Григорий Григорьевич Ромодановский смотрел на него пристально, серьезно…

— Как крепость брать будем?

Как обычно брались крепости?

Обычно делался подкоп под стену, в него закладывалась мина, причем защитники всячески старались этому помешать, а уж здесь-то…

Казаки тут несколько лет просидели, не сдались, татары тоже могут. Эвон, со стен зубы скалят. Ну да есть и на них управа. Еще как есть…

Воин посмотрел на боярина Ромодановского.

— Нам надобно только под стену подобраться, а там уж взрыв такой будет…

— Подкоп сделать?

— Нет, боярин. Ни к чему это.

Григорий Ромодановский вскинул брови.

— Просто бочонок с порохом подкатить? Да здесь их и двух десятков не хватит, ты на стены посмотри!

Воин Афанасьевич замотал головой.

— Нет. После того, как наш порох рванет — тут телегами заезжать можно будет. Надобно ров закидать…

— Да и не только. Пушки нацелить, людей расставить…

Воин Афанасьевич кивнул.

— Я сейчас спрошу, как быстро все можно будет подготовить — и вернусь.

Григорий ждал, разглядывая стены Азова. Толстые. Основательные. Да еще и полоса укреплений перед ним.

Порохом тут не поможешь. Что он — ранее не воевал? Не знал боярин таких слов, как 'фугасность' и 'бризантность', их вообще во всем мире знала только Софья — и не делилась знаниями. Но динамит был во много раз сильнее пороха. Ежели что…

Только Ромодановский об этом не знал — и не верил. Не бывает такого, никак не бывает. Но чего уж спорить?

Воин вернулся достаточно быстро.

— Поговорил я, боярин. Вот, смотри. Есть тот участок стены между двумя башнями. Ежели ров закидать фашинами, пробежать по ним, да под стену подобраться — а там наш порох поджечь, туда можно будет на упряжке заезжать.

— Ой ли?

Сомневался Ромодановский не напрасно. Прочная каменная стена, да к тому же не одна, а две — с земляной насыпью между ними — под такую надо подкоп делать и мину закладывать. Но

опять ь же, копать глубоко придется, а турки далеко не идиоты, с таким уж давно справляться умеют. Не говоря уж о том, что двор Азова внутри повыше основания стен снаружи.

Так что в чудо — взрывчатку Ромодановский как-то не верил.

— Так что ты делать хочешь?

Ордин — Нащокин ухмыльнулся.

— Вот смотри. Сейчас приступ объявим, чтобы дорогу себе расчистить. Турки, конечно, нам так просто не уступят, да они нас тут и не ожидали. Не будут они головы класть непонятно за что, тем более, что осень скоро. Им время бы протянуть….

— И то верно. И?

— Сейчас ты сделаешь вид, что уехал. Я якобы штурм начну, потом мы откатимся, да главное, чтобы дорога к крепости свободна была. Опять же, стену обстреляем…

— Зачем?

— Чтобы потом в получившуюся выбоину нашу мину заложить.

Ромодановский только головой покачал.

— Долго стрелять будешь…

— Да нам много не надобно. Ночью, в волчий час все по — тихому потом сделаем.

Григорий только рукой махнул. А и ладно?

Получится что у Ордина — Нащокина? На двоих успех разделят.

Не получится?

Так он сам предложил Григорию сделать вид, что своевольство это, без его ведома учинено… на Воина гнев царский и падет. Что он теряет?

— На приступ?

— А чего время зря терять?

— ну тогда командуй. Я пойду, по окрестностям проедусь, к обозу, опять же…

— А я командую. Перед рассветом, этой же ночью разбудим всех тихо, построим — и рванем. А там уж и на решительный штурм.

— Так ты в этом уверен…

— Григорий, ты просто попробуй. Не получится — так мы ничего и не теряем. Получится — так радоваться надо.

Григорий кивнул. Честно говоря, в чудодейственный порох, который взрывается в несколько раз сильнее, он не особо верил. Но не ругаться ж сразу?

Пусть сначала Ордин — Нащокин свое чудо — средство попробует, а там можно будет и правильную осаду разворачивать. Вал насыпать, ров засыпать, подкопы вырыть…

Глупо, конечно, не успев под стены прийти, штурм затевать, но вдруг что и получится? Уж сегодня от них точно решительных действий не ждут. Вот потом куда как лучше приготовятся. А сегодня… вроде как пришли, получили по носу — и откатились. Безумие, конечно, но…

* * *

Паша Селим, комендант Азова смотрел со стены на русских! Смотрел свысока, только что не поплевывал. Давно дозоры о них донесли, ничего нового он не увидел.

Явились, не запылились!

Время, вот, неудачное выбрали! Был бы в Крыму сейчас хан — погнали бы они этих русских свиней нагайками на рынки рабские.

Так уж повелось, что для татар, да и для турок испокон веку соседи — русичи были просто источником бесплатной рабочей силы. Ну и светловолосых белокожих красавиц, за которых так дорого давали на турецких рынках. Но опасаться их?

Тем более за неприступными бастионами Азова?

К сожалению, хана сейчас нет, да и в крепости не так, чтобы много войска, около двух тысяч, да мирного народа пара тысяч человек. А потому прогнать русских собак не выйдет, но и у них ничего не получится. Одолеть Азов?

Глупость какая! Рано или поздно они уберутся восвояси, тем более, что в гавани стоит несколько десятков кораблей, а эти даже без судов…. да на что они рассчитывают?

Здесь полтысячи храбрых татарских воинов, полторы тысячи янычар, не меньше пяти сотен татарских конников бродят в окрестностях… да на что они рассчитывают?

Как только начнется осада — конница будет трепать их со всех сторон, да и Азов так быстро не сдастся. А там и подкрепление подойдет…

Глупцы, как есть глупцы!

Не говоря уж о том, что до зимы Азов не взять, а какая осада зимой? Уйдут они отсюда через пару месяцев, как есть уйдут!

А что это они делают?

Селим смотрел — и не мог понять, что происходит.

Русские споро расставляли пушки, разбивали лагерь… они надеются разрушить стену стрельбой? При том, что стена чуть ли не в человеческий рост толщиной, даже и поболее, и ров под ней выкопан, и вал насыпан…

Смешно!

Русские все-таки глупы! Самое лучшее, что у них есть — это их женщины. Вот и сейчас глаза паши затуманились, он вспомнил русскую красавицу Лейлу, которая сейчас была его любимой наложницей… определенно, сегодня он пораньше отправится к ней, жаль, что нельзя прямо сейчас…

— Что они собираются делать?

Чорбаджи янычар смотрел вниз со стены. Селим пожал плечами.

— Русские глупы, Арслан — бей. Сейчас они обстреляют стену — и поймут, что она неприступна.

— Посмотрим. Не нравится мне их уверенность. А это что?

Селим вгляделся внимательнее.

М — да, было чему удивляться.

Рядом с боярами стояли трое юношей лет пятнадцати. В простых серых кафтанах, с вышитым золотистыми нитками знаком лошади на груди, стояли, смотрели на крепость так, словно оценивали ее, переговаривались между собой и с боярами, как с равными. И бояре, вместо того, чтобы плетями отходить негодяев, слушают их, кивают, отдают приказы… далековато, не услышать, о чем речь идет.

Ничего не понятно.

Потом стало еще непонятнее. Один из бояр развернулся и уехал, второй отдал приказ — штурмовать, а мальчишки остались стоять, где и стояли. Впрочем, Селим уже на них внимания не обращал — не до того.

Русские шли к стенам.

Честно говоря, основной целью их сейчас был не Азов, нет.

Но надо было набросать в ров всякой дряни, чтоб ночью пройти беспрепятственно — это первое. Опять же, вал. Не ночью ж его штурмовать, чтобы с шумом да грохотом. Да и под стену надобно дойти, посмотреть, обстрелять…

Били барабаны, стреляли пушки, люди шли к стенам…

На две башни, кои турки построили на берегу Дона, так называемые каланчи, и на форт Лютик внимания пока никто не обращал. Рано.

Ежели Азов падет — эти сами сдадутся.

* * *

Штурм начался с обстрела. Батареи упорно лупили по стене, вызывая у турок в лучшем случае злорадный хохот. Чтобы ядра попали во внутренний двор крепости, требовалось поднять пушки, а когда это сделать, коли едва подошли?

Ни насыпь не насыпали, ни пристрелялись толком, одно слово — русские!

Все у них бестолково, все тяп — ляп…

Селиму даже и утруждаться не пришлось — так, сбросили на этих свиней пару бревен со стены да несколько камней — они и отхлынули. Потом правда, опять придвинулись, ну да камней в крепости хватает…

И не обратил внимания паша на то, что пушки выбили из стены несколько камней — несколько пушек лупили точно в одно место, а остальные — по всей стене для отвлечения внимания.

Не обратил он внимания и на то, что ров в нескольких местах был заложен фашинами, а в одном месте еще и землей как следует засыпан и по насыпи протоптана удобная дорожка. Это все как раз ерунда.

Не в десятке ж мест…

Да и когда русские от стен откатились, под вечер, толком было ничего не углядеть. Потери, конечно, у них были, но небольшие — пара сотен, что ли?

У турок и того не было.

И уж конечно паша отродясь бы не вспомнил про непонятных мальчишек. Поехал домой, да спать лег — завтра предстоял тяжелый день. Явно эти христианские собаки не успокоятся. Даже наложницу к себе не позвал — не до глупой девки. Отдохнуть бы…

А тем временем на землю опустилась ночь, и пришел самый темный час волка.

Час перед рассветом.

* * *

Петька смотрел на друзей чуть насмешливо.

Идти под стену предстояло именно ему, он вытащил короткую соломинку. Федька и Сенька оставались в безопасности, а вот он — пойдет. И с ним небольшие просмоленные бочонки общим числом шесть штук.

Одного боялся их динамит — воды и сырости, а потому требовалось его неусыпно охранять и беречь. От дождя, росы, влаги…

Вот мальчишки и трудились всю дорогу. И сейчас, проверив взрывчатку, Петька был уверен — рванет так, что у чертей потолок обвалится. Сегодня, перед рассветом…

Оставалось осторожно подхватить детонатор, сделанный в той же царевичевой школе, заправить его внутрь бочонка, а там…

один рванет — второй подхватит. Тут главное — правильно заложить и самому удрать успеть…

Воин Афанасьевич смотрел на мальчишек….

— Петь, может, лучше ты кому объяснишь?

— Никак нельзя, дядька Воин, — уже в третий раз ответил мальчишка. — Ежели кто что не так сделает, нам потом на вторую попытку пороха точно не хватит, а долго здесь сидеть мы себе позволить никак не можем…

Не могли, то и верно.

— Царевич мне голову за вас снимет…

Петька чуть потупился.

— Дядька Воин, он ведь все поймет. Государь знает…

— Мальчишки, — проворчал в очередной раз мужчина. И подумал, что коли б не Алексей Алексеевич — не было б его здесь. Кто б ему еще поверил? А он доверился. И вот теперь царевич верит этим мальчишкам. А его дело — помочь. И в свою очередь поверить в их дело…

— Бред это — буркнул Григорий Григорьевич, появляясь из темноты. И все же, хоть бред, хоть не бред, а пушки были нацелены, пушкари готовы, люди построены…

— Ну, коли ничего не получится, продолжим, как и планировали. Чего уж страшного? А вдруг выйдет?

— А вдруг не выйдет….

Воин пожал плечами.

— Уж коли царевич им верит?

— Ладно….

Григорий Ромодановский, честно говоря, во всю эту затею с каким-то новым порохом не верил ни разу. Ну о чем тут речь? Не бывает такого, чтобы порох стену снес! Да еще такую!

Не бывает!

А, ладно! Что они теряют, ежели раз попробуют?

— Кто пойдёт?

— Вот.

Петька смотрел чуть смущенно. За его спиной стояли еще два десятка человек. Все, как на подбор — здоровые, сильные, ловкие, мальчишка на их фоне просто терялся.

— Мальца-то зачем?

— Ты не волнуйся за него, Григорий. Он-то как раз главным и будет.

Ромодановский зло фыркнул и ушел в темноту.

Воин Афанасьевич вздохнул, а потом крепко обнял мальчишку за плечи, перекрестил…

— Ну, с Богом, конек троянский.

Турки даже ничего и не услышали толком.

С одной стороны, после дневного штурма, они подвоха и не ожидали. С другой же…

Люди были одеты в темное, старались не шуметь, а дорожка была заранее примечена. Пробежаться по ней — милое дело, даже с грузом на плечах. Ну так и груз не то, чтобы сильно тяжелый.

Все они знали, куда идут, зачем идут, отлично понимали, что могут не вернуться… знать, такова судьба солдатская.

У Петьки сердце колотилось где-то глубоко в горле и он часто сглатывал.

Только бы получилось! Только бы…

Не думал мальчишка, что может стать героем — или лечь этой ночью под стенами Азова, ни секунды не думал. Другие были у него мысли.

И о царевиче, который в них верит.

И о чудодейственном снадобье, кое испытывали они на полигоне и хорошо знали его силу.

И о православных людях, которые полягут под этими стенами, коли он свой долг выполнить не сумеет. Сейчас он почти ненавидел эту крепость!

Запал Петька никому не доверил. У сердца держал, запалов у них три штуки и было-то, случись что — новых взять неоткуда…

По фашинам ему тоже пробежать не доверили, дядька Василий подхватил мальчишку на руки и перенес через ров. Взбежать на вал тоже несложно было — груз не тяжел, а турки их даже не услышали. Не ждали они подвоха. Ну не подрывают так стены! Не подрывают!

Наглость мальчишек была просто потрясающей.

Стены двойные?

Отлично! Значит, из наружной надобно хоть пару камней у основания выбить, это пушкари сделать могут. У самой земли, у основания.

Несложно?

А чего сложного, коли десятком пушек в одно место бить? Поневоле несколько камней да выбьешь! Так оно и вышло — четыре камня выбили, земля высыпалась, хоть и немного, ну да четыре человека с лопатами быстро нишу расширили. Немного, да много и не надо, только чтобы бочоночки поместились. Конечно, завтра турки эту стену с другой стоны укреплять примутся, да только поздно уже. В темноте к тем пушкам другие перетащили, направили на нужный участок, как только взрыв грянет — пушки по тому же участку садить начнут…

Коли правильно все сделано будет — насыпь образуется, а уж по ней в Азов попасть — можно.

Людей жалко, тем на сон да еду не больше пяти часов

отвелось… с другой стороны, они перед этим переходом специально отоспались, отдохнули, остановились в нескольких часах пути от Азова, чтобы люди в себя пришли, а уж потом и…

Так что сейчас шансы были.

Бочонки старательно укладывали в основание стены. Не так уж глуп был царевич — когда на полигоне динамит испытывали — попросил построить пусть не копию стены, но вот именно так — камни, земля, камни… на ней и испытали.

Затем и камней со стены ждали — заложить снаружи, пусть вся сила внутрь пойдет…

А что?

Не самим же тащить? А тут как хорошо, все уже валяется, камни хоть и не настолько крупные, как хотелось бы, но пара человек поднимет…

Петька руководил в основном, жестами. Понимали ли его?

Вполне. Он с Воином Афанасьевичем пару раз по дороге переговорил — и солдаты потренировались несколько раз на привале. Именно эти. На бочонках с водой для пущей достоверности.

Не ронять, уложить, как надобно, пока одни укладывают, остальные подтаскивают примеченные днем камни — и закладывают мину.

Лопаты были опять схвачены — и камни принялись присыпать землей, чутко прислушиваясь к шумам на стене.

Но там было относительно тихо. Кто-то ходил дозором, но Петька следил строго и когда факельные огни направлялись к их участку стены, давал команду прижаться к земле и замереть.

Выручали темные одежды, в которых люди словно сливались с землей — и предрассветный час, в который внимание рассеяно. К тому же… ну кому придет в голову, что ночью, сразу же после неудавшегося штурма — и кто-то решит подрывать стену?

Чушь полнейшая, как говорил царевич.

Но пусть только сработает?

У верхнего бочонка оставили место для запала. Но это — в последнюю очередь.

Запал был самым простым. Красный фосфор*, бертолетова соль, хоть она так и не называлась, она пока еще никак не называлась и получалась пока в минимальных дозах, серная кислота — и пара минут. После чего следовал взрыв — и пошла цепная реакция.

**** Красный фосфор открыт в 1669 году, а учитывая, что в ту пору переписка была делом обычным, о нем могли знать и на Руси. Есть мнение, что Глауберу удавалось получить свободный хлор, соляную кислоту он точно исследовал, а***

щелочь вообще редкостью не была. Так что компоненты были, а уж сделать из них нечто взрывоопасное… дело техники. Прим. авт.

Петька твердо знал — надо отсчитать до ста двадцати и падать. Открыть рот, заткнуть уши, закрыть голову чем-нибудь. Лучше, конечно, окопаться, потому как потом взрыв будет такой, что…

Солдаты, которые несли бочонки, уложили их, заложили камнями и уже дали деру из-под Азова. Темная масса нависала над мальчишкой, словно стараясь подавить его, насмехаясь, утверждая его ничтожество.

Петька, недолго думая, показал ей похабный жест и принялся устанавливать взрыватель… стоишь?

Так ляжешь, гада!

И не такие крепости видали, а и те брали!

Наверху, на стене, было тихо. И то сказать — никто ведь и не шумел. Двадцать человек — не пятьсот, даже не пятьдесят. Промчались — и нет их в ночи. Хрупнуло под сильными пальцами тонкое стекло, выступила капелька крови — оцарапался-таки, через край рубахи ломать надо было… Петька на пару секунд замешкался, слизнул с пальца выступившую капельку и только тогда рванул прочь.

Вслед за ним затопал дядька Василий.

Кажется, на стене что-то заметили, но это уже не имело никакого значения.

Десять — кислота потекла, скоро она достигнет смеси и пойдет реакция. Через сто десять секунд, а то и раньше тут начнется ад.

Двадцать секунд — Петька мухой слетает с вала.

Сорок секунд — на стене забегали, что-то делают. Заметили?

Вряд ли они что-то поймут, просто решили проверить. Нашумел кто-то…

Шестьдесят секунд — Петька мчится по фашинам, что есть сил. Ноги вязнут, он оскальзывается, его подхватывает крепкая рука дядьки Василия — и почти выносит из вороха прутьев.

Восемьдесят секунд — ров прошли.

Сто секунд — они близко, еще так близко к стене, но…

Петька отлично помнит, что ему говорили.

Десять — двадцать секунд туда — сюда — это вполне нормально. Лучше упасть хоть куда, потому что взрыв — не игрушка.

И Петька падает за груду земли, понимая, что это лучше, чем ничего. Рядом с ним стоит дядька Василий, не понимая, в чем дело — и мальчишка подбивает его под колени, уворачиваясь от

тяжелого тела и физически ощущая, как утекают последние секунды.

Совсем последние.

Сто десять.

Сто пятнадцать.

— Малец, ты чего…

Сто двадцать.

— Лежи!!! — орет что есть силы Петька, понимая, что если сейчас этот добрый великан встанет на колени или попробует уйти…

Сто двадцать пя…

Досчитать мальчишка не успевает, только открыть рот и зажать уши.

Взрыв гремит так, что с головы Ромодановского сбивает шапку и куда-то уносит. Воин Афанасьевич, заблаговременно зажавший уши, качает головой, благо, рот и так открыт, шире некуда.

Красиво?

Нет. Красиво это в кино. А вот в жизни это безумно страшно. Петька знает, что взрывов несколько, но для него они сливаются в один. Сверху наваливается тяжелое тело дядьки Василия, вдавливает в землю, преграждает доступ воздуха, так, что мальчишка едва может выдохнуть.

На полигоне так не гремело, но там и доза была — если тысячная часть от сегодняшней. А сейчас он не пожалел динамита…

Страшно, господи, помилуй мя, грешного…

Под стеной встает огненный столп. В стороны летят камни, земля, люди, наверное, кто-то кричит, но что можно услышать за этим?!

И когда оседает пыль от взрыва, становится видно иное.

Брешь в стене.

Даже не брешь, нет. Но внешняя стена разрушена, земля разлетелась, а внутренняя стена частично рухнула — и получился вал, по которому можно даже телегу в крепость завести.

Рядом торчат зубья камней, надо только ударить — и стена падет, а с ней и Азов. Такую брешь легко не заделать, даже если сразу же подогнать телеги с камнями. Да и кто этим будет заниматься? Там половину контузило, половину просто передавило, как цыплят…

Первым приходит в себя Воин Афанасьевич.

— ОГОНЬ!!!

Орет он так, что его слышно даже после взрыва. И пушкари открывают огонь по бреши, стремясь еще сильнее обрушить ее

края.

Вторым приходит в себя Петька — и что есть сил принимается выползать из-под тяжелого тела.

— Дядька Василий!!! Очнись!!!

Бесполезно!

Судя по всему, мужчине досталось по голове кирпичом или чем-то вроде осколка стены. Вполне может быть, разлет был громадный. Петька кое-как обхватывает неподъемное тело за плечи и пытается оттащить его в сторону.

Бросить?

Спасаться самому?

Ему и в голову не приходит подобная мысль! Этот человек его собой закрыл, а он уйдет?

Да в царевичевой школе ему никто и руки не подаст…

— Петька, цел?!

Мальчишку подхватывают, как куклу, перекидывают через плечо…

Солдаты, которые ушли чуть раньше — им и досталось меньше, они были дальше. И сейчас вернулись за ними.

Один подхватывает Петьку, двое — Василия — и все мчатся прочь, потому что сейчас начнется приступ — и оказаться на пути у атакующего войска никому не рекомендуется. Сметут.

Ночь озаряется светом, но защитникам крепости это уже не поможет.

Они ошеломлены, растеряны, они не ждали ничего подобного — а к бреши несутся русские и остановить их уже нельзя, как нельзя остановить извержение вулкана.

Бой оказывается кровавым и коротким, скорее даже резня. Янычары почти все в казармах, те, кто были на стене — оглушены и растеряны, пушкари кто в шоке, кто контужен, да их и мало, никто ж не ждал нападения именно сегодня…

Так не воюют!

Впрочем, вот это Григория Ромодановского меньше всего заботило. А вот захват Азова за один день!

Да за такое…

Этого ж еще не было! Никогда такого не было в истории!

А где Ордин — Нащокин?

Но мужчины нет рядом. Он оставил командование Ромодановскому и бежит куда-то в темноту… встречать?!

Ну да.

Это взрывники… саперы. Как говорил мальчишка, троянские кони.

Целы?

Мальчишку несут на руках, одного из мужчин тоже…

— Все живы?

— Дядька Воин, все хорошо! Только дядьку Василия камнем ушибло!

Детский голос вспарывает шум разгорающегося боя, словно ножом и Ромодановский понимает, что с этими все обошлось. Вот и ладно.

А сейчас у него есть дело поважнее.

До утра Азов должен быть взят.

* * *

Воин Афанасьевич шел по улицам Азова вместе со своими людьми. Точно так же рубился в стою, точно так же стрелял, пачкал сапоги в крови, под ногами валялось… всякое.

Это — война.

Вот из какого-то дома вылетала полуголая девица. Мужчина перехватил ее и толкнул обратно.

— В дом, сука!

Церемониться не стоило — девица явно была татарской или турецкой крови. Черноволосая, черноглазая… вылетевший вслед за ней мужчина получил саблей поперек шеи — и упал, заливая азовскую пыль горячей кровью.

Ничего.

Тридцать лет назад тут падали казаки, и христианская кровь навсегда впиталась в камни крепости. Сегодня просто все вернулось на круги своя.

Но этот новый порох — чудо. Жаль, пушку разорвет…

И мальчишка молодец. И дело сделал, и уцелел — Григорий обещал приглядеть и за мальчишками, и за их грузом. Теперь-то он с них глаз не спустит.

А сам Воин с удовольствием вызвался помахать саблей, сбросить напряжение… как-никак, он тоже сомневался. Получится ли, нет…

Еще как получилось!

Ошеломленные, испуганные, растерянные — мусульмане становились легкой добычей. Да татары всегда ей и были, а янычары…

Те кто были на стене, погибли в первые же минуты боя. Остальные же…

О каком сопротивлении могла идти речь? Казармы с янычарами просто расстреливали в упор, не особо жалея выбегающих оттуда людей. Любой, кто выходил на улицу — убивался быстро и жестоко. В пролом втаскивали пушки, завалив

ров, чем попало, и стреляли, стреляли…

В гавани ударил тревожно колокол, но чему это могло помочь?

Команды на кораблях не было, они весело проводили время на берегу и конечно, никаких разговоров о том, чтобы срочно выйти в море, просто не было.

От русских не ждали такой стремительности — потому и выигрыш был за ними. Один капитан попробовал-таки вывести свою галеру из гавани, но куда там! Ночью, в темноте, ничего не видя толком, да еще и впопыхах, он просто столкнулся с другой галерой и переломал половину весел.

К утру Азов был целиком во власти русских, а Ромодановский и Ордин — Нащокин подсчитывали трофеи.

Им досталось восемнадцать галер, две в плохом состоянии — остальные хоть сейчас в море, три десятка легких шлюпов, и даже один фрегат. Не говоря уж о казне крепости — весьма неплохой. Были захвачены более тысячи пленных (было бы больше, но опьяневшие от крови воины не щадили никого) и освобождено порядка трех тысяч рабов и рабынь. Пленных загнали в несколько домов и на рабский рынок и теперь переписывали — кто, откуда, чем занимается…

За высокопоставленных взять выкуп. За бедноту вроде янычар…

Ну, не отпускать же?

Пусть работают, крепость восстанавливают! Стену надобно заделать и поскорее!

Рабов также переписывали. Русичей отправят на Русь — нечего им здесь маяться. Остальных же — да туда же! Для начала! А там денег заработают и пусть себе катятся в свою неметчину или Венецию, откуда они родом, но не за казенный же счет!

Ромодановский отложил в сторону перо и посмотрел на Воина Афанасьевича.

— Не думал я, что такое возможно.

— А то и не возможно, — хитро усмехнулся мужчина.

— Вот как?

— Конечно! Не бывает такого, чтобы стены на воздух взлетали! Ты ж понимаешь…

— И никто ничего не видел. Но разговоры пойдут…

— Тех, кто был под стеной, я припугнул, они промолчат. Да и то — их в царевичеву школу скорее всего возьмут. На хозяйство, али еще куда. Остальные же знать ничего и дальше не будут. Скажем, что Богу молились…

— Богохульствуешь.

— Не — а. Разве Бог не даровал нам победу?

Ромодановский дернул плечом.

— Это-то мы скажем. А мне можешь правду рассказать? Откуда такое чудо?

— В царевичевой школе изобрели, — выдал Воин 'тайну'. Чего уж тут таить, когда все на виду, все на глазах… Кому другому можно бы и солгать, но Ромодановский знать может. Мужик он умный и серьезный. И Русь любит без меры и памяти, иным у него бы и поучиться не грех.

— И кто?

— Сам точно не знаю. То у царевича спросить надобно, но ученых туда много приглашают. Недавно, эвон, аж из Гамбурга какой-то купец приехал. Вроде как он еще и алхимией занялся и что-то интересное получил…*

**** Хеннинг Бранд первый получил фосфор и даже показывал фокусы с ним — благо, светящееся вещество. А потом уж секрет разошелся по миру. Прим. авт.***

— В кои-то веки они не просто о философии рассуждают, но и дело делают. А мальчишка хорош…

— Я ж там постоянно. Ты мне поверь, Григорий, лет через десять таких ребят много будет…

— Нам, старикам, останется только в гроб укладываться?

Воин фыркнул.

— Я бы погодил. Вот ежели Ени — Кале возьмем, тогда и помирать не жалко.

— А коли удержим ее — так вдвойне. А ведь можем…

— Нас там никто не ждет…

— Да я и сам не ждал бы. Мы должны были в Азов упереться, осаждать его, и кабы только года через два…

Ответом была насмешливая улыбка. Ну да. Какие два года, когда вот они — сидят и до Азовского моря — пешком дойти. Можно ноги в нем помыть, коли такая фантазия промелькнет.

— А какие у нас потери?

— Человек пятьдесят, не больше.

Воин кивнул.

— Многовато, конечно, ну да ладно. Выслушаешь, о чем царевич попросил?

Григорий кивнул. Теперь-то конечно, выслушает. Как не прислушаться к человеку, который такое может придумать? Хорошего наследника государь вырастил, замечательного просто.

— Он просил разбить наших людей на отряды — по сто — двести человек и пустить прочесывать степь. Находят татарское селение — и зачищают.

— Это как?

— Мужчин, кто за оружие схватится — убить. Кто не

схватится — в плен. Женщин и детей также в плен.

— И что с ними делать?

— Так с нами и калмыки идут, и башкиры — вот коли им понадобятся эти твари, пусть к себе и забирают. А коли нет — гнать их с полуострова поганой метлой… кто останется.

— Останется?

Воин чуть покривил губы.

— Государь царевич — добрый, да мальчик он еще. Как представил, что селения вырезать придется…

— Не видел он селений, в которые эти твари приходили. Как там воронье пирует, не видел.

— Молод он. И что?

Григорий опустил глаза. Да, молод. И милосердие пока царевичу не в укор.

— Молодость — это такой недостаток, который со временем проходит, — усмехнулся Ордин — Нащокин. — А пока… ты ж знаешь, что в каждом селении этих тварей есть по нескольку десятков рабов.

— И?

— Вот им и поручить решать судьбу своих бывших хозяев.

Ромодановский хмыкнул.

А почему нет? Именно рабы и разберут, кто плохой, кто хороший, кто жить достоин, а кого придавить бы…

— Я сегодня приказ отдам. А нам надобно здесь укрепиться — оставлю тысяч пять, пусть работают…

— А остальные?

Ромодановский хитро прищурился.

— Сколько мы кораблей захватили?

— Да немало. И что?

— Сейчас по степи идти — глупее не придумаешь. Нет уж, пускай, башкиры по ней скачут, татарские стойбища разоряют, ежели отряд небольшой — им и вернуться есть куда, опять же, из-под пала уйти легко. Сам знаешь, коли эта татарча степь запалит…

— Да уж знаю.

— Вот и смотри. Галеры, фрегат… сможем мы пройти к Ени — Кале, а там высадиться?

— По морю?!

— А чего ж нет? Казаки, вон по Дону ходят, а мы по Азовскому пройдем, осторожненько, вдоль берега…

— Заметят.

— А мы турецкие флаги поднимем. Сам понимаешь, до Перекопа еще дойти надобно. А вот ежели мы Ени — Кале возьмем, да потом туркам в спину и ударим…

— А возьмем ли?

— Тут вопрос иначе стоит. Сможет ли царевичево зелье и стены Ени — Кале вот так снести?

— Надо с мальчишками поговорить. Но думаю, что сможет.

— Позвать кого из них, поговорить…

Призванный пред светлые боярские очи Сенька особо не мялся. А что — бояре? Он с государем наследником за одним столом сиживал!

Корабли?

Эммм… вопрос сложный. Но ежели отвести под хранение каюту, а не трюм, ну и конечно, им бдить беспрестанно, укутать бочонки в просмоленную парусину, завернуть в ткань, чтобы вода уж точно не попала…

Тогда шансы довезти зелье неиспорченным — есть.

Снесет ли стены?

Да ежели побольше положить — так их к Перекопу унесет, в Константинополе у турецкого народу шапки с голов посбивает! Только вот в другом беда. А хватит ли сил?

На этом мужчины выставили мальчишку из покоев и принялись считать.

Выходило, что все войско не перевезешь, в лучшем случае, набив до отказа корабли и посадив воинов на весла — третью часть. Хватит ли этого?

Обычно в Ени — Кале больше трех — четырех тысяч человек и не было. Но там крепкие стены. Там береговые батареи. Там все, чтобы затруднить проход судам. А им-то проходить и не надобно. Им надо сквозануть вдоль берега, высадиться где поближе — и брать ее с суши. Оттуда-то Ени — Кале и не укрепляли сильно. С имеющимся огненное зелье справится, а овладев этими двумя точками можно будет и иначе с турками поговорить. Да и Крым зачищать от татарвы, и Перекоп взять…

Проблема в другом. Можно посадить русских на весла, но среди них нет умелых моряков. Капитан, штурман, боцман — мимо этих на корабле не пройдешь. Хотя, возможно, такие найдутся на галерах, среди рабов и пожелают поквитаться с турками? Особенно про условии вознаграждения за труды?

Мужчины переглянулись. Безумный план на глазах становился все более серьезным.

* * *

Турецкое войско целиком еще не подошло, но отдельные соединения уже пытались пройти по польской земле. Уже разбиты

были несколько отрядов польских татар, уже разнесли в клочья несколько чамбулов — и уже пару раз перехватили казачьи разъезды подлеца Дорошенко, коего Собесский обещал лично на кол посадить, ежели будет судьба благосклонна. Тысяча человек — большая сила, особенно когда они хорошо вооружены и им помогает каждый человек в окрестностях. Соединения то расходились, то сходились опять, рыскали по дорогам, разбивали отдельные отряды, теряя своих и захватывая в плен чужих, а то и поливая кровью правоверных мусульман родную землю…

Пощады не просили и не давали, отчетливо понимая, что речь сейчас идет не о простой стычке — каждый убитый противник сейчас — это пусть крохотное, но ослабление вражеского войска.

И поляки дрались не за страх, а за совесть.

Впрочем, страх тоже присутствовал. Командирами сотен были поставлены доверенные люди Собесского, а Ян отчетливо пообещал повесить каждого пятого из сотни, коли глупость да гордыня им разум затуманят.

Слов на ветер он не бросал, а потому люди слушались.

И летели, летели донесения в Каменец, а оттуда — королю, в Краков.

Ну а то, что по дороге читал их и Алексей Алексеевич — и говорить не стоит. Впервые чуть ли не за сто лет две страны решили стоять плечом к плечу перед лицом более грозной опасности — и мешать королевской воле никто не осмеливался.

Русское войско спешило к Каменцу на помощь тем, кого колошматили в хвост и в гриву в недавней войне.

Да, бывает и так — распри волков забываются перед лицом медведя. И отступать волки не собирались. Логово с детенышами и самками за спиной… сдохнуть самим, но сомкнув зубы на горле врага.

Такие настроения ходили тогда в польском воинстве.

* * *

Паша Селим смотрел мрачно и зло. А чего ему было радоваться?

Сидит он связанный, в крепости, которая еще вчера его была, перед ним сидят русичи, сидит боярин — и сидит рядом с боярином отрок в простой одеже. И смотрят на него так, что рука сама к плети тянется — отходить наглого раба.

Только вот не рабы то. И плети нет.

И лицо горит с одной стороны.

Когда штурм начался, он дома был. Там его и настигли русские, а когда вязать стали — на лестницу Лейла выбежала. Как узнала, что взят Азов — на шею первому же солдату кинулась, дрянь такая! В ладоши захлопала!

Он ли ее не холил, не лелеял!? Любимая наложница, с собой взятая… И что? Кинулась на него эта мерзавка, когда уводили, когтями по лицу так проехалась, что кровь потоком хлынула, едва оттащить успели.

Гадюка!

Нельзя русичей в плен брать, надо их уничтожать сразу. Даже самые покорные из них — все равно кинуться могут. Дикого барса не приручишь. Ничего, впредь он умнее будет!

А как пела. Мерзавка! Что угодно моему господину, в моей жизни и смерти волен только мой господин…

Почему-то именно предательство и ненависть покорной еще вчера женщины ранили обиднее всего. Не захват крепости, хотя Селим и понимал, что может не сносить головы, военная удача — хрупкая. Не плен — все равно есть у него деньги на выкуп. А вот это дикое ликование в голубых глазах — свободна! И такая же дикая ненависть, на него обращенная. Ведь ни в чем отказа не было, в жемчуга одевалась, а на родине, небось, сопли подолом вытирала, зимой и летом в лаптях бегала… дрянь!

Боярин произнес несколько слов, кивнул мальчишке — мол, переводи — и тот вдруг заговорил по — турецки, да как! Чисто, отчетливо, не знай паша, что перед ним русский сидит — решил бы, что в Стамбуле оказался. Даже говор похож…

— Вы ли Селим — паша, комендант Азова?

— Я.

Отпираться было глупо, молчать — тоже.

— Боярин Григорий Григорьевич Ромодановский извещает вас, что отныне вы — русский пленник.

— Скажи боярину — я заплачу за свою свободу.

Мальчишка послушно перевел. И Селим увидел, как боярин… покачал головой?! Он — отказывается от денег!? Что происходит?!

— Пока вы будете пленным в крепости. Позднее, возможно, мы вас обменяем на кого-то из русских, — перевел мальчишка.

— Да я… — паша даже задохнулся от возмущения. Его брат женат на двоюродной сестре великого визиря, он не абы кто в Османской империи, и его — держать в темнице? Как какого-то раба?

— Сколько человек было под вашим командованием?

— Тысяча янычар. Татарские конники…

— Сейчас мы отправимся к сторожевым башням. Не хотим

класть людей, поэтому вы прикажете им сдаться.

— А коли нет?

— А коли железом каленым погреем? Али иголки под ногти загоним? Пытать человека долго можно. Все равно ведь сдадутся, но пользы от этого ни вам, ни им не будет. Так что уговаривайте лучше.

Селим угрюмо отвечал на вопросы. Будущее было безрадостным.

* * *

Степан Разин нервничал. Хоть он такого слова и не знал, да и вообще — казачий атаман — не трепетная девица, а все ж таки не на месте сердце было, ой, не на месте.

Так уж повелось, что основные вопросы у казаков решались сходкой, на которой право голоса имели только самые уважаемые, самые почтенные казаки. Кто-то уж и правнуков понянчить успел…

Старики.

Память, честь и совесть станицы.

Вот сейчас с ними и предстояло говорить Степану.

Не может им всем по душе быть Дорошенко, тем более, что он под турецкую руку подался. Ой, не может.

Только вот и Москва казакам не по душе. Хлеб сеять не дают, да и вообще — коли к человеку, как к собаке относиться, что ж удивляться, что вас за руку цапнут?

Границы защищай, а на двор — не ходи, кого получше найдем. Конечно, казакам это не нравилось. И бунты были, и восстания, да и вообще — с Дона выдачи нет. Кто сюда только не бежал.

Только вот…

С Москвой-то вера одна — православные христиане.

А с турками?

Долго ли те ждать будут, чтобы из казаков новых янычар понаделать?

Ой ли…

Да и с Москвой все уж не так просто. Коли б как раньше было — так лучше головой об лед, все едино. А сейчас, когда Алексей Алексеевич потихоньку начинает в свои руки власть прибирать — вольготно казакам стало. Даже не так.

Не вольготно, нет. Нет у них такого права — творить, что душеньке угодно. Спросит царевич с любого за безобразия — и строго спросит. Казак там, не казак… напроказил?

Отвечай!

Да не просто так, а как на Дону полагается. Девку спортил?

Женись.

Ограбил кого — или убил, ровно тать ночной?

Пожалуй под плети. И не жди пощады.

Только вот и клепать на своих людей царевич никому не позволял. Памятен был Стеньке случай, когда пал в ноги царевичу купец. Дочку его, которая с вечерни шла, снасильничали. Кто?

Да вроде как трое казаков. Прибежала она в растерзанной рубахе, простоволосая, позор в дом принесла… смилуйся, государь — царевич, выдай татей головой.

Кого выдать?

Так, на кого дочка укажет.

Та и указала. Выстроили перед девкой казаков в ряд, она пальчиком ткнула…

Кто другой и разбираться бы не стал. Алексей же Алексеевич принялся сам девице вопросы задавать, потом на место проехал, потом казаков опросил… не было одного из них, Богдашки, на ту пору на Москве, никак он снасильничать не мог. Ошиблась?

Али оговорила?

Продолжили дознание — и оказалось, что был у девицы мил — дружок. То у них все тишь да гладь была, а потом поняла дурочка, что затяжелела, ну и призналась милому. А тот ее взял — да и избил. Плод-то она скинула, чудом домой доползла, да и наплела с три вороха небылиц. И про казаков наплела.

Царевич тогда осерчал. Приказал купцу самому с дочкой своей разбираться, милому дружку жениться на девке а кроме того им совместно поставить казакам полсотни пищалей. За обиду и поклеп. И горе им, коли пищали плохие окажутся.

Вот это было правильно и честно. И Степан искренне надеялся убедить станицы перейти под руку Алексея Алексеевича Романова. То есть сначала — под его лично руку, выбрать его гетманом, а уж потом к Романову.

А что?

Чем он не гетман Правобережной Украины? Опять же, коли Правобережная Украина под него пойдет, там можно и с Левобережной потолковать. А там и до Запорожья очередь дойдет!

Гетман всей Украины Степан Разин! Звучит?

А ему надобно, еще как надобно! Его Татьяна ждет, а она ведь царская дочь, ее абы за кого не отдадут. Мало ли, что он сейчас атаман? Больше надо!

— Степа, старики собираться начали, — старый друг Остап

заглянул в хату. Степан вздохнул, без нужды поправил воротник рубахи, ставший вдруг очень тесным — и шагнул вперед. Надо старших уважить. Не они его — он их ждать должен.

* * *

Григорий Ромодановский смотрел на Ордина — Нащокина серьезно.

— На, письмо прочти. Я тут царю отписал, что наш теперь Азов, и крепостцы обе наши…

Воин Афанасьевич взял лист дорогого пергамента, пробежал глазами.

Да, Ромодановский не солгал ни в чем. Так честно и написал, что ими было предпринято два штурма — и в результате второго удалось проникнуть в Азов. А две крепостцы на берегу Дона, между которыми протягивалась цепь, чтобы там корабли не ходили…

Стоило Азов взять, как там турки сами сдались.

А куда они?

Без помощи, без поддержки, без… да безо всего, отрезанные от любой помощи? Их и просто голодом заморить несложно. И турки это понимали лучше остальных, а потому…

Ромодановский честно писал, что Ордин — Нащокин оказал неоценимую помощь, хвалил его всячески, подчеркивал, что без него не справился бы. Что ж, все честно. Так и договаривались, чтобы царевичевых воспитанников не светить лишний раз, государь царевич особливо о том просил.

Дочитав, Воин Афанасьевич поднял глаза на боярина.

— Благодарствую за ласку, за честь…

— Не скоморошествуй.

Ромодановский самолично свернул свиток, накапал сургуча, запечатал, потом уложил еще в несколько пакетов — и при Воине Афанасьевиче отдал гонцу. И только потом опять обратил внимание на собеседника.

— Можешь ты царевичу отписать?

— могу. О чем?

— Зимовать мы здесь будем, на Ени — Кале только весной идти можно, а покамест будем степь от поганых чистить, да православных людей из рабства вызволять. Хотелось бы побольше сего зелья чудного, да ко времени. Чтобы шли мы вооруженными.

Воин Афанасьевич задумался.

— Отпишу, конечно. Только зелья немного, а людей, кои с ним работать обучены и того менее.

— А сколько ни даст — все равно в ножки поклонюсь. Да и ребят его принял бы с удовольствием.

— А ведь хорошие ребята, а?

— Что есть — то есть. Умные, неболтливые, исполнительные… молодей Алексей Алексеевич.

Воин Афанасьевич чуть улыбнулся краешками губ.

Молодец?

Вот именно. И верных людей у него много будет, ой, много. Он — из первых. И дай Бог.

* * *

Тимофей Васильевич Тургенев, воевода Царицынский, сын боярский, читал грамотку от государя.

И только головой качал в изумлении. Государь писал, что поход на Крым начался и стало быть пойдут оттуда пленные христиане.

А потому Тимофею надлежит построить для них приюты. А еще — разобраться с бумагами, кои ему отдельно доставят. Будем Оку с Доном каналом соединять. А удобнее всего это начинать из Царицына.

Мужчина только головой покачал.

Эвон как государь размахнулся!

А и то верно!

Коли удастся пленных освободить, куда им идти-то? Ни кола, ни двора… на дорогах разбойничать?

Нет, это дело нехорошее. А царь их к делу приставит. Опять же, канал между Окой и Доном — это важно. Это нужно. Это большие деньги принести может, особливо ежели Азов взять удастся. Но государь приказывает так, словно все сделано будет.

А ему-то что судить?

Глупостью Тимофей не отличался. Скорее наоборот, воевать он не любил, а вот в купеческих делах рассуждал споро.

Канал?

Это работа, это деньги, это впоследствии много всего выгодного, тем паче тут государь цельный пакет с бумагами приложил…

Когда Тимофей в них разобрался, ему оставалось только головой покачать. Тут было проработано все. И длина, и устройство шлюзов, и постройка деревень вдоль канала…

А еще на строительстве предусматривалось использование пленных — тех не жалко, не свои же.

Тимофей не знал, что Софья предусматривала на

строительстве канала еще и использование динамита. А что?

На строительстве Панамского канала можно, а тут нельзя?

Да без подручных средств тут придется пахать и пахать, не разгибая спины, еще и не одно поколение. Нет уж, ежели все правильно просчитать…

А вот это Софья как раз могла сделать. Профессия такая — строитель. Пусть она потом и ушла в бизнес, но вложенные в институте знания не забывала, да и переселение в тело ребенка позволило многое вспомнить и обновить.

Воеводе оставалось только качать головой. Но царь приказал…

А значит надо начинать строить жилье для тех, кто прибудет, надо заготавливать продукты, надо прикупать одежду, надо…

Да много всего надо. По счастью, царь — батюшка, дай Бог ему здоровья и долгих лет жизни, прислал и денег, и даже расписал, что и сколько может стоить, что понадобится, в каких количествах…

Слово 'смета' Тимофей не знал. А Софья писала все очень примерно, реального масштаба она пока себе не представляла. Но на первое время сойдет, а потом будем посмотреть и ежели что…

Вообще, строительство — отличная вещь. При условии неусыпного контроля за средствами и результатами, оно позволяет поднять и сельское хозяйство, и промышленность, и торговлю. Дай только время, а время пока было.

А чем они хуже турок? Селим, вон, сколько лет назад хотел то же самое сделать, просто силенок не хватило, ну так он и про динамит не знал, и вообще не на своей земле хозяйничал! А Софье и карты в руки. А точнее — ее брату. Царевичу, любимому уже всей землей православной. Чем не пиар — акция?

* * *

Француз Поль Мелье, марселец, смотрел на сидящего перед ним мужчину.

Высокий, лет сорока, глаза ясные, умные, волосы темные, одет, конечно, по — варварски, но, во имя Господа, где в этом кошмаре можно взять нормальную одежду? Кошмар именовался крепостью Азов, а Поль там оказался по воле случая.

Родившись в Марселе, Поль с малолетства бредил кораблями — и когда ему исполнилось десять, таки устроился юнгой на галеру. Потом было много всего.

И слезы, и трепки, и раны, но к тридцати годам мужчина стал боцманом и видит Пресвятая Дева Мария — хорошим боцманом.

И ходил на своей 'Червонной Розе' по Средиземному морю. Не повезло.

Турки, будь они прокляты.

Налетели аж тремя галерами, закидали ядрами… и те, кто выжил, позавидовали мертвым. Следующий год Поль провел прикованным к веслу турецкой галеры. Отвратительная пища, тухлая вода, бич надсмотрщика… ему хотелось умереть, но мужчина стискивал зубы. Самоубийство — грех, к тому же… вдруг его освободят или выкупят? Бывало всякое…

И его надежда сбылась.

Поль плохо представлял себе, что произошло, он был прикован на галере. Просто среди ночи что-то громыхнуло, поднялось зарево на полнеба — и сгинуло, а потом, ближе к утру пришли русские. Всех расспросили — кто, откуда, чем занимался, переписали, расковали, перевязали раны, накормили и напоили, поселили в опустевшие дома по нескольку человек, чуть ли не десятком, но никто не протестовал. Буянить тоже никто не решался. Русские слыли дикарями, с которыми опасно связываться. Обидно ведь будет потерять жизнь на пороге свободы? Или ежели тебя медведям скормят, или в Сибирь отправят, а там такой холод, что вороны на лету падают…

К тому ж и правила поведения им объяснили достаточно быстро.

Сидеть и не дергаться. Тогда и жив останешься, и домой вернешься.

Одним словом — недавние узники сидели тихо аж два дня. На третий к ним в дом пришли. Молодой человек в странной одежде поинтересовался, есть ли среди спасенных моряки — и не желают ли господа поработать по специальности за хорошие деньги.

Конечно, Поль тут же сделал стойку.

В родном Марселе его ждала семья. И то, что отец попал на галеры, наверняка сильно ударило по бюджету. А дочкам нужно приданное…

Мужчина выслушал Поля, кивнул — и попросил его прийти к полудню на площадь. Там перед моряками и выступил boyarin Romodanovski. Как понял Поль — это нечто вроде графа или герцога, только на Руси.

Вот граф и разъяснил, что освобожденных, конечно, отправят домой, но будет это не сразу. Им надобно будет выйти в Черное море, оттуда уже далее… одним словом — это не так просто. А вот чтобы было проще и быстрее, не хотят ли господа помочь своим освободителям за хорошие деньги? В чем?

Есть корабли. Гребцами обеспечим. Нужны люди, чтобы

провести корабли вдоль побережья к Ени — Кале. Провести, обеспечить высадку…

Сможете? Возьметесь?

Хорошо заплатим, поможем на родину вернуться, а кто остаться пожелает — так и тут поможем.

Долго Поль не раздумывал. И с подлыми язычниками поквитаться хотелось, и денег за это получить, да и Азовское море — это не Средиземное. К тому ж пойдет эскадра в несколько десятков кораблей, так что с пиратами разберемся.

Это, конечно, не прямо сейчас. Для начала надобно Азов за собой удержать, посмотреть, чем у турок война с ляхами кончится, стены укрепить, корабли сюда перегнать — есть они, просто быстро их сюда заполучить не выйдет, опять же, команды сбить…

Пьер слушал со все возрастающим изумлением. И понимал — в этом году он домой не попадет. Но это-то ладно, он и вовсе не чаял в живых остаться.

А вот когда боярин сообщил, что сейчас ребята всех перепишут, кто пожелает остаться, жалованье им платить будут, да еще и часть жалованья постараются передать на родину, надобно только сказать, куда, кому и сколько….

Вот тут изумление Пьера достигло пика.

Но… а что он терял?

Остаться? Попробовать заработать у этих русских?

Надо попробовать! И после выступления Пьер, не раздумывая, направился к одному из специально установленных столов, за которыми сидели молодые, лет по пятнадцать — шестнадцать, мальчишки. Кстати — отлично говорящие по — латыни, по — англицки, ну и по — французски тоже. Так что проблем с пониманием у Пьера не возникло. А услышав о сумме жалованья, он окончательно решился.

Остаемся!

Надо ж туркам отплатить за все?

Еще как! Тем более — за хорошие деньги и с умными людьми.

* * *

Второго августа султанское войско расположилось на берегу Днестра. Теперь их сдерживал только Жванец. Захватить его, разбить Каменец — Подольский, а там идти полным ходом на Бучач и Львов. Казалось, никто и ничто не помешает этому плану…

Ан нет.

Первый удар ждал турок именно здесь. Тщательно подготовленный Володыевским, Собесским и Лянцкоронским.

Переправа…

Не то, чтобы слишком узок был Днестр в этом месте, зато мелководен и небыстр, что позволяло людям легко переправить лошадей и самим на плотах переправиться без опасения.

С носилок взирал на светлую речку Кара Мустафа — паша желал лично наблюдать за переправой, видя, как неисчислимое войско переходит реку — и земля Польская дрожит под его ногами.

Не знал паша того, что и за ним наблюдали, давно рассчитав, где будет он переходить, ибо брод этот был хотя и не единственным, но самым удобным из всех, что были в округе. А потом привезти сюда с десяток пушек, замаскировать их в прибрежных кустах, и поручить Казимиру Гумецкому, который ждал своего мига с нетерпением…

Вот и сейчас мужчина смотрел на роскошные носилки паши со злорадной усмешкой человека, знающего более, чем тот… и это оправдалось.

Он ждал, пока в воду не вошло больше тысячи человек, пока не начали грузить на плоты пушки, а вот потом…

Их пушки были установлены так, чтобы накрывать и берег, и реку…

Казимир сам лично навел дуло пушки на роскошные носилки, перекрестился, благочестиво возведя глаза к небу — и кивнул пушкарям.

— Огонь!

От похода этого ждали турки богатой добычи, светлокожих невольниц, огня, веселья и денег, взятых в захваченных городах. Но вот чего не ожидали они — это того, что с берега шарахнут по ним пушки. Картечью.

Скашивая, словно траву, животных, людей на плотах, сея панику и сумятицу.

Паша Мурад, командующий переправой, ничего не успел сделать. Картечь оборвала его жизнь, не поглядев ни на чины, ни на древность рода.

Алым окрасились воды Днестра в этот день…

Лишившись командира, турки заметались, а батарея вела свой огонь, покамест не кончились снаряды, и было их много. Кто уцелел — бросились от берега, давя своих же, внося беспорядок и сея смятение в рядах турецкого войска….

Не меньше трех тысяч людей полегло под огнем храбрецов.

Но вот все реже стреляла батарея, все меньше слышался

басовитый пушечный рокот — и опять осмелели османы.

Опять волна людей нахлынула на берег — и пушки молчали. И опять молчали они, пока не дошли враги до середины Днестра.

Ужасен был первый залп, но второй раз вышел еще страшнее.

И опять окрасились воды великой реки алым, и опять понесла она вниз тела людей и лошадей, и опять отхлынули враги. Опять замолчала батарея, стрелявшая до последнего, но теперь не торопились уже турки на переправу, понимая, что и еще раз…

Но третьего раза не вышло.

Вопя и нахлестывая коней, вылетела из-за холмов татарская конница. Это Селим Гирей, поняв, что здесь переправиться не удастся, отдал приказ своим людям — и молодой татарин по имени Абузяр, взяв три сотни всадников с собой, переправился выше по течению Днестра, где было неудобно, зато и их никто не ждал там.

Шестеро человек унесло вниз по течению, девять лошадей, но оставшиеся, движимые благородным чувством мести, взлетели на коней и помчались ко врагам, мечтая разорвать и растерзать их…

Сейчас они сомнут дерзких, сейчас растопчут их копытами своих коней, даже не обагряя сабель… но что это?

Всего три человека стоят у пушек и смотрят так, словно это они — победители?

Но почему не бегут они, ни кричат от ужаса, не умоляют пощадить их жалкие жизни? Абузяру задуматься бы над этим, но молодость не позволила ему усомниться в близкой победе.

Он первым подлетел к пушкарям, но сделать ничего не успел.

Старик, докуривавший трубку, усмехнулся — и сунул факел в груду заранее приготовленного пороха.

Взрыв был страшен.

Абузяр погиб на месте, как и еще более сотни татар. А оставшиеся были в таком жалком состоянии, что вряд ли смогли бы сражаться в ближайшее время. Их сильно посекло осколками картечи, коя еще осталась, да и взорвавшиеся пушки — не подарок.

Погибли трое поляков, которые сами пожелали остаться на месте, после того, как кончились заряды. Не желая губить людей понапрасну, Лянцкоронский предположил, что турки просто переправятся выше или ниже — и вырежут заставу. Перекрыть весь Днестр поляки не смогли бы, оборонять батарею — тоже возможности не было, так что же оставалось?

Да только одно.

Пару десятков человек вдоль берега, пару десятков лошадей к пушкарям, как только переправятся — батарею известить, кто захочет уйти — пусть уходят, кто решит остаться…

И решили. Остался старый Збышек, остались Янко и Михал. Все трое уже в той поре, когда снег обильно выпадает на волосы и сражаться уже нет сил, но и родную землю, но и близких своих отдавать на поругание врагу нельзя… и сердце бьется, как у молодого.

А особливо весело было Михалу, у коего о позатом годе дочь умыкнули и продали, говорят, на турецком базаре. Вот за родное дитя и отплатил сейчас старый артиллерист. С лихвой отплатил, взяв вражеских жизней за свою более тысячи.

Все снаряды, которые оставались, весь порох… рвануло так, что черти в аду уважительно покачали головами — на что только не пойдут эти люди ради своей победы! Опять надобно дыру в крыше замазывать — весь ад с волос штукатурку стряхивает!

В тот день переправа более не шла. Днестр перешло не более семи тысяч человек, встали лагерем, кое-как похоронили убитых… настроение у всех было плохим. Еще воевать не начали, а уж такие потери?

Что-то дальше будет?

* * *

А дальше было вот что.

Подлесок, лощина, конница, предрассветный час, когда останавливается все, когда особенно темно и кажется, что день никогда не наступит, когда буйствует нечисть, а сон особенно крепок, когда голос говорящего человека разносится далеко вокруг, а потому говорит он очень тихо, но его все равно слышно, когда ночной ветер шепчет о страхе и крови…

Но сейчас шептал он совсем о другом. Но кто может понять речи вольного ветра?

А потому улетает он из лощины, в которой стоит почти мертвая тишина. Разве что чуть потрескивают факелы да иногда переступит с ноги на ногу, всхрапнув, какая-нибудь лошадь.

— Паны ясновельможные! Не для себя прошу — для родины нашей. Пусть не топчет вражеская нога ее землю! Коли нападем мы на супостата, так большой урон нанесем ему сейчас. Зарекутся басурмане приходить к нам, не станут ходить в набеги! Мы еще их змеиное гнездо выжжем. За матерей своих, за сестер, за жен и дочерей! Все ли готовы к бою?

Рева не было. Мужчины просто склоняли головы. Володыевский оглядывал их. Сегодня ему вести в бой почти тысячу человек, эту честь он выпросил у Собесского, упирая на то, что в городе покамест все и так идет неплохо, а ему бы хоть

ненадолго на простор. Ян не стал спорить, но приказал вернуться. Он уже оценил по достоинству Ежи — как лихого рубаку и хорошего командира, но без сильных амбиций.

До последнего глядела Ежи вслед его любовь его Басенька, но ни плакать, ни уговаривать рыцаря остаться даже и не пыталась. Понимала, что может, и послушается он ее, да горше смерти будет храбрецу подобная доля. И знал Ежи, что как только скроется с ее глаз отряд — пойдет она в костел и станет молиться денно и нощно, чтобы сберегла его Матерь Божия от пуль и сабель. Чтобы сохранила его любовь той, которая стала его дыханием, его сердцем, его верой и небом. Порознь они жить уже никогда не смогут — не живет разрубленное надвое тело…

Не столько ради родины шел он на бой, сколько для любимой женщины, надеясь, что после войны и дети будут у них, и счастье, которого оба так жаждали — и не могли осознать в полной мере, пока родную землю сотрясали войны и невзгоды.

— Все ли знают свои задачи?

Мужчины закивали. Кое-кто проверил мешки у седел.

— Тогда — вперед!

Почти тысяча всадников ринулась волной на берег.

Турки, усталые после переправы, не успели оказать достойного сопротивления.

Их топтали, рубили, жгли, молча — и это было страшно. Только сверкали в темноте белые зубы на выпачканных сажей лицах, сверкали сабли, да развевались белые шарфы, повязанные на руку, дабы отличать своих от чужих.

Турки и татары кричали, бегали, орали, но все было бесполезно. Только в паре мест вспыхнуло сопротивление, но кто мог противиться конникам, которых вел сам Ежи Володыевский?

Лихой пан был страшен. Он рубился с седла, как бог, разваливая противников от плеча до пояса, резал турок и татар, как баранов — и никто не мог противостоять ему.

На противоположном берегу увидели, подняли тревогу, но поздно, слишком поздно… да и плоты покамест еще здесь…

Огня на них — и смолы! Пусть горят, пусть полыхают! Каждый день — наш!

— Огонь!!!

И громовой в ночной тиши сигнал, после которого ярко вспыхивают факелы.

Ежи знал, что захватить оружие или припасы не удастся. У них только одна возможность — налететь, ударить, пока не заговорили пушки, предусмотрительно выставленные турками на том берегу — и они торопились. И успевали, в последнюю минуту, но успевали…

Каждый кавалерист в эту ночь убил самое меньшее по три противника, а иные и поболее. Кого стоптали конями, кого просто сбили с ног — никто не разбирался. Потому что на плоты, на шатры, на мешки летела заранее нарезанная веревка с кусками смолы — и вспыхивала ярким пламенем. И попробуй, потуши!

— Все назад!!! Отходим!!!

Володыевский кричал что есть силы — и держащийся рядом оруженосец тут же протрубил в рог, подавая сигнал, его подхватили другие рога — и вся масса конников хлынула прочь от потоптанного и поруганного лагеря, дорезая по дороге тех турок, которые попадались под копыта коней.

Они успели уйти в последний момент, когда заговорили турецкие пушки. На том берегу поняли, что беречь своих больше не стоит, они все равно погибают — и надо наносить хоть какой урон врагу. Именно поэтому поджигали в последний момент и только несколько десятков человек. И они тоже ушли без потерь. Напротив, турки нанесли себе большой урон своими же ядрами, не разобравшись, что врагов уже нет и мстить некому…

Из переправившихся через Днестр семи тысяч янычар в эту ночь в живых осталось не более полутора — двух тысяч — и то, раненных, обожженных, измученных — негодных для боя.

И впервые султан задумался, стоит ли ему продолжать поход. Не успев переправиться, он потерял уже почти десять тысяч человек — и начал подозревать, что это только начало.

Но войско требовало добычи, татары требовали добычи — и ему приходилось двигаться вперед и только вперед.

А вдалеке, там, где не могла догнать отряд никакая погоня, у самого Жванецкого замка, пускали по кругу фляги с вином конники, делая по нескольку глотков за храброго пана Володыевского, с которым и в турецкий лагерь — и к чертям в зубы не страшно!

Ура пану Володыевскому!

* * *

— Душенька, радость-то у нас какая!

Любушка поглядела на мужа. Веселый, глаза горят, улыбка до ушей — одно слово, что царь, а так — дитя малое.

— Что случилось, радость моя?

— Ромодановский Азов взял!

— Как!!!?

Любушка ахнула от восторга. Она-то сейчас не могла, как ранее, ходить в тронный зал, да из-за занавесочки все разговоры

слушать, не до того ей было. Владимир, хоть и спокойным младенцем был, а все ж чадушко пока не оставишь, и полугодика ему еще не сравнялось. Поневоле рядом будешь.

Алексей Михайлович принялся рассказывать. Подробностей Григорий не написал, а отписал только, что Азов взят, что хорошо бы теперь весной и на Ени — Кале пойти, и писал, что для того надобно.

— Радость-то какая! Родной мой, а что теперь будет-то?

Алексей Михайлович чуть призадумался. Пожал плечами.

— Это во многом от поляков зависит. — Люба смотрела с таким интересом, что муж тут же принялся просвещать ее. Женщина старательно запоминала — для Софьи. Предательством она это не считала, ибо на своей шкуре поняла, что Софья плохого не сделает ни ей, ни мужу. А знать надо — мало ли кто государю в уши напоет? Он и поверит, а люди пострадают. Всем хорош ее Алешенька, да вот ведь беда — мягок он избыточно, к людям добр, иногда и хорошо это, а иногда и беда приключиться может.

По словам государя выходило, что коли победят поляки османов, отбросят со своей земли — тут уж надо будет всем миром подниматься — и бить басурман поганых! Да так, чтобы перья летели во все стороны! С Корибутом договариваться, с Римской империей, с Данией, Швецией, Францией… да со всеми! И — бить! Тогда и на Крым пойти можно.

А вот коли победят турки…

Тогда куда как сложнее будет. Но все равно справимся, одолеем поганых! Просто повоевать придется намного дольше, а народишко и так недоволен. Едва из польской войны вынырнули…

Так что покамест отписать Ромодановскому, что все он правильно делает — и пусть продолжает степь щипать, своих выручать, татарские гнезда разорять… поделом им!

А дальше… посмотрим. Но готовиться будем к худшему.

Любаща слушала, запоминала и думала, что ей повезло.

Ее сын не должен узнать тяжесть короны. Дураки думают, что власть — в радость дается. Глупцы!

Нет, коли повезет ей — Алексей Алексеевич после отца ццарем станет, а Володя — при нем, братиком любимым останется. И не надобно малышу той власти, никак не надобно.

Ибо иго это из тех, что страшнее тернового венца.

* * *

А тем временем в крымской степи смотрел на небо пастушок Наиль.

Мальчишке и десяти лет не было. И сейчас пас он овец, смотрел на звезды и чувствовал себя несчастным.

А с чего тут быть счастливым? Семья бедная, отец его на соседа батрачит, мать с утра до ночи по хозяйству крутится, сам он пасет овец у Рашида, чтобы хоть с голоду не сдохнуть, шатер худой…

И что самое плохое — отец даже на войну не идут! Пошел бы — так, глядишь, коня пригнал, или деньгу привез, пленника привел, а лучше двух — трех. Вот у соседа целых шесть русских рабов живут, да две женщины, куда как хорошо…

Конечно, сам он может с утра до вечера только на диване лежать. Да еще махать плеткой. А что делать, ежели эти ленивые русские твари ничего сделать нормально не могут?

Да, Аллах для того и предназначил русичей, чтобы они служили рабами для правоверных.

Вот, когда он, Наиль, станет взрослым, он обязательно станет воином и пойдет в набег! Он докажет свое мужество и приволочет на аркане себе раба. А лучше нескольких, чтобы никогда больше самому не возиться с овцами.

Тупые грязные твари, почти как рабы…

И обязательно надо себе будет привести рабыню. Видел он такую у Шамиля — высокая, пышная, волосы светлые… жаль, глупа до невозможности, ни одного словечка не понимает, но для женщины это не так плохо. Чем красивее и глупее женщина, тем лучше.

Конечно, у него обязательно будет жена. А лучше — четыре жены, как завещал пророк. И штуки три наложниц, не меньше…

Размышления мальчишки прервал стук копыт.

Кто-то едет?

Да, наверное… Наиль лежал на земле, а по ней звуки далеко разносятся.

Пастушонок приподнялся на локте, вглядываясь вдаль. Но в темноте видно было плохо, а потом что-то вспыхнуло на горизонте. Там, где стояло его селение.

Мальчишка подорвался с земли, вскочил, заметался, но из темноты на свет его маленького костерка вылетела стрела, клюнула парнишку в горло — и степная земля окрасилась алым.

Так и оборвалась жизнь великого воина…

Из темноты выехали несколько фигур, не обращая внимания на разбегающихся овец.

— Мальчишка совсем…

— Из волчат овцы не вырастают. Сам знаешь, чем позже

тревога пойдет…

— Знаю.

Такие дозоры были разосланы по степи в разные стороны с крепким наказом — уничтожать всех, кто встретится им на пути. В крайнем случае — брать в плен, но лучше, конечно, убивать. Пусть не летит молва от селения к селению, чем позже татарва спохватится, тем лучше будет.

Мальчишку, конечно, было жалко, но Ордин — Нащокин, не будь дурак, назначил в эти дозоры тех, кто хоть краем пострадал от набегов. У кого близких увели, дом сожгли…

Конечно, эти люди стреляли без размышлений и не оплакивали потом погибших от их руки.

А в селении творился ад. Или, как фыркнула бы Софья, полноценная зачистка местности.

Русские войска на территории Крыма не ходили единым кулаком. Примерно десять тысяч человек были разбиты на соединения по триста — четыреста воинов. Двести калмыцких или башкирских конников, сто или двести пешцев. И задание было дано простое. Увидел селение татарское — сравняй его с землей.

Отряд в сто человек шел по улице, складывая в кучки всех, кто бросался на воинов с оружием в руках. Этих в плен не брали, не глядя — старик, женщина, ребенок… взял в руки оружие — сдохни. Поднял оружие на русского — тем более сдохни!

Если стрелецкие клинки не успевали, из темноты летели стрелы. Каждое селение сначала окружалось конными, а уж потом начиналась работа.

Мужчины связывались и укладывались ровными рядами. К ним присоединялись женщины, а там и дети. Малышей до пяти лет относили в отдельные телеги, не особенно разбирая, где дети богачей, где бедняков — ни к чему. Этих детей отвезут на Русь, где и воспитают православными. Это уже распорядился Ордин — Нащокин. Два года?

Да, малышня. Но почему бы и не взять чуть постарше? Много ли человек помнят свою жизнь до пяти лет?

Пленных освобождали, срывая с них ошейники и цепи. Впрочем, воспринимали это все по — разному. И иногда освобожденные русичи кидались на своих мучителей, да так, что воины и не думали их оттаскивать. В горло вцеплялись едва ли не зубами…

А поскольку до конвенций здесь еще не доросли, ни башкиры, ни русичи и не думали останавливать бывших рабов. Они-то не всегда разберутся, а ежели этот человек такая сволочь — может, лучше ему и не жить?

Пусть рабы сами сведут счеты со своими мучителями — завоевателям работы меньше.

К рассвету все было закончено.

Пленные стояли отдельно, кто понурившись, кто сверкая ненавидящими глазами. Рабы споро грузили в телеги все ценное, что можно было найти в селении. Кому еще и знать, что где лежит, как не им? Потом дома подожгут и уйдут. И останется тут только пепел.

Скотина?

Всю с собой не заберешь, но кое-что можно. И пища, опять же…

Пленных допросить, рабам объяснить, что и как, проводить к тракту, а там уж дорога прямая. Пусть идут к Азову. А оттуда их направят дальше. Поднимутся по Дону, кто до Царицына, кто и еще повыше. Туда же и пленных. Но тех сразу примут в Царицыне и определят на строительство канала, нечего зря время терять. Хватит терпеть налеты из степи. Пришла пора поквитаться за разоренные русские селения, за убитых, за тех, кого в рабство увели…

Кажется, татары это понимали. И не ждали для себя ничего хорошего.

* * *

— Как дела, тетушка?

Софья смотрела на Ирину чуть насмешливо даже дерзко, но на этот раз царевна не обиделась.

Как дела? Да уж было, чем похвалиться.

— Первую партию вернувшихся примем легко. Человек пятьсот разместим…

— Тетя, мало! Их ведь не пятьсот будет! Их тысячи пойдут! Сколько эти твари на нашей земле разбойничали! Скольких в полон увели!

— Ты дослушай, племянница! Человек пятьсот — это только женщин и детей. С монахинями переговорено, по другим монастырям я приказала клич кинуть — будет кому и ухаживать, и успокаивать. Человек пятьсот разместим по домам в деревнях, а в казармах — поместим только мужчин. Детей разместим, строятся твои короба…

Софья кивнула. Она сама и нарисовала стандартный детский садик на пять сотен детей. Кухня, столовая, спальни казарменного типа, учебные классы… Да, для мастеров такой проект оказался новостью, но построить они его могли. Пусть пока строилось одно здание — Софья планировала построить их штук пять, чтобы делить детей по возрасту, а из садика направлять сразу в царевичеву школу. Кстати, надо еще одну школу построить, только более военного типа, но это чуть позднее. Сначала садики, а потом у нее еще года три — четыре будет. Зря, конечно, Ордин — Нащокин решил брать детей до пяти лет, но… теперь уж не перерешишь. Не топить же их в речке?

— Вот и отлично.

— Мужчин, я так понимаю…

— Кто захочет по домам — выдадим подъемные, и пусть идут. Кто не захочет — пусть отправляются на Волго — Дон.

— Легко ты царской казной распоряжаешься, племянница.

Софья только фыркнула.

— Тетя, так не царской, неужто ты не знаешь?

— Вот как?

— Царской казны тут третья часть, остальное из других источников идет. Алеша даром времени не терял, в Дьяково сидя, у него и корабли есть, и золото на Урале добывается, и изумруды недавно нашлись…

— А…

— А батюшка, конечно, об этом знает. Но сам сказал, что эти деньги не в казну пойдут, а на богоугодное дело. Не было их в казне — нечего и разворовывать. А то, эвон, Милославский, губы раскатал и ручки протянул…

Ирина покачала головой.

— Родня он тебе…

— И что? Коли родня, так тащить надо, все, что гвоздями не приколочено? Нет уж, родня отдельно, казна отдельно, не то не напасешься.

Это Софья еще умолчала о том, как Иван Милославский пытался влезть в казну царевичевой школы под предлогом родственной помощи. Алексей ему тогда высказал много всего хорошего…

Иван, кстати, оказался понятливым и больше руки не тянул, поскольку про государеву казну разговора не было.

— Да, Соня, гляжу я на тебя и удивляюсь, откуда что берется?

— Тетя, так ты на себя погляди? То сидела смирно, а сейчас? Командуешь, вон, распоряжаешься…

Ирина потупила глаза. Ну да.

Командовала, распоряжалась — и прекрасно себя чувствовала. Властности у нее хватало, в бабку пошла, просто раньше реализоваться было негде. А сейчас-то…

К тому же Софья все устроила хитро. Для всех царевна Ирина на богомолье в монастыре, бояре не шумят, а она тут и за строительством надзирает, и с монахинями договаривается, и по деревням ездит, со старостами разговаривает… не подобает сие царской дочери?

Так ведь никто и не запретил. А нет запрета — нет проблемы.

А вот когда уже возвращенцы пойдут — тут и говорить что-либо поздно будет. Глядишь, еще и канонизируют тетку. А что? Чем не святая Ирина, помощница тех, кто на родную землю возвращается? Надобно это Аввакуму как-нибудь нашептать.

Конечно, царю пытались глаза открывать… но, а ежели царь их открывать не хочет?

Хорошим фильтром служили и Милославские, и Любава, слаженно нашептывающие царю, что дескать, бояре, дармоеды, вместо того, чтобы зады толстые поднять, да делом заняться, напраслину ходят, возводят! Вот где сейчас Ромодановский? Ордин — Нащокин? Где?!

Все на благо государства работают.

А эти…

Уххх!

Так что Алексей Михайлович пребывал в спокойном расположении духа, не мешая своим родственникам творить

добрые дела. Да и то сказать — ведь и верно — добрые! Не на вред же, все на пользу.

А что не подобает…

Это добро-то творить не подобает?! Пусть люди под заборами мрут или на большую дорогу выходят!?

Ну и гады ж вы, товарищи…

— А что с женщинами дальше будет? С детьми?

— С детьми — тут все понятно. Воспитывать будем. С женщинами… тетя, а ты представляешь, сколько нянек надо на сто детей? А на триста? Ежели у кого родные найдутся и пожелают принять к себе несчастную — порадуемся. А кто одинокий — тех пристраивать будем. И жилье найдется, и работа… кто-то в монастырь захочет — тоже препятствовать не станем. А кто и замуж выйдет.

— Да кто их возьмет, племянница?!

— Тетя, какого ты плохого мнения о людях, — ухмылочка у Софьи была откровенно язвительной. — Вот ты представь. Людей освободили. Сначала им к Азову двигаться, потом от Азова вверх по реке домой ехать… мужчинам, женщинам, детям… неужто они за это время и словечком не перемолвятся? Попомни мои слова — кое-кто на строительство каналов семьями поедет.

— Ну ты и лиса, племяшка.

— Чем удобряли — то и выросло. Ну что, поехали, покажешь мне, что и где готово, а то я на денек чудом вырвалась…

Ирина ожидала многого. И ругани, и споров, но Софья была на удивление деловита. Критиковала мало, но каждое ее замечание Ирине хотелось записать, да еще себя по лбу стукнуть. Не додуматься до такой мелочи!

Впрочем, пара девушек, которых для поручений выделила Софья, ходили за царевной хвостиком и все записывали к себе. Ирина решила просто взять у них вечером заметки.

Но наконец осмотр окончился и настало время поговорить и об иных делах.

— Племянница, а ежели я Дуняшу сюда заберу?

Софья пожала плечами.

— Тетя, мне не жалко, но ты можешь гарантировать ее примерное поведение? Что она ни в кого не влюбится, не сбежит, не устроит скандал — и таких 'не' я тебе тысячу перечислю?

Ирина задумалась. За себя-то она была уверена, а вот Дуня…

— Не знаю, Сонюшка.

— Тогда подумай, стоит ли. За ее глупость ты отвечать будешь. Хочется тебе обратно в терем?

В терем Ирине Михайловне не хотелось, так что тема была исчерпана.

А Софья была довольна теткой. Вот уж действительно — все беды от безделья. А дали Ирине возможность работать, дали развернуться — она и пашет трактором. Семьи нет, детей нет, в монастырь неохота… золотой кадр!

Пусть занимается приютами, пусть с детьми возится, полезной себя чувствует, пусть кому и крестной матерью станет… Софья была заранее согласна на многое.

Глупость растет на безделье.

* * *

Собесский был не то, чтобы доволен. Для довольства ему не хватало армии в пятьдесят тысяч человек, орудий, припасов — да всего не хватало. Но сейчас они сделали максимум того, что могли сделать.

Теперь требовалось сковать турок боем под Жванцом, чтобы они не сразу двинулись на Каменец. Хотя бы ненадолго, хотя бы на чуть — чуть. И вот тут-то Собесский собирался использовать естественную полость под замком.

Пусть ворвутся, пусть…

Но на такое дело надо было посылать только добровольцев.

В Жванце сейчас никого не осталось, все, кто жил в нем — сбежали в Каменец. Были только два отряда — один под командованием пана Ярмолинского, который сам вызвался возглавлять отчаянных вояк. И стояла там батарея под командованием Киприана Томашевича.

Всего-то три десятка пушек. Старых, чуть получше, чем те, которые взорвали на переправе, но все-таки не слишком хороших. Хотя и их Собесский отдавал чуть ли не со слезами.

Две сотни добровольцев. Два командира.

Знамя, гордо реющее над замком.

И понимание того, что никто живым отсюда не уйдет. Но они выиграют время, выиграют чьи-то жизни, оплатив их своими… пусть так.

Турки нахлынули на Жванец, подобно мощной приливной волне — и были встречены картечными залпами со стен. В сложившейся ситуации — картечь была лучшим выходом. Изготовить ее было несложно, разлеталась она далеко, калечила и убивала многих, тем более, что турецкое войско было огромно — а как известно, страшнее смерти для воина только вид искалеченного, воющего от боли товарища. И понимание — что завтра, даже уже сегодня это может быть с тобой. А еще — обоз, переполненный ранеными, загнивающие язвы, гангрена — не

видели? И не дай Бог увидеть, лучше уж честно грудью на меч, чем так мучиться.

А еще раненные требуют сил, внимания, лечения… не добивать же всех подряд?

Киприан смотрел со стены на наступление врага. На кружащихся под стенами конных татар Селима Гирея, на янычар, отмечал бунчуки, искал глазами хоть кого-то — и не находил.

Пушки размеренно стреляли, пока войско не раздалось в стороны, и вперед не выехал мужчина на сером, в яблоках коне, с белым флагом в руке.

— Кто комендант крепости?

Прищуренными глазами смотрел на него Ярмолинский. Это был Фазыл Ахмед — паша. Да, можно бы снять его одним выстрелом, но сие бесчестье будет.

Да и толку одного пашу убивать — тут другое надобно.

— Я, Юрий Ярмолинский, комендант замка!

Мужчина выпрямился над воротами замка, глядя гордо и насмешливо.

— Чего надобно!?

— Я Фазыл Ахмед — паша…

Титулы Ярмолинский не слушал. Неинтересно. Да и что может предложить ему этот турок, разодетый, как дорогая девка и блестящий каменьями в перстнях?

Почетную сдачу?

Спасибо, не надобно!

Да неужели?

Ну да, султан, милостью Аллаха, не желает губить храбрых воинов и потому предлагает им открыть ворота крепости. Тогда он разрешит им выйти вместе с оружием и убраться на все четыре стороны.

Гневная волна поднялась в груди поляка.

— Да неужто, пан, ты сам согласился бы жить бесчестной собакой?!

Сказано было увесисто. Паша на миг вспыхнул от гнева, но решил попробовать продолжить уговоры. Опять же, надо дать войску время подойти под стены. Да, они сметут эту крепость с лица земли, но скольких потеряют при этом?

Пушки расположены удачно, а обойти ее и идти на Каменец тоже не выйдет. По ним просто будут бить со стен — и скольких они потеряют?

Слишком велико их войско, в обход его не поведешь — неудобно, лошади, пушки, обоз… а мимо — конечно, поляки воспользуются случаем.

Он бы непременно воспользовался.

— Ты сам видишь, ясновельможный пан, что нас здесь больше, чем листьев в лесу. Ты погибнешь без чести и без толка. Мы предлагаем почетную сдачу…. пока предлагаем! Даем вам час на размышление!

Ярмолинский кивнул и скрылся за зубцом стены.

— Ты им веришь?

Киприан стоял рядом. Юрий усмехнулся.

— Верить нехристю? Я еще с ума не сошел.

— Так что же…

— Проверь еще раз все заряды. А потом — скольких положим, те и наши!

Мужчины переглянулись — и Киприан поспешил вниз, в пещеру. Да, грех было не воспользоваться тем, что сама природа вложила им в руки. Протестовал, хотя и недолго, один Лянцкоронский, но потом махнул рукой.

Коли выживут — краше прежнего замок отстроит.

А коли нет…

Спустя час флаг был спущен.

А Юрий, вроде как скрипя зубами, торговался с пашой, прося забрать с собой пушки и крепостную казну.

Разумеется, Фазыл Ахмед — паша отказывал в этой просьбе, говоря, что жизнь — уже многое и что им оставляют личное оружие и дают уйти с миром.

Юрий настаивал, переговоры велись все ожесточеннее, а потом наконец Юрий бросил шапку под ноги, делая вид, что согласен на все, сгорел сарай — гори и хата — и распахнул ворота крепости.

Люди выходили один за другим, вроде бы задыхающиеся от стыда, сам Юрий вышел первым и встал перед пашой.

— Все ли здесь?

— Да уж все. Мы можем идти?

Фазыл Ахмед паша кивнул, приказывая своим людям начать обследовать крепость. Но те, забежав внутрь, быстро обнаружили, что никого нет.

Зато…

Прямо в центре двора, видимо, брошенные в раздражении, лежали мешки с деньгами. И из них высыпалось серебро.

Про вход в пещеру рядовые солдаты не знали.

Зато…

Звон монет, торжествующие крики, возгласы… что еще надо, чтобы человек потерял над собой контроль?

Янычары и татары вперемешку ринулись во двор крепости, спеша наполнить карманы дармовым серебром.

К шуму и гаму прислушивался Киприан, сидя в своем

убежище.

Пора?

Но знака еще нет….

Когда же?

* * *

Фазыл Ахмед — паша посмотрел на распахнутые ворота. Вот ведь собаки христианские!

То он взял бы казну, а теперь ее растащат по карманам — и ведь не тронешь коня, не взмахнешь плеткой. Не годится ему, визирю из знатного рода Кепрюлю, лаяться над добычей, как татарскому шакалу над падалью! Он подождет еще минут десять, а потом въедет в крепость, как победитель — и над ней взовьется флаг Османов с тремя полумесяцами на зеленом фоне.

Поляки стояли с таким потерянным видом, что визирь невольно усмехнуться, тронул коня…

Он действительно въехал в крепость победителем — и вслед за ним въезжал его личный отряд, несколько сотен отборных янычар, цвет войска и его краса. Фазыл Ахмед был уверен, что его молодцы не уступают султанским. Он остановил коня во дворе, прямо посередине, там, где лежала казна — и огляделся по сторонам.

Нет, много проблем ему бы этот замок не доставил, но к чему терять время и жизни правоверных?

Странно другое. Почему бросили казну во дворе?

И… что это? Что происходит?!

Это изумление и стало последним чувством в жизни визиря.

А тем временем турки с удивлением наблюдали, как три человека выхватили из-под кафтанов пистолеты.

Три выстрела прозвучали один за одним.

Дах!

Бах!!

Да — дах!!!

Трое воинов упали, как подкошенные. И турки схватились за сабли!

Убить, уничтожить негодяев, их выпустили, а они еще и поднимают руку на воинов Аллаха?!

В порошок растереть мерзавцев!!!

Но прежде, чем кто-то опомнился, тяжело ухнуло в недрах скалы. И на глазах у изумленных турок, замок просто принялся складываться вовнутрь, рушиться, словно песочный домик, сломанный злым мальчишкой, проседать…

Никто не успел не то, что выехать — поворотить коня.

Войско замерло в недоумении — и этим воспользовался вторично пан Володыевский.

Звонко запели рога — и на противника ринулась кавалерия.

Откуда они взялись?

Из-за холма. Рельеф местности был таков, что спрятать много не получалось, но сотни три — четыре — вполне. А остальное уже было оговорено и продуманно.

Юрий должен был оставить во дворе крепости и пушки — и казну, чтобы крепость не осматривали тщательно. Ну, кто будет лазить невесть по каким подвалам, когда вот она — добыча!?

А поляки, растерянные и злые, уходят, оставив все победоносному воинству правоверных?

А дальше все просто. Уж больно район удачный, грех не воспользоваться. Карст, мел, гипс, пещеры — как раз те породы, которые легко взорвать и легко пройти.

Заложить заряд побольше в пещеру под замком, правильно все рассчитав — и он просто сложится со всеми, кто будет внутри. Что, собственно, и произошло.

А то, что Киприан настоял на своем непременном участии…

Война рождает мучеников и героев намного чаще, чем хотелось бы их близким. К тому же, именно он, как блестящий артиллерист, как инженер, мог правильно расставить заряды и оценить обстановку. Ведь если бы не получилось…

Но все получилось. И теперь пятьсот человек нещадно нахлестывали коней, гоня их на турецкое войско.

Ошеломленное.

Лишенное военачальника.

Впереди мчался пан Володыевский, и ярко блестела над его головой занесенная для удара сабля.

Развевались знамена… поляки были неудержимы.

Они врубились в турецкие ряды, как раскаленный нож в масло — и так же легко принялись проходить их, нещадно полосуя всех, до кого доберутся.

— Урррааа!!!!

— Матка боска!!!

— Володыевский!!!

Слишком много поляков спрятать не удалось бы, поэтому остальные конные части спешили к ним на подмогу. Они еще только появились на горизонте, они летели, стремясь скорее ввязаться в битву…

И турки дрогнули.

Строй рассыпался, теряя всякое сходство с войсками, конные поворотили лошадей, нещадно нахлестывая их, стремясь

добраться до своих, пешие в ужасе давили друг друга…

Кое-кто пытался организовать сопротивление, но куда там!

Когда войско превращается в стадо — оно затопчет любого.

И они топтали друг друга, рвали, едва не зубами, распихивали, стремясь добраться до Днестра, где переправлялось остальное воинство…

Там Володыевский их уже не преследовал, хотя и скрипел зубами. Тут бы пушек — то-то веселье бы пошло. Но — нельзя.

Ладно.

И так авангард разбит, боевой дух османов хорошо подорван, теперь надо собрать своих и в Каменец. Следующий бой будет уже под его стенами.

Не меньше десяти тысяч турок и трех сотен поляков остались в тот день у обрушенного Жванецкого замка. Из добровольцев не выжил никто.

Они оказались в самой гуще схватки — и дрались отчаянно. Но выхода у них не было.

Уже поздно ночью поляки грузили своих на трофейные телеги, попутно добивая уцелевших турок. Не мародерствовали — не до того. Собирали только оружие, ловили коней, грузили ружья, вывезли два десятка трофейных пушек и большое количество пороха и смолы — крепость готовились осаждать и подорвать, коли ее сдавать откажутся.

Звезды слабо светили над полем боя, удивляясь людской кровожадности, но поляки работали, как безумные.

Сегодня они отбросили турок, завтра уже здесь будет остальное войско. И пощады ждать им не придется.

Только перед рассветом печальный обоз двинулся к Каменцу. Почти сотня телег, лошади, всадники.

Отдельно, завернув в турецкое знамя и перекинув его поперек седла, везли храброго пана Ярмолинского. Его, страшно израненного, нашли под грудой турецких тел — он оборонялся до последнего, а когда понял, что одолевают супостаты — поджег фитиль оставленной для себя гранаты и продолжал драться, пока взрыв не лишил его жизни.

Теперь он будет покоиться в Каменецкой часовне, как герой. А там — и еще кто-то ляжет с ним рядом.

Но об этом пан Володыевский сейчас не думал.

Он мечтал, как подъедет к Каменцу, как будет махать со стены платочком его Басенька, а потом выбежит навстречу и пойдет рядом, взявшись за стремя, и все равно ей, что так не подобает — потому что она будет смотреть на него и повторять самые лучшие для всех женщин мира слова.

Вернулся.

Живой….

Больше мужчине ничего и не надо было…

* * *

Ромодановский смотрел на бумаги и только изредка вздыхал.

Тяжела ты, ноша коменданта Азова. Если б кто знал, сколько проблем решать приходится, сколько всего разгребать…

Стену чинить, корабли как-то осваивать, опять же, с пленными разбираться, с ручейком освобожденных, который потек из степи — выпусти башкир на свободную охоту, так они и не такое устроят….

А еще есть местное население, которое пока тоже никуда не денешь… ладно, денем. Просто на все и сразу рук не хватает, опять же, мужиков извели, а местные бабы…

Во — первых, пора бы им откушать то, чем русских рабынь пичкали. Во — вторых, у него тут тридцать тысяч мужиков. И как им без баб? Никак.

Без вина еще туда — сюда, а вот без баб — сложно. Чай, не янычары безбожные, у которых содомский грех, говорят, процветает пышным цветом.

Одним словом — рук не хватало, сил не хватало, помощников тоже не хватало…

И это несмотря на то, что с войском шло тридцать царевичевых воспитанников, которые оказали незаменимую помощь во всех делах. Тут-то Ромодановский и оценил их.

Умны, вежливы, не просто делают, что прикажешь, а иногда и лучше делают. Более того, не стесняются и предложить, и свое мнение отстаивать. Грамотны, на нескольких языках разумеют, объясняться могут с кем угодно, а при засилье людей разной крови в стенах Азова это важно.

Да, умен царевич, очень умен. Хороших помощников себе растит.

Ромодановский отчетливо понимал, что коли б не мальчишки — он и к весне не управился бы. А так — постепенно, потихоньку, полегоньку и дела движутся. И хорошо движутся.

К этому моменту уже и стену заделали, пока еще не слишком хорошо, но с каждым днем становилось все лучше и лучше, и с имеющимися пленными разобрались. Конница шерстила степь без устали — и в Азов тек ручеек пленных. Бывших хозяев под приглядом бывших рабов. Справедливости ради, до Азова доходили далеко не все татары. Нет никого страшнее раба, который получил свободу. Иногда бывало и так, что женщины —

рабыни убивали своих бывших хозяев или хозяек. Что ж, как аукнется, так и откликнется.

Почему под стены Азова до сих пор не пришла армия татар?

Элита татарской армии ушла в поход вместе с Селимом, а оставшийся на хозяйстве Селямет не обладал блестящим умом брата. Зато точно понимал, что проиграет. Под Азовом можно было сидеть долго, но без тяжелых пушек, без турецких янычар все было обречено на неудачу изначально. Конницей крепости не берут.

Вот на отряды, которые громили татарские селения, охоту начали, но пока не особо успешную. Конники против конников — выигрывает тот, кто держится настороже и лучше вооружен.

Петька неотлучно находился при боярине Ромодановском, сегодня была очередь троянских коньков. А что?

С динамитом — все, более нет его, взрыватели они отдали на хранение дядьке Воину, теперь работать надобно. По поручениям бегать, документы писать, здесь-то грамотность да знание языков и пригодятся. Опять же, вояки из них пока плохие, а подмогнуть все одно надобно.

Не привыкли царевичевы воспитанники без дела сидеть!

А пока есть время Петька сидел прямо перед кабинетом Ромодановского и пытался разобраться в книге со сложной арабской вязью. Да, умел царевичев воспитанник читать по — арабски. Ибрагим научил.

Петька еще когда понял, что лишние знания — лишними не бывают и сейчас восстанавливал в своей голове сложные слова, пытаясь понять, что говорит Меджнун своей возлюбленной Лейли…

— Сидишь, читаешь, отрок?

Петька вскинул голову. Рядом с ним стоял и пристально глядел в книгу сам боярин Ромодановский. Воевода…

— Да, батюшка боярин…

— Смотрю, язык — от не русский?

— Сие арабская письменность, государь…

— Можешь называть меня дядькой Григорием. Как-никак, ты царевичев воспитанник, так что урона чести моей от этого не будет.

— Невместно мне то, батюшка боярин. Как-никак ты знатного рода…

— А то не знаю я, что вы между собой говорите? — Ромодановский вдруг весело улыбнулся. — Вам ведь царевич вместо отца стал, так что еще кто выше — поглядеть надобно. Разве нет?

Петька тоже считал так же. В голове мальчишки прочно

засела мысль, что выше защитника земли русской и чина-то нет! Бояре?

Ну и что?

Хорошо, когда они умные, да дельные! А коли просто шум да лай от них идет великий? Нет уж, не по чинам польза для земли православной считается. Но боярина Ромодановского стоило уважать — дельный человек. Так что Петька был предельно вежлив.

Боярин же смотрел на мальчишку, словно в первый раз увидел.

И что?

Сидит отрок, лет ему где-то семнадцать, не более. Худой, как щепка, светлые волосы на солнце выгорели, глаза голубые, лицо серьезное, пальцы тонкие, но с мозолями. Может и перо, и меч держать. Одет очень просто, но добротно. Рубашка из хорошего полотна, кафтанчик теплый, не заплата на заплате, сапожки добротные, ремень кожаный. На поясе метательные ножи, рядом сабля лежит — только руку протяни. Но главное — глаза.

Внимательные, цепкие, умные — и страха в них нет. И преклонения, раболепствования — тоже. Пристально глядит, оценивает собеседника, просчитывает, что от него ждать…

Таких на Москве не найдешь. Что ж с ними царевич такое делает?

Ответ был прост. Ребятам показали, что с ними может случиться, из грязи вытащили — и научили думать. Главное — думать.

— Смотрю, многое вы знаете?

— Так надобно, батюшка боярин. Что за радость в глупом человеке?

— И то верно. Скажи, отрок, а что ты дальше делать будешь?

Петька даже удивился.

— Что государь царевич прикажет — то и стану делать.

— А к кому другому на службу пойти у тебя желания нет?

Петька замотал головой.

— Нет, батюшка боярин. Государь нам честь оказал, негоже нам неблагодарными быть.

— Даже так?

Но сильно Ромодановский не удивился. Он уже пытался прощупать нескольких ребят, думая, что и сам бы от таких помощников не отказался. Бумаги вести, опять же, вороватая дворня и управляющие — вечная проблема…

— И никак иначе, батюшка боярин.

— А коли государь вам прикажет к кому другому на службу пойти?

— Мы все исполним, как приказано.

Петька смотрел честно и искренне. Ромодановский и предположить не мог, что этот разговор был предвиден заранее. Да, такие кадры — редкость. Да, их будут пытаться перевербовать. Но в головы ребятам все время обучения вкладывалась одна и та же мысль. Больше, чем от царевича, они нигде не получат. Даже если вначале им дадут золотой, то расплатиться за него потребуют изумрудом. А царевич их ценит, поощряет… а уж когда государем станет. Так что…

Не добившись ничего иного, Ромодановский похлопал парня по плечу и отошел. А в голове у боярина была одна мысль — а царевич-то непрост.

Порох этот чудной, помощники выращенные из бросовых — иначе и не скажешь, детей…

Да. Своих детей тоже стоит в царевичеву школу пристроить. Такое образование, да еще боярское происхождение… они далеко пойдут при новом царе.

Великая вещь — образование.

* * *

В эту ночь султан держал совет с приближенными.

Мехмед был неглуп, просто его не столько интересовали государственные дела, сколько охота, гарем, развлечения… он был еще молод — этот тридцатилетний Авджи, то есть охотник. Он воевал потому, что ему так подсказал великий визирь… а сейчас визиря не было.

Хотя рядом были и другие из старинного рода Кепрюлю. Шел с войском Мерзифонлу Кара Мустафа паша. И именно на него обратил свой взор султан.

— Что скажете, правоверные?

Визирь и военачальники переглянулись. Ну что тут скажешь?

— Повелитель, подлые ляхи предприняли бесчестное нападение. Они атаковали нас на переправе, они обманом заманили моего брата в Жванец — и взорвали его, а потом напали на наше войско…

Султан молчал, но молчание это было опасным, пахнущим ядом и плахой. Наконец он разомкнул губы.

— Каковы наши потери?

— Около двух тысяч человек.

— Лжешь, собака!

Селим Гирей сверкнул глазами, едва удерживаясь, чтобы не схватиться за плеть.

Мехмед поднял руку, заставляя союзника замолчать.

— Две тысячи человек?

— Н — наших янычар.

— И столько же татар! Моих татар! И это только в Жванецкой крепости! — Селим Гирей не просто выглядел разъяренным, он и был таким. Именно по татарам пришлись удары Володыевского, а учитывая, что их было в два раза меньше турок, всего сорок тысяч — потеря пятой части войска серьезно ударит по его авторитету. И это ведь — война еще не началась! Только две первые стычки!

Они шли на слабую, разоренную войной страну — и не рассчитывали на такие потери. Еще пять тысяч — и его свои удавят.

Дорошенко промолчал, хотя и его потери составили человек пятьсот, не меньше. Но ему ли было открывать рот на военном совете султана? Перебежчиков нигде не любят, хоть и пользуются.

— Почему так произошло?

Выслушав подробные ответы, султан нахмурился. Он рассчитывал — да и Фазыл Ахмед говорил, что в этом районе у поляков не будет армии, что защищать особенно ляхов некому, что они боятся, как бы им русские в спину не ударили…

Ага, страх виден…

Либо нашелся кто-то, кто пришел сюда, либо…

Неслышной тенью скользнул в шатер слуга, склонился к уху Селим Гирея, шепнул пару слов…

— Мои люди задержали перебежчика, — татарин чуть успокоился. — Говорят, специально к нам шел…

— Привести.

Султан раздумывал недолго. Поворачивать назад?

Не выход.

Нет, он может, но смеяться над ним будут… пошел за шерстью, а вернулся стриженным. Да и янычары не потерпят… им нужна хотя бы одна убедительная победа.

И вот, стоит посреди шатра невысокий сутуловатый человечек, смотрит в пол, мямлит, а глаза у собравшихся все больше светлеют.

Да, пара тысяч человек есть. Ополчение собрали, Собесский пришел с тысячей, но там конники — этим Володыевский и воспользовался. А так пушек почти нет, припасов тоже, осаду Каменец не выдержит точно…

А он?

А какой человеку резон оставаться там, где прокатятся копыта победоносной турецкой армии? Ему еще жить охота. А коли господа его хоть монеткой облагодетельствуют…

Господа облагодетельствовали. Чего они не знали — так это

того, что мужчина останется в обозе, болтая о чем-то с кашеварами…

Таких перебежчиков было двенадцать человек. Они шли на риск вполне осознанно и добровольно, зная, что их могут убить в любой момент — и смерть может оказаться напрасной. Но выбора не было.

Турки должны были получить ложную информацию о количестве польских войск.

А уж о подмоге и вовсе никто не знал, кроме Собесского, который получил письмо с голубем. И откровенно этому обрадовался. Двадцать тысяч — все лучше, чем его десять — и те неполные. А уж слава…

Потом, после победы, когда выживем, распределим, кому пироги, а кому тумаки. Но для начала надо выжить.

Пусть они выбили уже несколько тысяч врагов — их же больше ста тысяч!

Ста тысяч…

На каждого — по пять человек.

А еще пушки, мушкеты…

Шансы выжить — минимальны.

Но не сдаваться же врагу еще до боя?

Ян вздохнул и отправился радовать Ежи Володыевского. Уж кто-кто, а он имеет право знать, тем паче, что мужчина умный, толковый и вояка отменный.

Он, Володыевский и Лянцкоронский — вот и все командиры. И каждый знает все планы — так, на всякий случай, мало ли кого убьют?

Каменец должен выстоять до прихода подмоги.

* * *

Как же хороша ночь в поле. Поблескивают в небе звезды, ласково перебирает волосы теплый ветерок, шелестит трава и дурманно пахнут смятые ее стебли. Единственная беда — тишину услышать так и не удается. Десятитысячное войско — оно шумит вне зависимости от желания. Люди, лошади, телеги…

И вся эта толпа устраивается на ночлег, где-то разговаривают, где-то играют в кости, где-то смеется обозная девка, из тех, что обязательно следуют за любой армией в надежде набить карманы… но это мирный шум. Ни криков, ни ругани — бывает, что кто-то не сдержится, но буяна мигом успокаивают друзья. Тем паче, что ничего хмельного царевич не разрешил. Еще в начала похода сказал, что пороть будет нещадно

— и слово свое сдержал. Так что ежели кто флягу с вином и припрятал, то отпивали по чуть — чуть, стараясь, чтобы видно не было. Царевича в армии уже зауважали.

А то нет?

Хоть и молод, а идет вместе со всеми, для себя ничего не требует, в дела армейские вникать не ленится, опять же, снабженцы не решались все подряд воровать, видя, что царевич и по лагерю пройти не брезгует, и из солдатского котла ложку каши зачерпнуть — попробовать, чем кого кормят. Троих повесили, потом откуда-то мигом деньги появились и гнильем кормить солдат перестали. Жить — от всем хочется.

Государь царевич удобно устроился лежа на пузе у костра и глядя на пламя. Ему никто не мешал, пока вдалеке не послышался топот, а там из полумрака появился и Григорий Иванович Косагов. Он и Анфим Севастьянович Хитрово официально считались при царевиче воеводами.

— Государь царевич, там гонец от Собесского.

— К кому?

— К государю Михайле…

Алексей кивнул.

— Ну, проводи его сюда ненадолго, поговорить хочу…

Иван Морозов, устроившийся с другой стороны костра, взглянул на друга.

— Расспросить, как там?

— Нам еще дней десять, кабы не больше идти… хочу знать из первых рук, что мы там застанем.

— Турок под стенами, турок в поле…

— Лишь бы не турок на стенах Каменца.

— Сам знаешь, укрепления там хорошие…

— К укреплениям люди нужны, пушки, порох…

Вот последнее Алексей Михайлович не чинясь, выкупал в тех городах, мимо которых они проходили. Задерживаться не желал, а деньги были. За пару изумрудов ему любой градоправитель не то, что пару пушек — свою жену готов был продать. У Алексея Михайловича было королевское письмо, которое разрешало ему реквизировать все, что надобно для победы — заплатим потом, когда турок выкинем, Михайло справедливо рассудил, что семь бед один ответ, да и вообще — кто судит победителей? Коли наша возьмет, потом и разберемся, и заплатим. А коли победят супостаты — все одно платить не придется, выжить — и то вряд ли удастся. Но Алексей старался не злоупотреблять.

— У нас все это есть…

— Продержатся ли… опять же, письмо Михайле отписать.

— Да уж. Кто бы сказал еще лет десять назад, что будем

ляхов выручать из беды…

— Софья. Она и не такое могла бы сказать.

Иван Морозов благоразумно промолчал. И правильно сделал, потому что через пару минут в круге колеблющегося света от костра, оказался высокий молодой мужчина.

— Государь! Десятник Станислав Лаской, послан паном Собесским к его величеству…

— Это понятно. Передохни пару минут, коня, опять же, смени — и вперед. Да и мне пока расскажи, что под стенками Каменца творится?

— Пока еще не подошли басурмане.

— Сколько их?

— Разведчики сообщили, что более ста тысяч на нас идет.

— Вот как?

Алексей и Иван переглянулись.

Страшно?

Нет, в этом возрасте ребята еще не понимали, что могут умереть. Были вещи пострашнее. Вернуться с поражением, попасть в плен, увидеть разочарование в глазах близких, погубить войско, которое тебе доверилось…

— Откуда столько?

— Семьдесят тысяч турок, да сорок крымских татар, да еще тысяч пять Дорошенко привел…

Фрол Разин, который далеко от царевича вообще не отлучался, скрипнул зубами. Были, были у братьев Разиных свои счеты с Дорошенко, их бы воля — они бы его гетманскую булаву вовсе не по назначению использовали, объясняя человеку всю глубину его заблуждений. Ну, Бог даст — еще сочтемся, Петруша…

— Много…

— Так мы их не считаем, мы их бьем!

— Много побили?

— Так тысяч пятнадцать, почитай!

Про переправу и оборону Жванецкого замка ребята выслушали внимательно. Отлично. Значит, их уже не более ста тысяч. Много, конечно, слишком много… ну да ладно! Бог даст — одолеем супостата!

— Где их войско сейчас?

Гонец потратил почти полчаса, рассказывая о переправе, о том, как бил негодяев пан Володыевский, о том, как взорвали Жванецкий замок…

Алексей и Иван переглянулись.

Была у них пара козырей в рукаве. И, наверное, придется их выложить. Это гонец коня гнал что есть силы, а они в лучшем

случае к осаде подоспеют, в худшем же…

Им останется только отомстить.

До поздней ночи ребята что-то прикидывали, считали на листах бумаги, сверялись с картой, уточняли у поляков, которые шли с армией…

* * *

Татьяна в небо смотрела с тоской, слезы по щекам не катились — все выплакала. Хоть десять минут, да ее. Да разве звезды здесь такие, как на ее родной сторонушке? Злобные здесь звезды, нехорошие, словно кто сверху издевательски смотрит…

Как же она ненавидит это место.

На ложе сопит под дорогим шелковым покрывалом ее хозяин, колышется тучное чрево…

Хозяин.

А она — рабыня. И зовут ее здесь — Тангуль.

Как бывает?

Жила в деревеньке небольшой, у матушки с батюшкой девочка Танечка, росла, как полевой цветочек, горя не зная. До двенадцати лет росла, а потом налетели вороги черным облаком. Отец полег от вражеской стрелы, мать изнасиловали и бросили умирать в луже крови, братьев в полон угнали….

Танечку бы тоже по кругу пустили, да спасла ее внешность. Волосы светлые, глаза голубые, личико миловидное, а невинная рабыня дороже стоит.

Так и погнали девочку в степь, а там и хозяин нашелся.

Толстый, старый, страшный… ненавистный.

Да еще жены его волками смотрят.

А скоро и вообще конец придет, ей уже шестнадцать лет, хозяин говорит, что она слишком старой стала. Вот как новую рабыню достанет для своих утех, так ее женам в прислуги отдаст. И тогда…. лучше уж сразу умереть.

Да нельзя, грех то великий…

Хозяина убить?

Тоже сразу умереть не дадут, мучить будут, на кол посадят, кнутом исполосуют, или вообще лошадями разорвут… страшно. Смерти бояться не стоит, а вот боль Танечку пугала — и сильно.

Только вот и то грех, и это грех, и терпения у нее не хватит…

Может, действительно лучше хоть одну жизнь за свою взять? Ведь может она достать оружие, давно ее глупой да покорной считают…

Рабыня с омерзением посмотрела на толстое чрево,

вздымающееся под тонким шелковым покрывалом.

Мразь!

Нечисть!

Тонкие пальцы, украшенные перстнями, сжались в кулаки. Сочтемся…

Но… что это?

Крики раздались с улицы, выстрелы, шум…

Таня вскочила, напряглась, словно кошка.

Напал кто? Выглянуть?

Нет, лучше уж спрятаться. Ежели напал кто — рубить будут всех, не разбирая. А коли спрятаться… рабыня метнулась к стене шатра, ужом заползла под ковер, уже не глядя, как вылетает наружу хозяин.

Шум продолжался долго, крики, стоны, выстрелы — страшная песня налета. Таня сидела в своем укрытии, скорчившись, словно младенец в утробе матери. А потом услышала…

— Не возись тут долго. Золото в общий мешок ссыпь — и пошли.

— Сейчас, погоди, Фома. Глянь, шарф какой…

— Да к чему тебе тот шарф?

— Тебе ни к чему. А я Дуньке в подарок возьму, знаешь, как рада будет…

Русские?! Родные?!

СВОИ!!!

Таня почти вылетела из-под ковра — и рыдая повисла на шее у первого же воина.

— Родненькие вы мои!!!

Мужчины переглянулись. Глупой девчонке было и невдомек, что ее едва не рубанули саблей, приняв за местную девку — спасла копна соломенных волос, не бывает таких у татарок. А уж потом…

Мужчина, за которого цеплялась Танюшка, мягко отстранил ее.

— Ну-ка девка, вытри слезы. Ты откуда?

— Из Опалихи… деревенька так наша звалась…

— Давно в рабстве-то?

— Да уж четыре года тому…

Мужчины переглянулись.

— Ага. Ну вот, ты тут одевайся как следует, собирай свои вещи, да на улицу выходи. Государь наш, Алексей Алексеевич войска послал, Азов взяли. Таперича всех, кого освободили, спервоначала туда отправят, а уж опосля домой.

— Нет у меня дома, пожгли тогда нехристи нашу

деревеньку…

Русские слова вспоминались чуть с трудом, почитай сколько времени она не говорила так.

— И о том не беспокойся, на улице не останешься, государь милостив. Поедешь в Царицын, там тебе место найдут… ежели замуж по дороге не выскочишь. Так что собирайся, да обувку получше возьми, дорога долгая…

Воин был чем-то очень похож на Таниного отца — те же светлые волосы, голубые глаза, добрая улыбка…

Мужчины вышли, а Таня заметалась по шатру, лихорадочно собирая вещи. Сапожки бы, да откуда… а можно у хозяйского сына обувку взять, пусть и великовата, да ноги обмотаем тряпками — сойдет. Платье, опять же, и на сменку. И главное — золотые в мешочке. Знала она, где хозяин их зарыл, вот так, на груди скрыть… что еще на родной сторонушке ее ждет?

Но нищенствовать она всяко не будет, а там и правда, замуж выйдет?

И пятнадцати минут не прошло, как она вышла на улицу — и едва в кровь не наступила. Лежал рядом с шатром ее хозяин — и из истыканного саблями брюха уж и кровь не текла, только мужи роились. Таня смотрела долго, с удовольствием, впитывала каждую подробность…

А потом плюнула на труп.

— Туда тебе и дорога, мразь!

Огляделась пристальнее…

Трупы валялись повсюду, но плакать по этому поводу Таня не собиралась, она бы и еще парочку добавила с удовольствием. Например, старшую хозяйскую жену, Хатию, которая постоянно отвешивала девушке пощечины за глупость и неумелость, а на самом деле просто ревнуя к мужу. По поселку споро сновали русские и башкиры, увязывая, что поценнее и грузя на телеги. Теперь им предстоит путь в Азов, а там сдадут все по описи — и барахло, и рабов — и опять на охоту. Кое-что, конечно, пряталось по карманам, но без особого энтузиазма — не первое селение грабили, успели трофеев набрать. Да и знали, что карманы им никто выворачивать не будет. Ежели за что и будет ругаться Ордин — Нащокин, который занимался пленными, так это за обиду, учиненную православным. Но их-то и не обижали. А татары…

Пожировали?

Хватит!

Могли и прирезать, и позабавиться, и татарских женщин прямо на улице разложить да по кругу пустить… а чего, ежели кровь после схватки в жилах кипит?

Таня осторожно обходила такие развлечения, крадясь в тени шатров, пока не добралась до телег, где ей и кивнул один из русичей.

— Рабыня? Звать как?

— Таня, — попробовала женщина свое вернувшееся имя. Никогда она себя больше не позволит называть Тангуль. Никогда!

— Иди сюда, Танюшка, с детьми поедешь.

— С детьми?!

— А то ж, — мужчина улыбался. — Не убивать же малышню, а и оставлять тоже нельзя. Потому государь и распорядился — брать малышей на Русь и растить из них православных воинов.

Таня только ахнула.

— Из татарвы поганой?

— Так турки-то растят из православных — своих янычар. Чем мы хуже?

Таня пожала плечами. Безумный был разговор, но только для нее, а мужчина то уже не первый раз и не первой бабе объяснял, смотрел даже чуть устало.

— Тебе все равно до Азова ехать — вот и отработай. Пригляди за малышней, сказки им расскажи, нашему языку поучи… справишься?

— Дома за малыми ходила…

— Ну и здесь походи, для родной земли ж стараться будешь. А мы не обидим, я пригляжу.

— Спаси тебя Бог, дяденька. А как звать тебя?

— Федотом кличут. А прозвище — Оглобля.

Таня робко улыбнулась. Мужчина и верно, чем-то похож был — длинный, весь в рост ушел, зато тощий, как щепка.

— Телегу мою запоминай, да вот этих детей…

Таня поглядела. Лежали в телеге трое малышей, почти грудных…

— Дяденька Федот, так не доедем мы с ними, молоко нужно…

— Сейчас поищу им чего. А ты садись пока, обустраивайся, ежели что еще понадобится — скажешь.

— А то как же, дяденька Федот. Молоко обязательно, тряпки на пеленки, без них никак, крупа хоть какая — кашу сварить…

— Будет.

И ушел в темноту. Таня неловко перекинула ногу через бортик телеги, полезла, подумала, что стоило б в шатер возвратиться за подушками. Но это она лучше дядьку Федота попросит, а сама сейчас отсюда ни за что не уйдет. Мало ли что, мало ли кто…

Интересно, что с ее бывшими хозяевами?

Хотя… какая разница?

Она еще расспросит дядьку Федота, она еще много чего сделает, но это — потом.

Азов, Царицын… Русь — матушка! Дом родной и любимый…

Таня мечтательно зажмурилась.

Воля!

* * *

Софья тоже не скучала в Москве. Не успели ребята уйти в поход — умер патриарх Иоасаф. Выбрал время!

Этим мужчиной Софья была более чем довольна. Хоть и выбрали его в качестве буфера, но ведь справлялся!

И раскол кое-как придерживал, и негативные настроения в среде духовников давил, как мог. А вот кого теперь?

Алексей Михайлович уже жене обмолвился насчет Питирима… с другой стороны — а будет ли толк?

Стар уже товарищ, болен, заговаривается… но нет равновесия у церковников. Может, и пусть пока побудет Питирим, а Софье надо было теперь списки поглядеть — и подумать, кто сможет аккуратно и осторожно провести Русь между двумя канонами в тихую заводь.

Был вариант с Иоакимом, но что не нравилось Софье — слишком этот товарищ дружил в свое время с Матвеевым. Тут уж одно из двух. Либо товарищ — черная овечка, либо — лизоблюд. И то, и другое достаточно плохо. Пообщаться бы с ним… только вот высшие церковные чины с царевнами в непринужденной обстановке не пересекаются. Так что выход один — соглашаться на Питирима и дать Аввакуму задание — приглядеть кого поприличнее. Так, чтобы умел смотреть на два горизонта, а не в одну точку.

А в остальном все было тихо — спокойно.

Бояре не вякали, Милославские не воровали больше нормы, маленький Володя рос, как на дрожжах, Любава была жива — здорова. Даже пакостный старец Симеон — и тот покамест притих, понимая, куда его пошлют с любыми предложениями. Война же, да и отец за сына волнуется…

Пришло письмо от Марфы — сестрица благодарила за помощь. Пришло письмо от Михайлы Корибута — тот вообще растекался от счастья. Не рассчитывал мужчина на такое, чего уж там, не верил…

Скорее понимал, что пока может один остаться перед турками, а страна-то не выдержит. Да, вот так оно в политике. Все

друг другу клянутся в вечной дружбе, а вот как надо руку протянуть… и куда чего девается? Сразу у всех то понос, то золотуха, то лишай, то почесуха…

Но Алексей Михайлович зятя не бросил.

Писал Ордин — Нащокин, писал и о том, что направит к ней еще мастеров, кое — каких учителей и вообще интересных людей. Благодарил за зелье, интересовался, нельзя ли еще получить… надо было опять озадачить сэра Исаака, чтобы к весне еще пара десятков килограмм зелья была. Но ведь дело-то хорошее! Крым брать надобно! Такая корова нужна самому!

А еще Софья переживала за брата. Ну и за сестру тоже. Окажись Марфа в турецком плену — ничего особо страшного ей не грозит. И статус, и характер, и навыки — все есть. Но сколько ж труда даром пропадет?

А Алексей?

Там такое войско, а ведь он не станет отсиживаться за чужими спинами — и ничего-то она сделать не может.

Или может?

Здесь — приглядеть за школой. Ну и по мере сил повлиять на политику. А в остальном — делай, что должна и будь что будет. Самое главное она сделала для брата. Она дала ему шанс. Но не мало ли?

Это она может узнать только по результатам военных действий.

* * *

Пятнадцатое августа 1672 года…

Ян Собесский смотрел со стен на турецкое войско. Сначала появились всадники. Конные татары Селим Гирея. Потом горизонт покрылся черными точками. А потом они приблизились — и стало видно, что все это люди.

Хоть и не стоило, но Ян втихорца перекрестился под плащом. Страшновато…

Вот сейчас вся эта волна нахлынет, будет биться о стены — и рано или поздно…

Но Каменец защищать было удобно. Сам старый город, который расположен на возвышении, был сейчас как следует укреплен и хорошо оснащен пушками. Новый же город планировалось сдать и садиться в осаду, коли так получится. Были уже подготовлены все возможные ловушки. Была укреплена напольная часть нового города, но не так, чтобы уж сильно. Новые пушки сосредоточили в старом городе. В новом же было

то, что не жалко будет и врагу сдать — мучайся, гад, с такими трофеями! На и подавись!

Ян и не рассчитывал удержать Новый замок. Но и сдавать его без боя не собирался. А потому укрепляли его именно так, как надо было Собесскому. Этим занималась примерно половина его войска. Вторая же половина, под командованием Лянцкоронского, устраивала туркам сюрпризы, используя, где только можно, рельеф местности.

А в остальном…

Полубастион святого Михаила отдать Мыслищевскому, святого Юрия — Гумецкому. И дать каждому по пятьсот человек под командование. Эти справятся.

А вот старый замок…

Длинную южную сторону держал Лянцкоронский. Укрепили Папскую и Ласкую башню. Западную же часть поделили между Владиславом Вонсовичем, который закрывал Новую Западную и Денную башни и майором Квашиборским, которому доверили башню Рожанка.

Зазвенели колокола.

Это Краковский епископ Анджей Тшебинский служил молебен о даровании победы над язычниками. Придя с добровольцами, в количестве пятисот человек, он так и остался в Каменце, сказав, что в Кракове и без него найдется, кому помолиться. Защитники это оценили…

Пока татары перемещались под стенами, создавали массу, то подступали почти вплотную, так и вынуждая сделать хоть один выстрел, то наоборот, горячили коней, отходя от стен. Кричали что-то оскорбительное, пугали…

Ян не шевелился. Это все было нормально. Напугать, ошеломить, предложить сдачу… только вот ему отступать некуда.

Хорошо его подловил молодой король.

Коли отказался бы он сюда идти — тут и голова с плеч, как изменника. Даже если и нет — никто б его более не поддержал и не уважал вовек. Ну да ладно. Будет и на его улице праздник тут главное — победить. И Ян готов был даже положить здесь все свое войско, лишь бы ушли басурмане…

Он прождал так до вечера. Но в этот день ничего более не произошло. Турки подходили всю ночь, устраивались, ставили палатки, жгли костры, время от времени из лагеря долетали шум и крики…

К полуночи Ян плюнул, оставил наблюдателей и ушел спать.

Чтобы проснуться с утра, глядя в испуганные глаза оруженосца.

— Посыпайтесь, ясновельможный пан! Там эти… басурмане!

Ихний главный подъехал, белым флагом машет, требует старшего…

Ян чертыхнулся, плеснул в лицо выстывшей за ночь воды из стоящего рядом кувшина, побыстрее оделся, накинул плащ, натянул сапоги и направился на стену.

Хоть и враги да вежество соблюдать надобно. Не могли они еще подождать…

Султан, конечно, на переговорах не явился — невместно это королю, хоть и нехристю. Зато были под стенами Селим Гирей и был там подлец Дорошенко, при виде которого скрипнул Ян зубами, мысленно обещая, что коли попадется мерзавец ему в руки — получит смерть на колу. А нечего предателей разводить! Не — ет. Коли предал ты своих и к нехристям на службу пошел — смерть твоя такой должна быть, чтобы все остальные сорок раз задумались — и отказались от своих планов.

— Я — комендант крепости. Коронный гетман пан Собесский.

— Прошу ясновельможного пана спуститься для переговоров! — подал голос Дорошенко. Ну да, крымчаку говорить не с руки, а кому помельче — тоже невместно. Ранг уже не тот, это не Жванец… — Обещаем неприкосновенность…

Ян сплюнул вниз со стены.

— Чтобы тебе, предателю, поверить — безумцем быть надобно!

Дорошенко от оскорбления побагровел, так бы и вцепился в глотку, да вот беда — он здесь был не лучше слуги.

— Мое слово!

Селим Гирей явно забавлялся. Ян Собесский махнул рукой, чтобы ему поднесли люльку — пара сбитых досок на веревках, на которых можно и со стены спуститься, не открывая ворот. Ну и спустился. Сошлись неподалеку…

— Государь…

А на Дорошенко ни взгляда. Много вас таких… подлипал турецких, мразей продажных… Кто больше заплатит, тому и продадитесь, подстилки. Обозные девки — те честнее будут, те чужие жизни за свои услуги не берут.

— Ясновельможный пан, — по — польски Селим Гирей говорил хорошо. А то ж, почитай, соседи… — В нашем войске более ста тысяч человек. В вашем же и двух тысяч не наберется. Наше войско неисчислим, как листья на деревьях, как песок в пучинах морских, и ежели вы сопротивляться будете, то погибнете без славы и чести.

Ян слушал молча, только в глубине темных глаз разгоралось пламя то ли гнева, то ли удовольствия. Не знал Селим Гирей, что почитай, десять тысяч человек здесь. Что идут на помощь войска

русские… не знал! И выдавать этого поляк не хотел, а потому слушал, чуть усмехаясь — и только когда татарин предложил сдаться и уйти из крепости, чуть покачал головой.

— Пусть не обижается султан — мы не ему присягали. Мы королю верны, и стоять в Каменце будем до смерти…

— Тех, кто сопротивляться будет, мы не помилуем. Вы будете мертвы — все. Ваши женщины, дети…

— Пусть так. Все ж это лучше, чем в турецком плену, — Собесский пожал плечами, развернулся и пошел обратно.

Говорить было не о чем.

Драться?

Да, именно это им и оставалось.

* * *

Таня на небо смотрела — и куда как ласковее ей казались сейчас степные звезды.

Домой она ехала, домой…

Да как!

В телеге, со всем удобством — только и беды было кашеварить, да за детьми малыми приглядывать. Но то не в тягость было. Зато за время пути порасспрашивала Таня обозников о том, что с ней будет и куда везут — и выходило так, что лучше и не надобно.

Поедут они спервоначалу до Азова, потом вверх по Дону на казачьих судах поднимутся, а там и до Царицына рукой подать. А в Белопесоцком монастыре уж и место приготовлено. Да не для монашек вовсе. Коли не захотят женщины — никто их приневоливать не будет. Передохнут, найдут себе либо мужа по сердцу, либо еще какое дело — и уйдут оттуда. И никто их неволить не будет.

Царевна Ирина Михайловна, говорят, все это организует. Дай ей Бог здоровья!

Таня спервоначалу побаивалась, что ей копейку дадут, а рубль спросят, но потом поняла кое-что из объяснений мужчин.

Отработать она все отработает. Уже начала — о детях заботится, кашеварит, стирать, если что надобно — стирает, одним словом — женская работа. И там, рядом с монастырем приют будет, в нем детей несчитанное множество — и всем им забота требуется. Так что пока не найдет она куда уйти — там работать будет. За крышу над головой, за еду и одежду. Ну и какую-то мелочь деньгами, конечно, дадут.

Вот это было уже честнее.

Таня, хоть и чувствовала у груди узелок заветный с монетками, но все ж сразу уйти не решилась бы. Оглядеться надобно, себя найти…

А то и мужа?

Детей она хотела. Семью, дом свой… чем она не пара? Коли на то пошло — ее по рукам не пускали, все, кто хотел — не лапали. Был у нее один хозяин — и все тут. Почти как замужество, кстати говоря. И можно сказать, что она честно овдовела.

А почему бы нет?

Обоз тащился не слишком быстро, и Таня всласть глядела по сторонам.

Степь…

Какая она в августе?

Золотистая. Пожухлая, пыльная… всегда — ненавистная. Вот это — да. Хотя сейчас уже не настолько. Ненависть стихает быстро, если впереди надежда на лучшее, а позади осознание свершившейся мести. А месть свершилась.

За телегами тащились и пленные — их башкиры заставляли идти своими ногами, а если кто-то падал без сил — просто перерезали глотку. И среди них шли младшая жена Таниного хозяина — опозоренная и измученная, и шел среди них его же старший сын. Раненый, сломленный, избитый, но живой. Таня ходила, смотрела — ей не препятствовали. Вот начни она умолять убить мучителей, бросься на них сама — воспротивились бы, нечего чужую собственность портить. А пока просто ходила и смотрела — да ничего страшного.

И младшие дети нашлись тоже — в одной из телег. И Таня думала, что все справедливо. Еще десять дней назад мучили ее — теперь издевались над ее мучителями. И поделом им.

Самой мстить как-то и не хотелось.

Хотелось смотреть вперед и предвкушать, как из туманной дымки возникнут высокие башни Азова.

Русь, милая Русь манила берегами речек, золотыми куполами церквей, малиновым колокольным звоном, песнями соловья…

Дом…

* * *

Турки обустраивали лагерь вокруг крепости. Их становилось все больше и больше. Собесский посмотрел на одного из артиллеристов, которые, припав к своим грозным пушкам, изнывали от желания выстрелить!

— Не стрелять без приказания. Пусть думают, что нет у нас дальнобойных пушек…

Никто и не стрелял, пока турки разбивали лагерь, пока расставляли палатки… Пушки заговорили, когда войско турецкое отдыхало в шатрах — вот тут и настал для них ад.

Ядра срывали палатки, калечили людей, турки с криками носились по лагерю — пока не начинали вновь свистеть ядра.

Повезло осажденным не только в этом случае, нет. Разъяренный двумя неудачами — на переправе и со Жванецким замком, султан приказал штурмовать сразу — и растереть неверных! В порошок, в пыль, в ничто…

И турки ринулись на приступ Нового города под пушечным огнем. Они приставляли к стене лестницы, забрасывали крюки с кошками, они непрерывно стреляли…

Ян Собесский был везде. Он был на бастионах, вдохновляя своих людей, он был на стенах, он был на валах, он сражался на куртине — и вот уже голос его разносился по бастиону святого Юрия.

— Картечью бей! Картечью!!!

И полякам-таки удалось отбить первый приступ, хотя и ценой больших потерь.

Турок они не считали, а защитников крепости полегло не менее тысячи. И все же первый штурм они отразили.

* * *

Поздно ночью Ежи Володыевский смотрел в огонь. Языки пламени танцевали, переплетались… его отряд в крепость не пустили.

— Ежи, ты храбрец, но кой толк от кавалерии в крепости? Гибнуть под пушечными ядрами? Нет уж, для тебя будет иное задание. Турок более ста тысяч — и ты должен сделать так, чтобы в округе они себя владыками не чувствовали. Тревожь их, уничтожай, где только можно, нападай на обозы… ты меня понял? Здесь надобно действовать по обстоятельствам, а ты это сможешь.

И Собесский был прав. И все же сердце мужчины было не на месте.

В крепости оно осталось, в руках у Барбары, которую про себя он называл только Басенькой. *Любимая, светлая моя, что ты нашла в неудачливом рыцаре, который прошел столько войн, но не нажил себе ни состояния, ни замка?*

Но если уж так выпало, что ты тоже меня любишь, я все

брошу. Пусть с Кристиной я связан по законам человеческим, но с тобой, с тобой — любимая, я не связан. Я — часть тебя, а ты мое сердце жизнь, душа сама….

Пусть у меня лучше сердце из груди вырвут, чем с тобой расставаться. Ни Каменец не надобен, ни отряд, ни сама жизнь моя…

Из задумчивости Ежи вывел его оруженосец Анджей, который сообщил, что тут неподалеку тащится несколько сотен турок, собираясь присоединиться к остальным…

Что ж…

Не топтать вам, мрази, польскую землю.

Вскочили в седла отчаянные воины, засверкали в ночи сабли…

К утру парой сотен нехристей меньше стало. А Володыевский распорядился отогнать их телеги в ближайшую деревню да там и раздать. Им с собой обоз не надобен, а вот доброе отношение людское — очень даже. Крестьяне теперь за них и солгут, и помогут, коли что случится, и раненого укроют…

Та война уже выиграна, когда весь народ встает. А коли все равно холопам — под кем землю пахать, так можно и не драться уже. Проиграна она.

И все же, когда прошла буря схватки, когда пришло время командовать и распоряжаться — опять перед Ежи встали голубые глаза…

Он метался со своим отрядом по окрестностям, резал турецких фуражиров, уничтожал мелкие отряды, убивал разведчиков, но что бы он ни делал, чем бы ни занимался — словно небо над головой, сияли в его душе ясные глаза его любви, его Басеньки. Мы ведь сражаемся не за абстрактную идею, нет. За своих родных и близких.

За тебя, любимая.

* * *

Примерно то же думал и Ян Собесский.

Первый штурм туркам не удался, более того, их откинули даже от Нового замка, хоть куртина и походила теперь более всего на кучу камней, а несколько пушек взорвались…

Теперь они будут осаждать Каменец. Рыть подкопы, подводить мины… продержаться бы. Ров заполнен водой. Конечно, турки могут построить плотину выше по течению и отвести воду… а могут и не отвести.

Володыевский за стенами крепости, он справится там. Ян же

обязан справиться здесь.

И встают перед глазами черные очи Марии, Марысеньки, любимой…

Она верит в него, она его любит, так что не сможет он сложить здесь свою голову. Победить надобно…

Бог весть, подойдут ли русские и когда это будет. А до тех пор — держаться и драться…

Он не был бы так спокоен, коли знал бы, что сейчас среди шляхты стремительно распространяется страшный слух. Марфа предложила, а Софьины девушки творчески переработали и запустили слух, что его Марыся сейчас зарабатывает для мужа деньги и отряды во Франции… да — да, кто бы мог подумать!

Тем самым способом!

Но она ведь не невинная девушка, так что…

Да и французский король мужчина в самом соку, и куда моложе ее супруга… а говорят, у короля еще и брат есть и она и это тоже, а то и все втроем, вместе… но тссссс!

Разумеется, все это наглое вранье! Никто никогда не поверит! Такая достойная дама…

Кругом одни мерзавцы и сплетники, вот!

* * *

Степан хлопнул стакан горилки, мрачно закусил огурцом.

Нельзя сказать, что дела его были плохи, но и что не особливо хороши — так точно.

С распростертыми объятиями его по станицам не принимали, факт. Но и не гнали ведь. Выслушивали, размышляли.

И сейчас стрелки весов колебались. Все поставлено было на карту. Коли вернется Петр из похода, с добычей вернется, с удачей молодецкой — так и останется он гетманом. И тогда Степану воевать придется за это место.

А не хотелось бы.

Ни к чему.

С другой стороны, коли Дорошенко разобьют… вот тут могут казаки и под руку русского царя встать. Тут им прямо сам Бог велел Степана кликнуть гетманом и защиты просить. А то как же?

Круль польский такой наглости не простит — идти его воевать. И с ответным визитом явиться может.

Так что все зависело от поляков.

Степан же объехал всех, кого мог, закинул все крючки… К тому ж многим не понравилось и что Дорошенко под турок перейти решил, а особенно гетману Запорожской Сечи Ивану

Сирко…

Теперь оставалось только ждать — и думать о своей Татьяне.

А что?

Любить — так королевну!

И надобно Алексею Алексеевичу отписать.

Все теперь от него зависит.

* * *

Поль Мелье принял у служанки чашечку горячего кофе. Коснулся ее края губами, втянул ноздрями горьковатый запах.

Конечно, не вино, но во всем городе, во всем Азове и капли никому не нальют.

Ромодановский запретил, а то как же! Двадцать тысяч пьяных мужиков — это страшно. Да еще десять тысяч по степи сейчас гуляют. А еще ведь и пленные есть.

Вот, как эта служанка.

Баб боярин не запрещал, понимал, что к чему. А вот вино — нельзя.

Ему предстояла сложная задача.

Да, теперь он опять боцман, аккурат на той самой галере, на которой раньше веслами греб.

И ему надобно подобрать и гребцов, и команду, и оснастить ее…

А кому ж еще?

Капитан погиб тогда, да и вообще — откуда тут капитаны. А он все-таки много чего умеет… чего уж там, частенько и вместо капитана курс считал, и по звездам шел. А что делать, коли капитан был хоть и графом, а тупым, как пробка. Купили ему эту должность — он и пользовался. А жить-то хотелось, вот Поль и делал все что мог — сам.

Вроде как потихоньку народ подбирался. Да и русские оказались вовсе не так глупы. Зато работали они не за страх, а за совесть, гребли без ругательств и жалоб, потихоньку осваивали паруса…

Да и домой он тоже монет отправил, описал все, как есть — и один из секретарей боярина (про себя Поль, узнав, что один из титулов боярина 'князь', давно называл его принцем) обещал все переправить и сразу же сообщить, как ответ получат.

Но письма идут долго.

А сам Поль…

А что от него толку, коли в кармане — вша на аркане, а ему сразу же, обняв жену, придется в другой рейс идти? Лучше уж денег послать. Да потом и самому с заработком явиться. Куда как лучше…

А чем бы сегодня заняться?

Вчера он только вернулся, дней пять они ходили по заливу, приноравливаясь и к галере, и друг к другу, а потому… законный отдых на два дня у него был.

Так чем бы заняться?

Погулять по городу?

Но пить-то нельзя.

А что если сходить в хамам? Бани здесь были, турки знали толк в роскоши. Там же и девки теперь есть… Поль почувствовал, как под штанами напряглась плоть.

На служанку он не посягал — не стоит гадить, где живешь. А вот в баню…

Сходить?

Русские, конечно, дикий народ, всякому известно, что частое мытье способствует заболеваниям. А они почитай каждую неделю в этих банях плещутся. Да и платяных зверей стараются не допускать, а когда он, как привык, облился дорогой ароматизированной водой (из-под полы достал, за жуткие деньги), начала чихать почитай, что вся галера.

Дикари, одно слово.

Но чесаться как-то тоже…

Сходить, что ли?

Поль решительно допил кофе и направился в хамам.

Святой отец дома, конечно, говорил, что мытье — грех, но Поль ему потом честь по чести исповедуется. А пока…

Бог с ним, с грехом, но какие там женщины!

* * *

Татарин по имени Рашид ехал по польской земле.

Не один ехал, с пятью десятками своих товарищей. Им надобно было продовольствия найти, фураж для коней, ну и себя не забыть. А то как же!

Кто для чего пришел, а им и рабы надобны. И золото… а вот и деревенька стоит.

Небольшая, на пару десятков дворов, но явно жилая.

Люди работают, дымок из печных труб над крышами вьется…

Рашид поднял руку.

Сейчас, по его команде, всадники ринутся вперед, с холма. Ударят, кое-кто уже отцеплял от седла и раскручивал арканы…

И правильно.

Чего убивать глупых рабов? Их надо будет увести с собой.

А еще они позабавятся. Наверняка в деревне есть женщины, к тому же можно и поиграть — выбрать пару — тройку людей и пусть бегут, а они будут ловить и расстреливать…

Или кого-нибудь на кол посадить!

Почему нет? Эти твари, не знающие Аллаха, так смешно

дохнут… собственно, это почти что двуногий скот! А значит пусть выполняет свое скотское предназначение!

Рашид махнул рукой.

Отряд сорвался с холма и помчался по полю прямо к крестьянам. Но… почему они так спокойны?

Что происходит?!

Почему никто не бежит, не прячется… не…

Додумать Рашид уже не успел. Татары мчались на крестьян, рассыпаясь кольцом, для охвата большей площади. И это поле…

Конь под Рашидом споткнулся — и упал на колени, а храбрый татарин перелетел через его голову и грянулся о землю, что есть дури. И не он один.

Рядом так же падали кони, люди… образовалась безобразная свалка.

А рядом с тупыми крестьянами в поле поднялись несколько лучников — и татар накрыло градом стрел.

Рашид так и не узнал, что произошло. Падение оказалось для него фатальным — и он сломал себе шею. А вот выжившие татары узнали.

Пан Володыевский совершенно не собирался позволять всякой нечисти шляться по польской земле, разорять деревни и угонять людей в рабство. Вот еще не хватало!

Идея у него была проста.

Наделать ловушек из разряда самых простеньких.

Бревна, подвешенные в лесу, волчьи ямы, выкопанные на таких вот особенно удобных для нападения местах, вкопанные в землю острые колышки длиной с пару ладоней, ну и конечно, разведка. Почтовые голуби летают куда как быстрее татар, а направить к ним комитет по встрече, не пожалев стрел вместо цветов….

Да и сами крестьяне в рабство не хотели, а потому кто снимался с насиженных мест и уходил, а кто и оставался. И были это не люди — кремни! Саблей чиркнешь — искру выбьешь!

Партизанское движение набирало обороты.

Двух часов не прошло, как убитые татары были раздеты догола, отвезены на телегах и сброшены в карстовый разлом — благо, по округе таких хватало, лошади, которые уцелели — пойманы и поставлены в конюшни, а те лошади, которых не представлялось возможным вылечить — просто зарезаны и разделаны на мясо, которое тут же подвесили коптиться.

Не пропадать же добру?

Ежи Володыевский был доволен.

Пара десятков всадников здесь, там, где-то еще…

Но вражеские силы-то уменьшатся!

Пока он не может дать решительного сражения супостату. Но пакостить ему в меру сил и возможностей…

О, это он может! И будет!

Даешь партизанов!

Конечно, Ежи не знал этого слова. Но действовать ему это вовсе не мешало.

* * *

И потянулись дни осады.

Турки подводили под стены Каменца подкопы, чтобы заложить в них бомбы. Осажденные же старались либо закидать противника ручными гранатами, либо обрушить подкоп, пока он не продвинулся далеко…

Получалось средне…

С одной стороны — Старый город стоял на скальном основании. С другой — турок было намного больше и они могли себе позволить пожертвовать даже тремя своими за одного защитника. А учитывая татар — так и четырьмя.

Подошел к стенам и султан с личной гвардией, но достать его ни у Володыевского, ни у Собесского возможности не было, к великому их сожалению. Слишком хорошо его охраняли…

Шел по земле польской и Алексей Алексеевич, видел мрачные взгляды, слышал злые слова…

И задумывался. Вот когда отец говорил, что ему бы хорошо на польский престол сесть, когда он слышал, что войско их тот или иной город взяло — это иначе звучало. А на деле… выходило как-то больше на то похоже, как Софья говорила. А сестра учила, что завоевателей всегда ненавидеть будут. Они ведь чужие.

И выход тут только один. Сделать так, чтобы люди сами пожелали к тебе прийти. Не мечом, а медленно, постепенно, меняя отношение и мировоззрение — и этот путь начинал Алексею нравиться.

Война…

Звучит красиво.

А видели вы сгоревшие дома?

Изрубленные тела?

Потухшие глаза людей, которые лишились родных?

Алексею это видеть не хотелось. И мысленно он давал обещание, что на Руси войн не будет. Ежели где и придется с врагом встретиться — то только на его территории…

А уж татары…

Обязательно надо что-нибудь придумать, чтобы не нападали

эти стервятники на Русь — матушку!

Да и турки — беда, да не самая страшная. Просто когда война идет — появляется куча людей, которым хотелось бы рыбку в мутной воде половить. Разбойники, тати… а что? Война все спишет! Поди, разберись потом — это турки остановили повозку с паненкой, изнасиловали ее, вспороли живот и бросили умирать на дороге — или свои, что похуже диких зверей бывают?

Так и не узнаешь…

Войско Алексея Алексеевича так и шло, пока…

* * *

— А ну стой!

Федька, удалой казак из воинства царевичева, с насмешкой посмотрел на десяток поляков. Рядом бросил руку на рукоять сабли Потап.

Бояться они и не думали, успев оценить своих коней — и лошадей польских. У тех тоже неплохи, но их лучше, а главное — свежее. Так что уйдут, коли понадобится. Важно другое — это не басурмане, так что рубить покамест не надо. Подождем…

— Ну, стоим. Чего надобно?

— Вы кто такие?

— А вы кто, чтобы спрашивать?

— Пана Володыевского отряд!

Федька и Потап переглянулись. Это имя казаки знали. И по войне с ляхами, где отметился данный рыцарь — и царевич упоминал, что пан Володыевский сейчас крепость оборонять должен.

Это Федька и спросил.

— Разве ж пан не в крепости? Он же комендант в Каменце?

Лица поляков тут же посуровели.

— Тебе откуда то ведомо?

— К пану нас проводите?

— Откуда мы знаем, что вы не из тех предателей, которых привел под наши стены Дорошенко?

Но видимо, исказившиеся злобой лица что Федьки, что Потапа, послужили хорошим ответом. Оба бы негодяя зубами загрызли, у обоих свои счеты были…

Сечь, она хоть и всех принимает, да условия ставит разные. И помыкаться обоим пришлось в свое время…

— Оружие отдайте. Проводим вас к пану, а там уж пускай он решает, — старший над поляками смотрел хоть и хмуро, но без вражды.

Федька подумал, протянул пистоль.

— Саблю не отдам.

— А и не надо. Ты нашего пана все равно саблей не достанешь…

Вот тут бы казак поспорил, но к чему? Им не друг с другом, им по одну сторону биться…

А спустя четыре часа…

* * *

— Ваше высочество…

— Ясновельможный пан…

Мужчины разглядывали друг друга серьезно и испытывающе. Ежи видел перед собой молодого человека, который еще не нюхал пороха, но явно собирался на войну, а не на бал. Ни роскошного обоза, ни дорогой одежды — все самое простое. Разве что оружие дорогое, но и то — по рукояти видно, что боевой клинок. Да и пистоль не изукрашена, и у кнута рукоять самая простая, деревянная…

Нет, это явно не избалованный мальчик.

Да и двигается он плавно, мягко — боец хороший будет, коли выживет.

Алексей же видел перед собой невысокого человека с кошачьими усиками и неожиданно яркими и веселыми глазами. И тоже оценивал его. Как легко Ежи нес на своих плечах тяжесть доспехов и оружия, как держался, как шел, поворачивал голову…

Не лидер, нет. Но как исполнитель — незаменим. Будет ли он подчиняться?

Посмотрим.

— Пан Володыевский, ваше высочество…

— Я слышал о вас. Говорят, что кентавры — дети рядом с вами.

Ежи усмехнулся.

— Я немало русских посек во время войны, ваше высочество.

И впился глазами. Коли сейчас царевич разозлится… нет. Только головой покачал.

— Мы деремся, османы радуются.

А вот это было сказано верно. И Ежи мигом прекратил проверки, решив, что все равно в одной упряжке, чего теперь свариться.

— Государь, они сейчас Каменец осаждают. Коли не поможем мы им…

— Сколько турок?

— Около ста тысяч. Больше было, да тысяч десять мы положили.

— А нас десять тысяч, да вас… сколько?

— Тысяча.

— Мало, слишком мало…

— Государь, так подмоги-то больше ждать и не придется, верно ведь?

— Верно. Я не к тому, пан, чтобы отступить, или, не дай бог, уйти восвояси, оставив басурман здесь хозяйничать. Я к тому, что все надо продумать дважды и трижды, чтобы победить, а не погибнуть без смысла и толка.

Вот этот подход для Ежи был прост и понятен. Мужчина кивнул.

— Чем я могу служить, ваше высочество?

— Есть ли у тебя связь с теми, кто в крепости? И надобно мне знать, сколько турок, кто и где стоит…

Ежи кивнул, а потом достал палочку и принялся чертить прямо на земле.

— Вот тут крепость. Здесь поле. Здесь — река. Плотина. Здесь стоят татары. Вот казаки…

Казаками его высочество особенно заинтересовался. А потом посмотрел на своих.

— Справитесь ли…

— Ты, государь, объясни, что делать надобно, а мы уж расстараемся, — Фрол Разин чувствовал свою ответственность. Пока Степан на Сечи народ под царскую руку склоняет, ему надобно здесь все исполнять, да не абы как…

Алексей усмехнулся.

— Казаки Дорошенко… их тысяч пять, так?

— Не менее…

— И потому они все друг друга не знают, ну, не обязательно знают…

— А для басурман мы и вовсе на одно лицо…. один чуб.

— И стоят они очень удачно, аккурат рядом с янычарами. На том и сыграть можно…

— Государь?

Алексей Алексеевич ухмылялся откровенно пакостно. Они уже с Иваном Морозовым обсудили по дороге, кого на чем ловить можно.

— Турки. Крымские татары. Казаки — предатели. Пан Ежи, неужто у таких разных людей ни одного повода поссориться не найдется?

В голубых глазах пана мелькнуло понимание.

— А коли не найдется, так им помочь надобно, государь?

— Именно, ясновельможный пан, именно так… Найдутся у меня казаки, найдется и несколько татар, которые в свое время на Русь утекли. А вот кто где стоит, да кто к нам пришел…

Ежи закивал. И принялся рассказывать подробно, что знал.

План был выработан спустя два часа. Предварительный. Окончательный — только после разведки. И Ежи с восхищением признал, что коли удастся это дело…

Так может, будет шанс и в живых остаться? Царевич-то явно умнее Собесского. Ведь никто и Яну не мешал таковое придумать? Нет, Собесский тоже молодец, с переправой он придумал талантливо, да и с замком тоже, но до такого полета мысли не дошел. А зря, ой как зря…

А еще…

На Руси тоже люди живут. Не надобен ли будет государю скромный рубака? Правда, под другим именем… но здесь-то им с Басенькой остаться не получится…

Алексей же сейчас думал вновь о сестре, которая еще давно, когда только — только создавалась школа, требовала найти для нее лучших наставников по тактике и стратегии, требовала книги с описанием боев и побед, разбирала вместе с ним каждый случай… знала?

Угадала?

Ох, Сонюшка, как же мне с тобой повезло, сестренка любимая… Ведь именно ты когда-то объясняла, что врага надобно не числом брать, а умением. И что любой враг — не один человек, а множество, и свои дела у каждого, свои заботы, стало быть, клин вбить легко… знать надо, что, как и куда.

Вот мы и вобьем. А когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет. Не смогут лебедь, рак и щука воз тащить, ой, не смогут…*

Особенно если первому и последней по рыбке показать.

Перегрызутся.

** **Подозреваю, что Софья ограбила знаменитого баснописца минимум на две басни из общеобразовательной программы. Но соблазн был слишком велик, а басни слишком хороши. Прим. Авт.***

* * *

— И — эх! Что за жизнь пошла! И еще злотый сверху!

— И еще дукат!

Игра в кости шла азартно. Казаки временно отдыхали, пока турки рыли траншеи. Вот потом. Когда на штурм пойдут, тогда

навоюются. А покамест…

Петр Дорошенко сидел у себя в палатке, глядя на карту. Эххх… разорвали Украину на части, разорвали. Как бы хорошо было — объединить Правобережную и Левобережную Сечь, под одними знаменами встать — его знаменами! Чай, и татар удалось бы отвадить, и туркам кланяться не пришлось, а сейчас — поневоле прогибаешься.

А народишку — от не нравится, народишко от постоянных грабежей стонет, бегут они на Левобережную Сечь, уходят…

Полотнище палатки тихо откинулось.

— Батько, тут до тебя казак…

Петр глянул на своего племяша, которого поставил охранять вход.

— Что за казак?

— Просит до тебя его допустить, дядя…

— Ну, допусти…

Заняться пока все равно было нечем, в штаб его не допускали, турки вообще к Дорошенко относились хуже, чем к собаке… хоть и прикармливали, а все одно — неверный и предатель.

И как же горько было об этом думать!

Он же все ради своей земли! Но кто оценит?

— Сидишь, глядишь?

Голос был знакомым и насмешливым. Петр вскинул голову — и едва удержался от рыка. В простой казачьей одежде, с приклеенной бородой и спущенными на лицо волосами, со шрамом на щеке — перед ним стоял Фрол Разин.

— Ах ты…

Знали они друг друга давно. И недолюбливали, чего уж там. Степан был для многих казаков героем и орлом. О — го — го, каким командиром, а то ж! А вот сам Петр, хоть и в походы ходил, хоть и гетманом стал, а все ж не то… кто его, народишко, разберет, что ему надобно?

Почему одних любят, а вторых терпят?

Нет ответа. Зато зависть есть. И Фрола Петр не любил, как и его братца.

— Узнал? Жаль, богатым не буду…

— А это тут к чему?

— А примета такая. Коли узнаешь человека, так не быть ему при деньгах. Да и не надобны казаку деньги, так?

Петр смотрел с удивлением.

— Ты что — с ума сошел? Ты тут вообще откуда взялся? Я сейчас прикажу — и тебя на ближайшем дереве вздернут!

— И толку тебе с того будет? Ты лучше скажи своему мальчишке, пусть мой мешок сюда принесет.

— Зачем?

— А коли боишься, так я крест поцеловать могу, что не убивать тебя пришел.

В голубых, как у братьев, глазах Фрола, играла насмешка. Мужчина демонстративно вытащил из-под рубахи крест, коснулся губами…

— Не видать мне удачи воинской, ежели лгу.

Нельзя сказать, что это сильно успокоило Петра, но все ж таки…

— А почто тогда пожаловал?

— Пусть мешок принесут. — Фрол чуть нервничал, но старался не показать виду. Поглядел вокруг, увидел карту… — Прикидываешь, сколько тебе турки после победы землицы отрежут?

— Не твое дело.

— А это как сказать. Дело не мое, да мой правитель сюда сейчас прийти не сможет.

— Хочешь сказать — русский царь здесь?

Мысли в голове Дорошенко завертелись юлой. Если да… это шанс! Нет, не так. Это — ШАНС! И тут можно столько потребовать…

Фрол ухмыльнулся, покачал головой.

— Что он тебе — дурак, в эту заварушку лезть? Да и не по чину ему с тобой беседовать.

— А тебе по чину?

— А я просто голос.

— Чей?

— Да хоть бы и разума твоего. Сколько у тебя тут человек? Тысяч пять? Десять? Меньше десятой части от всего войска, так? И сколько тебе выделят? Сначала у султана татары будут, они с ним давно плечо к плечу стоят. А твое место у порога, в куче мусора…

Петр вскочил, сжимая нагайку. Фрол успокаивающе махнул рукой.

— Прости, коли обидел. Только и сам понимаешь — мы для них все одно неверные. И своими не станем.

— А для кого мы свои? Нет у нас ни земли, ни места! Нету!!!

Петр, что есть силы полоснул нагайкой по столу, выругался — и только потом заметил, что Фрол смотрит на него с грустью.

— Отвел душу?

— Чего тебе здесь понадобилось?

— Предложение у меня к тебе. От двух государей.

— Вот как?

— Сам знаешь, Сечь сейчас совместно Русью да Речью

Посполитой управляется. А государи те породнились.

— Знаю. И?

— С турками тебе это еще воевать и воевать. А коли примешь предложение Алексея Михайловича, то станешь наместником всей Сечи.

— Наместником?

— Гетманом.

— С чего бы вдруг такие предложения?

— Так и от тебя потребуется не меньше. За землицу отслужить придется.

— Чем же?

— А вот тем. Откуда турки воду берут?

— Для коней из речки, для себя — из колодцев.

Мешок тяжко бухнулся прямо на карту.

— Тут сорок мешочков. Один высыпь в колодец…

Что-что, а соединения мышьяка достать было несложно. Софья Алексею с собой на войну три таких мешка дала, не пожалела. На войне, знаете ли, все средства хороши, чтобы выжить да вернуться. И коли представится случай…

— Ты мне что предлагаешь?!

— А вот то. Сейчас нам с нехристями не сладить, а коли ослабнут они, кто помрет, кто животом маяться злобно будет… сам понимаешь.

Петр понимал.

Но…

— Не по — христиански это…

— А это?

Фрол запустил руку за пазуху, и на стол высыпалась горсть зеленых камней. Не слишком большая, камней двадцать, не более, но учитывая цену на изумруды — стоили они поболее иного мешка с золотом. Блеснули острые грани.

— Это — задаток. Подумай, коли согласишься, у палатки белую ленту привяжи на веревку, да и просто белая тряпка сойдет. Мы узнаем.

— Шпионите?

— Разведываем.

— Ты мне подлость предлагаешь!

— Я тебе мечту твою предлагаю. На блюдечке.

— Откель знать мне, что не обманешь?

— Служил бы я обманщику? Уж поверь мне, все, что государь мне обещал — все исполнено было.

— А коли обманут?

В таком ключе разговор длился еще долго. Петру и согласиться хотелось на предложение, и боязно было, и колебался

он…

Фрол мягко убеждал, не показывая виду, хоть и тянуло его ахнуть несговорчивого гетмана с размаху по черепу. Но — нельзя. Дипломатия это называется, когда перед каждой гнидой прогибаешься, вместо того, чтобы шашку вытащить — и от плеча ее до пояса…

Но ради Алексея Алексеевича…

Сговорились, уж когда светать начало. Фрол оставил изумруды и мешок в палатке и выскользнул в темноту, буркнув на прощание:

— Провожать не надобно…

Петр остался в раздерганных — иначе и не скажешь — чувствах. Фрол же прошел по лагерю, задержался в паре мест, потом, не привлекая внимания, нырнул в лес — и только его и видели.

Только горяча послушного коня, понукая его мчаться быстрее, он позволил себе перевести дух.

Удастся ли?

Во всяком случае, он свое дело сделал. И этим повернул колесо истории. Только об этом он не знал. Да и не надобно — результата хватит.

* * *

Второй акт пьесы разыгрался на следующий день, ближе к вечеру. Легко ли внедрить в войско своих казаков?

Да уж не так сложно! Пять тысяч! Пять тысяч предателей веры христианской и земли православной пришли с султаном! Даже побольше их было. И знать каждого в лицо?

Это просто нереально. Так что совершенно случайно у султана материализовалось подметное письмо. Наверное, ветром принесло. Да так удачно, со стрелой сразу…

Султан вышел из шатра, поглядел, но соизволил свиток со стрелы снять и распечатать. И даже прочесть.

Ну а там — донос. Так и так, Петруша Дорошенко, коего вы до сих пор милостиво не прибили — предатель, причем двойной. И ждет только случая, дабы отравить колодцы и смыться. Не верите?

Так поищите у него яд! И изумруды, полученные от русского государя.

Два раза предлагать не пришлось. Султан и так казакам особо не доверял, а уж теперь…

Стоит ли говорить, что гетмана пригласили вежливо, а вот

его палатку обыскивали весьма грубо? Обыскали, нашли — и бросили мешок перед султаном, который задал вполне закономерный вопрос:

— Что это?

Дорошенко побледнел, залопотал что-то… поздно. Если бы он пришел сам и сразу, если бы хоть чуть раньше…

История сослагательных наклонений не терпит.

Но пока он решал, как оправдаться, снаружи взвился истошный крик.

— НЕХРИСТИ ГЕТМАНА УБИВАЮТ!!!

И этот крик подхватили люди в разных концах лагеря, схватились за оружие казаки, взметнулись янычары, побелел от ярости султан…

Буря могла бы еще не разразиться, все бы объяснилось и утряслось, но кто-то (имени героя история так и не сохранила) сделал первый выстрел.

Казаки и так с трудом терпели турок, те, в свою очередь, недолюбливали предателей, а крымчаки не любили ни тех, ни других. Пока между вожаками трех стай был мир — был и покой, хотя и относительный. А вот как только хворосту подбросили…

И выскочить бы сейчас из шатра Петру, и крикнуть бы, что никто его не трогал, но сделал султан жест рукой, который телохранители приняли за команду — и изготовились защищать своего господина, а гетман решил, что сие нападение на него и схватился за оружие.

И тут же упал, обливаясь кровью под мечами султанских телохранителей. А снаружи кипел бой — и теперь уже никто не смог бы остановить его, даже спустись с неба Богородица — и то головой покачала бы, потому как там, где людьми овладевает безумие — Богу не место.

И не место здесь было милосердию и жалости.

Казаки пробивались на волю, благо, и стояли-то не в середине, а ближе к краю лагеря, но резня…

Яростная, бессмысленная, жестокая, опьяняющая кровью и превращающая людей в диких животных…

Со стен замка на это с громадным удовольствием смотрели защитники, стараясь по возможности не мешать. То там, то тут вспыхивали стычки, казаки дрались отчаянно — и нескольким отрядам, человек по сто — сто пятьдесят, удалось вырваться и ускользнуть, но их было так мало. Не то три, не то четыре отряда… из более чем пяти тысяч!

И то вряд ли удалось бы им, но откуда-то из леса вылетели всадники Володыевского, принялись рвать и резать татар, оказавшихся на острие их удара, конечно, серьезного боя они не

приняли, откатились, как только татары вскочили на коней, но в суматохе и ушла часть казаков.

Все окончательно успокоилось только к вечеру — и тогда же султан узнал, что ссора с гетманом стоила ему больше десяти тысяч войска. Причем, казаки не разбирая, косили и турок и крымчаков. За один несчастный день он потерял больше пятнадцати тысяч человек. К тому же не самых худших…

Казаки, его люди…

Переправа, Жванецкий замок, теперь вот здесь — потери стремились к четверти войска, а он ведь даже еще боевых действий не начал! Да и татары постоянно жаловались, что на их разъезды охотятся, как на диких зверей. Скоро меньше, чем по сотне — две и в туалет сходить нельзя будет.

Свистнет стрела — и кто-то валится с коня. И где искать негодяя?

Ляхи тут камень от камня знают, а им как? Каждый день человек по двадцать — да уносит, пан Володыевский даром времени не терял. А раненые?

Поход явно становился слишком затратным. Но уходить, не взяв даже Каменца?

Войска все равно оставалось больше семидесяти тысяч, если он сейчас повернет… бывали в Османской империи моменты, когда и султанов смещали.

Впрочем, на следующий день султан уже не был столь уверен, что желает оставаться под Каменцом. Пока стояла шумиха с казаками, кто-то успел отравить четыре колодца. Так что слегло еще несколько тысяч человек, пали лошади — и лекари не были уверены, что люди оправятся от отравления.

Соединения мышьяка — они даже в малой дозе весьма токсичны.

Одним словом — боевой дух упал ниже низкого, выгоды война не обещала, но не уходить же?

Зато были довольны защитники крепости. Ян получил голубя от Володыевского и довольно разгладил усы. Показал письмо Барбаре, которая засветилась счастьем — Ежи жив! И не только жив, но еще и успешно действует. Еще бы парочку таких хитростей — и пусть нехристи друг друга перережут.

Увы, сильно на то рассчитывать не приходилось. Селим Гирей был послушен воле Османов, так что подставить его было затруднительно. Ему султан доверял, в отличие от Дорошенко, которого бесславно оттащили в лес, даже не позаботившись похоронить.

Уже потом, спустя пару дней, убитых казаков захоронили в общих могилах крестьяне, которым заплатил Фрол Разин — и

заплатил щедро.

Он потерял в этой провокации около сотни людей, но помнил по имени каждого. Он лично просил крестьян, чтобы не бросили тела, он готов был сгрызть себя, но ведь вызывали только добровольцев. И честно предупреждали, что они могут — скорее всего! — не вернуться. Вернулись всего два человека из ста двадцати, которые пошли в лагерь, которые следили за происходящим и которые в нужный момент закричали и набросились на турок, заводя остальных. Они и погибли первыми. И эти-то два не выбрались бы, да сознание потеряли от ударов по голове, а когда пришли в себя — отравили колодцы, которые были рядом и постарались выбраться. Благо, схватка кипела вовсю…

Единственное, что утешало Разина — царевич потребовал имена всех казаков, их записали на отдельном свитке, и он клятвенно пообещал поставить на этом месте памятник, на котором золотом выбиты будут имена всех героев. А кроме того семьям их будет на следующие пятьдесят лет назначена щедрая царская пенсия. Не придется ни голодать, ни побираться…

Они шли на смерть и погибли, как герои…

Осада еще продолжалась, но без прежнего огонька. А спустя неделю, которую Каменец героически продержался, наступило время для второго хода.

* * *

Селим Гирей отдыхал в обществе любимой наложницы, когда ему принесли письмо. Аккуратный свиток… простенький такой…

Мужчина прочитал его, удивленно вскинул брови, а потом кивнул своим татарам.

— Гонца ко мне.

И через несколько минут любовался спокойным видом Ивана Морозова, который стоял напротив татарского хана и так же изучающе смотрел в ответ.

Какой он — Селим Гирей?

Сложно сказать. Наверное главное в его облике — глаза. Черные, яркие, умные, затягивающие, словно водоворот. И властность, ощутимая почти физически.

Ваня ощутил, как пересыхает в горле.

Смогут ли они?

Справится ли он?

А потом перед его глазами вдруг встало, как живое, лицо Софьи. И не разумом, нет, каким-то внутренним чутьем понял

юноша, что опаснее тот, кто позволяет себе не показывать свою силу.

Улыбнулся.

И успокоился.

Селим Гирей же разглядывал стоящего перед ним мужчину. Не юношу, нет, Ивану уже за двадцать. Молодого мужчину. Высокого, с растрёпанными русыми волосами, спокойного, удивительно спокойного для того, чья жизнь в чужих руках.

Он… улыбается?

— Ты дерзок, русич.

— Мне встать на колени, государь?

— Я могу поставить тебя на колени. Но это ведь тебя не сломит.

— Это просто жест уважения, — Софьиными словами ответил Ванечка. — Это не имеет значения, если в жест не вложены истинные чувства.

— Вот как? Я могу сделать твои чувства истинными.

— Безусловно. Я не так силен, чтобы выдержать пытку.

— И все же пришел сюда. Зачем?

— Я пришел со словами своего государя. И с его предложением.

— Да, я видел. И это — тоже.

Селим Гирей коснулся свитка. Ленивым жестом повертел в пальцах выпавший на стол изумруд.

— Если позволите, государь…

Иван указал подбородком на небольшой кошель на своем поясе.

— Это мой государь посылает вам в знак своего уважения.

— Вот как?

Селим Гирей сделал жест рукой. Один из татар сорвал кошель с пояса юноши и бросил на стол пред повелителем. Открыл по его приказы — и на стол посыпались изумруды.

— Твой государь богат…

— И щедр. Вы не получите столько здесь. Речь Посполитая изнурена войной с нами. Какую добычу вы соберете здесь? Пара десятков баб, которые страшнее шайтана? Да разве это достойно великого хана, копыта коней которого попирают землю от моря до моря?

— Ты красиво говоришь, русич, но что за твоими словами?

— Здесь нет ни денег, ни славы. Великий хан, ты просто положишь здесь своих воинов. Они уже гибнут ради того, чтобы султан бросил подачку своим янычарам. Разве это правильно?

— О том не тебе судить.

— Но моему государю?

— И что же предлагает мне твой государь?

— Уйти обратно.

— Вот как? И султану тоже?

— Нет, великий хан. Только тебе.

— Да неужели?

— Мы — соседи. Да, мы будем воевать и не раз. Только вот это будет другая война, честная схватка. А здесь… отправлены послы в соседние государства, они обещали прийти…

— Русичи?

— Я же здесь, государь?

— Да…

— А другое войско моего государя сейчас стоит на границах ханства.

Селим Гирей посмотрел бешеными глазами. На миг Ване показалось, что его голова покатится сейчас с плеч, но хан сдержался.

— Вот как?

— То войско, которое мы направили на помощь ляхам, государь, — не единственное. Но вы оголили границы… никто не будет вас упрекать, если вы уйдете для защиты своих земель. Выбьете с них русичей… только мы будем знать правду.

Вилка была простенькой, но от этого не менее колкой.

— Почему здесь именно ты?

— Я — близкий друг царевича Алексея, государь.

— Близкий друг… не ты ли боярин Морозов?

— Я, государь.

— И что мне мешает оставить тебя заложником?

— Ничего, государь.

Иван внимательно наблюдал за мужчиной. Действительно, большой расчет был на психологию татар. Они не привыкли воевать без выгоды. А здесь, потеряв несколько тысяч человек в первые же дни войны, ощутимо получив оплеух и не получив денег…

Конечно хан стал задумываться о том, как бы уйти подальше и побыстрее. Он, хоть и был верным союзником Османской империи, но… по принципу 'деваться-то некуда'! Соседи ведь! И весьма могущественные!

А тут ему предоставили и повод уйти — нападение русичей на его земли и война здесь, которая наверняка затянется.

И причину. Уйдя, он получит выгоду. Оставшись — нет.

Так стоит ли оставаться?

Что ж, надо еще попытать этого русича. Пока — в переносном смысле слова. Никто ведь не сказал, что ему можно верить. Хотя Селим Гирей видел, отчетливо видел, что этот долговязый парень

не врет. Не особенно боится, понимает, что ему может здесь грозить смерть, но осознанно идет на этот риск. И — не лжет.

Не тот у него возраст, не тот опыт, чтобы провести Крымского хана…

* * *

— Не те ли это изумруды, что у Петра найдены были?

— Государь, те изумруды у султана. Да и потом — лжи не было. Петр действительно хотел уйти и отравить колодцы. Он согласился, только выполнить свое дело не успел.

— Его выдали…

— К нашему большому сожалению, нашелся предатель. Но он умер.

— Неужели?

В следующие три часа Ванечка почувствовал себя вывернутым наизнанку и завернутым обратно.

Селим Гирей был въедлив, умен, жесток… ей — ей, если бы не школа, если бы не обучение — давно бы Ванечка растекся лужицей. А так — он держался. Развязали его на исходе первого часа, тогда же принесли чай и сладости — и парень, удобно расположившись на подушках, как учила Лейла, откусывал кусочек пахлавы и подносил к губам крохотную пиалу. Кажется, его манеры не вызывали у хана отвращения.

Хан не возражал бы уйти обратно, но хотел и на елку влезть — и не уколоться. И добыча ему нужна была, и хорошие отношения с султаном, и…

Одним словом — все.

И неудивительно, что Ванечкиных полномочий просто не хватило. Он развел руками, признаваясь в своем бессилии.

Тогда-то Селим Гирей и потребовал разговора с царевичем.

Иван серьезно задумался. А потом опять начался жестокий торг.

Царевич в турецкую ставку не придет, это бред. Тут Селим Гирей был согласен.

Сам он к царевичу отправится? Не — ет, не по чину.

Письмами обмениваться? Тоже — всего не напишешь.

Ежели только хан возьмет с собой не меньше тысячи человек, царевич приведет столько же, чтобы переговоры прошли в мирной дружеской обстановке…

— А потом султан узнает о них?

Селим Гирей был слишком умен, чтобы его подставлять. Слишком.

И Ваня внес другое предложение.

— Государь, почему бы тебе не разделить войско?

— Вот как?

— У Каменца вы простоите долго. А вам бы сейчас пойти вперед…

— Неважно какой части войска?

— Государь, у тебя сорок тысяч человек…

— Уже меньше. Намного меньше.

— Так у нас-то и того нет. Нам хоть и выгодно было бы уничтожить и тебя, и твоих людей, да лучше умный враг, чем глупый друг.

Селим Гирей сверкнул глазами, но согласился. Что есть — то есть. Не станет его — и трон займет его брат Селямет Гирей. Сейчас он калга, но будем честны — Селим выбрал брата именно потому, что все его интриги были напросвет видны. Не досталось братцу блестящего ума Селима, зато и честолюбия, и властолюбия, столь обыденных для семьи Гирей ему отсыпали полной горстью.

— И что вы хотите?

— Государь, коли пожелаешь — подпишем с тобой лично мирный договор. О том, что пока ты на нашей земле, пока ты с нее не уйдешь — никто твои войска не тронет. Но и ты в ответ дай слово не разорять города и не губить людей понапрасну.

— У меня более тридцати тысяч человек. Им нужна какая — никакая добыча.

— Так на обратном пути… Венгрия, Молдавия… Ну и здесь, мы против не будем, коли вы какие-нибудь деревни пощиплете. Только землю не выжигайте…

Селим Гирей задумался.

Действительно, вот это он мог обеспечить. Допустим, султан оставляет его под Каменцом, а сам идет вперед, на Бучач. Скатертью дорога. Судя по спокойным глазам русича — они готовы.

То же и здесь.

Пойдет он вперед?

Русичи его пропустят, а он сделает крюк и вернется обратно. Еще и поляков в полон наберет. До них-то русичам особого дела нет… теми паче — без нужды жечь и убивать они не будут. Ну и выкуп предлагают хороший. И опять же, войско русское у его границ… кто там будет?

— Так казаки и будут. Им не впервые… — Иван чуть пожал плечами. Не просто ж так Стенька на Дон отправился. Действительно, собирается там войско…

Селим Гирей не знал сказку про веник, но суть

происходящего понимал. Русичам нужна победа и желательно малой кровью. Ему же…

Нет, коли б поход оказался легким, он не возражал бы. Но уже погибла пятая часть от его армии.

Уже!

Еще столько же — и его просто попросят с трона. Ядом, или шелковым шнурком, это уже неважно. Попросят. Сбросят.

Сейчас же изумруды лежат на столе, свою выгоду он не упустит… почему бы нет?

Что толку стоять под Каменцом, покуда подкрепление не подойдет? А простоят они долго, это уже видно…

Конечно, они враги с этими русичами. И они и верно сойдутся еще в чистом поле. Но — это будет потом и на его условиях. Да и то сказать — сейчас они слишком сильно зависят от Османов. А коли не понравится что Мехмеду? На кого тогда обратится его гнев?

— Нет, русич. Я все понимаю, но чего стоит человек, лишенный чести? Я отпущу тебя и даже прикажу проводить со всем почетом, но твоего предложения не приму.

Ваня вздохнул.

Вообще-то, они и не надеялись. Но попробовать-то стоило?

— Что ж. Знай, государь, что мой повелитель будет горд скрестить меч со столь благородным противником. И коли случится так, что удача окажется на нашей стороне — знай, урона твоей чести мы никогда не допустим.

Селим Гирей вздохнул.

— Я бы и рад. И в свою очередь…

С ханской руки легко соскользнуло кольцо.

— Возьми. От сабли оно тебя не защитит, но мои люди знают этот знак. Ежели покажешь — обойдутся с тобой со всем почтением.

Иван поклонился.

— Благодарю, государь. Но моя жизнь тесно связана с жизнью моего господина.

Селим Гирей уважительно смотрел на боярина. Молод, да. Но храбр и неглуп. И верность, которая дорого стоит в нашем мире.

— Все равно возьми кольцо. Судьба изменчива…

Ваня поклонился. Низко и уважительно.

— Благодарю тебя, государь.

— И это…

Изумруды посверкивали на парчовой ткани.

Иван покачал головой.

— Нет, государь. Подарки назад не берут. Прими эту безделицу в знак нашего уважения к твоей мудрости и силе.

— Счастлива земля, где рождаются такие сыновья, как ты, Иван.

Обмен любезностями длился еще несколько минут, а потом Ваня ушел из шатра. Его провожали двое татар, с которыми он распрощался на опушке леса, протянув кошелек.

— Выпейте за мое здоровье, воины.

Алексей Алексеевич не особенно расстроился. Хлопнул Ивана по плечу.

— Главное, что ты живым вернулся. А на татар — сам знаешь, что мы сделаем.

Ванечка знал. Просто ему не хотелось уничтожать так много людей. Но… выхода нет.

Задумался в своем роскошном шатре и Селим Гирей.

Да, русичи хотели бы от него избавиться. Но в то же время…

Явно они готовы с ним справиться.

Султан… ну что — султан? Жить-то хочется. А если он еще тысяч десять человек потеряет — его точно отравят или удавят.

Татарин вздохнул. А под утро позвал к себе тысячников и принялся отдавать приказания. Главное он понял — со дня на день состоится решающе сражение и татарам надо так участвовать в нем, чтобы не понести ощутимых потерь. Можно сказать, что цели-то Ваня добился. Селим Гирей засомневался, ему уже не так хотелось сражаться, а русичам того и требовалось.

Когда в товарищах согласья нет…

К тому же, на следующий день Селим Гирей действительно предложил султану не стоять всей армией под стенами, а выделить часть легкой татарской конницы, чтобы поохотиться на охотников. Его татары под стенами крепости бесполезны. А вот люди разбегаются, города готовятся к осаде, да и ляхи обнаглели! С продовольствием беда, колодцы травят, это все надобно пресекать — вот и выделить из татар тысяч десять, и разослать по округе…

Мехмед воспринял это именно так, как и было поднесено. Был бы жив Фазыл Ахмед — паша — он бы предостерег своего султана. Но жизнь визиря забрал Жванец, а Кара — Мустафа, который занял его место, и сам был не великого ума и военного таланта. Да и не надобна ему была та Польша, он на Дунай смотрел, на Рейн, там провинцию Османов хотел…

Так что спустя пару дней количество татарского войска заметно уменьшилось. Несколько тысяч татар сорвались с места и помчались на Бучач.

Сначала.

А потом постепенно, сделав круг, вышли к Днестру чуть выше Хотина, переправились там и отправились восвояси. Кавалерия

пана Ежи провожала негодяев издалека, не ввязываясь в схватки — ни к чему. Ежели они и правда уходят, то скатертью дорога. За татарами следили до переправы, да и далее послали за ними пару соглядатаев с голубями — мало ли, вдруг сие хитрая уловка и негодяи вернутся назад, чтобы ударить в спину… нет.

Не вернулись.

Да, по пути они разграбили порядка полутора десятков деревенек, набрали пленных, но это все равно обошлось полякам дешевле. А Селим Гирей сохранил большую часть войска и свой титул.

К сожалению, сказку про веник ему не рассказывали — и он не понял, что, как только веник разобрали на три прута — сломать их стало куда как легче. Пусть один и уцелел, но надолго ли?

* * *

Судьба турецкого войска была печальна.

Аккурат на третье утро после того, как ушли татары, турецкий лагерь проснулся от звонкого пения рогов.

И на поляну выехал, размахивая белым флагом, Володыевский.

Турки не решались рубить посла, а тот, в сопровождении всего двух человек, ехал так спокойно, словно по лесу прогуливался. Подъехал чуть ли не к султанскому шатру и остановился.

Не прошло и десяти минут, как перед ним воздвигся тысячник турецкого воинства, Мустафа — бей.

— Приветствую ясновельможного пана…

— И я приветствую храброго бибаши…

— С чем ты пожаловал в наш лагерь?

— Я привез вам предложение о сдаче.

— Ты намерен сдаться?

— Нет. Мой господин предлагает вам уйти невозбранно, оставив здесь все, что вы награбили. Вот его письмо…

Тысячник принял его с широко раскрытыми глазами.

— Я передам его великому визирю…

— Мне ждать ответа — или приехать?

Тысячник замялся — и Володыевский понял правильно.

— Я вернусь к вечеру.

Развернулся и уехал. И никто его не остановил, ведь гонец неприкосновенен. А вот что началось в турецком лагере….

Командование собралось на военный совет в султанском

шатре. Сказать, что предложение показалось туркам верхом наглости?

О, это еще мало!

Им предлагали фактически убраться прочь. Письмо было составлено безукоризненно вежливо, спокойно, грамотно, но!

Бесила сама наглость.

Царевич Московский, Алексей Алексеевич Романов, предлагал султану снять осаду и уйти обратно. При этом оставить здесь все награбленное — и в качестве компенсации — пятьсот тысяч золотом! Не выплаченной туркам, а *с турок*!

В крайнем случае русичи согласны были взять пушками, все равно Жванецкий замок восстанавливать надо, вот заодно и….

Султан был в бешенстве. Да настолько, что вернись гонец за посланием — оказалась бы ответом наглым русичам его голова.

Не вернулся.

Зато султан взъярился до предела.

— Завтра на рассвете начинаем штурм! Я хочу сравнять эту крепость с землей! Завтра же!!!

* * *

Алексей Алексеевич передвинул на большой карте пару фишек. Задумался.

Им повезло, что ушла часть татар. Но и так численность турецкой армии была велика. Коли воевать обычным порядком — так большую часть армии положить придется. А у него десять тысяч. Плюс полторы — конница Володыевского. И у Собесского не больше.

Если сила на силу — потери будут громадные. Кроме того, у турок почти сотня пушек… нет, надо что-то иное придумать.

Алексей посмотрел на угол палатки.

Там стояли скромненько два небольших бочонка, а в них было сложено волшебное вещество, выданное Софьей. Ладно.

Самое обыкновенное. Просто раньше никто до того не додумался. И название ведь соответствует реальности. Силен…*

**** греч. 'динамис' — сила, прим. авт.***

Только применять надобно осторожнее.

А еще есть пушки. Но их мало, всего десятка два. Хороших. Так-то их поболее будет, но остальные — дрянь пушки. Стреляют на малое расстояние, опять же, нагреваются быстро… те, что Софья взять посоветовала — намного удобнее и удачнее. Весят меньше, стреляют дальше, а уж про точность и говорить ни к чему. Эх, им еще бы лет пять, какое бы оружие они привели тогда

под стены Каменца! Да турки бы удрали впереди своего визга, им бы Днестра не хватило — штаны от испуга отстирать… мечты!

И все равно, их слишком мало. Куда не ткни — все равно мало…

— Сидишь?

Иван Морозов смотрел весело.

— Сижу, думаю…

— А мы вот, только вернулись. Володыевский оставил сотню за татарами приглядывать, чтобы не задерживались…

— А сам он где?

— Здесь я, ваше высочество. Позволите?

Пан был бодр, как бобр. Словно и не было почти трех дней в седле. Но опять же, не рубиться ведь — просто сопровождать…

— Позволю. Точно ушла часть татарвы?

— Ушла, государь.

Алексей молча кивнул.

— Много они по пути напакостили? — вмешался Иван.

— Да не так, чтобы очень. Тут ведь людей уже днем с огнем поискать, — пожал плечами пан. — Кто поумнее ушли давно, а дураки… туда им и дорога.

Софья бы точно съязвила про естественный отбор дураков, — подумалось Ивану.

— Ладно, Михайла мне зять, сочтемся, — махнул рукой Алексей Алексеевич. — и воинской силой, и деньгами поможем.

Володыевский проглотил слова о том, что раньше б выдали русскую принцессу за их круля — куда как полезнее для стран было бы, нежели воевать — и посмотрел на стол.

— Ваше высочество, а это…

— А это я планирую, как разбираться с турками. Смотрите. У нас старый и новый замки. Старый на возвышенности, но коли турки Новый захватят — считай, дорожка для них открыта.

— А коли переход взорвать?

— Перед воротами?

Алексей задумался.

— Защитники тогда тоже не выберутся…

— Ваше высочество, я ж не х…рен собачий, я ж комендант крепости! Есть там тайные ходы! Коли б дошло до того, что басурмане в крепость ворвутся — сам бы взорвал все к чертовой матери!

— А Собесский их знает?

Ежи задумчиво кивнул.

Алексей усмехнулся.

— Тогда наша работа становится интереснее. Нам нужно, чтобы турки ворвались в Новый замок.

— Зачем?

— Связать их боем. Сейчас, пока не начат штурм, пока они не вымотаны, мы на них напасть можем, а вот выиграть — уже нет. Их больше пятидесяти тысяч, да и орудиями они не обижены. Сколь туда не ворвись — на нашу долю меньше достанется, опять же, коли мы их лагерь захватим, да пушками саданем…

— Можно, ваше высочество.

— Еще бы Собесскому пару моих людей…

Динамит весьма интересовал Алексея. И идея была проста. Вот захватывают турки Новый замок, тут взрыв, Старый становится недоступен, а в турецкое войско летят динамитные шашки. Разве ж плохо?

— Ваше высочество, хоть я тайные ходы и знаю, да слишком это рискованно…

Алексей Алексеевич кивнул.

Ну, слишком — так не будем. Применение полезной вещи найдется, а светить все козыри перед условными друзьями — тоже не след.

Итак — есть ров. Есть река с красивым названием Смотрич. Есть даже лес, но сильно прятаться в нем не выйдет, это вам не тайга. Вот в тайге он бы взялся все турецкое войско сразу потерять.

Плюс их войска — мобильность.

Коли турки захватят Новый замок, а из Старого по ним шарахнут картечью да ядрами, благо, боеприпасов там хватает, сильно не израсходовали…

А в это время им пройти вот здесь и ударить…

— Пан Володыевский, вы из нас троих единственный, кто на войне был…

— Так может, ваше высочество, еще кого позвать?

Алексей кивнул.

На совет были приглашены еще и Косагов, Григорий Иванович, и Хитрово, Анфим Севастьянович. И после долгого обсуждения выработался План.

* * *

После получения ультиматума, турецкий султан был разъярен — и это еще слабо сказано.

Каменец — Подольский пока еще держался.

Это было чудом, это было безумием, но он держался.

Татары ушли вперед, казаков перерезали, и пес с ними, с этими христианскими собаками, а он все стоит под этими

стенами, и ему вдруг предлагают СДАЧУ!!!

ЕМУ!!!

Рррррррр…..

Тут и у самого сдержанного и спокойного мужчины в голове что-то да замкнет.

И на рассвете турецкие войска сдвинулись под стены Нового города.

Ну кто ж знал, что Собесский, этот сын шайтана, уже получил письмецо от Володыевского. И там предписывалось как следует измотать противника — и отойти на заранее подготовленные позиции в Старый замок.

Собесский, впрочем, пошел еще дальше. На стены Нового замка он поставил по тысяче своих людей на бастионы. На равелин же — всех добровольцев, здраво рассудив, что коли человек рвется в драку, мешать ему не след. Зато хороших воинов сбережем. И гарнизон крепости.

Первую арию исполнили турецкие пушки, принявшиеся методично долбить Новый замок, под их прикрытием турецкие саперы принялись прокладывать траншеи и апроши, чтобы взорвать его стену. Ядра летели беспрерывно, благо, у атакующих их было много…

Но защитники себе такой роскоши позволить не могли. По счастью, маленький Рено, он же Бернар Рено д" Элиснгаре еще не изобрел разрывные ядра, и ущерб был не так велик. А потому Собесский приказал стрелять, только когда были хорошие шансы на попадание и не расходовать попусту снаряды.

Сам он был то на стене, то в городе, воодушевляя горожан, обещая, что их не бросят без помощи, носился вихрем, раздавая указания…

А Новый замок держался.

Впрочем, к вечеру, защитники чуть сбавили оборону. Ядра так же летели и ночью, турки так же подкапывались под стены, но у защитников были дела поважнее — перенести все из Нового замка в Старый. А заодно…

Для грамотного минирования динамит не надобен был.

Собесский приказал сделать так, чтобы взорвалось не сразу — и нашлись добровольцы. Четверо поляков решились остаться в траншеях рядом с минами, понимая, что даже похоронить будет нечего — но разве это было важно?

Ядра летели до утра, но ночью Новый замок почти не огрызался. А на рассвете…

Султан махнул рукой — и грохот потряс землю.

Турки-таки заложили мину под стену Нового замка. Аккурат у Папской башни. Взрыв сотряс землю, в стене появился пролом

— и в него незамедлительно бросились враги.

Со злобой смотрел на это Собесский. Он видел, как турки врываются в замок, как торжествующе кричат, как неудержимый их поток втекает в крепость…

Сам султан, к сожалению, туда не полез.

— Давай!!!

Турки быстро занимали брошенное укрепление, они радовались, они примерялись к воротам Старого замка…

Дико, совершенно не в лад затрезвонили колокола, заставляя на миг замереть сражающихся.

БУММ!

БУММММ!!!

БАММММММ!!!

Три взрыва тоже слились в один.

Собесский не зря ждал, пока в Новый замок набьется малым не десять тысяч человек. А еще… Найти, где турки ведут подкоп, было несложно. Немного внимания, немного умения…

Взрыв обрушил до конца Ласкую башню. Второй — Денную башню. Третий же жахнул у ворот, окончательно запирая их изнутри. И в разговор вступили пушки. Не зря они молчали вчера — сейчас хватало и ядер, и пороха — и они нещадно выкашивали тех противников, кои проникли в Новый замок!

Но Собесский смотрел не туда… Он смотрел на восход, где звонко и тревожно запели рога…

Алексей Алексеевич с удовольствием рванулся бы в первых рядах, но — нельзя.

Не потому, что опасно, не потому, что Софья голову оторвет потом, нет. Просто командир не обычный рубака. Ему надобно смотреть на всю ситуацию в целом, командовать и отдавать приказы.

А потому…

Первым вступил в бой пан Володыевский.

Ежи был кавалеристом от Бога — и рубакой от него же, а потому ему и было дано задание. Промчаться сквозь турецкий лагерь, стоптать всех, до кого можно дотянуться, захватить батареи, с которых били по стене Старого замка от поля Татариски — и держаться. Пушкарей ему с собой дали, так что их дело будет развернуть пушки и стрелять уже по туркам а дело Ежи — доставить их туда, вырубить турецких пушкарей и держаться, хоть бы небо на землю падало.

И свою задачу маленький вояка выполнил на все сто.

Да, народа в турецком лагере было много, да народ-то был… обслуга. Надобно было вести обоз, ухаживать за животными, за бравыми воинами…да о чем тут говорить, ежели на десять

янычар полагался один верблюд, а его ведь тоже надо было вести, обихаживать… немного? А теперь возьмите семьдесят тысяч янычар! Семь тысяч верблюдов…

Причем весь скот на время осады согнали в одно место, чтобы не мешался.

Верблюды, лошади, ослы, мулы… вот они и были размещены на поле, для пущего удобства, а где их еще было помещать — не на товтах же? Ноги ведь переломают…

Кавалеристы просто стоптали охрану у временных загонов, а потом все было делом техники.

Бросилась наперерез татарская конница, но не столько ее было на этом направлении, чтобы представлять серьезное препятствие для храброго пана. Слабое вооружение, никакая защита — их просто прошли, словно раскаленный нож сквозь масло.

Пара ручных гранат совершенно не понравилась животным — и те, взревев, бросились как раз в нужном направлении — удачно отсекая основную массу турецкого войска от батарей. Ежи не обратил внимания на то, что от его кавалеристов отделилось человек пятьдесят — и те погнали животных еще веселее!

А что?

Поверьте, стоять на пути у бешеного верблюда — не рекомендуется. Если он просто плюется — это хорошо. Но у него и зубы есть. И лягается он оч — чень лихо…

И это уж мы молчим про лошадей, быков, ослов… ей — ей, динамит не нанес бы столько вреда турецкой армии, сколько нанесла их собственная же движущая сила. А Ежи тем временем налетел на батареи.

Там, конечно, заметили его, засуетились, прозвучала даже пара выстрелов… поздно.

Все поздно.

Кто не пробовал развернуть здоровущую пушку, раскаленную, стоящую на неподъемном лафете, да еще когда на тебя что есть силы несутся конники и сверкают занесенные сабли…

О, нет.

Турки даже и не попытались этого сделать. А Ежи не стал их преследовать.

Артиллеристы у него были с собой — держались в арьергарде, и теперь они спрыгивали с коней, бежали к орудиям, спрыгивали с коней и поляки, поднатужившись, обжигаясь и матерясь, разворачивали тяжелые пушки, так, чтобы те смотрели на основную массу турецкого войска, чтобы к тому времени, как те разберутся с обезумевшей скотиной…

Они успели.

На последних остатках сил, на упрямстве и злости.

Кавалеристы запрыгнули опять в седла и исчезли с линии огня, как не бывало. А артиллеристы с громадным удовольствием заложили ядра в пушки. Хорошие, кстати, пушечки, ладненькие…

И правый фланг турецкой армии, сосредоточившейся пред воротами, подвергся душевному такому обстрелу. С огоньком!

Туркам, понятное дело, это не понравилось, запели трубы, колыхнулось зеленое знамя пророка… одним словом — отвлеклись.

И этим снова воспользовались.

А не ставь батарей на опушке леса!

Просто — не ставь.

Вот тут и сработало дьявольское изобретение, которое в том мире сделал Нобель. Да, просто так батарею было не взять. Не подберешься просто так по лесу, нет тут краснокожих могикан, да ми таежных следопытов и охотников — тоже. Но много-то людей и не надо.

Буффф!

Бамммм!!!

БУММММ!!!

Взрывы прозвучали очень душевно. Всего-то несколько динамитных патронов, а какой эффект! Мишка, один из ребят царевичевой школы, только головой покачал. Да, дело сложное, дело трудное, поди, подберись незамеченным, а потом, да в нужный миг, когда Володыевский в дело уже вступил, когда никому и ни до чего…

Какой же умница государь царевич!

Половину батареи разворотило, его едва не оглоушило, хорошо хоть мха в уши загодя натолкал, да и руками зажал, а только…

М — да, это он удачно попал, в груду боеприпасов! Или не он, а Лариошка? Или Федька?

А, неважно! Кидали все вместе, так что и отползать…

Парни переглянулись — и по всем правилам охотничьей науки скрылись в лесу.

Добивать?

Закреплять успех?

Это не их ума дело. Вообще — не их дело.

* * *

Мехмед аж побелел от ярости. Подлые поляки еще и в бой-то не вступили, а что мы имеем?

Три батареи потеряны! Одна разворочена в клочья, две других что есть мочи садят по своим, конечно, их отобьют, но ведь это какие потери!

Сами же поляки от души ведут огонь со стен Старого замка. Причем как по Новому замку, так и по турецкому войску. А войско-то большое!

А потому и почти каждый выстрел находит свои цели. Много целей…

Не слышал султан поговорки — по широкой морде промахнуться сложнее. А и слышал бы…

Он хотел взять числом, но сейчас это оборачивалось против него. Большая часть турок сейчас была сосредоточена напротив равелина, кое-кто прикрывал батареи…

Где татарская конница?!

Словно комариное стадо — она рассеяна везде и нигде! И толку-то от них! Схватиться с конниками? Они пытаются, нор для них нет работы во время осады, они просто оказались не готовы. И Володыевский вырезал их, словно комаров бил — методично и спокойно. Защищая подступы к батареям.

Ш — шайтан!!!

— Отбить батареи! Немедля!

Прежде, чем Мехмед опустил платок, в дело вступила и пехота.

Еще бы, штурмовали-то полтора дня, было время у русских пройти куда надо. Алексей не собирался класть своих ни за понюшку табаку, а потому русские под командованием Косагова сейчас рубились, захватывая батарею, которая стояла за изгибом Смотрича. И рубились отчаянно.

Турки, разумеется, сопротивлялись, но в дело вступила личная батарея наследника русского престола. И вот тут Алексей оценил Софьины пушки. Они били дальше, точнее, сильнее…

Им турки сопротивлялись недолго.

Это была уже четвертая отбитая батарея — и три из них вели огонь по своим. Плюс кучу народа потоптали взбесившиеся твари, со стен расстреливал султанское войско Собесский… чтобы принять правильное решение в такой ситуации надо было быть Александром Васильевичем Суворовым, но уж никак не беспечным охотником.

Султан просто растерялся.

Растерялся и Кара Мустафа Мерзифонлу… и это оказалось фатальным.

Володыевский, под прикрытием батарей, окончательно отсек правый фланг, бесчинствуя на нем, насколько хватало фантазии, и благоразумно не подставляясь под пушки, которые вели пока

еще огонь по равелину…

Еще более благоразумно удирали в сторону Днестра татарские конники под предводительством Селим Гирея, который отчетливо понимал, что дело пахнет жареным, а задержись он здесь — поджарят и его. Жить хану хотелось. Очень. А чего еще ждать от этих непредсказуемых русичей? Неизвестно.

Нет уж, лучше он сейчас тактически отступит за Днестр, спасая часть войска, а там — посмотрим… Может, если бы не было того разговора с Иваном Морозовым, он бы попытался стоять до последнего, но… он не мог себе позволить положить все войско. Он вообще больше не мог терять людей!

На левом фланге бушевали русские, которые под прикрытием своих орудий, отбили у турок их батарею — и опять-таки разворачивали ее против прежних хозяев… не хватало последнего удара.

И он последовал. Да, подлый, да, в спину, так простите… вы сюда воевать пришли или про этику побеседовать за пиалой с чаем?

Уж точно не последнее…

Под барабанный бой, полк под командованием Анфима Севастьяновича Хитрово врубился в войско турок с тыла, практически напротив ворот Нового замка.

Туда развернулся султан, туда принялись поворачивать батареи… их было так мало! Всего лишь пять тысяч! Сейчас их растопчут и не заметят… поздно.

Все было слишком поздно.

Защитников Старого замка оставили без внимания — и зря. Ворота Старого замка открывались и из них выходило войско…

— Урррааа!!!

Ян Собесский шел впереди, почти по проторенной дороге. А что?

Новый замок — почти развалины, кони ноги поломают, а вот люди — эти пройдут. Эти — где хочешь пройдут. Особенно когда не под огнем. И когда надобно ударить в тыл басурманам!

За ними спешно выкатывали пушки, чтобы поддержать своих огнем… оказавшись меж четырех огней, турки дрогнули.

Растерялись.

И… побежали!!!

Недаром говорят, что лишить человека боевого духа — есть уже половина успеха. Военная фортуна переменилась очень быстро — и теперь уже соединенные польско — русские силы гнали турок обратно, к разрушенному Жванецкому замку. К броду!

К чертовой матери с чужих земель!

Их преследовали долго, почти до ночи, стреляя вслед, добивая отставших и беря в плен тех, кто выглядел побогаче — паши и мурзы, вельможи и военачальники попали в этот день в руки полякам, чудом удалось удрать султану…

Успокоилась погоня только когда стемнело — и Собесский повел свое войско обратно, подсчитывать потери.

Володыевский же чуть ли не на коленях умолил отпустить его проводить турок до переправы, чтобы уж точно вернуться не вздумали. Ян махнул рукой и отпустил, лишь бы под пулю не подвернулся…

А так — две тысячи конников, даже уже побольше… на бегущих — хватит! С лихвой.

И впереди бежал сам Великий султан, который не так давно прислал оскорбительное письмо о сдаче.

Охраняемый верными янычарами и с одной только мыслью — не удавят ли его теперь?

Уже переправившись через Днестр, он остановился подсчитать потери — и оказалось, что в его войске осталось двадцать тысяч воинов. Конечно, еще оставались татары, и было их много, но… разве с ними навоюешь? Селим Гирей к тому же так еще сокрушался о своих людях, которые остались на польских землях и которых теперь уничтожат… он-то явно не собирался продолжать никакого похода. Ноги бы унести!

На поле боя поляки собрали больше трех сотен пушек, более десяти тысяч ружей, а прочие трофеи никто так и не считал, хотя подозрительным было то, что в некоторых деревнях появилось большое количество лошадей и ослов. Да и мяса было многовато…

Верблюдов не едят?

Еще как едят! С голодухи-то!

Жители близлежащих деревень были счастливы.

Счастлив был и Ян Собесский. Он — победил.

Счастлив был царевич Алексей, который тут же отправил письмецо сестрице Марфе. И при дворе начал расходиться слушок, что Собесский-де героически сидел в осадке, пока его не вызволили русские войска. А еще — что Собесский не нашел ничего лучше, как взорвать два замка.

И вообще — хорош полководец, у которого жена, ну… это самое… вы же знаете, что французский король у нас берет исключительно натурой, хе — хе, с прекрасных дам…

Счастлив был Ванечка.

Пока Алексей писал письма, он сидел на подсчете трофеев — и между прочим, первым добрался до султанского шатра, безжалостно сгребая в свои цепкие руки все драгоценное.

Ну и конечно, все письма.

А то ж!

Так что деньги, которые Алексей выплатил татарам, окупились, как бы не втрое. С одной одежды султана содрали столько драгоценностей, что можно было горстями мерить.

Еще в виде бонуса Ванечке достались три любимые жены султана — и парень, злобно ухмыляясь, отправил их в крепость, в покои Собесского.

Уж что там произошло — история умалчивает. Но достоверно известно, что с воплями 'насилуют!!!' никто из покоев не вылетал.

А то ж!

Тем более Ванечка впрямую сказал девушкам, что себе их этот полководец вряд ли оставит, но вот ежели они все сделают, как он попросит — он лично их судьбы устроит.

Жены (все как на подбор, молодые и красивые, не старше семнадцати лет) подумали — и радостно согласились. Султан-то сбежал, надо судьбу устраивать…

Ванечка же подумал, что Софья будет ему очень благодарна за еще троих наставниц для ее девочек. Ну и за книги. И за дипломатическую переписку…

Драгоценности?

Смеетесь вы, что ли? Везти такую ерунду *такой* девушке!

* * *

Девушка была в этот момент то ли раздосадована, то ли зла, то ли…

На столе перед ней лежал стих, выполненный ради разнообразия, в классической европейской манере, где некая очаровательная мудрая дева сравнивалась стройностью стана с кипарисом, очарованием с Афродитой, обаянием с Дианой — охотницей…

Когда Софье передала это служанка — девушка слегка удивилась.

Потом, прочитав, пожала плечами. Это — ей?

Лучше б чего интересного принесли. Вот, последнюю комедию Мольера, например. Восхитительное чтиво… кстати, пока драматурга не начали травить, но ежели что — надо намекнуть. Пусть приезжает творить шедевры на Русь. Тут хоть и медведи, да не идиоты… И профессии критика тут пока нет… тоже пометить. Надо сделать так, чтобы критиком имел право быть тот человек, чьи произведения пользуются успехом. А то как в анекдоте.

Петь умеешь? Танцевать? Играть на пианино? Везде нет? В критики пойдешь!

Интереснее было, кто автор сего спича.

Но и эту загадку Софья разгадала достаточно быстро.

Поскольку на следующий день появился второй стих.

Там царевну сравнивали уже с музой, вдохновляющей автора на творчество. Ну и согласно товарищу Яшке — артиллеристу. Ваши трехдюймовые глазки, прицел пятнадцать, батарея сто двадцать, бац — бац — и мимо!

Софья фыркнула и отдала второй свиток девочкам. Пусть отскребут и пользуются, а чего пергаментом разматываться, чай — не дешевка…

А кто?

А товарищ Голицын. Софья только головой покачала. У нее и так было желание при виде Василия Голицына засвистеть: 'не падайте духом, поручик Голицын…'. А он еще и стихами вздумал разбрасываться…

И что с ним делать?

Был вариант — настучать отцу. Тогда Васечку сразу за ушко да на солнышко.

Был второй вариант — настучать казакам. Тогда отцу даже вывешивать нечего будет. Личная казачья охрана молодого царевича к поползновениям в сторону его сестры относилась чрезвычайно негативно. А уж когда стало известно, что Стенька Разин в сторону царевны Татьяны поглядывает, да и та, не так, чтобы очень против…

В каком-то смысле царская семья — та ее часть, в которой главным был Алексей Алексеевич — стала для казачьей охраны… родными? Своими?

Пожалуй, второе вернее.

Одним словом — Василия Голицына ждало неоднократное падение на казачьи кулаки.

Софья, как обычно, выбрала третий вариант. А что?

Неглуп, науки превзошел, опять же, коли от лишних соблазнов избавить — девочкам будет на ком навыки отрабатывать. Да и поведение в европах преподавать своим людям надобно. А то вдруг да засыплются? В планах Софьи уже был личный шпионский корпус, а для таких дел европейские нравы знать надобно. А то начнет так дама на разведчике блох искать, да не найдет. Ну точно — не европеец! Или вдруг он помыться вздумает! Или отдельный сортир устроит, вместо того, чтобы содержимое ночного горшка на улицы выливать!

Мало ли на чем засыпаться можно! Тут тонкостей много!

И на третий день, осторожно кладя на порог девичьей

светелки перевязанный розовой лентой свиток, Василий вдруг ощутил между лопатками неприятный холодок.

Такой бывает, если прокалывая одежду, острие сабли прикасается к коже человека.

— Медленно выпрямись. Ты почто царевне подметные письма подкладываешь, тать ночной?

Василий тут же проникся благочинием.

— Я… э…

— Грамотку подобрал и пошел, да не оборачиваясь.

— Да вы… я князь!!!

— А будешь — труп.

Прозвучало так убедительно, что Василий замер. И пошел.

Ну не случалось таких моментов в жизни боярина ранее. Не случалось.

Европы разные — были, беседы с умными, образованными людьми — также были. А вот такого, чтобы боярина убить угрожали — не было. Ну, дуэли, так это ж иное, это дело благородное… а тут…

А непонятное — пугает.

Так что Васька Голицын честь честью дошел до покоев царевича и был препровожден в кабинет, где за столом, заваленным бумагами, сидела царевна Софья. И смотрела оч — чень недобрыми глазами.

— Здрав буди, боярин.

— Государыня…

Поклон вышел более чем учтивым. И с мыслями Василий начал собираться, видя, что сразу не убьют. Но Софья перешла в атаку первой.

— Объяснений жду, что значат сии труды. И это также…

Мужчина сглотнул видя, как его грамотку царевне подают на кончике кинжала, а та спокойно распарывает ленточку и пробегает глазами по изящно выписанным строчкам.

— Так… твои глаза, твои достоинства… твое дыхание, бог Эол доносит до меня… Поручик, да вы знаток мифологии?

Что такое поручик — Василий не знал, но кивнул. Знаток ведь….

— Ну и для чего вам потребовалось сие творчество?

Василий оказался в дурацком положении. Как-то не шли на ум слова под злыми казачьими взглядами. Но опыт не пропьешь, разговорился.

— Царевна, вы, как белый сияющий цветок в полумраке терема…

Славословия Софья слушать не захотела, время поджимало. А потому кивнула казаку — и Голицыну слегка двинули по почкам.

Не сильно, для понимания.

— Васечка, — нежно произнесла царевна, — Ежели я пожелаю — ты отсюда никогда уже не выйдешь. И отец мне ничего не скажет, потому как не узнает. Москва — река иногда глубокая, человек только булькнет. Да и камней хватает, и веревок…

Василий побледнел — и признание посыпалось уже быстрее.

Так и так. Люблю. Жизнь без вас, царевна, не мила. Хотите — казните.

Софья задумчиво кивнула и задала вопрос, который испокон веков ненавидят все любовники.

— А жена как же?

Вот тут Василий и срезался. Да, люблю. Да, обожаю. Но… жена? А что — жена. Там брак по договору, родители все решили, а у него высокие чуйства…

— А дети?

Ну… детей делал. Так это ж телесное, а духом…

Софье очень захотелось кивнуть казакам — и пусть бы товарищ дальше детей исключительно платонически делал, по причине отбитой женилки.

Нельзя.

Еще в хозяйстве пригодится.

— Васечка, а коли я эти грамотки отцу на стол положу? Что он с тобой сделает?

Судя по бледному лицу ловеласа — ничего хорошего.

— Тогда так и договоримся. Чтобы этого больше не было. Любишь исключительно свою жену и каждый день, не считая праздников и великих постов. Еще раз такую ахинею услышу — очень разгневаюсь. А стишки хорошо кропаешь, молодец. Государь Алексей Алексеевич вернется — попрошу, пусть возьмет тебя ребят науке стихоплетства поучить. Вдруг да пригодится?

Судя по лицу — Василий уже ожидал худшего. Софья послала ему еще одну ласково — людоедскую ухмылочку.

— Ты не думай, Васечка, я тебя не простила. Шаг влево, шаг вправо, томный взгляд в сторону — и все эти писанки на стол батюшке моему лягут. А уж что он решит…

Лицо Василия Голицына было бледным. Софья даже ему посочувствовала, чуть — чуть. Вот и так в жизни бывает. Хочешь обаять девушку, произвести на нее впечатление, а потом через нее повлиять на братца… ну, дело житейское. И на теремную красотку он впечатление произвел бы. На Евдокию, на ту же Татьяну…

Софья, с ее абсолютно иным житейским опытом, видела в теремном ловеласе, в лучшем случае, полезную в хозяйстве вещь.

А уж чтобы влюбиться…

Пфффффф!

Вот братец с войны приедет — вместе посмеемся, как этот теремной петушок вздумал тут круги наворачивать.

— Понадобишься — вызову. Свободен.

Казакам и кивка не потребовалось. За шкирятник вытащили Василия из кабинета и царевичевых покоев, с почетом пинком под копчик проводили. Софья вздохнула, поворошила бумаги на столе и подперла щеку рукой.

Ох, Алешенька, братец мой родной, как же ты там?

Как ни уговаривай себя, а волнуешься, еще как волнуешься…

Господи, верни мне его… их с Ванечкой живыми!

* * *

Как возвращались победители?

Триумфально.

С пленными, идущими впереди, с пушками, которые тащили за ними, с музыкой….

Гордый Собесский ехал бок о бок с русским царевичем и рассыпал по сторонам милостивые взгляды. Алексей Алексеевич выглядел спокойным.

Ежи Володыевский, который поехал с ними — задумчивым.

Ему хотелось быть с Басенькой, очень хотелось. И коли уж тут оставаться не выйдет, так может, к Московскому крулю попроситься в подданство? Он уже намекал царевичу и отказа не встретил.

Наоборот, Алексей Алексеевич обещал понимание и поддержку.

Михайло лично выехал навстречу героям.

Троекратно обнял брата жены, при всем народе объявил, что герои будут награждены достойно. Обнял Яна Собесского, поблагодарив за службу, обнял пана Володыевского, в глазах людей сравняв их заслуги… И тут же огорчил маленького рыцаря.

— Пан Володыевский, ваша жена при дворе.

Басенька смертно побледнела, а пан выпрямился.

— Ваше величество, дозволите ли потом с прошением подойти?

— Да вы сейчас, пан, просите, чего пожелаете. Разве я могу что пожалеть для победителей? Защитников земли нашей…

— Государь, я свою супругу и видеть не хочу. Я ее умолял со мной остаться, так она сказала, что все равно убьют нас — и уехала. Что ж это за любовь такая?

Михайло нахмурился. Но тут уже вмешалась королева, которая ехала рядом с мужем. Выпросила, как-никак, ее брат тоже воевал, и вообще…

— Любезный супруг мой, доверьте это дело мне? Я разберусь и все вам расскажу.

Михайло кивнул. А что? Очень удобно. Пан Ежи бросил затравленный взгляд на королеву, но тут же расслабился, потому что Марфа подозвала жестом девушку из своей свиты.

— Пани Кристину Володыевскую в мои покои и не выпускать. Пан Ежи, я вас жду вечером.

Пан Володыевский тут же расслабился.

Все в порядке, безобразного скандала, на которые так горазда

его супруга, не будет. А вечером поговорим. В крайнем случае, он русского царевича попросит — пусть на сестру повлияет. Он сможет.

— А пока, пан Володыевский, примите от меня сию скромную награду — дарственную на землю и деньги, чтобы восстановить ее…

И Ежи пришлось, отставив в сторону все мысли, кланяться, благодарить…

Достались почести и Лянцкоронскому, и краковскому епископу Анджею, и кошели с золотом, хотя последнее Ежи и не особенно надобно было. Король уже объявил, что назначает его в обратную комендантом Каменца — и чтобы отстроен был краше прежнего и укреплен лучше, а как справишься, пан, так мы и подумаем, куда тебя повыше продвинуть!

Ежи закивал. И подумал, что ему придется вечером отказаться от этой чести. Как-никак Басенька, тут им жить спокойно не дадут, еще и что с Кристиной порешают…

Надобно, наверное, ему отсюда уезжать. Брать Барбару — и в ту же Московию, на службу к русскому царевичу, благо, пару раз он о том заговаривал — и царевич вроде как согласен был.

А что?

Такая, как Барбара — раз в жизни попадается, упустит — дураком будет. Вот Иероним Лянцкоронский вроде как собирался, посмотреть, погостевать к тем же русичам, вот и он послужить поедет! Чай, рядом живем, да и замирились, воевать более не должны…

Да и рубаки эти русичи хорошие!

Вот коли против них — тут да, тут выстоять тяжко. А когда они на твоей стороне — так лучших друзей и пожелать нельзя. Сами погибнут, а друга спасут.

Видел, видел Ежи на поле, как рубились они бок о бок с поляками, как часто помогали, как вытаскивали раненых, не различая, православный то — или католик… вот чему б у них поучиться.

Хорошие ребята….

И единство промеж них есть. Эвон, королева Мария. Всего лишь сестра, а сколько ему таких панских семей ведомо, где промеж братьев раздоры, промеж сестер, да вздумай кто потом на помощь позвать — век не придут.

А тут пришел ведь.

И ничего не пожалел для войны.

Ни денег, ни людей…

Зато у них грызня… Ежи уже чуть по — другому оглядел толпу придворных шляхтичей.

К ногтю бы вас всех… умники!

Ему и в голову не приходило, что на него внимательно смотрел король. А что?

Ежи — вариант хороший. Неглуп, предан — и не лидер. В первые никогда не полезет, это не Собесский. А ему надобно свою шляхту создавать, чтобы сейм королем не крутил, как хвост собакой…. и ума-то как в хвосте, ни о чем договориться не могут, а туда же!

Ничего!

Он их еще согнет в порошок!

А сейчас объявить, что вечером пир в честь героев — победителей — и позвать командиров на совет.

Узнать хоть — что и как было…

* * *

Фронтовые новости Корибута обрадовали.

Дорошенко извели, на Сечи теперь хозяйствует Степан Разин — нарочно ждал, и войско собрал, чтобы всех приближенных прежнего гетмана в единый миг передавить. Так, глядишь, и всю Сечь объединит, под руку Московского царя пойдет — и сам гетманом станет. А то и царем.

Этот — сможет.

Собесссский, конечно, доволен собой. Как же, русские пришли, да ушли, а он останется в памяти у всех, как полководец, который турок разбил… не рассчитывай, родной мой. Даже не надейся!

Марфа молодец, сплетни по всему дворцу гуляют…. как же ему повезло с женой. А вот тебе — не повезло, Ян.

Ты, конечно, любишь ее без памяти, но сможешь ли ты понять и простить, когда вся шляхта будет обсуждать размер и качество твоих рогов? Сможешь ли ты в живых-то остаться?

Это в варварской Руси дуэли не приняты, а у нас — очень даже.

Дальше шло скучное перечисление трофеев. Казалось бы — скучное, но глаза у Михайлы разгорались все ярче.

Русские просили им выделить немного — десятка два пленников, сорок турецких пушек, да лошадей и повозки — дотащить до дома. Что-то еще?

Да нет, своего хватает. Разве что по простым воинам пройтись — не могут же там все быть бесполезны. Вдруг кого еще захотят из незнатных пленных?

Михайло тут же дал зятю согласие.

Ежи Володыевский предоставил его величеству свой план.

Мол, хорошо, конечно, что турок нынче отбили, а ну как еще полезут? Нам бы границу укрепить, сигнальные башни поставить, валы насыпать, пушки, опять же, кое — где расставить, чтобы броды прикрывать… Вот подробный список — и что, и как…

Король тут же согласился его просмотреть. Судя по усмешке зятя — там без его помощи не обошлось, ну и ладно! Дело полезное!

Им сейчас надо бок о бок стоять.

Собесский отчитался по потерям и трофеям, а заодно сообщил, что хотел бы получить для лучшей защиты крепостей. Михайло кивнул и попросил все в письменном виде — подумать. Ян обещал предоставить.

Потом король отослал всех — и остался пообщаться с зятем.

Достал из шкафчика дорогие серебряные кубки, разлил вино…

— Алексей, спасибо тебе…

Алексей пригубил красную жидкость.

— Михайло, ты на моей сестре женат, ты мне братом стал. Братья плечом к плечу стоять должны, коли дружбы нет, так их поодиночке кто хошь переломает.

— Верно ты говоришь…

— Я отца попрошу, как приеду. Нам бы договор заключить, чтобы помогать друг другу с басурманами сражаться.

— У вас еще крымчаки…

— Да, у нас. Селим Гирей не дурак. Он и на елку влез, и не укололся… и войска сберег, насколько смог, и с султаном не рассорился, теперь скажет ему, что татары наткнулись на превосходящие силы, а то и про его разгром услышали — и ушли.

— Это он может. Склизкий, как змей…

— Он и мудрый, как змей.

— Да… с ним сложно сладить будет.

— Так и с турками, казалось, сложно. Погоди, пройдет лет пять — мы получше подготовимся. Он нас пока недооценивает, а вот в набеги не ходить не сможет. Ему войско кормить надо, ему пленных брать надо… придет. А как придет, так и не уйдет.

— Думаешь?

— Уверен. Кто с мечом на русскую землю пожалует — в ней удобрением и останется. Мы тебе поля удобрили… почитай, тысяч тридцать врагов лежать осталось. Да еще сколько в плену…

— Ты денег потратил… много я должен?

— Нет. Я свое уже взял с трофеев. Хватит и отцу вернуть, и себя не обидеть.

— Тебе точно более не надобно?

— Нет, Михайло… тебе нужнее.

— Это верно, в казне — тараканов разводить можно, казначею украсть нечего. Стыд и позор…

— Ничего, тут главное — не размотать трофеи, а грамотно пристроить.

— Да уж… Шляхта, сейчас, конечно, начнет свое требовать…

— Перебьются! Тебе границы укреплять надобно, пушки покупать, опять же, что б тебе школу не открыть?

— Школу?

Алексей усмехнулся.

— Знаешь, я тогда совсем малявкой был, а свою выгоду понял. У меня сейчас несколько сотен верных мне людей, которые счету, грамоте обучены, наукам разным, опять же… сейчас кто писарем служит, кто еще где… понимаешь, о чем я?

Михайло понимал.

— А где ты их набирал-то?

— Да по первости — взяли тех, кто по углам нищенствовал, да милостыню просил. Потом, почуяв свою выгоду — быть моими приближенными, я ведь в этой школе и дневал, и ночевал — и остальные подтянулись. А ведь хороший учитель — он многое в голову вложить может…

— Это не на один год задача…

— Так и ты не завтра умирать собираешься. А твоему сыну что останется? Сейм зажравшийся?

— Да…. сыну… Марфа сказала, что кажется непраздна она!

Поляки свою королеву называли Марией, но Михайло, из уважения к собеседнику, именовал ее старым православным именем — Марфа. Алексей, судя по глазам — оценил.

— Михайло! Поздравляю!

Алексей радовался совершенно искренне. Чем раньше у сестрицы появится наследник — тем лучше. Потому что гадючник тот еще… случись что — этот ребенок на место своего отца сядет. Пусть на русских саблях, но сядет.

И впервые Алексей задумался, что у него-то наследника пока нет… а, неважно!

Братья есть. А еще уже есть небольшая, но *его* команда. Люди, которые и его брата воспитают, и помогут, и подскажут. А вот у Михайлы такого пока нет… а жаль. Ему бы пригодилось.

Но это мы Марфуше подскажем, и намекнем, и даже людей пришлем. И учителей для школы.

А то как же!

Грамотно составленная программа — это вещь! Можно такое вложить людям в головы, что им потом и мысль не проглянет на Русь нападать. Будут уверены, что это их лучшие и исконные друзья.

А уж врагов — найдем. И земель хватит.

Вон, турки римскую империю чешут, опять же, Австрия чего-то в последнее время разгулялась, им Крым надобен… найдем, где подраться!

Надо еще намекнуть…

— Ян Собесский спит и видит королем стать.

— Да то не он видит, то еще его жена крутит…

— Крути, не крути, а лиса — волком не станет.

Михайло обдумал поговорку, согласно кивнул. Вобщем-то, ежели в человеке нет властолюбия и жестокости, нет желания забраться наверх — ты в нем эти качества и не прорастишь.

— Марфа уже намекала мне, я запомнил….

— А не хочешь ли ты сего полководца нам на помощь послать?

— Вам на помощь?

— Марфушу я знаю. Коли все исполнится, что она пожелает, Яну небо с овчинку покажется, сам на границу запросится. Ежели рассорится он с женой — тут все в порядке будет, сможешь его приручить.

— Да, а вот ежели Мария все равно по — своему вывернет…

— Не верю я, что нет у ее рода ни противников, ни завистников….

Михайло кивнул.

— Хорошо тебе, Алексей. Ты уже третий в своем роду, твою власть никто не оспорит….

— Да и твою тоже, но для того все трофеи, все деньги должны на войско пойти. Вот сейчас у каждого пана свой отряд, а так быть не должно. У тебя свои стрельцы быть должны….

Мужчины проговорили до вечера, а там и настала пора идти на пир.

Вино лилось рекой, шляхта кричала здравницы….

Ян Собесский единственный был мрачен. Что-то было не так. Обычно его встречали радостными улыбками, глаза светились дружелюбием, дамы стреляли глазками… что изменилось?

Он и сам сказать не мог.

Но это было в воздухе, это было за его спиной, в шепотках, во взглядах… но что это? Это как воду решетом носить!

А к концу пира…

— Г — ворят его жена п…ой французского Людовика подкупает!

— А он в то время турецкие гаремы ….!

— Оп — ик — ыта набираются для семейной жизни!

— А что — хороший опыт… они там, у турок все опытные, они девок учат мужиков ублажать с раннего детства…

Пан Жигмонт был не особо знатен, но его земли граничили с землями Собесского — и разумеется, у пана были претензии. Второй пан, Владислав, был типичным придворным шаркуном, из тех, кто под тяжестью кольчуги только хрупнет, а потому также Собесского не любил. Так Ян бы и внимания не обратил, но его слух, обостренный вином и чувство подозрительности, раздразненное им же — соединились.

И итог был страшен.

Это что — о нем?

О его Марии?

Это его-то жена… с французским королем?!

Господи…

Руки действовали быстрее головы. В лица сплетников полетел жареный поросенок, прямо на блюде.

— Ах вы…. и …!!!

Дуэль состоялась тут же, во дворе замка. Конечно, обоих сплетников он зарубил, хоть и пьян был… но ежели все болтают…

А коли Мария и правда…?

Людовик, болтают, молод, красив, умен… уж точно лучше, чем он…

А ежели до нее эти сплетни дойдут? Она не перенесет, она такая гордая…

Будущее, с утра казавшееся Яны радужным и переливчатым, медленно окрашивалось в темные тона.

* * *

А тем временем, в покоях королевского замка в Кракове…

— Ваше величество!

— Пани Кристина…

Марфа разглядывала склонившуюся перед ней женщину.

М — да. Польки, конечно, очень красивые женщины, но эта — исключение. Волосы какие-то соломенные, лицо длинное, глаза слишком блеклые… или это она просто от неприязни?

Да, наверное.

С другой стороны, трех мужей эта… стервь пережила, значит, охотники находились? На нее или на приданное? Вообще, дама при дворе появилась совсем недавно, вот Марфа на нее внимания и не обращала — не до того. И так волнений хватало. Но кое-что о пани знала. Род Езерковских был хоть и многочисленен, но не особенно богат. Но пани Кристина первый раз замуж вышла совсем молоденькой, за пана на сорок лет старше себя. Конечно,

она быстро стала вдовой. Второго мужа унесла болезнь, третьего — дуэль, все они оставляли свои состояния полячке, так что пан Ежи получил неплохое приданое. Но ведь и жене совесть иметь надобно?

— Поднимитесь, пани Кристина. Нам предстоит серьезный разговор.

— Ваше величество?

Полька поднялась, но покамест глядела без страха. Марфа сжала кулаки.

Часа не прошло, как она поговорила с Ежи Володыевским и с его Барбарой. Поговорила она и с сестрой героя — мать, по слабости здоровья, осталась в Каменце. Все, все в один голос утверждали, что пани Кристина бросила мужа в самую тяжелую минуту. Да и кем, простите, надо быть, чтобы заявить супругу — ты тут все равно помрешь, так что я себя спасать буду!? Просто — кем?

— Панна Кристина, что вы можете сказать в свое оправдание?

— Ваше величество, я ни в чем не виновна.

— Даже в том, что оставили мужа в годину бедствий? — прищурилась Марфа.

Кристина подскочила.

— Ваше величество, на Каменец шло более ста тысяч войска! Да ежели б Ежи любил меня — он бы сам меня должен отослать был! Чтобы не подвергать мою жизнь опасности!

— И какое бы впечатление это произвело на людей? Пан комендант настолько не верит в победу, что отсылает жену подальше? Сестра и мать пана остались с ним, а вы давали клятву во всем ему повиноваться, любить, уважать… было?

— И я готова ее исполнять! Поскольку мой муж жив…

— Он не желает более оставаться вашим мужем.

— Как!?

Вот тут пани Кристина растерялась. Развод?! Но это… невозможно! Они перед Богом венчаны!

— Вам, за ваше предательство, придется уйти в монастырь.

— Что!?

— Пан Володыевский!

Ежи шагнул в комнату. Спокойно посмотрел на жену.

— Кристина, ты помнишь, что я сказал тебе, когда ты уезжала?

Панна Володыевская развернулась к нему, как дуэлянт, сверкали глаза, пальцы конвульсивно сжимались и разжимались, похожие на когти хищной птицы.

— Да, я уехала, потому что боялась! За себя и за своего нерожденного ребенка! Твоего ребенка!

Ежи побледнел, пошатнулся. К королеве скользнула служанка, что-то шепнула на ухо.

— Панна Кристина, лгать нехорошо.

Кристина развернулась к королеве.

— Не сойти мне с этого места, коли я лгу, ваше величество…

— И не сойдете. Потому как крови у вас пришли не далее, как позавчера. Были б вы в тягости — этого не случилось бы.

Панна Кристина сверкнула глазами.

— Ваше величество, да! Я совершила ошибку, оставив мужа! Но я слабая женщина! Я могла бояться! И я могу загладить свой грех молитвой и покаянием!

— Вот и загладите. В монастыре, после пострига.

— Но я не хочу!

— А тогда вас будут судить по обвинению в предательстве.

— Ваше величество?!

Марфа людоедски улыбалась.

— А как это еще назвать? Вы предали своего мужа, а значит, могли предать и страну. И возможно, так и поступили. Иначе как бы вы добрались со значительными ценностями до столицы, когда кругом рыскали татары?

Кристина побледнела.

— Вас, определенно, нужно допросить со всей строгостью…

— Ваше величество! Помилосердствуйте!

Марфа покачала головой.

— Нет, пани Кристина. Выбор у вас прост. До завтра вы решаете, кто вы теперь — предательница или смиренная инокиня. Подумайте.

Королева развернулась и вышла из комнаты, оставляя пана наедине с его женой.

Кристина упала на колени.

— Ежи! Прости меня, умоляю!

Ежи покачал головой.

— Я тоже просил тебя.

— У тебя есть другая?! Кто эта дрянь!?

Ежи усмехнулся.

— Кристина, у тебя есть время до завтра. Прощай.

Развернулся и вышел.

Панна Кристина осталась одна. Глухо стукнул засов. Женщина бросилась к окну — высоко. Разобьется. К двери… но выхода не было.

Его вообще не было.

Женщина опустилась на кровать. По щекам ее катились горькие слезы. Ну как же так, как так?!

* * *

Марфа благосклонно смотрела на Барбару. Ей по сердцу была эта девочка, которая готова была за любимым и в огонь, и в воду.

Девушка же смотрела на королеву — и не отводила глаз.

— Ваше величество вы можете думать обо мне дурно…

— Но я так не думаю. Вот предо мной две женщины. Одна уехала, вторая осталась, хоть и грозила ей опасность. Любовь — такое дело…

— Я люблю Ежи, но разве мы сможем быть вместе?

Марфа пожала плечами.

— Лично я не вижу никаких преград. Почти.

Бася вздохнула. Она-то как раз их видела. Там, в Каменце, все было легко и просто. Тетка уехала, бросив Ежи — самого лучшего, доброго, умного, любимого и вообще замечательного. И их ждала неминуемая смерть, и Басе казалось, что она обязана сказать ротмистру о своих чувствах.

Пусть он даже ее не любит. Но может быть, Ежи позволит ей быть рядом?

Она не ждала взаимности, и когда оказалось, что он — тоже любит, растерялась. А потом все стало легко и просто. На них шла громадная армия, разбить которую не было никакой возможности. А значит…

Им оставалось только умереть. И она молилась день и ночь, чтобы господь не позволил ей пережить любимого, ведь самоубийство — это страшный грех. А ее сердце остановится в тот миг, когда Ежи не станет, и жить ей будет незачем.

Она бы кинулась вниз со стены Каменца, но вот жить…

К жизни она оказалась не готова. В другом мире оставались жена Ежи, в другом мире был Краков… И сейчас ей предстояло жить — здесь. А как?

Она просто растерялась.

Марфа смотрела на нее почти с материнской улыбкой.

— Бася, вы позволите называть вас так?

— Да, ваше величество.

— Первая преграда к вашему счастью — пани Кристина. Но я на нее разгневана, ваш муж… да — да, я считаю Ежи вашим мужем и никак иначе — тоже. Так что ей предстоит отправиться в монастырь. Я ведь правильно догадываюсь, их семейная жизнь не была счастливой?

Бася покраснела до мучительного свекольного оттенка. Марфа покачала головой.

— Если бы пани Кристина вела себя иначе и осталась с мужем — я не стала бы помогать вам. Но теперь уж — что

сделано, то сделано. Так что одно из препятствий вполне устранимо. Второе…. Клан Езерковских.

Бася кивнула. Она тоже об этом думала. Им с Ежи просто не дадут жить спокойно.

— Мужу они пока нужны, а потому придется уехать вам.

— Ваше величество?

— Я поговорю с братом. Ему нужны такие люди, как Ежи. Скажу более, я напишу сестре, принцессе Софье. Если она возьмет вас под свое покровительство, можете считать свою жизнь устроенной.

— Благодарю вас, ваше величество!

Марфа чуть пожала плечами.

— Не стоит. Дайте мне обещание, что вернетесь, когда все утихнет. Да, Вам придется лет десять провести вдали от родины, пока болото успокоится, кто-то умрет, кто-то уедет…. но потом вы сможете вернуться домой. У вас есть дом — и он здесь. Помните об этом.

Бася упала к ногам королевы. Марфа подняла девушку и вручила ее с рук на руки удачно зашедшему пану Ежи. Чуть вздохнула.

Так она мужа не любила.

Не дано?

Наверное. Но все равно чуть грустно. Что ж, она поможет этим влюбленным. Грех не посодействовать им, настолько они подходят друг другу, так у них глаза светятся…

Кристину, конечно, жалко, но… она поступила не как благородная панна и не как верная жена. Этого достаточно для осуждения. Конечно, расплата слишком жестока, но как знать? Может быть, в монастыре она себя и найдет?

Посмотрим…

* * *

Первое письмо получила Софья. Даже раньше отца — тому писали официально, а ей — нет. Марфа накидала несколько строчек — все живы, все целы, победили, возвращаются!!!

И Софья засияла.

Живы!

Возвращаются!!!

Вот так и не понимаешь, насколько тебе дорог и ценен человек, пока перед тобой не встает страшная опасность потерять его. И дай Бог, чтобы потом поздно не было.

Софья перекрестилась и направилась в церковь, к Аввакуму.

— Батюшка, поговорить надо…

Аввакум привычно кивнул. Что-что, а исповедаться у девушки привычки не было, так разве что, формально она выполняла свой долг. Но поговорить с ней было удивительно интересно. Неординарный ум, странные, нелогичные вроде бы, суждения, но неожиданно верные решения. И… вера?

Религиозной он Софью никогда не назвал бы. Она верила не так, как его духовная дочь, Феодосия Морозова, вовсе нет. Она могла не соблюдать те или иные каноны, могла неуважительно отозваться о ком-то из церковников, она — могла. И в то же время, где-то глубоко внутри нее было твердое убеждение, что Высшая сила — есть.

Бог?

Возможно.

Но что-то такое точно есть… а уж как к нему прийти — эта дорога у каждого своя. Аввакум собирал эту информацию по кусочкам, складывал свое мнение, как мозаику — и все чаще убеждался, что оно — верно. Да, еще бы лет десять назад — он бы просто тряс девчонку, пока не выбил бы из ее головы всю дурь. Сейчас же….

Он пытался *понять*.

— Что случилось, Сонюшка?

— Поляки выгнали басурман. Батюшка… польская церковь к нашей близка…

— Та — ак, — мгновенно заинтересовался Аввакум.

План Софьи был дерзким до чрезвычайности.

Рано или поздно, Михайло дозреет до того же, до чего и они — провести церковную реформу. И хорошо бы, чтобы сделал он это так… это уж церковникам решать, какие каноны и как покромсать можно, но две страны тогда сестрами станут, когда у них общая вера будет.

— Ляхов — в православие?

— Батюшка, мы ж свои книги изучали — и сколько в них закладочек нашли, кои будут нашу веру по камешку подтачивать? Вот и им бы такое же заложить, чтобы в нужный момент они сами пришли к православию.

— Софья, ты понимаешь, что это труд каторжный…

— Еще как. Только и выбора у нас нет. Наше православие надо чуть адаптировать, ну, то есть, пригладить, чтобы оно даже ляхам понятно было. А их книги надобно будет так поправить, чтобы они с нашими сочетались. Тогда в нужный момент и слияние легче пройдет.

Аввакум в шоке смотрел на девушку, восхищаясь дерзости ее замысла. Да уж, не по воробьям из пушки…

— Цель достойная…

— А еще Степан пишет с Сечи. Они с Иваном Сирко там сейчас свои порядки устанавливают — и им тоже священники нужны…

— Ох, Сонюшка, знал бы я, сколько мне поднять придется — сам бы в Сибирский острог побежал, в ноги б кинулся, чтобы в яму обратно сунули…

Но глаза Аввакума светились. Он же борец по натуре, ему такие преграды — только в задор. Софья это отлично понимала — и улыбнулась в ответ.

— Не — ет, батюшка, так легко вам отделаться не удастся. Сначала поработать надобно, смену себе вырастить…

— Смену… вот от кого мне истинная польза, так это от твоего братца Ванечки. Умен мальчишка не по годам…

Софья довольно улыбнулась.

— Так ведь не он один у вас…

— Истинно так.

Денег на образование никто не жалел, так что Аввакум заказывал и получал книги, пергамент с чернилами в любых количествах, все, что требовалось, а потому и учеников, кои решили избрать для себя стезю служения Богу, в царевичевой школе уже набиралось десятка два. Умные, серьезные, с живыми душами — да разве он раньше думал бы о таком? Разве мог бы мечтать?

И богослужебные книги, и их исходники они все вместе разбирали и переводили, и натыкались на такое… ей — ей, Аввакум и сам не знал сейчас, какой он толком веры.

Православной — и сие точно.

А никонианство там, старообрядчество, двоеперстие, троеперстие…

Он — православный. И точка.

А сейчас Софья предлагает расширить границы.

Смогут ли они?

Справятся ли?

Не наломают ли дров?

— А вы медленно, осторожно, крохотными шажочками… даже если наши правнуки к этому придут — так нами ж заложено будет, — подсказала Софья.

Протопоп пристально посмотрел на девочку.

— Сонюшка, я подумаю…

Ответом ему была улыбка.

Подумает?

Значит, уже что-то да сделаем! Дай-то Бог!

* * *

Алексей с Иваном как раз коротали время за игрой в нарды. Пир все еще шел, но там было уже неинтересно. Все перепились до такой степени, что под столами валялись. Сплетен — и тех уже не узнать было.

Первым в свои покои удалились король с королевой, за ними гости… в дверь робко поскреблись.

— Пан Володыевский принять просит…

— проси.

Нарды были сдвинуты, Алексей улыбнулся, приветствуя по всем правилам рыцаря, вошедшего под руку с Барбарой, Иван тоже поклонился, поцеловал красавице ручку… не была Барбара так уж хороша по тем временам. Ни стати, ни бюста — невысокая, хрупкая, словно веточка, но таким счастьем светились ее глаза, такая нежная улыбка играла на ее губах… она и вправду любила своего рыцаря.

— Государь…

Польским языком отлично владели все присутствующие — на нем и велась беседа из уважения к паненке.

— Рад видеть тебя, Ежи. И поздравляю… твоя невеста — редкая красавица, а о ее мужестве еще легенды сложат.

Бася зарделась маковым цветом, присела в полупоклоне. Иван невольно подумал — а что бы, коли Софья надела местное платье — длинное, пышное, расшитое кружевом, с глубоким вырезом? Как она бы выглядела?

— Государь, ее величество сказала мне, что переговорила с вами….

— Верно. Ежи. Я еще раз предлагаю тебе и твоей жене, — серьезный взгляд на Басю, — ехать к нам, на Русь и служить мне. Полк дам, жалованьем не обижу, жена твоя будет жить в Дьяково вместе с царевнами и заботиться о ней будут, как о родной. А захотите дом свой поставить — поможем, там, глядишь, и земель пожалуем, если сам остаться захочешь.

Ежи поклонился.

— Благодарствую, государь.

Алексей Алексеевич усмехнулся. Благодарствует?

За что? Ежи отличный командир, лихой рубака, просто он не политик, не первый, он ведомый — и отлично это понимает. То есть — ценный кадр. А им ведь еще воевать предстоит. Так что…

Невелик труд — пригреть влюбленных. Он за то куда как больше получит.

— Государь, у меня есть несколько людей, которые хотели бы поехать на Русь…

— Так пусть приходят. Либо ко мне, либо вот — боярин Морозов. Поговорим, посмотрим, рады будем. Коли они твои друзья, так лучшей рекомендации им и не надобно.

И верно — Володыевский подбирал друзей по себе. Храбрых, отлично владеющих оружием, не всегда умных и дальновидных, но в основном — честных и порядочных.

Ежи расплылся в улыбке.

— А еще, государь, хотелось бы мне попросить…

— Слушаю?

Алексей улыбался, намекая, что для вас — любой каприз. И то верно, коли б не Володыевский далась бы так легко победа, али нет?

— Это я попросила… государь, — Барбара отчаянно краснела, но держалась. — Мы с Ежи обвенчаться хотим, а отца у меня нет. Ежели вы меня к алтарю поведете… без вас погибли бы мы все там, так бы и пропали, благодаря вам мы с Ежи вместе… Конечно, свадьба будет тайной…

Она смешалась и окончательно замолкла. Алексей и Иван переглянулись, с веселой улыбкой, понимая друг друга без слов.

А ведь идея неплохая!

И свадьба эта вовремя… кто вспомнит о пани Кристине, которая волком выла, отправляясь в монастырь? Михайло лично распорядился, Чтобы ее постригли как можно скорее, а Анджей Тшебинский, епископ Краковский, добавил от себя, что сам все проверит. Ему тоже поступок пани Кристины не по душе пришелся.

Лично Ежи и горя было мало.

Не любя, женился он на приданом, вот и не думал о супруге лишний раз. Случись что с Басенькой, даже захворай она простудой — был бы он куда как более безутешен. Впрочем, и племянница не сильно плакала о своей тетушке которая мало того, что издевалась над девушкой за ее некрасивость и неумность — так еще и вышла замуж за мужчину, без которого для Баси ни солнца, ни звезд не было.

И сейчас нашла Бася может быть что и лучший способ заткнуть рты всем сплетникам.

Победа, свадьба, пусть тайная, но… распустите после такого гадючьи жала, а? Рано или поздно все тайное явным станет, но ежели один король благословляет, а второй невесту к алтарю ведет… Не распустят, побоятся. Тем более, что и замена у них есть — Собесский. Ходит, гуляет среди панов сплетня, что загубил он две невинные души за то, что те правду о его супруге узнали.

К тому же, женской мудростью понимала Бася, что здесь они

победители, а на Руси еще что будет… да и подарки свадебные тоже к месту придутся. Ей гнездо обустраивать надо, опять же, поддержка русского царевича лишней не будет…

Алексей Алексеевич медленно кивнул и склонился к нежной ручке.

— Пани почту за честь передать вас будущему супругу.

Бася расцвела улыбкой.

— Благодарью вас, госьударь…

На русском она говорила плохо, но видно было, что девушка старается и это растрогало мужчин.

— А когда свадьба? — вмешался Иван Морозов.

— Так через пять дней, как платье Басеньке дошьют…

Ежи скромно умолчал, что через три дня постригут в монашество пани Кристину и станет он свободным человеком…

Парни переглянулись, и Иван скрылся в спальне, чтобы вернуться через пару минут с небольшим таким сафьяновым мешочком.

— Так пусть уж платье шьют под эту безделицу…

В султанском шатре была и кучка женских драгоценностей. Ваня, конечно, ими не побрезговал — и теперь, с полного согласия своего короля, дарил Барбаре одно из них — роскошное ожерелье — воротник, выполненное в виде соединенных между собой цветков. Неизвестно, кто его делал, но синяя эмаль оттеняла роскошь золотых фиалок, бриллианты блестели капельками росы на цветах, сапфиры составляли части лепестков…

Бася восхищенно ахнула, Ежи поклонился…

Алексей подумал, что отъезд придется отложить дней на пятнадцать… ничего.

Переживем.

Добрые отношения укреплять надобно.

* * *

Алексей Михайлович наконец получил известие о победе… и был настолько горд сыном!

Софья простила отцу за это — все, что угодно. Он просто светился.

А то как же!

Давний враг, страшный враг, а Алексей возвращается домой. Выступить против десятикратно превосходящего войска, а вернуться, потеряв от силы десятую часть своего. Вернуться с победой!

Оставался вопрос — чем его награждать.

Вот тут Софья и полезла к Любаве.

Дело в том, что на Руси не было орденов. Вообще. Они еще не вошли в моду, или еще не придумали… но идею Софья подсказала молодой царице. А та скромненько намекнула мужу.

Мол, так и так, дорогой, может быть, нам учредить что-то вроде государственного знака отличия, для тех, кто побеждает, для военных…

Как назвать?

Эммм… вопрос, конечно, сложный. Например, в честь былинного богатыря, Ильи Муромца. А что?

Святой, богатырь, победитель, землю русскую защищал, лет тридцать тому назад канонизирован… грех не уважить такую память?

Стоит ли говорить, что Алексей Михайлович принял идею 'на ура'? Да настолько, что придворные ювелиры с ног сбились. Надо было придумать эскиз, подобрать камни, выполнить в металле… и СРОЧНО!!!

А то ведь скоро защитники вернутся, а приличные драгоценности за один день не делаются, это всякий знает.

Софья, глядя на это, едва удерживала язык за зубами, так ей хотелось предложить ввести еще и орден святой троицы. А что?

Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович… геройствовали вместе?

А чего одному тогда почет, а этим двум незачет? Даешь святую троицу! Или хотя бы святую триаду!

Молчала, стараясь не опошлять момента. Молчала рыбой. Тем более, что орден получался интересным. Что может быть символом героя? Портрет? Так кто его знает, какой он при жизни был. А потому для ордена была выбрана… булава. Меч и булава, выложенные бриллиантами, скрещенные вместе на голубом эмалевом медальоне в виде звезды с семью лучами. И красивая, но нарочито простая цепь, чтобы не отвлекала от главного.

Все изящно, аккуратно, достаточно заметно…

И давать такие ордена далеко не каждому, только тем, кто кровью заработал.

Алексею Михайловичу так это дело понравилось, что он распорядился придумать еще штук пять орденов. А что?

Ну оч — чень удобно. И наградил, и казне не в убыток.

Это Софья, конечно, ехидствовала сама с собой. А Алексей Михайлович о таком не думал. Он просто был счастлив, что сын возвращается.

Бояре, конечно, шушукались по углам, но все же не сильно. Как-никак, победитель. Да кого!

Османов!

Тут поневоле начнешь язычок прикусывать…

* * *

Письмо пришло за два дня до свадьбы.

Михайло ходил весь день задумчивый, а потом-таки поделился с Марфой.

— Возьми, радость моя, ты же читаешь на латыни…

Читала. Хоть и не слишком хорошо, ну да за последние пару месяцев получше стало. Марфа взяла свиток, поглядела на печать…

— Священная Римская Империя… та — ак…

Леопольд Первый.

И что нам пишет император?

Вещи были написаны достаточно интересные, так, что Марфа даже скопировала письмо для брата. А что?

Важно!

Поздравляет с победой над погаными нехристями. М — да, сразу видно, что шпионская сеть у него налажена на славу.

И аккуратно интересуется планами русских. А что?

Азов они заняли, что далее делать будут? Не известно ли венценосному брату?

Да, и говорят, что королева в тягости, возможно, если будет мальчик, не стоит ли им поговорить о помолвке?

К тому же, если Польша окажет помощь соседу в священной и праведной войне, империя будет ну очень признательна…

Морально.

Денег все равно нет.

Марфа вздохнула, поглядела на мужа.

— Что ты хочешь делать, любимый?

— А что тут можно сделать? Сообщу обо всем твоему брату. По крайней мере, один союзник у него будет в войне с турками. Пусть согласуют.

— Да, война будет…

Марфа и не сомневалась. Любой султан, останется ли Мехмед, придет ли кто-то еще, обязан будет одержать хотя бы одну победу и примерно наказать наглецов, которые покусились на одряхлевшую, но вполне еще мощную османскую империю.

— И я не останусь в стороне, — заверил жену Михайло. — Я слишком благодарен моим родственникам.

Марфа улыбнулась. Не 'твоему отцу, твоему брату…'. Нет.

Родственникам.

Вот что важно.

— А помолвка? Коли у нас сын будет?

— Обязательно будет. Но с помолвкой мы подождем. Вдруг ему так же повезет, как мне?

Его величество заключил жену в объятия. Марфа уткнулась ему в плечо и тихонько улыбнулась.

Конечно, повезет.

Она постарается.

* * *

Свадьба вышла роскошной.

Героический жених, бледная от волнения невеста, которую вел к алтарю русский королевич…

Да и свой король уже пообещал Володыевскому, что станет крестным отцом его первенца. Такое благоволение!

Венчал пару как раз краковский епископ Анджей Тшебинский. А кто еще имел право?

Пусть он иногда и чуть хмурился, вспоминая о приличиях, но потом мысленно махал на это рукой. А и то — правильно они делают. Сейчас Володыевский — герой, Бася тоже не просто так, а женщина, которая не покинула его перед лицом опасности, готовясь сложить свою голову рядом с любимым. А потом, схлынет победный угар — и пойдут шипеть… гадюки.

Нет уж, пусть сейчас все решено будет.

Пусть свадьба и тайная, и присутствуют всего с десяток человек — неважно! Сплетни все равно разойдутся, просто потом, после отъезда героев. И пусть…

Торжественно пел орган, сплетались голоса певчих — и никто и рядом не вспоминал, что русский царевич — немного другого вероисповедания. Вот еще, мелочи…

Лично Михайло был этим весьма доволен. И глядя на сияющие лица молодых, шепнул жене:

— Вот и им бы повезло, как нам с тобой…

Марфа послала мужу нежную улыбку.

Может, и не любил ее сначала супруг, да сейчас уже о том и не вспомнит. Верно Соня говорила — любовь — это на сорок процентов понимание, на тридцать привычка. А уже остальное — страсть. Понять мужа несложно, привыкание обеспечим — это временем зарабатывается, а что до страсти — вон какими глазами смотрит, что тот кот на сливки…

А там и дети пойдут…

И ему даже в голову не приходит, что она тоже кое-что

меняет. Просто на свой, женский лад.

Вот, то же платье невесты…

Бася в нем выглядит, как эльф, о которых рассказывала Софья. Легкая, воздушная, жених, вон, смотрит так, словно женщин в жизни не видел. А ведь придумала наряд сама Марфа, удачно сочетав с корсажем — гладкую юбку всего с одной нижней. И небольшой шлейф. А зачем на себя семь слоев ткани накручивать? Вырезы, разрезы, распахи…

Вовсе даже незачем. Чем костюм проще — тем лучше. Вот вышивка хороша, да, жемчугом по белому…

Зато впереди юбка была чуть укорочена, так, что невеста не рисковала наступить на нее, а шлейф можно было перекинуть через руку так, что его никто не оттопчет.

Бася, к тому же, хрупкая, ей идет. Повезло Ежи…

А к тому же Михайло передал ему подарок к свадьбе. Бумаги на земли рядом с Днестром. Деньги тоже есть… укреплять, защищать, распахивать — и деревни строить. Милое дело. С управляющим они помогут, покамест Ежи будет на Руси…

Воины есть, время есть, а уж что дальше будет — только Богу ведомо.

Были бы все живы — здоровы, остальное приложится.

* * *

Степан Разин был весьма доволен.

Когда на Правобережную Украину пришло известие о гибели Петра Дорошенко, он не растерялся. Он и так объехал всех, кого можно, убеждая перейти под руку русского царя, а теперь уж развернулся во всю мощь!

Турки поганые гетмана убили! Да коварно, предательски…

Надобно мстить!

И кто бы не был с ним согласен?

Украина забурлила, словно кипящий котел. Степана Разина выкрикнули новым гетманом почти единогласно, при условии, что он отомстит за погубленного Петра. А мужчине того и надо было!

Конечно, отомстит! Все равно весной Алексей Михайлович будет Крым воевать. Вот он и пойдет!

Мстить туркам!

Самойлович, конечно, пытался выступить против, намекал, что хорошо бы его и на Правобережной Украине выбрать, дабы под одной рукой объединиться, но тут сыграла свою роль неприязнь Ивана к Руси.

Мстить-то надо было!

А с кем?

Да только с русскими, остальные на османов не пойдут. А значит, и гетман нужен другой, который будет хорошо с русскими ладить. Да и сам Иван только что Демьяна сменил, пока еще булаву он плохо держал. Веры ему пока было маловато, так что выкликнули Степана — и Разин был доволен.

Он уж и весточку от Фролки получил, порадовался, что жив — здоров братец. А более того порадовался малой весточке от царевны Татьяны.

Всего-то пара слов, зато каких.

'*Верю. Люблю. Жду. Твоя Таня*'

Что еще нужно, чтобы у мужчины крылья за спиной выросли?

Сейчас Степан спешно формировал войско взамен ушедшего с Дорошенко, но особо не свирепствовал. Найдется кому повоевать, а ему свой дом безлюдить неохота. А вот Самойловича надобно бы подставить, заявив, что коли не пойдет он мстить басурманам, значит, и булаву ему зря доверили. Правая рука да левая — они вместе должны быть, обе, как одна. А он? На себя одеяло тянет, беды соседей ему не нужны? А еще в гетманы целился!

Вот, как-то так…

Работы предстояло много, но Степан ее никогда не боялся, а лидером он был от рождения. Кто-то артиллеристом рождается, а кто-то может вести за собой людей. Вот Степану это и было дано.

И он еще поведет свои войска на Крым.

Обязательно…

* * *

Триумфальное возвращение Алексея Алексеевича вышло… роскошным.

По улицам Москвы провели пленных турок, пронесли брошенные ими знамена, в том числе и зеленое знамя пророка, прошли строем полки, проехали полководцы, улыбаясь на все стороны и уворачиваясь от цветов…

Алексей Михайлович ждал сына у ворот Кремля.

Алешка спрыгнул с коня, царь крепко обнял его, троекратно расцеловал и перекрестил.

— Сынок!

— Батюшка…

И столько было в этих словах.

— *Вернулся… надежа, опора, сила моя…*

— Все в порядке, батя. Справимся… я тебя не подведу…

Бояре умиленно сморкались в бороды. Потом Алексей прошел к теткам, сестрам… первым делом — к Софье. И девочка не утерпела, с визгом повиснув у него на шее.

— Лешенька!!! Слава Богу!!!

Рядом приглашенная в покои боярыня Морозова так же упоенно тискала сына. Потом женщины переглянулись и поменялись. Теперь Софья упоенно тискала Ивана.

— Ванечка, спасибо за брата!

А то ж!

Потом было многое.

Награждение орденом.

Праздничный пир.

Отчет отцу о проделанной работе, о трофеях, о… да обо всем! Царь там, не царь, а любой отец в такой ситуации все из ребенка вытрясет!

Когда Алешка оказался у сестры, было уже глубоко заполночь. Но ему и в голову не пришло, что не надо приходить, или что Софья может спать… ерунда!

Она его обязательно дождется. А разве можно иначе?

Так что парень был встречен вихрем сестринской любви. Девочка обхватила его за пояс, крепко прижалась, вдохнула знакомый запах — и только потом соизволила его отпустить.

— Живой, родной мой. Живой!

— Я же обещал вернуться.

— Я так за тебя боялась…

— А за Ваньку? — хитро прищурился брат.

— За вас обоих. Компотика будешь?

И только попивая из большого стакана вкуснющий вишневый компот, Алексей смог наконец расслабиться.

Только Софье он мог рассказать о том, как это страшно.

Когда ты принимаешь решение идти вперед — и знаешь, что там тебя ждут.

Когда посылаешь вперед разведчиков, и они возвращаются. С кровью на руках.

Когда разрабатываешь интригу — и делаешь это, чтобы уничтожить наибольшее количество народа…

Когда говоришь людям, что тебе нужны добровольцы, которые не вернутся — и шаг вперед делают несколько тысяч человек. А ты уже отбираешь из них тех, кто не один сын в семье, кто не имеет маленьких детей, кто…

Ты обрекаешь их на смерть, а возвращаются только двое. Из ста двадцати. И ты помнишь каждое лицо, каждый взгляд глаза в глаза…

Помнишь почерневшее лицо Фрола Разина. Он не упрекает. Он — понимает. И вот это еще страшнее.

Когда ты строишь планы, куда пойти и куда ударить и отчетливо осознаешь, что ты не сможешь пойти в первых рядах. Ты будешь в резерве, чтобы показывать, кому и куда идти. А вот эти люди — они пойдут. И полягут, если ты рассчитаешь все неправильно.

Им — умирать. А тебе — помнить.

И это больно. И страшно.

Он говорил и говорил, стремясь выплеснуть хотя бы каплю, хотя бы мизерную долю своих переживаний, а Софья слушала. Она не утешала, она просто слушала и молчала. И держала брата за руку.

А на рассвете они заснули, как были — за столом. И Софьины служанки, приоткрыв двери, заглянули внутрь — и встали мертвой стеной перед всеми. Они не собирались никого пускать внутрь. Слишком это… личное.

Ругаться ни у кого язык не повернулся. Алексей Михайлович слишком хорошо помнил, как после своего первого похода плакал на груди у воспитателя. А коли брат пошел к сестре… так что в этом худого? На царевну Евдокию, которая попыталась было что-то вякнуть про неприличие, отец венценосный так цыкнул, что та с перепугу забилась втерем и не показывалась до вечерни. Но к тому времени уже и ребята проснулись и вышли.

А там и Ванечка приехал, едва вырвавшись от заботливой матери. Да не просто так — с подарками. Еще в дороге ребята выбрали то, что надо было отдать Софье. Кучу книг, бумаг, документов… и при виде ее сияющих глаз поняли, что не прогадали. Ради проверки Ваня подсунул и какую-то побрякушку, но та была небрежно отставлена в сторону и Софья опять занялась бумагами. А потом посмотрела на брата.

— Алёша… я сволочь, наверное…

— Соня?

— Но у меня есть подозрение, что весной нам будет выгодно попробовать оторвать у османов весь Крым. А не один Азов.

— Что?!

— Ну да! Вот смотри! Османам сейчас глубоко не до нас, они сейчас прикидывают, что делать с султаном. Да и Франц — Иосиф, хоть и сволочь, а не дурак. Он теперь им спасу не даст. Кстати, ему можно отписать, а в идеале — и Собесского к нему на помощь послать. Ты б отписал Михайле?

— Да он и сам не дурак, и мы это обговаривали!

— Вот! А мы можем заняться Крымом. Целиком. Ну ладно, хотя бы той стороной, где Перекоп.

— И зачем тебе Перекоп?

— А зачем нам под боком слишком умный Селим Гирей?

— Сонь, мы его не одолеем!

— Лешенька, родной мой, а шансы у нас хорошие. Османы нас не поддержат, им бы самим разгрестись. А у нас… смотри — в Архангельске на верфях стоят наши корабли.

— Их уже сколько?

— Больше двух десятков. Да, сейчас они ходят во фрахте у купцов, но ведь мы сколько лет этим занимаемся? Успели и команды подобраться, и опыт приобрели, какой-никакой. Пока вы там были — я специально справки наводила. Так вот, если что — пройти к нужному месту они смогут. Где по рекам, где на волоке — опыт есть. А на кораблях можно многое перевезти.

— Так.

— К тому же на Сечи сейчас Стенька окаянствует…

— И как же?

— Его гетманом выкрикнули взамен Дорошенко. А он собирается присягнуть в верности нашему батюшке. А там и тебе, братик.

— Сестренка, а денег у нас хватит?

— Золото с прииска капает регулярно. Изумруды…

— Еще остались. Я не все раздал, да и привез много.

— Думаешь, отец поскупится?

— Нет, на такое дело — нет.

— А тебе бы как душевно было еще пару побед одержать. Бояре вмиг бы хвосты поджали. Да и… сам понимаешь, военные — это каста.

— Каста… ах да. Помню…

Про Индию Софья тоже рассказывала брату. А что? Знать-то надо. Англы, вон, вовсю колонизируют до чего доберутся… кстати, надо выяснить, что у нас там с Америкой. И ежели что — помочь индейцам. Как?

Да просто. Грабить и топить английские корабли. Нанимать каперов. Приплачивать пиратам, чтобы делали то, что удобно Софье. Вроде как Одиссея достопамятного капитана Блада в эти времена происходила? Или чуть позже?

Когда ж вы губернаторствовали, сэр Генри Морган?

Софья положила себе всенепременно узнать. Да и с испанцами неплохо бы сдружиться. Хотя… бесперспективно.

Там на троне Карл, правит его мать — Марианна, причем сам король из Габсбургов, а с теми лучше не родниться. Там ничего хорошего не будет. А вот насчет пиратов надо узнать.

Какая у них основная проблема?

Да пушки, корабли и место.

И если первые две решаемы, то вот стоянка… Тортуга и д ´Ожерон?

Софья чертыхнулась про себя. Знать бы, знать бы, где падать! Да она бы от книг по истории не отрывалась!

— Так вот, Алешенька. Если у тебя будет свое войско…

— Я помню. Любое государство сильно своими войсками. И коли народ не будет кормить свою армию, то будет кормить чужую.

— Так что тебе придется проследить, чтобы все солдаты получили свою долю за поход…

— Сегодня же. Сам все проверю.

Софья сжала руку брата. Посмотрела на Ивана.

— Ванечка, зная тебя,… ты мне потом расскажешь все с цифрами?

— Разумеется, Сонюшка!

Спохватились ребята вовремя. К трофеям уже попытался протянуть лапки Иван Милославский, заявив, что надобно бы опись составить, а уж потом и награждать…

Да и к чему солдатам? Все равно пропьют…

Вот тут Алексей и цыкнул на родственничка.

Царь даже не вмешивался, слыша, как сынок треплет дядюшку за перья. И такой-то он, и сякой, и разэтакий. И никто его к трофеям рядом не подпустит. Потому как все переписано до него. И коли Алексей чего по описи недосчитается — так сразу казнить будут, не разбираясь. Развелось ворья! Ничего, Болото большое, на всех хватит!

Мало того, часть денег Алексей считает совершенно необходимым сразу потратить. И заказать у купцов одежду и оружие. И пусть только кто-то попробует ему возразить!

Более того, царевич своих людей посадит все проверять. Сколько поставили, что поставили, какого качества…

И ежели что не так…

Шкуру спущу и голым в Соловки пущу! И на Соловки тоже! Доедете — разберетесь, как там говорить правильно!

Казнокрады!

Алексей Михайлович сына не поддерживал. Не потому, что выступление не понравилось, нет. А просто — зачем?

Алешка отлично справляется сам, вот пусть и учится управляться с этой оравой. И верно, бояре переглядывались с весьма недовольными лицами. Ну да, опись трофеев не была секретной, опять же, пленные только чего стоили — беи, паши… за них можно было сорвать неплохой куш. А еще Алексей привез и других специалистов. Не все ж только воевали раньше. Там и кожевники были, и скотники, и оружейники с кузнецами, да кого

только не было! Оставалось только общий язык найти, а уж на то Ибрагим есть, Лейла… кстати — троих девчонок — турчанок сразу отвезли именно к ней. Патрик и повез, радовать супругу и объяснять, что это не конкурентки, а кадры для школы. А так дорогая, вот я тебе привез. Шкатулку с драгоценностями!

И вообще — надобно еще десятка два пушек заказать, только особенных. Эта мысль Алексею пришла в голову, когда они батареи захватывали.

Не нужны крупные и тяжелые пушки, которые развернуть — целая трагедия. Нужны — мобильные.

Да, против крепостных стен они будут бесполезны. Но против любых войск в поле — это ж спасение!

Легкая пушка, на телеге, запряженной двумя лошадьми, заряжается картечью, выстрелила — и деру. А уж как это правильно сделать, как отработать… а посмотрим. Время есть, желание тоже, а вот против татар…

У них-то не крепости, у них конница! И мобильные пушки сберегут много жизней.

Так что — деньги вкладываем в развитие артиллерии. Вот.

К тому же осень уже, дороги раскисли… к Азову надо будет ранней весной выдвигаться. Ромодановский продержится, он умный, да и Воин Афанасьевич не лаптем щи хлебает. Царевну Анну жаль, грустит она без мужа, ну да ничего. Вернется, никуда не денется. Сбережем! А за зиму — готовиться, готовиться и еще раз готовиться.

* * *

Михайло Корибут смотрел на свою шляхту и довольно улыбался. Так-то, присмирнели! Сейчас, когда турок разбили, когда за его спиной встала грозная тень русского государя — никто вякнуть не смеет. Хотя нет. Затаились. Теперь они по — тихому шипят, но это дело времени. Самых активных шипунов мы выявим и выловим, никуда не денутся. А пока…

— Ясновельможные паны, мой любезный тесть, русский государь Алексей Михайлович просит нашей помощи.

Слова упали камнем в воду — и круги пошли страшенные. Кто ногами топал, кто саблей звенел, а кое-кто и усы подкручивал, интересуясь вопросом.

— Он желает этой весной на Крым идти. И просит у нас помощи ратной силой.

Шляхта загудела в три раза громче. Михайло тяжело оперся на подлокотники кресла.

— Я решил, что мы ему поможем. Коли удержат они Азов, так пойдут к Перекопу, а нам то выгодно. Все меньше стервятников на нашу землю приходить станет!

— Вот коли бы и крымчаков под Каменцом разбили! — вякнул пан Пшетинский.*

** **вымышленный автором персонаж. Но дурак — явление нередкое в любом народе, прим. авт.***

'Коли б у бабушки хрен был, была б она дедушкой' — захотелось сказать Михайле. Но вместо того он усмехнулся.

— Ваша правда, пан.

Пшетинский, которого обычно в лицо дураком не звали только потому, что саблей он владел преотменно, мигом приосанился, провел по усам — могем!

— К пану Володыевскому у меня претензий нет — он крепость оборонял и отстоял Каменец. К русскому царевичу тако же — он пришел ворога с нашей земли выгнать. А вот коли пан Собесский врага не добил — надобно его и домучить.

Пан Собесский мрачно вскинул голову. А так-то. Кому плюшки, а кому и другое. Заслуги вроде как и общие, а врагу-то ты уйти дал?

Дал…

И чхать, что ты в крепости в осаде сидел. Государя оправдания не интересуют. Напортачил — исправляй.

— Так что попрошу я пана сказать мне сколько и чего ему надобно для похода к русичам. А уж за зиму и решим, куда идти, откуда бить…

Собесский мрачно кивнул. Видимо, осознал, как его подставляют. Но угрызений совести Михайло не испытывал. Он король новый, приведенный, его власти и трех лет-то нет, чудом удержался. А тут — такая альтернатива бродит. Как прежнего короля выжили, так и его попросят, на Собесскоого заменят, особливо если он начнет шляхту прижимать. А он начнет.

Ему сильное государство хочется, трон сыну передать хочется, так что…

Надо выбить всех драконов, потом и змей вытравим….

К тому же…

Буквально день назад получил Михайло письмо от Франца — Иосифа. Король заново писал, что рад за своего царственного брата — и собирается весной в поход на подлых басурман. И не желает ли брат Михайло….

Брат не желал, а потому вежливо отписал, что у него уже уговор с русичами. Что ему даст, если Франц — Иосиф вторгнется к туркам?

Нет, тому-то понятно, он много проблем решает. А сам

Михайло?

Турки к нему теперь лет пять не полезут, кабы не больше. У них ядовитые зубы повыдерганы. Им бы не чужое хватать — свое удержать. А вот татары…

Эти могут вернуться, могут. А коли с русичами сцепятся… Михайло только рад был оказать помощь такому богоугодному делу.

1673 год, январь.

— Смотри, Алешенька. Все заряды будут одинаковыми. По весу, более — менее по форме, да и пушки будут одинаковыми. Мы их по одной мерке лили.

— То есть неважно какой заряд и какая пушка? Грузи да стреляй?

— Именно!

Преимущества стандартизации и унификации Софья понимала, а когда ей удалось втолковать то же самое Воину Афанасьевичу, который, не удержавшись, примчался из Азова, мужчина просто плешь кузнецам проел.

Опять-таки, ежели раньше пушки отливались в одной глиняной форме, просто на изготовление которой уходили месяцы, то сейчас форма стала разборной. Ее сделали в количестве одной штуки. Потом тщательно измерили веревочкой с узлами — и по тем же размерам принялись делать еще два десятка таких же форм. И так для всего. Лафет, цапфа… даже снаряды.

Мастера рычали и ругались, но Софья была неумолима — и Воин Афанасьевич жестко принялся строить кузнецов. И странное дело — сам быстро оценил преимущества. Если же деталь отливалась чуть отходя от формы — ее приходилось доводить вручную. На доведенной разрешали ставить клеймо и за нее платили — и хорошо, и не задерживая деньги.

Так что пару месяцев люди поворчали — и успокоились. А что?

От них ведь ничего сверхъестественного не требуют, просто клиент всегда прав. А уж если он царевич…

Так отлили уже два десятка пушек. А потом и больше будет, недаром Алексей Алексеевич попросил трофейные турецкие. А что?

Металл есть, надо просто привести его под нужный стандарт. И работали.

Готовились к походу. Пока Турция слаба, пока есть возможность — на Азов!

Зря Селим Гирей не подумал о венике, который легко ломать поодиночке.

* * *

— Ваше величество, умоляю Вас, не разлучайте меня с супругом! Вы и сами счастливы с королевой, Вы можете понять, насколько тягостна мне будет разлука с Яном.

Марфа пристально разглядывала женщину, которая разыгрывала комедию перед троном. Да еще в присутствии кучи придворных, почитай, вся шляхта тут.

Мария Казимира Луиза де ла Гранж д´Аркьен. Марысенька Яна Собесского.

Красива?

Да нет, скорее хорошо прорисована. Белила румяна, все по последней французской моде. Платье в два обхвата, небольшой шлейф. Лицо яркое, умное…

Темные волосы — явно парик. Темные глаза, красиво прорисованные губы, длинноватый хищный нос. Общее впечатление — стерва. Или даже стервятница?

Но впечатление она производит сильное. Вот, Михайло уже поплыл, жалеет бедную девушку… Марфа резко вонзила коготки в ладонь супруга.

Им этот поход нужен, как воздух!

Здесь Собесский — победитель. Там, в Москве… глядишь, еще и голову сложит. Братик позаботится. А нет — так может, у него амбиций поубавится, перестанет на корону заглядываться. Да, сплетни оказались хорошим ходом, но жену Ян не выгнал — и теперь сия дама распиналась перед королем.

Его величество взглянул на жену. Марфа чуть закатила глазки, намекая, что ей нужен воздух…

— Дорогая, тебе плохо?

— Да, дорогой. Такая вонь от этих духов… просто с ума сойти!

Мария Казимира тут же удостоилась гневного взгляда. И верно, Марфа во время беременности хоть токсикозом и не страдала, но притворялась, что не переносит сильной вони. Так что благородным панам пришлось хотя бы иногда начинать мыться. И то сказать — Польша она рядом с Русью, а после победы русских любили. Не везде, нет, но…

А на Руси-то моются, баня, опять же…

Марысенька же, по французской моде, облилась дорогими духами, прежде чем явиться пред королевские очи. Но если раньше это понравилось бы Михайле, то сейчас он отчетливо вдруг осознал, что этот запах прикрывает вонь немытого тела. И сверкнув глазами на пани Собесскую, помог жене подойти к окну.

Никто и не заметил, как Марфа шепнула мужу на ушко пару

слов. Ну, почти никто…

Лицо короля прояснилось. Подождав, пока жена придет в себя, он обернулся в пани.

— Пани Мария, я не могу послать вместо вашего мужа кого-то другого. Но понимая ваше отчаяние, я дозволяю вам ехать вместе с ним.

Марфа захлопала в ладоши.

— Ваше величество, как вы мудры. — И уже Марии. — Будете на Москве, не сочтите за труд передать письмецо моей сестрице, Сонюшке?

Ну и что оставалось при таком раскладе Марысе?

Еще бы пару минут — и она сказала бы, что беременна, придумала бы хоть что-то… но поздно. Король лично увел побледневшую жену. Аудиенция была закончена, а отвергать королевскую милость?

Самоубийцей панна отродясь не была.

Сдаваться она также не привыкла.

* * *

Свеча горела на столе в невзрачном бронзовом поставце. Чадила, потрескивала… мужчина нахмурился, глядя на это. А всего пару лет назад он был обласкан со всех сторон, его уважали, побаивались…

Всего пара лет — и как меняется мир.

Легкий стук в дверь прервал его размышления.

— Дозволь войти, отче?

Симеон кивнул, глядя на мужчину. Молодой, перспективный… К тому же, что важно — принял монашество здесь, на Руси, умен, хорош собой — то есть возможны разные комбинации.

— Входи, Сильвестр.

Мужчина чуть поклонился, плотно закрыл за собой дверь.

— Зачем вызвал, отче?

С Симеоном Полоцким Сильвестр познакомился почти десять лет назад — и быстро стал его учеником и последователем. Хитрому иезуиту не составило труда обработать юношу — и Сильвестр смотрел на мир его глазами. Впрочем, последнее время общались они мало и редко. Сильвестр жил в Молченском монастыре, там принял монашество, но получил записочку от учителя — и примчался. Это хорошо.

— Попросить тебя хочу, брат.

Сильвестр приосанился. Как же, брат, не абы кто…

— Ежели то в моих силах…

— В твоих. — Симеон некоторое время ходил вокруг да около, прощупывая собеседника, но потом, видя, что мужчина по — прежнему верит ему, решился. — Хочу тебя попросить съездить в Дьяково.

— Меня ведь ранее оттуда попросили.

— Так то давно было. Да и забылось уже… Поговорю я с одним человечком, пусть он тебя государю царевичу представит. А ты уж расстарайся, чтобы приняли тебя, а то и попросили детей учить. Надобно мне знать, что в Дьяково творится.

— Зачем, отче?

Симеон скорчил рожу больного за отечество.

— Там ведь Аввакум, брат. А этот волк… не станет он бараном, никак не станет. И я боюсь за детские души. За душу царевича, царевен… страшно мне. Меня туда не допускают, а вот ежели ты съездишь, ты наверняка разберешься.

Сильвестр задумчиво кивнул.

Симеон утроил дозу меда и елея — и наконец обработка дала свое. Сильвестр задумчиво согласился, что действительно — нехорошо, чтобы такой вот бунтовщик, да раскольник… но ежели он раскаялся — то это хорошо.

Симеон кивал, поддакивал, мороча голову монаху — и наконец решил, что задача выполнена.

Ему нужно *знать*. Потому что иначе он не сможет принять верного решения. Орден иезуитов силен, они могут сделать так, что Алексей Алексеевич не вернется из похода. Но он ли главная опасность?

Давно уже казалось Симеону, что кто-то стоит за царевичем, направляет его, подсказывает и подталкивает. Но кто?! Войди он в ближний круг царевича, он бы точно знал! Только кто ж его туда пустит?

А знать надо…

Развеять или подтвердить его подозрения мог только Сильвестр.

* * *

О попытке отравления Марфа вспоминала с ужасом.

Бог отвел, не иначе. Потом, потом она уже вспомнит о сестрице с благодарностью. И об Ибрагиме, который учил распознавать яды.

А тогда…

Они с мужем как раз расположились в ее спальне. Смеялись,

шутили, муж гладил ее вполне уже выдающийся живот, наслаждаясь тем, как дитя бьет пяткой.

— Мальчик будет!

— Даже если сразу и не получится — я тебе потом еще детей рожу. Сам знаешь, нас у матери много было…

— Нет уж, дорогая. Не больше пяти детей. Не хочу, чтобы ты родами себя состарила раньше времени, да и опасно это.

— Все женщины рожают, а мы крепкие.

— Все равно я не хочу тобой рисковать. Я тебя люблю.

Муж коснулся поцелуем ее живота. Марфа ласково провела рукой по его встрепанным темным волосам.

— Я тебя тоже люблю. Как же нам повезло…

И то верно, обычно в династических браках супруги только терпят друг друга, украшая фамильные портреты развесистыми рогами. Но Марфа смогла понравиться супругу, заинтересовать его и постепенно приучить к себе. А там недалеко было и до любви, или хотя бы чего-то схожего.

Ну а для царевны, которая наглядевшись на теток, была в ужасе от перспективы провести всю жизнь в тереме — это замужество вообще было чудом.

Так что стерпелось, слюбилось, да и ребенок помог…

Михайло искренне гордился красавицей и умницей женой — и не желал никого другого.

Пришла служанка, принесла чашку кофе и стакан молока.

Да, не стоило бы во время беременности, но к этому напитку Марфа привыкла, живя в Дьяково. Она помнила, как они сидели по вечерам с девушками, как Лейла заваривала кофе, как Софья, хитро улыбаясь, разбавляла свою чашку молоком — и турчанка начинала шипеть и ругаться, как Соня качала головой — мол, привыкла, ничего не могу поделать, и разводила руками…

Марфа попробовала.

Черный кофе ей не понравился. А вот такой, с сахаром, разведенный молочком… не слишком полезно для ребенка, но хотелось — безумно.

Женщина влила молоко в чашечку, поднесла ее к губам… и нахмурилась.

На поверхности чашечки плавали отчетливые белые хлопья.

Молоко свернулось…

Когда-то она не обратила бы внимание на это обстоятельство. Выплеснула бы чашку, потребовала новую. Сейчас же замерла.

Что-то билось в ее разуме, что-то было такое…

— Мари?

Муж окликнул женщину, но Марфа подняла руку, прося минуту тишины. И что хорошо было — Михайло смолчал. Понял

по изменившемуся лицу жены, что дело серьезное.

И наконец Марфа вспомнила.

Ибрагим говорил о яде, от которого мгновенно сворачивается молоко. Говорил с брезгливостью, как о грубом нарушении. Марфа помнила его лицо, склоненное над ретортой.

— Ваша культура несовершенна. Истинный яд — это поэма, а что можете вы, русские варвары? Грубо влить в молоко яд, от которого оно тут же свернется и скиснет?

— Ну, не так уж мы несовершенны, — усмехается Софья.

— А как? Страшно сказать — царская дочь не знает ни о ядах, ни о противоядиях…

Софья разрешала греку многое, очень многое — и тот платил ей любовью и преданностью. Лишенный возможности иметь семью и детей, мужчина нашел себя в опеке царских детей. Тем паче, что его тоже любили, ценили и уважали. А что еще надобно?

Марфа стремительно протянула руку, коснулась губами стакана с молоком. Сладкое. Хорошее.

Кто бы подсунул королеве кислятину?

Наверняка даже парное. А вот в кофе свернулось. От высокой температуры?

Ой, вряд ли…

Марфа серьезно посмотрела на мужа.

— Милый, кажется, меня сейчас хотели отравить.

К чести Михайлы, он не стал носиться по дворцу и орать, что казнит всех вместе и каждого в отдельности. Выслушал объяснения, вызвал капитана стражи — и отдал ему чашку, с приказанием проверить на ком-нибудь.

Например, на свежепойманной крысе, которых, несмотря ни на какие меры, не удавалось удалить из дворца.

Ровно через полчаса королю сообщили, что крыса сдохла. Михайло помрачнел и принялся отдавать приказы. Всех кухонных людей арестовали и принялись трясти. Кофейник и молоко несла одна из Софьиных девочек, так что к ней претензий не было, но вот кухонные… и быстро выяснилось, что отсутствует один из поваров. Но королевская охрана даром хлеб не ела. Копать принялись не за страх, а за совесть — и быстро выяснили, что повар обучался своему ремеслу во Франции, чуть ли не у знаменитого Вателя. Так в деле появился французский след. А после допроса родных повара и его друзей, выяснили, что он обожал посплетничать с французами и в частности — со свежеприехавшими. Клубок разматывался быстро, добротой и миролюбием королевская стража не страдала — и быстро выяснилось, что заказчика у покушения нет.

Есть заказчица.

Пани Марыся Собесская.

Но и это еще был не конец. Его величество Людовик Четырнадцатый добротой никогда не страдал, а вмешиваться в дела соседей любил.

Так получилось, что Михайло сел на трон в опережение пана Собесского. Марысе это не понравилось, но это не понравилось и Людовику. Окажись на троне Ян — через Марысю пошла бы большая французская политика. А тут… король подружился с Русью, которая всем приличным европейским державам как кость в горле — развели тут диких скифов, понимаешь… король делает реверансы в сторону Австрии — и собирается вместе с ней и с Русью пощипать Османов. А Австрия и Франция не так, чтобы большие друзья, да и вообще, разделяй и властвуй. Сейчас Франции выгоднее Турция…

Вот и собрались разделить.

Потому и травили сначала королеву. Какой государь простит такое по отношению к дочери, сестре? Да никакой. Русь тут же озвереет, потребует ответа, в идеале начнет опять войну с Речью Посполитой, под шумок можно будет скинуть или убить Михайлу, а уж Ян-то тут как тут…

Причем, что интересно, Собесский и не подозревал о планах своей жены. А вернее — *не хотел* подозревать.

Слишком многое пришлось бы увидеть мужчине, а Марысю он искренне любил. Да, вот такую, какая есть. Жесткую, жестокую, хищную, властную и честолюбивую. И плевать, что она его не особо любит.

И вот тут Михайло завис в раздумьях.

Что делать?

С исполнителями — там все ясно, веревок и деревьев в стране хватает, не дефицит. А с Марысей?

Казнить?

Это тогда и Яна с ней, ему ж все равно жизни не будет. Опозорят на всю страну, да и любит он ее… А ему еще идти с турками воевать. И как быть?

Выход подсказала Марфа.

Рассказать все Яну — и пусть он едет весной воевать и берет женушку с собой. А до той поры объявить ее больной — и под замок. Да не у мужа в поместье, где все свои и замок будет условным. Нет.

Даму следовало посадить под замок в поместье Вишневецких. И приставить к ней двух — трех доверенных людей. Да не говорить, что с ней будет, неизвестность и не таких обламывала. Хочет муж ее увидеть — пусть видит, будут приводить ее с

повязкой на глазах. Но никакого общения, ничего…

И это еще милосердно. За покушение на королеву смертная казнь полагается.

Так и порешили.

И Михайло вызвал к себе Яна Собесского.

* * *

— Не верю я, государь!

— Я тоже не поверил, что ты можешь быть виновен. Приказал все тщательно проверить, так и выяснилось. Твоя жена, гетман, хотела для тебя корону, вот и интриговала…

— Да не нужна мне та корона!

И Михайло верил. Да, вот так вот! Ян — неплохой политик, великолепный вояка, но ему совершенно не свойственно честолюбие. Последним, зато, в избытке обладает его супруга. Тварь такая…

У Михайлы невольно кулаки сжались.

— Знаешь, если б меня травили — я бы понял. А Марфу? А нашего нерожденного ребенка?

Ян стоял — и слова сказать не мог. А то ж! Он бы за свою жену… а сейчас как быть? В ноги королю кидаться, умолять, чтобы помиловал? Да он бы сам в жизни… любой, кто на Марысеньку руку бы поднял — Ян не то, что руки оторвал бы, на кол бы посадил!

Михайло понаблюдал за своим гетманом — и вздохнул. Права была Марфа — казнить сейчас жену — это убить мужа.

— Ян, я промолчу об этом случае.

Гетман вскинул глаза на своего короля.

— Ваше величество?

— Слушай меня внимательно. О попытке отравления пока никто не знает. Слухи, конечно, поползут, но тем и ограничится, коли я не подтвержу. Я же… Я не казню пани Собесскую и даже не отправлю в монастырь, в компанию пани Володыевской. Она останется твоей женой.

Ян молча опустился на колени.

— Благодарю. Государь…

— Но и свободу я ей оставить не могу. А потому до весны она будет жить в поместье Вишневецких под строгим приглядом. Видеться с ней будешь ты — да мои доверенные люди. И никак иначе. А весной, когда поедешь на Русь, возьмешь ее с собой. Государыня сестре отпишет — и там за пани пригляд будет. Согласен?

— Да, государь.

Собесский не рассыпался в благодарностях, Корибут не угрожал, мужчины просто поняли друг друга.

А как быть, ежели любишь?

— Государь, ты позволишь мне с женой повидаться?

Михайло покачал головой.

— Не сразу. Сначала ты с теми поговоришь, кто ее отравительницей назвал, сам посмотришь, не лгут ли они. Потом обдумаешь все. А в замок Вишневецких тебе дорога всегда открыта.

Ян кивнул. Он понял — король боится, что сейчас его гетман наворотит глупостей по горячности характера.

Мог, чего уж там. Еще как мог…

— как скажете, ваше величество.

И Михайло понял — это было признание. Собесский действительно считает его своим королем. Дай-то Бог.

* * *

— Ежи, я так счастлива! Мне даже страшно…

— Не бойся, звезда моя. Мы теперь никогда не расстанемся.

— Пообещай мне!

— Клянусь…

Бася приникла к груди своего рыцаря. Сейчас они жили в Дьяково, а на Москве им строился дом. Многое Басе казалось странным, после польских замков, но…

Царевич не солгал, как он обещал, так все и вышло. По приезде пару ночей провели они в Кремле, а потом их позвали к царевичу. И Ежи предложили переехать в Дьяково, временно. Зимой пожить там, поучить воспитанников из царевичевой школы, а к весне для него дом достроят, да и кавалерийский полк сформируют. Только задачи у полка будут уже иные, но это они с Алексеем Алексеевичем за зиму не раз обговорят. И чему надобно людей учить, и каких коней подбирать, и чем новый полк заниматься будет…

Ежи подумал — и согласился.

Басенька тоже была счастлива. Она видела, как расцветал ее муж, оказавшись необходимым специалистом. Да и она сама…

Ни тетушкиных криков, ни унижений, наоборот — все кругом были чрезвычайно милы. Царевны к ней вообще относились, как к племяннице. Государыня Анна обещала помочь с платьями по русской моде, государыня Татьяна сказала, что надобно бы хорошую зимнюю одежду, а когда Бася заикнулась о деньгах,

женщины только фыркнули. Бася расстроилась — она ж не нищенка теперь. Но выход нашла государыня Софья — любимая сестрица наследника престола русского, вообще предложила Басеньке поучиться русскому языку. А самой — поучить детей польскому говору. И ей за то заплатят. Не в унижение, нет. Но как-то же надо вознаградить ее за потраченное время и силы.

Маленькому рыцарю хотелось простого человеческого счастья — и оно у него было. Светили звезды, улыбалась рядом любимая жена, уважали и ценили окружающие… чего еще?

Разве что ребенка от любимой женщины. Но то уже как Бог даст…

Лично Бася собиралась приложить для этого все усилия.

* * *

Софья смотрела в ночь, в который раз подсчитывая и пересчитывая.

Весна. Очень многое решит эта весна. В марте, даже ранее, надобно будет поднимать войска и идти далее, на Крым. Менее двух месяцев осталось, а сделать надо так много!

И опять с войсками пойдет ее брат. А она будет ждать, глядеть в окно и молиться за них.

Да, еще и за Ваню Морозова.

Господи, как же тяжко! Это-то лето едва выдержала, сердце кровью обливалось! А дальше лучше не будет!

Как другие женщины с ума не сходили?

Софья знала ответ. Им было легче, у них была *вера*. А у Софьи только работа.

Ну и ладно!

Она справится. Она даст брату взрывчатку, новые пушки, а там, глядишь, и полки нового образца. Эх, почему она в своем мире мало интересовалась армейскими уставами? Даже майора от полковника не отличила бы… а как сейчас бы пригодился устав, погоны… а, ладно! Примерно она знает, что хочет, остальное придумаем!

Софья очень надеялась, что оказалась в этом времени и месте не просто так. Она справится. Обязательно справится.

Господи, помоги мне! А я помогу своей родине.

1673 год.

Сулейман посмотрел на небо.

Звезды мягко подмигивали ему с небосклона.

Велик Аллах в милости своей…

Допустив его родиться сыном султана, он не пожелал смерти

ничтожного. Сулейман мог быть убит, как множество султанских сыновей с незапамятных времен, но старший брат, Мехмед, решил пощадить его жизнь. Хотя… можно ли назвать это — жизнью, когда всю ее ты провел в одном и том же месте? И не он один. Здесь же живет его брат Ахмед. Все они братья великого султана, только от разных женщин.

Топкапы.

Жить, не выходя за ворота дворца, не видя ничего, кроме одних и тех же стен, не имея даже детей…

Нет, наложницы-то у него были, но все они были бесплодны. Специально подбирались.

Что ж, значит это судьба.

И все же… какое-то смутное беспокойство грызло его с тех пор, как старший брат ушел в поход на поляков. Словно за плечом стояла смутная темная тень и шептала что-то искушающим голосом…

Тьфу, шайтан!

Не стоит бодрствовать в предрассветный час. Слишком темные мысли приходят в голову в этот миг. Разве это справедливо, что рожденный чуть раньше становится султаном, а чуть позже — никем? Он жив только по воле Аллаха. Ну и еще немного — брата. Но когда Мехмеду это надоест?

А верить в его доброту не получается.

Особенно сейчас, когда он вернулся из похода с неудачей — и ходит, словно грозовая туча. Темный и страшный…

Сулеймана передернуло, словно им опять было по пять — шесть лет, когда старший брат крепко поколотил его за сломанную игрушку. Побои и омерзительное чувство собственной беспомощности запомнились мальчику очень надолго…

А если Сулейман решит, что братья ему ни к чему?

Удачливый султан может позволить себе соперников, его не свергнут. Неудачливый же…

Как правило, он не может позволить себе даже жизнь.

И словно отвечая темным мыслям, за дверями послышался шум.

Сулейман вздрогнул, всем телом повернулся туда… но сделать ничего не успел.

В комнату влетел растрепанный ошалевший евнух.

— Мой повелитель!

— Что случилось?

— Мой повелитель! Бунт!!!

— ЧТО!?

А вот то.

Мехмед действительно вернулся из похода 'на щите'. И то, что

физически он не умер, значило мало. Он потерпел поражение, он был вынужден возвращаться домой во главе разбитого войска — и этого янычары ему не простили. И не было рядом Фазыл Ахмеда. Не было…

Некому было заметить напряжение в войске, некому подсказать… результат оказался закономерным. Янычары подняли бунт — и результатом его стало падение султана д…цать раз на собственную саблю.

Что ж.

Не первый и не последний случай в империи.

На освободившийся трон уселся султан Сулейман. По номеру — второй. И… увы. Далеко не Великолепный.

Но и ему требовалось доказать свое право — делами. Походами, сражениями…

Европу ждали новые потрясения. И не только Европу.

* * *

Милостью Божьей император Священной Римской Империи Леопольд Первый читал письмо. И оно откровенно радовало — свежие вести с поля битвы всегда радуют.

Тем более — такие.

Османам нанесено серьезное поражение у поляков. Русский царевич Алексей разбил их войска под Каменцом. Это просто отлично. А вот что с этим делать?

Ну, для начала написать Вишневецкому. Узнать точнее, что и как, ну и прощупать почву на предмет союза. Османы сильно обгадились, теперь они начнут искать, где бы отыграться, И в Польшу они не пойдут. Добычи мало, а у волка зубы острые.

Они пойдут на Европу. А вот куда?

Леопольду очень не хотелось встревать в новую войну, намного лучше, ежели…

И опять же, насолить Франции…

С Людовиком у него была откровенная неприязнь, чего уж там.

Крит.

Некогда венецианский остров, ставший пару лет назад турецким. Хотя пара портов и кое — какие укрепления у венецианских дожей на нем остались. Вот если им подкинуть денег и войск, втайне, конечно, поднять там бунт…

Что мы получим в этом случае?

Турки ринутся на Венецию. Не затопчут, так попинают, что уже неплохо. Священная римская империя останется в стороне, а

вот Людовик наверняка поможет венецианцам, хотя и втайне. Ему слишком сильные мусульмане ни к чему, хоть он с ними и дружит. И в это время он оставит в покое Нидерланды, которым может помочь уже Леопольд. Не просто так, конечно, в обмен на некоторые преференции с их стороны… и опять же тайно насолить Людовику.

Леопольд подумал и направился составлять письмо Михайло Корибуту.

Осторожно, полунамеками… впрочем, поляку хватило. И пришедший ответ Леопольд прочитал с неменьшим удовольствием.

Точно так же. Тонкими намеками, которые остались бы неясны, попади письмо не в те руки, его величество Михаил Корибут Вишневецкий сообщал, что Русь этой весной собирается сильно… эээ… вызвать недовольство Османов. Так что ежели их внимание сначала отвлекут, то потом, когда Османы обратят свой гнев на Русь, им можно будет ударить в спину и вырвать себе вкусные кусочки.

Надо сказать, что Леопольд был сторонником мира, но для своей страны. А уж коли пришлось жить в такое непростое время…

Ну пусть воюют другие!

Турки, русские… лишь бы не он!

Говорите, Крит?

Что ж, мы им немножко да поможем…

Тем более, там сейчас все, как сухое полено. Только искре проскочить — и вспыхнет. Грех не попользоваться. Решено. Пишем Джованни Пезаро.

* * *

— Соня, танцевать будешь?

Софья поглядела на брата такими глазами, что Алексей устыдился. Танцевать… да у сестренки уже не круги под глазами, а глаза над кругами. И что больше — сказать сложно.

А что делать? К походу просто так не подготовишься, а ведь вся техническая часть на Сонечке.

И не только она.

Динамит готовить надо? Со взрывателями?

Еще как. Но Софья держит это под строгим контролем.

Пушки нужны? С нарезными стволами? Казнозарядные пищали нужны?

И побольше, побольше! Хорошо хоть там сейчас Ордин —

Нащокин надрывается. Воин Афанасьевич и днюет, и ночует в кузнечных мастерских, но и там пригляд нужен.

Царевичева школа…

Тут Алексей все взял на себя — и тут же осознал, что это кошмар! Чего только одно снабжение стоит? А еще куча писем, которые приходят от ее выпускников со всех сторон и концов Руси. Софья их как-то систематизирует, составляет *картотеку*, записывает все и раскладывает по каким-то особым признакам. Но ведь даже прочитать все письма — и то! Сколько времени надобно!

Тетка Ирина!

Тоже головная боль есть.

С приютом она справляется на совесть, но где без бед? То драки, то склоки, то религиозные скандалы… вот опять, намедни писала на священника жалобу. А как быть?

Люди из татарского полона возвращаются, к ним подход особенный надобен. А этот ретивый дуралей взял, да заявил одной девице, что грешница она и блудница. И гореть ей адовым пламенем, покамест она вот эти условия не выполнит…

Девчонка едва в петлю не полезла. А царевну Ирину, разъяренную не на шутку, едва успели остановить. А то ей — ей, вбила бы в умника немного соображения, чем под руку подвернулось. А это ведь вовсе не к лицу царевне! Да и где видано, чтобы царевна попа по церкви поленом гоняла?

Повезло, что сильного скандала не случилось. Но попенка пришлось быстро оттуда отсылать. И с патриархом говорить всерьез.

Да, люди возвращаются на родину. Да, духовное утешение и помощь им как никогда нужны! Но думать же надо, кого туда посылать! Не взгальных балбесов, а утешителей! *Целителей души*, как выражалась сама Софья.

А вот и из Царицына грамотки. Куча всего… записи, расчеты…

И тоже надобно Софье смотреть. Потому как без нее это строиться не сможет. Каналы… откуда только сестренка о таком знает? Впрочем, это уже вопрос философский. Все равно ничего не скажет. Но делать-то надобно! Так что пришлось выписывать инженеров из Нидерландов, точнее из Голландии. Опять-таки, по просьбе Софьи. Якобы, там они самые лучшие.

Ладно…

А есть и еще небольшая кучка всяких дел. Торговля, Строгановы, Урал…

Как Софья умудрялась все помнить — Алексей просто не понимал. Вообще.

— Что там?

— Племянник у нас.

— Марфа?

— Жива — здорова, довольна по уши…

— Как племянника назвали?

— Собираются покрестить Георгием, в честь Победоносца. Ну и, опять же, турок разбили…

— Это они разбили. У нас проблем с ними еще будет…

Софья прикрыла глаза ладонями, посидела так несколько секунд. Георгий… как же это по — польски? Кажется, так же, как и на русском.

— Лёшенька, как же я рада. Хоть где-то хорошо…

Брат вздохнул, обошел стол и решительно обнял сестру за плечи.

— Так, пошли отсюда.

— Куда?

— Погуляем немного. А то ты уже вся зеленая.

— Неправда. Уши розовые.

— И немытые.

Царевич едва увернулся от меткого пинка, которым собралась его наградить разозленная сестра, и понесся по коридору.

— А вот и не догонишь! А вот и не догонишь!

— Погоди у меня! — Софья подхватила юбки и пустилась в погоню, забыв о том, что она вообще-то царевна и так носиться ей не подобает. И вообще… сначала братцу по ушам — а потом разберемся! Вот!

За поворотом Алексей притормозил и ловко поймал сестренку. Придержал так, чтобы Соня до него не дотянулась.

— Развеялась? Или еще погонять?

— Зар — раза!

— Два уха, два глаза… Завидно? Я-то свои мою!

Софья фыркнула, понимая, что брат валяет дурака, чтобы хоть немного ее отвлечь. Но ведь и она не каменная! Детское тело брало свое! Ей бы в куклы играть, а она вот… да, такой диссонанс. Разум взрослого человека в теле ребенка. И иногда она дурачилась, смеялась и плакала по — детски, безоглядно. Забывая про все.

Надо. Иначе сойдешь с ума.

На дворе стояла середина марта, скоро Алеше надо было выступать в поход.

— Я с ума сойду, пока тебя опять не будет!

— А не нас?

Алексей хитро прищурился. Со стороны виднее — и в том числе заметно, какими глазами смотрит на его сестренку Ваня

Морозов. И одергивать его совсем не хочется. Он… правильный. А Софье… не век же в девках вековать? Это разбазаривание ценного ресурса, вот! Опять же, он точно знает, что друзья его не предадут, а значит — поженить их — и точка.

— Вас. Обоих, — хмуро отозвалась не заметившая ловушки Софья.

— Ты, главное, со снабжением разбирайся…

— Сам же знаешь — все сделаю.

Софья смотрела прямо в глаза брату, для чего ей приходилось чуть задирать голову. Хоть и было ей уже шестнадцать — Алешка ее чуть не на две головы перерос. Эх, где тот мальчишка, с которым они в тавлеи играли? Хоть и поигрывают они иногда, а все уже. Уже мужчина. Уже не волчонок, но волк. Пусть пока и не осознающий остроты своих клыков.

— Верю. Я никому так не верю, как тебе, сестренка.

Софья молчала. А что тут скажешь? Доверие оправдаю? Это и так понятно.

В воздухе пахло морозом. Ну да, пришел марток — наденешь семь порток.

— Государь. Там у ворот… вот!

— Благодарю.

Алексей привычно кивнул казаку, принесшему грамотку, развернул свиток.

— Сонь, в школу астронома нашли.

— Вот как?

— Правда, он себя астрологом называет… некто Сильвестр Медведев.

Софья потерла лоб.

Сильвестр. Медведев. А, ну да!

— Он же пытался к нам пролезть! Только пришлось вежливо выпнуть!

— Почему?

— А им тетка Татьяна чуть не увлеклась.

— Но сейчас-то можно его вернуть?

Софья задумалась. В принципе… Можно, чего ж нельзя, сейчас Татьяне ни до кого, кроме ее любимого Степана, а уж монах по — любому казаку проиграет. Удаль не та.

— Если он грамотный и знающий — так почему бы и нет?

— Вроде как знающий. Посмотришь?

— А куда ж я денусь. Давай, как обычно?

Брат и сестра переглянулись. Пришли те времена, когда Софья сидела под столом у братика. Прошли… сейчас она там банально не помещалась. А потому для царевны была сделана

специальная ширма в кабинете у брата — кто не знал, так и не догадывались, что она там стоит. За ней девушка и обреталась, по мере надобности подсказывая брату.

Хотя Алексей и без подсказок отлично справлялся. Умница…

* * *

Поль смотрел на парнишку, который стоял перед ним. Чистый выговор, улыбка, серьезные глаза… весь Азов знал, что такое царевичевы воспитанники. И даже чуть опасался их.

— Значит, хотите что-то на моем корабле везти?

— Хотим. И надобно будет отвести под это две каюты.

— А что это — знать мне не надобно?

— Многие знания — многие горести, — выговор юнца был безупречен, ей — ей, не видя собеседника, Поль подумал бы, что перед ним соотечественник из провинции Коньяк, но и только-то.

— А чем это может грозить моему кораблю?

Парень задумался на миг.

— Пожалуй что ничем. Это не принесет вреда судну. Но этот груз надобно будет доставить в целости и сохранности.

— Чем плох трюм?

— Крысами и сыростью.

В точку. Что было — то было.

— Я обязан подчиняться князю Ромодановскому.

— Но ведь лучше, когда человек понимает свою выгоду? — мальчишка глядел лукаво. — А ежели все будет исполнено хорошо — я обещаю обо всем рассказать царевичу. Полагаю, что его личная благодарность…

— Как же…

Мальчишка усмехнулся.

— Мсье Поль, принцы на Руси — и принцы в прекрасной Франции весьма разные. Когда вы познакомитесь с царевичем — вы сами поймете.

— Когда я… что?

— Государь обязательно прибудет в Азов. И пожелает проверить как все готово для перевозки груза. А потому — мне не хотелось бы его разочаровать.

А уж как Полю не хотелось!

Корабль предстояло вычистить от мачт до трюма, отмыть, переоборудовать пару кают…

— Когда это будет?

— Полагаю, что достаточно скоро. Месяц, возможно, два. Как только степь станет проходимой, к нам пожалуют гости.

— М — да…

— Мсье Поль, я не буду лезть вам под руку. Но мне хотелось бы помочь.

Боцман тяжело вздохнул. Да, этот юнец не лез нагло. Но непреклонности в его голосе хватило бы на десяток крепостных таранов.

— Что ж, пойдем… помощник. Зовут-то тебя как?

— Петр. По — вашему — Пьер, наверное.

Петька, а это был именно он, улыбнулся уголками губ. Ни к чему давить, приказывать, ругаться, показывать свое превосходство. Вежливость и только вежливость.

Поль Мелье и сам отлично справится, недаром же Ромодановский его хвалит — и корабль у него вычищен, и команда сработалась, да и вообще — ему б не боцманом быть — капитаном. По уму и знаниям достоин, просто для Франции дворянством не вышел. Ну да на Руси оно куда как лучше обстоит. Царевич — по уму судит, не по чинам да званиям.

А он просто подскажет, как надо перевозить взрывчатку. И ни к чему Полю знать, *что* перевозят на его корабле. Вовсе даже ни к чему. Он уедет, а им на Руси жить…

Долго, конечно, шила им в мешке не потаить, но чем позже соседи о тайном оружии узнают, тем лучше для русских.

Но и до конца таить не удастся.

Им идти на Керчь, им драться с турками, пусть и одряхлевшими, но все равно зубастыми…

Что-то ждет троянских коньков впереди?

* * *

Селим Гирей смотрел на своего брата Сулеймана.

— Значит, у нас теперь новый султан.

— Да, брат.

Поправлять калгу Селим не стал.

— Значит, весной нас ждет поход… куда?

— Сейчас взбунтовался Крит. И султан хочет окончательно бросить на колени венецианцев.

— Можем ли мы это себе позволить?

Селим Гирей знал ответ, но ему хотелось послушать и брата. И услышал он — отражения своих мыслей.

Степь стонет. Русские захватили Азов и рассылают отряды во все стороны. Освобождают рабов, вырезают селения, уводят в плен татар…

Это обязательно надо прекращать! Или хотя бы осадить Азов.

Чтобы они оттуда не выбрались!

Селим Гирей понимал это. Только вот объяснить султану не смог бы…

Не прийти по его приказу?

Это самоубийство.

Пойти на Крит за султаном? Но тогда у него будут внутренние проблемы.

Селим Гирей вздохнул — и решился.

— Отпиши султану. Мы придем, как только разобьем русских свиней, засевших в его крепости. Или пусть он пришлет подмогу.

Он понимал, что султан может прогневаться. Но… разве у него был выбор? Врага нельзя оставлять за спиной.

А *умного* врага вообще нельзя оставлять в живых.

* * *

— Ванечка, взрослый ты стал.

Ваня Морозов с улыбкой смотрел на маму. Взрослый, да. А вот матушка ему теперь совсем иной кажется. И искорки веселые в глазах посверкивают, и во вдовьем уборе кое-что новое появилось. Вроде бы и черный он, и строгий. А все ж есть возможность носить его красиво. Он знает, на девчонках в царевичевой школе еще и не то показывали.

— Правильно, матушка. А потому тебе бы еще одного ребенка завести. А лучше двух?

— Стара я уже, сынок.

— Да неужто и Матвей так думает?

Ваня смотрел подчеркнуто невинными глазами. Можно подумать, шило в мешке спрячешь! Да вся дворня знает! И он тоже знает, и не осуждает. Отец уж сколько лет тому умер, да и до того лежал… матушке самой сильной стать пришлось, опереться не на кого было. А сейчас она себе чуть волю дала. И то — не по блуду. Просто полюбила.

Хотя Аввакум и ругается. Нечего, мол, втайне грешить! Жениться надобно!

Но покамест Феодосия тянула с этим решением.

— Сейчас не о том речь, — матушка, хоть и пыталась казаться строгой, но предательский румянец сводил все впечатление на нет.

— А о чем, матушка?

— Жениться тебе пора.

Ваня внутренне подобрался. Да, чего-то подобного он и ждал. Но — не хотел. На всю Русь святую, православную, была только

одна женщина, которую он хотел бы назвать своей женою.

Царевна Софья.

Только вот пока за него царевну не отдадут. И просить не стоит, только что в ссылке окажешься. А вот как матери об этом сказать…?

— Мам…

— Завтра же могу тебе десяток невест показать. И все счастливы с нами породниться будут.

— Я…

— Ты не хочешь. — Феодосия смотрела серьезно. — Ты, как и я. Я ведь твоего отца любила. Не потому за Матвея замуж не иду, что сладко в грехе жить. Боюсь я, что все между нами — мара, морок туманный. Проснуться боюсь, взглянуть — и разлюбить. Как тогда мужу в глаза смотреть буду?

Ваня взял ладонь матушки в свои руки.

— Мам… ты ведь счастлива. Ты изнутри светишься. Такое не погасишь…

— Боюсь я покамест. Да только и ты тоже светишься, сынок. Особливо как из Дьяково возвращаешься или едешь туда. Там она живет?

— Там, — таиться смысла не было.

— И кто ж она?

Ваня вздохнул. Мать не торопила, но смотрела. Понимала, что таиться не станет — хватит. И то сказать — возраст. Других уж давно оженили… но и неволить сына?

Нет, так она не поступит. Даже если девочка из безродной семьи — все равно ее примет.

— Сонюшка.

— Ох…

Феодосия даже за сердце схватилась. Заболело вдруг. Никогда ничего такого не было, а тут словно иголкой острой кольнуло. Одна была в Дьяково Сонюшка, лишь одна. Остальных девушек Ваня мог и Софьями, и Соньками величать, а Софьюшкой и Сонюшкой — только одну.

Царевну Софью Алексеевну.

Да что греха таить — думала Феодосия и о таком повороте. Но…

— А она знает ли?

— Она меня как брата любит, — синие глаза сына были грустными. — Ребенок она еще…

— Да уж шестнадцать ей минуло! Другие в таком возрасте детей на руках качают!

— Она не другие. Она — единственная…

И столько тоски у него было в голосе, что Феодосия поняла

— это все. Конец.

Ни на ком другом она сына не оженит.

Хотя… конец — не венец! Она и сама под венец шла не особенно смышленой… потом поумнела. Может быть, Софья сейчас и не догадывается о Ванечкиных чувствах. И такое может быть.

— А она кого еще любит?

— Нет, мам. Меня и Алексея. А других людей для нее словно бы и нету.

— Это уже лучше, чем ничего. А ты ей о своих чувствах говорил ли?

— Так ты не против?

Улыбка стала ему ответом. Против? Сынок да для твоего счастья я землю с небом смешаю! Горы переверну, моря осушу… а тут всего лишь такое! Да, она царевна, да, пока жив Алексей Михайлович — ее за тебя не выдадут. Но потом-то?

Неужто Алексей Алексеевич, царем став, другу не поспособствует?

— Я хотел вернуться из Крыма — и поговорить с ней.

Боярыня подумала немного.

— Может, оно и верно. Не грусти, сынок, она тебя уже любит…

— Как брата.

— Остальных она и так не любит, сам сказал. А ежели любовь есть — она обязательно себя окажет.

— Не будешь никого иного мне сватать? — прищурился Ваня.

— Не буду. Ни к чему.

Феодосия была далеко не глупа. Если сейчас она примется активно женить сына — он ее врагом станет, не простит мечты разрушенной. А вот ежели она чуть подождет…

Коли Софья Ванечке поворот даст — тогда и женить его куда как легче будет. А коли согласится — и любовью на любовь ответит, так лучшей невестки и пожелать нельзя. Умна, красива, царского рода… единственный недостаток у нее — тоща больно. Ну да хорошая повитуха с детьми поможет.

И мать ласково улыбнулась сыну, показывая без слов — я довольна твоим выбором, мальчик мой.

* * *

Софья и не знала, какие грандиозные планы строятся в голове у боярыни. Она разглядывала мужчину, стоящего перед Иваном, для чего в ширме давно были проделаны специальные

отверстия.

Сильвестр ей нравился — по внешнему виду. За это время он не сильно изменился, разве что стал осанистее и приучился держать себя достойно.

Высокий, на вид лет тридцати, с отличной осанкой, с маленьким животиком и ухоженной бородкой. Руки тоже ухоженные, волосы кудрявые, глаза темные, яркие, властные…

Звездочет…

Первое впечатление — неглуп, коварен, опасен.

Второе? Да то же самое. Тогда, несколько лет назад, его сюда направил Алексей Михайлович, Сейчас же с ним беседовал царевич. Наследник престола.

— Что ж. Рекомендации у тебя наилучшие, — братец лениво цедил латинские слова. Сильвестр поклонился без особого раболепия, но уважительно.

— Государь, я счастлив, что вы соизволили обратить на меня свое благосклонное внимание.

Ишь ты…

Не государь царевич. Государь.

Прощупывает?

Алешка тоже обратил на это внимание.

— Мой отец государь. Я лишь царевич. Но я прощаю твою ошибку.

— Звезды говорят, что вы будете великим государем.

Брат с сестрой совершенно одинаково ухмыльнулись. Нет, ну до чего же все предсказуемо!

— Что дальше будет — одному Богу ведомо. А гадания — дело злое и Ему неугодное, — отбрил Алексей.

— Сие не гадание, государь! Сие есть точная наука!

— Да неужто? — прищурился Алексей. — Ну-ка, погляди сюда?

Звездные карты составляли все ученики школы. И читать по ним учились тоже, и звезды распознавать. А что? Дело полезное! На них же не только влюбленные смотрят, по ним еще ориентироваться можно.

— Что сие за звезда?

— Сие есть Венера, богиня любви, государь царевич.

Софья поставила себе галочку. Неглуп, два раза намекать не требуется. Только вот ум — он как нож. Можно хлебушек порезать, можно человека.

— А это?

— Сие созвездие Козерога, государь.

— Ага. А солнцестояние у нас когда?

Алексей немного погонял Сильвестра по курсу прикладной

астрономии и кивнул. Можно брать. Софья тоже не возражала. Хотя девочкам она все равно поручит понаблюдать. А то и не просто…

Какова самая большая проблема любой школы?

Да кадры!

Найти учеников сейчас можно! Но ты найди для них учителя!

Пусть будет Сильвестр.

Честно говоря, Софья бы и Василия Голицына к делу приспособила, но Алексей был решительно против. Да и Ваня чего-то разозлился, особенно когда узнал, как вербовали умника.

Странные они, мужчины…

* * *

— Марыся, я должен уезжать через две недели. Ты готова?

Мария Луиза зло сверкнула глазами. После того, как ее поймали покушавшейся на жизнь королевы, она жила в фамильном поместье Вишневецких. Муж приезжал к ней время от времени, но в остальном…

Тюрьма.

Роскошная, но тюрьма.

— Разумеется, я готова сменить одну тюрьму на другую.

— Ты зря так говоришь, родная.

Конечно, зря. Но это понимал Ян.

А Марысе, которая привыкла к роскоши, блеску, пышности — простые покои казались нищими и убогими. Ей-то хотелось… но не давалось. Разве это справедливо!?

Ян умен, силен, прекрасный полководец….

Он мог бы стать прекрасным королем!

А вместо этого — что?

Ничего.

На троне чем дальше, тем прочнее сидит Вишневецкий! Узурпатор и негодяй! А уж его русская девка…

Марыся невольно сжала руки в кулаки.

— Ян, неужели ты не понимаешь!? Меня просто убьют там!

— А что мешало это сделать здесь? — логично поинтересовался муж.

Марыся топнула ножкой.

— Здесь я дома у Вишневецкого! Шляхта не простит ему…

— Шляхта, родная моя, от него в восторге. Хоть он и не дает им много воли. Кстати — у него родился сын. Очаровательный крепкий мальчик. И королева здорова.

Марыся заскрежетала зубами, а Ян еще добил.

— Не стоит быть неблагодарной, дорогая.

— Я еще неблагодарна?! Ян, все, что я делала — все ради тебя!

— Измена мне с королем Франции — тоже?

— Ложь!!!

Марыся негодовала, но все отчетливее понимала, что эта сплетня (ноги бы вырвать негодяям, которые ее пустили) крепко проросла в сознании супруга.

Да, доказательств не было. И именно поэтому она была еще жива. Но не было и прежнего доверия. Она бы все исправила. Она бы восстановила его, она бы вновь подчинила мужа, но… О, это гадкое 'но'!

Она была практически бессильна, именно потому, что жила безвылазно в замке Вишневецких. А муж был занят по уши подготовкой войска! И ведь старался не за страх, а за совесть! За ее помилование!

А потому и виделись они редко и мало!

И как в таких условиях мужу лапшу на уши вешать?!

Нереально!

Тут нужна медленная и тщательная обработка по методу турецких одалисок, а что может она? У нее нервы постоянно натянуты, она невольно ссорится с мужем, он приезжает еще реже… она ведь не железная!

Ее тут могут просто отравить и сказать, что грибочки попались ядовитые или дичь несвежая!

Никаких сил не хватит!

— Надеюсь, что ложь.

— Ян. Неужели ты не понимаешь? Это все Михайла, он хочет разлучить нас с тобой…

— Зачем?

Правильным ответом было: 'чтобы ты не стал королем'. Но не говорить же такое мужу?

— Потому что ты единственный, кто может претендовать на престол! Ты имеешь даже больше прав, чем он! И если бы не эта его русская дрянь…

— Знаешь, Марыся, если бы кто тебя отравить вздумал — я бы убил негодяя.

Мария споткнулась на полуслове.

— Король простил тебя. А королева его просила о твоем помиловании. Так что не говори о ней плохо. Я не знаю другой настолько милосердной женщины.

Этого Марыся уже вынести не могла.

— Ну, так и убирайся к ней! Видеть тебя не хочу!! Негодяй!!!

— У тебя две недели на сборы. Мы едем на Русь. Или ты

остаешься здесь.

Ян вышел. Мария в гневе запустила в стену вазу. Потом еще одну. И подушку…

А потом рухнула на кровать в спальне и разревелась.

Ее нагло переигрывали на ее же поле. И развернуть ситуацию в свою пользу не представлялось возможным. Если только на Руси?

* * *

— Ваше высочество, мой муж ведь не поедет воевать?

Бася, отлично прижившаяся в школе, быстро нашла общий язык с Софьей. И иногда они даже гуляли вместе по саду.

Царевна усмехнулась.

— Бася, милая, зачем он там?

— Но ведь Собесский идет….

— А Ежи останется здесь.

— А если он будет просить?

Софья посмотрела на женщину. Да, вроде как Бася ее старше, а все равно — дитя ведь.

— Бася, а ты ему сказала, что непраздна?

— Не…. что?

— Ребенка ждешь? — для ясности Софья заговорила на польском, — spodziewasz się potomka?

— Ваше вы…

— Ну, я. Ты же не думала, что в моем доме от меня такое скрыть можно?

— Я… не… А кто еще…?

— Царевны. Девушки, думаю, догадываются. Но сказать мужу должна ты.

— К — конечно.

Бася залилась краской от ушей до выреза на платье, но взгляда не отводила.

— Он ведь не уедет?

— Пока не родишь — так точно никуда его не пошлю. Обещаю.

Софье легко было быть щедрой. Ежи был в чем-то незаменим. Отличный вояка, который мог за месяц сбить из толпы раздяев подобие полка — незаменимый кадр для школы. И верхом, и с саблей, и дрессировщик для подростков…

Учитывая, что Степан Разин явно перебирался на Украину, а по итогам похода обязан был там окопаться и постараться стать гетманом всея Украины, либо сразу, либо сначала поставить туда

Ивана Сирко, а потом стать его преемником, Ежи становился жизненно необходимым. Конечно, кого-то Степан пришлет сюда вместо Фрола, но ведь доверенный человек нужен! И Софья собиралась оставить Ежи на этой должности.

Во всяком случае, на следующие лет пять.

— Благодарю, ваше высочество.

— Бася…

— Сонечка, спаси тебя Бог!

Бася уже вполне чисто говорила по — русски. И Софья нахально использовала ее в качестве учительницы польского. А что?

Опять же, манеры знает, при дворе была принята…. кадры — наше все!

Из-за куста за женщинами внимательно наблюдал Сильвестр Медведев. Вглядывался, задумчиво навивал на палец локон.

Странное это место…

Царевны спокойно прогуливаются по саду, делами занимаются…. ему будет о чем доложить учителю.

* * *

Михайло Корибут смотрел на сына, лежащего в вызолоченной колыбели.

— Какой же он крохотный!

— Ничего, вырастет, в папу будет.

— Скорее бы…

Марфа ответила улыбкой.

— А папа ему обязательно оставит сильную державу.

— Все для этого сделает!

— Турок уже прогнали, теперь добить их…

— И добьем! Скоро уже войско в поход двинется.

— Милый, а сколько мы посылаем с Собесским?

— Пятнадцать тысяч человек. И восемьдесят пушек.

Михайло вздохнул. Мало, конечно. Но ведь и поляки войнами ослаблены. А еще Леопольд пишет. И его понять можно. Коли Турция на русичей отвлечется, так для него самое сладкое время настанет. А все ж таки…

Русские Михайле на помощь пришли, а с Леопольда что? Предложение дружбы?

Маловато будет!

Пусть что-нибудь еще предложит, тогда и поговорим.

Марфа поняла состояние мужа. Чуть вздохнула, склонила головку к нему на плечо.

— Собесский — полководец от Бога.

— Вот и пусть в Крыму доказывает. Благо, граница рядом, пусть геройствует. А вот жену его я на это время на Русь отошлю.

Марфа опустила ресницы, скрывая злой блеск глаз. К чему было отправлять Марию так далеко? А куда?

Отправлять ее в Европу, откуда эта гадюка переберется во Францию? Где так легко плести интриги?

Нет уж, увольте. С другой стороны, ежели сейчас с ней что случается в замке у Михайлы — кто окажется крайним?

Мария Собесская была для Вишневецких слишком драгоценным заложником. И в то же время… Если кто-то хотел насмерть рассорить Яна и Михайлу — лучшего шанса век бы не представилось.

А потому…

Поедет гадюка на Русь, как миленькая. Вон, Иероним Лянцкоронский ее сопроводит.

А Ян…

Собесскому предстояло выкупать свою жену, рискуя сложить в Крыму голову. Русские собирались идти от Азова. Казаки — с Сечи. И через Сечь же пойдет Ян.

Михайла понимал, что ему там сейчас земель не достанется — неудобно расположено. Но…

И с татарами посчитаться стоило, и ежели сейчас этот кусок откусить… Пусть его Русь откусит — трофеев у татарвы на всех хватит. А что получит он?

А безопасность своей страны вдоль Днепра. Дружественную Сечь. А там — и кто знает? Найдется им еще с кем повоевать… совместно с Алексеем Алексеевичем.

Сейчас он — ему, потом молодой Русский король поможет…

— Мария не сопротивляется?

— Пусть бы попробовала…

Михайло в очередной раз погладил жену по волосам и подумал, что ему сильно повезло. Красавица, умница…

Эххх… как же Яна угораздило так вляпаться?

Его жена смотрела невинными глазами и думала о своем.

Как же Яна угораздило так вляпаться? Надобно помочь бедняге… Софье она уже отписала — и когда герои с победой вернутся на Русь — там прославленного полководца обязательно будет поджидать подходящая дама…

Лишь бы вернулся живым.

Хотя тут — по — всякому неплохо.

* * *

Таня смотрела на небо.

Уже родное, любимое, православное! Домашнее темное и бархатное небушко с точками звездочек по черному фону. Кровать ее стояла в приюте около окна — и иногда она просыпалась, смотрела на звезды…

Ей уже недолго здесь быть осталось. День или два…

Вот приедет Ефимушка…

Она и сама не думала, что судьбу свою найдет по дороге домой, ан нет! До Азова ее довезли честь по чести. И дети у нее на руках не умерли. Да и в Азове их разделять не стали. Попросили Таню приглядывать за малышами — и та согласилась. А потом, спустя дня четыре, погрузили их на корабль — и пошли вверх по Дону.

Таня на корабле за детьми ходила, ей качка нипочем была. А там Ока. И Белопесоцкий монастырь, где спешными темпами строились дома для тех, кто пожелает рядом поселиться. А что? Землицы дадут, к монастырю припишут — и живи себе спокойно.

Вот там она с Ефимом и познакомилась. Он лесом торговал, деревья поставлял на строительство… и приметил Таню.

Сначала словом перемолвились, потом Таня про судьбу свою рассказала, а там и Ефим пожалился.

У него о том году жена умерла, оставив его с тремя детьми малыми. Конечно, мать за ними смотрит, да все ж оно не то. Вот и приглядывает он себе новую супругу.

Не бедняк, не злой, прокормить супругу сможет, куском хлеба али платком новым не попрекнет… а что в плену была?

Так это не порок. От сумы да от тюрьмы…

К тому ж она себя сберегла, со всеми не ложилась, а один мужчина…. можно считать, что как замужем побывала. Да и не грешила она. По принуждению еще и не то сделаешь! Жить-то хотелось!

Вот и соединить бы два одиночества?

Таня подумала. Пригляделась…

И решила попросить царевну Ирину узнать подробнее о Ефиме. Даже не саму царевну, нет. Для таких дел при ней несколько девушек состояли. И предупреждали всех — не бросаться очертя голову. Люди — от — они разные бывают, дураков везде хватает. Вон, Настасью едва успели из петли вынуть.

Вспомнив, как царевна Ирина орала на священника, Таня аж поежилась. Ирину свет Михайловну тогда две девушки держали, а царевна надсаживалась, на версту слыхать было.

'Тебя, недоумка, привезли, чтобы души людские утешать, а ты судить вздумал?! Праведным себя возомнил?! Христос блудницей

не побрезговал, а ты, значит, выше всех себя поставил!? Да я патриарху отпишу! Ты свиньям на скотном дворе проповедовать будешь, скотина, пока из себя гордыню не выбьешь!!!'

И хоть бы кто слово сказал.

Другие попы — те молчали, возражать и не думали, куда там! Мелькало у них что-то такое в глазах… а и то ж! Молодой, ретивый, дурачок еще… пусть сейчас получит, чем потом грех на душу возьмет, противоапостольский подвиг совершит, живую душу от Бога отвернет.

— Танечка, как здоровье?

Рядом на скамеечку присела одна из царевниных помощниц. Ксения. Таня поглядела чуть ли не с завистью. И как это ей удается?

Люди ведь все видят, в том числе и что девушки рядом с царевной иногда за весь день не присядут, то там крутятся, то здесь мелькают, то говорят, то записывают — а все ж Ксения свежа и бодра, словно жаворонок. Улыбается, глядит ласково.

— Бог милостив, все в порядке. Вот Настасью навестить хотела…

— А и сходи. Поговори с бедолажкой, глядишь, ей чуть полегче станет. — Темные глаза Ксении были безмятежными. — Пришла она в себя, плоха, конечно, но отойдет, Бог милостив. А мы приглядим, чтобы ее никто впредь не обидел.

— Ведь столько перенесла…

— В том-то и дело, — Ксения пожала плечами. — В плену многое можно было вынести — от врагов же! Там душа колючками ощетинивалась, ровно ежик. А здесь-то дома вы, успокоились, расслабились — и вдруг сапогом, да в мягкое брюшко, да когда ждешь, что тебя погладят и утешат…

Таня поежилась. А и верно ведь… когда не ждешь предательства — оно больнее ранит.

— Ты не переживай за нее, царевна милостива. Не бросит девочку на произвол судьбы.

— Век Бога за царевну молить буду! — вырвалось у Тани. — Сколько уж она для нас сделала!

По лицу Ксении мелькнула тень, но так быстро, что ровно и не было ее.

— По просьбе твоей узнали мы про Ефима.

— Да?!

Таня встрепенулась, впилась в девушку глазами. А та смотрела дружелюбно.

— Таня, ты только не огорчайся… знаешь, от чего у него жена умерла?

— Говорил он, что от родов…

— Верно. Только не сказал он иного. Что уже через пару недель после родов он супруге похотью своей дышать не давал.

— То есть…?

— Коли сдерживал бы он себя и не тешил беса — жива была б его жена. Сам он в могилу ее свел частыми родами. У детей разницы — девять — десять месяцев. Да и третьего… его жена сестре говорила, что муж ей роздыху не дает, даже пока в тяжести она. Оттого она и ребенка родила раньше срока, оттого и роды плохо пошли.

Таня и не подумала сомневаться.

— Это правда?

— К сожалению. Что делать — тебе решать, коли захочешь за него замуж — отговаривать тебя не будем, но лучше уж ты с открытыми глазами выбор делай.

— Я надеялась, что он меня любит.

Ксения пожала плечами.

— Любит ли — не знаю, но то, что ты век ему благодарна будешь, а пожаловаться и некому будет — так это точно.

Таня кивнула.

— Откажу я ему.

Не для того она столько пережила, чтобы из огня да в полымя угодить! Не для того!

Ксения ласково приобняла девушку за плечи.

— Не думай о плохом. Ты с детьми справляешься — лучше не надобно, место есть, никто тебя отсюда не погонит. Долго ли, коротко ли, но судьбу ты свою встретишь.

— Лишь бы мимо она не прошла.

— Поверь мне, судьба — она и в сточной канаве найдет.

Насчет канавы Таня не поняла, но поверила. Откажет она Ефиму — и пусть его. Придет еще ее суженый.

И невдомек ей было, что Ксения вспоминала о своей судьбе. Которая выдернула ее руками царевны Софьи из сточной канавы, где пряталась девчонка, чтобы не снасильничали. Отмыла, отчистила, всему научила — и вот она здесь. Помощница самой царевны Ирины.

Ой, не за ту Таня молиться будет. Коли б не царевна Софья, не государь Алексей Алексеевич… не жить бы им обеим! Как есть — не жить. Только вот народ о том не знает, для этих напуганных девчонок благодетель — царевна Ирина.

Ничего. Она сегодня за всех помолится.

Дай им Бог здоровья и удачи во всех делах!

* * *

Марфа смотрела с балкона, держала на руках ребенка.

Сегодня уходило войско. Уходило на Сечь, а потом и далее. Сражаться с турками, позднее, к осени они на Русь вернутся, через нее домой пойдут… а как бы за ними полететь хотелось!

Русь увидеть, дом родной, даже сестрицу Дуньку расцеловала бы.

Соскучилась.

И вроде бы все хорошо, и сын замечательный, и муж ее любит, на руках носить готов, а нет — нет да накатит тоска. И взвоешь волчьим голосом…

Скрипнула дверь.

— Государыня царевна, отдала я письмецо ваше.

Марфа улыбнулась. Для этих девочек, приехавших с ней, она не совсем царица. Нет — нет, да оговорятся, назовут, как на Руси привыкли. Не со зла, не от неуважения — привыкли просто. Но поскольку это наедине, да и на русском — не столь страшно.

— Вот и ладно. Самой бы на Русь съездить, да кто ж отпустит?…

Девушка по имени Глафира улыбнулась.

— Ваше величество, так время дайте! Десять лет назад никто бы с поляками родниться и не подумал. Год назад вы сюда приехали — так на нас шляхта волками глядела. А сейчас?

— Они и сейчас что твои волки, просто клыки попрятали, — буркнула Марфа, качая колыбель. Сына она никому не доверяла. Сама кормила — и муж не протестовал, радовался, что жена ребенка любит и сын здоровым вырастет, ставила колыбель в соседней спальне, чтобы услышать ночью, ежели малыш заплачет, лишний раз придворных не подпускала — смотри с расстояния в два метра, а руками и вовсе не тронь…

За ребенка Марфа кому угодно бы глаза выцарапала.

— Да ведь не только в шляхте дело. Простые люди куда как лучше к нам относиться стали, это важно! Вот увидите — и десяти лет не пройдет, как будем друг к другу в гости ездить!

— Твои слова да Богу в уши.

— Верьте, государыня. Да и сестра ваша так говорит!

— Да, Сонюшка…

Ей-то Марфа письмо и отправляла. Ей не нужна была Марыся Собесская. Сейчас она ее отравить попробовала, а что далее? Детей изведет? Или — того хуже, мужа?

Нет уж.

Здесь Марфа с этой гадиной ничего сделать не могла. Но на Софью надеялась крепко.

* * *

— Садись, сынок.

Алексей Михайлович с явным удовольствием глядел на здорового улыбающегося мальчишку.

А ведь отличный парень вырос! Всем бы таких! Умный, ловкий, серьезный, самостоятельный, не трусливый — что тоже для государя важно…

— Как здоровье, батюшка? Как дела?

— Неплохо. Не могу пожаловаться. Разве что тебя редко вижу…

— Так я постоянно то в Дьяково, то еще где. Зато младшие пока при тебе. Как Володька?

— Растет, улыбается…

— А хороший у меня братик получился?

— Очень. И Любава второго ждет.

— Батюшка, да ты что!? Радость-то какая!

Алексей обрадовался так искренне, что царь даже вздохнул. Вот ведь… злые языки, наветники, все бы им яд сцеживать. Нашептывают, наушничают… а мальчишка просто рад…

— Чем более Романовых, тем власть наша крепче, — словно прочитал мысли отца Алексей. — Опять же, мало ли что с кем случится…

— И думать о таком не смей!

Алексей Михайлович перекрестился. Сын пожал плечами.

— Тятенька, так ведь на войну идем, не на прогулку…

— Знаю, сынок. Эх, и оглянуться не успеваешь, а вы уже взрослые…

— Да вот… Батюшка, а что, ежели нам еще кого из сестренок замуж выдать?

— Уж не Сонюшку ли?

В ответ на отцовскую улыбку Алексей замотал головой не хуже норовистой лошади.

— Вот уж нет! В Швеции у нас сейчас Карл, в Курляндии — Фридрих и оба холосты.

— Не согласятся шведы, враги мы с ними.

— А датчане? Там сейчас Христиан, у него только — только сын родился. Коли Любаша дочку нам подарит, так лучшего бы и пожелать нельзя?

Хм — м…

Алексей Михайлович серьезно задумался над этим вопросом. А почему бы нет?

Чай, король, не герцог, что и было высказано. Алексей только плечами пожал.

— Батюшка, король ли, герцог ли… был бы человек умный да надежный. А как его должность называется — то шелуха от семечек.

— Да и кого мы за Фридриха выдать можем? Ежели Софью ты не отдашь?

— Так Катюшку! Он ее на восемь лет старше, самое оно!

— А не Дуняшу?

— Тятенька, ты Дуняшу сам видел. Ее еще воспитывать и воспитывать, чтобы не позорила страну, да нужное нам проводила…

— Ишь ты, как размышляешь…

— Так что делать, тятенька? Глупый друг опаснее умного врага.

— Ладно. Скажи Афанасию, пусть письма пишет…

Алексей кивнул. Кому и поручить, как не Ордину — Нащокину. Умен, предан, обхождение знает — чего еще надобно?

— Сделаю, батюшка.

Алексей был доволен. Да, дома дочек замуж выдать не за кого. А вот за границу…

Ну и что, что иноверцы?

Муж да спасется женою своей — это раз.

В своем бардаке разгребитесь, прежде чем других учить — это два.

И вообще, одну уже выдали, остальных легче будет. Это — три.

* * *

— Пан Лянцкоронский! Проше пана…

— Ежи!!!

Возмущенный возглас Иеронима дал понять пану Володыевскому, что церемонии можно не разводить и Ежи радушно улыбнулся.

— Как я рад тебя видеть!

— И я тебя, дружище!

Мужчины скрепили радость встречи крепким рукопожатием.

— Царевич вас позднее ждал…

— Но тебя ж выслал навстречу?

— Ну, так то ж святое. Вы по чужой земле идете, мало ли

какие здесь люди… вот, чтобы вас ненароком не обидели…

Подтекст был ясен обоим мужчинам. Обидишь две сотни поляков, как же! А вот чтобы они какой дури не учинили и не началась опять распря и был послан пан Володыевский с небольшим — тоже сотни две отрядом. Встретить, сопроводить со всем почетом… а кому еще можно такое доверить?

Так что вскоре оба пана ехали рядом во главе войска, а Ежи рассказывал о своем житье — бытье.

— … приняли как родного. Поселили нас с Басей пока в Дьяково, покои отвели в тереме, но рядом нам свой дом строится. Да и на Москве так же.

— Ты так и возвращаться не захочешь…

Ежи пожал плечами.

— Бушуют Езерковские?

— Не то слово!

Узнав о заточении дочери в монастырь, пан Езерковский кинулся в Краков и упал королю в ноги. Умолять.

Еще бы, куда это годится?! Дочку, красавицу, умницу, практически 'черную вдову' вдруг от родного мужа отрывают. Да еще так цинично, чуть ли не по обвинению в государственной измене. А к тому ж…

Теряется все ее состояние. Раньше-то Кристина все тащила в семью, все для Езерковских, а сейчас она в монастыре, деньги и земли у ее мужа, а тот уж и вовсе на другой женился! Да на ком!

Пригрели змею на груди!!!

Конечно, паны взбесились. И сам Кшиштоф* — отец Кристины, и его многочисленная родня — племянники и племянницы.

**** Не знаю, как звали ее отца, не смогла найти. Так что если кто-то поправит — буду весьма признательна. Прим. авт.***

И будь Ежи в Кракове — не вылезать бы ему из дуэлей. Да и шляхта заволновалась. Ей — ей, останься они в Польше — затравили б и его, и Басеньку. Но это ж в Польше!

А ехать в Москву, на суровую русскую землю, ради того, чтобы вызвать Ежи на дуэль… Э, нет. Так далеко удаль Езерковских не простиралась. Да и король ответил весьма резко и жестко.

Сообщил, что все решения были приняты паном Володыевским с его высочайшего соизволения. И вообще — пан Володыевский — народный герой. Он Каменец защищал от поганых захватчиков.

А вы в это время чем заниматься изволили?

Ах, хозяйством?

Ну вот вам мое повеление.

Отправляйтесь на хозяйство и без моего дозволения при дворе и не показывайтесь, не то в башне сгною! Наглость какая! Кстати, не вы ли, пан, дочку свою научили мужа бросать, да в лицо ему каркать, смерть предсказывать?

Это и вообще изменой родине попахивает…

Пан, конечно, отнекивался и пытался настаивать на своем, но уж больно неприглядно выглядел поступок Кристины, тем более в годину бедствий. Пришлось Езерковскому отступиться, хотя любви к короне ему это и не прибавило. Кристина же, постриженная под именем Марии, несла служение в одном из монастырей, покамест строго запертая, ибо была уже поймана при попытке побега.

Ежи только вздохнул, выслушав эти новости. Вернуться домой с Басенькой им в скором времени точно не грозило. Лет десять ждать придется. Ну и что бы на Москве не отстроиться за это время? Тем более, дети пойдут уже скоро…

Иероним искренне поздравил пана с ожидаемым прибавлением. Но на вопрос о Собесском, коего Ежи чрезвычайно уважал, горько вздохнул, и выложил Володыевскому все без утайки.

Все равно ведь Марыся останется в Дьяково, а значит, нечего и таиться. Пусть лучше Володыевский правду от него услышит, чем потом ему где-то да солгут…

Ежи выслушал с непроницаемым лицом, но Лянцкоронский все равно заметил негодование. Видно ж все равно было, не с прямотой Володыевского такое прятать.

— Ты тоже считаешь, что она виновата…

— Дура она. И мужа под монастырь подвела, — со всей прямотой высказался маленький пан. — Дура. Уж прости, но будь она моей женой — запер бы я ее под замок, чтобы сидела и детей рожала. И не лезла никуда.

Лянцкоронскому подумалось, что так в итоге и выйдет.

— Как еще к ней в Дьяково отнесутся?

Ежи улыбнулся.

— Может, как родную и не примут, у русских род — это все, а она женщину их рода отравить пыталась. Но, поверь мне, ни обижать, ни ущерб какой нарочно причинять — тоже не будут. Царевны… знаешь, не будь я женат…

Ежи хитро разгладил ус.

— И кто ж тебе по нраву пришелся из царских дочек? — Иероним едва сдержал смех, глядя на попытки ротмистра изобразить из себя храброго покорителя женских сердец.

— Все. Что старшие царевны — мудры, добры,

рассудительны, к ним, ровно как к матерям тянутся, что младшие… знаешь, видел я женщин, но таких! Бася вмиг с ними подружилась, учится чему-то, сама царевичевых воспитанников да воспитанниц нашему языку учит…

— Женщина? Учит?!

— А что такого? Ты погоди, они еще и Марию к делу приставят. Она ж французский знает…

— Ну да…

— Уж поверь мне, ежели царевны что решат — им никто противостоять не сумеет.

Слов у Иеронима не нашлось. Одно изумление.

* * *

— Отче, здравствуйте.

Сильвестр широко улыбался любимому наставнику. Симеон встал ему навстречу.

— Сильвестр! Рад видеть тебя! Как твои дела? Как тебя приняли в Дьяково?

— Приняли настороженно, — честно отчитался Сильвестр. — Так что хожу с оглядкой, стараюсь, чтобы меня окончательно приняли.

— Как царевич к тебе отнесся? Не обижает?

— Нет, отче! Царевич…

— Что?

— Я для него как шкаф заморский. Вот скорее как…

Сильвестр развел руками, не в силах сформулировать точнее. Хотя и это определение очень точно отражало суть отношений между ним и царевичем. Алексей Алексеевич просто не интересовался астрономией, но надо же было с чего-то начинать детям? Знать созвездия, ориентироваться по звездам, потом составлять звездные карты, следить за движением планет…

Да и сами планеты!

Не так давно открыли спутник Сатурна — Рей. Софья вообще планировала рано или поздно устроить обсерваторию в школе. На основании движений небесных тел многое можно и о земле сказать, разве нет? Где обсерватория, там и метеорология….

Одним словом — работать было интересно. А вот остальное…

— Это как же? — Полоцкий явно растерялся. Сильвестр задумался, потом постарался выразить точнее то, что сам чувствовал.

— Вроде бы и ходит он мимо меня, а вот интереса я в нем никакого не вызываю. Пару раз царевич меня и беседой

удостаивал, но не просто так, а по делу какому-то. Записку ему составить, карту начертить… А вот близко к себе он не подпускает.

— А гороскоп? Он ведь на войну идет…

— Пытался я его заинтересовать. Куда там!

Сильвестр поморщился, вспомнив, как отнеслись к его труду. Шикарный гороскоп, обещавший, кстати, победу, хотя и со множеством трудностей, вычерченный на лучшем пергаменте, поданый со всем уважением, не вызвал у царевича ни малейшего интереса.

— Звезды? Идите, господин учитель, с ребятами занимайтесь, а то они Скорпиона от Кассиопеи не отличат.

Сильвестру было искренне обидно. Он ведь не лгал, он и сам верил в свои писульки и звездульки.

— А царевнам? Тоже неинтересно?

— Царевне Анне так точно, Татьяна полистала, но тут к ней Софья пришла…

— И?

— Никогда я себя таким дураком не чувствовал.

Сильвестр поежился, вспоминая темные глаза юной девушки, которые впились в него двумя шильями.

— Предвещаем победу? Дело хорошее, дело важное. А почему тетушке? Что, братец уже велел к нему с глупостями не лезть? Оно и правильно.

— Сие не глупости, государыня, а точная наука…

Сильвестр пытался защищаться, но куда там. Мешало еще то, что царевна Софья не смущалась, не стеснялась, не терялась в присутствии мужчины, пусть и монаха, но все ж таки! Невинная ж девушка, сие точно известно, а взгляд — словно наизнанку выворачивает.

— Точной наукой, господин учитель, вы в школе займитесь. А ежели я узнаю, что вы тут гороскопы составляете, попрошу протопопа Аввакума с вами разобраться. Это как раз по его части.

— Государыня царевна….

— Вон отсюда. Вместе с гороскопом.

Сильвестр и сам не понял, как он оказался за дверью. Зато отлично ощутил, что подрясник от пота промок. И только потом, переодеваясь в своей комнате, он понял, почему так получилось. Софья смотрела на него так, словно прикидывала, что выгоднее — убить его или в живых оставить? Пока выбор был сделан в пользу жизни, но ведь все может и перемениться. И страшновато было видеть на красивом девичьем лице глаза много повидавшего убийцы.

О том он и рассказал наставнику. Симеон послушал,

подумал…

— А кто из царевен к Алексею Алексеевичу ближе стоит?

— Царевна Софья. — Медведев и не колебался. — Самая она для царевича близкая, самая родная, да еще он с Иваном Морозовым, ровно с братом. А царевну они оба готовы на руках носить.

— Вот даже как…

Опять пауза. И молчание, которое разрывается нехорошим старческим смешком.

— Сильвестр, придется тебе кое-что царевичу намекнуть…

Сильвестр послушно кивает, выслушав план.

— Исполню, отче. Единственное что — не сейчас. Царевич в поход отправляется, не до того ему, все забудется. А вот опосля победы или поражения — тут и будет возможность…

— И то верно….

Мужчины проговорили еще долго. Потом Сильвестр ушел, а Симеон остался смотреть в окно и размышлять.

О чем?

Ну, хотя бы о том, что ему написали. Ведь иезуит всегда останется иезуитом, где бы он не жил, кем бы не прикидывался…

И, почти как в армии он обязан был выполнять приказы вышестоящего начальства. Даже самые… жестокие.

Но ведь им виднее?

Горит на столе свеча. Но кажется, чудится на миг, что дымок над ней скручивается черными петлями злых намерений, которые готовы сомкнуться на горле противника.

Убить, уничтожить тех, кто посмел жить по своим законам, иметь свое мнение, верить своему сердцу…

Свободные и сильные люди не нужны тем, кто грызется, подобно паукам в банке. А то ведь и стекло разобьют и пауков передавят.

* * *

— Сколько людей у нас будет?

Иван Дмитриевич Сирко*, один из самых уважаемых казаков, посмотрел на Степана Разина.

— Более пяти тысяч человек у нас набралось, восемьдесят две чайки пойдет.

— Изрядно.

**** В реальности Иван Дмитриевич вусмерть разругался с Дорошенко и бил его в хвост и гриву. Логично было предположить, что после гибели гетмана, он или попробует***

стать следующим, но это вряд ли, мог бы уже десять раз стать, просто не хотел. Либо найти общий язык со Степаном. Второе представляется мне более логичным. Прим. авт.

— Да и русские пойдут, разве не так?

— Так все. Мы до Азова спустимся, а там пойдем вдоль берега. А за нами русские корабли.

— Все на кораблях пойдут?

— По берегу идти опасно. Вот ежели Керчь захватить, да Перекоп — тогда можно будет и татар гонять. Хотя, может, кто и пойдет. Я сам покамест многого не знаю.

— Хорошо ли это? Русские всегда нашей кровью за свое добро платили…

Степан сдвинул брови.

— Мне ли не знать? Сам я брата потерял, а все ж таки… сволочь — она всякой бывает. И русской, и казацкой. И у нас Дорошенко чего стоил? Всех хотел под султана прогнуть…

— И то верно. Степан, я тебя с титешного возраста знаю, еще в люльке помню… Уверен ты в царевиче? Не подведет он? Ведь ежели что — твоя голова первой полетит, не простят казаки…

Степан вздохнул.

— Верю я ему, дядько. Другому кому не поверил бы, а царевича еще сопляком помню. Воля в нем железная была — и осталась. Он своих разменивать не станет. А ежели пошлет куда — я первым пойду. Потому что верю — не просто так то будет. Хватит уже поганым топтать нашу землю! Живем ведь от набега до набега! От стычки до схватки! Все разрознены, все землю, что одеяло, на себя тянут… хватит! Что смогу — то делать буду.

Иван медленно кивнул.

Да уж, когда Дорошенко под султана пошел — разругался с ним атаман смертно — и пошел громить негодяя, так что не понаслышке о междоусобице знал.

— Что ж. веришь ты — и я тебе поверю. Но учти, коли что — пощады и тебе не будет.

Степан кивнул. А что делать? Сейчас он все поставил на кон, либо пан — либо пропал. И пропадать не хотелось.

— Ты ж не просто так зашел, Иван Дмитрич?

— Куда как непросто. Ты погляди, что за цидулька до меня пришла.

'Цидулька' выглядела очень солидно. Лист пергамента с большой печатью, шёлковым шнуром… видел Степан такие.

— Дядько, никак тебя Османы уважили?

— Оне… гниды! Да ты почитай, что пишут!

Степан кивнул и развернул свиток.

— Красота!

Я, султан и владыка Блистательной Порты, сын Ибрагима, брат Солнца и Луны, внук и наместник Бога на земле, властелин царств Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властитель над властелинами, несравненный рыцарь, никем не победимый воин, владетель древа жизни, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утешитель мусульман, устрашитель и великий защитник христиан, повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставлять беспокоиться.

Султан турецкий Сулейман II.

**** не могу утверждать, что текст идеально правильный, источники везде разные. Взяла, что нашла. Прим. авт.***

— Сдаться ему, чорту! Не много ль чести?

Иван кивнул.

— Ишь ты, никем не победимый. Не воевал, вот и не побеждали, чего тут думать!

— И то верно. Отписать ему обратно, да в поход собираться.

Иван хищно усмехнулся.

— Сам отписывать будешь?

Степан покачал головой.

— На такое и ответа-то достойного нет.

— Тогда отдай сюда. Мы ему ответ напишем!

Ответ писался при участии нескольких бочек горилки, писался настолько душевно, что некоторые выражения пришлось вымарать — боялись, как бы бумага не воспламенилась. Но и оставшихся хватило. И утром письмо полетело обратно, к султану с заманчивыми предложениями. Казаки, грубый народ, сильно сомневались в происхождении султана и его видовой принадлежности, хотя и не знали таких определений. Зато были уверены, что он не убьет ежа голым задом, а потому не является рыцарем, тем паче — непобедимым. И предлагали ему совершить акт мужеложества со всем Запорожским войском, будучи при этом в пассивной позиции.

Одним словом, попытка наладить дипломатические отношения вторично (вдруг да отыщется еще один Дорошенко?) провалилась глубоко и с громким треском.*

**** не могла я пройти мимо такого смачного эпизода, тем более, что он где-то к этим временам и относился. Прим. авт.***

* * *

Март 1673 г.

Софья, не обращая внимания ни на что, висла на шее у брата.

— С Богом, Алешенька. Молиться день и ночь буду, только живой вернись.

— Еще как вернусь! Не плачь, Сонюшка. Все хорошо будет!

— Я и не плачу!

Софья действительно не рыдала, считая, что слезы приманивают беду на воина. Пусть у ребят все будет хорошо. Алексей последний раз поцеловал сестренку и вскочил на коня. Соня обняла еще и Ивана.

— Вернись, Ванечка. Я за вас обоих молиться равно буду…

Иван тоже крепко поцеловал девочку… да скорее уже и девушку. Это Софья за всеми бегами и трудами не замечала, как округляется ее тело и наливается грудь, а вот окружающим это отлично видно было. В том числе и Ивану Морозову, который твердо решил вернуться — и поговорить с Соней. Но это потом, потом…

А пока он крепко поцеловал девушку прямо в губы. И тут же выпустил ее из объятий и вскочил на коня, пока Соня не начала задавать неудобные вопросы.

— Ты тоже себя побереги, сестренка, — ухмыльнулся Алексей, разряжая обстановку. И парни тронули коней.

Софья стояла красная, что та малина — и ощущала себя полной дурой. В таком деле ошибиться она не могла. Ваня ее… любит?!

Да. Судя по всему — да.

А она его?

Софья задумалась. И страстной любви, о которой пишут в романах, в себе не обнаружила. Только глубокую и искреннюю нежность. Все бы сделала для этих двух мальчишек.

Но вот что делать с этими чувствами?

А если Ванька погибнет?

Тогда пусть домой не возвращается! Она его сама убьет!

* * *

Всего на Крым двигалось более сорока тысяч человек. Учитывая уже имеющиеся в Азове тридцать тысяч — сила получалась весьма внушительной.

Почти пятнадцать тысяч вел Ян Собесский. Пять, даже почти шесть тысяч собрали казаки. Слишком уж их обозлило письмо турецкого султана. Нашелся умник — вольным запорожцам приказывать! И двадцать две тысячи шло под командованием царевича. А если уж точнее — то командовали войском все те же

Хитрово и Косагов. Они организовывали марши, они брали на себя семьдесят процентов работы… ну а почему нет?

К полякам они уже удачно сходили, турки удрали восвояси. Почему бы не повторить второй раз?

Да и из этих двадцати двух тысяч, почитай десять тысяч было легкой конницы. Башкиры, казахи… те, кто отродясь татар не любил, а вот в седле они держались, как на коне рожденные. И уж пограбить, набрать рабов, трофеев…

В серьезном столкновении толку от них было немного. Но им предстояли не битвы. Им надобно было рассеяться летучими отрядами по степи и тревожить кочевья. Да сменить тех, кто зимовал в Азове, ежели те захотят.

Серьезных надежд на них Алексей Алексеевич не возлагал. Скорее на пушки, которые со всеми предосторожностями везли в обозе. На взрывчатку, которая хоть и получилась золотой, но и результаты давала бриллиантовые. На страшное зелье, которое с предосторожностями вручила ему Софья.

Греческий огонь.

Она называла это именно так, хотя и подчеркивала, что с первоначальным огнем сие зелье имеет мало общего.

Да — да, Софья добралась до Бакинской нефти, в основном благодаря Степану Разину. Для казаков в тех местах ходить было несложно, а уж высадиться, где сказали, да набрать в бочки, чего попросили — тем более. Степан и поспособствовал, еще пока Алексей Алексеевич в польских землях геройствовал. Получив несколько десятков бочек с нефтяным содержимым, Софья занялась перегонкой. Она знала, что надо сделать и примерно представляла себе устройство перегонного аппарата (а кто его не знает после знаменитого фильма Гайдая?), а в школе могли довести ее идею до ума. И довели ведь, и даже смогли перегнать нефть, после чего и соорудили снаряды с греческим огнем. А что?

Керосин есть, сера, селитра, а самое главное — негашеная известь. При опытах сгорела насмерть оказавшаяся рядом скамейка, получили легкие ожоги и тяжелую взбучку лаборанты, которые-таки плеснули на греческий огонь водичкой — и Софья задалась вопросом безопасности. Огнетушители с углекислым газом не рассматривались вовсе, хотя идея была плодотворная. Получить его несложно, кинь карбонат в кислоту — и радуйся. Но асбестовые полотнища выглядели более привлекательно, как и ящики с песком. Впрочем, ящики можно было обеспечить уже сейчас, а вот асбест чуть позднее. Хотя заказ Строганову Софья уже сделала. Пусть добирается до Баженовского месторождения. Эх, как же ей иногда не хватало нормальной карты, спутниковой связи и компьютера! Про почту упоминать не будем. Как работала

почта во времена оны — и как она работала в двадцать первом веке, сравнивать было страшно. Потому что лошади оказывались круче поездов и самолетов, а сравнение получалось не в пользу Софьиной современности. Или, по некоторым подсчетам, почту могли везти вкругаля через Чукотку. Тогда — да! По срокам все сходилось!*

**** Одна моя знакомая пересылала вещь из Екатеринбурга в Саратов. Два месяца. Прим. авт.***

Плотно запечатанные кувшины были погружены в специальные телеги — причем огонь находился не в смеси, а в виде отдельных составляющих. Слишком далеко его придется везти, слишком много ситуация может возникнуть…

Где он пригодится?

Да хотя бы и против турецких кораблей. Галеры жалко, там христиане оказаться могут. А вот парусные турецкие суда — вполне! Бить! Никак нельзя не бить!

Опять же, Керчь — приморская крепость.

Софья вздохнула.

Да, греческий огонь — страшная вещь. Оружие массового поражения, не иначе. Но тиражировать она его не даст. Будет хранить секрет, сколько сможет, благо, до конца весь процесс знают два — три человека, остальных допускают строго в отведенные места. Разделяй и действуй, иначе и не скажешь.

Жестоко?

Страшно?

Софья привычно (поди, не привыкни за тринадцать лет-то!) перекрестилась на купола церкви.

Ее грех — она за все и ответит. Только она.

* * *

— Степан! Ну, здравствуй!

Ромодановский искренне рад был видеть казаков. Особенно — на чайках. В гавани сразу стало как-то тесно и весело. Вот уж воистину — чайки. Мелкие, много, а как нагадить могут! Восторг!

— Здравствуй, боярин! Принимай гостей!

— Много вас?

— Да нет, почитай, пять с половиной тысяч человек всего!

— Та — ак… Ладно. До подхода царевича размещу.

— Да ты не думай, боярин, мы в тягость не будем. С собой провизию захватили, опять же, часть чаек в море выйдет на разведку…

Это Ромодановский одобрил. И фарватер узнавать надобно, и

турок погонять… они-то старались не сильно высовываться — не так много у него здесь кораблей, чтобы рисковать. Хотя и говорили моряки, что команды сработались, что справятся они с галерами, но мало ли…

С кого спросят?

Как войска везти, ежели что?

Нет уж, сидите дома — целее будете. А потому турецкие галеры чувствовали себя в заливе, как дома. Да и были, до недавнего времени. Казаки же…

Пусть осваивают.

Чего греха таить, до конца своими Ромодановский их не считал. Нужны? Да! Полезны? Трижды да! Вот и пусть приносят пользу.

Степан, в свою очередь, не возражал погонять турок по заливу. Пять с хвостиком тысяч казаков, рвущихся в бой — смесь крайне взрывоопасная. И сдерживать их боевой пыл до подхода основных сил будет крайне тяжко, пусть они лучше на турках срываются.

— Когда выйдете?

Ромодановский и Разин отлично поняли друг друга — и не обиделись. Было б на что! Оба профессионалы, оба — воины, оба по должности политики, просто в разных местах…

— Денька три отдохнем, да и вперед. Поделю чайки на две части, пусть попеременно, дня по три — пять бороздят залив, одни вернутся — вторые уйдут… как раз, пока все отдыхать будут — очередность определим с Иваном Сирко.

— Он здесь?

Про Ивана Дмитриевича Ромодановский был наслышан. Как же, герой… уж сорок лет герой, между прочим!

— А то ж! Такую потеху пропустить он никак не мог!

Разин хищно ухмыльнулся. Впереди ждали великие дела. Если им удастся взять Керчь, выбить турок с Перекопа, а татар с полуострова — да за такое золотом в летописи вносят! И он постарается, чтобы его участие не прошло незамеченным.

Ромодановский думал примерно о том же, но насчет золота в летописях не интересовался. Его больше радовало то, что прилипало к рукам. А липло — немало. Даже с учетом царской и царевичевой доли, с учетом того что никто не выворачивал карманы ни беженцам, ни башкирам, получалось очень прилично. Оставалось переправить все это до дома, ну да ладно. Вывернемся! С такими деньгами многое сделать можно!

* * *

Три царевны под окном… нет — нет, о рассуждениях речи не было. Сейчас все трое — Татьяна, Анна, Софья, смотрели на Марию Луизу Собесскую. И доброты в их взглядах не было. Никакой.

Мало того, что эта девица могла разрушить тщательно лелеемые планы по обрусению Польши, так она еще и Марфу отравить хотела. Между прочим, любимую сестру и племянницу.

Впрочем, Мария не особо нервничала. Смотрела зло, гордо…

Софья в разговор вступать не торопилась, поэтому первой атаковала Татьяна. И старшая, и более нетерпеливая.

— Что ж, Мария, не могу сказать, что рады мы тебя видеть, но сейчас ты под нашим кровом. Всего ли тебе довольно?

Мария чуть заметно усмехнулась, повела плечом.

— Чем же я заслужила такую немилость, ваше высочество?

По — русски она не говорила, но царевны неплохо понимали польский — выучили с Марфой.

— Попыткой убийства нашей родственницы, — так же спокойно ответствовала Татьяна.

— Я невиновна. А коли была бы…

— Не стоит крутить, — Анна вступила в игру. — Лучше постарайся подумать над своей жизнью. Королевой тебе уже не стать, как и любой девке, которая свою честь потеряла, но хорошей женой еще не поздно.

— Я своей чести не теряла!

— Да неужто? На франкского короля бессилие напало? А заодно и на его брата?

Анна с Татьяной откровенно издевались, заставляя Марысю выйти из себя, сжать кулачки.

— Это ваша Мария придумала!

— Коли б это правдой не было, ты б так и не нервничала!

— Это она мою честь сплетнями загубила!

— Невелика та честь, которую может сплетня унесть, — фыркнула Татьяна.

— Уж какая ни есть, а все побольше вашей. Вся Польша знает, что царевны тут в школе блудят с кем попало!

Если Марыся ожидала гнева, то зря. Таня кокетливым жестом поправила волосы.

— Почему же с кем попало? Мы себе в мужья негодящих не выберем, и за сладкий кусок не продаемся. Как некоторые, кои с детства на польский престол ладились, да вот не срослось…

Софья не особенно следила за разговором. И так понятно, что тетки много не выудят. Разозлят — да. А в остальном… после Версаля-то, который тот еще гадюшник?

Если бы ей кто и сказал, что Версалю еще достраиваться и

отделываться — она бы только плечами пожала. Какая разница? Версаль, Тюильри или еще где — всегда французский двор был той еще клоакой, причем — в буквальном смысле. Это непросвещенная Русь штаны меняла да в бане мылась, а шевалье… Откуда их поклоны с изящным размахиванием шляпой? Да просто в Париже ночные горшки на улицу выливали. Не уберегся — ходи с дерьмом — с на голове. А чтобы даму не шокировать видом и запахом, сам поклонись, а шляпу прибери подальше от чувствительного носика.

Так что Мария будет стоять до последнего. Но Софье и не ее исповедь важна была. Вот еще…

Храм в Дьяково по ее инициативе строился, и потайных мест там было более чем достаточно. Мария будет исповедаться своему духовнику (обязательная принадлежность дамы, как золотая блохоловка и флакон с нюхательными солями), а кто-то да послушает. Может, и она сама, коли не занята будет.

Софье надо было оценить саму женщину. И результат был неутешительным.

Обидно — до слез.

Умная, красивая, властная, честолюбивая — какая была бы находка для команды! Но дама мыслит себя лишь в качестве польской королевы — и никак иначе. Марфу она на этом месте не потерпит.

— Жаль, что Михайла тебя собакам не скормил! Хотя псов небось, пожалел, потравятся еще от такой суки!

Тетка Таня. Да, с таким характером ей на Сечи куда как лучше будет. Софья очень живо представляла себе тетку в роли атаманши. Это она запросто. А вот с такими, как Марыся…

Жаль женщину. Но травить ее придется.

Если Ян Собесский выживет — отравим перед отъездом. Поговорим с Ибрагимом, пусть медленный яд подберет. Если не выживет — и отъезда ждать не будем. Потом Михайле покаемся, что не уберегли… авось, простит?

Мария тоже ответила и достаточно едко, что таких манер царевна, не иначе, на псарне набралась. Софья подняла руку, требуя тишины — и впилась глазами в Марию.

— Сударыня, вы можете идти в свои покои. Вас проводят. При необходимости — обратитесь к вашим служанкам, они передадут нам ваши пожелания.

Ее тон подействовал на взбешенную женщину, как ведро ледяной воды. Мария Казимира Луиза де Ла Гранж д" Аркьен, пани Собесская фыркнула и ушла не прощаясь. Дверью тоже не хлопнула. Не рискнула.

— Жаль, — подвела итог Софья.

Царевны дружно согласились с ней, хотя печалились все о разном. Татьяна — что не казнили негодяйку вовремя. Анна — что не получится у них Марию к себе на службу поставить. Софья — что в очередной раз придется подписывать приговор и еще тратить время и силы. Никто не должен заподозрить неладного. Нет, даже не так.

Подозревайте!

Но доказательств быть не должно!

Это не Наталья Нарышкина, с французами им еще работать придется…

А еще…

Софья уже мысленно подбирала подходящую кандидатуру. Надо, надо подсунуть Собесскому одну из своих девочек. И под присмотром будет, и потерю жены легче перенесет, а там, глядишь, и второй раз женится?

Кто же?

Ксения с черными косами и глубокими карими глазами? Но вспыльчива… иногда сама собой не владеет.

Мирослава — темная шатенка с синими глазами и невинной улыбкой? Как вариант, но влюбчива… Или это и не грех? Кто может вертеть влюбленным мужчиной? Только влюбленная женщина…

Или Ирина? Пухленькая хохотушка, лицом почти как пани Собесская? Надо пока посмотреть на всех троих, да, и пусть учат польский и французский как следует. А там… решим. Будет выбор — будет и дело.

* * *

Версаль.

Хотя работы в резиденции французских королей еще продолжались, но жить там уже было возможно. И Людовик обожал это место. Здесь, именно здесь, он чувствовал себя дома. Не в Париже — слишком памятны были детские годы, фронда, Мазарини, которого он ненавидел…

Нет. Именно не опоганенный воспоминаниями Версаль.

И сегодня полувесеннее солнышко, уже яркое, но пока еще холодное, заглядывало в роскошное окно, игриво касалось лучиками позолоты на столе, на стенах… солнечные зайчики были веселыми и беззаботными. А лица людей, сидящих в кабинете — очень серьезными.

Людовик 14–й, которого уже начинали звать 'Король — солнце', внимательно слушал своего интенданта финансов —

Жана — Батиста Кольбера.

И доклад был нерадостным.

Людовику нужны были Нидерланды, с которыми он воевал не один год. Но ни оным Нидерландам, ни Вильгельму Оранскому, он не нужен был ни в каком виде. Война высасывала время, силы, а главное — деньги, которых и так не было. Долги Франции составляли бешеные суммы — миллионы и миллионы луидоров.

Кольбер справлялся, как мог, заслужив всенародную ненависть, но что он мог сделать?

Если бы придворные не воровали, фаворитки (особенно мадам де Монтеспан) не тянули деньги словно водоворот, на свои развлечения, а король не требовал роскоши и пышности — он справился бы. Финансистом он был от Бога. Но…

Сейчас Кольбер докладывал о сложной ситуации. В Турции сменился султан, но это было половиной беды. Второй половиной было то, что северный медведь показывал зубы.

Турок вышибли из Польши и, судя по всему, собирались оторвать от них еще кусок мяса.

Людовик слушал задумчиво.

Турция была ему выгодна. На море этот союз давал отличные результаты, против англичан голландцев, шведов… да всех, кто мешал Франции. Но вот помогать ли им в беде?

Злило то, что Польшу подмять не удастся. Она уже не станет проводить профранцузскую политику. Если бы на престол сел Ян Собесский… какие же сложные имена у этих славян! Тогда, через его жену, Франция могла бы многое. Сейчас же, Михайло Корибут сидел крепко и с каждым днем все крепче — молодой человек оказался весьма неплохим финансистом. Но ему выгоднее было дружить с русским государем.

А Франции?

Выгодно ли им ослабление турков?

О, да! Тут уж каждый сам за себя! Пока Османскую империю будут рвать со всех сторон, Франция окажет ей помощь… но в Европе! Например, со Священной Римской Империей. Людовику весьма важна была выгода государства. Пусть турок как следует потреплют — тем больше они будут потом ценить союзника. А разорвать?

Нет. Русский медведь не настолько силен, чтобы одолеть Империю! Но справки навести надо.

Его высочество *Алекси Алексивич*? Алекс?

Надо узнать о нем подробнее. Если он не может стать другом прекрасной и просвещенной Франции — значит, его не должно быть.

Справедливости ради, Людовик был не одинок в своих

мыслях.

Нечто подобное происходило и в Священной Римской Империи, и в Англии… разве что Вильгельм Оранский в Нидерландах задумался о дружбе с Россией. Благо, кое — какие отношения уже появлялись, уже требовались голландские мастера для постройки шлюзов на Русь…

Остальные же…

Медвежонок вылез из берлоги — и никто не обманывался пушистой шкуркой. Его рассматривали и думали, что выгоднее, натравить на врага — или сразу поднять на рогатину. Мнение медведя никого не интересовало.

Русские варвары…

Фу…

* * *

Остап внимательно оглядывал море. Вроде как и приказ у них был несложный — походить вдоль берега, разведать фарватер, но ведь тут же и турки шляются! Обнаглели, нехристи!

Ужо, задаст им Иван Сирко! Ух, как задаст!

Не было на сечи человека более уважаемого, чем старый воин — характерник.*

** **по преданию, Иван Дмитриевич действительно считался кем-то вроде колдуна, прим. авт.***

А уж как не любил он турок с тех пор, как в одной из схваток сложил голову его сын Петр! Глотки бы зубами грыз!

И в поход пошел доброй волей и с радостью, а с ним и войско Запорожское! Кто ж такого атамана ослушается? Это, почитай, удачу потерять, а что казак без удачи? Сирко, говорят, сам черт не страшен… Остап быстро оглянулся — и перекрестился. И тут же, словно нечистый ему глаза отводил, и заметил!

Парус на горизонте!

Схватил подзорную трубу, пригляделся…

Галера! Да не одна… двое турок идут вдоль берега…

— Скидывай мачту!!!

Рев Остапа разнесся на несколько чаек окрест — и казаки ринулись работать. А то как же!

Они-то из воды выступают на два локтя, так что заметить их сложно. А вот они видят. Сейчас парус уберут, и…

— Давай вон туда, ребята!

Остап махнул рукой, задавая направление. Точного курса не было, но галеры шли на восток, а это вообще чудесно. Теперь до конца дня чайки будут следовать за галерами, держась с

солнечной стороны. Поди, разбери, что там, на воде, то ли лодка, то ли блик, парус уже положили… не заметят нехристи поганые! Не в первый раз то проверено!

Да и сам Остап сомнений не испытывал.

Две галеры? Восемь чаек?

Бить или не бить? Разумеется, бить! Это вам не Шекспир, тут сомнения ни к чему!

Да и не так уж много и продержаться осталось, всего-то часа два, а потом и солнце сядет. Только вот галеры тут себя в безопасности чувствуют, ну оно и понятно. Казаки ж только пришли, вот и не успели поучить лиходеев! На то Иван Сирко с волком и побратался, чтоб у нехристей медвежья болезнь случалась!

Естественно, два часа казаки продержались. На галерах было спокойно, никто не суетился, не готовился к бою, не бегал…

Где-то за полчаса до захода солнца казаки постарались подгрести поближе, хотя потерять галеру было сложно. Они зажгли огни, опять же, в ночи по воде звуки далеко разносятся, а понятие 'режим тишины' еще не ввели в обиход. Так что казаки, конечно, подкрались поближе, примерно на пару километров — ми стали ждать уже все вместе.

К галерам они погребли ближе к полуночи. Тихо, страшно, молча…

Восемь темных призраков выметнулось из темноты, окружая турецкие корабли. Команда поделилась на две части — одна половина гребла так, что только весла трещали, молча и яростно, а вторая сидела в лодках, разматывая крючья с веревками, уже готовая к бою… и как же неожиданно было для турок, когда по бортам галеры застучали десятки крюков!

Каждая чайка без натуги несла 50–60 человек, поэтому почти сто крючьев впилось в борта что одной, что второй галеры… Словно простучал коротко и сухо смертельный град.

Какое там воевать!

Проснуться половина не успела!

Казаки уже не молчали. Они шумели, они орали, они вырезали всех, кто встретился им на пути. Прижались к веслам и нырнули под скамейки прикованные гребцы, ужасаясь их ярости. Вышел из своей каюты капитан — и тут же упал с чьим-то ножом в горле. Капитана второй галеры все-таки соизволили рубануть саблей. Тем паче, что турки не гасили фонари на галерах… куда как удобно для казаков, чьи глаза привыкли к темноте — и теперь турки представляли для них роскошные мишени.

А вслед за первой партией лезли и гребцы, собираясь поучаствовать в развлечении. В каждой чайке оставался, дай Бог,

десяток человек — и весьма этим недовольных! Такое развлечение мимо проходит! Ну да ладно, следующий бой — их!

Уже через два часа все было кончено. *

**** нечто подобное описывал г. Левасер де Боплан, франц. инженер на службе у поляков, 1600–1673 гг. Насколько он приврал — не знаю. Прим. авт.***

На галерах практически не осталось живых турок — так, человек пять, в качестве 'языков'. Сдать на руки Ромодановскому — пусть допрашивает. Просил ведь, ежели получится, кого захватить… ну так для хорошего человека и не жалко!

Остальные были грубо обшарены, раздеты (а чего добру пропадать) — и скинуты за борт. Казаки обшаривали трюм, не особо покамест разговаривая с прикованными рабами — потом. Свой карман — он завсегда ближе к телу, чем чужие нервы. Хотя и видели, что рабы дрожали. Как же ж! Про казаков такие слухи ходили, что самим иногда страшно становилось! Здоровы ж эти европейцы брехать! И глотки-то казаки зубами рвут, и режут всех, кого ни попадя, и корабли на дно пускают с прикованными людьми…

Разве что новорожденными младенцами казаки не питаются, ну так это еще впереди! Авось, придумают!

Вот и пусть чутка подрожат!

Так что Остап молчал до последнего. И только когда забрезжил рассвет, кивнул Дмитро.

— Переведи им. Доведем корабли до Азова — там раскуем их. Получат жизнь и свободу.

Дмитро послушно перевел, но радостных воплей не дождался. Не верили. Ну и не надо, что он — убеждать их будет?

Сами поймут, когда все сбудется, тогда и поблагодарят. А пока пусть слушаются и лишних хлопот не добавляют!

Ромодановский был весьма рад еще двум галерам — в хозяйстве все пригодится. А турки быстро начали себя чувствовать весьма и весьма неуютно. Казаки не собирались давать им спуску и даже если не решались идти на абордаж по нехватке сил — все равно умудрялись напакостить — подкравшись и от души обстреляв галеру.

Вольной турецкой жизни приходил конец.

* * *

Михайла Юрьевич Долгоруков смотрел на монаха злобными глазками.

— Говоришь, ведомо тебе, кто моего отца сгубил?

— Ведомо, князь. И ведомо, почему того убийцу не нашли.

— Коли узнаю, что лжешь ты мне…

— Коли хотел бы солгать — не пришел бы я к тебе сам, князь. Но в то время государь мне доверял, советовался…

— А сейчас терпит с трудом.

Симеон Полоцкий склонил голову. Это верно, у царицы он впал в немилость, а царь ей во всем потакает, потворствует бабской глупости! Нет бы прислушаться к мудрым словам, тогда б и не пришлось…

Ладно. Не о том речь.

— Что верно, то верно. Я в монастырь уйти хочу, но до того должен душу облегчить. Грех на мне, знал я об убийстве твоего отца — и не предотвратил.

Налитые кровью глаза Михайлы злобно блеснули.

— Кто?!

— Сам государь.

— Лжешь, собака!!!

Симеон спокойно (хоть и стоило это немалых усилий) выдержал бешеный взгляд, покачал головой.

— К чему лгать мне, князь? Тем более — так?

Михайла задумался, а Симеон продолжил плести паутину лжи. Юрия Долгорукова по его словам отравили. И приказал то сделать царь, который решил, что после польских побед Юрия на место поставить не удастся. Казнить и не за что, а Романовы куда как худороднее. Вот и взял грех на душу…

Кто сделал?

По приказу царя, Ордин — Нащокин. Не по норову ему был Юрий Долгоруков. Слишком умен и силен, слишком любим в армии, слишком стрельцы его уважали…

Михайла слушал, стискивал кулаки — и видел Симеон, что верят ему, еще как верят! Люди вообще склонны верить в худшее. Тем более, он столько времени пытался доискаться до истины…

— Ты-то, князь, при царе безотлучно, а вот отец твой…

— Отца я и царю не прощу, — выдохнул мужчина.

Симеон внутренне собрался.

Не простишь, конечно. Мы все сделаем, чтобы не простил. А поскольку ты к царю приближен, то и сделаешь все необходимое.

А вот как сделаешь…

Начиналась более жестокая политика. Сильная Русь — а одолев крымчаков, она бы стала куда сильнее, не была нужна ордену иезуитов. Слишком опасно для них было православие.

* * *

— Григорий! Слов нет! Отец в восторге будет!

Алексей Алексеевич хвалил от души, уважительно именуя Ромодановского не Гришкой, а Григорием — и боярин это оценил. Да, такое было у царей в обычае, боярина запросто могли и назвать Ивашкой, и кинуть в него, чем потяжелее, и царской ручкой за вихры оттаскать… Алексей не стал бы исключением из царственного правила — постаралась Софья. Она и внушила брату когда-то, что бояться люди будут при такой манере, а вот уважения не дождешься. А ежели ты всегда вежество соблюдаешь, то гнев твой куда как страшнее им покажется.

Алексей послушался — и не пожалел. Но сейчас речь шла не о простой вежливости, нет! Ромодановского действительно было за что хвалить!

За очень и зиму он крепко поработал над Азовом. Пролом в стене был заделан, насыпи восстановлены, перед крепостью устроена настоящая полоса препятствий — рвы, ямы с кольями, закрытые чем-то вроде легких настилов… если ехать по дороге — все было в порядке. Но когда это осаждающее войско только дорогами и пользовалось?

Судя по всему, Григорий спал по два часа в сутки, а остальное время трудился так каторжно, как и на рудниках не заставляют.

Азов тоже сиял чистотой и напоминал казарму. Улицы выметены, никаких пьяниц, ни драк. Ни скандалов, ни лишнего шума — всяк знает свое место и занимается своим делом.

— Я старался, государь!

Алексей от души хвалил боярина, видя, как его лицо становится все более спокойным и довольным. А после обеда — короткого, без лишних этикетов, перешел к делу.

— Со мной тридцать тысяч человек. Двадцать моих, десять поляков.

— Я могу тысяч пятнадцать отпустить, — согласился Ромодановский.

— У меня пять тысяч с лихвой, — кивнул Степан.

И его, и Фрола, и Ивана Сирко, равно как и Косагова с Хитрово, Ордина — Нащокина — младшего (свой же человек, считай, родственник, дядя) и Ивана Морозова — Алексей пожелал видеть за столом. А когда Ромодановский как-то неубедительно запротестовал, махнул рукой.

— Мы сейчас в походе, вот и считайте, что у походного костра. Там раскланиваться некогда…

Ромодановский едва не фыркнул в ответ. Да уж, видел бы ты, сынок, с каким обозом твой отец в поход ходил! Да как вокруг него стольники — постельничие плясали, как повара павлинов

готовили в соусе из соловьиных язычков!

А Алексей и правда не видел. Его-то этому казаки обучали, а у них просто, что на лошади увез — тем и пользуйся. А не увез — оно тебе и не надобно.

Так что обед быстро перешел в совещание. Степан и Фрол ждали команды, Сирко поглядывал хитрым глазом, пытаясь составить свое мнение о молодом царевиче, Алексей размышлял.

— Сколько народу мы сможем перевезти?

— Тысяч двадцать, не более.

— Та — ак…

На столе развернулась карта, и мужчины пристально вгляделись в нее.

— Азов. Наши ворота. — Алексей смотрел серьезно, — я не обсуждал это ни с кем, по пути сюда. И мой отец тоже не писал, потому что надо решать на месте. Это либо авантюра, либо…

— Государь?

Фрол не выдержал, видя, что царевич колеблется, за что тут же и получил тычок в бок от Ивана Сирко. Молчи, дурак, царевич глаголет…

Мысль о том, что царевич не обидится, ему в голову не пришла — не привык атаман к таким царевичам. Собственно, этот был первым и уникальным.

— Наше войско здесь. И мы должны выбрать. Либо мы сейчас идем на ногаев, и выбиваем их начисто. Черкесы нам не враги, зато с ногайцами не друзья, они нам помогут.

— Можно и так, — кивнул Степан. — Это, я так понимаю, не авантюра? Да, государь?

— Это тихо и мирно. Татары туда не полезут, а полезут, так получат со всех сторон, турки нам сильно мешать не будут, а уж потом, укрепимся, что-нибудь напротив Керчи воздвигнем…

Взгляды мужчин были весьма скептическими. Царевич тоже усмехнулся.

— Долго, дорого, неудобно. Это первый путь. Но есть и второй.

Алексей помолчал, собираясь с духом. Сейчас он собирался предложить страшную авантюру, после которой турки на них просто рухнут всей империей. А может, и не рухнут. Их уже о том годе потрепали, да и вообще — Османская империя сильно напоминала старого дряхлого льва, который мог страшно достать когтями, но мог при этом и сдохнуть. От дряхлости.

— Да. За это время османы придут в себя, татары придут в себя, начнут воевать Азов обратно… Григорий?

Взгляд Ромодановского был весьма красноречив.

— Из степи идут дурные вести. Селим — Гирей собирает

войска, скоро под нашими стенами окажутся татары и турки.

— Много ли?

— Как я понял, не особенно. Достаточно, чтобы мы не могли делать вылазки в степь, как раньше. Сами же османы сейчас собираются на Крит. Там вспыхнул бунт, в Дубровнике тоже полыхают пожары… одним словом, османы решили додавить венецианцев. Благо, с тех есть, что содрать, да и по площади куда как выгоднее.

— Если мы оставим тысяч двадцать? Отобьетесь? Прокормишь?

— И прокормлю, и сорок тысяч прокормлю. И отобьемся. А остальные куда ж пойдут?

В синих глазах Алексея блестела шальная искра.

— А остальные… мы пойдем водой к Керчи. Сколько на корабли влезет. Остальные пойдут вдоль берега, перекликаясь с кораблями, разоряя все побережье и вырезая татарские поселки. Хватит, пожировали. Керчь надо будет взять.

— Государь!

Алексей пожал плечами в ответ на шокированный возглас Косагова.

— Ее просто не пытались взять. С нашей стороны. Она укреплена с моря, а ежели подойти с суши, высадить десант — не так там все и страшно будет. Переправимся и захватим Тамань. А потом от Керчи пойдем опять вдоль берега. Кафа, Бахчисарай — и Перекоп. Ежели мы захватим эти точки — мы отрежем туркам все пути.

— Государь, они ж на нас…

— Они и так нападут. Но… если мы выполним этот план — нам будет чем с ними торговаться. Отдадим обратно Бахчисарай и Кафу, пусть радуются. Но остальное… нет уж! И начнем выжимать татар с *нашего* полуострова.

Несколько минут все молчали. Потом кашлянул Иван Сирко.

— Государь, дозвольте?

Алексей кивнул. Мол, дозволяю, говори…

— Может, сначала тогда не на Керчь идти? — желтый, заскорузлый от табака палец характерника заскользил по карте. — Вот здесь, вдоль северного берега мы можем доплыть до входа в Сиваш. Наши чайки там пройдут. А мы высадимся на берег и тоже пройдем… тут, конечно, 'Гнилое море', ну да расстояние невелико. И дойдем, и возьмем, коли прикажешь…

Алексей прищурился.

— А сколько народу при этом поляжет?

— Многовато, государь. Так ведь за свою землицу жизни отдадим, не за чужую…

Намек был ясен. Алексей медленно кивнул.

— Да, ежели удастся… тут без казаков никуда. Скажем, Засечный полуостров? Тут войск держать придется много, ну да ладно, своя земля, не чужая…

Намек был понят правильно. Ежели так получится, что план осуществится — никто казакам препятствий чинить не будет. Пусть обживаются, пусть гонят прочь татар, пусть укрепляются… но под русской дланью. Мягкой, но… не отдельное государство, а провинция в общем составе. Впрочем, при наличии на троне Алексея Алексеевича, казаки не возражали. На Сечи уже все знали, что с молодым царевичем можно дела делать…

— Но это часть. Остальные на чайки не влезут… тысяч бы десять прошло?

— Меньше, государь. Но остальные войска пройдут на Керчь, как ты и хотел.

— Раздробить силы? А продержитесь?

Сирко пожал плечами.

— Понадобится — мы все там ляжем, но зубами вцепимся!

Алексей покачал головой.

— Нет, так не пойдет. Мне не смерть ваша нужна, а жизнь и служба. Я своих людей не разменяваю…

— Тогда, государь…?

— План твой хорош, Иван Дмитрич. — Присутствующие даже замерли от неожиданности. Чтобы царевич, да с отчеством, так вот к казаку обращался? Но сам Алексей над этим и на миг не задумывался. Он уже оценил гетмана войска Запорожского и не видел в том ничего для себя зазорного. Этот мужчина больше боев повидал, чем Алексей — месяцев. Есть за что уважать. И сейчас… готов ведь голову сложить… за что!?

За Русь, которая ему хоть и не чужая, да и не своя! Понял просто, что так надобно — и идет!

— Вы вперед пойдете и Перекоп захватите. С той стороны к нам на помощь поляки идут. Вот они там и останутся, да еще и вылазки совершать будут, чтобы как следует татарву потрепать. А вслед за вами, по берегу, чуть медленнее, чтобы не измотаться, пойдет полк Хитрово. Справишься, боярин?

— Приказывайте, государь — исполню.

— А части Косагова пойдут вдоль побережья. Впрочем, с десяток чаек я у вас заберу. А ты, Иван Дмитрич, пройдись в порт, посмотри, какие корабли взамен сгодятся? Потому как не хочу я казаков одних на Перекоп слать…

— Не доверяешь, государь?

Вопрос вроде был задан с подковыркой. Но это ежели не видеть веселых искорок в глазах Сирко. Алексей и не увидел —

опыта пока не хватало. И повелся…

— Мне всех своих людей жалко. Понимаю, что иначе нельзя, но чтобы одних казаков на передовую… нехорошо это. Неправильно…

Сирко задумчиво кивнул. М — да, когда это русских царей такие вопросы волновали? А этот по чести поступить старается…

— Схожу, присмотрю…

— Тем паче, стараниями казаков у нас куда как кораблей прибавилось, — буркнул Ромодановский. — команд не хватает — а они галеры захватывают!

— Так неужто ж их обратно туркам гнать? — в глазах Алексея тоже заплясали веселые искры. — Э, нет. Если и отдадим — то пару, не более. Есть такое слово — брандер.

Слово знали все присутствующие. И обсуждение деталей продолжалось достаточно долгое время. Только через три дня были окончательно расписаны все роли — кто, что куда… И чуть отдохнувшие войска ушли из Азова.

Печальным взглядом провожал их Григорий Ромодановский, как ни рвался он в поход, но его все одно решили оставить на хозяйстве. А кто лучше него знает обстановку?

Кто лучше него знает крепость, в которой он перезимовал?

Впрочем, это-то полбеды, но грусть боярина вызвало еще и отсутствие 'троянских коньков'. Царевичевы воспитанники уходили вместе с войском. Кто с казаками, кто на кораблях, но уходили. В ноги царевичу падать готовы были, чтобы не оставлял их в тылу, дозволил на нехристей идти… а без них ведь сложнее придется.

Эххх…

Впрочем, долго грустить боярину не пришлось. И месяца не прошло, как под стены Азова явились долгожданные гости — татарва с турками!

* * *

Иван Сирко хищным взглядом смотрел вперед. На Перекоп. На крепость.

С севера это был большой участок Перекопского вала между двумя круглыми бастионами. В центральной части бастионов на юго — западном и юго — восточном углах крепости находились круглые многоярусные башни. Над крепостью также вздымались две большие башни, а за ними краем глаза виднелся палисад с маленькими прямоугольными башнями. С запада, юга и востока крепость защищали рвы и валы с каменной облицовкой и

зубчатыми парапетами. В центральной части куртин располагались башенные ворота, на крепостных валах возвышались небольшие прямоугольные башни. С юга к крепости и к большому Перекопскому валу примыкал прямоугольный форштадт, защищенный рвом и валом с крупными и малыми строениями внутри укрепленной территории и весьма далеко продвинувшийся за пределы рва и вала.

Одним словом — неприступно.

Было.

Сейчас в крепости тысячи три янычар. А у него более семи тысяч воинов. И словно мало им такого перевеса, есть и кое-что еще…

Иван пристально поглядел на отирающегося рядом с ним паренька.

— Говоришь, гореть будет?

— Так точно, гореть! Ничем не потушат.

'Троянский конек' Семен смотрел прямо и открыто. Да уж… греческий огонь водой не зальешь. Сами попробовали, потом таких… лещей от сэра Исаака получили, что неделю ухи красные были. И царевич не заступился, куда там! Ругался на чем свет стоит, объясняя, что это для них же опасно. И нечего свою жизнь так бездарно класть! Коли уж так хочется — разбегайтесь, да башкой об дерево, авось, его не попортите!

Ребята не обижались, царевича можно было понять. За них же беспокоился.

— Ну, тогда показывай, что да как!

Показать было несложно. Кувшин удобной формы с ручкой и фитилем, внутри адская смесь. Специально двух видов делали. Есть те, что для моря — там фитиль и не надобен, на воде само полыхнет. Есть те, что для суши. Вот там — да. Поджечь — и кинуть. Как разобьется — так и разольется, и вспыхнет…

А что?

Делать несложно, сырья хватает…

Иван Сирко оглядел своих ребят. Да и не только своих. Три тысячи казаков, четыре русских… с такими ребятами да не взять тот Перекоп? Они сейчас так турок напугают — те еще год штаны не отстирают!

В первых рядах пустим своих казаков, в которых уверен, за ними пойдут 'огнеметы', а за ними и русские. Но не все.

Иван кивнул капитану Семенову, который находился рядом.

— Капитан, на тебе задача взять человек с пятьсот — и пошуметь на правом фланге. Орите, стреляйте, на укрепления лезьте, но шибко не подставляйтесь. Пусть думают, что мы там штурм начнем.

Капитан кивнул. Попробовал бы он не согласиться! Командует Иван Сирко? Вот он и командует! Царевич приказал. Да и сам атаман… поди, не послушайся такого, рубанет от плеча до пояса… волчара желтоглазый.

На рассвете начался штурм Перекопа.

На правом фланге русские под командованием капитана устроили зверский шум. Было полное ощущение, что там собираются ворваться в крепость. Иван Сирко наблюдал за турками и когда те сгрудились на правом фланге, якобы для отражения русской агрессии, м ахнул рукой.

— Па — ашли!!!

Казаки ринулись вперед, как голодные волки. Серыми страшноватыми тенями они мчались ко рву, который, на их счастье, оказался сухим, перекидывали заранее приготовленные доски, бросали фашины, протягивали друг другу руки… ров был форсирован так быстро, что Семен только что рот открыл. Иван Сирко сжал кулаки.

Эх, ему бы сейчас туда, рвануться в первых рядах… да нельзя.

Командир не рубит, командир командует.

Пушки, хоть и было их не слишком много, вели уверенный огонь по противнику. Да противник был такой…

Сотни лет никто на тот Перекоп как надобно войной не хаживал, откель же им привыкнуть было?

Казаки, тем временем, форсировали ров и взлетели на насыпь. И уже оттуда принялись швырять во двор крепости глиняные кувшины.

И вот тут понесся такой вой, что мальчишка зажал уши, а Иван Сирко, напротив оскалился, усмехнулся зло и хищно…

Жалеть турок?

Татар?

Смеетесь вы, что ли, над честным казаком?

Ударяясь о землю, кувшины разбивались, содержимое их вытекало, разливалось горящими лужами, цепко хватало за ноги, взбиралось по одежде, перепрыгивало на других людей — и скоро во дворе крепости метались несколько живых костров, вызывавших безмерный ужас у обороняющихся…

Не так много было тех кувшинов, менее сотни, но эффект был… страшный.

Не привыкли турки к такому — вот и защититься не смогли.

Страшно…

А казаки прыгали вниз — и шла жестокая сеча, в которой не щадили никого. Блестели хищно сабли, лилась кровь на камни… и турки быстро начали отступать к крепости, где и забаррикадировались.

Казаки же занимали брошенные укрепления, добивая тех, кто пытался сопротивляться. Наконец турки остались только в одном месте — в крепости. И тут уж переговоры взялся вести атаман.

На турецком Иван Сирко говорил вполне неплохо, да и понимал, а потому в толмаче не нуждался.

— Эй вы, шакалы, — загремел его голос. — Либо вы выходите и сдаетесь в плен, либо я возьму вашу башню, а всяк, кто поднимет оружие, будет уничтожен.

— ты кто таков будешь чтобы Арслану — паше условия ставить?!

— Казачий атаман Иван Сирко!

Судя по молчанию, имя вызвало страх среди обитателей крепости.

— Мы здесь долго просидеть можем, — крикнул чей-то голос из башни. — припасов хватит.

Иван хищно ухмыльнулся.

— А у нас огня хватит. Да такого, в котором и камни горят. Обстреляем, да и стены ваши долго не простоят! Хоть и крепки они, да мы покрепче!

— Мы сдадимся, а вы всех перебьете!

Иван усмехнулся.

Ну все, считай, как только допустили мысль о сдаче — так точно сдадутся. Это уже торг, не оборона…

И ведь пушки у них есть, хоть бы что попробовали сделать…

Тьфу, нехристи!

Он ведь бывал здесь, и десяти лет не прошло, а вот довелось вернуться. Да по такому радостному поводу! Давно пора Крым своим сделать!

К вечеру были обговорены условия сдачи. Около двух тысяч турок выходят, а казаки честь по чести отпускают их. Но без пушек и огнестрельного оружия. Сабли и кинжалы — пусть оставляют, но не более того. Куда идти?

Иван сказал бы, но… не стоило унижать себя руганью.

Так что дадим вам корабли — и катитесь себе к чертовой бабушке на потребу! Не поместитесь?

Так вы ж пленных гребцов оставите, сами на весла сядете — и будет сплошное благолепие.

А иначе никак! Никто вам души христианские не оставит, скажите спасибо, что корабли даем!

Конечно, условия были не царские, но вполне приемлемые — и турки согласились на них. Тем паче, что слово и имя Ивана Сирко им хорошо известно было. Равно как и то, что слово свое старый характерник не нарушал никогда.

С рассветом начался их исход из крепости. Они выходили из

крепости, проходили мимо казаков, которые стояли с оружием наизготовку, грузились на корабли, на которых уже расковали всех гребцов и даже (а чего оставлять?) сняли пушки, потом один из кораблей отплывал — и принимались загружать следующий.

Четко, спокойно, без суеты…

Когда все турки отчалили, отряд казаков в две сотни человек направился осматривать крепость — мало ли какой сюрприз устроили подлые нехристи?

Но все было чисто и тихо. Видимо, турки просто не сочли это достаточно серьезным захватом. Доходили ведь сюда уже казаки, и Ивана Сирко тут с прошлого раза помнили… и что?

Огневается султан — и отдадут все обратно христианские свиньи, еще и кланяться будут! Так чего свое имущество портить?

У казаков было иное мнение, но турок они просвещать не торопились. Перебьются.

Оставив в крепости полторы тысячи человек и почти тысячу бывших пленных под командованием своего сына Романа — и наказав ему держаться и держать всех в строгости, что казак и обещал, Иван Сирко отправился к Кафе, которую уже брал.

Настало время повторить веселье. Интересно, кто первый доберется до Бахчисарая? Он — или Алексей Алексеевич?

Ивану было искренне интересно! В кои-то веки он воевал, будучи уверен в своих победах. Их не пустят по ветру!

* * *

Григорий Ромодановский смотрел со стены на татарское войско, но тоски не испытывал.

Явились?

Ну, так здесь и поляжете! Сколько их здесь вприглядку? Тысяч десять турок да двадцать — татар. Много ли? Может, и много, но не когда у тебя пятнадцать тысяч в крепости сидит! И так бы отбиться хватило чай, отражать — не захватывать, а ведь и кое — какие козыри есть!

А еще, судя по символике, здесь сам хан. Ну… тем лучше! Обезглавленное войско — хорошо, обезглавленная страна — еще лучше. А пара сюрпризов у них есть, спасибо царевичу. На татар хватит.

Он ждал.

Ждал, пока к стенам не подъехал какой-то татарский мурза, ждал, пока не протрубили трубы, вызывая на переговоры. И только тогда кивнул. Теперь затрубили уже и на стене. Заплескались по ветру знамена.

Вперед выехало около десятка татар в раззолоченных одеждах, на горячих красивых конях, с драгоценным оружием…

— Эй, русский, с тобой желает поговорить великий хан!

Григорий молча ждал, пока не огласили титулы великого хана и не огласили предложение.

Русским вменялось сдать крепость и выйти без оружия, после чего быстро убраться к себе и не показываться тут. Все, что в крепости — в ней же и останется. Надо бы их вообще в рабство оборотить за коварные нападения на стойбища, но хан милостив. Так что проваливайте, пока вас палками не погнали!

Ромодановский молчал еще несколько минут. А потом издевательски рассмеялся.

— А у меня свое предложение! Мой государь предлагает крымскому хану сдаться! В этом случае он будет доставлен прямиком к своему владыке — султану. В противном случае, мы пройдем по вашим землям огнем и мечом за те века, которые вы разоряли наши земли! И пощады не будет!

Закричал что-то угрожающее переводчик. Но Ромодановский не слушал. Неинтересно.

— У вас три дня. Потом мы уничтожим ваше войско!

Хан что-то промолвил. Тихо, но было видно, что он в ярости. Отлично, этого Григорий и добивался.

— Через три дня вас погонят плетками на рабские рынки Кафы!!!

Ромодановский сплюнул вниз со стены и ушел. Чего с татарами разговаривать? Их бить надобно!

* * *

Штурм начался на рассвете. Татары ожесточенно стреляли из пушек. Но кто бы подставлялся?

Азов покамест не отвечал, хотя мог, еще как мог. Но — зачем?

Все было задумано интереснее.

И вот наконец татары бросились на приступ. Вот и ров… сухой? Валяются внизу какие-то деревяшки… к чему?

Татары закидывали его фашинами, и вот, уже, еще…

Во рву взметнулось пламя.

Яростное, бешеное, жестокое, в единый миг охватившее все фашины и тех татар, которые не успели отскочить. Ничего сложного тут не было. Просто продукты перегонки нефти были в большом количестве. Вот их и налили на дно рва чуть загодя. Прикрыли, чтобы не размыло, добавили промасленных тряпок,

хвороста… а загорается это все в единый миг!

И ведь не потушишь просто так…

Почти сотня живых факелов с диким воем каталась по земле, поджигая тех, кто рисковали приблизиться, в воздухе запахло паленым мясом… и вот тут-то вступили пушки Ромодановского.

Совсем небольшие, корабельные, большая их часть вообще стреляла картечью, но сила была в другом.

Пушки были установлены — и пристреляны именно в тех местах, на которых стояли. И палили они не куда понравится, а четко по квадратам. А что такое картечь…

Это раненые, убитые, это искалеченные люди, это стон и плач, тут и силы большой не надобно. Тем более, что глядя на сжигаемых заживо, замерла большая часть татарского войска. Лупи — не хочу. Чем пушкари и воспользовались.

Волна татар отхлынула, оставляя на земле убитых и раненых. И с новыми силами пошла на приступ. На этот раз во рву ничего не полыхнуло. Ромодановский подумал, что надобно бы ночью послать туда кого по потайному ходу. Пусть еще земляного маслица зальют, раз уж оно так татарам понравилось. Приветим гостей дорогих!

На этот раз пушки лупили с обоих сторон, но у осаждаемых было преимущество. Они знали — как, куда, они били почти вслепую, из-под прикрытия толстых зубчатых стен, им даже не надо было высовываться. Они знали — куда.

Татарам же требовалось пристреляться, а при точности их пушек ущерба они много не наносили. Так, в паре мест.

Но до стен они таки добрались — за что тут же и поплатились.

Ой, не просто так, ходили всю зиму ладьи, не просто так не останавливались кузницы. Не просто так тратились бешеные деньги…

Мало завоевать — ты еще удержи!

Наверное, Хан весьма удивился, когда его воины, то один, то другой принялись падать на колени, воя от боли. А объяснялось все очень просто.

Деревянные 'ежи' просто так и не увидишь. А вот ежели они заострены, ежели у них металлические наконечники — в ногу они вопьются очень даже запросто. Пробьют сапог и нанесут рану.

Не опасную?

Была б она не опасной! Но там же грязи будет! Считай — ногу человек потерял! Горячка, заражение крови, муки, боль… именно то, что пугает всех воинов больше смерти.

Конечно, штурм захлебнулся второй раз. Попробуй, подберись к стене не опрометью, а тщательно глядя под ноги,

прикидывая, куда бы наступить, да еще со стены цинично кидаются камнями и стреляют из пушек. Картечью.

Хан отдал бы и еще приказ, но судя по всему, турки не собирались ему повиноваться. А татары…

Конница?

Почти без доспехов?

И штурмовать крепостные стены?

Дураком Селим Гирей не был никогда. Он отдал приказ остановить наступление и принялся подсчитывать потери. Ромодановский тоже подсчитывал их со стены и усмехался.

Более тысячи человек убитыми и ранеными. То есть убитыми не более сотни, но остальные-то тоже! Дай Бог, половина от ран оправится, а в строю и того не останется. Да и боевой дух упал ниже низкого.

Теперь они попробуют штурмовать иначе — копать рвы, подводить мины… так ведь и для этого способы есть!

Что ж мы, гостя не приветим?

Так отпотчуем, что на своих не уйдет!

Слова с делами у Ромодановского не расходились никогда. И в этом случае тоже.

Откуда берется вода для питья? В основном, из Дона, но из него так просто не попьешь, надо вином либо уксусом разводить.

А еще?

А колодцы…

Заботливо оставленные, по принципу — пейте, не подавитесь! Еще когда их перетравили!

Так что уже к утру Ромодановский наблюдал со стены первый результат — дикое количество мающихся болями в желудке лошадей и татар. И думал, что концентрация отравы таки слабовата…

Самое время ночью будет для вылазки.

* * *

— Присядь, старец, побеседуй со мной.

Симеон поклонился государю, послушно присел на стульчик из дорогого рыбьего зуба.

— Поздорову ли, государь?

— Да возраст уж… — Алексей Михайлович чуть смущенно улыбнулся. — Любавушка все ругается, чтобы я берег себя, а как тут обережешься? Когда сынок невесть где?

— Хороший у тебя сын, государь.

Алексей Михайлович чуть усмехнулся.

— Жаль, что вы с ним не ладите.

— Не моя вина то, государь. Просто молод еще царевич.

— Ну, на то и будем надеяться. Государь, разумно ли турок тревожить? Самим льву в пасть лезть?

Алексей Михайлович пожал плечами под узорным кафтаном — чай, не тронный зал, можно и снять ризы с бармами.

— Не мы к ним, так они к нам. А ведь и то верно, что лучше нам войну начать, чем их готовности ждать. Пусть на чужой земле пожары горят, не на православной.

— Прав ты, государь. Только боязно мне.

— А ты молись поболее, авось и сладится дело.

Симеон соглашался, говорил что-то умное и серьезное — и смотрел во все глаза на царя.

Вот он — владыка земли Русской. Царь, правитель, и власть его здесь чуть ниже божьей. И — все. Он ведь и не знает, что его жизнь — в руках Симеона.

А вот Симеон знает.

Одно движение — и ниточка перетрется окончательно. Сам же он ее и оборвет.

Это — власть.

Это — наслаждение, которого еще поискать. Воля твоя в человеческой судьбе. Вот государь — и что?

Кто ты, червь, пред властью ордена иезуитов?

Пусть наша власть тайная, но от этого еще более страшная и неумолимая.

Ничтожество…

Хотя ты еще и царь — и ты пока не знаешь о своей судьбе.

* * *

Михаил Юрьевич Долгоруков чуть сдвинул камень в перстне. Еще одна частичка отравы заняла свое место.

Крохотная. Совсем незаметная…

Кому и легче отравить человека, как не доверенному стольнику? Подносишь вино — и пара белых крупинок падает в кувшин. Где без следа и растворяется.

Чем хорош этот яд — он медленный.

А еще — действует на сердечную жилу, сворачивает и сгущает кровь, заставляет сердце потухнуть…

Но есть у него и главное достоинство. Его надобно добавлять несколько недель, может, месяцев — и только тогда он возьмет свое. А ежели сам Михаил отпробует вина из царского кубка, ничего с ним не случится. Ну, сердце чуть быстрее зайдется — так

это ж не страшно. Беда может случиться, только когда ежедневно принимаешь этот яд.

А царь, с легкой Михайлиной руки, так и поступает.

И поделом!

Нечего было моего отца… тварь худородная!

Кто такие Романовы рядом с нами? Выскочки, нищеброды, ничтожества…

Такого и убить не грех. Я ведь за отца…

* * *

Ян Собесский обходил лагерь.

Коронный гетман старался выматываться до такой степени, чтобы рухнуть в жесткую постель и забыться.

Думать не хотелось, но мысли злобно лезли в голову.

Любовь — это чудо?

Безусловно. Но когда ты понимаешь, что ты-то любишь, а вот тебя…? Вот тут и начинается мучение. Иногда Ян желал стать угольщиком и жить в хижине, в лесу, лишь бы знать, что любят его. Не титул, не блестящего воина, а просто — человека. Яна…

Вот Ежи Володыевскому в этом повезло… Ян вспомнил, как Ежи вошел в Каменец после победы, как Бася стремительно бросилась к нему… она б и стену прошла не заметив, встань та стена на пути! И такое сияло у нее в глазах… ей — ей, так и Мадонна на сына, наверное, не смотрела. Всем было ясно, что для этих двоих друг без друга и жизни не будет.

А ему?

Марыся, как ты могла?! Травить беременную женщину?

А что потом?

Ян чувствовал себя премерзко и даже предстоящая война этого не искупала. Хоть голову на ней сложи, право слово. Да вот и того нельзя. У него еще наследников нет, предки проклянут. А ведь его матери Марыся никогда не нравилась…

Он-то в нее влюбился, еще когда она семнадцатилетней выходила замуж за Замойского… по расчету, опять по расчету…

Да видел ли он когда истинное лицо своей жены?!

— О чем размышляете, пан?

Молоденький епископ Станислав, отправленный в этот поход Анджеем Краковским, смотрел сочувственно. Он-то знал причину — Ян исповедался ему, хотя и нельзя сказать, что почувствовал себя намного лучше.

Ответа не потребовалось, стоило только увидеть тоскливый взгляд. Епископ вздохнул, дружески положил руку на плечо пана,

разгоняя зловещие тени прогоняя тоску.

— Верьте, пан, мы не знаем иногда что творим, но Господь наш, в неизъяснимой мудрости своей, ведает многое. Никогда он не сделает того, что будет чадам его во вред…

— И войны? И смерти?

— Нам не провидеть его мудрость, — улыбка епископа стала вдруг лукавой. — Но скажу я так, что потомки наши, обозрев, словно с высоты птичьего полета, деяния наши, и поймут, и не осудят. А пока взгляните — коли не напали б на нашу землю поганые нехристи — не было б и дружбы с русским царевичем. Бедой проверенной, ибо тогда и познается, кто друг тебе, а кто и простой приятель. И не пришли б мы на эту землю, чтобы освободить ее. А это дело весьма богоугодное…

— Так ведь многое оправдать можно, святой отец?

— Только Он никогда не ошибается, а мы грешны от рождения, — мужчина пожал плечами. — Но сказано — не суди и не судим будешь. Так лучше оправдывать, чем судить. И лучше вести такие душеспасительные беседы у веселого огня с чаркой доброго вина, чем бродить в холодной ночи, приманивая тех, кого лучше не поминать к ночи.

На лице епископа расцвела лукавая улыбка — и Ян невольно улыбнулся в ответ.

Да, рана болела, но если можно ненадолго забыть о ней… грех не послушать умного человека!

— Да неужто вы, епископ, верите в нечисть?

— Как мне и не верить, когда мы идем на земли, населенные нехристями?

Перебрасываясь шутками, мужчины направились к костру.

Ян не знал, что перед отъездом епископ имел серьезную беседу с королем — и полностью с ним соглашался.

Да, Ян Собесский — краса и гордость польского воинства и вообще польской земли. Но коли вот так жена его подставляет… может, она его и вовсе недостойна? И не следует ли заронить в разум мужчины сии мысли, дабы он не переживал так из-за современной Иезавели, которая собирается примерить на себя лавры то ли не тем помянутых Борджиа, то ли и вовсе — Медичи?

И епископ старался не за страх, а за совесть. Богоугодное же дело! Да и благодарность государя и государыни — не лишние, не так ли?

* * *

Темнота легла на землю. Ночь мягко скользила по степи,

накрывая своим плащом и турок, и татар…

Ей хотелось успокоить всех живущих, убаюкать, нашептать что-нибудь хорошее…

В Азове ее намерения потерпели сокрушительный крах.

Около трех сотен человек двигались по подземному ходу. Предводительствовал им Воин Афанасьевич, которого царевич, несмотря ни на что, оставил в Азове. Шел под его предводительством и старший сын Григория — Михаил Ромодановский. А и то — уж двадцать лет парню, пора бы пороху понюхать.

Что планировалось в ночной вылазке?

Порадовать гостей.

Греческим огнем, который несли с собой. Острыми саблями. А еще…

Не просто так назначена была вылазка, ой, не просто.

Прилетел голубь, закурлыкал, а на голубе том было одно лишь слово.

Сегодня

Кораблям не так сложно было подняться по Дону.

Где будут располагать войско?

Да не так далеко от реки, иначе не набегаешься! Особенно при отравленных колодцах, при куче скота, при обозе…

Вот с воды их и накрыли.

Галиоты тем и хороши, что могут нести не только людей, но и пушки. Заряди их специальными картечными снарядами — и коси. К тому же часть пушек была заряжена специальными ядрами. Софья припомнила из прочитанного, что если на ядре выпилить рисунки и борозды, то оно будет лететь с воем.

Попробовали.

Оправдалось.

И четыре галиота в ночи накрыли весь татарско — турецкий лагерь огнем.

Зажигательные снаряды!

Картечь!

И на закуску — воющие ядра!

И на берегу Днепра воцарился АД.

Животные сходили с ума и носились в ночи, затаптывая всех, кто попал им под копыта. Людям приходилось не лучше. Обожженные, раненые, деморализованные…

Под огонь чудом не попал Селим Гирей. Повезло, что его шатер стоял подальше от берега…

И тут с тыла ударили осажденные.

Сначала выстрелили из пищалей, потом пошли врукопашную — они-то и знали, и ждали, и все видели на фоне разгоравшихся

пожаров, и сами поджигали, что на пути попалось…

Рубили, резали, кололи…

Воин Афанасьевич внимательно следил за схваткой, оставаясь чуть в отдалении — и подавал команды трубачу. А как еще?

Как можно донести до всех приказ командира?

Только сигналом трубы. И громко, и турки с татарами не поймут.

Он отлично видел, как бежали деморализованные татары, как пытался собрать хоть какой-то ударный кулак Селим Гирей, как опомнились турки…

Довольно!

— Труби!

В ночи разнесся сигнал отхода.

Опять-таки, не просто бежать обратно к подземному ходу. Каждый десяток знал, когда ему уходить. Кто после первого сигнала, кто после второго — еще не хватало давку устроить или врагов за собой привести! Нет уж, у них до последнего должно создаваться мнение, что их тут сейчас всех перережут. А потому отходить надо медленно и организованно.

— Второй сигнал!

Еще три десятка скрываются в темноте, добивая всех, кто по пути попадется.

Они ведь шли по четкому маршруту, чтобы не сосредоточиться в одной части лагеря. Ни к чему.

— Третий…

У каждой сотни был свой противник, свое вооружение, своя задача, благо, со стен Азова вражеский лагерь был отлично виден. И если планировалось шестую сотню отправить к обозу — им были выданы зажигательные материалы. Смола в больших количествах, факелы…

А если кто-то нападал с той стороны, где стояла конница — тут больше к душе бомбы, сабли… там жечь ничего не надо. Распугать скотину и убивать противника…

Сам Ордин — Нащокин отходил с последней сотней. И едва успел скрыться. Помогло то, что корабли прошли сначала одним бортом мимо лагеря и как следует его обстреляли, а потом стали уходить обратно верх по течению — и обстреляли противника второй раз. Ну и какие тут преследования?

Спастись бы!

У подземного хода их встречал Ромодановский.

— Ну, молодцы! Такой красоты! Такой прелести…!

Найдя взглядом своего потрепанного сына, он вообще расцвел улыбкой и стиснул Воина Афанасьевича в объятиях.

— Спасибо!

— Одно дело делаем. А что там у поганых?

А у поганых было плохо. Боевой дух у них был потерян раз и навсегда, тем более, что его и изначально-то немного было…

Селим Гирей пока еще удерживал своих людей от бегства, но… надолго ли?

Ромодановский готов был поспособствовать. И даже пинка для скорости добавить.

* * *

Любава встревоженно смотрела на мужа.

Что-то как-то он последнее время начал на сердце жаловаться, одышка мучила…

Сонюшке, что ли, отписать?

Лекаря хорошего нужно, Блюментрост вряд ли справится. Или срок пришел?

Не дай Боже!

Мужа Любава искренне любила. Скорее, правда, как отца, чем как супруга, но уж как есть. А разве нет?

Добрый, внимательный, заботливый, ласковый, на нее смотрит — аж светится, ну и она к нему привязалась. Странная, конечно, любовь, да уж какая есть.

У других, эвон, и того не бывает.

— Давит мне как-то, Любавушка, — пожаловался муж. Потер грудь напротив сердца.

Женщина захлопотала вокруг…

— Окошко распахнуть? Или лучше лампадку возжечь?

Но Алексей Михайлович молчал. И женщина с ужасом увидела, как бледнеет любимое лицо, как закатываются глаза…

— Лекаря!!!

Благо, за дверью их покоев всегда были и слуги, и пара сенных девушек…

Слуга опрометью помчался к Блюментросту. Девушки же рванулись внутрь, осторожно оттеснили царицу, склонились к оседающему на кровать царю и захлопотали, как могли. Расстегнули кафтан, уложили поудобнее, открыли окно, впуская в душноватую атмосферу сырой воздух…

Антонина пощупала пульс на шее государя.

— Неладно, Поля… ой, неладно…

Вторая девушка (тоже из Софьиных, состоящих при молодой царице неотлучно, в три смены), посмотрела встревоженными глазами.

— Ты у Ибрагима лучшей была… что неладно?

— Сердце, оно словно сдаться надумало.

Девушка без стеснения прижалась ухом к царской груди.

— Полька, беги! Со всех ног к нашим беги!!!

— Что говорить?

— Дура ты, что ли?! — рыкнула Антонина. — Я при государыне останусь, она ведь в тягости! А ты скажи девочкам, что с государем неладно, как бы к утру Алексей Алексеевич царем не стал.

— Он же… ой!

— Сообразила?

Дур у Софьи отродясь не водилось. А потому Полька подхватила подол — и рванулась что есть мочи из горницы. Срочно! Гонцов!

К царевне — матушке, пусть знает, пусть приезжает!

К наставнице Лейле, а точнее, к ее супругу — Патрику Гордону. Мало ли что…

К Ордину — Нащокину…

К Феодосии Морозовой…

Пару переходов девушка одолела с лету, да наткнулась на парня.

— Далеко ли торопишься, красавица?

Михаил Юрьевич, а это был именно он, держал девушку на вытянутых руках.

— Пусти, боярин! — Поля сверкнула глазами, но куда там. И ведь не бить же его, бессмысленного! Не ведает он, что на кону стоит!

— За поцелуй выпущу…

— Пусти, боярин! Государю совсем плохо, лекарь нужен!

Выпустил. В лице изменился.

— Го — осударю плохо? Ну, беги…

И такая интонация у него была… как ни в раздрызге чувств была сейчас Поля, а все ж тон его запомнила, но не оглянулась. Она потом все расскажет. А сейчас — важнее дела есть!

А пока добежала — и паниковать перестала.

Надо *работать*…

* * *

Патрик Гордон внимательно выслушал жену. И кивнул.

— Поеду я в полк. К тебе людей пришлю, человек десяток, ежели что — они знают…

Лейла прикусила губу… неужели опять начнется?

Бунт, кровь, люди обезумевшие?

Но мужа поцеловала крепко.

— Береги себя, любимый…

Дети тоже подошли обнять отца. Старший, Иан, которого здесь звали Яшкой, посмотрел на отца.

— Пап, а можно мне с тобой?

— Сейчас пока нет. Но ты останешься защищать маму и младших, — обстоятельно разъяснил Патрик. — Вот, возьми…

В маленькие ручки лег совсем большой и настоящий кинжал. Яша вытянулся, сверкнул глазами.

— Клянусь!

А Патрик уже спешил в полк.

* * *

Афанасий Ордин — Нащокин выслушал девушку внимательно. И тут же закричал дворне.

Собираться, закладывать карету… он обязан быть в Кремле. Мало ли что…

Маша схватила боярина за рукав.

— Можно мне с вами, обратно?

— Там опасно может быть.

Афанасий и не думал отмахиваться от девчонки, понял уже, на что способны Софьины воспитанницы. И верно, из рукава Маши скользнула змеей тонкая шелковая удавка.

— Сейчас везде опасно. Я ведь все равно обратно.

Ну да. Ночью, по улице… как и сюда добежала, и ведь не убоялась? И обратно не испугается. Пусть ее тати боятся.

— Со мной поедешь. Где карета!?

* * *

Симеон не был бы до конца Симеоном, ежели бы не придумал, как дело повернуть. Война — это ведь завсегда хорошо, вернется Алексей Алексеевич, али нет — никому не известно. А потому и у трона должен быть настоящий князь!

А кто?

А Иван Андреевич Хованский. Древний род, еще от Гедимина ведет свою родословную… да и сам князь — что надо. В Литве отличился, со стрельцам и общий язык нашел, полки за него в огонь и в воду, зато с государем общего языка не нашел, за что и был частенько руган.

А еще — глуп, болтлив, самонадеян, переругался со всей высшей знатью. И прозвище говорящее — Тараруй! Болтун, пустозвон… самое то, чтобы проредить кого надобно!

Первым делом, конечно, царицу с ее выродком! Ни к чему Романовское семя оставлять!

А потом…

Руки старца сами собой сжались в кулаки.

Дьяково!

Вот откуда нечисть-то ползет! Вот где инакомыслие! Всех, всех уничтожить, растереть в порошок, забыть, как зовут!!!

Попомнят они свою спесь и глупость! Да поздно будет!!!

Старец просто не смог принять простую истину. Хоть и говорили ему, что за спиной Алексей никого не стоит, а советуется он разве что с царевной Софьей, но услышать — одно. А вот сердцем принять и поверить…

Ну, БАБА же!!!

Где уж ей чем-то командовать? Разве что цветочки вышивать!

Не знал старец, как генеральши командуют генералами, просто не подумал, в силу своего опыта, что за спиной Алексея может стоять его сестра. Вот и не подослал убийц, не подумал, как ее нейтрализовать…

К чему?

С Хованским было уже переговорено и не раз, а потому как только весточка прилетела из дворца от Долгорукого, так сразу и направился старец к Ивану Хованскому.

Пусть стрельцов поднимает, кричит, что Милославские царя убили!!! Самое то для толпы — от злого семени и следа не останется!

* * *

Софья даже не особо удивилась, когда по двери ее спаленки загрохотали кулаки. Просто взлетела с кровати и откинула засов. И предстали перед ее глазами две девушки и молодой человек самого неприметного вида.

— Что случилось?

— Царь… кончается!

Молодой человек едва дышал, но был настроен решительно. Софья задохнулась, взялась рукой за горло.

Бунт?

На миг, лишь на единый миг она стала той взволнованной девчонкой, которая трепетала перед толпой… но это было давно!

Тогда ее спасли. Сейчас же…

Ей не пять лет!

А бунт… не допущу! Костьми лягу!!!

— Рассказывай. Ты кто, откуда… Девчонки, помогите сарафан натянуть! Да не тот летник, охотничий!

Софья метнулась за ширму. Парень свекольно побагровел, но приказ был ясен. И он принялся рассказывать.

Зовут его Андрейка, он на конюшне служит у государя, помощник конюха…

Как в гонцах оказался?

Нравится ему одна из служанок государыни, Полина. Красавица, умница, да и он ей, кажется, тоже по сердцу. А потому, когда прибежала она сегодня на конюшню и сказала, что он должен ехать в Дьяково, к царевне, повиновался он тотчас. Знал — просто так она не попросит.

А не просто…

Просила она сказать, что царь-де совсем плох, что смерть в гости ожидать надобно с часу на час, что недоброе у нее предчувствие… что-то черное затевается…

Свел коня, так что теперь вся надежда на государыню…

Софья кивнула. Уж что-что, а отмазать мальчишку она отмажет. К себе в Дьяково заберет, а коли не напрасно шум подняли девушки…

Глядишь, и конюхом станет при экспериментальном табуне.

— Ничего Полина передать мне не просила?

— Сказала, что иногда и в ночи малиновка поет. И все. А к чему то, государыня, и не понял я.

Зато Софья поняла. Такие фразы у них у всех были. Кодовые, заветные, и использовать их можно было в крайнем случае. Вот, как сейчас, показать, что взаправду все… Малиновкой они в школе Полю и прозвали — пела она звонко и чисто. И Поля знала — коли скажет она эти слова, царевна поймет. И придет.

— Звать тебя как?

— Андрейка. Воробьем прозвали.

Софья кивнула, появляясь из-за ширмы. Что-то непривычное было в ее облике сейчас, но Андрей так и не понял — что? Да и откуда ему разбираться в дамских модах?

Просто сарафан под летником был очень просторный, не стесняющий никаких действий, а сам летник сшит так, что скинуть его Софья могла в единый миг. Да и двигаться он так же не мешал. Рукава короткие, шелк тонкий, по подолу клинья вшиты, чтобы ноги свободно двигались, ни камней лишних, ничего.

Вроде бы и простое одеяние, но сам цвет какой…

Алый с золотом. Как царская одежа. На голову — венец.

Простенький, но царевна ведь.

— Сонюшка!

Вбежала в светлицу царевна Анна. Софья посмотрела на нее остановившимися глазами.

— Тетя, кажется, царь кончается.

Тетка схватилась за горло, другой рукой вцепилась в дверной косяк. Софья подошла к ней, встряхнула.

— Не время! Тетя, найди мне пана Володыевского! Срочно!

Анна закивала и исчезла за дверью.

Софья вздохнула — и принялась отдавать приказания. Может, и преждевременные, да ведь потом их уже не отдашь. Поздно будет.

Погрузить, привезти, отправить гонца… да срочно!

Пан Ежи долго ждать себя не заставил. Даже в двери стучать не стал.

— Государыня…?

— Ежи, — Софья тоже не церемонилась. — Государь похоже, умирает. Выдвигай всех, кого можешь, к Москве, ежели бунт поднимется — идите к Кремлю. В бунтовщиков стрелять, давить их, на месте раскатывать, на заборах вешать — ты понял. И чем жестче, тем лучше. Потом все спишется, Богом клянусь, никто тебя тронуть не посмеет. Но что такое бунт — ты сам знаешь. Никому не уцелеть, на месте школы пустошь останется…

Ежи кивнул.

— А ты, государыня?

— А я вперед поскачу.

— Одна?

— Двоих с собой возьму…

— Невместно сие!

— Плевать!

Софья и сама удивилась, как из нее это вылезло, ан жива оказалась девчонка закалки девяностых годов.

— Ежи, бунт все спишет. А коли нет… Перед отцом я сама отвечу. На иконе клянусь…

Пан Володыевский и сомневаться не подумал. Будь на месте Софьи кто иной — не пошел бы. Но царевну он уже успел оценить, еще как успел. Эта ни кричать, ни плакать не станет. А вот выстрелить в лицо может. В упор.

И сокрушаться не о жизни человеческой будет, а о том, что ей кровью платье заляпало. И все же не спросить еще раз не мог.

— Вы уверены, государыня?

И наткнулся на тяжелый взгляд темных глаз. Уверенность? Нет. Сама смерть.

— Я сейчас в Москву. Там разберемся. Ежели от меня кто —

тебе зеленую ленту покажут и приказ передадут, остальным не верь.

— Хорошо, государыня.

Ежи сорвался с места. Софья тоже ждать не стала.

На конюшню! И пусть коня седлают!

Да, пусть и кое-как, но верхом она ездила. Умела — и сейчас продержится в седле, что бы ни случилось. Пусть по — мужски, пусть не подобает, но в карете она черт знает когда в Москву поспеет! Казаки уже седлали для царевны коня, еще пару для ее спутниц — не одной же ехать…

Через пять минут на дороге только пыль столбом взметнулась. Царевна, две девицы с ней да десяток казаков — все наметом скакали к Москве, загоняя коней.

То самое шестое чувство, не покидавшее Соню в лихие девяностые, било внутри набатом.

Успеть!

Ус — петь, ус — петь…

Только бы успеть!!!

* * *

Любава сидела возле мужа, стискивая его холодную руку в своих горячих ладонях.

Неужели?

Как же теперь…

Мысли скакали испуганными зайцами. Было страшно, тоскливо и очень больно. Неужели этот человек уходит?

Рядом мелькали чьи-то лица, кто-то что-то говорил… женщина сосредоточилась.

Блюментрост с таким лицом, что смотреть не хочется — тут и горе, и осознание своей беспомощности, и ожидание наказания.

А еще Лукиан Кириллов — спрашивает что-то у нее…

Не стоит ли государю чин принять?

Значит…

Любава закивала, как марионетка. И еще крепче вцепилась в родную ладонь.

Пока еще теплую…

Господи, не забирай его у меня!!!

* * *

Тем временем Иван Хованский вел свой полк к Москве. А на

площади…

— Горе! Идет великое горе! Царь наш кончается, а кто на трон сядет!? Алешка, который с басурманами породнился?! Сестру за католика выдал?! Загубит он веру православную, как есть, загубит!! Кукишом креститься будем!!!

Юродивый бесновался перед собором Василия Блаженного, плюя слюнями во все стороны. Собственно, не такой уж и юродивый, но надо же как-то 'зажечь' толпу? Не бунтовать ведь силами одних стрельцов?

Хотя и у них шла похожая пропаганда, только там упиралось на то, что Алексей Михайлович древние обычаи чтил, а Алексей Алексеевич глуп и стрельцов обязательно разгонит. Потому как не ценит опору трона и не уважает.

Люди подтягивались, слушали…

Но ежели у стрельцов остановить крикуна было некому, то здесь…

Чавк!

Гнилая репа обладает неплохими поражающими свойствами.

— Да кого мы слушаем! Этот крикун раньше у Матвеева слугой был!

Голос был звонким и ясным.

— Вот он языком своим царевича и поганит, изменник пакостный! Слово и дело государево!

Этого оказалось более чем достаточно. Народ начал расползаться, недовольно ворча. Но попасть под руки стрельцам никому не хотелось.

Стрельцы же сейчас были заняты.

Часть шла за Иваном Хованским, часть слушала и его сына Андрея, который обещал денег, вольности и славу. И уважение к стрелецким нуждам, а то как же!

Впрочем, не все.

Находились и те, кто по одному, по двое, тихонько выходили из толпы — и растворялись в московских переулках. Не все забыли, что такое честь. И сейчас тихо шли туда, где царя не предавали. К полкам Гордона, за город.

* * *

Ежи Володыевский собирал людей. Свой отряд, да те, кто школу охраняет, да часть учеников, да часть учителей — вот и вышло порядка четырех сотен. Мало, да лучше, чем ничего.

— Мы сейчас идем к Москве. Ждать приказа царевны. С царем неладное что-то, как бы худого не умыслили, — говорил

пан коротко и по делу. А к чему рассусоливать?

— Ничего не бояться, если остановить попробуют — сразу не стрелять, только по моей команде.

Оговорка была серьезной. Уж чего другого, а пистолей в школе хватало. Ученики и тренировались с ними, а не с тяжелеными пищалями.

И выстрелить еще как могли!

— А коли на нас первыми нападут?

— Тогда все дозволяю, — решил Ежи.

— Стойте! Мы с вами!

Царевны Анна и Татьяна решительно спускались с крыльца. Какие там приличия, какие там пологи…

Брат умирает!

За ними поспешал протопоп Аввакум.

Ежи посмотрел на них долгим взглядом. Запер бы где-нибудь, но не запретишь ведь? Хоть и не место царевнам там, где власть меняется!

— Возок заложен, — донеслось со стороны конюшни.

Царевны направились туда. Анна поглядела на пана.

— Пан Ежи, для нашей охраны дозволяем любые действия.

Ежи кивнул. Он так и собирался поступить. Пану здесь было вполне неплохо, уютно, и позволять кому-то все разрушить? Ну уж дудки! И вдруг, ухмыльнувшись, он вспомнил слова царевны Софьи.

Война все спишет.

* * *

Для Любавы время остановилось. Шептал что-то духовник, причитал неподалеку Блюментрост… и только когда из уголка рта супруга потекла белая пена, а пальцы конвульсивно сжались, она очнулась.

— Алешенька!!!

Он уже не слушал и не видел.

Голубые глаза были широко распахнуты, но смотрели они куда-то вдаль. За пределы покоев.

— Алешенька!!!

Любава закричала, забилась… кто знает, что бы она сделала, но ее мигом перехватили сильные руки верных девиц.

— Тихо, государыня! Ну-ка, глотните…

Успокоительное Блюментрост по их просьбе сварил заранее. А то ж!

Государя уже не откачать — это он видел. А государыня… как бы дитя не потеряла! Так что обезумевшую от горя царицу перехватили и утащили за собой, не переставая вливать горький опийный настой. Вредно, да ладно уж! От одного раза беды не будет.

Выругался неслышно, едва шевеля губами, Ордин — Нащокин, черной гадюкой выскользнул из царских покоев Симеон.

Михайла выскользнул вслед за ним.

— Поднимай народ, пусть кричат Хованского на царство, — шепнул старец.

Лицо его заострилось, глаза мертвенно блестели в пламени свечи…

Михайла кивнул, хищно ухмыльнулся.

— У нас кольчуги под одеждой, ножи есть… еще как закричат!

Патриарх принялся креститься и молиться. Цепочкой потянулись бояре — целовать руки покойного. За этим никто и не заметил, как увели обеспамятевшую царицу. Впрочем, все понимали, что толку от нее сейчас не дождешься.

Слаба, от горя себя не помнит…

Куда ей что в руки взять? Да и одно слово — баба!

* * *

Симеон не был бы иезуитом, если бы не просчитывал многое наперед. Многое, да не все.

Избыть Романовых он решил еще до отъезда Алексея Алексеевича в полк — и последовательно проводил свое решение в жизнь.

Первое — Алексей Михайлович.

Стар, слаб… ну, с ним кончено. И даже замена ему найдена.

Второе — Алексей Алексеевич. Вот тут… Было, было несколько людей в войске, которое с ним шло, были они и у поляков в войске, но тут Симеон уже ничего сделать не мог — все решит война. Ежели сам сопляк не убережется — хорошо. Если убережется… ему помогут. Еще как помогут.

Но это сейчас от него не зависело. А что зависело?

Кремль и Дьяково.

Нельзя допустить, чтобы на трон сел Федька или Ванька Романов. Нет, никого из мужчин Романовых остаться не должно.

Да и Дьяково — выжечь там все до последней щепочки! Огню предать, всех трупами положить — и царевичей, и царевен — где это видано, чтобы девки из теремов невесть куда сбегали!?

Но на то послано уже полсотни верных людей.

Окружат незаметно, красного петуха пустят, возьмут в ножи… вот Володыевский… но и того издали снять можно. Для хорошего лучника — это не беда.

Хоть Сильвестр и рассказывал учителю об увиденном, да вот беда — видел он не так много. До конца ему не доверяли, вот и складывалась неполная картинка. Так и Симеон чуть заблуждался, когда полагал, что пяти десятков татей на все хватит.

Нет, так бы… ежели ночью, да врасплох застать, да всей кучей навалиться — тогда да.

Только вот в Дьяково давно уже никакого 'врасплох' не получилось бы. Но о том 'старец' не знал.

И потому удовлетворенно ставил галочку.

Дьяково — то да. Сожжем.

Кремль.

Вот тут…

Как сказал мудрый человек — убивайте всех, Бог узнает своих.

Разве что пару царевен оставить. Дуньку, Катьку там или Машку… Надо же придать смене власти легитимность.

А царица?

Молодой царевич Владимир?

Ну… зато он еще нагрешить не успел. Прямиком в рай попадет, так что это почти благодеяние. И вот это-то надобно

самому проконтролировать. Ибо Хованский во многом пустомеля. Недоделает еще чего…

Надо, надо быть рядом, когда все начнется. И ежели что… яд всегда при нем. Вот кинжал… с оружием у старца были плохие отношения. Не сподобился. Но и яда хватит.

* * *

Софья летела к Москве, словно стрела, выпущенная из арбалета. Не становись на пути — пролетит насквозь и даже не застрянет!

А разум работал, словно мощный компьютер. Разум перебирал варианты, сравнивал, отбрасывал ненужное.

Болезнь? Нет, отец не жаловался. Да и известно было бы.

Умысел? Разве что…

Просто срок пришел?

Последнее очень вероятно. Только откуда такая тревога? Почему так свербит в пальцах и тянет запастись оружием?!

Своим предчувствиям Софья доверяла, отлично понимая — это не просто так. Что такое предчувствие? Это те обрывки, которые ты увидел, запомнил, не связал с чем-то, а они вцепились в подсознание. И требуют, приказывают не игнорировать их!

Вот и не будем!

Слишком мало данных для анализа, слишком…

И когда впереди горестно зазвенела колоколами Москва, поняла, что не напрасно. Всадники и не подумали замедлить ход. Куда там остановиться, перекреститься… не до того! Вперед и только вперед!

Видимо, этой ночью Бог был на стороне Софьи, потому что не доехав еще до Москвы, она наткнулась на полк Гордона. Только сначала она даже и не поняла, что это. Выдвинулась из темноты масса людей, ощетинилась пищалями…

Девушка резко осадила коня. Тот захрипел, затанцевал на месте, но сейчас она и с чертом бы справилась. Нежная девичья ручка так дернула узду, что конь мигом присмирел.

— Стой! Кто идет!?

— Государыня Софья! — крикнул в ответ казак из ее сопровождения. — А вы кто такие?!

Пищали опустились.

— Государыня!

Софья вгляделась. Ей знаком был этот силуэт, этот голос…

— Патрик?! Гордон?!

Уж на что она не верила в Бога, но тут рука сама дернулась

перекреститься.

— Господи, спасибо тебе!

— Государыня, вы… есть… куда…

От шока шотландец забыл половину русских слов. Еще бы, не каждый день такое встречаешь на дороге — чтобы царевна, с крохотной охраной…

В просвещенных Европах — и то в диковинку бы, а уж в патриархальной Руси-то! Софья резко выдохнула — и мгновенно собралась.

— Вы здесь откуда?

— Из дворца прибежали, от государыни, сказали неспокойно на Москве, ну я и решил…

Софья выдохнула. Хорошо хоть Любава в уме… хотя сильно на нее рассчитывать не стоит. Сейчас впадет в расстройство чувств — и кроме рева от нее ничего не добьешься.

Это в ней и не нравилось царевне. Она себе в девушки и воспитанницы выбирала тех, кто в стрессовой ситуации собирался и начинал бить лапами, а Любава шла на дно. Ей, конечно, тоже нашлось применение, но… что бы Софья не дала за умную и решительную царицу здесь и сейчас?

И работающую в команде.

А не расплата ли это за Нарышкину?

Мысль мелькнула и исчезла.

— Что именно творится на Москве?

— Хованский народ поднимает. Стрельцы, кто верными остались, бегут оттуда, говорят — зазря погибнуть не хочется, а только и Тарараю слушать — себя не уважать.

Софья оскалилась так, что шотландец едва не шарахнулся. Сейчас на него сама смерть глядела через темные царевнины глаза. Искала, выбирала жертву, ощупывала души ледяными руками.

— Хорошшшооо, — прошипела Софья. — Бунт? Гордон, вы верны моему брату?

Патрик молча кивнул. Софья могла бы спросить — верен ли он ей, все равно ответ был бы тот же. За такую жену, как Лейла, за детей, за должность и милость, да просто за уважение…

— Кто с оружием встретит — зарубать нещадно. Крикунов стрелять, не вступая в переговоры. Остальное — по моему приказу. Никакого Хованского на Москве не будет, — глаза царевны горели адским огнем так, что Патрик даже поежился.

Откуда ж ему было знать, что сейчас на него смотрит женщина, прошедшая девяностые. Когда каждый день под смертью ходишь, да не под простой, когда родными и близкими рискуешь… что-то в душе ломается. А что-то срастается так, что и

не разломишь.

Софья решительно направила коня в сторону Москвы, не ведая, что с другой стороны в город входит во главе своего полка Иван Хованский.

* * *

Софье повезло еще и в том, что она разминулась с татями. Маленький отряд сделал ставку на скорость — и не прогадал. А еще…

В Дьяково, как и в любое другое село, вела одна дорога, а вот в Москву — несколько, в зависимости от того, какими воротами надобно было в город въехать.

И в то время, как тати двинулись скорым ходом в Дьяково, Софья решила не ломиться напрямую в Москву, а для начала придать себе чуть больше веса.

В качестве утяжелителя был выбран полк Гордона, стоящий под Москвой, благо, Софья знала где. Туда и направилась. Время она на этом, конечно, потеряет, с дороги свернет, но так душе спокойнее.

Вооруженная сила, да в сочетании с решительностью и правом отдавать приказы — страшная штука. Вот где-то на последней трети пути Софья и разминулась с катами, посланными и по ее душу.

А вот пан Володыевский не разминулся.

Он и задержался, благодаря сборам и царевнам, и двигаться с такой скоростью, как Софья не мог, а потому отставал от нее. А еще…

Они ведь шли в Москву, не зная, что их там ожидает. Но отрядом, а потому вперед был выслан авангард. Совсем небольшой, человек десять. Поляки, казаки…

А что бывает, когда обоим надо — и в противоположном направлении?

Наемники решили, что это кто-то из Дьяково — и справедливо. Но далее они решили, что это — *весь* отряд. И напали, не утруждая себя размышлениями.

У них-то был приказ!

Им надо было дойти и уничтожить. А ежели сейчас пропустить… ведь не получится ни тишины, ни скрытности!

Они напали без предупреждения, но в авангарде были не вовсе уж зеленые сопляки. Завязалась жестокая ночная схватка, в которую и врубился Ежи, не сильно разбираясь, кто там обижает его людей.

А как он мог поступить иначе? При том, что у него под охраной было несколько членов царской семьи? На его людей напали? Пусть даже по ошибке, но ошибки — они разные бывают.

Попробовать остановить схватку и начать мирные переговоры?

Поверить, что те, кто в отряде, идут к нему на подмогу?

Вот уж чем — чем, а доверчивостью Ежи никогда не страдал. А потому…

Ночной бой получился жестоким, кровавым и достаточно коротким. За луки и мушкеты никто схватиться не успел, все решили сабли и кинжалы. А уж ими в его отряде владел каждый, да и было их куда как поболее, чем налетчиков.

Закипела сеча, за которой с выражением страха на лице наблюдали из кареты прижавшиеся друг к другу царевны Татьяна и Анна.

Сабля к сабле, конь к коню, хрип, крики, кое — где взблеск факелов… страшно-то как, ой, маменька!

А ежели Соня…?

Она ведь раньше ускакала…

Господи, защити и оборони….!

Пану Ежи понадобилось не более сорока минут, чтобы размазать нападающих ровным слоем по дороге, а потом и обыскать их.

И появившиеся на свет вещи не порадовали.

Факелы, оружие, причем, как пищали, так и самострелы, и масло… а зачем им, собственно, им масло? Дорога тут только одна, к Дьяково, к школе… и? Что могли делать эти люди? Что они хотели сделать?

С маслом и прочей снастью поджигателя?

Двери смазывать? Ночью…

Живых, жаль, почти нет, кто сразу не сдох, тот долго не протянет, ночью пленных брать не получается. Ежели кто и удрал… На одного — двоих можно и внимания не обратить, они в Дьяково нанести вред не смогут. Там и патрули стоят, и секреты… и все равно…

Ежи представил, как вот эти тати в ночи подбираются к Дьяково, как летят стрелы с огнем, как безжалостно уничтожают выбежавших в панике людей… и Бася ведь там!

Его аж шатнуло от ярости.

Сейчас — да, именно сейчас, он готов был убивать. Жестоко и немилосердно. Всех, кто подвернется под руку.

Царевна сказала, что война все спишет?

Богом клянусь… она еще и не то спишет!

Отряд продолжил движение, но теперь уже Ежи нещадно гнал

людей, тоже боясь не успеть. Недаром, ой, недаром, царевна так сорвалась. Боялась чего?

Почувствовала что?

Все одно — ей решать, ему за спиной стоять, чтобы никто не то, что руки не поднял — рта не открыл! И с этим он справится!

* * *

Патриарх стоял на красном крыльце, чуть пошатываясь от слабости.

Возраст, болезни…

Народ смотрел на него и волновался.

— Православные! Государь наш, Алексей Михайлович умер! Теперь государь наш — Алексей Алексеевич!

Чего ожидал старик?

Согласия, в крайнем случае, легкого ропота… но уж никак не дерзкого свиста и криков.

— Не люб! — заорал, надсаживаясь, кто-то. И другие голоса подхватили. — Не люб!!!

— Не хотим Романовского щенка! Давай настоящего государя!!! Хованского давай!!!

Случайные люди, оказавшиеся на площади, начали расползаться, словно тараканы, отлично понимая, что ничем хорошим это не закончится.

Патриарх побледнел.

— Православные, одумайтесь! Государю его сын наследует…

Бесполезно!

Будь на его месте Никон, тот же Аввакум — иначе бы было! Те могли увлечь толпу за собой, могли затянуть… Питирим же, хоть и был человеком неплохим, но лидером не был. Не те годы, не та порода…

Его перекрикивали, свистели, едва что не закидывали дрянью… и что тут сделаешь?

— Хованский люб!!!

— Здесь я, православные!

На площадь медленно въезжал князь Тараруй. Питирим воззрился на него бараном, на новые ворота. И потерял инициативу окончательно. Иван Хованский спрыгнул с коня, взлетел на крыльцо к патриарху…

— Вот я, православные! Люб ли?! Хорош ли!? Все для вас сделаю, всю жизнь на благо народа служу…

Иван Хованский разливался соловьем на жердочке. Люди смотрели, слушали, а что еще Тарарую надобно? Век бы так

говорил, тем паче, что и в толпе его поддерживали криками, подбадривали, стрельцы свои тоже кричали — любо! Хованского на царство…

Питирим медленно бледнел на крыльце, из окон смотрели бояре, хватались за голову преданные Романовым люди…

Еще немного и ситуация окончательно выйдет из-под контроля…

— Не дело ты творишь, Иван!

Ордин — Нащокин не мог не выйти. Его сын женат на одной из царевен, его внуки наполовину Романовы, если сейчас династия сменится… что тут скажешь?

— Алексей Алексеевич хорошим царем будет, а ты сейчас, коли на престол сядешь, в крови по уши замараешься. В детской крови! И никто тебя от нее не отчистит!

Но если у Хованского были и помощники, и подстрекатели, то у Ордина — Нащокина был только его опыт. Даже на Милославских сейчас рассчитывать не стоило — разыскать их в Кремле и то было сложно. Памятен им был Медный бунт!

Над площадью разнесся заливистый свист.

— Гнать!!!

— В шею!!!

— Не любо!!!

В боярина полетела грязь, мусор… Афанасий что-то пытался говорить, но куда там! Да и где ему, старику, было управиться с Хованскими.

— На копья его!!!

Толпа ревела и ворочалась, как опасный дикий зверь. Она еще только просыпалась, эта толпа, только ощущала запах и вкус крови, но уже была опасна. Уже неуправляема…

Ордин — Нащокин побледнел. Но уйти он уже не мог. Андрей Хованский, мигом взлетев на крыльцо к отцу, ухватил Ордина — Нащокина за ворот роскошной шубы.

— Православные!!! Ловите!!!

Но столкнуть мужчину с крыльца он не успел.

Выстрел прогремел неожиданно для всех. Во лбу младшего Хованского расцвел алый цветок. Кровь брызнула вокруг вперемешку с мозгами — заднюю часть черепа мужчине просто снесло.

Замолк Иван Хованский. Осел, схватившись за сердце, Ордин — Нащокин.

И в абсолютной тишине прозвучало злое:

— Кто-то еще хочет высказаться?

* * *

Софья едва пробилась к площади. Помогало то, что она ехала во главе отряда. На царевну в настолько неподобающем виде, народ реагировал очень однообразно. Либо пучили глаза и разбегались по домам, разносить сплетни. Либо — пучили глаза, отходили с дороги и потихоньку следовали за отрядом. Но ни в том, ни в другом случае — не мешали. Себе дороже выйдет.

И к Кремлю Софья выехала как раз, когда толпа заволновалась.

Пара секунд у нее была. А пистоли ее отряд заряжать начал, стоило им в Москву въехать. Схватить за рукав ближайшего казака и указать цель было делом минуты.

— Убить.

Мужчина понял ее правильно. Миг — и голова Андрея Хованского разлетелась гнилой тыквой. Все замерли. Софья оценивала обстановку.

Так, народ пока не подняли, но смутьянов тут хватит.

Хованский… удастся ли?

А если нет?

Выбора все равно не было. Если сейчас она отступает — ее все равно убьют. И не только ее.

Если она принимает бой — ее *может быть* убьют. Но только ее и сейчас. Для остальных она выиграет время.

Выбор был очевиден.

Толпа молчала в ответ на ее реплику, и Софья тронула коня. Так спокойно, словно перед ней не толпа была, а так — поле с ромашками.

— Стрелять только по моей команде, — приказала она сквозь зубы.

Спутники кивнули.

Народ расступался. Пока — молча. Но Софье и того хватило. Она спокойно доехала до красного крыльца, смерила обстановку взглядом.

Афанасий вроде как жив. Кажется, сердце прихватило, но разбираться некогда. Потом, если выживем.

Хованский приходит в себя. Иван. Андрея и Страшный Суд уже не поднимет!

Патриарх… не зря она не хотела Питирима.

Стоит, трясется, как козел на случке! Ты ж сейчас таким глаголом должен разразиться… а ты?!

Говорить с толпой бессмысленно. Надо устранять причину.

— Ты, Ивашка, никак бунтовать вздумал? — с изрядной змеиной ласковостью обратилась Софья к Хованскому. И мужчина даже шагнул назад.

Смерть, глядящая из темных глаз царевны, знала, что не

останется сегодня без поживы. И приговор был утвержден.

— Отец мой умер, брат мой отечество защищает, а ты народ взбунтовать решил!? Как мило…

Софья шла прямиком на боярина — и тот невольно отодвигался. Люди не видели ее лица, да и видели бы… Кто бы сказал Софье, что она словно бы на тридцать лет постарела. Что сейчас лицо ее было не девичьим, нет. В этот миг из-под девичьей внешности проглянула ее истинная душа — и это было страшно. Словно смерть — старуха с яростными глазами надвигалась на Хованского.

— А ответь мне, Ивашка, своей ли смертью отец мой умер? Али ты его ядом заморским отравил?

Софья била наугад, но попала в точку. Иван не травил, но *знал*. И это отразилось на его лице. Он открыл рот, что-то якнул, но вот тут Софью понесло. А взбешенная женщина хуже любого цунами.

— Цареубийство, значит? Что, православные, слушаете? Гордитесь собой! На вас на всех грех великий! Этот негодяй батюшку моего убил! Царя Вашего богоданного, коего вы сами на царство кричали!

— Рот заткни, девка наглая! — вызверился Хованский, понимающий, что если он сейчас не перехватит инициативу…

Зря он.

Что в руках у Софьи было, тем и полоснула поперек холеной морды. А была камча.

Хорошая, крепкая, кожаная плетеная косичка… Такой, в умелых руках, волка насмерть с седла забить можно. Вот ей и пришлось поперек гладкой морды.

Хованский с воем схватился за лицо.

Глаз ему не спасти, — с каким-то ледяным хладнокровием отметила Софья.

— Взять негодяя. В кандалы его!

А вот это толпе не понравилось. Пошел ропот, шум…

Казаки, приехавшие с Софьей, привычно перехватили пистоли наизготовку. Ежели сейчас кто кинется — умирать придется. Но не просто ж так свою жизнь продавать?

— Кто-то возразить пожелает?!

Софья развернулась тигрицей. Кажется, сейчас с крыльца кинется. И настолько лицо ее было гневным и яростным, настолько сейчас она…

Сейчас не царевна стояла пред толпой, а та самая, почти безумная от ярости женщина из девяностых.

Тогда у нее отняли мужа — и она не смогла помочь. Не защитила. Тогда от нее ничего не зависело.

Но сейчас ей дали шанс — и она его не упустит. Сейчас за ней стоят ее любимые и родные. Софья не заходилась в бабском крике, она не билась в плаче и истерике, нет. Даже голос у нее сел, словно где-то глубоко в груди девушки рождалось глухое тихое рычание.

— Покамест брат мой Русь православную защищает, я никому не дам тут бунтовать!

— Не много ль на себя берешь, девка?!

Михайла тоже не удержался. На крыльце ему уже места не было, но чуть поодаль он с удовольствием наблюдал, как Хованский идет к своей цели. А вот сейчас, когда все намеревалось рухнуть…

Даже стрельцы не рисковали кричать за своего предводителя.

Одно дело — когда его права попираются. Это как-то и надо отстоять! А вот ежели он государя отравил…

А тут — извините. Такое не прощается.

Второй выстрел разорвал тишину. Михайло оборвал крик и утробно завыл, схватившись за живот.

Патрик Гордон не стал ждать команды, понимая, что Софья может и забыться от ярости.

— Кто желать… еще ругать… царевен!?

Нервничая, Патрик позабыл все русские слова, коверкая их как попало. Но народ понял. Глухо заворчал, но было уже видно — бунт не состоится. За отсутствием лидеров.

Один валяется с простреленной головой, другой глаз оплакивает, третий… откачают ли? При отсутствии антибиотиков… ежели только лично Богородица припожалует. Но это вряд ли. Зато воет, хватается за живот, кровью плещет, кишки ползут из раны — оч — чень убедительное зрелище, знаете ли. В любые времена — страшно.

Сейчас надо бы сказать им что-то доброе, устыдить… только вот Софья таких слов и чувств не находила. Хотелось пулемет. И жать на гашетку, пока не кончатся патроны.

Софья вытащила из-за колонны Питирима.

— Ну!

Хотя с каким удовольствием она бы его огрела плетью! Судя по творожной физиономии, на патриарха рассчитывать не приходилось.

Помощь пришла, откуда не рассчитывали.

— Да что ж вы творите-то, православные!?

Ежи тоже поспел вовремя. Едва не разнеся ворота, загоняя коней и людей… а с ним и протопоп Аввакум. Который выбрался из возка — и вовсю пользовался преимуществами роста и голоса.

Особенно последнего. Чего уж там — отбитые бока болели

безудержно, так что взвыть хотелось. И весьма нехристиански убить всех виновных.

— Царя убили, мученической смертью, а вы его убийцу отстаиваете? Каина на царство хотите? Как же вам не совестно-то?!

Перебить протопопа не рискнул никто. А Аввакум медленно двигался к крыльцу, поддерживаемый под руки двумя царевнами. И — стыдил всех. И ведь действовало.

И как вы можете, и что вы — глупее баранов, что вам первый тарарую уши-то затоптал, и своей головой думать надобно, и Русь и так плачет, а вы еще горя добавляете, и вам горе — супостатам радость, и царевич сейчас православных людей у нехристей отбивает, а вы его в спину ударить хотите…

Да, в толпе были и специально нанятые крикуны и подстрекатели. Но казаки уж больно нехорошо поглядывали по сторонам, пистоли явно были готовы к бою, а стать третьим никому не хотелось.

Толпа распалась на отдельных личностей, не успев сформироваться, как голодный хищный монстр. И жить этим личностям хотелось. Очень.

А Аввакум, дорвавшийся до народа, продолжал стыдить, проповедовать и отечески увещевать.

Софья, понимая, что она тут и даром не нужна, кивнула казакам.

— Тарарую в допросные подвалы, крикунов тоже.

А сама опустилась на колени рядом с Афанасием. М — да…

С таким здоровьем в политике не место, вон, губы синеватые, как бы инфаркт не хватил…

— Все в порядке. Лежите и не двигайтесь, сейчас вас перенесем в покои, будем лечить. Иначе дядя Воин мне в жизни не простит… Да, все хорошо. Бунт не состоится.

И перекрестилась. Выдохнула.

Сама бы тут улеглась, ей — ей…

Летела, как сумасшедшая, а ведь опоздай она, растерзай толпа Ордина — Нащокина… она бы в жизни себе не простила. Да и толпа…

Как тигр — людоед, эта зверюга становится по — настоящему опасна, отведав крови. Вот тогда могли и в Кремль ринуться, и Милославских повытаскивать, и Любаву растерзать…

Могли.

Не случилось — и ладно.

Пальцы девушки сжались на рукояти камчи.

Они мне за это ответят, — поклялась она, еще не зная, **кто**. — *Кровью ответят, до последнего человека. Никому не*

спущу…

Слуги переносили Афанасия в покои к самой Софье, за неимением времени, звали Блюментроста, а сама Софья медленно шла по коридорам Кремля. И плеть так и была зажата в пальцах.

Алешка до осени не вернется.

Я здесь практически одна.

Я выстою. Богом клянусь — я справлюсь!

— Сонюшка!!!

Софья вздохнула и крепко обняла за плечи царицу. Та хоть и стояла на ногах, но видно было, что ее чем-то дурманным опоили. И сзади ее поддерживали Софьины девушки, серьезно глядя на царевну — ладно ли?

— Любавушка, ты в порядке? Володя как?

— Сонюшка, Алеша умер…

Софья насколько могла мягко отстранила царицу от себя.

— Я знаю, маленькая. Мне тоже плохо и больно.

— А… там что?

— Там все в порядке. Покричали и разошлись, — Софья даже попробовала улыбнуться. Получилось.

Правда, глаза оставались заледеневшими, но до того ли было сейчас вдовой царице?

— А…

— Любавушка, милая, послушай меня. Ты сейчас должна сделать то, чего от тебя хотел бы муж. Больше всего на свете.

На заплаканном личике изобразилось внимание.

— Ты сейчас идешь к Володеньке и остаешься с ним. Ты не можешь бросить сына. И не можешь потерять ребенка. Ты поняла?

— Сонюшка…

— Ты же не хочешь предать мужа?

Любава замотала головой.

— Вот и чудненько. Иди к ребенку и не думай ни о чем плохом. Я здесь, я рядом, а значит, с вами ничего страшного не случится. Все будет хорошо.

— А ты…

— А я сейчас дела улажу и приду вечером.

Любава кивнула. Софья бросила взгляд на девушек за ее спиной и поманила пальцем Феню.

— Чуть что — к Блюментросту. Казаков пришлю для охраны и чтобы никто и ничто… Всех в шею гнать, кроме меня и царевен!

Феня кивнула. Усмехнулась.

— Вовремя вы, государыня. Они б нас растерзали…

Своим девушкам Софья такие вольности спускала.

— Да и вы не подвели. Умницы, девочки. Благодарю за

службу!

Признательные взгляды стали ей ответами. Она не говорила о награде, ни к чему. Девочки без того знали, что их не оставят милостями. И Софья продолжила путь.

Перед дверью на миг замешкалась, а потом толкнула ее — и вошла.

Да, там они и были. Бояре, ближники, даже Милославские вылезли, как только опасность миновала. И Иван кинулся к царевне.

— Племянница…

Софью так и потянуло повторить подвиг. То есть — камчой бы ему по наглой морде, и посильнее, и пожестче. Нельзя…

Здесь и сейчас другая драка будет, не руками. Словами придется.

— Почему царицу одну бросили? — волчицей зарычала девушка. — Народ шумит, бунтует, а на крыльцо только Ордин — Нащокин вышел? Только он один не предал?

Милославский отшатнулся, упал на колени.

— Не вели казнить, государыня!

Софью вдруг посетило чувство дежа вю. Хоть и не похож был Иван на обаятельного Жоржа! Ей — ей, еще минута — и она бы себя почувствовала Буншей. '*Ты что же, сукин сын, самозванец делаешь? Казенное добро разбазариваешь?*'.

И это помогло ей взять себя в руки. Шла сюда — кипела от гнева, боялась рот открыть — такого бы наговорила, что держись. А сейчас заулыбалась. Чуть отпустило.

— Значит так, бояре. Пока мой брат не вернется — я никому бунтовать не дам. Кто из вас Хованскому споспешествовал, я еще разберусь. Одно обещаю твердо — невинные не пострадают. Ежели кто мне захочет на виновников намекнуть — выслушаю. Кто недруга своего огульно оговорит — казню. И ежели думаете, что я не разберусь… думайте… Государя похоронят, как и положено, в Архангельском соборе. А сейчас все вон отсюда. Пока во всем не разберусь, дворца никому не покидать. А ежели уйдет кто — посчитаю изменником и казню сегодня же.

Бояре чуть поворчали, но комнату очистили. Поняли, что сейчас сила не на их стороне. Да и то сказать — если б полыхнуло…

Не один ведь раз уже вспыхивало, хорошо всем были памятны последних лет бунты, один Медный чего стоил…

Софья подошла к телу отца. Посмотрела грустно. Духовник молился рядом.

— Государыня?

Софья сделала жест рукой. Мол, не обращай на меня

внимания. А сама — смотрела.

Как же люди меняются после смерти. Вот он жил, говорил, двигался… а сейчас его — нет. Вообще. И нигде не будет.

Но она — есть. И она обязана дождаться брата.

Софья перекрестилась, опустилась на колени у тела отца. И вдруг ей пришла в голову простая мысль.

Именно сейчас она… может. Может стать императрицей.

У нее есть войска, есть верные люди, есть… да много чего есть. Она может и захватить власть, и удержать ее…

И править долго. Почти как Елизавета Английская. Братья и сестры ей не помеха. Алексей?

Даже если он и вернется… да кто сказал, что на него нет ни яда, ни клинка? Милославские ее поддержат, Стрешневы, Морозовы, да много кто — всех перечислять до завтра достанет.

Она может и сесть, и удержаться, и править.

Власть.

А… зачем?

Софья чуть улыбнулась, произнося слова молитвы. Губы действовали сами, независимо от разума.

Вот для чего ей эта власть? Власть одинокая, несчастная и ненужная, по большому-то счету? Чтобы жить, как захочется? *Так* она жить в любом случае не сможет. Над царем столько всего властно — даже Елизавета так и осталась королевой — девственницей, зная, что замужество лишит ее если и не всех прав, то очень многого.

Чтобы править?

Власть ради власти? Бесплодная власть?

Наверное, кто-то скажет, что это наслаждение. Управлять чужими судьбами, чувствовать себя Богом… Как же это *убого*…

Софья усмехнулась еще раз.

Власть ради самой власти бесплодна, как бриллианты в пустыне. Они там просто не нужны. Там другая ценность — вода. А для нее…

Она никогда не зарабатывала деньги ради денег, не искала власть ради власти. Она всегда старалась ради чего-то еще. В девяностые — это был азарт, веселье схватки, игра ума, состязание, победа. Но мало того — она боролась за достойную жизнь для своей семьи. Боролась вместе с мужем. Это — иное.

Сейчас же… она делала все, чтобы не оказаться в клетке. Воспитывала брата, строила, учила, искала, развивала… но ведь не ради пустой власти?

Нет. Ради родных и любимых. Тех, кто таковыми стал за эти годы.

Ей один шаг до власти. И эта власть ей просто не нужна.

Софья договорила молитву, перекрестилась и поднялась с колен.

— Делайте, что д*о*лжно.

— Похороны…

— Я все устрою.

Софья еще не знала, как, но она наведет тут порядок. Все двери перекрыты людьми Гордона и Воодыевского, змея не проскользнет — и не выскользнет. А значит стоит начать с допроса господина Хованского. Хоть узнать, кого еще хватать.

* * *

Есть ли в Кремле пыточная?

Обижаете! Если есть Кремль — есть и пыточная. Факт.

В данном случае она была в подвале Тайницкой башни. Вот там и приняли Ивана Хованского с распростертыми объятиями. Туда и заявилась Софья.

Палачи… ошалели. Дьячки, которые записывали показания — тоже. Да и стражники…

Своим поступком царевна растоптала все существующие нормы поведения. Но сейчас ей это было безразлично.

— Что с Хованским?

Палач повел головой в сторону — и Софья увидела.

Висит, голубчик, пыточная, так получилось, освещена не слишком хорошо, но на дыбу его уже вздернули, хоть пока и не растянули. Ну да всему свое время.

— Готов супостат, государыня, — пискнул один из писцов.

Софья удовлетворенно кивнула. Не была она кровожадной, но сколько этот скот наделал, а сколько еще *хотел*… да его бы на клочья рвать! Медленно!

— Занимайтесь. Чтобы все рассказал, от и до. Да не сдох раньше времени.

— Исполним, государыня, — прогудел один из палачей, — здоровущий, косая сажень в плечах, мужик. — Приказ бы нам…

— За приказом дело не станет.

Софья самолично присела к столу, повертела в пальцах корявое гусиное перо — и быстро набросала пару строчек на пергаменте. Подписала, капнула сверху воском и приложила свой перстень.

— Делайте с ним, что потребно. Мне нужно знать, кто убил моего отца, кто подбил его на бунт, кто участвовал вместе с ним…

— Да, государыня царевна.

— Как узнаете — сразу же мне все несите. Я брату отпишу.

— Дык… ночь ведь, государыня…

— А хоть бы и глухой ночью, — усмехнулась Софья.

Хованский что-то мычал сквозь кляп. Софья не поленилась, встала, подошла к нему. М — да, то еще зрелище, морда опухла, один глаз закрыт, второй едва отрыть можно — и будет ему еще повеселее, это точно.

— Что, князь, допрыгался? Советую рассказывать все, как есть, не упрямиться. Моего отца убили, меня убить пытались… так что пощады тебе не будет. Расскажешь все, как есть — пойдешь на плаху неизломанный. Солжешь — и до костра своими ногами не дойдешь. А лучше — до кола. Подыхать ты у меня до — олго будешь. И мучительно. И род твой пресеку. Весь.

Она не лгала, ни капли не лгала. И судя по лицу Тараруя, он понял.

Не испугался бы Иван Хованский просто так. Но вот несоответствие формы и содержания… Царевна ведь! Ей бы по садику гулять с цветами диковинными, яблочки кушать с золотого блюдца да шелками шить, а она?

Таких и в древности-то единицы встречались, а уж сейчас! Темные глаза царевны в полумраке светились красными огоньками. Конечно, это отражался огонь жаровни, на которой калились инструменты, но Хованский сейчас этого не понимал. И чудилось ему в полумраке, что не царевна то, а нечистая сила, от коей не спастись. И потел он так, что от вони ничего не спасало.

Страшно.

Софья молча развернулась и пошла к выходу. За ней неотступно следовало двое девушек и два охранника. Мало ли кто. Мало ли что.

Софье предстояло многое переделать.

Узнать, что толпа уже разошлась и отправить соглядатаев — пусть узнают, что и как. Кто был, кто бунтовал… эти полки потом расформируем и разошлем к чертовой матери! От Сибири до Крыма! Пусть на передовой искупают вину.

Приказать Патрику Гордону занять Москву своим полком и патрулировать улицы.

Переписать всех стрельцов, которые не предали. Из них отдельный полк сделаем, им и на Москве дело найдется.

Поставить Ежи Володыевского военным комендантом Кремля. Алексей Алексеевич вернется — тогда сам решит, что и как, а у нее доверия ни к кому нет. Где были охранники, жильцы, рынды и прочая шелупонь, когда тут бунт назревал? Под кроватями прятались?

Так в слуги их и разжаловать, пусть и далее пыль вытирают!

Повидать патриарха и сухо поставить его в известность, что он не оправдал царского доверия. Пусть теперь хоть на похоронах не опозорится. А пока — шагом марш в храм и настраивать священников. Пусть прихожанам объясняют, что в то время, как государь ведет кровопролитную войну, стараясь, чтобы она к ним в дом не пришла, отдельные подонки развязывают братоубийственную рознь… и с оными подонками надо поступать оч — чень решительно. За это никакого наказания не будет.

Слово и дело — и на правеж их!

А ежели так не дойдет… в принципе, война ж дело ненужное, пока не на твоем огороде — надавить, что не просто так государь воюет, а с нехристями за веру православную. И точка.

Повидать Ордина — Нащокина и чертыхнуться.

Анна сидела рядом со свекром, и лицо у нее было… опрокинутое.

— Что?

— Соня, все плохо. Пока…

Софья покосилась на Афанасия, который был в сознании и явно их слышал.

— Блюментрост?

— Запретил Афанасию даже говорить… мол, малейшее усилие…

Софья вздохнула. Прикинула… ну да. Сейчас ему порядка шестидесяти восьми лет. Даже для двадцать первого века серьезный возраст, а уж тут…

— Значит так, тетя. Письмо напишешь сама, я гонца пришлю. Отца более нет, брат пока еще не приехал, так что моя власть. Хватит тебе с Воином Афанасьевичем по углам прятаться. Слышите, дядька Афанасий? Анна официально будет опекать своих детей, пока Воин воюет в Крыму. А как вернется — так пусть кидается Алексею Алексеевичу в ноги и просит о свадьбе. Брат разрешит. А коли не… — голос у Софьи все равно дрогнул, но она только сильнее выпрямилась. — Так вот. Коли брат не вернется или что с сыном вашим случится, тетка Анна все равно будет детей опекать, им все имения рода перейдут, никто к ним лапы не протянет, никакие родственники. Так что лучше поправляйтесь. И еще. Я прикажу сегодня ваших мелких в Кремль перевезти. И сама сюда переберусь. И учтите — вы все сделали правильно. Народ разошелся, а если бы не вы, могло бы не хватить времени. Так что вы герой. Вы сегодня нас всех спасли.

Афанасий чуть моргнул ресницами в знак благодарности. Софья видела, что даже это усилие ему дается громадным трудом. Перенапрягся дедушка.

— И Блюментроста не слушайте. Я бы на вашем месте из

принципа выздоровела.

Еще одно движение ресницами. Софья коснулась пергаментной сухой руки мужчины.

Холодная. Да и…

Что-то подсказывало Софье, что от этого удара Афанасий уже не оправится.

Но ведь умрет он в своей постели! А не под ногами, кулаками и копьями разъяренных стрельцов.

Нет уж!

Хватит с нее этой вольницы! Анна смотрела серьезно.

— Сонюшка, так ведь венчаны мы уже, второй раз же нельзя…

— С этим пусть попы разбираются. Тетя, а как ты себе представляешь тайную свадьбу царской дочери? И я об этом объявить должна? Сожрут ведь! Блудом попрекать будут!

Анна поднесла руку к горлу.

— И то верно… так что ж теперь, Сонюшка?

— Сиди покамест с тестем, как оправится, там и думать будем. Но ты учти, что свадьбу будем играть широко и весело. Как говорится, не можешь спрятать — клади на видное место.

Софья поцеловала тетку и вышла вон. Хоть обдумать что и как… ага, размечталась! Не кремль, а двор постоялый, проходной и провозной!

— Соня!

Тетка Татьяна.

— Все в порядке?

Тетка выглядела спокойной и довольной.

— Народ слушает Аввакума.

— И долго еще он будет метать бисер перед свиньями?

— Стыдить он их еще долго будет. А вот устыдятся ли…

— Если что — поможем. Тетя, на тебе весь этот бабский зверинец.

— Соня?

— Любава сейчас всем этим заниматься не сможет. Она в тягости, к тому же нерешительна, сама знаешь. А вот ты можешь всем объяснить, кто тут главный. Занимайся. Вся женская часть Кремля на тебе.

— И ты?

— А на мне будет мужская часть.

— Соня! Ты с ума сошла?! Это же…

— Попрание всех традиций. Размазывание моей репутации. Да и как еще меня слушаться будут. Знаю. А кто еще? Мальчишки, что ли? Феденька с Ванечкой?

Татьяна прикусила губу. А ведь и верно.

Некому. Сопливы еще племянники. Как ни странно признавать, но только у Софьи хватит и сил и решимости, и… ведь по трупам пойдет, коли надобно. А и… пусть пойдет! С Татьяны хватило ночного боя. Куда только и милосердие делось?

— Справишься?

Софья усмехнулась. Зло и насмешливо.

— До Алешкиного возвращения. А там пусть сам разбирается, ежели кого успеет помиловать.

Это она уже решила. Пусть она будет плохой, а Алексей — добрым и хорошим. У нас же вечно так! Человек может быть хорошим только при сравнении. А сама Софья может продержаться до осени, только если будет рубить головы направо и налево. И — продержится.

— Вернулись бы, — отвечая ее мыслям, вздохнула Татьяна.

Софья сделала два шага вперед.

— Тетя, — почти шепотом, только чтобы Татьяна слышала. — Отпиши Степану. Расскажи о ситуации, я тоже Алешке отпишу, надо будет, как Степан приедет, замуж тебя выдавать. Жизнь не кончается, а тебе семья нужна, дети, дом свой…

Татьяна запунцовела так, что алым даже по шее метнулось.

— Сонюшка…

— Отпиши, тетя. И начинай гонять всю эту бабью свору. Будет, что вспомнить замужней женщиной.

Татьяна усмехнулась.

— Ох и лиса ты…

А Софья того и добивалась. Скорбеть не время, потом поплачем. Жизнь продолжается и ей не плакальщица над братом нужна, а союзница. Что и получится в результате.

Софья подмигнула тетушке и решительно направилась распоряжаться насчет похорон.

* * *

Анфим Севастьянович смотрел на крепость Кинбурн.

Да, высокая. Но…

Пушечный выстрел в качестве '*здравствуйте, к вам гости*', вполне подошел. Ядро громыхнуло в стену. По ней забегали, засуетились. Можно бы вступить в бой. Сделать насыпи, размолоть стены в труху.

Можно. Только — не стоит.

Кинбурн слишком близко к планируемой границе. Эта крепость нужна им, как русский форпост. И гарнизон тут будет значительный. Ее укреплять, а не разрушать надо.

Так что пришлось поднимать белый флаг для переговоров и ехать поближе к стене.

Там парламентеров заметили и тоже махнули белым полотнищем — мол, давайте поговорим. Не прошло и получаса, как на стене появился турок.

Ферхад — паша, комендант Кинбурна.

Хитрово смотрел на него с безразличием опытного мясника, разглядывающего сотого барана. Резать? Пустить на племя? Нагулять жирок?

Кажется, турок это почувствовал. По полному, лунообразному лицу под чалмой струился пот.

— Почь…чем пожаль…

Кажется, это было, 'почто пожаловали?'. Ну — ну…

Анфим Севастьянович кивнул толмачу. Кстати — одному из царевичевых воспитанников, именем Филимон. Мальчишка открыл рот и разразился длинным приветствием, которое сам Анфим понял с седьмого на десятое. Кажется, паренек восторгался храбростью и удалью паши, желал ему всего самого наилучшего и призывал на него и его семью благословение пророка. Как-то так. С другой стороны — война ведь не повод хамить противнику?

Паша, чуть пришедший в себя после приветствия, тоже открыл рот. И тоже выдал ответную речь не короче. Минут десять они просто переговаривались, обмениваясь любезностями. Воин не торопил парня. Пусть так, если принято…

Но наконец они перешли и к делу. И паша поинтересовался, что привело храбрых русских воинов под стены его ничтожной крепости.

Юноша перевел это боярину — и мужчина кивнул.

— Скажи, что мы пришли с войной. И предлагаем ему почетную сдачу. Мы выпустим его со всеми людьми — и пусть уходит в Очаков. Мы можем взять Кинбурн. Но нам не хочется сначала рушить, а потом восстанавливать крепость и зазря класть людей. Я знаю, их тут тысячи полторы. Нас же более пяти тысяч. Они погибнут без чести и смысла.

Филимон послушно перевел сие туркам. Паша задумался — и принялся что-то говорить.

— Не соглашается.

— А ты еще раз скажи, что мы их перебьем.

Филимон кивнул. Торговаться его учить не надо было. Уже обучили. Причем — по самому жесткому методу. Голландскому. Так что следующие полчаса под стенами крепости были заняты переговорами. Турок сначала сомневался, что крепость возьмут потом прекратил юлить и согласился, что — да. Сопротивляться

глупо.

Но где гарантии?

Честное слово Анфима Севастьяновича убеждало мало — турки пока с ним не сталкивались настолько тесно. Хотя лгать мужчина не собирался.

Пусть оставляют крепость и уходят с тем, что могут утащить на себе.

Казна? Пес с ней.

Рабы? Вот рабов извольте оставить. Мы, православные, в этот поход и пошли, чтобы их освободить.

Лошади? А к чему вам там лошади? Да и не ваше это, скорее, татарское. Так ведь? Вот, а какое вам, паша, дело до татар? Вас еще и похвалят за сохранение гарнизона.

Паша, в принципе, соглашался с этим. И, поломавшись, все-таки согласился сдать Кинбурн.

Анфим Севастьянович довольно кивнул.

— Молодец, Филимон.

Парень довольно усмехнулся. Ну да. Сначала турок требовал, чтобы их не просто выпустили из крепости, но сделали это со всеми рабами, пушками, казной, и вообще — чуть ли не на руках донесли до Очакова. В отместку ему парень требовал, чтобы турки оставили в крепости все. Разве что кроме нательного белья — а то стирать его неохота. И шли сами пешочком… к Очакову. Сошлись на вполне приличном варианта — и со следующего утра началась сдача крепости.

Без единого выстрела. Без единой потери.

Собственно, и по дороге-то сюда потерь не было. Разве что татары налетали на обоз и войска. Но с башкирами шутки были плохи. На всякое действие есть свое противодействие, на вашу легкую конницу — есть другая. Решили на войско налететь? Пока вы доскачете, мы уже луки изготовим и стрелами вас утыкаем. Налетали татары и на обоз — решили пограбить. Ну, по ним и жахнули из пистолей, лучников-то там не было, а обоз комплектовался серьезно. Результат — двадцать дохлых татар, одна сломанная нога у обозного мужика — из телеги неудачно шлепнулся, у двоих раны от стрел. Всегда бы так воевать.

Хитрово назначил комендантом крепости капитана Голотвина — и решил с четырьмя тысячами человек идти дальше. А Петру Голотвину и тысячи хватит. Тем более, здесь пятьдесят пушек четыреста рабов, которых никто не пустит просто так шляться по степи…

Да и коней около двух тысяч.

А еще в окрестностях нашлись несколько стад коров, голов так в триста. — и бараньи стада общим числом более пятнадцати

тысяч.

Ну и что еще надо, чтобы пересидеть в крепости хоть десять лет?

Петру хватит, а ему надо идти вперед. И догонять Алексея Алексеевича.

* * *

Симеон в ярости бегал по комнате.

Ну где же, где все разладилось?!

Где и когда полетела под откос колесница хитроумного замысла?

Долгоруков убит, все его приспешники теперь так затаятся, что их и тараканы не найдут. Хованский… Андрей — мертв, Иван — в пыточных застенках. И молчать он там точно не станет. Все выложит. И про Симеона, и про Долгорукова… за такое наказание лишь одно — смерть.

Вот тут и пожалел 'старец', что живет в Кремле. Из города куда как легче удрать было бы. Но это надобно раньше было делать, а не сейчас, когда царевна своей волей закрыла все ворота…

Впускают сюда всех. Не выпускают никого.

А мог бы, еще как мог! Уже когда бунт проваливался, на крыльце, но ведь его там не было! Царевна Евдокия в него вцепилась не хуже репья! И оставить ее было никак нельзя, она старшему Хованскому предназначалась, так что уцелела бы в любом случае. И те, кто при ней — так же. Был бы он на крыльце, успел бы удрать. Но Симеон оставался во дворце, желая держать руку на пульсе!

Все ж таки Хованский не настолько умен, чтобы самому все без ошибок сделать. Был…

А как могло бы все хорошо получиться.

Царевна…

Да, главная беда именно в ней. В Софье.

Симеон отлично видел ее лицо, когда стреляли в Хованского, видел, как она наводила порядок, да и потом, в Кремле видел ее. Как она шла по коридорам, даже лица не прикрыв, в сопровождении пары девиц и казаков — срамота! Как распоряжалась, как говорила с боярами…

Царская дочь, что тут еще скажешь?

Волчица. Хищница, стерва…

Шестнадцатилетняя соплюшка? Да, в этом возрасте замуж выходят, но…

Чтобы его переиграла… вот эта!?

Поверить в это Симеон просто не мог. Но приходилось. А как иначе? Может, в Дьяково кто-то и оставался, но здесь и сейчас была только Софья. Сначала — лишь она. Потом уже появились ее тетки, потом Аввакум…

Симеона снова затрясло.

Да что ж такое, так все было рассчитано! Никон вносит изменения в канон, переписывая книги. Аввакум начинает ему противостоять, из него было так удобно сделать мученика, расколоть церковь на две половинки, а далее, кто знает, и свернуть в католичество, а что в результате?

Аввакум, так и не став мучеником, становится героем в глазах своих единоверцев. И не бунтует почти десять лет! Только увещевает, мирит… со всей доступной ему кротостью. А кротким он никогда не был. То есть кто-то держал его на цепи.

А сейчас, когда патриарх так обгадился — вылез! И поди ж ты! Тут не то, что Русь к католичеству привести — тут ноги б унести! Ох, не любил протопоп иезуитов. Да и смычка появляется вовсе не та — Марфа замуж за Корибута вышла, так что дети ее…

Есть шанс воспитать их в верном ключе, можно и королеву отравить, да не вышло бы как сейчас.

А сейчас получалось, что ноги б унести.

Ладно. Авось да удастся.

Симеон быстро собрал самое необходимое — деньги да пару нужных вещиц, сложил все в карман рясы — и быстрым шагом направился к выходу из дворца.

Авось да не задержат духовное лицо. А уж где и у кого спрятаться в Немецкой слободе — он найдет.

* * *

Семен и Павел сидели неподалеку от несущих охрану казаков. Собственно, караул на всех воротах выглядел так. Два казака, два стрельца, два солдата из полка Гордона, да пара воспитанников царевичевой школы. Здесь — Сенька и Пашка.

Сидели, истории травили о царевичевой школе, о своем житье — бытье.

— … есть у нас один парень, вот он всякой живности до ужаса боится. Мы однажды приходим на речку, а там лягушек — видимо — невидимо. Ну, наловили десятка два, да ночью ему в постель и выпустили! Ох, как же он кричал!

— Не выдрали вас? — поинтересовался со смешком один из стрельцов.

— Нет, дяденька. Но лягушек мы ловили, и комнату потом мы отмывали…

— А надо б выдрать!

— Так царевич хуже придумал. Сказал, что ежели мы так лягушек любим, то он от нас работу ждет. Где в природе сия тварь живет, что ест, как размножается, почему квакает… кажный день, вместо игр на пруд бегали и наблюдали. Чуть сами не заквакали…

Сенька скорчил жалобную рожицу. Мужчины хохотнули.

— Да, нас за такие проказы бы по — простому, хворостиной. А тут мудрит царевич, — усмехнулся один из казаков.

— На то и царевич, чтоб мудрить, — отозвался солдат. Но мирно, без малейшей подковырки. Сенька облегченно выдохнул. Да, чтобы в одну упряжку свести ужа, ежа и бабочку, надобно много сил и терпения. Не перегрызлись бы — и то ладно.

— Стой!

Бердыши скрестились пред носом невысокого седобородого человечка в черной рясе.

— Полоцкий, — шепнул Пашка.

Сенька поверил. Сам-то он больше к воинским делам склонялся, а вот Пашка хотел для себя стезю подьячего выбрать, так что всех и обо всех, кто при царе знал.

Симеон остановился.

— Пропустите, мне в город надобно.

— Царевна приказала никого не выпускать.

— Так я вернусь вскорости.

— Царевна приказала, — с каменным лицом повторил стражник.

Он бы и пропустил, будь один, но еще почти десяток свидетелей? Не — ет… таких неприятностей никому было не надобно. Так и в допросных подвалах окажешься, за царевной не заржавеет. Уже весь Кремль знал, что Хованского она приказала пытать нещадно.

Симеон еще покрутился, да и ушел. Пашка толкнул приятеля.

— Я к царевне, а ты здесь будь. Понял?

И умчался. Сенька кивнул. Чего ж тут не понять? Ежели кому так выбраться надобно, так ведь не зря? О таком царевне всяко сказать стоит!

* * *

Известие о Симеоне Полоцком, царевна приняла без особой радости. Пашку допустили к ней сразу же, царевна выслушала —

и задумчиво покусала кончик пера.

— Спасибо, Павел. Я запомню. Я теперь отправляйся обратно на пост. Дмитрий!

В комнату заглянул еще один из выпускников царевичевой школы, только старший — лет уже двадцати пяти от роду.

— Звали, государыня?

— Приказываю Симеона Полоцкого схватить и доставить ко мне. Вежливо.

Софья пока сидела в кабинете своего отца. Сидела, разбирала пергаменты, удивлялась количеству кляуз и прошений, но сортировала упрямо. И в том ей помогали двое ребят — Пашкиных ровесников. Это ж прочитать надобно, отложить в нужную кучку, пометить, кто и от кого, или на кого, ежели донос…

Полоцкий…

Софья сдвинула брови. Неужто без этой гадины не обошлось? Хованский покамест молчал — из злости и ненависти. Палачи клялись и божились, что за пару дней его сломают, но сколько его сообщников скрыться успеет?

Из Кремля она пока, конечно, никого не выпустит, все посты расставлены, тайные ходы… откуда б Симеону их знать?

Хотя при местной вольнице…

Только за последний час в кабинет шестеро бояр заявилось, а за дверью царских покоев куда как более толкаются. Неуютно им. Маетно…

Ничего, помучаетесь со мной, так Алешку на руках носить будете…

Ох, братец, ты только выживи да вернись!

Софья отчетливо понимала, что такой бунт не может вспыхнуть сам по себе. Вернулся бы Алешка — головы полетели бы вмиг. Отсюда вывод — что-то да сделано, чтобы он не вернулся.

Легко ли на войне несчастный случай подстроить?

Очень легко. Для солдата. А вот царя все-таки охраняют. К тому же, ежели там кто и есть — сотовых-то здесь нет, по времени не согласуешь. Даже ежели отца и отравили — все равно точную дату предугадать не могли. Так что в идеале — написать брату.

Только вот о чем?

Отца отравили, берегись?

Неубедительно.

Значит, надобно расколоть Тарараю и допросить, а лучше исповедать Долгорукова, пока еще не сдох. Но это она уже распорядилась, к нему Аввакум должен направить кого, а заодно пару ребят спрятать за дверью, пусть подслушают. И таинство

исповеди соблюдем, и дело сделаем.

И вот тогда писать брату.

— Государыня, Долгоруков преставился.

— Как…

Заглянувшая в дверь девица вздохнула.

— Рана серьезнее оказалась, чем думали, ему становый хребет перебило. Как переносить начали, думали вроде и ничего, а кровотечение открылось вмиг. И исповедаться не успел…

— Твою же ж… — не сдержалась Софья. Девица запунцовела — не привыкли на Руси к восьмиэтажным сложносочиненным конструкциям. — Свободна. Сходи, погляди, как там Хованский, да скажи, чтоб не уходили ненароком. Больше у нас никого нет.

Девица исчезла. Софья рассержено прикусила кончик пера.

Вот о чем тут писать брату? Вызывать его сюда, под удар врага?!

А пока еще письмо дойдет?

Он же не сидит в одной точке и о себе не сообщает, он где-то в Крыму…

А если он уже…

Так!

Молчать!

И нечего о таком думать!

Алексей вернется и коронуется, обязательно! Он жив, он проживет еще долго и будет великим государем. Точка.

* * *

Алексей Алексеевич тем временем смотрел на землю Крыма с корабля. Его часть отряда шла на Керчь по морю. Сначала — казачьи чайки, потом все корабли, которые были в гавани у Ромодановского.

Рядом удобно устроился Иван Морозов.

— Сколько ж нам тут дел предстоит!

Алексей кивнул.

— Да уж, захватить просто, но надо ж еще удержать, надо обжить… чтобы и духу тут всей этой турецкой нечисти не было!

— А татары?

Алексей сдвинул брови.

— А что с ними?

— В степи пахать нельзя, лучше скот водить.

— Надо что-нибудь придумать. Найдем, кто, кого… Софья придумает, кого сюда переселить так, чтобы и люди были верные, и выжить здесь смогли.

— Как-то она там…

— Зная Соню? Она справится! Что бы там ни было!

— Две галеры справа по борту!!!

Крик вахтенного матроса разнесся по судну. Алексей пригляделся.

— Действительно. Обнаглели турки. Что бы там ни случилось — но в Азовском море их больше ноги не будет!

Галеры тоже заметили противника. Но прежде, чем они решились сделать что-то — к ним устремилось два десятка 'чаек'.

А и то! Чего их отпускать? Чтобы другие галеры привели?

До ближайшей турецкой крепости еще плыть и плыть, ни к чему тут нападения. А лучше чаек ничего не придумаешь. Вместе они не то, что галеру — фрегат заклюют!

А им воевать пока никак нельзя. Взрывчатка на борту, пушки дальнобойные… дойти бы к Керчи по морю, не встревая в серьезные стычки, а уж потом…

И это Алексею Алексеевичу таки удалось.

Ни турки, ни татары не ждали такой откровенной наглости от русских. Потому, видимо, отряд и прошел невозбранно вплоть до самой крепости Керчь. А девять галер отловленных по пути — не в счет. На них и чаек хватило. Для казаков это дело было привычное, а остальные смотрели и учились.

Когда-нибудь Русь станет великой морской державой, но первые шаги надобно делать уже сейчас.

* * *

— Государыня, вот он.

Симеон Полоцкий здорово напоминал затравленную крысу. Кто-то другой не увидел бы в нем этого, но Софья, с ее опытом, подмечала и слабо подрагивающие пальцы, и слишком резкие жесты и даже опасливый взгляд на нее…

— Надеюсь, вы никуда не спешите, Самуил Емельянович?

Вот теперь старец вздрогнул, услышав свое имя — отчество. Не принято такое было, но в устах царевны… уж лучше б ругалась — безопаснее было бы.

— Государыня… я к вашим услугам.

— Тогда, полагаю, вы на меня и не обидитесь, — Софья криво усмехнулась — и кивнула казакам. — Обыскать!

Симеон дернулся, но куда там! Обыскивать казаки умели, так что через пять минут на столе выросла горка предметов. Софья принялась перебирать их.

— Кинжал. Да интересный какой, почти мизерикордия… —

действительно, тонкое, игольно — острое лезвие, было предназначено не для резки мяса. А вот вонзиться между ребер — в самый раз. Потаенное оружие. — А что у нас еще? Деньги, просто отлично. А почему три кошеля? Так ну тут золото и камни, это понятно. Не нищим убегаем. Здесь серебро и мелочь на мелкие расходы. А тут?

Симеон дернулся, но остался на месте. Софья вытряхнула на стол четыре монеты, покрутила в руках, полюбовалась на вырезы.

— А у кого двойники?

— Государыня? Не понимаю я, о чем вы…

— Ничего, палач поможет, — 'утешила' Софья. Уж Александра Дюма читали многие, и парные монеты секретом для нее не были. У тебя одна — с определенными вырезами, у меня вторая… ключ, пароль, опознавательный знак для своих. Дело житейское, этим многие баловались. Просто подбирается оригинальная монета, можно с эмалью или камушком, делаются вырезы, отверстия, договариваешься до кучи о пароле — азы шпионской азбуки.

'Приедет… и или нашпионит, как последний сукин сын…' — вспомнился Софье незабвенный Булгаковский Коровьев, он же Фагот. Ах, как же хорошо было работать свите Дьявола! Делай, что пожелаешь, а проблемы людей — это их проблемы.

И она б сейчас схватила Симеона, вздернула на дыбу, так нет же! Нельзя покамест, все ж уверены, что он добрый, хороший, чуть ли не святой. А она пока и так… шатко все, очень шатко. Нельзя ей рисковать.

— Государыня, нешто виновен я в чем?

Симеон смотрел невинно, но царевна не обратила внимания на честный открытый взгляд. Она смотрела дальше.

Пара склянок с непонятным содержимым ее заинтересовала больше остального.

— Это что?

— От сердечной боли, лекарь смешал, — отчитался Симеон.

Софья кивнула и отдала оба флакона Дмитрию.

— Отвезти Ибрагиму, пусть проверит.

— Да, государыня.

— А вы, любезнейший, расскажите мне, что у вас за нужда такая в городе объявилась, — Софья смотрела ласково, но от такой ласки морозцем по спине продирало.

— Да я к лекарю хотел наведаться в немецкую слободу, — признался Симеон. — Переволновался я за сегодня, вот и…

— Нож взяли, потому что на улицах небезопасно. Монеты — чтобы заплатить за лекарство. Склянки — для сравнения. Чтобы знал, что делать, — Софья рассуждала вслух. — Ладно. А вот это вы как объясните?

Два кошеля — большой и совсем крохотный, мягко звякнули под ее рукой. Симеон, впрочем, уже успел найти ответ.

— Государыня, я тут немного людям помогаю, вот и сегодня решил. Беспорядки же, наверняка кто-то да пострадал, а я бы деньгами и помог.

— Как это мило с вашей стороны.

Софья разозлилась всерьез. Этот ухватистый угорь просто выскальзывал из рук. Она носом чуяла, что с ним нечисто, но… что?

И как?

Можно бросить его рядом с Хованским, пытать, но… нужна или причина, или повод. Под пыткой-то человек в чем хочешь признается. Лучше сейчас не волновать народ. Опять же, у Симеона настолько хорошая репутация, что точно — тварь. Порядочных людей обычно куда как меньше любят.

— Я лично попрошу вас никуда не уходить из дворца, — Софья мило улыбнулась.

— Да, государыня…

Симеон уже понял, что вывернется, и обнаглел.

— А ежели мне лекарство понадобится?

— А на тот случай я к вам приставлю… Дмитрий, кто у нас в приемной?

— Алексашка, государыня. Алешка еще, Любимка…

— Отлично! Вот Любима и приставь!

— Государыня?

Царевичев воспитанник влетел, поклонился.

— Тебе вменяется следовать везде за старцем Симеоном, — ласково сообщила Софья, — а ежели плохо ему станет, срочно звать лекаря. Понял?

— Да, государыня.

Судя по хитрому блеску серых глаз, понял парнишка намного больше. Вот и ладненько, Софью это устроило. Симеона — явно нет, судя по благочестиво — кислому выражению лица, но на всех же не угодишь, верно?

— А вот это, — Софья повертела в руках кошелечек со 'странными' монетами, — я оставлю у себя. Дмитрий, выдать Самуилу Емельяновичу из казны четыре равные по ценности монеты.

Симеон скривился еще больше, но протестовать не решился. Раскланялся — и ушел, сопровождаемый Любимом. Софья проводила его злобной ухмылкой, смахнула в ящик стола кошелек и взялась за бумаги. Как царь умудрялся во всем этом разбираться?

Не — ет, надо здесь навести порядок. Все равно ведь

придется.

* * *

Симеон у себя в покоях, в это время клокотал от злости. Да так, что стоять рядом с ним было небезопасно.

С — сука! Дрянь, гадина, девка непотребная!!!

Вот сейчас он точно знал, кто верховодит в Дьяково. Именно она! Она…

То, как царевна держалась, как говорила… не могла так себя вести соплюшка! Его просто провоцируют… и ведь он поддастся! У него нет выбора!

Из Кремля его не выпустят, но если не станет царевны Софьи… остальные — нет. Не то. Слабы, глупы… а вот эта…

Симеон прикрыл глаза, вспоминая разговор. Софья смотрела на него, как кошка. Только вот она не играла, она всерьез была настроена его сожрать, как только появится хоть малейший повод. И сожрет.

И все вытряхнет.

Так что же делать?

Да ясно и что, и чьими руками… вот сейчас отошлем мальчишку за лекарем — и займемся. Набросать пару строчек в записке было несложно. Спрятать ее в рукав, чтобы долго не искать, как раз, пока он в свои покои шел, он нужного человечка видел — и тот за ним последовал…

Симеон достал из шкапа пузырек с зеленоватой настойкой, глотнул, сморщился от мерзкого вкуса… Выветрится быстро. А теперь…

Мужчина вскрикнул достаточно громко, чтобы паренек заглянул в комнату, застонал, схватился за сердце и сполз по стеночке.

Мальчишка влетел, пощупал пульс, от волнения стучавший с дикой скоростью, взглянул в зрачки Симеону — и помчался за Блюментростом. Ежели Полоцкий помрет раньше допроса, царевна ему голову отвернет.

Этого времени Симеону как раз хватило, чтобы выглянуть из покоев и подозвать одного из стрельцов. Письмецо ушло к своему адресату.

Есть, есть еще в Кремле и яд, и кинжалы…

* * *

— Сонюшка, ты спать сегодня собираешься?

Царевна поглядела на тетку Анну совершенно шальными глазами. Спать? Когда куча бумаг…

— Тетя, тут еще работы…

— А ежели ты свалишься, кто ее за тебя выполнит?

— А ежели я упущу что? Тетя, бунт сегодня взаправду вспыхнуть мог.

— Ежели сегодня не вспыхнул, то до завтра всяко подождет. Я приказала к тебе в покои поужинать принести. Отправляйся спать, Сонюшка…

Любого другого Софья послала бы в дальние дали. Но тетку Анну? Которая ее вырастила, любила и вообще — дала возможность вырваться из клетки? На такое окаянство Софья была не способна. А потому встала, потянулась и улыбнулась.

— Хорошо, тетушка, уже иду.

И вышла, стуча каблучками.

В светелке, которая показалась вдруг такой маленькой, она бросила взгляд на подносы с едой.

Каша с медом симпатий не вызывала. Софья ее в Дьяково-то никогда так не ела. Фу! Сахар она в кашу могла положить, но не мед. Лучше уж тогда молочка налить…

В Дьяково все знали о ее привычках, но тут она чужая. А остальное?

Ветчина выглядела аппетитно, но мясо? На ночь? Равно, как и сыр, яйца… а тут что? Кисель?

Фу!

Последний продукт Софья ненавидела всеми фибрами души. Сбитень полюбила, квас здесь был выше всяких похвал, а вот кисель… не срослось!

Да и кушать особенно не хотелось. Переживания напрочь отбивали у девушки весь аппетит. Вот в прежней жизни Софья могла смести вагон с плюшками, когда нервничала. В этой же… ее реально тошнило от переживаний. Да и вообще — все тяжелое, жирное, сладкое — на ночь?

Сейчас бы простоквашки. И ягод. Простых, без всего. В крайнем случае — печеных яблочек. Это Софья съела бы. А остальное…

Не хочется — ну и не надо!

Поднос был отодвинут в сторону — вдруг ночью нападет жор, и девушка принялась готовиться ко сну. Протерлась влажным полотенцем, подумав, что надо себе будет обеспечить банные процедуры. Надела длинную ночную рубашку, подумала — и переоделась наново. Хоть постоянно она здесь и не жила, но кое — какие вещи были. Например, комплект — рубашка —

шаровары, сшитый из тонкого льна. Специально спать в некоторые моменты жизни. Вот не начались бы они от переживаний…

Одежда была выкинута за дверь, слугам. Пусть разберутся.

Теперь помолиться и спать…

Но почему словно струна звучит внутри? Словно кто-то дергает за нерв?

Софья честно пролежала почти час, пытаясь заснуть. Безуспешно.

Перевозбужденный событиями разум отказывался расслабляться — и средство было только одно. Работа. Утомить себя до такой степени, чтобы упасть носом в документы и уснуть.

Но ежели тетя узнает…

А ежели нет?

Софья быстро оделась и выскользнула в первую комнату. Там клевали носом две служанки и две ее воспитанницы. Девушка приложила палец к губам.

— Так… Марья, пойдешь со мной. Ты, — палец царевны уткнулся в одну из служанок, похожую на царевну телосложением и цветом волос, — как тебя зовут?

— Лушка, государыня.

— Лукерья, иди в опочивальню, раздевайся и ложись на мое место. Ежели моя тетка заглянет, пусть считает, что это я сплю. Вы двое покараулите. Ясно?

Служанки закивали, у воспитанниц в глазах нарисовался вопрос, но Софья тут же его разрешила.

— Я хочу еще поработать, а тетя Анна, ежели заглянет, спуску мне не даст. А к чему лежать, бока пролеживать, коли не уснешь?

Теперь проявилось и понимание. Лушка послушно направилась в спальню, Марья заняла свое место — на два шага позади Софьи. Оставшиеся девушки всем видом выразили желание послужить на благо родины. И Софья тихонько выглянула из покоев.

Ох рано, встает охрана…

А если точнее — спит на посту. Дремали и стрельцы, и казаки… ну, это и понятно. Такой день любого вымотает, это у нее пропеллер в… копчике. Никто и глаз не приоткрыл, когда две тени скользнули прочь, к покоям царевича. В царские Софья соваться не рискнула, а вот к Алексею Алексеевичу — спокойно. А поработать там тоже было над чем. Даже со Строгановым разобраться или почитать письма от иностранных ученых — о русских условиях становилось известно в Европе. И кто ж не захочет приехать на полное обеспечение, да с большим жалованьем, да всего при одном условии? Заниматься любимой

работой, при этом обучая не менее трех учеников, которых оплатят из казны?

Так что писали царевичу многие. А еще доносы, челобитные, грамотки от выпускников Школы… Письма в Дьяково переправлять не успевали.

Вот сейчас и почитаем, и отсеем…

Софья удобно устроилась в большом кресле, кивнула Марье.

— Бери себе стопку и начинай. Что я требую — ты знаешь. Грифель слева.

Марья кивнула. Чего ж не знать… поработаем. Спать, конечно, хочется, но царевна бодрствует, а значит, и ей надобно. Конечно, государыня поймет, и спать ее отпустит, но…

Карьеризм у девушек был в крови, а кому не хватало — в тех Софья его тщательно воспитывала. И оказаться полезной государыне для Марьи было важнее, чем выспаться.

Поработаем…

* * *

Яков Федорович Долгоруков ждал.

Да, род Долгоруковых был обширен, силен и богат. А Софья не сообразила сразу приказать схватить их всех. Да и мало ли…

Ну, кричал один дурак, так не все же? И обидного ничего не кричал, просто надо было напугать людей… считай, жертва бунта.

Софья не знала, кто травил отца, Хованский покамест молчал, вот так и вышло, что Яков Федорович остался на свободе. А поскольку был он так же стольником царским…

Так в царевнином ужине яд и очутился.

Увы — зря.

Царевна к нему не притронулась, особливо к каше с медом, в которой была его часть и к киселю. Служанки бы не удержались, но не рядом же с царевниными воспитанницами!

Яков честно ждал несколько часов, понимая, что ежели царевне станет плохо… этот яд не мгновенный, успеют лекаря кликнуть… но все было тихо в Кремле.

Спать легла? Во сне умерла?

Нет, от такой рези в желудке мертвый вскочит!

Значит, не тронула, надо браться за ножи.

Беда в другом — наблюдать за царевниными покоями он не мог. Неоткуда. Не та планировка. А потому и ухода Софьи не заметил.

Равно как и охранники не заметили легкого снотворного в

принесенном им кувшине кваса. Не так, чтобы усыпить глубоко. Но погрузить в дрему, которую сильный человек легко одолеет — вполне. А там возьмет свое и усталость, и нервы…

Потому-то Софье и удалось легко выскользнуть из покоев. И неладного она не заподозрила.

Охрана тоже ничего не подозревала до последнего момента. Пока десяток людей не напал на них.

Казаки умерли первыми, за ними стрельцы.

Вскочили, заметались в покоях служанки, Аксинья, царевнина воспитанница, взметнулась, услышав за дверью голоса, ринулась за занавесь и притихла там мышкой.

Дверь просто выломали — и внутрь ворвались тати. Оставшаяся служанка заметалась, закричала, но мужчины быстро расправились с девушкой, ворвались в царевнину опочивальню, сгоряча прирезали вторую — и в недоумении замерли над трупом.

Царевны не было.

А где она могла быть?

Поздно!

Аксинья не зря воспитывалась у Софьи. Это сейчас ее проскочили, а спустя пять минут… она взглянула из-за драпировки.

Всего два человека, остальные в опочивальне.

И девушка скользнула мышкой в выломанную дверь.

Подвернулась деревяшка под ногой, на стук обернулись тати… но поздно, слишком поздно.

Девушка уже неслась по коридору, крича во все горло:

— Убийство!!! Тати на царевну напали!!! Убийство!!!

Удар ножа оборвал крик, но поздно, слишком поздно.

Уже услышали, уже засуетились, уже бежали люди… и заговорщики растерялись. Им бы смешаться с толпой, им бы крикнуть, ищи татя… Вместо этого Долгоруков приготовился обороняться, чем и подписал себе приговор. Что другое, а воевать стрельцы умели.

Татей уверенно загнали в покои, кого ранили, кого посбивали с ног, добавили бердышами, особливо увидев своих же мертвых товарищей…

Прибежала царевна Анна — и в ужасе вскрикнула, глядя на тела. Потом превозмогла себя, наклонилась…

— Сонюшки тут нет!

Толпа (и откуда только их натягивает на место происшествия) зашумела, бояре переговаривались — мол, царевна-то по ночам где-то шляется, не блудит ли с кем? А с кем? Кто счастливец?

Причитали какие-то девки, злобно ругались тати, одним словом — все были при деле.

— Что тут происходит?

Софья не орала, нет. Но искусство говорить она освоила в полной мере. И говорила так, что ее слышали за версту. Бояре мигом замолкли и расступились, сверля царевну взглядами.

Но — нет.

Ни беспорядка в одежде, ничего… разве что пара пятен от чернил. Но это-то понятно, ежели ты пишешь что, а во дворце раненой выпью заорут! Тут не то, что чернильницу — ведро опрокинешь.

Первым, как ни странно, прокашлялся Василий Голицын.

— Государыня, тут тати ночные хотели…

— На меня покуситься?

Софья насмешливо разглядывала всю картину.

— Так, татей мне не портить, оставьте палачу! И кто у нас тут? Ба, Долгоруков, радость-то какая. Так… Демьян! — имя десятника Софья отлично помнила. — Давай, живой ногой к своим — и чтобы сегодня же все Долгоруковы в разбойном приказе сидели. Вообще все. Жены, дети, девки дворовые… понял?

Демьян поклонился — и исчез с царских глаз. Принялись рассасываться и бояре, замешкался один Голицын, но после насмешливого взгляда Софьи стушевался — и бочком, бочком исчез в коридорах.

— М — да, не поспала ночь — и пес с ней, — Софья задумчиво откинула назад косу. — Тащим этих умников в пыточную, сейчас разбираться будем. Кто, за что… — и совсем тихо, — кому я еще куда не угодила…

* * *

На разборки ушла вся ночь. А утром, шатающаяся от усталости Софья, пропустив молитву, заявилась к царской трапезе. Царица, царевны и даже царевич Владимир встретили ее одинаковым выражением напряженного внимания. Софья сделала ребенку козу и устало уселась на свое место.

— Завтракать будем?

— Соня!

Тетка Татьяна сверкнула глазами. Племянница послала ей невинную улыбку.

— Без завтрака — не расскажу.

Пришлось всем ждать, пока девушка не наполнит тарелку и

не проглотит хотя бы пару ложек. А уж потом…

— Что я могу рассказать, — Софья смотрела устало, под глазами залегли синие тени. — Имена сейчас перечислять не буду, но государь был убит.

— Как!?

Ахнул в едином порыве весь стол. Да и слуги навострили уши.

— Вот так. Его отравил Михайла Долгоруков. Собственно, там почти все семейство в заговоре. Долгоруковы, Хованские, еще кое-кто по мелочи… Отца отравить, Алексея убить, на трон сел бы Хованский. А дальше… смуту все помнят?

И помнили, и не радовались.

— Это еще не вся интрига. Стоят за ними иезуиты.

— Как?!

Теперь удивлялась только тетка Анна.

— Тетя, милая, мы ведь их сюда не пускаем. Вот и лезут. Один Полоцкий чего стоит…

— Святой человек, — нахмурилась царевна Евдокия.

Софья только фыркнула на старшую сестру.

— Святой? Не будь легковерной, он гад лицемерный… Тьфу! Стихами тут уже заговорила! Он учился у иезуитов — и им же верен и остался. Идея была неплохая. Не пускают? И не надобно, они просто царей на свой лад воспитают… отсюда и Академия… Симеону не удались его планы из-за Дьяково.

Женщины понимающе закивали.

— Но к царю он был приближен. А когда понял, что влияние потерял и его попросят в ближайшее время — решил, что просто надо найти нового царя.

— Сонюшка, это же ужасно…

Софья пожала плечами, глядя на Любаву.

— Ужасно было бы, ежели б мы вчера не успели, а тебя с ребенком бы стрельцы закололи. Вот тогда — да. Ужас. А сегодня уже все в порядке. Конечно, всех заговорщиков мы пока не выловили, но основных уже допрашивают, палачи у нас опытные…

— А потом?

Софья пожала плечами, отправляя в рот ложку красной икры. Вкусно… Это вам не соевый продукт из неясно чего слепленный.

— Дуняша, а что потом? Алешка казнит, как приедет — и все дела.

— Алексей? Не ты?

Софья пожала плечами.

Кое — кого она и сама, конечно. Но основные фигуранты пусть дождутся брата.

— Разберемся…

* * *

Алексей смотрел на стены Керчи.

Да, Керчь.

Какая она?

Величественная.

Внушающая уважение. А если уж более приземленно — с очень толстыми стенами и большим количеством пушек. И все они ориентированы на море. Острые скалы вздымаются вверх, словно хищные клыки — и продолжая их, вверх возносятся мощные стены.

Хороша! Восхитительно хороша… Алексей смотрел на Керчь почти влюбленными глазами.

Как-то вот с суши Керчь еще ни разу не брали. Пытались, конечно, но даже не доходили до нужного места. Погуляй-ка по степи, с татарскими отрядами на плечах, да без воды. А они вот дошли. Высадились на берег в одном дне пути — и проделали марш — бросок.

И теперь перед ними лежала крепость. Как на ладони.

Местность гористая, сложная, пушки тут…

Да не нужны тут пушки. Сильно — не нужны.

Алексей ждал.

В этот раз они с Иваном Морозовым разделились. Иван должен был подойти к Керчи по морю — и открыть огонь. Пусть отвлекутся, пусть дадут им возможность подойти по суше. А дальше…

А что может быть дальше?

Это раньше были определенные сложности. Толщина стен — четыре — пять метров, пушками их продолбить — с ума сойдешь. К тому же защитники стены тоже дремать не станут и начнут сопротивляться. И потянулась волынка. Копать подземный ход, закладывать мину, потом еще как та стена обрушится…

Сейчас же проблем не было. Динамит, как назвала его Софья, мог снести стену без подземного хода. Прикрепил — и удирай. И никаких материальных затрат. Ну, дорогое, конечно, да время и жизни человеческие дороже стоят.

Взорвать стену, войти в город — и убивать всех на своем пути. Десять тысяч человек — это много или мало? В Керчи, конечно, не намного меньше, но у них будет преимущество внезапности, будут еще кое — какие сюрпризы…

Главная проблема заключалась в другом. Как пройти к

городу, не вызвав тревоги? Все-таки десять тысяч человек — не иголка. Пушек они с собой не взяли, и ни к чему, не в этой местности. Зато с собой у них взрывчатка, ручные гранаты, все, что может пригодиться для войны в городе. Они даже обоз не взяли.

Вперед ушли пятьсот человек, которые зачистили округу от всех татар, а за ними пошло и все войско. С запасом пищи на три дня для каждого. Да, не Бог весть что, но вода здесь есть, а значит, ром, сухари, вяленое мясо…

Прожить можно.

Теперь надо было ждать сигнала.

И, словно отвечая мыслям Алексея, с моря донеслись выстрелы.

* * *

Иван Морозов смотрел на Керчь с моря. И ему она казалась очень неприступной.

С другой стороны…

У них были пушки нового образца. Это чего-то да стоит.

У них был греческий огонь.

И им не надо было захватывать город, им надо было продержаться. А если так…

В крепости их заметили, забегали, засуетились… и Иван ждать не стал.

— Огонь!!!

Первая пушка тяжело рявкнула, откатываясь назад. Ядро пролетело с диким воем, ударило в стену, оставило серьезную выбоину, но ведь надо-то больше! И следующий выстрел пушкари скорректировали. Новые дальнобойные пушки позволяли стрелять с хорошего расстояния, на которое не достреливали пушки крепости, так что корабли, фактически, уничтожали противника, оставаясь безнаказанными.

Несколько кораблей, которые были в Павловском заливе, русские даже расстреливать не стали — ими с удовольствием занялись казачьи 'чайки'. Благо — легкие, быстрые, попасть в них сложно, а народу они могут нести много. Сам же Иван приказал прицельно расстреливал пушки Керчи.

Захватывать крепость он не собирался, этим займется Алексей Алексеевич.

* * *

Царевич честно ждал два часа. Когда отдельное рявканье пушек перешло в сплошную канонаду, только тогда он дал отмашку своим людям.

Задача была не из сложный. Подойти под стены Керчи, закрепить бомбу, уйти. Но где же обойдется без 'троянских коньков'?

В частности — без вездесущего Петьки?

Мальчишка снова вызвался пойти во взрывной команде, как бы опасно это ни было. Хотя — опасно ли? Турки сейчас ничего не замечали, часовые отвлеклись, о тщательном патрулировании и речи не шло. Да и не приходило никому в голову, что кто-то может взять Керчь — с суши!

Потому-то сейчас все и прошло ладно да гладко.

Заложили бомбу, активировали взрыватель, сами успели отойти и укрыться — и тут жахнуло. Да куда как душевнее — в этот раз взрывчатки было еще больше. В стене образовался неплохой такой пролом, в который и пошли строем русские войска.

Сопротивление?

Помилуйте, о чем речь?

И не такой уж большой гарнизон был у Керчи, и сосредоточен он сейчас был на противоположной стене, там, где бесчинствовали пушки Ивана Морозова, да и когда рядом с тобой такое бухает… ну тут невольно будешь оглушен. Да и летящие осколки камней здоровья не добавят.

Так что сопротивления почти не было.

— Григорий — налево, Анфим — направо, я прямо, — скомандовал царевич. Войско поделилось на три части — и мужчины направились, куда указано. К казармам, к пороховому складу, к порту…

Надо сказать, что турки сражались — те, кто смог, кто успел. А в остальном…

Зачистка — дело привычное. Солдаты шли по улицам, проверяли дома, всех мужчин немедленно либо убивали при попытке сопротивления, либо связывали, так же поступали и с женщинами. С рабов тут же срывали ошейники, кое-кто хватал оружие — и дальше шел за войском.

Турки сопротивлялись бы куда как интенсивнее, но Керчь никогда не брали с суши. Неудобно, не подойдешь, не поставишь пушки, чтобы обрушить стену, да и татары — надежные сторожевые псы.

Не было ранее взрывчатки подобной мощности, да и возможности у русских не было. А сейчас, при соединении одного и второго, получались замечательные результаты.

Столкнулся с организованным сопротивлением Анфим Севастьянович — у казарм. Ну как — организованным? Четыре сотни янычар — и почти тысяча русских?

Янычар положили почти всех, оставшихся чуть ногами не затоптали. Хотя и у Хитрово потери составили чуть ли не пятую часть отряда. Зато пороховой склад удалось захватить без проблем — и Косагов твердо решил не отходить оттуда. Не дай Бог, какая шельма факел кинет куда не надо!

Алексею Алексеевичу пришлось сложнее всех.

На стене, обращенной к морю, на тот момент была сосредоточена самая боеспособная часть керченского гарнизона. И приказа 'на штурм!!!' русские войска ждать не стали. Они просто ринулись на врага с тыла, вопя что-то бессвязное, сливающееся в единое многоголосое 'Урррааааа!'.

Стоит отдать должное мужеству турок — они отчаянно сопротивлялись, но куда там! Посопротивляешься тут, когда с моря обстрел ведется уж вовсе нагло, а гавань входят корабли, один за другим, казаки высаживаются на берег и лезут штурмовать равелин, а отогнать-то их и не получается — с другой стороны тоже русские!

К вечеру Керчь была взята. Русским досталась богатая добыча, почти тысяча пленных турок и две тысячи освобожденных рабов. Да и несколько галер, которые так и не успели выйти из гавани. Слишком разленились экипажи.

Так что спать в эту ночь завоевателям не пришлось. Работали все, не покладая рук. В городе требовалось навести порядок, заделать стену, устроить ревизию, поставить всюду своих людей, проследить, чтобы никто никого не обижал… Турок, в принципе, и жалко-то не было, как и пленных татар, но… не уничтожать же рабочую силу!?

Ни в коем разе!

* * *

— Вань, ты тут комендантом останешься?

— И отпустить тебя дальше одного? Ни за что!

— А что в этом такого страшного? На полуострове уже наших больше, чем чужих.

— Лешка, хоть ты и царевич, но это не обсуждается. От несчастного случая никто не убережется, а как я Соне в глаза смотреть буду, ежели с тобой что? А меня и рядом не было? Она ж мне голову отгрызет!

— Не отгрызет. Она тебя любит.

— Э, нет. Любит она тебя, а меня… я для нее, как брат.

— Ой ли? — Алексей весело прищурился. — Вань, ты ее любишь?

— Люблю.

— Так женись!

— И кто мне даст?

— Так я и дам. Отец мой не вечен, так что… потом все в твоих руках будет. Да и смерти отца ждать не стоит. Вон, тетка Анна довольна — счастлива, детей прижила. Тетка Татьяна ее путем пойти собирается. Ежели что — неуж твоя матушка ваших детей не примет?

— Она-то примет, но мне Сонюшку неволить неохота.

— А поговорить с ней ты не пробовал?

— А ежели откажет?

— Я сам с ней тогда поговорю.

— Леш… давай мы сами разберемся?

— Год времени даю, потом помогать буду. Понял?

Ваня сверкнул на приятеля глазами. Ладно, вот придет время — разберутся. А пока…

— Так дальше мы куда идем?

— Вы — вдоль берега, мы — по берегу. Кафа, Балаклава, Бахчисарай… а там и с Иваном Сирко встретимся.

— Вот кому бы на Сечи быть…

Алексей покачал головой.

— Вань… воин он от Бога, да вот беда — характерник. Им править нельзя, не тот склад. Он за свою родину стоять счастлив будет, но править Стенька должен. Да и лет уж Ивану сколько… пусть Степан сначала на него опирается, опосля уже и сам во всю мощь встанет.

— Не боишься, что потом отколется?

— Нет. Ежели уйдут они от нас — на них мигом хищники найдутся. Да и кровь не водица. Недаром мы за него тетку Татьяну отдавать хотим, привяжет она его крепче любой веревки.

— А Иван в пользу сына не начнет…?

— Так и дети у него… все в отца — волка. Им стаю водить, а не землю холить. Нет, Ваня, тут все верно рассчитано. Скажи, поведешь ты флот далее?

— Попробую…

— А я с войсками по суше пойду. С — степь…

— Не нравится тебе тут…

— Да и тебе ведь тоже. Домой хочется, на Русь — матушку…

Юноши переглянулись, давя тоскливый вздох. Сколь ты земель не повидай, а все одно, ничего нет на свете краше родины…

* * *

На родине тем временем скучать не приходилось никому.

Софья лично спускалась в пыточную. Выходила белее мела, с черными кругами вокруг глаз, потом долго блевала у себя в покоях, терлась куском ткани, пытаясь убрать мерзостный запах, но ничего не помогало. Он ей всюду чудился.

Царская семья смотрела на нее с сочувствием, бояре с ужасом, Софье все было безразлично.

Никто иной не мог сейчас взять в руки все нити и как следует цыкнуть на распоясавшуюся вольницу.

Алексея Михайловича Романова хоронили на следующий день после бунта. Молитвы читали и патриарх — и Аввакум, который-таки стал народным героем. Софья подозревала, что следующего патриарха они вместе подбирать будут. Аввакума бы, да не пойдет.

Вся царская семья, в том числе и спешно привезенные из Дьяково младшие царевичи, и все имеющиеся в наличии царевны, шла за гробом. И рыдали, кстати, от души.

Единственное, что Софья позволила сестрам — это легкие вуали на лица. А в остальном…

Отца проводить надобно. А от своего же, русского народа закрываться? Глупость сие несусветная. Да и клетки ломать надобно, иначе так всю жизнь и просидишь, и не чирикнешь.

Конечно, Евдокия устроила бунт.

— Сонька, ты что?! Вконец с ума спятила!?

Софья зевнула, поднялась на кровати… пять утра? Шесть? И кто из них еще спятил!?

Вчера ее едва не убили, а сегодня эта дурища скандалы устраивает?

— Дунька, ты на себя в зеркало смотрела?

Царевна Евдокия замялась.

— А…

— Бэ! Только что петухи пропели, а ты тут ходишь, верещишь? Дала бы мне хоть чуть поспать!

По мнению Софьи, она спала не более трех часов. Хорошо хоть молодой организм быстро восстанавливал силы.

— Ты распорядилась, чтобы мы готовы были к заутрене?! А потом отца пойдем провожать по Москве?!

Софья кивнула. Ну да, вчера распорядилась. И что?

— Грех сие!

— Отца проводить?!

— С незакрытыми лицами на люди! Срамота!

— Тьфу! Дурища!

Софья едва в сестру подушкой не запустила. Скандалы та закатывать будет, овца нестриженная! И из-за чего!? Можно подумать, ее как леди Годиву, по Москве на лошади уговаривают проехаться в одной прическе. Так нет же! Тряпок накручено — на шестерых хватит, а если по двадцать первому веку — то и на десяток девчонок. Но понтов!

Надо ж показать, что она старшая!

— Значит так, — Софья вылезла из-под покрывала и двинулась умываться, все равно больше, чем полчаса подремать бы не удалось. — Мы. Все. Идем. За. Отцовским. Гробом. Ясно?

Евдокия невольно кивнула. Слова падали увесисто, не хуже бетонных плит. Даже жутковато как-то становилось. И от тона, и от холодных, слегка прищуренных глаз сестры.

— Если ты не идешь — значит, ты не Романова! Выбирай сама.

— А ежели чей глаз дурной!?

Куда тебе еще дурее быть? — хотелось спросить Софье. Проглотила. И вместо этого вежливо поинтересовалась:

— Ты что, сестричка, в сглазы веришь? Так с этим тебе к протопопу Аввакуму, он разберется.

И резко хлопнула в ладоши. Девушек долго ждать не пришлось, мигом одна в дверь заглянула.

— Проводи сестрицу мою к Аввакуму, — приказала Софья. — А мне чашку кофе и отчет. Дуня, если батюшка скажет, что неприлично мной задуманное — можешь не идти.

Евдокия кивнула и отправилась к Аввакуму. Оно и правильно, еще бы минут десять — и Софья б ее пинками выгнала, а сие урон царской чести. Вот ведь… что бывает, когда ребенком не занимаются! Могла бы быть как Марфа, а так… полная Дунька! С кикой!

Отчет был прост. Народ горюет о государе, преступники пока не раскололись, старец Симеон еще два раза пытался выйти из дворца…

— Взять и к преступникам, — решила Софья. — Пока не пытать, а там посмотрим.

— Старец же…

— Они с моим отцом в один год родились. Не рано ли Симеона старцем назвали?

Девушка хлопнула ресницами и ушла исполнять приказ. А Софья допила кофе и направилась одеваться.

Сегодня будет длинный день.

* * *

И он-таки был длинным. Софья помнила все, как сквозь воду. Отпевание в церкви, сочувствующие лица людей, Любава, которая едва раза три не упала в обморок, но и увести ее не представлялось возможным, заплаканные лица младших…

Да, вот так и становятся старшей сестрой — осознав свою ответственность за других.

Хоронить Алексея Михайловича предстояло в Архангельском соборе — и вся его семья шла за гробом. Софья вела за руки младших детей — Ивана и Феодосию, и так же поступили царевны Анна и Татьяна. Дети жались к ним, словно осиротевшие птенцы, да так ведь оно и было.

Мать, теперь вот, отец…

Романовы плакали, не стесняясь — и так же плакал народ. Никто не вспоминал о приличиях в этот миг. Алексея Михайловича любили.

Софья шла.

Разум работал словно бы отдельно от нее…

А будут ли так любить Алешку? Что надо для этого сделать? Хотя и так ясно. Белое особенно бело на фоне черных клякс. Неужто мне придется стать такой кляксой? Тяжко…

Ладно, ради брата я и не на то пойду. Я — сильная. Я — справлюсь.

Плакали, не скрываясь, бояре, рыдали плакальщицы — черницы, плакал народ на улицах… когда гроб занял свое место, Софья с красного крыльца обратилась к людям.

— Люди добрые! Осиротели мы с вами сегодня! Злой рукой отравлен мой батюшка! По обычаю надобно нового царя на царство провозглашать, да только брат мой старший, Алексей Алексеевич в чужих землях ноне воюет! Как только вернется он, так и шапкой Мономаховой увенчается, а до той поры обещаю, что сберегу для него трон. Никто из супостатов на него не сядет, а порукой в том моя жизнь и мое слово! Царевны Софьи Алекссевны!

Ее слушали молча, глядели подозрительно. Софья выдохнула. Ежели сейчас она это не переломит…

— Что скажете, люди добрые?! Хотите ли себе в правители Алексея Алексеевича?!

— Хотим! Любо! Романова на царство! — взвилось в разных концах площади несколько голосов — и словно стронувшись с места площадь загудела, заволновалась…

Любо!

Софья отвесила поясной поклон.

— Тогда быть по вашему слову! Как только брат мой с басурманами погаными разберется да домой вернется — сразу же

коронован будет! Покамест же его нет, не могу я Русь православную доверить боярам! Вчера только бунт поднять пытались! Ночью меня убить хотели, а ну как далее на братьев моих или сестер покушаться будут? Не позволю! Родные мои еще малы, царица в слезах, по мужу любимому убивается, — тут Софья даже и не преувеличила. Идущая за гробом Любава так заливалась слезами, что даже плакальщицы поглядывали уважительно. Естественно, народ это заметил. — Я вами править не буду, я лишь брата дождусь.

Вот теперь был гул. И был он явно одобрительным. На том Софья развернулась и ушла с крыльца.

Предстояло работать, работать и работать…

Кадры! Полцарства за кадры, все равно с умными людями я его обратно пригребу!

Так мало было выпусков из школы! Их бы в десять раз больше… да и тогда еще мало было бы!

* * *

Алексей Алексеевич планировал покинуть Керчь через декаду — как следует отоспавшись и дав роздых войскам. Не успел.

Утром шестого дня на горизонте показался турецкий флот. Хотя сильный ли?

Нельзя сказать, чтобы слабый — три с лишним десятка галер, галиоты, мелкие фелюги… неприятности доставить может. Но…

Иван Морозов бросил взгляд на друга, получил кивок — мол, отпускаю — и помчался в порт. На корабль.

Алексей Алексеевич тоже отправился на стену, к пушкарям. И еще — отдал приказ. Сменить флаг!

На турецкий!

Бесчестье?!

Э, нет! Военный маневр! Бесчестье — это своих без малейшей помощи бросить. Понятно ж — коли турки поймут, что Керчь захвачена — они поодаль держаться будут. А коли не поймут — так может, и удастся кого из нехристей ядрами достать?

Алексей Алексеевич и собирался это обеспечить.

Турки медленно приближались, часа через три — четыре они будут здесь. Благо, ветер им благоприятствовал, но в меру. То дул, то начинался штиль — и паруса кораблей обвисали.

За это время надо было собраться, выйти из-за удобного мыса — и встретить врага.

Благо, команды искать не пришлось. Отдых — отдыхом, а на корабле люди всегда быть должны. Да и никакого вина или, не

дай Бог, грабежей, в Керчи не было. Алексей Алексеевич туда пришел не за добычей. Он пришел присоединять Керчь к своему царству.

Так что на кораблях играли тревогу, канониры готовились к бою, моряки проверяли оружие…

— Справимся? — Ваня смотрел на Поля Мелье — и марселец кивнул.

— А то ж нет, принц? Справимся! Прикажете выйти им навстречу?

— А лучше…

— Там маневр осуществить можно, а здесь нас пушками могут прикрыть.

— А лучше что?

— Лучше б их сюда под пушки подманить, когда они обо всем позабудут, — ухмыльнулся мужчина.

Иван кивнул.

— Действуй.

И русский флот медленно начал выходить из природной Керченской гавани. Турки шли им навстречу, медленно выстраиваясь в линию, русские суда повторяли их маневр. Теперь уже можно было их подсчитать, хоть и в подзорную трубу.

Свои силы Ваня знал — десяток галер, шестнадцать мелких кораблей и полсотни 'чаек'. А вот навстречу ему медленно и уверенно выходили…

Один, два…

Пятнадцать галер, более тридцати галиотов, с десяток всякой мелочи… так, мелких кораблей у них почти нет. Это хорошо. А остальное?

Ваня мог бы сейчас отдать команду — уйти.

Он понимал, что это будет правильно. Наверное. Часть флота они здесь точно загубят, но разве можно уйти? Здесь уже пролилась кровь православная, это уже *их* крепость. Никак ее нельзя оставлять.

— Командуйте, принц?

Боцман подкрался кошкой, серые глаза смотрели с обветренного лица, Ваня глубоко вздохнул.

Командуйте!

Да, он тут старший — по титулу. И даже по званию. А по опыту?

А опыт — вот он, стоит рядом с неизменной короткой трубочкой во рту. И коли Ваня ему не доверится — дураком будет, Ведь не знает же ничего, а туда же! Нет урона чести в том, чтобы довериться более опытному или сознаться в своем незнании. Есть урон в том, что ты умным себя назовешь, а

дураком окажешься. И вот этого Ваня не хотел.

— Месье Мелье…

— Просто Поль.

— Поль… принимай командование над кораблем? А заодно — командуй эскадрой!

Ваня смотрел серьезно. А что? Успел он уже оценить боцмана. И на учениях, и пока они сюда шли… чего уж! Казаки, кои к иноземцам относились неласково — и те не брезговали с ним чарку выпить, байки потравить, матросы слушались беспрекословно…

Поль прищурился.

— В уме ли ты, принц?

— Мы ведь этого не умеем ничего… а у тебя опыт есть, в сражениях участвовал, ты сам рассказывал.

— Я ж не офицер. Тут кто поумнее нужен, чтоб маневром командовал. Загублю корабли — что делать будем?

— Все на мне будет. Тебе приказ написать — или кровью подписаться?

Поль глубоко вздохнул. Посмотрел на небо, на море… Отплатить османам хотелось. И Морозова он узнать успел — такой не будет за чужую спину прятаться. Опять же, по кораблям преимущество у Османов, а вот по орудиям — пожалуй, что и у них… Не по числу, нет. По качеству, дальнобойности, скорострельности…

Есть шансы потрепыхаться.

— Помни свои слова, принц.

— Принимаешь?

Синие глаза встречаются с серыми.

— Принимаю командование. Идем на сближение!

Иван что есть мочи проорал команду, понимая, что сейчас нет времени объяснять всем. Пусть Поль командует под его лицом, там разберемся.

Корабли медленно сходились, турки выстраивались в кильватер и принялись делиться на две части, обходя русский флот с двух сторон и пытаясь зажать его в клещи.

Поль, углядев сей маневр, скомандовал выстраиваться клином, чтобы ударить по центру, прорвать турецкий строй, разметать мелочь, казаки прянули в стороны своими чайками — им-то было куда как легче. Они ударят в спины…

Ветер, к сожалению, благоприятствовал туркам, но это не повод отступать! Пусть на русских кораблях матросы не так умелы, но старательности у них хватает. И желания драться — тоже. А иногда это было важнее.

Вот рявкнула первая пушка, пристреляться. Турки не

утерпели первыми, русские ответили — и тут же осознали свое преимущество. Русские пушки достреливали туда, куда не добивали пока турецкие! Этим и воспользовались русские канониры, стреляя, что есть ядер. Пушки окатывали морской водой — и опять стреляли. И воздавали хвалу привезшему орудия царевичу. Так их, нехристей!

* * *

Командующий турецким флотом, Пири — паша, был весьма недоволен. А кто бы был счастлив на его месте? Азовское море — тихий и уютный турецкий кармашек, внезапно ощетинился чужими кораблями. То есть изначально-то это были турецкие корабли, определенно, но сейчас над ними веял белый флаг с косым синим крестом. Пири — паша не знал, что это Андреевский флаг и уж подавно не догадывался, как, покатываясь со смеху, его рисовала царевна Софья, но что-то внутри нехорошо екнуло.

Ну, не был паша великим полководцем, далеко ему было до Хайреддина Барбароссы или даже до знаменитых Пири — реиса, Сейида Али — реиса… что поделать? Да, Османский флот был велик и могущественен, но часто на ключевые посты назначали людей уже не по заслугам, а по протекции. А уж в такую глушь, где только и надо-то было казаков гонять — тем более!

И откуда тут взялось такое количество чужаков?!

А главное — почему молчат пушки Керчи?!

Хотя… да, пока что они далековато для пушек. Но зачем они здесь?

Хотя понятно зачем. Хотят взять крепость… глупцы! Да их отсюда сейчас прогнать — и забыть! Ногами запинать!

Рявкнула первая пушка, но ядро шлепнулось в воду в пятистах метрах от чужаков. А в следующий миг рявкнули их пушки.

Аллах!

Пири — паша был поражен. Ядра летели пусть не всегда точно в цель, но дальность и скорострельность пушек противника превосходила те, что имелись на его кораблях. Они еще не достреливали до противника, а тот уже палил вовсю. Вот начала уходить под воду фелюга, пробитая ядром. Над головой паши рявкнуло — и он обнаружил здоровущую дыру в парусе.

Ситуация становилась… неприятной.

Хорошо, что он шел не в первых рядах, потому что первый корабль уже потерпел крон от этих детей иблиса, на палубе

галеры 'Жемчужина халифа' черным дымом чадили костры… что у них с ядрами?!

Почему никак не потушат огонь?!

Что верно, то верно, у турок до сих пор в ходу были каменные ядра, а вот Алексей Алексеевич и Софья не пожалели денег на оружие. В том числе и на обыкновенные бомбы…

А еще — глиняные ядра, внутри которых и содержалось дьявольское снадобье. Десяток глиняных ядер, одно зажигательное — и о корабле можно не беспокоиться. Ему будет не до стрельбы, за борт бы попрыгать, пока все не погорят! Великая вещь — брандскугели!

Русские выстраивались острым клином, собираясь то ли перекрыть ветер, то ли просто занять более выгодную позицию, то ли…

От обилия идей у Пири — паши ум за разум заходил!

Ну кто их поймет — этих неверных, не знающих истинного пророка!? Ладно, можно попробовать оттеснить их к Керчи, а там ими займутся береговые батареи.

Впрочем, Поль и не собирался просвещать Пири — пашу. Он собирался сначала как следует расстрелять турецкие корабли, а потом вступить в схватки. Абордаж — штука такая… там выигрывают не более опытные моряки, а более умелые вояки. А уж таких на русских кораблях хватало!

Тем временем…

* * *

Может ли больно ужалить пчела?

Вполне. Укус может быть даже смертельным, ежели выбрать нужное место. Например, язык. Или гортань.

И этим собирались заняться две казачьих чайки. Когда турецкий флот начал перестраиваться, они, согласно приказу, направились в разные стороны, так, чтобы оказаться за крыльями турецкого построения. Так легче достать корабли.

Греческий огонь — штука такая… скажите, а как поведет себя собака, у которой на хвосте загорится пламя?

Флагман узнать было несложно. Знамя, опять же, размеры, украшения… но на всякий случай был выбран и еще один корабль. И казаки спокойно и серьезно готовились.

Готовились вместе с ними и два троянских конька, по одному на каждую 'чайку'. Павел и Илья. Казаки чертовски не хотели брать мальчишек в бой, тем более, на брандеры, но выбора не было.

Чайки, конечно, было жалко. Но с них давно сняли все оружие, оставили только бочки с дьявольским снадобьем… ладно уж!

С турок втрое возьмем!

Пока еще перестреливались большие корабли, на мелочь мало кто обращал внимание. Турецкие фелюги, конечно, пытались подойти поближе, но не дураки ж русские — оставлять брандеры без защиты?

Отогнать противника было несложно. Павел смотрел на все громадными глазами. Сейчас им предстояло подойти поближе, в последний миг, за пару минут до столкновения, поджечь мину — и удрать.

Успеют ли?

Риск, как ни крути — риск. Но и выбора нет.

Благо, нужный момент не надо было угадывать — надо было просто следить за сигналами. Флаги, вспышки гелиографа… 'троянские коньки' умели их читать, а на мачте флагмана сидел такой же мальчишка. Который мог их подавать по эскадре. Пусть у турок было преимущество в людях и кораблях, зато русский флот мог похвалиться согласованностью действий, которая в морском бою дороже стоила.

А вот и сигнал! Вспышка — и дубль флагами! Мало ли, не заметят!

— Ну, с Богом!

Все согласно перекрестились, и принялись занимать свои места.

Пашка устроился на носу, у взрывчатки. 'Чайка' медленно, обходя боком уже кипящие схватки — то там, то тут казаки набрасывались на фелюги и занятые русским флотом турки не могли помочь своим, поползла к флагману.

* * *

— Стреляйте по ним, шакальи дети!!! Стреляйте!!!

Пири — паша был в бешенстве. Пока они подходили к этим детям шайтана, русские уже успели их обстрелять — и нанесли серьезный урон кораблям. Чуть ли н половина галер выбыла из боя еще до его начала — на палубах разгорался огонь, который просто нельзя было потушить водой. Неужто русские свиньи узнали секрет греческого огня?!

Секрет, которым и османы не владели?

Паша поежился.

А если это попадет в его корабль? Конечно, он

предусмотрительно держался в центре линии, но мало ли…?

Не стоит ли выйти из боя?

Русские, впрочем, таких стремлений не проявляли. Вот начали сближаться два корабля, с русского полетели веревки с абордажными крюками, притягивая их вплотную…

Пири — паша был занят.

Так занят, что брандер увидели минуты за две до столкновения. Сначала турки даже не поняли, что это такое. А потом, при виде мальчишки с факелом на носу корабля, при виде сосредоточенных лиц казаков…

Вот тут Пири — паше стало страшно.

— В сторону!!! В сторону, дети шакалов!!!

Это было последними его словами, не считая грязной ругани.

Налегли на весла рабы, засвистели бичи надсмотрщиков, но — поздно. 'Чайка', идя под ветер, развила неплохую скорость — и врезалась в незащищенный флагманский бок ровно за пару секунд до взрыва.

Грохнуло так, что на миг все даже прекратили перестрелку.

Флагман турецкого флота горел свечкой, через борта в воду сыпались турки — кто успел, конечно, в строю возникло замешательство — и тут с другой стороны донесся такой же взрыв.

Конечно, ничего сверхъестественного в этом совпадении не было, просто флажковая азбука, которую отлично знали все 'троянские коньки' — два на брандерах — и третий в 'люльке' на мачте русского флагмана. Один просигналил, два прочитали — и вот она, синхронность, плюс — минус пара минут.

Турки… оторопели.

Иного слова и подобрать было нельзя. Вот они вели перестрелку с противником, никоим образом их не превосходящим, а вот уже убит командир, взорваны брандерами два корабля… а если там есть еще брандеры?

Строй рассыпался, словно по карточному домику ногтем щелкнули. Русские корабли еще пытались преследовать противника, но разве их догонишь против ветра? Страх за свою шкуру — лучший ускоритель всех времен и народов.

Иван Морозов смотрел с мостика корабля — и не верил себе.

Неужели — все?!

Кое — где еще кипела схватка, еще дрались на нескольких кораблях, но рядом уже крутились казачьи 'чайки', забрасывали крючья, лезли через борт на турецкие суда…

— Победа? — спросил он у Поля, который все это время стоял рядом.

И получил утвердительный кивок головой.

— Победа, принц!

А в следующий миг Иван просто крепко обнял боцмана. Снял с руки перстень с рубином, протянул…

— Спасибо, друг. За нами не забудется!

Поль усмехнулся, но перстень взял. Примерил на мизинец — остальные пальцы не подходили, кивнул.

Впрочем, если он надеялся, что этим благодарность и закончится — зря.

Этим же вечером Поля Мелье не стало.

Был Поль Мелье, а стал русский дворянин Павел Мельин, царевич Алексей Алексеевич написал ему жалованную грамоту на две деревеньки и обещал еще денег, как домой вернутся.

Принимайте награды и командование Азовским флотом, адмирал Мельин.

* * *

Бояре смотрели ошалелыми глазами, иначе и не скажешь. Не бывало еще такого на Руси православной. Чтобы собрали боярскую думу, да в тронный зал вошел не царь, а царевна, да как…

Софья шла молча. Ничего нового в царевне не прибавилось, ни дорогих украшений, ни изукрашенной одежды — простое черное платье. Два кольца на тонких пальцах, да — новшество — тонкий венец на непокрытой голове. Темная коса змеится по платью, а голова не опущена, глаза скользят, словно бы ненароком, по боярским лицам, губы стиснуты и выражение лица у нее… такое…

Не подобает такого порядочной-то девице.

И… что это у нее в руке? Плеть, не иначе. Не та ли, которой Тарарую…?

Впрочем, осудить царевну не рискнул никто.

Ибо шли за ней рука об руку патриарх Питирим и протопоп Аввакум — и глядели так, что пропадала всякая охота спорить. Стало быть, патриарху хорошо, а тебе, боярин, неладно? Не многовато ли на себя берешь?

Софья шла молча. Да, знать бы им, толстомясым, сколько она усилий приложила, убеждая обоих священников. Убедила. Из шкуры вывернулась. Хотя протопоп и так ее поддерживал, видя, что не во зло сие. Просто иначе никак с ними не управиться, с боярской-то вольницей. Да и бунт, едва не вспыхнувший, был хорошим аргументом. Для Питирима же иные доводы нашлись, тому Софья больше на чувство вины давила. Когда брата чуть не

свергли — молчал? Вот и сейчас смолчи! Алексей ведь вернется и все припомнит…

И с этим спорить никто не решался. Любому, кто усомнился бы в возвращении по осени царевича, Софья бы глаза выцарапала.

Свита? Рынды, сенные девушки, боярыни… никого. Вся свита за дверью осталась. Родные хотели пойти с Софьей, но она запретила. Ни к чему сейчас, в следующий раз тогда…

Вот и трон… неужто?

Нет, на это Софья не пошла. Могла бы, но не сочла нужным. Заранее все продумала. Уселась на ступеньки, ведущие к трону — и бояре чуть да перевели дух. Все ж таки не окончательно мир с ума сошел, не командует еще девка государством!

Из-под темной одежды показался носок башмачка, коса на пол спустилась, оба церковника места по обе стороны от царевны заняли, как бы показывая, что верой крепк***о*** государство.

— Что скажете, мужи честные? — Софья смотрела прямо. И первым — кто б сомневался, выскочил Милославский.

— Государыня… позволь узнать, что значит сие? Не бывало на Руси подобного!

Что верно — то верно. Но Софья и не собиралась править.

— Неуж не ясно тебе, дядюшка? Отец мой умер, брат мой далеко, остальные в нашей семье не в силах справиться с горем. А потому покамест Алеша не вернется, править буду я.

Вот тут боярская дума взволновалась. Зашумела, загомонила… одно дело — ответа требовать, это царевна еще может, но чтобы так?

— А не тяжко ль будет сие? — поднялся боярин Шереметев. Софья взглянула на него темными глазами.

Петр Васильевич, умный мужчина, в годах уже, ну да ладно. Вот Милославских недолюбливает и вполне взаимно. А стало быть — и ее.

— Коли бояре помогут мне, как это пристало слугам отечества — тяжко не будет. А коли нет…

Пальцы Софьи выразительно легли на плеть, стиснули рукоять… к чести Шереметева, он не испугался.

— Не к лицу бы царевне и речи такие, и поведение…

— Не к лицу бы боярам вечор под кроватями прятаться да друг на друга наушничать, — съязвила Софья. — А коли поступили, как подлые люди, так и разговор с вами иной будет, и спрос тако же…

— Не много ль берешь на себя, девка?! — Софья прищурилась на мужчину. Нехорошо так, серьезно.

— Князь Голицын, надо же… Нет, не много беру. Ты же до сих пор не повешен, хотя Тараруй тебя упорно оговаривает.

Князя оказалось так легко не запугать.

— Повешен? А за что это? За наветы пустые?! Верный я слуга царю, а вот тебе б, царевна, сидеть у себя в светлице, а не ходить простоволосой, как девка непотребная…

Софья недобро усмехнулась, трижды в ладоши хлопнула — и дверь распахнулась. На золотом подносе внесли бумажные листы, поставили у ног царевны с поклонами.

— Вот показания Тараруя. Известно ему, что государя, отца моего, хитрым ядом травили — и делал это стольник его. Долгоруков Мишка. А ты, Алешка, ему способствовал в том и не единожды. Кто захочет — читайте, копий наделано более, чем достаточно.

Софья недаром назначила это собрание на полдень. Хованский и Полоцкий действительно начали колоться, так что доказательства у нее были.

Голицын побледнел.

— Сие гнусный оговор, государыня.

Угу. Уже государыня. Повинуясь кивку Софьи, служанки принялись с поклонами подавать боярам листки допросов с нужными выписками. Как угроза дыбы и плахи повышает вежливость!

— А вот мы и посмотрим, оговор сие — или нет. Домашних твоих опросим, дом обыщем, очную ставку устроим… Не всех змей я еще выловила, не всех…

Голос Софьи сорвался на шипение, глаза горели, она чуть подалась вперед — и как-то ей это удавалось. Сидя на ступеньках трона, в простом черном платье, с мраморно — бледным лицом — она была похода на тварь из тех, что не упоминают к ночи. И впечатление это только усиливали священники в простых же черных рясах. Три пятна тьмы среди позолоты и ярких солнечных тонов, которые так любил Алексей Михайлович, били по глазам, привлекали к себе внимание… на что и было рассчитано.

— Стража!

Стрельцы, из оставшихся верными, ждать себя не заставили — и в палате осталось на пять человек меньше, чем пришло. Голицын, Соковнин, Лопухин, Одоевский, Троекуров, … все было проделано так быстро и ловко, что никто и пискнуть не успел.

— А теперь поговорим серьезно.

Софья взяла с другого — и когда успели заменить? — подноса свиток бумаги, встряхнула…

— Прочтите, бояре, указы — и будем их в жизнь проводить.

Вот теперь, когда они были приведены в должное состояние, Софья могла работать спокойно. Теперь можно было обсудить письма к иноземным правителям с предложениями брака, теперь

можно было сообщить, что надобно направить рудознатцев под Липецк — Софья отлично помнила, какое там было металлургическое производство, теперь можно было положить проект приказа о том, что ни один человек на государеву службу без образования более не попадет…

Можно потребовать, чтобы не только сыновьям, но и дочерям учителей нанимали. Нечего на Руси дур плодить, всякому известно, от глупой жены умных детей не дождаться. Уж сколько это Софья в своем времени видела!

Теперь можно будет поговорить и о налогообложении, и о приказах, и о крепостях на границе, и о пушках, и о кораблях с каналами, и о всяком прочем…

Конечно, пугать их придется все то время, которое Алешки тут не будет, но сколько еще брата не будет?

Софья отлично знала — дойдет к нему письмо о смерти отца и он быстрее ветра помчится в Москву. А — нельзя. И войско бросать нельзя, и войну на этом этапе, и одному ехать опасно — нет уж!

Он — там. Она — здесь. И победа будет за ними.

* * *

Только в пять часов вечера Софья оказалась в своей горнице. Ненадолго, конечно, сейчас надобно идти к семье…

Царевна вошла в комнату скинула с ног туфли… вот почему так бывает?

Хоть и из тончайшей кожи их шьют, и точно по мерке, но ежели туфля новая — то хоть где-то да натрет. Это, наверное, в любом веке так.

Тайный заговор тапочек против людей.

Девушки захлопотали вокруг, молча, но уверенно. Стерли с лица Софьи полкило косметики, наложенной с расчетом произвести впечатление, расплели косу, принялись массировать виски.

Девушка несколько минут сидела, откинувшись назад, потом нарушила молчание.

— Ну, кто что увидел?

Благо, потайных отверстий в тронном зале на десяток девушек хватало. Вперебой, впрочем, не заговорили, начали по старшинству.

— Патриарх, хоть и молчал, но не по нутру ему все это. Он на бояр так смотрел, словно умолял прекратить…

— Воротынский явно смотрел одобрительно.

— Милославский выгоду искать будет…

Софья внимательно слушала, сравнивала со своими наблюдениями. Ну да, сегодняшнее выступление было постановочным. Отсюда и черное платье, и лицо, ставшее чуть ли не мертвенно — белым, и подведенные глаза, и подчеркнутые губы — нарочитый стиль, нивелирующий личность, но создающий ведьму. Отсюда и непокрытая голова — с образом не вязалось. Зато коса и венец куда как лучше смотрелись по контрасту со спокойным лицом. Другое дело, что зализывать волосы пришлось без всякой жалости, так, что теперь в висках ломило.

И арест…

Сложно было схватить мерзавцев с утра?

Да ничуть. Но — не так страшно. А вот сейчас… когда только что этот человек сидел рядом с тобой, а сейчас его нет — он в пыточном приказе и может оттуда не выйти, не глядя ни на боярство, ни на княжеский титул… и это ведь *главные*. А есть, как и в любом заговоре, мелкая шушера, и ей тоже предстоит заниматься. Сорняки не по крупности пропалывают, а в принципе.

Иначе через два дня опять грядка не тем заколосится.

Пусть ее назовут кровавой царевной, пусть. Но Алешка получит благодарных ему бояр.

— К вам, царевна, царевич Федор.

Софья кивнула девушке.

— Проси. А вы выйдите пока.

Рокировка была произведена мгновенно — и вот стоит мальчишка, смотрит ей прямо в глаза.

— Что случилось, братик?

— Соня… ты править хочешь?

У Софьи глаза стали квадратными.

— Федя, ты с ума сошел? На кой черт мне этот хомут?!

Брат мгновенно успокоился, словно с плеч тяжесть скинул.

— Вот и я подумал, что тебе это не надобно. Но спросить должен был… после сегодняшнего.

Софья кивнула на кресло.

— Садись, поговорим. Почему ты решил, что мне нужна власть?

— Ты сегодня пошла одна. Никого не позвала с собой…

— Так было надо. Если бы со мной пошли ты или Ванечка — это можно было бы потом счесть… нет, не как бунт против брата, но… вас могли бы попробовать на прочность. А вы ведь этого не хотите. У вас свои призвания. Наука, церковь…

— А Любава?

— С ее слезами? Она замечательная девочка и нашему отцу повезло, но она — не воин. А я сегодня сражалась, разве что не оружием.

— Про теток и сестер не спрашиваю. Понимаю, — усмехнулся подросток.

— А раз понимаешь — должен и другое понять. Сейчас все мы будем… ждать. А ожидание — тягостная штука. И к тебе будут искать подходы.

— О чем я должен сообщать тебе. Верно?

— Абсолютно.

— Хорошо, что ты можешь копаться в этой грязи. Я бы с ума сошел.

— Феденька, а куда мне деться? Грош цена государству, где без государя все разваливается на глазах. Нам еще эту постройку крепить и крепить…

— Своей кровью, — мрачно закончил подросток.

— И детей, и внуков… Тебя через пару лет надо будет женить. У Жуана Браганского есть дочь, на год или около того младше тебя…

— Соня, ты это всерьез?

— Вполне. Мы можем взять неплохое приданое за девочкой, да и сами найдем, что дать взамен.

— А… я не хочу жениться! Я еще слишком молод!

— Речь пойдет и не об этом. Пусть невеста приедет к нам, поживет с нами, поглядим на ее воспитание, а там… либо ты, либо Ванечка.

— А почему не Алексей?

— Не знаю. На его выбор. Но для королевы… не знаю. Надо подумать, но вообще-то короля надобно повыгоднее продавать.

— Он тебе мясо на рынке?

— Не мясо, но все мы товар на брачном рынке. И ты не представляешь, Федя, насколько ценный. Старый род, в родстве с Рюриковичами, не связанный до сей поры ни с кем… громадная территория, богатство, чистая кровь…

— Чистая кровь?

— Они в Европах так между собой переродились, что в каждом втором браке уроды рождаются. А у нас пока родства с ними нет…

— А надобно ли при таком раскладе нам свою кровь их кровями портить?

— Так и мы ж не лыком шиты, плохих не возьмем.

— А Алексей одобрит?

Софья пожала плечами.

— Не знаю. Но неужто сложно посмотреть на принцессу? Чай, кусок не отвалится?

— Ох, Соня… хитрюга ты!

Софья усмехнулась.

— Федь, я ведь не для себя. Мне оно сто лет не надобно, я и вовсе замуж не хочу. И власть мне не нужна. А вот чтобы моя страна, мой дом, моя родина были сильными и выстояли, и тысячелетия простояли…

— А по силам ли ты дерево рубишь?

Софья покачала головой.

— Нет, Федя. Одной мне оно не по силам. А вот ежели все мы, Романовы, навалимся — тогда справимся. Но только все. Подумай над этим…

— Я подумаю. Куда ты теперь?

— К палачам, узнать, что новенького. К патриарху.

— До ужина успеешь?

— постараюсь.

Софья поцеловала брата в щеку и Федя ушел. А девушка принялась собираться.

Опять в этот бой с головой, и сердце трепещет в груди…

* * *

Крым агонизировал.

Точнее агонизировало вольное татарское житье — бытье. Их чесали с трех сторон, лупили без малейшей жалости и милосердия, поджигали стойбища, освобождали рабов, угоняли в плен тех, кто вчера еще мнил себя господином…

По землям Крыма двигались три войска.

Первое — вдоль побережья, царевича Алексея Алексеевича. Параллельно с флотом, продвигаясь к Бахчисараю, вырезая все на своем пути, время от времени принимая бой с некрупными силами противника — не было у турок в этом районе серьезного флота. Вроде как и ни к чему.

Кто ж будет боевой корабль держать в болотце на заднем дворе? Османы и не держали.

Чорбаксары, Кафа, Судак… города ложились им под ноги. Угроза с воды, угроза с суши… повоевать пришлось всерьез только в Кафе. Да и то сказать — в Кафе были крупнейшие рабские рынки, а потому обычное предложение о сдаче — вон отсюда с тем, что на себе унесете, было встречено без энтузиазма. Рабов же на себе не унесешь, а какая прибыль теряется!

Нет, так дело не пойдет!

После отказа Алексей Алексеевич взбеленился — и приказал штурмовать.

Пусть крепки были стены Кафы — одиннадцать метров в высоту, два в ширину, но это был не город воинов. Отнюдь.

Торговцы и только они заполняли улицы. В гавани стояли десятки, едва ли не сотни купеческих кораблей… и по ним прошелся без всякой жалости пушками адмирал Мельин. А сражаться?

А чтобы сражаться, надо сначала выйти из порта, развернуться к врагу… да кто ж дал бы им этот шанс!?

Ежели сначала на горизонте появился флот, а уж потом…

Сейчас захваченных кораблей хватало для перевозки войска — чем и пользовался Алексей Алексеевич. Разве плохо? Часть войска идет по суше, часть на кораблях, раненные только на корабле, да и провиант перевозить удобнее, и воду…

Да, вода.

Вот где была главная проблема. Зная от Софьи, что не так страшен поход, как его последствия, Алексей дикое внимание уделял гигиене. Воду только кипятить, в крайнем случае, мешать с вином, уксусом, лимонным соком. За нарушение приказа — палкой по хребту, все безболезненнее выйдет. Продукты хранить со всеми предосторожностями, ничего гнилого в пищу не класть,

нужники устраивать не рядом с палатками, а чуть поодаль — сразу десяток на все войско…

Что-что, а элементарные азы гигиены Софья брату вбила в голову накрепко — и потому удалось избежать в войсках приступов кишечных инфекций.

Что у русских, что у казаков…

Кто сказал, что война — это с саблей на лихом коне? Это для гусар так было! А для полководца — это всегда тяжкий каторжный труд, иначе и не скажешь. Куча мелких донесений, вплоть до заболевшей лошади, которыми приходится заниматься. Казалось бы — подумаешь!

Лошадь заболела? Авось, не сдохнет…

А если?

От болезни еще ни одного коня не застраховали. Вообще пока страховых компания не было. Пара эпидемий — и останешься ты без войска. Легкой конницей были башкиры, казахи, и без них куда как тяжелее станет отбиваться от татарских налетов.

Да, не привыкла татарча воевать.

Вот налеты, прийти, пограбить, пожечь — это их, это влегкую. А вот когда война приходит к ним…

Главное богатство кочевого народа — это его стада. И как их спрятать в степи?

Да никак.

А по следам стада легко найти и стойбище. А зачистка…

Жестоко?

Гуманисты тоже еще не родились, а те, кто родился, тщательно маскировался, ибо жестокий век не признавал никаких доводов в пользу человеколюбия.

И даже попытки татар поджечь степь не давали результата. Хорошо поджигать, когда врагу спасаться некуда. А ежели рядом корабли? И есть, где переждать опасность?

Алексей, впрочем, не расслаблялся. И Кафа показала ему, что он прав.

Сначала город приготовился к сопротивлению. Сначала…

Войско, как и положено подошло к стенам города. Алексей Алексеевич пожелал говорить с командиром гарнизона — и на стену явился Юсуф — паша. Кстати — дальний родич прославленных Кепрюлю, мужчина умный и серьезный. Абы кто в таком городе наместником султана не станет, просто не сможет все это держать в узде. И вежливо поинтересовался — чего желает русский царевич?

Царевич желал город. Турки могли погрузиться на галеры и проваливать к себе, татарам предлагалось остаться. Да, и рабов тоже оставить. С собой можете взять то, что унесете на себе. Да,

городская казна тоже остается. Расходы на войну надо как-то окупать.

Юсуф — паша в самых обходительных выражениях уточнил, отдает ли русский царевич себе отчет в происходящем? У него десятитысячный гарнизон, у него почти сотня кораблей, в городе есть и провизия, и колодцы. К тому же должен подойти флот Пири — паши…

Ах, уже не должен?

Жаль, очень даль. Но ведь он не один, этот флот! Османы такого не простят! Нет, ни за что не простят!

Алексей Алексеевич так же вежливо разъяснил, что Османы ему не указ. Ибо они — далеко. И у них свои войны. С Венецией, Грецией, с Европой, опять же, на море турок теснят, на чем свет стоит — одним словом товарищи раньше надорвутся, чем сюда примчатся. Тем более так скоро, как того требует ситуация.

Юсуф — паша вежливо напомнил, что стены Кафы крепки и могущественны. Более десяти метров в высоту… и царевич рискует просидеть под стеной долгое время.

Царевич пожал плечами. У него хватит отрядов, чтобы блокировать выход из Кафы — и сделать его ловушкой. Сам он пойдет дальше, а вот вы останетесь здесь.

Без подкрепления, без помощи, без продовольствия… ах да, и без кораблей! Потому что последние просто сожгут.

Да и насчет стен — еще вопрос, так ли они неприступны. Наука — великая штука. Или шутка… одним словом — в Керчи и Азове тоже думали, что их стены прочны, но пали ведь…

Юсуф — паша опечалился. И сделал то, что и должен был сделать умный человек.

Попросил время на размышление.

* * *

Поль Мелье сидел на палубе корабля, посасывал трубочку, в которой не было табака, и размышлял о жизни. Вот ведь она как оборачивается-то!

Вырос на кораблях, прошел путь от юнги до боцмана, бывал ранен, попадал в плен — и в последний раз думал уже, что жизнь кончена.

Ан нет.

Павел Мельин, изволите ли видеть…

Закурить, что ли? Или просто табачку пожевать?

Мода на курение пошла не так давно, но моряки к ней пристрастились быстро. В том числе и Поль. В плену у турок

такой возможности, конечно, не было. А вот на Руси…

А на Руси не любили табак, считая его *диавольским зельем*. Ну, Поль и не стал его употреблять. А иногда хотелось, очень хотелось. Но…

Русский дворянин.

Обычный мальчишка из Марселя.

Русский адмирал.

Обычный боцман на французском корабле.

Франция, милая любимая родина… вернуться туда? Когда-то доведется? А вернуться обязательно надо, хотя бы семью забрать…

Да, именно так! Забрать семью и попробовать поехать на Русь. Царевич уже обещал, что адмиральского места Поля не лишат, но желательно в таком случае было бы, чтобы он принял русское подданство. Хорошо бы еще и веру, но тут уж — по желанию.

Вот на этом месте Поль в свое время споткнулся. Он-то был добрым католиком и не имел никакого намерения менять веру отцов, но тут уже широту души проявил государь.

Поль, Бог — един. А то, что придумали люди, пусть для них и остается. Мой зять — католик, а моя сестра никогда не забудет веру предков, но они счастливы. Разве этого мало? Проявляйте уважение к обычаям страны, где вы будете жить — и этого будет довольно.

Так, может, стоит съездить на родину, перевезти сюда родителей, жену, детей… им здесь будет хорошо, наверняка…

— Адмирал, слышите?

Не просто так Поль предавался размышлениям, ой, не просто. Обговорив все с царевичем и с Иваном Морозовым, они были более, чем уверены что часть турецких кораблей постарается под покровом ночи выскользнуть из гавани. И — ждали.

Так оно и вышло.

Шесть галер и несколько фелюг попытались сквозануть в темноту…

А зря.

Казачьим 'чайкам' они были на один зуб, но требовались не казаки, с их абордажем, о, нет! Требовалось напугать!

А потому…

Казаки просто обнаружили беглецов и подали сигнал, а уж Поль распоряжался дальше. И именно он скомандовал — огонь! И следил, как по правому борту расползаются два громадных костра. Стреляли-то сначала 'греческим огнем', а потом зажигательными снарядами. Так что…

Две галеры горели свечками, кто успел — прыгали за борт,

оттуда доносились истошные крики рабов…

Еще четыре окружили и брали на абордаж. Эти выжили, те умерли… почему?

Как говорят сами турки — *кисмет*.

Из мелких суденышек не ушло ни одно. Да и те четыре галеры не сильно сопротивлялись. Зрелище ужасной гибели идущих впереди, парализовало турок — и как надеялся Поль — и тех, кто смотрел с высоких стен Кафы.

И — да. На следующий день переговоры прошли гораздо более продуктивно для русских. Юсуф — паша представил себе, что может наделать в его гавани греческий огонь — и новые пушки русских, которые достреливали туда, куда не доставали турецкие, ужаснулся — и согласился на капитуляцию.

Через десять дней Кафа перешла в руки русских.

* * *

Софья смотрела в стену остановившимися глазами.

Вот так вот, дорогуша. Ты этого хотела? Получи и распишись! Ты в своей жизни много чего делала, а списки на казнь утверждать как-то не доводилось. А надо…

А придется…

Хованский, наконец, разговорился, начали каяться и Долгоруковы, но истинное удовольствие Софья получила, читая признания старца 'Полоцкого'

Все верно, куда не пускают, туда и лезут. Вот протестанты как-то на Москве были — в Немецкой слободе, а вот католиков… они тоже были! Но иезуитов не было! А хотелось.

Идея была неплоха — воспитать царское потомство в культуре Запада. Воплощение подкачало — и тогда, как это уже не раз бывало, они решили пойти через кровь.

Да, не раз.

Не первый раз случались странные и необъяснимые смерти государей, их жен, их матерей, вспыхивали необъяснимые бунты, предавали и били в спину самые, казалось бы, верные…

Сейчас она встала на пути этой силы. Именно она.

Софья прислушалась к себе. Да нет, гордости не ощущалось, ощущалось желание… танцевать!

Да, именно так! Встать с кресла, пройтись по кабинету в вальсе… видит Бог, если она будет жива — она обязательно научит всех танцевать вальс! Великий, бессмертный вальс — и его король да будет бессмертен вовеки!

Ничего удивительного в ее реакции не было — организм,

получивший сильный стресс, защищался всеми средствами. Переключал разум… но ненадолго, совсем ненадолго. Софья, в любой из своих жизней, была воительницей — и большей радости, чем схватка с достойным противником, для нее просто не было. Да, в этой битве победительницей она не выйдет, но иногда ничья — более, чем достойный результат. Только представить себе — орден иезуитов, который, говорят, и в двадцать первом веке отлично себя чувствует, и одна — единственная соплюшка против них. А ведь они сейчас в силе, сожрут и облизнутся…

Софья чуть поежилась.

Пусть попробуют!

Не будем слишком самонадеянны, но на ее стороне играет расстояние — и обычаи. И то, и другое не даст иезуитам спокойно шляться ни по Москве, ни по Руси. Тем более, Симеон, оказавшийся недостаточно крепким, чтобы выдержать пытку и достаточно сильным, чтобы не сдохнуть (берег себя, нечисть иезуитская, небось, следил за здоровьем!) закладывал всех, кого мог вспомнить.

Два десятка иноземцев, которые весьма уютно чувствовали себя в Немецкой слободе.

Софья подержала лист кончиками пальцев, быстро поставила росчерк и печать.

Арестовать их поручим Патрику Гордону — это его территория.

Бояр будет арестовывать… м — да, а хоть бы и Ежи Володыевский! Он сейчас здесь, он знатный шляхтич, так что урона чести тут нет никакого. А вот остальное…

У него нет преклонения перед боярами, он не привык с детства шапку гнуть. Скажут — тащить и не пущать, так он и сделает. А кто сопротивляться будет, так и в зубы можно…

Бояр?

Так не царя ведь! За такие выходки Алексей Михайлович об них бы посох обломал! А она девушка хрупкая, нервная, она посохом не может. Придется уж по — простому…

Второй росчерк занял свое место.

Далее…

Стрелецкие полки надо расформировывать — и переделывать в другие. А еще…

Вот последний список был самым неприятным. Но — необходимым. Примерно двести человек, которые в той или иной мере знали, что и как будет, которые мутили народ и подбивали стрельцов…

Двести. Человек.

А ведь они не на елке выросли. У них есть семьи, жены, дети, которые останутся без кормильца — и брать таких детей в царевичеву школу — губительно. Самой волка растить, который тебе в глотку вцепится?

Но и…

Как же быть, как быть? Помиловать? Народ не поймет. Да и потом, они ведь опять начнут бунтовать, думая, что мягкость — признак слабости. Только доделывать придется Алексею, а она это брату не оставит. Пусть у него будет поменьше таких кровавых приказов.

Казнить, нельзя помиловать. Запятая была проставлена.

Но все-таки девушка взяла перо и принялась чертить дальше.

Значит так. Казнить. Имущество на Москве отобрать в казну. Это однозначно. Жен и детей… куда?

Что-то мелькало в голове у Софьи, кажется, Петр Первый когда-то вешал стрельцов чуть ли не тысячами? Но что случалось с их родными потом?

Она не помнила…

Итак. Женам предоставлялся выбор. Либо их принимала обратно их 2семья — еще одна проверка на вшивость. Ведь ежели стрельчиха в замужестве позабыв про родню, вела себя не по — божески, кто ее обратно примет? Причем, родные стрельчих должны были прийти к царевне и подать челобитную. Поставим для такого случая ящик или кого из учеников посадим, пусть учатся…

Это первый вариант.

Второй же…

Монастырь.

Безоговорочный.

А дети?

Опять-таки, ничего лучше Софья не могла придумать. Значит, будем расформировывать семьи. Младших детей — к царевне Ирине, в ясли. Старших же…

Мальчикам дать возможность искупить свою вину на службе короне. Девочкам дать приданое и выдать замуж. А до тех пор распределить их по одному человеку, по разным семьям. По разным городам, по деревням… Да, ненавидеть будут. Но и выбора у нее нет.

Самый простой вариант — на Соловки или на все четыре стороны, но это — убийство. А тут…

Софья выдохнула — и решительно завершила лист своей росписью. Поставила печать.

На Алешку она это не взвалит. Она-то — огонь и воды прошедшая баба, которая в двадцать первом веке перестройку

видала, путчи, демократов и прочую шушеру — и то ей тошно и гнусно. А мальчишка?

Пусть хоть как потом назовут, переживу.

* * *

Второе войско под командованием Яна Собесского, двигалось навстречу царевичу Алексею. Они шли по берегу Азовского Моря мимо Миуса и Молочной, к Арабатской косе, затем по косе до устья Салгира, и вглубь Крыма.

Мужчине было тяжело воевать с татарами, но ведь ему многого и не требовалось. Вода была, а ему надо было всего лишь разорять их поселения — и с этим он справлялся, бесчинствуя между Кадскими и Молочными водами.

Что было богатством кочевников?

Скот. А потому войско Яна не испытывало нужды в пище. Вода также была, с налетами татар справлялись силами польских гусар. Легкая конница, вооруженная копьями, саблями, кончарами, успешно гоняла таких же легковооруженных татар, не подпуская их на достаточное для выстрела из лука расстояние, патрулировала окрестности вокруг войска — и отлично справлялась со своими обязанностями. Благо, пока для коней вдоволь было и еды и воды.

Самой большой неприятностью для Яна становились кишечные инфекции, от коих страдали люди. Но потом, мешая воду с вином, постепенно преодолели и это.

Третье войско, под командованием Ивана Сирко, шло от Перекопа вдоль берега. Оставив в крепости изрядную долю своего войска для ее защиты, они, тем не менее, не испытывали нужды в людях, полагая, что воюют не числом, а умением. Пусть не родился еще тот полководец, который это произнес — эта истина была ведома всем, просто мало кто мог применить ее на деле.

Стычки, налеты, подожженные селения татар, освобожденные рабы, которых отправляли в крепости…

Агония была очевидна всем, и в том числе — Селиму Гирею.

Татары вообще вояками не были, чего уж там! Шакалили при турецком войске, стараясь урвать кусок добычи и не подставить шкуру под пинок, но быстро теряли боевой дух и стремились удрать в сторону, пограбить, поозоровать на чужой земле. А уж тут…

Бесплодное сидение под Азовом могло продолжаться сколь угодно долго, тем паче, что русичи не давали заскучать гостям, то совершая вылазки, то травя колодцы. И это начало давать свои

результаты.

Мало того, по реке совершали рейды корабли, наплевательски обстреливая татар, которые выли со злости, но поделать не моги ничего. Разве что обстрелять в ответ?

Но у русских пушек было преимущество в дальнобойности. Хоть небольшое, но его хватало, чтобы оставаться безнаказанными.

Селим Гирей пожелал вступить в переговоры с Ромодановским.

На этот счет Григорию были оставлены не только инструкции, но и Воин Афанасьевич.

Это случилось очень просто. На шестьдесят второй день осады, в полдень, к Азову подъехал татарин с белым флагом и сообщил, что Хан, великий и солнцеподобный, могучий и грозный, и т. д., и т. п., желает поговорить с презренными врагами, проявляя к ним невиданную до той поры милость.

Враги в свою презренность не поверили, но поговорить согласились. Видимо, поняв, что три дня были явным преуменьшением — тут на годы бы считать, Крымский Хан решил попробовать еще раз предложить сдачу.

И ровно через два часа Селим Гирей подъехал к мосту, на который, ради такого случая, со стены спустили Григория Ромодановского, Воина Афанасьевича и еще пятерых воинов — случись что, они дадут полководцам время уйти.

Но хан не собирался мошенничать, да и со стены за ним наблюдали.

Первым, как и полагалось вежливому человеку, заговорил Ромодановский.

— Мое приветствие и почтение блистательному хану, чья слава дошла до всех концов Руси!

По — турецки он говори не слишком бегло, но достаточно чисто — нахватаешься тут. Селим Гирей кивнул толмачу и медленно заговорил.

— Великий хан, — титулы Ромодановский привычно пропустил — приветствует достойных противников. К сожалению, сердце его омрачила печаль, потому что ваши братья разбойничают на его земле…

На это мог ответить любой русич — и Ромодановский не стал исключением.

— Сотни лет подданные хана угоняют наших людей, словно скот, грабят, режут, насилуют… мы пришли за своими людьми — и не уйдем без них.

— Если вы будете продолжать бесчинствовать на чужой земле, султан уничтожит вас.

Ромодановский усмехнулся, привычно огладил бороду.

— Коли султан пожелает уничтожить нас… так мы уничтожим султана.

Селим Гирей гнева не сдержал, рука сама к сабле потянулась, но потом опамятовал. Бесчестье — на переговорах руку поднимать.

Небрежным жестом отослал подальше и толмача, и охрану. Видя такое дело, и Ромодановский кивнул своим людям. При нем остался один Ордин — Нащокин.

— Что хочет русский царь, чтобы уйти с моей земли?

По — русски Селим Гирей говорил достаточно понятно. Картавил, конечно, глотал окончания слов, но Ромодановский его понимал. И даже смотрел с сочувствием. А как тут правду скажешь? Но и лгать не стоило, все равно это уже ничего не поменяет.

— Мы пришли навсегда. И не уйдем.

Селим Гирей потемнел лицом. Сбывались худшие опасения. Не набег, нет. *Завоевание.* И… он был умен, этот крымский хан, которого современники уже не назовут 'Мудрым'.

— Вы умрете.

— За нами придут другие.

Селим Гирей смотрел на него, и понимал, что иначе — никак. Эти люди готовы стоять до последнего — и готовы здесь умереть. Он может уничтожить их, но вслед придут другие.

А его земля стонет под копытами коней захватчиков. И есть только один выход — захватить мятежную крепость, сравнять ее с землей — и идти, догонять русичей уже в Крыму. Тогда есть возможность победить.

— Мне жаль. Вы умрете.

Ромодановский усмехнулся.

— На то воля Божья.

На том и кончились мирные переговоры. Мужчины разошлись в разные стороны, Селим Гирей поскакал к своим войскам, а Воин Афанасьевич тронул Ромодановского за плечо.

— Григорий… дозволь…

Ромодановский внимательно слушал его, пока поднимали их на стену на веревках, слушал на стене… и наконец — кивнул.

— Бесчестно сие…

— Грех на мне будет, — и вдруг выплыло, оттуда, из вечером в царевичевой школе, из споров и разговоров. — В войне изначально чести нет, так что не стоит и горевать о ее утрате.

Ромодановский был не согласен, но и не спорил.

Селим Гирей, конечно, обратил внимание на то, что что-то вспыхивает яркими искрами на башне Азова… но что? И для

чего?

Гелиограф работал. Почтовых голубей перехватили бы сокола, гонца тоже, а вот гелиограф, отчетливо видный на сотню километров окрест — благо, день был ясным, ни перехватить, ни расшифровать не получилось.

Воину Афанасьевичу того и надо было.

* * *

Приступ начался с рассветом. Татары лезли на стены, словно бешеные муравьи, подтаскивали пушки, стремились завалить русских числом, но Ромодановский пока держался. И держался, видит Бог, неплохо. На татарские пушки отвечали пушки русские, подкопы закидывались ручными гранатами, а лезть на стены…

Ну, лезь. Посмотрим еще, как долезешь.

Селим Гирей командовал с пригорка. Выбора у него не было. Уничтожить врага здесь, вернуть себе Азов — либо сравнять непокорную крепость с землей — и идти обратно, в Крым. Впервые он узнал, каково это — когда земля горит под ногами. Твоя, родная земля. Впервые не татары ушли в набег на чужую землю, а кто-то пришел к ним. И степная трава щедро поливалась татарской кровью.

Азов не сдавался. Казаки тут четыре года сидели, а Ромодановский вообще намеревался навсегда крепость Руси оставить — и потому пушки палили в ответ, проделывая широкие борозды в рядах нападающих и снижая их боевой дух.

Этот день так и закончился вничью — разве что убитых татар было в несколько раз больше. Русских-то защищали стены Азова, а татарам надо было туда влезть.

Самое интересное началось ночью.

Да, у реки теперь были выставлены караулы.

Да, корабли не могли спуститься вниз, не попав под обстрел.

Но кто решил, что они не могли подняться? Каланчинский остров потому так и назывался, что — остров. Окруженный с одной стороны Доном, с другой — рекой Каланчой. Ну что поделать, ежели татары были сухопутными. Всадники, кочевники — беды они теперь ждали от Дона, его и стерегли. А то, что можно пройти и по другой реке, дойти до нужного места и высадить десант… Даже не особо скрываясь, средь бела дня. Татары, между прочим, это направление даже не патрулировали. Ждали ворогов с казачьей стороны, с верховьев Дона, но никак не со стороны моря. Чем русичи и воспользовались. Еще ранней весной, когда Алексей Алексеевич раздавал новинки,

привезенные из Дьяково и указания, все обговорено было не по разу, сейчас и претворялось в жизнь.

На коней? Кстати — захваченных у татар.

А откуда…

А вот оттуда.

Крепость Лютик, что стояла на Мертвом Донце.

Ромодановский не стал сосредотачивать все свои силы в Азове. Часть людей ушла на кораблях, а потом просто подождали, пока татарское войско пройдет мимо Лютика.

Захватывать готовились Азов, туда и ушло все войско. А Лютик — что? И крепость небольшая, и гарнизона там нет… ну и не тронули. Оставили человек двести татар — и ушли вперед.

Конечно, эти двести человек помехой не стали. Вообще.

Русичи просто высадились на берег, вырезали их в одну прекрасную ночь и позаботились, чтобы никто не ушел.

А получив сигнал от Азова, приготовились.

В условленном месте ждали люди, ждали кони… далеко ли расстояние?

Далеко, да делать нечего. Для бешеной собаки семь верст не крюк, для людей — пять верст — мелочь. Прошагать — и обрушиться.

Бить там, где не ждут и тогда, когда не ждут — вот главное правило победоносной войны. Бить безжалостно и наотмашь. Казачьи чайки причалили там, где было наиболее узкое место между Каланчой и Доном, высадили десант, вытащили кораблики на берег — и отправились следом.

К Дону.

Переправиться, пользуясь заготовленными заранее плотами, переправить коней — и вперед.

Только вперед.

* * *

На стене Азова в эту ночь не спали. Казалось бы, день был тяжелый, но…

— Придут ли?

— Должны прийти.

Ромодановский сомневался, чего уж там. Не верил он все же до конца в придумки царевичевых воспитанников. Хотя Софья бы сильно оскорбилась за гелиограф. Воин Афанасьевич хоть и не оскорблялся, но был уверен.

— Эту игрушки в хороший день за сотню верст видать. Кому надо — и увидели, и услышали…

— Да знаков не подали.

— Нечего татарву на них наводить.

— Коли не придут, так мы не более трех дней тут выстоим. Хан ровно как озверел…

— Кто б на его месте не озверел? На его землю в первый раз война пришла…

— Поделом шакалу…

— Пойду я готовиться.

— С Богом.

Воин Афанасьевич усмехнулся и отправился вниз. К своим людям. Они ударят татарам в спину, когда все начнется. Тут уж либо пан, либо пропал — сегодня все решится.

Селим Гирей назад не повернет, а только им тоже отступать некуда. Сейчас многое решится. Воин Афанасьевич смутно понимал, что сегодня ночью творится *история*, но до размышлений ли о судьбах человечества. Лишний раз проверить зажигательные бомбы, гранаты, пушки — и приготовиться.

* * *

Не спал и Селим Гирей, тоскливо было на душе у Крымского Хана. Где он ошибся? Как попустил?

Вроде бы все правильно, султан позвал — татары пошли. Но…

Пока они гуляли в польских землях, захватили их родной, личный, можно сказать, Азов. И отдавать назад не собирались.

Тоже ничего удивительного, он из рук в руки переходил чаще, чем кубик в нардах. Но…

То, что творилось на его землях…

Селим Гирей шкурой чувствовал неладное. Русичи в этот раз пришли не баранами, а волками. И уходить не собирались. Они резали, рвали, жгли… мог бы Хан — взвыл бы.

Это *неправильно*!

Это в корне, жестоко неправильно! Так не должно быть!

И не радовали хана ни послушные наложницы, ни сладости, ни драгоценности, тяжко было у мужчины на душе… Потому и бился он сейчас за Азов, понимал, что ежели выбьет он отсюда русичей, то остальным перекроет выход из Крыма — и устроит кровавую баню. А коли нет…

Неужели — конец?

Неужто он будет последним Крымским ханом?

Размышления оборвал шум снаружи.

Штурм!?

Но КАК!?

А дальше размышлять было некогда. Все вокруг закрутилось в бешеной горячке боя.

* * *

Бить неожиданно, бить сильно, бить всем вместе — вот основные правила маленькой победоносной войны. Почему маленькой? Так в большую она переродиться и не успеет, коли все правильно сделать. Ромодановский, хоть правил для себя и не формулировал — сие баловство одно, да сделал все правильно.

Когда ночью в татарский тыл ударила конница и картечницы, перевезенные на телегах, шум поднялся знатный — и русские, которые вышли подземным ходом, не стали мешкать.

Под стенами никого не было, татарский же лагерь атаковали с двух сторон.

Что такое ночная атака? Ну, для начала — это сумятица. Да, были часовые, но они полегли первыми. Казаки, между прочим, тоже не лаптем щи хлебали, по тяжелой жизни на Дону, снимать часовых становилось почти искусством. А потом…

Да, сила татарского войска — это его конница, но она же и слабость. Кони, между прочим, боятся огня, шума, криков боли… вот это им русские войска и обеспечили. И сколько ни говори, что лошадь — милое, умное, обаятельное животное, которое никогда не бросит своего хозяина…

Это верно.

С другой стороны — это милое животное, вставая на дыбы и лупя копытами по воздуху, любому способно обеспечить тяжелые травмы.

К тому же, при штурме крепости конница не нужна, коням по лагерю свободно бродить тоже никто не позволит, так что все они содержались в одном месте. Вот по этому месту и пришелся первый удар русских. Снять часовых, факелами, саблями, волчьими шкурами, воплями и картечью придать коням нужное направление — и пусть бегут. Разве что еще десятка два всадников с ними пустить, чтобы с пути не сбились.

И вся эта конная масса налетела на татарский лагерь.

Конь никогда не наступит на спящего человека?

Безусловно! Но ведь и людям несвойственно топтать и калечить друг дружку. И однако же, в толпе, в возбуждении, в истерике…

Больше всего нападающим было жалко коней.

Ночь наполнилась криками боли и ярости, конским ржанием,

а потом и предсмертными хрипами. Потому что за конями шли люди. И уже они не знали ни пощады, ни сострадания. Татарский лагерь брали в клещи, нещадно вырезая всех, кто попадался на пути. Пленные?

О них никто не думал.

Здесь и сейчас решалось быть ли Крыму татарским или русским. Именно здесь и именно сейчас.

* * *

Селим Гирей смог таки совершить чудо. Сбить в отряд своих телохранителей, какую-то часть войска — его шатер не попал под обезумевший табун — и теперь хан сам взялся за саблю.

И он был воистину смертоносен.

Любой, кто налетал на его отряд, ложился навзничь, чтобы уже никогда не подняться. Но о серьезном сопротивлении хан сейчас не думал. Ему надо было прорваться к краю поляны, уйти, чтобы вернуться потом с новыми силами. Вернуться, отомстить…

Распахивались ворота Азова — и оттуда шло войско. Русские не бежали, они словно на крыльях летели, слышались громкие крики…

Они торопились вцепиться в горло исконным врагам.

О, если бы ему ночью не ударили в спину, если б они осмелились выйти днем — он встретил бы их! Они бы кровью умылись, они бы все здесь полегли, но сейчас в темноте, когда стрелы не найдут свою цель и стреляют только пушки…

Да и пушки какие-то странные. Не те, турецкие, что стояли на стенах крепости, вовсе не те. Легкие, удобные для перетаскивания, для мобильной стрельбы… откуда!?

До чего еще додумались эти дети шакала!?

Враги находились и в темноте. Кто-то же ударил ему в спину, и это были не корабли, нет. На Дону были дозоры…

Но кто?!

Как!?

Откуда!?

Эти вопросы стали последними в жизни Селима Гирея. Перед лицом что-то полыхнуло — и мир исчез в ослепительной вспышке. Обнаружив очаг сопротивления, русские, не мудрствуя лукаво, забросали его гранатами. Боеприпасы восстановить можно. Жизни вернуть нельзя.

А потому взрывчатки не жалели.

Двух десятков гранат хватило, чтобы очаг сопротивления превратился в толпу охваченных страхом, бегущих людей. И

рассвет Ромодановский встретил уже за стенами Азова, обходя бывший лагерь и оглядывая пленных.

Их было не так много, не более пары тысяч из всего войска. Потери татар были страшными. Кони, картечь, взрывчатка…

— А главный их где?

Воин Афанасьевич, морщась, повел головой в сторону реки. Двигаться ему было не слишком удобно — ночью он получил сильную рану в плечо, и рука двигалась с большим трудом. Ромодановский уже приказал ему отдыхать, но отослать насильно не решился.

Посмотреть на труды рук своих, на свою победу — это привилегия каждого воина. Некоторые, говорят, ради такого и из гроба вставали.

Ромодановский пригляделся.

И верно, на берегу реки лежало несколько тел и одно из них…

— Точно ли он?

— Он. До последнего дрался, говорят… Опознали его…

Ромодановский кивнул. Уважительно.

— Надо будет его похоронить.

— И где же?

— Так, чтобы всем видно было. Чтобы все знали…

Ромодановский смотрел на тело, потом подошел поближе…

Смерть не пощадила Крымского хана. Разорвавшаяся неподалеку граната сделала свое дело — и мужчину сильно посекло осколками. И все же, его можно было опознать. Не по богатой одежде, нет. Но по чему-то такому, сложноуловимому, чем наделены только истинные правители…

Мужчины подошли. Сняли шапки, отдавая последние почести мертвому. Если бы все сложилось чуть иначе, он стоял бы над их телами. Кто знает, как поступил бы Селим Гирей. Но русские не стали отступать от правил чести, даже в отношении врага.

— Пусть эти басурмане хоронят своих мертвых в одной могиле, — разомкнул губы Ромодановский, — а его…

К вечеру под стеной Азова вырос курган. Под ним, к вящему удивлению татар, которые не преминули бы скормить труп врага собакам, покоился Селим Гирей.

В вершину его воткнули копье. Потом, уже несколько лет спустя, здесь поставят обелиск.

Белую стелу, словно вонзающуюся в небо.

И на ее четырех сторонах будет выбито одно и то же — на русском, турецком и латыни.

Здесь лежит последний хан Крыма.

Селим из рода Гирей.

Да пребудет его душа в мире и покое.

Будут проходить годы, сливаясь в десятилетия, будут поливать дожди и щебетать птицы, будут зеленеть поля и смеяться дети. Обелиск будет стоять, напоминая о достойном враге.

Пусть побежденном враге, но Селима Гирея стоило уважать.

Он умер, да. Но умер — сопротивляясь до последнего. Умер — непобежденным.

Тот, кто не имеет уважения к достойному врагу, и сам его не заслуживает.

* * *

— Что ты с ними делать будешь?

— Казнить. Есть варианты?

Софья выглядела так, что краше в гроб кладут. Ей — ей, для детского — ну пусть уже почти девического, тела бунт оказался тяжелой нагрузкой. И круги под глазами, и запавшие щеки, и землисто — серый цвет лица, и сурово сжатые губы…

— Но…

— Федя, Богом прошу…

На этот стон брат не мог не откликнуться. А что оставалось Софье?

Триста четыре человека.

Триста. Четыре. Человека.

Пока еще живых, но ее волей… Ее, черт возьми, волей!!!

И самое страшное…

— Налить тебе твоей заморской гадости?

— Налей.

Кофейник стоял тут же, укутанный в шерстяной шарф, чтобы не остыл. Рядом примостился кувшинчик с молоком. Царевич Федор ругнулся сквозь зубы, но сестре плеснул в небольшую чашечку кофе, щедро разбавил молоком. Предосторожность была нелишней — цвет у кофе был, что тот деготь. Два глотка — и сердце зайдется в бешеном беге.

— Это который кофейник по счету?

— Пока еще первый.

— Да неужели? Ты спала-то сегодня сколько, а, сестрица?

Софья задумалась. Кажется, часа четыре. Или даже пять?

Она точно помнила, что много. Раньше она себе и того не позволяла, просто сморило — и наглые девчонки решили ее не будить. Розог бы им за это всыпать по тому месту, которым думали! Поганки!

— Сонь, я насчет завтра.

— Слушаю?

И настолько тоскливыми были ее глаза — хоть волчицей вой.

На Болоте готовились плахи. Двадцать штук. Точились топоры, палачи потирали руки…

Триста четыре. Человека.

Из них более пятидесяти русских стрельцов. Православных, черт их дери! А ведь еще и…

В Немецкой слободе выщепили почти десяток резидентов от ордена иезуитов. Народ поднял шум, но авторитет Патрика Гордона был непререкаем. Его, кстати, страдания иезуитов не трогали, как истинного шотландца, пусть он был и католиком, но достаточно своеобразным. Слишком уж доставалось Шотландии, чтобы люди там покорно слушали священников.

Москву лихорадило.

Старец Симеон оказался человеком не слишком стойким морально… что сдохнет — Софья не боялась. Не настолько уж он стар, это первое, и второе — такие не дохнут. Такие живеют, жиреют и наглеют на глазах. Но не на дыбе.

Жестоко?

Нет, жестокостью было бы отдать его царской семье. Царевны, после того, как узнали, кто отравил брата, покушался на них и планировал их смерти, слегка озверели. Разорвали бы на сотню маленьких симеончиков, не иначе. Препарировали бы не хуже студентов биофака.

Причиной покушения оказались иезуиты.

Еще бы! Русь, понимаешь ли! Они тут всю Европу накрыли, в мусульманские страны загребущие лапки протянули, а тут вроде как христиане — и упс? А у нас тут православие, проваливайте, откуда пришли! А страна-то богатейшая! А хотелка-то жжет!

План был прост.

Сначала посеять рознь в самом народе, для чего надобно подсунуть Никону харо — ошую идею! Конечно, святые книги надо унифицировать, кто б спорил, но кем и как!? Впрочем, потом Никон попер в дурь и половину сделать не успел, но заделки остались хорошие. Новая вера с 'троеперстным кукишем', старая 'истинная' вера… чуть не хватило до драки! Из Аввакума начали лепить героя и мученика, кстати, Симеон этому поспособствовать не успел, но хотел.

Вмешалась Софья.

В Дьяково до Аввакума было не добраться, а подбирать кого другого на его место… он-то добирался до кого угодно из своей паствы! Так что…

Пришлось временно прекратить работу над религией и

начать обработку царской семьи.

И снова споткнуться на Софье.

То есть тогда-то Симеон думал, что на царевиче Алексее, но это — прошлое. Сейчас он знал, кого ненавидеть. Зубами б глотку перегрыз, только дай дотянуться.

Но кто же даст?

А еще те, кто по доброй воле работал на иезуитов, те, кто подбивал стрельцов на бунт, те, кто мутил народ… одним словом — завтра с жизнью должны были расстаться триста четыре человека — и Софья знала о каждом. О каждом читала, спускалась в допросные подвалы, в глаза им глядела, протоколы допроса кое — где наизусть знала…

Легко ли подписать приговоры?!

Софья вообще не знала, как живут политики в двадцать первом веке. Или когда отправляешь на верную смерть во всякие Ираки и Ираны толпу мальчишек — ты не понимаешь, что стоит за твоим росчерком пера? Статистика — это ведь не живой человек, статистике не больно, она не плачет под стенами Кремля женскими и детскими голосами…

Пощади, царевна… пощади, голубушка, век за тебя Бога молить будем…

Софья тряхнула головой.

Выйти за стены Кремля не представлялось возможным. Стрельчихи, притащив с собой детей, просто караулили ее — и избавиться от них не представлялось возможным. Не плетьми же разгонять… или стоило бы?

— Ты и правда собираешься их казнить?

— Да.

— И присутствовать на казни?

Темные глаза были непроницаемыми. Федя вдруг подумал, что Софья совершенно непохожа на отца. У всех у них так или иначе проявлялась Романовская кровь. Или голубизна глаз, или светлые волосы — Алексей так вообще был копией отца. Да, было что-то и от Милославских, но Софья — она была непохожа ни на кого. Темные, не черные, скорее коричневатые, словно соболиная шкурка, волосы, темные глаза — тоже между карим и черным… и когда они светлели, как сейчас, казалось, что в них танцует алое пламя. Ясное умное лицо, серьезное и задумчивое. Красивое?

А вот это сложно было определить.

Софья была слишком личностью, чтобы просто быть красивой или смазливой.

— Собираюсь.

— Смотреть, как казнят триста человек…

— Триста четыре человека. И?

— Соня, ты же душу свою навсегда загубишь.

Темные глаза еще чуть посветлели.

— Ты не поверишь, Федя, но я это знаю. А у меня есть выбор? Если сейчас я отпущу тех, кто хотел нас всех вырезать, они ведь вернутся. С саблями вернутся — и ты одним из первых на них повиснешь. А если Лешка вернется? Я должна эту ношу на его плечи перевалить? Самой чистенькой остаться, а ты, братец, пожалуй, кричи по ночам от кошмаров, кусай подушку, проклинай себя… это я брату отдать должна?!

Федор даже шаг назад сделал. Оправданий он ожидал, объяснений, но чтобы его же и атаковали?

— Сонь, ну прости…

— Ты за них просить пришел? Поди, вон, к царевне Анне! Она уж который день у Афанасия сидит, молится… Они его хотели с крыльца скинуть, чтобы толпа разорвала. Не успели, так это не их вина, это их Патрик останавливал! Ежи со всех ног сюда летел, земли не чуял… Ты за них просить будешь?

Царевич посмотрел на Софью.

— Соня, а как ты потом с этим жить будешь?

— Выживу.

— Соня…

— Феденька… — Софья смотрела такими злыми глазами, что царевич даже назад шарахнулся. — Почему бы тебе не пойти сейчас в пыточную и не послушать, что должны были сделать с тобой, Катенькой, Машей, Ванечкой, Володей? А вот как послушаешь, почитаешь — так и…

— но ведь есть же кто-то, кто был обманут?!

— Немного, но есть. И что?

— И завтра ты их тоже казнишь?

— А на кой черт мне те, кто своим умом жить не может? Бороды отрастили, а с мозгами проблема?! Не выращиваются?!

— Тебя народ проклянет.

— Так то меня, не тебя ж…

— Соня…

Софья вздохнула. Потерла лоб. И верно, кое — кого она бы помиловала. Пинка под копчик — и проваливай, дурак, но не в Москве ж их оставлять!? Нет уж, кто на власть покушался, исчезнуть должен! Обязан!

— А сослать их нельзя? — царевич словно мысль прочел.

— Можно-то, можно, да сложно. Знают, кто, знают, что… я сейчас не могу быть милосердной, Федя, иначе при следующем бунте нас просто сметут. Эти же и придут с копьями…

— А ежели…

Идею Софья выслушала со вниманием. Покачала головой, но

потом смягчилась.

— Хочешь? Сам и пробуй. Сейчас прикину… но учти, многих я тебе не отдам. Сейчас выберу тех, кто сможет пользу принести. Кто сможет за тридевять земель пойти и их освоить. Да, и не слишком запачкался. Чтобы пахать быки нужны, то верно.

— Иногда мне кажется, что ты не человек, — Федор даже поежился. Софья смерила его насмешливым взглядом.

— Болван ты, братец. На то я и такая, чтобы ты в людскую доброту верил. Оно куда как легко за спиной у старших и сильных. А ты вот в жизни попробуй…

И Федор подумал, что она в чем-то права. Легко быть добрым за чужой счет. А вот так, как сестре? А Алексей, когда приедет?

Нет уж!

Никогда и ни за что не хотел бы он себе короны. Не вынесет.

Сломается.

* * *

Болотная площадь бурлила. От народу было черно и темно. Сновали разносчики, продавая пироги, покрикивали продавцы кваса и сбитня, скользили в толпе карманники…

На площади возвышались два десятка эшафотов — и палачи ждали. Ухмылялись.

Туман лениво скользил между людьми, касался лиц холодными пальцами, словно злорадствовал…

Отдельной группой собрались родственники казнимых — все, как один, в простых белых рубахах… еще хоть раз попробовать умолять царевну.

Да, именно царевну.

— Ой, Луша, ужас-то какой…

Лукерья прищурилась на подругу.

— Мотря, не след бы тебе сюда идти. Не праздна ведь…

— Да срок-то ранний. А событие какое! Говорят, царевна смертью лютой приказала тысячу людей сказнить!

— Пару сотен, не более. Да и не просто людей — тех, кто бунтовать задумал.

— Так бунта ж не было…

— Так это потому, что царевна вовремя в Москву успела.

Лукерья говорила хорошие и правильные слова, а пальцы нервно перебирали кончик косы. М — да… вот ежели бунт начался бы, ежели остановить его не удалось бы, тогда — да! Тогда все бы царевну поняли. А сейчас…

Народ шептался — и шептался нехорошо. Все чаще

слышалось 'кровавая царевна'. И переломить это мнение никак не получалось.

Луша честно донесла о том в Кремль, девочкам, но… что-то сделает царевна? Что тут вообще можно сделать? Хотя это же государыня Софья! Она обязательно что-нибудь придумает.

Но вот толпа заволновалась.

— Едет! Едет!!!

И верно, к Болоту двигался легкий открытый возок, в котором сидела царевна Софья. Без платка, с простым золотым венцом на голове, в алом платье, она смотрела прямо пред собой, холодно и надменно.

Темная коса змеей стекала по яркому шелку. Венец поблескивал алыми камнями.

За ней ехали конники, шли обережные стрельцы…

Других Романовых в возке не было.

— Милославское семя, — прошипел кто-то в толпе.

Царевна спокойно вышла из возка, который остановился рядом с самой высокой платформой, простучала каблучками сафьяновых сапожек по ступенькам, развернулась к народу.

— Слышите ли меня, люди добрые!?

Голос был звонким и отчетливым. И народ замер, стараясь не потерять ни единого слова. Тем временем всадники окружали помост.

— Сегодня за попытку бунтовать, за умышление на жизнь царской семьи, будут казнены триста четыре человека. Для каждого будет оглашена вина его и приговор. Судите сами, сколь справедливо это.

И замолчала, опустилась в заранее приготовленное кресло, положила руки на подлокотники и замерла ледяной статуей. Стрельчихи качнулись вперед, в ноги броситься, умолить, но замерли, потому что на площадь принялись въезжать телеги.

Одна, две… пятнадцать, двадцать… и в каждой — люди. Все простоволосые, также в белых рубахах, в цепях, со свечами в руках — Софья не собиралась давать кому-то возможность сбежать.

Палачи приготовились. Родные и близкие бросились к своим, осеклись, натолкнувшись на охрану…

Стражники потащили на помосты людей из первой телеги… но почему-то за них никто не вступился?!

И то верно — Софья подобрала людей так, что в первых двух телегах сидели люди из Иноземной слободы, а за них просить никто не пришел. Патрик Гордон несколько дней проводил там большую разъяснительную работу, объясняя, что иезуитские шпионы — это собственно, вовсе не добрые протестанты. И

заступаться за них — себе дороже.

Тем временем по знаку Ежи Володыевского, охрана у телег чуть раздалась, пропуская родных к стрельцам. Там начались крики и стоны.

Софья терпеливо ждала — и ее терпение было вознаграждено.

— Сестрица, прошу тебя о милосердии!

— Невместно царевне жестокосердие проявлять…

Откуда они появились — никто и не заметил. Высокий седовласый мужчина с гордой осанкой, с окладистой бородой, в простой черной рясе — и рядом с ним отрок в белой одежде. Ладный кафтанчик, светлые волосы… да что у них может быть общего?

Это Софья знала, с каким рвением царевич учился, как внимательно слушал Аввакума — ему б точно священником быть!

Глядишь, и патриархом еще станет.

На площади наступила тишина. Софья выпрямилась.

— Ведомо ли вам за кого просите?! За татей, зло умышлявших! Чудом не совершили его, да хотели! Всех Романовых хотели извести, покамест брат мой с татаровьями злобными воюет!

Стало так тихо, что Софья едва не рассмеялась. Беден этот мир на зрелища, ни телевизора, ни даже театра толкового… Станиславский ее бы вмиг со сцены смел, насчет своего актерского таланту Софья не обманывалась. А тут… даже детям рты заткнули!

— За людей прошу! Православных людей, с толку сбившихся, злыми латинянами обманутых!

— Сестрица, не карай их за глупость-то!

— А коли б кровь пролилась? Твоя кровь, Феденька?!

Роли были расписаны заранее и даже слегка отрепетированы у нее в кабинете.

Аввакум напирал на нехристианскиий поступок, Федор на милосердие, Софья упиралась, отказывая потому, что 'они же еще раз придут'! 'Они ж не помилуют'!

И — да. Таланта у Софьи не было. А у зрителей не было опыта парламентских дебатов. А потому…

Поддерживать накал страстей Софье пришлось минут пятнадцать. Потом какая-то кликуша не выдержала, выскочила из толпы стрелецкой родни, бухнулась в ноги царевне и заголосила так, словно ей в попу вилами тыкали:

— Царевна, заступница наша, не попусти, век за тебя бога молить будем, один он у нас!! Кормилец!!! Пропадем ведь, голодные да холодные…

Софье того и надобно было. Истерика одной бабы спустила с цепи всех родственников казнимых, которые присутствовали на площади — и те все падали на колени рядом с царевичем и Аввакумом, глядели то на них, то на Софью, как на последнюю надежду, рыдали, стонали, умоляли, размазывали сопли…

Софья наблюдала острым взглядом — и дав народу выкричаться, подняла руку.

Все умолкли — и в этой тишине все увидели, как протопоп Аввакум опускается на колени, а рядом с ним царевич Федор.

— Коли казнишь их царевна, руби и мою седую голову, ибо они стадо, а мы — пастыри духовные и моей вины в том бунте более, чем их!

— И моей! — царевич Федор бухнулся в грязь рядом с учителем и наставником. Мы должны были того не допускать, сестрица…

— А те, кто отца нашего отравил?

— Так ведь не стрельцы ж! Их самих злые люди с пути истинного сбили…

Софья глубоко вздохнула. Задумалась на пару минут, еще нагнетая обстановку.

И наконец…

— Ладно же, батюшка! Ради тебя, ради просьбы брата моего, коего эти тати на копья поднять хотели, — пусть и не хотели, но могли же! — Слушайте мое решение!

Слушали. Муха пролетит — услышали бы.

— Стрельцы. Приговор мой будет таков вам — вы отправитесь в изгнание. Возьмете с собой семьи, кто поехать с вами захочет, подворья ваши в казну отойдут, а вы поедете туда, куда я скажу. И жить будете там, где я скажу. Тогда живыми останетесь. Иначе… Либо смерть — либо постриг.

Вот тут Софья и поняла, что такое — народное ликование. Смело восторгом! Залило восхищением.

Кровавая царевна?

Милосердная! А уж что обрушилось на Аввакума и Федора…

Когда те поднялись с колен, народ на них уставился ровно на святых. Софья усмехнулась про себя. М — да, не знаете вы, что такое PR — технологии — и даст Бог, никогда не узнаете.

А она сейчас цинично размышляла, что в казне прибыло — и очень неплохо. Это первое.

Осваивать земли на границе с Китаем надо — это второе. И эти — освоят, коли жить захотят. Конечно, голых и босых их не отправят, но сейчас, вот как есть, вывезут за город. Там подержат в монастыре недельку, пока не соберут все потребное — и проваливайте. Вместе с семьями.

И третье, самое приятное. Она сейчас помиловала человек пятьдесят. Остальных никак нельзя, а эти были выбраны, как самые неповинные. По принципу — все пошли, и я пошел. Я рядом стоял. Командир приказал. Но власть уже не будет кровавой. Такие поступки, как милостыньку подавать. Бросит царь грошик — никто и не вспомнит, что он налоги повысил. Общественное мнение формировать надобно, а то как же! Власть должны ценить и любить, а не бояться. Тот же Петр, Софья точно помнила, головы рубил, да бунты постоянно были. То один давил, то второй… и надо ли нам такое добро?

Нет уж. Будем зарабатывать братишкам популярность.

Аввакум царевне поклонился, собирался было с площади уйти, но… куда там!

— Благослови, батюшка!

— Благослови, царевич!

Софья с ехидной ухмылкой посмотрела на брата. А что?

Кто может быть лучше патриарха из царской семьи?

Вот только надо бы решить, как быть с целибатом. Софья еще в той жизни его не понимала и не принимала — ни к чему такие извращения. Ей — ей, пусть хоть сперму бы тогда сдавали, если естественным путем размножаться не хотят! Генофонд ведь пропадает!

А тут как?

А тут и не сдашь. Увы…

Да и Федька…

Было что-то такое сейчас в мальчишке.

Сделаю я его таки патриархом. Никуда не денется. А наивность? Так у него ж пока щенячий возраст, вот, через годик начнем его вводить в курс дела, тогда попроще будет. Постепенно вся эта шелуха с него и пообтрясется.

Но это потом. А пока…

Софья подозвала Ежи и тихо распорядилась. С площади двинулись телеги с тщательно отобранными стрельцами, толпа заволновалась, зашумела…

А тем временем, пока счастливые родственники обнимали почти воскресших стрельцов, палачи по кивку царевны принялись за свою работу.

Софья досидела до последнего. Досмотрела. Вымучила из себя.

И все же… с жизнью сегодня расстались не три сотни человек, поменее. Чуть более двух сотен. По ее воле. Правда — враги. Шпионы, двойные агенты, завербованные ими перебежчики, кое-кто из Долгоруковых, кого уже выпотрошили, да и те же стрельцы — та часть, которая приняла близко к душе

посулы изменников…

Малоприятная публика.

Софья внимательно прислушивалась к себе, когда ехала обратно. Изменилось ли что-то?

Нет.

Примет ли она еще раз такое решение?

Однозначно. Для защиты своей семьи все средства хороши. Эх, где-то та семья

* * *

'Та семья', а точнее, Алексей Алексеевич Романов и Иван Морозов сейчас находились под Бахчисараем вместе с примкнувшим к ним Яном Собесским. Он-таки дошел, хоть и потерял почти двадцать процентов войска. И ладно бы — в боях!

Причинами послужили не татары, а кишечные инфекции, буквально косившие народ. Пока не догадались мешать воду с вином, или, на край, с уксусом, полегла чуть ли не половина войска. Алексей только фыркал — правда, про себя. Ему-то Софья давно рассказала, что к чему и чем опасны кишечные инфекции. А заодно — и как их избежать.

И откуда только она все это знает? Умная у него сестренка…

Собственно, под Бахчисараем они еще не стояли. Столица крымского ханства была окружена равниной, а та — холмами. Вот к этим холмам и подошли оба войска. Казаков пока еще не было, но скоро, скоро уже…

Никогда Иван Сирко себя ждать не заставлял, да и Степан Разин старался, зарабатывал славу.

— Что делать будем?

Алексей пожал плечами.

— Татары не дураки. Хоть и не готовились они тут обороняться, но укрепления на холмах у них есть. Да и дорога отвратительная.

— Если пойдем по ней — нас просто перестреляют.

— Могут, — согласился Ян Собесский. — и что вы предлагаете?

— Пока я послал разведку. Они вернутся, доложат, кто и где стоит — и мы будем решать.

Ян одобрительно кивнул.

— Вы мудры, ваше высочество. Другой бы пошел в атаку…

— Мне не нужна воинская слава. Мне нужны мои люди. Живые и здоровые.

— Мало кто так рассуждает.

Царевич пожал плечами. Лесть ему была приятна, но в то же время…

Льстят? Подумай, чего хочет добиться этот человек. Мы с тобой — царские дети, то есть даже будь мы последними болванами, нам бы льстили…

Голосок Софьи всплывал в памяти, тревожил, не давал расслабиться.

— Скоро подойдут казаки.

— Государь, а что потом будет с этой землей? Когда закончится война?

— Будет Алексей Михайлович, царь крымский. В числе прочего.

Юноша выразился более чем понятно. Глаза Яна сверкнули веселыми искорками.

— У вас большие планы, государь.

— Надеюсь, у меня хватит на них времени.

* * *

Разведчики вернулись к утру, доложив диспозицию.

Напуганные бесчинствами русских, татарские войска собрали всех, кого могли. Сейчас под Бахчисараем находилось не менее десятка тысяч татар. Утешало другое — не то войско, чтобы его сильно бояться. Да и место не то, хотя они могут доставить серьезные неприятности, поскольку засели так, чтобы простреливать дорогу. Опять же, их главное оружие, легкая конница, в холмах не слишком полезно.

И все же, русские не могут позволить себе платить двумя — тремя людьми за каждого татарина. Слишком им жирно будет.

Так что же делать?

Выход подсказали подошедшие спустя считанные часы казаки, точнее Иван Сирко.

— Государь, — старый характерник был весел и бодр, словно и не было у него за спиной походов, боев, длительных переходов по степи, — так может, скрытно пройти да им в спину и ударить?

Алексей задумался.

— Скрытно? Но сколько пройдет? Человек десять? Мало…

Иван Сирко пригладил густые седые усы, усмехнулся загадочно.

— Что вы, государь, пару сотен я в обход провести берусь, не впервые.

— По одной дороге? Под прицелом у татар?

Казак смотрел спокойно и внимательно.

— Ты мне, государь, поверь, чай, не впервые оно. Был бы я помоложе, я бы и больше провел, а сейчас только пару сотен. Не увидят они нас. *Нас — не увидят*.

И так это было сказано, что мигом вспомнились ходящие по Сечи байки — и про *тайные* способности Ивана Сирко, и про желтый глаз, и про оборот волком… да много о чем сплетничали. Алексей решительно тряхнул головой. А и поверить — что он теряет?

— Ежели ночью, а мы с утра начнем штурм?

— А мы как раз ударим в спину…

Мужчины переглянулись. Алексей кивнул.

— Кого возьмете?

— Своих, государь. Уж не обессудь, а только казакам скрываться, к врагу подкрадываться куда как привычнее. Твои-то так не умеют, а уж ляхи — и тем паче.

— Коли понадобится, так мои люди казакам не уступят, — обиделся Ян Собесский.

Казачий атаман усмехнулся, заставляя всех почувствовать себя мальчишками.

— Коли мне отряд вести, так мне и людей подбирать. Не то — не обессудьте, за результат не поручусь.

В синих глазах заплясали искорки.

— А ежели я с вами еще пару своих людей отправлю?

— И кого же, государь?

— А Степан не говорил о таких? Их еще троянскими коньками кличут?

Алексей с удовольствием пронаблюдал за пониманием на лице атамана.

— Говорил, государь. И что ж эти дети сделать должны будут?

— А вот это мы сейчас и обговорим.

Чего уж там, гранаты еще оставались. И грех было их не использовать на такое хорошее дело.

* * *

Федька осторожно шел за рослым казаком, стараясь даже ногу ставить след в след. Так, на всякий случай.

Мешок за спиной чуть оттягивал плечи, но сильной усталости пока не ощущалось. Гранаты поделили им на двоих — ему и Даньке, и сейчас друг тоже шел где-то среди казаков.

Когда царевичево войско начнет штурм, они должны будут атаковать татар с тыла. Шуметь, кричать, убивать — глаза у

страха велики, а храбрость у татар наоборот, весьма мала. В жизни им тут воевать не приходилось.

Так что должны они дрогнуть, а уж ежели гранаты добавить…

Точнее, сначала гранаты, а потом атака. Чтоб своих не задеть даже по случаю.

Удастся ли?

Должно. Государь знает, как лучше сделать. И сейчас он подчинил их Ивану Сирко.

Мальчишка невольно поежился. А все ж страшновато… и рука сама перекреститься тянется. Вот идут они, а старик впереди идет — и ведь не видят их татары. А еще… поблазнилось тогда Федьке али нет? Вроде как у атамана глаза горели желтыми волчьими огнями…

Или так отсвет факела лег?

Все же, ночью, в холмах, плохо верится в обыденность. Воют где-то далеко волки, шуршит под ногами трава, обвивая щиколотки, вскрикивает какая-то степная птица…

Рука так перекреститься и тянется. Ишь ты, нечистая…

И не поговоришь с кем, не успокоишься… шуметь нельзя, разговаривать нельзя, все железо войлоком обернули, чтобы не блеснуло, да не брякнуло…

А вокруг что-то серое, что-то вихрится — и кажется Федьке, что они идут, словно под пологом из паутины. Словно тень какая накрывает их, застит степь, гасит звезды. А старый атаман то тут, то там — он один словно в нескольких местах.

И голос у него спокойный.

— Идите, ребятушки, они никого не увидят.

А как не увидят, когда идут они прямо по дороге? Вниз поглядеть хоть одному — и вот они, как на ладони!

А атаман смотрит куда-то в темноту и чудится Федьке на миг, что глаза его горят страшноватым желтым светом, и вытягиваются зрачки, заостряются клыки под седыми усами… миг — и встанет на лапы здоровенный седой волк, вскинет голову и завоет.

И, отвечая его взгляду, волчий вой раздается совсем рядом, совсем близко.

— Не увидят они нас.

А кого? Федька боится задать этот вопрос, но атаман чуть усмехается.

— Волков в холмах много…

И опять пропадает в тумане.

А туман страшноватый, серый, липкий, влажный — не степной туман, и видится в нем что-то страшное, чудятся чьи-то голоса, наречие чуждое, словно рядом татары, вот только руку

протяни, чтобы коснуться. Горят неподалеку огоньки костров…

Страшно…

И мертвенный холод пробирает чуть ли не до костей, когда липкое влажное щупальце забирается под одежду, внутрь…

Мальчишка передергивается, стискивает зубы… да, много говорят о таких людях, и сам он слышал… вот, значит, как оно бывает. Лишь бы душу потом не попросили те, кого не поминать к ночи.

И опять хочется перекреститься, но Федька уже не поднимает руки. А вдруг тот, кого к ночи не называть, огневается — и снимет защиту? И увидят их сейчас татары?

Все здесь полягут…

Ничего. И не с таким справлялись — и сейчас справятся. И все же, когда туман рассеивается, над головой опять светят степные звезды, а Иван Сирко взмахивает рукой:

— Дошли, ребята! Привал!

Федька переводит дыхание. Смотрит на атамана. И кажется ему — или клыки никуда не делись? И глаза у старого характерника горят желтыми волчьими огнями? Ну да ладно, сейчас и перекреститься можно.

— Вы оставайтесь, я пройдусь поодаль, огляжусь.

Иван Сирко исчезает, прежде, чем кто-то хоть слово произносит — и совсем рядом раздается громкий волчий вой.

Федька встряхивается всем телом и один из казаков хлопает его по плечу.

— Сробел, малый? Оно и понятно…

Любопытство и гонор оказываются сильнее страха.

— И ничего я не сробел. А вот это… что было? Они ж нас должны были увидеть! Мы рядом шли!

Казак ухмыляется.

— А вот это… знаешь, как нашего атамана татары с турками называют?

— Урус — шайтан.

— Именно. И не зря.

— А…

— А остальное — не твоего ума дело.

Федька насупился. Можно подумать, он совсем глупый. И так ясно, что врагам глаза отвели! Слыхал он о таком, просто тогда людей меньше было, но одному — двоим глаза отвести — несложно.

Деды говорили…

Но не хотят говорить? И не надо. Он тоже помолчит.

Теперь оставалось только ждать.

* * *

На рассвете русские и поляки принялись собираться. Сегодня их ждало сражение за Бахчисарай.

Там была столица ханства, а на высотах, впереди, их ждал Селямет Гирей, калга и младший брат Селима Гирея. Впрочем, блистательного ума старшего брата, говорят, ему Аллах не отпустил.

Алексей посмотрел на выстроившиеся полки, на решительные лица людей…

— Да благословит нас Бог, воины!

И первым, подавая пример, опустился на колени. Молитва была короткой, а потом войско быстрым маршем двинулось в сторону расщелины между холмами.

Сегодня и решится, чьей власти быть на земле крымской.

Татары встретили русских пушечным огнем. Первые ряды дрогнули, но не отступили. Падали, но шли вперед, упрямо, в 'мертвую зону', куда уже не достреливали пушки. И все же…

Алексей находился сейчас в арьергарде. Он с радостью шел бы впереди, но кто ж ему разрешит? Наследник! Царевич!

Оставалось только ждать, сжимая кулаки и смотреть, как падают люди. Его люди. Православные.

Где же Сирко!?

* * *

Федька даже чуток придремал, едва ли не в обнимку с Данькой, когда сильная рука встряхнула его за плечо.

— Вставай… конек. Бой начался.

Сна как ни в одном глазу не бывало. Над мальчишками склонялся Иван Сирко. А глаза у него были желтые — желтые, волчьи, умные и хищные.

— Пора.

Федька подскочил, вытянулся, зная, что рядом так же вытянулся во фрунт Данька.

— Разрешите приступать?

— Разрешаю. Эти ваши игрушки далеко ли летят?

— Как добросим, воевода.

— А взрываются скоро ли?

— Секунд десять погорят, а потом жахнут так, что чертям в аду жарко станет.

Федька был уверен, что атаман все знает. Просто дает им время прийти в себя. Мало ли…

— Сейчас пойдете, куда я скажу, а с вами пойдут Петро и Оглобля. Они ваши штучки куда как дальше докинут.

— А…

— Мешкать они не будут, просто силы у вас пока детские. Обидно будет зазря такую мощь потратить.

Еще бы не обидно.

Федька кивнул.

— Разрешите начинать?

Желтые глаза одобрительно сощурились.

— Начинайте.

* * *

Селямет Гирей смотрел вперед. В душе калги бушевал вихрь гнева. Наглые твари! Сволочи! Шакалы православные, не знающие Аллаха и истинной веры!

Да как посмели они!?

Селим Гирей ушел в поход — и как это часто бывало, его брат остался за старшего. И вот тут…

В столицу начали приходить плохие известия.

Русские появились в Крыму. То здесь, то там… спасшихся было немного. Тех, кто смог добраться до столицы и сообщить обо всем государю — еще меньше. К тому же Селямет Гирей был не настолько умен, как брат — вот и не принял все всерьез.

Забеспокоился он пару недель назад, когда прилетел голубь из Кафы.

Город был захвачен. И все чаще в Бахчисарае объявлялись беженцы…

Сначала Селямет не беспокоился. Ну, набег — бывает. Приходили сюда уже и казаки, и русские, да только убрались несолоно хлебавши. Селим же как раз под Азовом, вот возьмет он крепость — и пройдется победоносным маршем, захватывая неверных и превращая их в своих рабов, ибо на что они еще могут сгодиться?

Только в меру своих сил и умения служить правоверным.

Но…

Все складывалось не так хорошо. Селим молчал, а вскоре пришло и известие пострашнее. Русские шли к Бакчэ — Сараю. Шли уверенно, не останавливаясь и с понятными намерениями. И с другой стороны двигались поляки.

Это было уже серьезно.

Потрепать их стрелами издали не удавалось — у них была своя кавалерия и посылать людей было бессмысленно. Все

заканчивалось долгой погоней по степи.

А вот защищать…

Бакчэ — Сарай был окружен холмами — и в город вела дорога, петляющая между ними. Вот ежели занять позицию на холмах… что калга и сделал.

Поставил пушки, расположил людей, устроил штаб… штурм не стал для него неожиданностью. А вот…

* * *

— Как только я гранату передам, так и бросай. Сразу же.

Казак, носящий говорящее прозвище 'Оглобля' кивнул. Весь нескладный, длинный, с руками чуть ли не ниже колен… понял ли?

А, коли нет, так их всех сейчас тут разнесет.

Федька чиркнул кремнем, высек искру на трут — и быстро понес тлеющую тряпку к фитилю, пропитанная маслом веревка вспыхнула мгновенно.

Граната перешла в руки Оглобли, тот, не мешкая, раз махнулся — и швырнул ее, что есть сил.

Федька проводил ее взглядом.

А ведь хорошо пошла…

Стартовав на холме, в тылу врага — Иван Сирко выбрал идеальную позицию, татары отсюда были видны, как на ладони, граната финишировала аккурат посреди большого их скопления.

БАБАХ!!!

Грохот донесся даже сюда. И сразу же…

ШАРАРАХ!!!

Данька тоже не мешкал.

Мальчишки переглянулись — и протянули к труту по второй гранате. Их всего десятка полтора, так что поспешать будем, пусть ни одна не пропадет…

* * *

Не заметить удар в спину татарам было бы сложно. Гранаты грохотали так, что эхо на день пути вокруг разносилось. Да и татары, которые только что стреляли, глумились над атакующими и были вполне в себе уверены, вдруг замешкались.

И вот тут русичи своего не упустили. Рванулись наперегонки с поляками, словно крылья на ногах выросли. Расстояние до холмов преодолели в несколько секунд, полезли вверх, словно за

ними черти гнались…

И стоило замолкнуть гранатам, как откуда-то, за спиной у татар раздался грозный волчий вой. А потом и…

— За родину!!! Уррраааааа!!!

Казаки Ивана Сирко шли в бой. Они понимали, что ежели татары сейчас на них развернутся — не вернется ни один. Но их вел батюшка — атаман, они бились впервые за свою землю, у них была поддержка и помощь…

Разве не стоит оно того, чтобы голову сложить?

Тысячу раз стоит!

Они и не колебались.

Не колебались и 'троянские коньки', которые отбросав гранаты, ринулись вслед за Оглоблей и Петро. Не оставаться ж им в стороне, когда тут такое. Казаки попытались было, цыкнуть на ребят, но сразу же смолкли. Потому что сабли у мальчишек в руках были как раз под их рост, и кинжалы во второй руке тоже, и глаза такие…

Можно их остановить.

Так ведь не простят потом. Ни им, ни себе. Бывает бесчестье, которое пострашнее ножа режет. Авось да и уцелеют. Казаки переглянулись и положили себе приглядывать за мальцами. И отдались бою.

* * *

Федька уверенно отводил удары, как учили. Сил у него мало, да и ростом он не вышел, зато юркости и ловкости на десятерых хватит. Так и получается. Удар спустить либо по сабле, либо по кинжалу, отклонить в сторону, а другой рукой ударить. Бить ногами, подсекать врага, едва ли не на колени падать, когда надобно друга прикрывать — это не благородное фехтование. Это — бой, то есть свалка стенка на стенку, и здесь все против всех и все за всех.

Остаться на месте? Ожидать конца боя?!

Да никогда! Не для того царевич их с улицы забрал, чтобы они труса праздновали…

Удар, еще удар, рядом падает татарин с распяленным в диком крике ртом, Федька не замечает, что кричит и сам, выплескивая буйное хмельное безумие боя.

Сабля справа. Уклониться, парировать, ударить, слева его прикрыл казак, и еще удар, и еще…

Прилетевшей откуда-то слева стрелы Федька не заметил. Просто что-то клюнуло в плечо, заставляя упасть на колени.

Больно…

Конец…?

* * *

Селямет Гирей так и не понял, когда ситуация переломилась. Когда что-то страшно загрохотало? Да вроде как нет, тогда он еще смог организовать сопротивление. И татары все равно поливали нападавших стрелами.

Когда раздался волчий вой и им ударили в спину?

Вроде как тоже нет…

Когда… Да. Вот именно тогда, когда спереди ударили пушки, а один из холмов захватили и принялись безжалостно вырезать всех, кто был на нем, спихивая вниз мертвые тела.

Вот тогда и дрогнуло его войско.

Тогда и побежало.

— Куда, шакалы трусливые!? Повешу!!! — бесновался калга, понимая, что рядом с ним остается все меньше людей.

— Не повесишь.

Голос был ледяным.

Селямет обернулся. На холме, неподалеку от него стоял самый страшный кошмар любого татарина. Казачий атаман Иван Сирко.

Нечисть желтоглазая, *урус — шайтан*…

Как он попал сюда, почему никто его не остановил?!

Но стоит вот, и с сабли катятся на землю алые капли.

— Не повесишь, — повторил атаман. — Ты сегодня здесь ляжешь.

Селямет завизжал от злости, видя как последние из его людей, глядя на урус — шайтана, пятятся все быстрее, а потом и бегом бегут с холма — и прыгнул вперед, занося меч.

Сдаться?!

Не бывало такого позора в роду Гиреев!!!

Иван отразил его удар, сам напал, в желтых глазах горели опасные огни, лишая силы и удачи Селямета Гирея. Страх сковывал калгу, вползал змеей в душу, и закончилось все вполне предсказуемо. Росчерком широкой казацкой сабли, перерубившей шею татарина — и с ней весь окружающий мир. Иван вытер саблю об одежду поверженного врага, усмехнулся…

Не бывать тебе больше в Крыму хозяином!

Не бывать!

И принялся спускаться с холма, чтобы принять участие в еще не закончившейся битве.

Этим же вечером русские вошли в Бакчэ — Сарай, который отныне будет именоваться Бахчисараем. Они отдохнут здесь пару дней, а потом отправят отряд в Султан — сарай. Надо же зачищать Крым до конца! Обязательно надо!

Впрочем, сильно им стараться не придется. Татары, испуганные настолько, что некоторых можно было бы найти просто по запаху, бежали прочь не разбирая дорог. Им было страшно…

Те, кто любят ходить пакостить в чужие земли, не бывают готовы к войне на своей земле. Но она приходит.

Неожиданно и неотвратимо.

Судьба всегда требует расплаты. Не с родителей — так с детей, с внуков… и часто забирает проценты.

Селямету Гирею памятник не ставили. Единственное, что сделал для него Алексей Алексеевич — это приказал похоронить в отдельной могиле. Хватит с него и того, что над телом издеваться не будут, как они над телами православных. На стене не вывесят, в ров не выбросят, из черепа чашу не сделают. А могли бы, еще как могли…

Эх, скорее бы тут все закончилось…

Хоть и красив Бахчисарай, хоть и приятно побеждать, а все ж домой хочется…

* * *

В Москве пока еще продолжалось следствие — и казни.

Хованский, сломавшись, потащил за собой многих и многих. Софья только за голову хваталась — сколь же прогнило все при ее батюшке! Друзей он сердечных подбирал! Молился по четыре раза в день! Посты держал!

Да твою же ж перетак!!!

Ты сначала в государстве все наладь, а потом хоть умолись!

Нет, было и кое-что умное. Например, он комплектовал полки нового образца. Софья твердо решила последовать его примеру. Стрелецкие полки поделили на две части. Провинившиеся — расформировывали. И компоновали из них нечто новое.

Устав Софья помнила плохо, но написать хуже Петра Первого?!

Это было бы сложно даже для нее. Чего стоит только фраза, над которой издевался ее знакомый майор.

Кто знамю присягнул единожды, у оного и до смерти стоять должен!

Сказано-то верно. Но коряво настолько, что в среде военных шли постоянные издевки с сексуальным подтекстом.*

**** фраза реальная, принадлежит Петру I, и действительно, неоднократно подвергалась издевательствам со стороны военных в присутствии автора. Прим. авт.***

Что, сложно было сказать, что верность воинская единожды отдается, и воин, клятву преступивший хуже пса поганого? Более того, что убить изменника родине — дело богоугодное?

Ну ладно, над последней фразой надо подумать.

Как говорится — незнание закона не освобождает от ответственности, а вот его знание и умение с ним работать — вполне.

Софья и собиралась.

Чуть реорганизовать работу приказов, поставить своих людей если и не на ключевые посты, то рядом, отписать, кстати, в Данию, Швецию, да и тому же Леопольду. А что?

Мужик, мы тебе помогли с османами?

А ты помоги нам с заключением удачных браков! Естественно, не без выгоды для себя. Тем более, что и Катерина, и Марья были вполне симпатичными девчушками и обещали вырасти настоящими красавицами. Марья была копией матери. Катерина походила на отца. Учить их, конечно, надо было нещадно, но Париж стоил мессы.

Париж…

Нет, с Людовиком Четырнадцатым Софья контакты налаживать и не собиралась. И даже рядом. Слишком данный человек авторитарен, хитер, искушен в интригах. Хотя если придется, она с кем угодно сцепится. Но по — хорошему, стравить бы их с Англией в очередной столетней войне и заняться своими делами — да ведь не поддадутся.

Ничего, мы найдем, как и где извернуться. Уже начали.

Софья усмехнулась, вспомнив о стрельцах, ее волей отправленных в ссылку.

Куда?

На Амур!

Шилка, Нерчинск, а далее Камчатка и Аляска! Осваивать, заселять, обрабатывать…

А что?

Народ крепкий, хозяева справные, оружие в руках держать умеют, а то что это такое? Сибирь же! А всей колонизации — казаки да Ерофей Хабаров! Так дело не пойдет!

Это лес, это природные богатства, это вся таблица Менделеева, это… вообще, к чему такие богатства дарить Китаю?

Историю Софья знала от слова 'никак', но даже в ее памяти

осталось, что колонизация Сибири была проблемной как раз из-за китайцев.

В той жизни.

А еще она удивлялась — куда смотрит правительство? Имея под боком такую… засаду, как перенаселенный Китай и ненаселенная Сибирь? Или они надеются удрать, когда заварушка начнется? Да наверняка, только вот не понимают, что все равно до конца жизни останутся вторым сортом. То ты был министр 1/6 земного шара, а то ты рантье второго сорта, который никому даром не сдался. Доживаешь свой век на помойке истории куском гнилого мяса.

Жестоко? Цинично?

А Софья вообще-то была воспитана в то время, когда Россия была и 1/6–й, и великой державой. И замашки, и отношение у нее были соответствующие. Ну а кому не нравится — никого ж не неволят! Сейчас на Руси даже толковых паспортов нет… о!

Кстати!

Перепись населения — дело важное. Надо.

Далее…

Никакого закрепощения крестьян в этой истории не будет. Нечего Руси с такими колодками на ногах делать! Покамест восстановим Юрьев день. Это первое.

Вторым пунктом его размножим до двенадцати дней в году. Ну, хотя бы до шести. А еще можно будет в плане освоения Сибири, ежели не понравилось тебе у твоего боярина, а бежать некуда — отправляйся за государственный кошт. Как?

Придумаем, продумаем. Если на то пошло — царевичева школа — это готовый аналитический отдел, ребята там что хочешь посчитают! Лишь бы интересно было. А интерес она обеспечит.

— Сонь, пора.

В кабинет заглянул царевич Иван. Царевна кивнула, встала из-за стола.

— Волосья поправь, выбились.

Софья нахмурилась, но волосы поправила.

— Так лучше?

В работе она ни на что внимания не обращала. Ванечка кивнул.

— Пойдет.

— Тогда сопроводите сестру, царевич.

Недалече. Всего лишь в Грановитую палату.

Бояре ждали. Софья привычно уселась на стульчик возле трона, оглядела их.

Уже не такие, как в первый раз, вовсе нет. Присмиревшие,

поумневшие… Какое там про девок наглых ляпнуть?! Голову бы сохранить — и бороду!

Рядом стояли Иван и Федор, сидела на маленьком стульчике царица с сыном на руках — на трон ни один Романов не посягал. Это седалище дождется Алексея. Как и царские ризы, и бармы, и шапка Мономаха. Софья ни на что не посягала. Не правительница, нет. Всего лишь местоблюстительница.

А пока…

Пока мы начнем медленно и печально разбираться с барщиной. Софья отлично понимала, что это сложно, долго и противно, но деваться было некуда. Это ж кандалы для всей Руси.

Пока у нее власть — она разберется. А вернется брат — смягчит самые ее крутые указы и окажется хорошим и пушистым.

— Здравы будьте, бояре, — Софья улыбнулась. Впрочем, ее улыбка никого не обманула — бояре видели за розовыми девичьими губками волчий оскал клыков в три ряда — и заранее передергивались. — Нам сегодня о многом поговорить надобно.

Упс…

С места поднимался Никита Иванович Одоевский. Та — ак… Богат, неглуп, к тому же не был замешан в заговоре. И что ж ты скажешь?

Софья твердо знала, что начинать и давить бояр надо сейчас, после бунта, чтобы потом лишней крови не было. Так что… скажи мне хоть слово против! Я ж из тебя чучело набью… во всех смыслах!

— Царевна, а к чему торопиться разговоры пустые разговаривать? Вот государь вернется — тогда и пусть он страной управляет, мы ему слова поперек не скажем.

Пальцы Софьи медленно сжались на рукоятке плети.

Ах ты ж гадина ядовитая! Два предложения — а столько 'ежей'! Во — первых, сам вопрос. Вякнул бы ты такое поперек батюшкиного слова — летел бы в деревню вперед своего визга. Во — вторых, пустые разговоры. То есть все, что она скажет — заранее чушь. В — третьих, возвращение государя. То есть он тут царь, она — букашка.

Софья впилась глазами в лицо чуть побледневшего князя.

— Значит, пустые. Разговоры. Разговаривать. Стража!!!

Долго звать не пришлось, мигом влетели. Софья на боярина только кивнула.

— Взять — и в пыточную. А там и поспрашивать на предмет причастности к бунту.

Достала из поясного кошеля, который носила вместо сумочки, пергамент, чиркнула два слова в приказе — она таких штуки три с собой носила, мало ли что когда понадобится.

Одоевского скрутили в единый миг. Только что стоял, бороду оглаживал — и вот уже на коленях воет, а стрельцы ему руки крутят.

Бояре как стояли, так и онемели. Не ожидали, оно и понятно.

Аресты прошли, виновных нашли — и вдруг! Громом с ясного неба!

Князя сноровисто вытащили вон. Софья смотрела холодно, чуть улыбалась.

— Есть еще заговорщики?

Вякнуть бояре не решились. Оно и понятно. Кремль же, стрельцов полно, сейчас любого в пыточную отволокут, а уж признание…

Это Аввакум держался до последнего, большинство из присутствующих такой стойкостью похвалиться не могли — не с чего.

— Тогда предлагаю вам обсудить дополнения к уложению моего батюшки. Мудр он был, да кое-что просто не успел. Сие его же указы, кои я у него на столе нашла, да только сказать о том не успела — князь поспешил их моими измышлениями обозвать.

На лицах бояр проявилось некое облегчение — и Любава наклонила голову.

— За царевну порукой мое слово. Мой супруг покойный, — рука быстро сотворила крестное знамение, — и вправду… думал…

Всхлип оборвал ее речь. Царевич Иван чуть приобнял царицу за плечи.

— Все в порядке, Любушка…

Женщина поднесла к глазам белый платочек. Не рукавом же утираться! Софья за такое ругала нещадно!

— А когда государь вернется, вы, бояре, так ему и отчитаетесь, — опять повела речь Софья. — Мол, бунт был, да мы к нему никак не причастны, мы на благо государства работаем. Вот, погляди, государь…

Бояре переглядывались с видимой опаской, а Софья тем временем достала стопку пергаментов.

— А начнем мы со сроков розыска беглых крестьян…

Три часа спустя Софья входила в свой кабинет довольная и счастливая. Начало было положено и начало неплохое. Первым пунктом был принят Юрьев день. То есть — целых шесть дней, раз в два месяца, когда крестьянин волен был уйти от своего хозяина. А ежели хозяин зело лютует и неправомочные расправы над людьми учиняет, то может крестьянин и ранее челом царю бить. Но ежели он лжу возведет…

Одним словом — будем постепенно возвращать порядье,

пусть крестьянин сам определяется, на кого работать желает. А ежели хозяин негодящий, то нечего с ним и вязаться. Салтычих и проч. нам только не хватало.

Вторым пунктом шел розыск беглых крестьян. А именно — три года. Потом — довольно. Ежели человека за три года не нашли, так его и потом искать не стоит. Ни к чему.

Вот с третьим пунктом пока не определились. Софья с радостью заменила бы барщину на оброк, но вот размеры? Одно было ясно — если крестьянина заставить обрабатывать, например, пять десятин своей земли и пять десятин хозяйской, да еще по мелочам прислуживать… это ж какое его обнищание будет!

Не пойдет!

Так что третий вопрос до конца не решили, но обещали подумать и собраться завтра же. Софья насмешливо потирала руки. Дайте время, дайте только время…

Ах да, Одоевский…

Этого выспросят как следует, конфискуют что-нибудь ценное и удалят из Москвы. Пусть себе едет в дальнюю деревню, раны залечивать. Обнаглел сильно.

* * *

Алексей Алексеевич Романов тем временем писал письмо.

И таки — да! Турецкому султану!

Правда, в отличие от казаков, он был исключительно вежлив. Куртуазен и даже слегка прогибался, как сказала бы Софья. Ну, так что поделать?

Надо!

Сие есть высокое искусство дипломатии.

Алексей, содрав все султанские титулы (из того самого письма султана запорожцам, таки да!) перечислял их и хвалил султана.

Сожалел, что из-за тяжких ошибок они с его предшественником оказались в таких разногласиях и выражал надежду, что они обязательно будут исправлены.

Даже не просто так!

ОБЯЗАТЕЛЬНО!!!

Да, ему *пришлось* вторгнуться в крымское ханство. Но ему угрожали. Предупреждали! И даже дали денег на войну.

Кто?

Эммм… есть тут такие, в Европе. Которые светят, но не греют.

Испания и Франция.

Дословно он, конечно, не писал, но между строк читалось отчетливо. И про Людовика — Солнышко, и про Габсбургов, кои раскатали фамильную губу. И скромный намек, мол, я бы и не решился, где уж нам, медведям, но тут на меня надавили, чтобы натурально поживиться на вашем несчастье.

И предлагал мир. Лучше — вечный.

Что вы получаете из Крыма?

Рабов?

Ну… тут уж — извините. А вот все остальное, например, знаменитая розовая соль — все останется доступным. Опять же, мощь Османской империи неоспорима, но ведь и Русь не малое королевство. Так что, может быть, не свариться на радость всяким там?

Зачем вам это захолустье, фактически Азовское болото с лягушками? Все равно все выходы к морю будут у вас. А мы сможем торговать напрямую. Меха, золото, изумруды, руда, дерево — Русь богата.

От нас больше выгоды, чем от немытых крымчаков, которые если в спину и не ударят, так сбегут уж наверняка!

И все это обильно пересыпать витиеватостями, красивостями и уверениями в своем немалом уважении. И приложить к письму что-нибудь хорошее. Только не изумруды, может, меха? Их здесь тоже хватает — и хороших, сам бы не побрезговал. Надобно с Ваней посоветоваться.

А попутно…

Тамань — атамань.

Почему-то так называла ее Софья. И улыбалась загадочно.

Да, туда пойдут войска. Можно даже без него, там для военных действий Ивана Сирко с лихвой хватит. То-то он развернется во всю ширь и мощь! И ту часть Крыма тоже надо зачищать. Тамань, Темрюк… нет, на Сухум — Кале мы не покушаемся. Но там же все равно Адыге, Кабарда — вот и чудненько. Черкесы с одной стороны, мы с другой — и вторая часть Крыма наша будет. Можно даже в Сухум — Кале вторгнуться, чуть — чуть, чтобы когда Османы ответят, было что уступать. Не Бахчисарай же им отдавать и не владения на полуострове?

Нет уж. Уплыло — так уплыло. А вот там — пусть. Пососедствуем какое-то время. Закончим войну, отдадим лишнее — и Османские владения больше не трогать.

Пока.

Да, такое махонькое слово, всего четыре буквы, а сколько смысла!

Нет, покамест бодаться с Османами ни к чему. Вот потом, позднее… Может быть, даже его дети, ежели это не сильно разорит страну. А сейчас — обезопасить себя от удара в спину — и смотреть в Сибирь. Опять же, Балтика…

Слишком многое нужно сделать, чтобы можно было тратить время на войны. А потому царевич сидел и писал письмо. И даже не думал о том, что скажет отец.

Победителей не судят. А победа должна быть окончательной. То есть такой, чтобы не тянулась война на двадцать лет. Вот, как его отец с поляками разбирался — это ж не война, а волынка! Сколько времени, нервов, сил, жизней, да и денег тоже! И что — окупилось?!

Ничуточки!

Он не должен повторять ошибки своего отца.

* * *

Письмо, в котором сообщалось, что Алексей Михайлович умер, отправилось по следам войска русского. Крым хоть и большой, да все ж войско не иголка, найти царевича можно. И ездить там сейчас уже не так опасно — проредили татарскую саранчу…

Так что Ромодановский снарядил отряд из двух десятков человек, приложив и свое письмо о том, что под стенами Азова случилось. Найдут царевича, никуда не денутся. А Воина Афанасьевича отпустил домой.

Когда мужчина узнал, что его отец при смерти — его бы и цепи не удержали.

Хоть успеть, хоть попрощаться… сколько ж батюшка из-за его юной дури претерпел!

Ромодановский, также будучи в курсе, теперь оставался в Азове и ждал царевича. Впрочем, теперь он был куда как спокойнее за свое будущее. Все-таки Алексей Михайлович — человек своеобразный. А Алексей Алексеевич куда как лучше.

Самое тяжкое время — смену власти Ромодановский готовился принять, как должное. Ему ничего не угрожало, может, даже еще и наградят, а там — как Бог даст.

Время шло.

* * *

Сулейман, милостью Аллаха наместник пророка на земле,

султан Османской империи, молился. А что ему еще оставалось делать?

Да, можно вытащить из башни младшего брата свергнутого султана, но вот ведь беда! Ума, решительности, напористости ты в него не вложишь! Королей не просто рожают, их *воспитывают*.

Будь на дворе мирное время, Сулейман бы, возможно, и справился. Но Кипр полыхал, Австрия кусала за все места, до которых могла добраться, зашевелилась Венгрия, а к тому же русские вторглись в Крым и взяли Перекоп.

А ведь вассалы, как ни крути.

С другой стороны… толку ли ему в тех татарах? В войне от них пользы нет, в мире… да тоже не особенно! И вообще ему янычар с лихвой хватает! С их требовательностью, раздерганностью и манерой менять султанов. Еще и крымчаков тут…

Пришедшее от русского царевича письмо тоже не порадовало.

С одной стороны… как бы да. Крымчаки его изрядно должны были разозлить. Как человек неглупый и справедливый, Сулейман понимал, что от постоянных набегов кто хочешь озвереет. Сам бы так давно бы… сколько ж можно тигра за хвост дергать? С другой стороны… часть-то крепостей была его! Турецкая!

Хоть бы и та же Керчь!

С другой стороны Алексей Алексеевич предлагал хорошее возмещение, деньгами либо землями, готов был вернуть нажитое, не возражал против торговли, да и то сказать — татары от него страдали жестоко. А вот турок он старался не трогать. Ежели кто и погибал, то только по своей глупости.

А воевать не хотелось.

Выражаясь современным языком, а за кого подписываться-то? За татар, кои сами себе на уме? На которых положиться толком нельзя?

Шуму и гаму от них много, а толку мало. Не конница, а угробище, только массу создавать и годится, а из любого боя они доблестно первыми сбегут.

К тому же — Крым.

Воевать там откровенно неудобно. Пытались уже и не раз. Далеко, холодно, а уж о том, чтобы на Русь пойти Сулейман думал с содроганием.

Войско — и достаточное, надо будет перевезти, высадить, снабжать, а ему предстоит маршировать по степи, которую весьма оперативно зачищают от татар, помощи ждать не придется, зато налетов — сколь угодно… Сулейман отлично понимал, что русичи постараются его еще и не пустить на родную землю.

Идти через Польшу, как пытался Мехмед?

Вот он и попытался, только результаты не радовали.

Проблем от этой войны предвиделось намного больше, чем удовольствия. А тут еще Священная Римская империя, тут еще Франция, которая вроде и не враг, а все не так, тут англичане, которые с удовольствием топят их корабли…

Война была решительно невыгодна. Но и спускать такую наглость?

И Сулейман взялся за письмо, втайне надеясь, что выход найдется. Такой, чтобы ему не пришлось поднимать войско и направляться в ту сторону, которая уже стоила трона и головы его брату.

* * *

— Посольские грамоты от шаха Сулеймана Сефи? Как интересно…

Софья повертела их в тонких пальцах. Про Сулеймана Сефи она ничего хорошего сказать не могла. Если его отец, Аббас II, был приличным человеком то про сына такого сказать было нельзя. С отцом и воевали и торговали. Сыну, кроме Корана и гарема отродясь ничего нужно не было.

И тут вдруг — письмо?

Шелком-то они торгуют да и не только им, но тут уж скорее по инерции. А что может быть нужно от нее послу?

Аббас Сефи? В смысле… из рода Сефевидов?! Младший брат?

— Что ты хочешь сказать, Ибрагим?

Грек чуть усмехнулся.

— Известно, что я твое доверенное лицо, государыня. А потому ко мне пришел человек…

— И?

— Аббас Сефевид желает встречи с тобой. Лично.

— И тайно.

Софья могла бы и не уточнять, карие глаза грека чуть блеснули.

— Надеюсь, ты не остался без премии за этот разговор?

— Никак нет, государыня.

— Ладно. Но почему вдруг встреча — со мной? Вряд ли он высоко ставит женщину?

— О нет, государыня. Он знает, что ты имеешь влияние. Как и его мать, сиятельная Накихат ханум.

— Ага…

Мужчина и девушка молчали. Они понимали друг друга и без

слов. Ибрагим знал, насколько влиятельна Софья — и часть информации, безусловно, стекла к персам и от него. Но наказан он за это не будет. Если уж на то пошло — у них вообще, вон, совет евнухов правит. И ничего, живут пока…

Только жить им не так уж и долго, при таком раскладе.

Шах болен, причем ладно бы чем наследным или заразным. Алкоголизмом! А с этой болячкой править не получится.

— Чего он хочет? Ты ведь догадываешься.

— Он может потревожить турок. Может помочь нам выиграть эту войну.

— Но…?

— Взамен он хочет власти.

— Чем мы должны будем ему помочь?

— Войско. Деньги. Возможно, что-то еще. Государыня?

Софья чуть наклонила голову.

— Сегодня. Вечером. Ты понял?

Ибрагим склонился в поклоне. И позволил себе легкую улыбку.

— Они не ждут такой скорости. У них бы дело тянулось месяцами.

Ответом ему была не менее насмешливая гримаска.

— Знать надобно, кого покупать. И учти — налог на взятку у нас десять процентов. Сдашь в казну школы.

Ибрагим низко поклонился царевне.

* * *

Алексею Алексеевичу спасла жизнь старая привычка, привитая еще Софьей и еще в Кремле. Никогда не есть и не пить ничего, не попробовав, не обнюхав, не проверив… а уж доверять кому-то? Последнее дело!

И — да. Нажираться на ночь — вредно. Потом сны плохие снятся.

А потому, обнаружив перед отходом ко сну у своей кровати поднос с восточными сладостями, царевич не запустил в них руку и не принялся жевать. Он просто отставил их на подоконник и принялся раздеваться.

Улегся, уснул — и отлично проспал всю ночь, чтобы утром обнаружить на подоконнике дохлую мышь.

Хоть и считалась кошка у мусульман священным животным, хоть и жили их во дворце Бахчисарая стада и ряды, а все одно — никакое кошачье войско не справлялось с воинством мышиным. Серые хвостатики пробирались в комнаты, тащили сладости,

грызли… эта — догрызть не успела. Тут же и сдохла.

Алексей обеспокоился, ринулся на поиски Вани Морозова, но тот был жив — здоров. Сладости нашли и у него в покоях, но не отравленные, а вполне свежие и хорошие. Кстати — он их тоже не ел, беря пример с друга. Воспитывались-то оба в Дьяково.

Вывод был печален.

Алексея хотели отравить. А кто? За что?

Виновного так и не нашли. Хотели казнить поваров, но ограничились просто заменой и их, и слуг — и успокоились. Алексею и невдомек было, что благодарить надобно Симеона Полоцкого. Он ведь сказал своим людям добраться до царевича, а как?

На корабль попасть было сложно, не настолько уж они были приближены к царевичу.

В бою? Так Алексей Алексеевич старался поступать, как учили. Командир — не впереди войска с саблей наголо, командир оценивает, делает выводы, двигает людей, присылает подкрепления, оценивает обстановку…

Да и люди с ним всегда рядом. И как?

Опять не получается.

На привале?

Не отравишь — он же не отдельно питается, а вместе со всеми, и из солдатского котла не брезгует. Хоть весь обоз трави! Палатку охраняют — не проберешься, да и делит он ее с Морозовым. Сразу обоих не убьешь — считай и сам не уйдешь. А умирать за идею наймитам Полоцкого не хотелось. Хотелось жить — поживать и деньгу наживать — или хотя бы тратить в свое удовольствие.

Вот и представился первый случай добраться до мальчишки только в Бахчисарае. И тот криво вышел.

Теперь царевич еще осторожнее стал, просто так не подберешься.

Задачу усложняло еще то, что от Симеона не было никаких известий, а друг о друге его наемники не знали — ни к чему. Но и долго так продолжаться не могло…

Впрочем, пока все было тихо. Класть голову за великое дело иезуитов никто не собирался.

* * *

В Москве тоже покамест было тихо.

Бояре молчали, понимая, что против Софьи можно выгрести. Можно. Прогнуться перед Милославскими, заставить их разобраться с дерзкой девкой. Но вот против всех Романовых? Поддержанных церковью?

Э, нет. Это уже другая ситуация. Тут может и отдача замучить. Да и не так много царевна пока требует. Да, какие-то изменения вносятся, но сильно на исконные боярские вольности она не посягает. Юрьев день?

Так то и раньше было. Был один, ну, будет два, невелика трагедия. Есть и против того свои меры.

Морильные пруды закладывать будут? Бывает… флот Руси нужен, от этого никуда не денешься. А ежели до Азова ходить можно будет и торговать… так это дело выгодное. Кто поумнее из бояр, тот и сам бы не прочь поучаствовать. Пока купцы не оттеснили, потому как эти выжиги своей выгоды не упустят.

Типографии?

Так тоже дело хорошее. Царевна поговаривает, что тем, кто типографию свою иметь будет, вроде как по деньгам льгота выйдет.

Дороги мостить и строить?

Так надобно же! Тем более, она не требует, чтобы сейчас ей взяли и выложили деньги на стол, покамест просто уточняется, куда строить, кому, как лучше… Почему б и не обсудить?

Детей отдавать в царевичеву школу?

Со всей нашей радостью! Видим уже, чем то оборачивается. Эвон, когда Иван Морозов туда ушел, был сопляк сопляком, а сейчас царевичу первый друг. У Ромодановского сынок там побывал, у Строганова… Чай, не дураки ж они? Там и знакомства выгодные завязать можно, и должностишку потом для сынка куда как легче получить будет. Это дело хорошее…

Народ тоже не сильно роптал. Все нововведения Софьи касались пока только бояр, а тех и так не любили. Не за что.

Умер Афанасий Ордин — Нащокин, всего пару дней не дожив до приезда сына. Тихо, спокойно, во сне. Просто сердце отказало.

Анна рыдала в голос, Софья и сама была грустна. Почему-то уходят хорошие люди, а вот такая падаль, как Милославский… Который, кстати, попытался подкатиться под шумок с проскрипционными списками, намекая, что в этом-де списке те, кто на Романовых умышляет, а в этом тоже тати, но не такие

отпетые, как в первом.

Получил резкий отказ и первое предупреждение и принялся прогибаться еще сильнее. Однозначно интриги плел, но… ладно. Софья сильно подозревала, что Милославские пока для нее зло неизбежное. Вот когда они смогут вырастить детей бояр в понимании того, что их долг и обязанность — служить родине, тогда можно будет и почистить ряды. А пока пусть крикливая родня служит противовесом для таких же крикливых оппонентов.

Кстати — слить боярам информацию. Чисто случайно, про списки Милославского. Пусть пока с ним повоюют!

Софья таки встретилась с персами. Тихо и тайно.

Аббас Сефевид произвел на нее двоякое впечатление.

С одной стороны — мальчишка. Ему всего-то лет двадцать пять, он младший сын. Кстати, родной брат Сулеймана Сефи. Но…

Алкоголь? Наркотики?

Ни за что!

Даже не зная таких слов, мальчишка решительно отказался от всего, что могло дурманить разум. Единственное, что он себе позволял — это женщин. И — 'игрушечных солдатиков'. Своего рода 'потешные полки', которые разыгрывали сражения для повелителя.

Софья невольно вспомнила неродившегося Петра. А ведь и верно…?

Но с царевной, которая не стала закрывать лицо, Аббас держался иначе. Понимал, что от нее многое зависит — и смотрел не как на девушку. Мужчина, только с косой. Софья занесла ему это в плюс.

Умный парень.

Что ему требовалось сейчас?

Он готов был спровоцировать беспорядки у Османов, благо, Сефевиды с ними воевали всегда. И продавить это решение он мог. Знал, как и кому. И да, сейчас Персия могла откусить свой вкусный кусочек, как и Леопольд. Они это сделают так, чтобы выгодно было и им, и Руси. Но потом…

Потом Аббас опять вернется к своим игрушкам. А вот этого ему не хочется.

Парень и так чудом не вырос развращенным и слабым. Чудом, иначе и не скажешь. Просто старшего сына воспитывали наследником — то есть так, чтобы он никому не мешал, а вот младшего упустили из вида. К тому же мать, видя, что творят с ее детьми, рискнула вмешаться. Исподтишка, почти незаметно. Но когда ребенок не принимал близко к сердцу советы матери? Такие, как вылить вино и притвориться, что выпил. Такие, как

корчи от ароматного дымка гашиша… Такие, как не доверять никому.

Он справился. Но надо было или делать следующий шаг — или уходить. Вот он и выбрал первое. Ему был близок по духу Алексей Алексеевич, он наводил справки, и хотел с ним и поторговаться. Но раз уж так сложилось — пусть на его месте будет царевна. Она сама подчеркивает, что ее решения — это решения всей семьи, ну и наоборот тоже.

Сейчас помощь окажут персы. А потом…

Аббасу нужны будут войска. Ему надо захватить власть и удержать ее. И Персия будет верным союзником Руси.

Софья подумала и согласилась. Первый шаг было делать не ей, но от таких предложений не отказываются. И слово она собиралась сдержать. Более того, Аббас просил, когда он станет шахом, скрепить договор браком.

Только вот кого отдавать за парня?

От такого предположения — царевну, да за мусульманина, мог взвиться кто угодно. А лишний боярский визг сейчас ни чему.

Да и аполитично получается — то мы с мусульманами воюем, то царевну замуж выдаем в Персию… поди, объясни каждому крикуну, что там — другие мусульмане?

Решение нашел сам Аббас.

Он отлично понимал, что царевну за него не выдадут (хотя Дуньку бы Софья с удовольствием в гарем сплавила). Но может быть, когда у него появится дочь? А на Руси свободный царевич?

Идея понравилась обоим сторонам.

А пока подойдет и договор о намерениях. Подписанный обеими сторонами — и что приятно, выполнимый.

Что бы хотела получить Русь. Что бы хотел Аббас. Пошлины, купцы, посольства, ученые… да, и это тоже! Учителя в царевичеву школу — и никак иначе! Мы тоже можем поделиться, но дело-то нужное! С вами же дружить будем!

Аббас был согласен. Софья была не против. Этот мальчишка далеко пойдет, если его не убьют в самом начале. Надо бы ему подкинуть пару девушек в гарем.

Пусть охраняют, заодно послушают, кто там, чем там, кого… ну и тренировка будет. В таком гадюшнике, как гарем, выживать — дорогого стоит.

А если парнишка с кем-то из них сойдется — тем лучше.

В преданности своих людей Софья не сомневалась, потому что и сама готова была за них и в огонь и в воду.

А как родится у Аббаса дочь…

Да уж.

Девушке из высшего общества, сложно избежать одиночества.

У нее такая… Евдокия. За кого бы ее пристроить — Софья до сих пор нее представляла. Ни ума, ни желания учиться, попа шире плеч и гонор длиннее косы. Вот куда ее — такую?

Мужа ей приискать надобно бы, но где?

На Руси?

Чтобы ее детей потом в заговоре использовали? Ой, не стоит. А за границей такое добро и даром никому не надобно.

* * *

Приехал Воин Афанасьевич, привезя с собой радостные вести. Софья принимала его при всей Думе, так же при всех выразила соболезнования и так же заявила, что подумает, как его наградить. Как же не вовремя умер мудрый Афанасий!

С другой стороны… ровно через два дня Воин Афанасьевич получил пост своего отца. И — царевну Анну в жены.

Тут тоже возникла проблема.

Объявить на весь мир, что они *уже* женаты — это опозорить царскую семью. Потом всех царевен в блуде подозревать будут. Это не подойдет.

Обвенчать их второй раз?

Вот тут костьми легли и Питирим. И Аввакум.

Можно сказать, плечом к плечу встали, вопя, что не допустят таких поруганий церковных обрядов. Софья даже затосковала об РПЦ. Вот те — за бабло хоть шесть раз бы козла с козой окрутили! Прогнулись бы перед властью в любой позе!

А тут — нет!

Искренне веруют.

Тьфу!

Впрочем, долго Софья не плевалась. Нельзя пойти в лоб?

Так мы и в обход пути найдем. Она кратенько переговорила с Аввакумом, с Вомном Афанасьевичем, с Анной — и собрала заседание боярской думы.

Где и объявила, что так и так, вот Воин, достойный и полезный человек, женить его надобно бы…

Бояре, конечно, согласились. Тут же личные интересы — у кого дочь, у кого внучка, да и не одна. Но пока они приглядывались — Софья сообщила, что жену она выбрала для Воина сама. Лично. И их даже уже обвенчали.

Буквально вот — вот, на днях… недавно.

Кого?

Царевну Анну Михайловну.

Когда поняли, *кого* выдали заамуж за Ордина — Нащокина, у

бояр начался культурный шок. Но…

Алексей Алексеевич был далеко, Софья близко, войска за нее горой, часть бояр ее тоже поддерживала, хоть Милославский и намекал, что можно бы и его… и ему…

Ворчал Питирим, заявляя, что не стоило бы так поступать-то, супротив обычаев. Но в открытый конфликт не вступал. Софья, откровенно разозлившись, потребовала у него найти документ, где сказано, что царевен *нельзя* выдавать замуж.

Такового не оказалось, и царевна Анна стала просто Анной Михайловной Ординой — Нащокиной. Про то что венчание состоялось недавно — несколько лет назад, Софья молчала, а никто и не спрашивал. Царевна Анна пискнула было, что нельзя так-то, со лжи начинать, но тут же получила от племянницы резкую отповедь.

Нехорошо?

А царскую семью позорить лучше? Коли объявить сейчас, что царевна Анна уж сколько лет замужем, позору будет на всю Европу. Тоже мне, царь, который за своими сестрами уследить не может. Да и какой тут грех? Что там наши жизни пред ликом Божьим? Годом больше, годом меньше — пустяк для вечности. Отпущение грехов? Вот иди и пусть тебе их отпускают. А потом — к мужу!

Софья, впрочем, приказала подготовить рескрипт, по которому дети царевны, вышедшей замуж за обычного боярина, лишались права наследования престола. Так, на всякий случай. И озаботилась тем, чтобы четко прописать правила престолонаследования.

Кто может занимать трон, на каких условиях…

И ни в коем разе — незамужняя женщина или женщина, которая вышла замуж за кого-то ниже себя по статусу. Только ровня.

Допустим, если бы самой Софье потребовалось наследовать трон, она могла бы это осуществить. Но должна была бы выйти замуж за принца. Любого, пусть импортного, но принца. А вот ежели вышла бы замуж за боярина…

Редькой вам по всей морде, а не передачу власти!

Хватит с нее Хованского, который планировал сам жениться на ком-нибудь из царевен Романовых и сына женить. Козлы!

Алешка приедет — пусть подписывает. Пусть только попробует не подписать. Софья твердо решила сделать ставку на королевскую кровь и наследование четко по мужской линии. И никакого лествичного права. Даже остатков не надобно.

Оговорить, в каких случаях царя можно отстранять от престола — это обязательно. Потому как дурак на троне хуже

чумы в короне.

Еще триста лет тому вперед Софью ужасно бесили размазанные сопли вокруг канонизации последнего из Романовых. Простите, а за что канонизировать?! И кого?!

Неудачливого полководца?

Царя, который прогадил все, что мог, даже коронацию превратив в братскую могилу?!

Дурака, который подставил не только семью, но и страну под удар своей нерешительностью?

А как насчет тех, кто пострадал безвинно? Фрейлины, приближенные, да тот же доктор Боткин, те же слуги… почему их не причислили к лику святых? Ведь заслужили!

Еще как заслужили!

Но — нет?

А между тем… Софья все чаще задумывалась, что это замкнулся круг. Ведь Михаил Романов приказал когда-то убить ребенка. Малыша, сына Марины Мнишек, который ничем не мог ему повредить. Ведь дите ж еще…

И все равно малыша повесили. Хотя могли бы просто *сделать вид*. Найти подходящий труп, выставить на площади…

А ребенка? Поручи его доверенному человеку, увези куда подалее, сдай в обитель, продай в рабство в Турцию, вырасти при дворе, как холопа, чтобы на глазах был, жени на крестьянке, чтобы прав на трон не имел… да что угодно, но не иди на такую откровенную подлость! Ведь платить за тебя будут твои дети, внуки, правнуки… и не надо говорить, что в Николае Втором, может, и крови-то уже от Михаила Романова не осталось, после всех Екатерин и Елизавет. Принял на себя имя — прими и все грехи этого имени. Вовсе уж стоит промолчать про то, что народ это видел — и никто даже не вякнул! Добрые, милосердные люди!

И кому придется расплачиваться конкретно за этот грех?

Софья пока не знала. Но была уверена, что на ее брата это лечь не должно. Только вот что она может сделать?

Разберемся. Пока же…

Дела наваливались неотвратимой лавиной.

Софья плюнула — и своей волей направила на практику выпускников царевичевой школы во все приказы. От Посольского до Разбойного. Пусть смотрят, учатся, прикидывают, кого можно поменять.

Принялся жаловаться Питирим. Мол, и стар он, и дряхл, и возраст, и простатит, и вообще… царевна вздохнула и принялась прикидывать, *кто*…

Она помнила, что Петр Первый учредил Светлейший Синод,

но ей-то к чему такие радости? Пусть остается патриарх! С одним вороном проще договориться, чем с целой стаей. Да и то сказать — демократия была хороша только в Афинах, где все друг друга знали, а результаты выборов, может, и не подтасовывали. Безусловно, Синод был выгоден, если выбивать у церкви опору из-под ног. Но Софья предпочла бы, чтобы вера стала опорой государству. Просто планку снижать не надо, а то докатимся, как в девяностые, до торговли водкой под благословение.

Надо было выбирать, кто заменит Питирима. И это должен быть человек достаточно молодой, умный, но не слишком амбициозный, чтобы не стал давить на государя, как тот же Никон. Но и не замалчивать свое мнение, чтобы Алексей… мало ли что!

Софья отлично понимала, что она не вечна. Что-то с ней случился — и Алексей останется… с кем?

С командой.

Которая поймет, поддержит и поможет. И хороший священник там не последнее дело.

Аввакум?

Нет, его не примут. Он слишком свят для дел чиновных и сановных. А вот кто?

* * *

Первому покушению Алексей значения не придал. На вражеской земле все-таки находятся. Если б тут никто не покушался — странно было бы.

Хотя Ваня и возмущался, требуя разобраться, а не гнать всех слуг подряд.

Второе покушение уже заставило насторожиться обоих.

Когда Алексей проезжал по улицам Бахчисарая…

Обычный день, все хорошо, все спокойно, скоро войска уходят, остается только небольшая их часть для поддержания порядка, Алексей Алексеевич решил проехаться по городу от скуки… и так получилось. Что-то напугало коня, он дернулся в сторону, едва не вставая на дыбы — и в этот миг рядом с головой царевича свистнула стрела.

Сначала просто никто не поверил, что вот так, нагло средь бела дня… и момент, в который можно было бы поймать убийцу, был попросту упущен. Стреляли с крыши одного из домов, но кто? Когда туда добрались казаки — там было уже пусто.

Кто?

За что?

И ведь стрела была явно не татарской, нет. И не из татарского лука выпущена.

Кто-то из своих?

Но кто?

И почему?!

Алексей приказал заняться расследованием и стал осторожнее. А потом пришло письмо от Ромодановского, с вложенным письмом от Софьи.

Ромодановский был краток.

Государь, холоп твой Гришка челом тебе бьет.

Приходили под стены Азова татары, да все тут легли. Селим — Гирей как пришел, так и остался. Войско их разбито и остатки рассеяны.

Ждем твоих дальнейших указаний, а покамест молимся за тебя.

Печать, подпись.

Алексей усмехнулся. Григорий явно нарывался на медаль и хороший пост. И почему бы нет? Ежели на пару лет его еще оставить комендантом Азова, а за то… Хотя к чему — за то? Просто не слишком сильно его контролировать — у него и так к рукам много чего прилипнет. Но тут уж…

Воровать будут всегда, это закон жизни. Тут главное, чтобы воровали умеренно.

Софья рассказывала ему байку, как выбрали в селе вороватого старосту. Ну тот, конечно в свой карман, но и село развернулось во всю ширь. А людям воровство все одно не по нраву. Выбрали другого. Тот, дурак ретивый, чуть барина своего до обнищания не довел. Кинулись люди к первому, а тот им и отказ дал. Нет уж, говорит, я-то вас, как тех овец, голодом не морил, с сытых же больше шерсти будет. А вы поступили по — бараньи, вот и расплачивайтесь теперь.

Так что воровать будут. И при Ромодановском надобно оставить людей, которые будут доносить, что, как, где, сколько…

Но Григорий хорош тем, что не зарывается, не забывает свое место и растит жирных овец.

А что пишет Сонюшка?

Это письмо Алексей читать один не стал, позвал друга, и они с Иваном вместе вскрыли письмо от сестры. Хотя кому сестра, а кому и любовь…

Милый мой братец, родной мой Алешенька.

Подобру ли ты, поздорову? Молюсь за тебя ежедневно.

Молюсь и за Ванечку Морозова. Верю, что все с вами будет хорошо, что обниму вас вскоре обоих крепко — крепко…

Берегите себя, ежели вас не станет, то и мое сердце биться не

будет.

Теперь о новостях.

Лучше, Алешенька, я тебе это напишу, нежели кто другой.

В ночь на двадцать девятое июня умер наш с тобой батюшка, государь Алексей Михайлович. Ты теперь царь земли Русской.

Но самое страшное впереди. Батюшка умер не своей смертью, он был отравлен иезуитами.

Не зря мы с тобой не доверяли Полоцкому — он стоял за этими делами. А потому береги свою жизнь — он признался, что отправил в войске нескольких убийц. Прилагаю их имена, но может быть, что их и более.

Хованский пытался поднять бунт, но сейчас уже все окончено. Мы все встали, как один. Сейчас я ожидаю твоего возвращения и готовлюсь к повенчанию тебя на царство. Федя и Ванечка также шлют тебе приветы и надеются вскоре увидеться. Тетушки и сестрички обнимают тебя крепко. Не знаю, чего потребует от тебя война, но верю — ты сделаешь так, как лучше будет нашей родине. Я продержусь до твоего возвращения сколько понадобится, обещаю. Ежели бы я была одна, бояре могли бы взбунтоваться, но сейчас они напуганы, а рядом со мной вся семья. Кроме этого, я говорю всем, что мои решения должны быть тобой утверждены, как приедешь, так что готовься — будут жаловаться.

Афанасий Ордин — Нащокин плох, не знаю, сколько проживет. Все-таки Симеон забрал одну жертву. Афанасий до последнего пытался успокоить толпу, так что я решила, как только появится Воин — выдам за него тетку и будь, что будет. Он заслужил.

В остальном же — верь, я не одна сейчас за тобой стою, все Романовы за мной, и Милославские нас поддерживают, Стрешневы, Морозовы… много кто за нас. Мы справимся.

Береги себя, родной мой.

И приезжайте, как только сможете. Жду и тебя, и Ванечку, тысячу раз обнимаю вас и целую.

Твоя сестрица Соня.

Алексей закончил читать письмо, посмотрел на Ивана Морозова.

— Вань…

К чести друга — тот все понял мгновенно.

— Тебе надо ехать. И дай сюда списки.

Лист с именами перекочевал из одних рук в другие.

— Сейчас я этим займусь. Возьмем без суеты, допросим, а назавтра ты и уедешь.

— Я?

— Я останусь. Здесь будем и я, и Ян — этого хватит. У него опыт, а я буду наши интересы блюсти.

— Ванька, что бы я без тебя делал?

— Да то же самое, — Иван махнул рукой. — Сейчас будем тебя собирать — и махнешь домой с отрядом. Думаю пару сотен казаков…

— Вань, мне пятьдесят человек хватит.

Но тут Иван полыхнул глазами, на миг став ужасно похожим на свою мать.

— Государь, хочешь — казни, а только меньше, чем двести человек — не соглашусь! Крым до конца не зачищен, татары бродят… Алешка, ты сам пойми! Ну как я могу?! Я ж тут изведусь!

Алексей Алексеевич махнул рукой.

— Ладно. Переговоры на тебе, я домой… ох, черт! Ведь знал же, что отец зря к себе эту гниду подпустил! Знал!!!

— Надо было его еще когда удавить, — зло процедил Иван.

Мужчины переглянулись. Да, иезуитов они теперь никогда не простят.

* * *

Купеческий караван медленно тащился по лесной дороге. Всхрапывали лошади, покрикивали возницы, переговаривались охранники…

Все было тихо, мирно и спокойно.

Тимофей сидел на облучке, крепко сжимая в мозолистых руках вожжи. Смирная лошадка Плюшка перебирала копытами.

Хорошо…

Хорошо, что удалось наняться к купцу Севастьянову — тот и на охрану не скупится, и с деньгами не обманывает. Хорошо, что скоро их путешествие подойдет к концу — уж дня три до Москвы осталось. И домой.

А дома жена любимая, детки… и это тоже хорошо. И спокойно…

Было, ой, было.

Это только в детских сказках тати выскакивают на дорогу с воплем 'Кошелек или жизнь!'. В жизни они просто выскакивают, повалив по паре деревьев — спереди и сзади каравана, чтобы лошади не смогли никуда деться. Лошади-то смогли бы, да телеги с товарами куда? Да еще сначала стреляют, стремясь если и не попасть, так напугать людей…

Тимофею повезло — он уцелел при обстреле, но тут же скатился под телегу.

А что? Не герой он, вовсе даже не герой. Его дело — телегу

вести, а сражаться — дело охранников. Лучшее, что он может сделать — это спрятаться и не мешать.

Бой разворачивался явно не в пользу купца. У разбойников оказалось почти двойное преимущество в численности — и это явно была не обычная банда из голодных мужиков, а крепко спаянная ватага, где каждый знал свое место…

Клинки сверкали, люди падали… и перевес был в пользу татей.

Тимофей уже успел попрощаться с жизнью, когда над лесной дорогой пронесся лихой разбойничий свист.

Только вот свистели не разбойники.

В бой вступила третья сила. Отряд в два десятка конных всадников, с разлету перемахнув бревна, принялся резать, рубить и кромсать татей. Тимофей испуганно крестился под телегой.

Кричали люди, ржали и хрипели кони, звенело железо…

Все было кончено примерно через двадцать минут. Больше двух десятков татей было зарублено, остальные обезоружены, избиты и повязаны веревками.

Тимофей понял, что можно вылезать.

Всадники спешивались, оглядывались по сторонам, двое из них, совсем мальчишки еще, принялись помогать охране. Откуда-то появились большие берестяные короба, а из них свертки ткани, мази и какие-то зелья, с помощью которых парнишки и занялись ранами.

— Благодарствую, спасители!

Анфим Севастьянов тоже уцелел в схватке, хотя и получил несколько ударов. Один глаз у него заплыл, из носа явно текла кровь, темной струйкой сбегая по усам к светлой бороде и теряясь в ней, но выглядел мужчина чуть спокойнее, здраво рассудив, что враг татей — его друг.

Ему ответил молодой мужчина, лет двадцати пяти, в простом кафтане зеленого цвета.

— Не нас благодари — государя. Он распорядился.

— А откель вы такие… добры молодцы?

Анфим выспрашивал осторожно, чтобы не нарваться, но командир улыбнулся, разгладил усы….

— Царские мы!

Тимофей облегченно перевел дух.

Слава те, Боженька! Сподобил прислать служивых людей на помощь!

— А как же…

— Царевна повелела ездить по дорогам и чистить их от разбойничьих шаек. Пойманных — на строительство канала али дорог. А вас мы до деревни проводим. Тут она недалеко, к вечеру

доберемся…

Тимофей еще раз перекрестился.

Потом уже он расспросит одного из воинов, как царевна их сюда направила. И услышит, что на Москве чуть бунта не случилось. Стрельцов уйму казнили, а они вот, смогли вымолить прощение, но при условии. Были временно расформированы на десятки и отправлены вот так вот, по дорогам, под приглядом. Ловить татей и тем зарабатывать себе прощение.

Выслушав это, Тимофей поставил себе обязательно помолиться вечером за царевну. А еще — сходить и поставить свечку в церкви за ее здоровье, как до Москвы доедут.

Вот ведь как жизнь-то оборачивается? Не приказала б она, глядишь, и в живых его б не было. Так вот, все, что Бог не делает, все к лучшему… И неисповедим промысел его…

* * *

— Государыня! Дозвольте!

Софья поглядела на Василия Голицына. Поговорить?

Конечно, она едва на ногах стояла от усталости, но… благодарной она тоже быть могла. Василий Голицын, получив от нее профилактическую взбучку, преисполнился если и не уважения, то…

Так часто бывает в жизни, но, к сожалению, не все женщины об этом помнят. Тех, кого они подчинили своей воле, мужчины забывают на второй же день после победы. Тех же, кто остался для них загадкой, вещью в себе, или просто повел себя как-то нелогично, не так, как ожидалось, могут помнить долгие годы. Добейся Голицын своего — мигом бы принялся вертеть Софьей на свой вкус, не слишком заботясь о ее чувствах. Получив резкий отпор — он принялся уважать женщину. И сейчас поддерживал ее, как только мог. Не раз девушки доносили Софье, что Голицын громче всех кричит в ее защиту, а поскольку рода он был не худого, к нему прислушивались.

— Дозволяю.

Софья прошла прямо в кабинет, уселась за стол, кивнула Голицыну.

— Государыня…

Софья молчала. Василия замялся на миг. Почему-то он чувствовал себя дураком под взглядом этих умных темных глаз. Соблазнить ее пытался… идиот!

— Вы помните, как я…

Софья кивнула.

— Надеюсь, ты не за этим пришел? — вроде бы и чуть шутливый, тон ее сомнений не оставлял. Скажет Василий, что-то о любви и собирать его будут по частям. Нашел, когда дурью маяться.

— Нет. Но это послужило поводом…

Слово за слово, Василий рассказывал, как к нему пришел человек. И предложил… да, вот именно то самое.

Голицын вроде как должен быть на Софью обижен, но при том от него вреда не ждут…

— Как интересно. И?

— К тому ж для женщин я…

— Как сыр для крысы. И то мне известно, — Софья сопроводила свои слова усмешкой, от которой опытный ловелас вздрогнул всем телом.

Ему предложили соблазнить царевну Софью. Или хотя бы всячески демонстрировать свою любовь и преданность. А потом…

Да, потом именно то самое.

Софья повертела в пальцах нож для бумаги.

— Как мило. Либо я опозорена и неизвестные получают рычаг давления, либо я слушаюсь любовника… я так понимаю, что ты ведь, когда хотел меня соблазнить, похваливался своей удалью?

Василия пристально смотрел на царевну. В женщинах — что есть, то есть, он разбирался отлично, а потому…

— Так ведь удаль молодцу не в укор, государыня?

По губам женщины скользнула улыбка. Мол, принято, ты не враг, но и не зарывайся.

— Так тебя и не укоряют. Ладно же… Пойдешь к этим добрым людям и скажешь им, что…

Софья начинала свою игру. Голицыну она верила, хотя, конечно проверить придется. Но лгать ему сейчас невыгодно и не нужно, поддерживая Софью, он больше получит.

А вот у его покупателей земля под ногами горит, их агентуру она крепенько проредила, а те, что остались, ни влияния, ни даже права голоса не имеют.

Пусть покупают любовника в мешке. Она же посмотрит, что им продать в довесок.

Но хорош, гад! Она могла понять *ту* царевну Софью, которая влюбилась в мужчину без памяти, могла… Чего одна улыбка стоит — этакий синеглазый очаровашка, пахнущий духами, надо полагать, с приличными способностями по мужской части, а улыбка нежная и почти беспомощная. Сочетание материнского инстинкта и инстинкта размножения — укладывает женщин не хуже пулеметной очереди. Инструктаж продлился недолго. Но уходил Василий вполне окрыленным. Любовь?

Помилуйте! Этим благоволение такой женщины, как Софья не заслужить. А вот правильный подход к делу…

* * *

Иван Сирко смотрел на море.

Азовское море. Родное.

Да неужто его мечта при жизни осуществится?!

Ничего так не хотел казак, как видеть Сечь спокойной и счастливой. Чтобы не страдала она от постоянных набегов, не уводили в полон людей, не жгли села — и вот! Выжжен самый страшный гадюшник! Крым методично и спокойно зачищается от татар.

Ему же предстоит совместно с поляками повторить это на другой стороне Керченского пролива. Взять Тамань, пройти огнем и мечом по берегу — благо, кораблей им с лихвой достанет для переправы. И при этом стараться, чтобы турки оставались более — менее целы. Ежели кто под саблю подвернется — разговор другой. Но ведь им еще придется с Сулейманом разговаривать, и лучше бы иметь предмет для торга.

— Царевич сейчас домой едет…

Степан Разин встал рядом. Иван дружелюбно кивнул ему.

— Он парень хваткий, справится.

— Да там и сестра чего стоит. Мог бы и не торопиться.

— Не скажи. Баба все ж таки…

— Эх, батько Иван, не видал ты той бабы, — Степан широко улыбнулся. — Уж поверь мне, даже в Татьяне моей больше бабского, чем царского. А вот в царевне Софье вовсе не так.

— Посмотрю — тогда и поверю. Думаешь, отдадут за тебя Татьяну?

Степан пригладил усы. Выглядел он при этом, что тот котище, сметаны нажравшийся.

— Царевич мне в том поклялся. Крым должен быть частью Руси, то верно. Но и править здесь будет сложно, а потому…

— Казаков попросят. Понимаю.

— Попросят. А могли бы и приказать. Да, сложно будет. Но Перекоп мы укрепим, не так, как было, намного лучше станет. Крепости оснастим, чтобы ни с моря, ни с суши не подобрались, сторожевые маяки поставим, патрули пустим… царевич обещал, что все деньги, кои здесь заполучили, сюда ж и пойдут. На развитие Крыма.

— Обещает он много…

— Так ведь и выполняет, разве нет?

Иван Сирко пожал плечами. Сколько лет его предавали, так что поверить в порядочного царевича было покамест выше его сил.

— Поживем — увидим.

— Это верно. Но еще царевич сказал, что к зиме нас в Москву ждет.

— Нас?

— Меня, да и тебя, батько Иван.

— И зачем же?

— Так награждать.

Посмотрим…

Два казака глядели на море. Что-то будет? Неизвестно, но шанс им дали. И как будет жить казачество в дальнейшем, зависело от того, как они его используют. А если учесть, что и Иван, и Степан любили свой народ, жизнь готовы были положить ради казаков…

Они зубами уцепятся, государь.

Только не обмани.

* * *

— Сонечка, ты поосторожнее.

Софья с удивлением посмотрела на тетку Татьяну.

— Тетя?

Что — поосторожнее? Вроде бы и так с охраной ходит, и так стережется и бережется… и не зря. Не так давно кухарка ей в котел яду сыпанула, за любовь свою мстила. То, что Долгоруков ее просто трахал, да не женился бы, дуре и в голосу не приходило. Могли б и все потравиться, да запах у мышьяка такой, что его лишь чесноком забить можно. Софья его вмиг почуяла и никто есть не стал, кается теперь та дура в пыточном приказе, да поздно.

— Женщина ты уже, кровь кипит, да все же не стоило бы…

Софья замотала головой.

— Тетя, либо говори прямо, либо прости. Не соображаю уже ничего, к вечеру, как чумная.

Татьяна тяжко вздохнула.

— Я о Голицыне.

— Ффуууууу… Я-то уж думала…

Тетка аж присела от такой реакции. Татьяна-то ожидала чего угодно другого — оправданий, объяснений, смущения, но чтобы вот так?

— Сонюшка?

— Тетя, ты подумала, что он мой амант?

С теткой Татьяной Софье легко было тем, что можно было правду — матку в лоб рубить. Собственно, иного старшая царевна и не принимала, за то и страдала многократно.

— Разве нет? Всюду он с тобой…

Софья усмехнулась.

— И как? Многие так думают?

— Шепчутся. Но негромко и не вслух. За пределы Кремля то вроде как не выходит…

— Отлично! Значит, вся столица в курсе. — Софья потерла ладони, улыбнулась широко и весело. — Тетя, ты никак подумала, что я не удержалась? И хочу как ты, как тетка Анна, любви хочу?

— Да…

— Так ведь разница есть, и немалая. Что Степан, что Воин — не женаты. А этот герой женат, давно да счастливо. Мне его жену крысьим ядом травить?

— Так ведь сердцу-то не прикажешь, Сонюшка. Просто не стоило бы его с собой так-то таскать, то в Дьяково, то сюда… ведь мотается за тобой…

— Так мне того и надобно. Пусть сплетничают, пусть говорят.

— Честь девичья…

— При мне и останется, хоть перед всей столицей к бабкам войду, и никто из них меня потом не осудит. Хоть на любой иконе поклянусь, хоть Алешиным здоровьем, что ни с одним мужчиной не было у меня…

Татьяна кивнула. Поверила.

— Так зачем тогда…?

— Тетя, то, что я скажу, между нами и остаться должно. Обещаешь?

Татьяна молча потянула из-под платья крест, губами прикоснулась.

— Чтоб мне Степана в жизни не увидеть, коли предам клятву.

— Хорошо. Василий — красив, молод, умен, ярок… вот то и использовали некие тати. Вышли на него и предложили царевну соблазнить, чтобы через него мной и управлять. Вот мы в любовь и играем. Он изображает, что всюду за мной, я — что нигде без него… поняла?

— Так схватить их!?

— Этих схватим — новых подошлют. Не ко мне, так к Дуньке. Или малышкам, или… да много вариантов. Лучше уж знать, где змея ползает, чем ловить ее, гадину каждый раз.

— Ох и хитра ты, Сонюшка.

— Станешь тут. Так что ты меня защищай, тетушка, да так,

чтобы все еще больше уверились. Понимаешь?

Татьяна понимала. Еще как…

— Все сделаю, племяшка. Пока тут я…

Улыбка была ей ответом.

— Эх, тетя, вот выдадим вас всех замуж — и с кем я останусь?

— С мужем? — невинно предположила тетка. Обняла племянницу и удрала за дверь. Софья тяжко вздохнула.

С мужем. Да где такого героя найти, чтоб ее выдержал? Илья Муромец помер, Иосиф Виссарионович не родился… Смех — смехом, а женщины у власти счастливыми не бывают. Цена такая…

И она готова заплатить ее. Не для власти. Для брата.

* * *

Алексей Алексеевич в это время поторапливал коня. Горячий жеребец поблескивал лиловым глазом, скалил зубы, но копыта мерно ударяли в землю.

Отец, о — тец, о — тец…

Мысли Алексея крутились вокруг одного и того же.

Ну как же так!? Как они не предугадали, не предвидели?! Они не всеведущи, но кого это утешит?! В таких случаях?!

А ежели б Соня не справилась?

Хотя — нет. Вот тут он мог быть спокоен. Ежели вожжи оказались в руках у его сестренки, она справится. Она дождется, и потом все обставит как лучше для него.

К чести Алексея — ни на единую секунду он не усомнился в Софье. Не подумал, что ей нужна власть, не допустил даже мысли, что она может играть в свою пользу.

Наоборот — был спокоен хотя бы за Москву, зная, что пока там Софья — бунта не случится. Она любой пожар потушит. Коли понадобится — кровью.

Жестоко?

Тебя повесят, а ты не бунтуй. Порядок быть должен во всем.

* * *

Софья злобно смотрела на Питирима.

— Отлично. Можешь уходить, но кто станет патриархом?

— А… есть несколько человек. Вот Иоаким, например, чем не патриарх?

Иоакима Софья знала. Чиновник, властолюбец… вопрос в

другом.

— Наверное тем, что он неблагодарный человек?

А еще властолюбец. И баран упертый. И с Матвеевым был в близкой дружбе. Но последнее — не суть важно, у свиней не бывает друзей. А человек, который начал свою карьеру под Никоном и благодаря Никону высоко поднялся, а теперь его поливает на всех углах… э, нет.

Таких мы к себе не приблизим.

— Государыня!

— Отче, — Софья смотрела устало, под глазами синели круги. — Никон все дал Иоакиму, а тот полощет его на всех углах. Ежели и Алексей ему все даст, а тот потом тако же поступит?*

**** в реальной истории требовал не отпевать Никона, как патриарха, прим. авт.***

— Он пока еще молод, но умен. Поверьте, с ним не будет хлопот.

Молод? За полтинник товарищу. А по здешним меркам это чуть ли не вдвое считать надо! Нет уж…

Софья сморщила нос. Питирим вздохнул.

— Государыня, все ж таки это дела церковные…

— Э, нет. Иначе б ты, отче, не ко мне пришел, а сразу бы патриарха выбрал и на покой отправился? Разве нет?

Разве да.

Только вот у Питирима выбора не было. Он тогда, у Кремля, проштрафился по полной, теперь ему только и оставалось, что грехи замаливать. И не отчитывался бы, да уж больно крутенько Софья взялась, а полки ее поддерживали. Да и то сказать — хотела бы она на трон вместо брата сесть — тут бы бояре, конечно, взбунтовались. Так нет же.

На троне лежит Мономахова шапка, а сама Софья, за спиной которой постоянно либо Федор, либо Иван, либо вдовствующая царица с ребенком, садится упорно на его ступеньки.

А царь — Алексей Алексеевич, так всюду и говорится, и пишется.

— Может, мне Иоакима пригласить?

— Ну, пригласи. Побеседуем.

На беседу также пригласили Аввакума и царевича Федора. Но… Как ни старался Иоаким произвести хорошее впечатление, как ни лебезил, как ни прогибался перед всеми, мнение совпало у всех троих. Сразу и жестко.

Тут и Питирим не помог. Оставшись наедине с братом и священником, Софья высказалась коротко.

— Глист скользкий.

Аввакум хоть про глистов и не знал, но кивнул. Федор покачал головой, но в целом был согласен.

— Двурушник он. И всегда таковым был! Блюдолиз и подхалим.

— Вот и мне так кажется.

— Сонь, святой ведь человек…

По ушам царевич получил с двух сторон.

— Святые люди, царевич, Богу служат, а не перед властью преклоняются. А для него завет один — преклонись перед высшим и подгадь низшему.

— Вот перед тобой человек, который Богу служит — его и в ссылке не сломили, — припечатала Софья. — Батюшка, а вы не хотите на себя сей груз взвалить?

Не хотел. Да еще как не хотел! По лицу Аввакума было видно, что отпихиваться будет, как кот — четырьмя конечностями, а потом еще заорет и примется царапаться. Даже и убеждать не стоило.

— Ладно. Тогда все равно на вас вся работа. Если никого лучше не найдете — поставим этого, хоть и на время. Но хотелось бы кого-то более широкого. Чтобы примирили наконец этот раскол…

Аввакум сверкнул глазами.

— Нечего тут примирять! Искоренить Никонианскую ересь — и точка!

Но потом сам не выдержал грозного тона и улыбнулся.

— Извини, царевна. Но не готов я эту тяжесть тащить, сама мой норов знаешь…

— Знаю. Подумаешь, будет у нас пара ушибленных святых отцов, — проворчала Софья. — Правда, батюшка, присмотрели бы вы парочку кандидатов поумнее? Сами понимаете, Никон так ткань рванул сдурьма, что теперь не одним поколением зашивать придется.

Аввакум понимал. Но лезть в гадючье кубло не хотел. И Софья тоже его понимала. Так что спустя две недели ей представили симпатичного молодого человека. Ну как — молодого? Лет тридцати с хвостиком. Симпатичного, с каштановой бородкой и серьезным взглядом карих глаз.

— Добра и здоровья, государыня.

— И тебе того же, — Софья смотрела внимательно. — Отче…

— Аввакум говорил со мной, но не уверен я, что смогу справиться. И что мы с царевичем общий язык найдем.

Софья поставила ушки торчком.

Вот как?

Серьезный мужик. И за себя привык отвечать, это видно.

Софья потерла переносицу.

— А расскажите о себе, батюшка? Откуда вы родом?

Андриан, в миру Андрей, оказался из Москвы, из достаточно зажиточной семьи. Просто чувствовал человек призвание Богу молиться — вот и пошел. Вполне успешно поднимался по карьерной лестнице, не поддерживал ни Никона, ни Аввакума, был спокоен и достаточно серьезен — и искренне удивился, когда на него вышел Аввакум.

Патриархом?!

В его-то возрасте?!

Нереально…

Да и то сказать — мужчина твердо был убежден, что есть власть от царя, а есть и от церкви. И собирался, если что, свою власть защищать. Но в то же время — и Софья видела в нем это, он был достаточно мягок, чтобы не нарываться на скандалы и не спорить. И не выставляться, как это делал тот же Никон…

Может быть… очень может что и быть…

С Адрианом она проговорила часа два, расспрашивая обо всем — от отношения его к латинянам до пристрастий в еде. И подметила интересную особенность.

Все иноземное ему не особо нравилось — и он искренне считал, что Русь надобно охранять от лишней заразы. И в то же время — спокойно говорил с Софьей, хотя царевне не полагалось бы. Это искренне заинтересовало женщину, но к концу разговора она, кажется, поняла, что к чему.

Не обладая избыточной взгальностью, склочностью или честолюбием, Адриан был человеком твердых убеждений. И в то же время мог понимать и чужие.

Мало того, видя, что они не ко злу, он и не протестовал. Да, не принято? А бунт — его как, принять полегче будет? Так что Софья поставила себе галочку, порадовалась и решила поговорить с Алексеем, как только тот вернется. Пусть у брата будет свой патриарх.

А пока…

А что мы можем для церкви сделать? И чем она может нас отдарить?

Вот смотрите, часть священников у нас до сих пор неграмотна. Так, может, курсы повышения квалификации организовать? Собирать их в монастыре, учить, объяснять? А за то обязать их хоть часть деревенских детей обучить грамоте да счету? С книгами поможем, деньжат на хорошее дело подкинем? Вы подумайте, как это должно правильно выглядеть, а то позорище ж!

Безграмотный поп! Вот оттого и пишут, жил — был поп,

толоконный лоб…*

**** спасибо А. С. Пушкину, прим. авт.***

Адриан согласился с ее мнением и откланялся. Договорились встретиться дней через пять — Софья решила и еще к нему приглядеться. А то на словах-то все хороши, а вот как будет выглядеть, когда он эти слова в реальный план переведет?

Да подсчитает что, и как, и сколько?

Начальником быть — это ведь не только распоряжения отдавать, это еще и подчиненных организовать, и считать не хуже иного бухгалтера — в это время так точно.

А через три дня пришло письмо да от кого не ждали. Прорезался патриарх Никон!

* * *

Бывший патриарх отбывал свое наказание — ссылку в Ферапонтовом монастыре под Вологдой, примерно, километрах в пятистах от столицы. И сейчас писал царевичу.

Софья вскрыла письмо без всякого укора совести — самой интересно, да и когда еще Алексей приедет?

Опять же, Никон — личность весьма своеобразная и тяжелая. Если уж он батюшке мозг выносил на раз — два, то может и на Алешке попробовать — ему-то что? И верно.

В письме Никон сожалел о смерти Алексея Михайловича и просил снисхождения к своей убогой судьбе. Дескать, и плохо ему тут, и тошно, да и вообще, молодой государь, отличаясь широкой душой и чистым сердцем…

А подтекстом — был не прав, исправлюсь, дозволишь ли в Москву приехать, государь?

Софья злобно усмехнулась и наложила резолюцию.

Без изменений.

То есть — где был — там и сиди, а к человеку не лезь. Много вас тут таких, умных, после драки кулаками помахать! Ты бы в свое время не рвался сплеча все перекраивать — и у людей бы поменее проблем было. И ради интереса показала сие письмо Аввакуму.

Аввакум зашипел так, что обзавидовались бы все гадюки Руси Великой.

— Шшшто!? Сссснова?

Софья вздохнула.

— Батюшка, а вы не хотите туда съездить?

— Куда?

— А вот в гости к Никону. Верю я, что вы зла не допустите и с

бесом злорадства управитесь. Сюда, в Москву, я его допускать не желаю, но человека-то жалко. Стар, ослаб — и живи на северах? Там и для здоровых климат не всегда подходящий? А вы бы разобрались, куда его поселить, чтобы он воду не мутил.

— А заодно?

— Батюшка? — Софья смотрела поразительно невинно.

— Сонюшка, я ж тебя не первый год знаю. Коли для Никона — так ты бы лишний раз порог не перешагнула, не станешь ты так о нем заботиться.

На губах царевны расцвела ответная улыбка. И то верно — не станет.

— Я с вами пару ребят пошлю, пусть посмотрят, что, где, как по монастырям…

— То есть?

— Грамотны ли, всего ли в достатке, чем занимаются…

Аввакум перевел для себя правильно — что можно получить с конкретного монастыря и к какому делу их приспособить, но возражать не стал. Что-то о нем в свое время никто не позаботился…

Софья отлично осознавала свою слабость, а именно — она плохо представляла, как живут низы. Поскольку смычки с ними у верхов не было никогда. Какой бы царь не выезжал, куда бы не выезжал, зачем бы — все равно на его пути строились Потемкинские деревни. Как к приезду президента кладут асфальт по центральным улицам и красят там дома, а на окраинах крысаки строем ходят. И — как? Как быть? Как строить программы? Что финансировать и в каких количествах?

Нет уж.

Софья собиралась создавать нормальную систему оповещения. И в частности — ПГБ.

А чего?

Так и назовем — приказ государственной безопасности. Начальником… да вот хотя б и Ромодановский — только Федор Юрьевич. Семья хорошая, ребенок у него в царевичевой школе учится, способ контроля отработан — через близких-то всегда надавить можно. Не считая избыточной заносчивости — очень умный кадр, к нему Софьины дворцовые девушки давно приглядывались. Любого будет хватать, тащить и не пущать, невзирая на чины, верен, аки собака, неглуп, въедлив… в остальном — научится. Не боги горшки обжигают!

Вызвать его на беседу — и ежели покажет себя умным, то и создавать приказ. Только фильтровать надобно серьезное от пустякового. Когда декабристы по углам шушукались — это одно, тут надобно знать — и действовать. Пусть, эвон, в Сибири

митингуют, а еще лучше — в Японии, самураям объясняют, что за равенство. А когда дурак в кабаке нажрался, да орал, что плевал он на царя, ну, тут лучше Александровой методики и не придумать. Пинка под копчик — и передать, что царь на тебя тоже плевал. *

- был такой случай, с солдатом. Нажрался, начал орать — и Александр 2–й с ним так и поступил. Т. е. сказал — освободить и передать, что царь-де на тебя тоже плевал. Прим. авт.

Потихоньку Софья забирала нити управления в свои руки. И все чаще приходила ей на ум мысль, что отец умер очень удачно. Здоровым, при памяти — и не успев навредить ее замыслам. Сама б она не решилась. И рука не поднялась бы, все ж таки любил он ее, как родной отец, и открылось бы рано или поздно. Это вам не Наташку Нарышкину уничтожать во всех смыслах, им на роду только отцеубийства не хватало к уже имеющемуся.

А, ладно, не до тонких материй сейчас. Вот приведем все рычаги — колесики неповоротливой государственной машины в рабочее состояние — тогда и переживать будем. А пока — работать. Брат еще не приехал!

* * *

Григорий Ромодановский царевича встретил, как родного. Но о торжественности речь, просто Алексею Алексеевичу были рады. И в пышности приема сквозило живое тепло, кое ни за какие деньги не купишь.

Алексей рассказывал, что они успели сделать, что еще оставалось взять, Ромодановский отчитывался по своей части.

Потом крымских рабов, коих приловчились сплавлять в Персию, пока не уменьшался. Потом русских, кои в плену были у татар — тоже. И надо сказать, что плачевное состояние одних было примерно равно плачевному состоянию других. Бывшие рабы почему-то напрочь забывали про 'подставь вторую щеку и будет тебе счастье'. Их тоже лечили, одевали, переправляли на Русь.

Часть татарских пленных трудилась на строительстве укреплений крепости Азов. Сами разрушили — сами и восстанавливайте, и укрепляйте.

А то турки еще придут… не будет ли войны с ними, государь?

Тут Алексей и сам не знал. Как повезет. Мехмеда — пусть на том свете гурии будут ему фуриями, знали, примерно представляли, чего от него ждать. Сулеймана же…

Да кто его знает?

Как повезет. Может и согласиться на предложенное, может и упереться — тогда надобно воевать будет. И тогда на переднем крае битвы окажутся сначала полки Собесского и казачьи полки в Крыму, а потом и Ромодановский. И тут укрепления весьма полезны будут. А заодно — тактика партизанского движения. Есть такое слово — герилья, Софья рассказывала.

Как повезет.

А на следующее утро царевич выехал из ворот Азова в сторону Руси. Домой, как можно скорее домой. Сестренка должна справиться, и все же — лучше самому поскорее оказаться дома.

* * *

Султан Сулейман получил письмо от русского государя в самое сладкое послеобеденное время, когда всем хочется сотворить молитву и отдохнуть, воздух плавится от жары, а на песок больно смотреть — так он играет в лучах солнца.

Султан и не смотрел, лежал в саду, вкушал виноград, слушал журчание фонтана… и письмо ему открывать не хотелось. Придется ведь что-то делать!

Решать!

Воевать?!

Спаси Аллах!

Ничего такого Сулейману вовсе не хотелось. Да и как тут воевать? Самому? Вот уж в чем султан не обманывался, так это в своих воинских талантах. В их полном отсутствии. Ему и шахматы-то плохо давались!

А посылать какого-нибудь пашу? Чтобы янычары его полюбили, как родного? А султана потом… поменяли? Они уже это сделали не так давно, что им стоит повторить?

Нет уж, в ближайшее время ему бы без войн обойтись! Особенно на два фронта! Тут со Священной римской Империей не знаешь, что делать, на Крите опять бунтуют, персы активизировались и нападают, пытаясь отгрызть себе кусок…

А все эти русские собаки! Самое лучшее, что у них есть — это рабыни. Рабы из них плохие. Живут в неволе очень мало, бунтуют, а вот рабыни хорошие. Если, конечно, обученные и смирившиеся со своей участью. Даже любимая жена султана Сулеймана Кануни, Хасеки Хуррем была родом из этой загадочной страны.

Но свиток пришлось развернуть. И вчитаться, прогнав покамест всех, кроме глухонемых евнухов.

Впрочем, по мере чтения лицо мужчины светлело.

И было от чего. Война если и не отменялась, так откладывалась.

Русский царевич в самых изысканных выражениях извинялся перед султаном, что вынужден был… но чаша терпения народного переполнилась, Дескать крымские собаки так себя вели, что у народа терпение лопнуло напрочь и все дружно потребовали возмездия. Пришлось идти мстить, не то он сам бы слетел с трона. Конечно, впрямую ничего такого не писалось, но… понятно же!

Знал бы султан, скольких бессонных ночей и испорченных черновиков стоило Алексею с Иваном это письмо! Чай, не казачий ответ, с тем-то быстрее управились!

А тут и прогнись в нужной позе, и так, чтобы урона чести царской не вышло.

Одним словом — поход был направлен против крымчаков, а ваши крепости, государь, попали под горячую руку. Подданные ваши почти и не пострадали, разве что рабов христианских вернуть заставили — но тут и понятно.

Далее следовало самое неприятное.

Возвращать крепости Алексей Алексеевич не собирался, это было видно. Но предлагал дружить домами — то есть пусть турки возвращаются, живут, где и раньше, дома вернем, в торговле ущемлять не будем, молиться не помешаем, при условии, что и они будут те же правила соблюдать…

А крымчаки…

Нет уж.

Два льва могут договориться между собой, но о чем им говорить с шакалами?

Сулейман крепко призадумался. Да, конечно, можно идти воевать наглецов. Но… этих 'но' уже столько перечислено, что с ума сойти можно! Нет, воевать не стоит, но и дружить… тут надо крепенько подумать, что стребовать с русского наглеца, а то еще забудется…

Опять же, и янычарам много чего надобно, особенно денег…

Может, отправить туда часть янычарского войска? Пусть полягут — и ему спокойнее будет, и этому нахалу, опять же, зубы показать…

Или не отправлять? Ну не может он сейчас себе позволить неудач в войне, не может. Свергнут же!

А жить-то хочется…

Значит, будем торговаться. Пусть возвращает захваченные крепости по берегу, Перекоп, опять же, Керчь, а там посмотрим…

* * *

— Государыня, донесение!

Софья даже не шелохнулась. Из-за каждого донесения дергаться — заикой станешь. Тут работы невпроворот, а она волноваться будет? Да системе прокачки царских нервов индийские йоги позавидуют! Им за жизнь столько стрессов не испытать, сколько ей за неделю!

— Что случилось?

— Государь к нам скачет!!!

Вот теперь подскочила и Софья.

— Что?! Когда?! Откуда?!

— Голубиная почта пришла, говорят, что батюшка наш уже из Тулы выехал, к нам летит!

Софья широко перекрестилась на ближайшую икону.

— Наконец-то! Слава тебе, господи! Живой!!!

И как была, упала молиться на колени. Имидж, знаете ли. Живешь в Риме — иди в баню. Девушки переглянулись и оставили ее одну. А Софья, тут же бросив бить поклоны, скорчилась на полу. Устала…

Кто бы знал, как она устала, от злобных боярских глаз, от шепотков за спиной, от постоянной готовности показывать клыки, от публичности… да просто — устала. Вот Лешка приедет — и она часть обязанностей честно отдаст ему. Пусть сам с боярами бодается… бар — раны! Хотя нет. Козлы, козлищи и козлодои!

Но до того надобно еще один спектакль разыграть, чтобы никто и никогда, и даже не подумал…

Софья еще раз глубоко вздохнула и отправилась распоряжаться. Молитве время, делу — жизнь.

* * *

Григорий Ромодановский ехал, не торопясь. Надобно сегодня 'загон' навестить, почитай, уж дней десять не был. Да и просто проехаться, промяться полезно.

Загоном именовали несколько бараков, в которых содержались пленные татары. Перед тем, как отправить их на Русь, на строительство канала, али еще куда, их выдерживали в течение трех дней, заставляли вымыться в бане, сбривали все волосы на голове, давали новую одежду. Разве что не в зад заглядывали.

Да и не только с татарами то проделывали, с пленными русскими — тоже. Два барака было для татар, два для полонян,

для мужчин и женщин отдельно. Высокая изгородь, баня рядом, своя кухня, колодец…

Ромодановский сначала понять не мог, к чему такие предосторожности, но потом один из 'троянских коньков' объяснил. Мол-де, кто их знает, чем они в своих степях немытых болеют? Ни к чему сие на Русь тащить.

Чудит, конечно, царевич, но спорить с ним Ромодановский не собирался — его дело царское.

Устал он с этим Азовом, что та собака. А куда деваться? Надобно — вот и делает. Хорошо хоть в Азов прибыло еще четверо царевичевых воспитанников — или уже царских? — и они тянули на себе кучку дел. Хоть высыпаться иногда удавалось. Или пообедать не на бегу. Нет, можно бы и иначе, только вот Гришка Ромодановский отродясь не халтурил и спустя рукава никакое дело не делал.

А вообще — странно. Из загона уже второй день ни вестей, ничего не было.

Отчего?

Птица — и та не прилетала, вот и решил Григорий сам проехаться.

Налет?

Али бунт?

Только не ожидал Ромодановский, что когда он подъедет к частоколу, тот его встретит запертыми воротами. Но все тихо было, дымок курился, съестным пахло. Но почему…

Заколотить в ворота никто не успел. Из-за частокола взвился высокий мальчишеский голос.

— Батюшка боярин, там вы?

— Митька, ты что творишь?!

Царевичевых воспитанников Ромодановский уже по голосам опознавал. Всего-то четверо их, как ту не разобраться. А уж сколько они на себе тянут…

— Беда, батюшка боярин. Тут, кажись, чума.

Ромодановский себя не видел в этот момент. Но с трудом удержался, чтобы не поворотить коня и не дать ему шпор.

Чума.

Черная смерть.

Болезнь сия и города выкашивала. И вот она… рядом!

Господи, помилуй!!!

— Ми…тька…

— Батюшка боярин, я думаю, что это она, но рисковать не стоит. Пока я не буду уверен в обратном, никто отсюда не выйдет. Ворота мы изнутри заперли, а ты направишь людей, чтобы снаружи подперли. Чтобы никто не вышел, раньше, чем опасность

минует.

По мнению Ромодановского, стоило бы обложить всю загородку соломой да поджечь. Но… там же не только татарва была, там и свои, православные, и мальчишка…

— Ты… останешься?

Голос дрогнул, изломался.

— Да, батюшка боярин. — Митька говорил спокойно и твердо, никогда раньше Григорий такого голоса у ребенка не слушал. Да и какой там ребенок!? Почитай не каждый взрослый на такое решение способен.

— Может…

— Это с воздухом передается, Ибрагим говорил. А если я уже заражен? В Азов смерть принести?

Григорий аж пошатнулся.

С воздухом?! Господи всемилостивый…

— Так что не приближайтесь никто к частоколу. Припасы и прочее нам надобно через забор перекидывать, лучше, с наветренной стороны. Со мной тут людей достаточно, справимся.

— А коли перерезать эту степную саранчу?

— Так болезнь-то останется. С кровью, воздухом, теми же крысами да блохами. А потому не надобно. Хорошо, что оно не рядом с городом. Батюшка боярин, на коленях прошу… послушай меня! Ведь все ляжем, ежели что не так…

И таким голос стал у мальчишки, что Ромодановский только головой покачал.

— Не по — божески это!

— Бог простит! Мне, боярин, придется остаться тут. А пока все, кто в городе, должны в бане париться хотя бы раз в день, траву душистую жечь, да при первых намеках на болезнь в домах своих запираться и носа на улицу не казать. Платок на двери вывесить — и ждать. Пока к ним придут. Иначе все тут ляжем.

Ромодановский вздохнул.

— Ты, как будто, больше знаешь? Откуда? Или вас и лечить учат?

— Нет, боярин. Не учат. Только нескольких, кто к сему делу талант имеет и призвание. Но рассказывать — рассказывали. Лично царский грек, Ибрагим. Приходил к нам, объяснял, что делать надобно, а уж когда нас сюда послали — вдвойне.

— Неужто знал кто заранее?

— Не знал, боярин, а предугадал. Что чума, что оспа, приходят туда, где людей много, грязи….

— Вот о чем речь… Ладно. Остальные ребята знают, что делать надобно.

— Должны знать. Скажи им, пусть карантин вводят.

— Кара…

— Карантин. Они поймут, батюшка боярин. Спаси тебя Бог.

— Митя…

А что тут можно было сказать?

Мальчишка сейчас их всех спасал. Даже ежели то и не чума… только в последнее Ромодановский мало верил. Понял уже, что царевичевы воспитанники знают, о чем говорят.

— Я к вам добровольцев направлю.

— Батюшка боярин. Ты лучше погляди, как тут был за последний дней десять. И пусть они по домам сидят… ведь ежели вырвется зараза на волю…

Ромодановский понимал. И ему было страшно. Он не пугался врага, он храбро дрался, но тут — иное. Невидимая смерть, которая выбирает жертву, а как — не понять.

Не гибель страшна, жутко, когда ты беспомощен.

Обратно, в город, Ромодановский ехал словно убитый. Прокатился… если б не мальчишка, мог бы и сам войти. И — прошло бы мимо? Бог весть.

В загон отправились два десятка добровольцев с оружием. Они понесли с собой мешки с провизией — и ворота закрыли за ними.

И — завалили камнями. Через месяц их разберут. Или — нет.

Если кто-то выживет, богу то угодно будет. Если же нет…

Обложат соломой и подожгут. На солнце высохло хорошо, только полыхнет.

Страшно?

А лучше всех тут положить? Следующие десять дней улицы Азова были тихи и недвижны. Только патрули проходили. Все понимали, насколько это опасно. А потому любой, кто чувствовал себя нездоровым, тут же изолировался. За городскую стену. В бывший татарский лагерь.

Это действительно была чума. И повезло только в одном. В городе случая заразы не обнаружилось, хотя мальчишки не жалея ног и времени ходили по домам, проверяли каждого. И отказ от проверки означал смерть на месте.

Драконовские меры?

Может, Ромодановский и дрогнул бы, да жить хотелось. И он решил довериться мальчишкам.

Сопляки?!

Ну так доказали ж уже, что полезны! Не раз доказали! И им тоже жить охота. А что еще сделать можно? Царевичу сообщить?

Да пока то письмо долетит… хоть его-то пусть Бог помилует! Успел он вовремя уехать от заразы!

Страшное настало время для Азова.

* * *

Алексей Алексеевич въезжал в Москву триумфально. Конечно, не с бухты — барахты. В пяти днях от столицы его-таки нашли Софьины посланцы и передали письмо, прочитав которое, царевич долго ворчал. Но потом махнул рукой.

Пусть сестричка делает, что пожелает, если она считает, что так лучше будет… ведь для него стараются.

Так что спустя два часа после рассвета он въезжал в Москву.

Ехал рядом эскорт, гарцевал конь, развевались знамена, пели трубы… красиво.

Народ сбегался со всех сторон и восхищенно смотрел на царевича. Красивого, загорелого, улыбающегося, в белом с золотом кафтане — кто бы знал, что парадную одежду ему доставил гонец от сестры вместе с письмом, что спал он этой ночью часа два, что сейчас ему предстояло венчаться на царство, а это значит, что и сестра спала не более того.

Люди кричали здравницы, забрасывали Алексея цветами — Софья подсуетилась. Праздничное настроение создавалось на глазах, особенно когда сопровождающие Алексея вояки открыли мешки и принялись в ответ бросать в толпу мелкими монетками.

Романовы ждали государя там же, где пытался утихомирить толпу Питирим — на красном крыльце.

Алексей подъехал, спешился на глазах у всего народа — и тут…

Царевна Софья шагнула с крыльца и перед всей Москвой встала на колени в грязь, на золотой подушке протягивая Алексею плеть с золоченой рукоятью.

— Прости меня, брат, коли виновата в чем. Все что смогли для тебя сберегли, владей отныне нами всеми и будь, государь властен в жизни и смерти нашей.

Алексей знал, что она так поступит, но сейчас оставалось только молчать.

Софья выводила из-под удара в первую очередь его самого. Он — царь, остальные царевны ли, царевичи ли, теперь будут только его подданными. Все решения, которые принимала Софья, теперь приняты для него и ради него. Не по ее воле, а потому, что она все делала для брата. То есть использовать ее в заговоре уже не выйдет.

Она полностью в его власти. Хоть казни сию секунду — никто поперек и слова не скажет.

Алексей вздохнул, протянул руки, отшвырнул в сторону

плетку и поднял сестру.

— Спасибо тебе, Сонюшка.

И крепко обнял девушку.

Именно сейчас, глядя в сияющие глаза сестры, он избавился от последних сомнений. Софья сама его учила думать — и не раз, по пути домой ему в голову приходили неприятные мысли. Могла… ведь могла. Нет, травить отца Софья не стала бы. Но вот узнать и воспользоваться — вполне. И как он сможет доверять ей, зная, что однажды, приговорив отца ради его интересов… она приговорит и его — ради интересов государства?

К счастью — этого не случилось.

Здесь и сейчас он с пронзительной ясностью понимал, что Софья так не поступила и никогда не поступит. И что ближе человека у него по — прежнему нет.

Ему достаточно было взглянуть сестре в глаза, чтобы понять, насколько она рада и насколько тяжело ей дались эти несколько месяцев. И круги под глазами, и запавшие щеки, и резко обтянувшиеся кожей щеки, и руки — веточки…

— Алешенька… родной мой. Братик… вернулся.

Больше Софья сказать не успела.

Налетели, закружили, затормошили. Первыми повисли у него на шее Федя с Ванечкой, потом и сестры — и не один человек в толпе вытирал слезы умиления. Этого государя его семья любила без меры. Даже вдовая царица Любава, которая подошла в свой черед и коснулась лба юноши благословляющим поцелуем.

Ну а потом с крыльца спустился Воин Афанасьевич Ордин — Нащокин, торжественно держа перед собой на расшитой золотом подушке царский венец, вслед за ним шел Иван Милославский, подобным же образом неся державу и прочие бояре. Естественно, знаки царского достоинства Софья доверила только самым близким, но и остальные были вполне довольны и своими местами, и ролями.

Окольничьи и стольники были готовы расчищать государю путь к Успенскому собору, где уже ждал Питирим, но этого не понадобилось.

Народ расступался сам. Люди кланялись, кто-то протягивал детей для благословения.

Напротив среднего окна Грановитой палаты царские регалии приняли два архиерея, а из Южных дверей вышел Питирим, которого Софья обожгла злым взглядом, принял святой крест и бармы и внес их в храм.

Алексей встал на центральном месте, патриарх начал молебен во славу Богоматери…

Хотя Питирим и поглядывал неодобрительно. Вся царская

семья — братья, сестры, тетки, вдовствующая царица с детьми, стояли сейчас на чертежном месте, там, где ранее, во время коронации Алексея Михайловича стояли ассистенты, бояре и стряпчие. Хоть и было это против правил — никогда ранее царская семья на коронации не присутствовала, да кто бы возразил царевне? Жить хотелось…

Софья, оглядывала людей, подмечая выражения на их лицах. В основном все были исполнены благоговения — царь венчается на царство. Даже если кто-то и против — сейчас слова не скажут. Потом будут молчать, втихую гадить, будут…

Патриарх читал уже молебен во славу Петра Митрополита. Потом будет во славу преподобного Сергия. Софья стояла молча.

Более десяти лет тому назад она появилась в этом мире в теле трехлетнего ребенка. Она ничего не знала, не умела, она была растеряна и одинока.

Сейчас у нее есть брат, который сегодня становится полновластным правителем Руси Великой. Есть команда. Есть люди, которые готовы за нее в огонь и в воду… Есть родные и близкие. Есть *семья*.

Софья перебирала в уме сделанное — и то, что следовало сделать.

Иван Милославский тем временем, приняв от кого-то белый ручник, опоясал царя по порфире, под пазухи. Этот явно наслаждался своей ролью. Род Милославских сейчас укреплял свое влияние.

Певчие пели так, что сердце заходилось. Софья взглянула на купол собора — и вдруг с пронзительной ясностью поняла, что работа, настоящая работа, только еще начинается.

Сентябрь 1673 года.

Григорий Ромодановский писал письмо. Бежало перо по пергаменту, выводя все царские титулы. Мужчина спешил сообщить, что в Азове все благополучно — и рассказать, что дальше них чума не ушла.

М — да… жуткие дни были.

Ромодановский знал, что до старости от этих воспоминаний дрожать будет.

Спасло и его и город одно простое обстоятельство. Татары содержались за городской стеной, а вояки, которые сменились с дежурства, жили не в казармах. На дому у одного купца стояли. Там всех и изолировали, да Бог миловал. Они ж лично не входили, больного не осматривали. Вот и уцелели.

Да еще пристрастились к турецким баням. Как ни хороша родимая парная, но хамам… Это пробовать надобно!

Так что — повезло. Да еще как повезло! Обошлись малой

кровью. Умерло шестьдесят человек, большей частью — пленные. А татарву не жалко. Сами принесли болезнь, сами от нее и погибли.

Жалко было погибших солдат.

Впрочем, было и нечто хорошее. Чума, словно испугавшись детской отваги, пощадила юного Дмитрия, который оставался в бараках до конца эпидемии. Он не заболел. Но…

Ромодановский помнил, как разметали в стороны камни — и как показались из-за ворот люди. И с ними мальчишка.

Только вот…

Был он русый, а стал седой. В неполные пятнадцать лет. И глаза такие…

Страшно это.

Что ему пришлось пережить, что передумать, что увидеть… Ромодановский и думать про то не хотел, осознавая, что сам бы…

Смог бы он так-то в пятнадцать лет? На коне на врага — то одно. А вот так вот… Нет. Он сильно подозревал, что не смог бы. Распознать, действовать, как взрослый человек, принять страшное решение и спасать остальных ценой своей жизни…

И как за такое благодарить? Григорий тогда только и смог, что обнять мальчишку. А тот в его руках шатался, легче тростинки, глаза запали, щеки стесало — повзрослел в один месяц.

Тогда Григорий и принял решение, за которое ему до сей поры не стыдно.

Вечером пришел в покои к парнишке, сел рядом.

— Митя, поговорить нам надобно бы.

— Слушаю тебя, боярин — батюшка.

Григорий помолчал какое-то время, а потом решился.

— Не знаю, как благодарить тебя. Надумал тут, да вот как ты отнесешься.

— Мне благодарности не надобно, я долг свой исполнял.

— Вот и я хочу… Митя, я стар уже, была б у меня дочь — выдал бы за тебя, не задумался. А так… могу тебя только сыном назвать, коли согласишься. Будешь — Дмитрий Григорьевич Ромодановский.

Вот такого Митя точно не ожидал. Глазам и хлопнул.

— А…э…

— Ты сразу не отвечай, не надо. Подумай.

Но Митя уже обрёл дар речи.

— Ни к чему то, боярин батюшка. Слишком честь высока.

— Для меня? То верно, любой род таким сыном гордиться будет. А я вот, старый…

Мальчишка замотал головой.

— Да нет же. Ты боярин, а я сирота без роду — племени, родителей не помню, побирался, воровал, кабы не государь царевич — давно б под забором сдох.

— Понимаю. Только неважно все это. Мало ли что у кого в жизни было. Я тут людей порасспрашивал, они рассказали. Ты всех спас, а благодарить-то и нечем, за жизнь золотом отдариваться грешно. И ладно б за мою, мне и так недолго осталось. Лет пять протяну ли? Ты ведь чуму далее не пустил. Вот что важно-то!

Митя покраснел.

— Да ничего я такого…. ребята бы тоже…

— Мне виднее. Одним словом — думай. Коли согласишься — сыном мне станешь. И никто тебя прошлым попрекнуть не насмелится. Царевичу в ноги упаду, чтобы согласился.

— Я ведь все равно…

— Знаю, о чем ты сказать хочешь. Что первым для тебя царевичевы дела будут. Так я ж и не против! Все мы ему служим, так или иначе. Но боярином ты более пользы принести сможешь. Род у нас старый, денег на все хватит… подумай, Митя. Не предательство сие, я от тебя ничего супротив царевича требовать не буду. Пусть Бог меня покарает, если лгу.

Ромодановский перекрестился, глядя на икону. И что-то такое мелькнуло в мальчишеских глазах.

— Я подумаю… батюшка боярин.

Григорий на то очень надеялся. Чем дальше, тем выгоднее казался ему душевный порыв. Или он просто подбирал себе оправдания, не желая показаться сентиментальным стариком?

Одно другому не мешает.

Сейчас мальчишка жил при нем, как родной сын. И Григорий точно знал, что коли царевич позволит…

Будет в роду Ромодановских еще один сын. Дмитрий Григорьевич. А что? Такую кровь никому не грех в род принять, он от того только сильнее будет! Почему-то казалось Григорию, что Дмитрий за наследство и власть интриговать не станет, ему другое интереснее. Но… такие сыновья в любой род нужны. Была б у него дочь — и минутки б не задумался, выдал ее за Митю замуж. Но — нету, только два сына. Вот и пусть трое будет. Должны понять Андрюшка с Мишкой, Андрей так уже понял. А Мишка…

Поговорим. Поймет.

Скользит по бумаге перо.

Все благополучно государь, миновала нас черная смерть. Справились.

Ноябрь 1673 года

— Государыня царевна, выполнен ваш приказ.

Софья смотрела на Василия Голицына не без симпатии. Ведь умный мужик, и пользы может много принести — на своем месте. И приносит.

— Это хорошо. Беседовал ты с нашими 'друзьями'?

— Да, государыня. Но им откуда-то ведомо, что в Дьяково происходит. Пеняли мне за Марию, сказали, что так вы ко мне и интерес потерять можете…

Софья прищурилась.

— Та — ак… а ведь в тайне держали. Все-таки дятел — птица вечная.

К чему тут дятлы, Василий не понял, но спорить не решился.

— Государыня?

— Все равно тебе с ней скоро рвать. Пропадешь чуть пораньше.

— Как скажешь, государыня.

— Они только на это намекали? Про остальное молчали?

— Очень им хочется, чтобы государь к французской принцессе посватался.

Софья кивнула.

— И намекают, что на Руси выхода к северным морям нету…

Софья кивнула.

— Ну, нету. Так это дело времени. Скажешь им, что царевна тебя слушает, а там, глядишь, и брата убедит. Да и насчет французской принцессы подумает.

— Как прикажете, государыня.

— А еще — почитай.

Софья положила перед Голицыным на стол несколько писем. Ничего особо важного в них не было, но все же…

— Потом перескажешь. Пусть думают… да, пусть….

Софья действительно подбрасывала Голицыну информацию. Не самую важную, но достаточно, чтобы убедить его 'покупателей' в приближенности боярина. Вот и сейчас Голицын читал письмо Никона, пару строчек Аввакума, в которых протопоп сообщал, что живется опальному патриарху вовсе даже неплохо — физически. Вот в остальном…

Тишь и глушь. И никакой власти. А тянет…

— И скажешь, что царевич колеблется — звать Никона обратно, али нет. Понял?

— Да, государыня.

Больше Софья на синеглазого красавца внимания не обращала. Хорош, да не тот. И вообще, ей никакого блуда не надобно. Честь беречь смолоду стоит!

Ее куда как более интересовало письмо от Ромодановского.

Вот там была важная информация. А Голицын…

Ну что — Голицын!?

И без него проблем по уши.

* * *

— Чума!?

Алексей побледнел мелом. Софья смотрела спокойно и серьезно.

— Да, Алешенька. Но сам видишь, все сделали правильно. Не пошла дальше зараза черная.

— Да уж! Чего Ромодановский ждал?!

— Пару месяцев, чтобы убедиться, что миновала опасность.

— А ты уверена, что она миновала?

— Вполне. Иначе бы уже началось. Гонцы те же…

— Верно. Сонь, неужели никаких средств от этой напасти нету?

Алексей даже не задумывался, задавая этот вопрос. Как-то привык он, что сестра знает многое. И не умолчит, ежели ее спросить.

— Вообще есть… хотя и сомнительное.

— Какое же?

— Ну, от чумы мы пока ничего придумать не можем, кроме карантинных мер. Ребята все правильно сделали. Огонь, банька, насекомых да крыс повывели, далеко заразу не пустили. Это хорошо.

— Кто придумал?

— Да там вообще история получилась. Мы же туда ребят отправляли в помощь Ромодановскому. Вот один из них, Митя…

— Светленький такой? Певун?

Алексей отлично помнил своих ребят. Года за три — так точно.

— Теперь седой.

— Как!? Заболел?!!

— Нет. Его очередь была прибывших переписывать, он и обратил внимание, что несколько человек вроде как больны. Сунулся, посмотрел, а там…

— Чума?

— Да. Он сразу же понял, он ведь и тут к лекарской науке тяготел.

— И?!

— Так он же царевичев воспитанник, а это статус, хоть и маленький. Тут же приказал закрыть все двери, никому не

выходить, сам тоже никуда не ушел. Приказал, чтобы загородку снаружи заколотили, еду им через стену перекидывали с наветренной стороны, если кто хочет добровольцем пойти — пусть идут… и — ждать. А сам там остался.

— Какой молодец!

— Не то слово. — Софья потеребила ленту в косе. — там много чего было, он написал. И умирали у него на руках, и убить его пытались, и вырваться… спал с кинжалом в руке, по очереди со своей охраной и добровольцами, пошли ж туда некоторые этих татар лечить… Тогда и поседел.

— Сколько он там пробыл?

— Месяц для верности.

— Его наградить надобно.

— Надобно. Вот Ромодановский пишет, что готов его усыновить.

— Что!?

— Григорий далеко не дурак, понимает, что коли б зараза дальше пошла, Азов бы выкосило. Да и не факт, что Русь бы обошло. Так что Митька столько людей спас…. может, и самого Григория, чуме ж все равно, кого губить.

— Потому он так и проникся?

— да и к тебе подлизаться не прочь. Твой же воспитанник, если Ромодановский его усыновит, как бы на ступеньку ближе станет.

— Можно ли ему такое разрешить?

— Была б дочь у него, так ведь два сына… распри начаться могут. И в то же время, нам бы полезно было. Все ж на наших ребят косо поглядывают, а Ромодановский — фигура не последняя.

— И что делать?

— Митька действительно людей спас. Наградить его надо, по справедливости — быть бы ему дворянином, нет?

— Да.

— Почему бы и не Ромодановским, коли Григорий сам пожелал?

— Согласен. Но то ж не все твои придумки?

— Нет, конечно. Жалуем Митьке пару деревень, пусть будет боярином с вотчиной. И у Ромодановского дети спокойны, и Митька награжден, и опять же, новое дворянство. Дарованное за такую заслугу, что ее быстро не перебить….

— Лиса ты, Сонюшка…

Софья довольно прищурилась. Ну, лиса. И что? Зато умная.

Ей позарез надобно новое дворянство сформировать. Да не как Петр, из тех, кто с ним пил — гулял. Нет.

Конечно, он и умных много кого наверх вывел… Меньшикова Софья, кстати, помнила. Надобно будет найти его — и приспособить к делу. Ежели ты вор — воруй у того, у кого надобно! Вот!

Но не о том сейчас речь.

Митька будет хорошим новым дворянином. Умничка.

Сумел же разобраться, жизни не пожалеть, чуму на землю Русскую не пустить… попугать бояр — и продвинуть сей указ.

Никуда не денутся. А там… вторая ласточка, третья… глядишь — и прекратят шипеть на худородных. Федор Ромодановский за дело взялся рьяно, и это за царский интерес. А за свою семью он вообще всех порвет на части и скажет, что так и было. Собрать Ромодановских, поговорить с ними келейно, тайно. Коли согласятся все — собрать бояр.

Поговорить уже и с боярами.

И — продвигать указ.

Быть на земле Русский истинному дворянству. Быть!

Декабрь 1673 года.

— Ванечка!

— Лешка! Сонюшка!

Какие там цари и государи, какие там бояре!? Было просто трое ребят, которые бросились друг другу в объятия, да так и замерли.

Все-таки почти полгода длилась их разлука. И многое же было сделано за эти полгода.

После повенчания Алексея на царство, бояре тут же кинулись ему в ноги с жалобами на сестрицу. И много-де Софья на себя взяла, и вообще…

Алексей пообещал разобраться. Честно спустился в подвалы, выслушал Хованского, которого к этому времени палачи сломали до требуемого состояния, выслушал Полоцкого…

И подтвердил все, что сделала Софья.

Отца он прощать никому не собирался. А дальше началась тяжелая и муторная работа. Каторжный безответный труд — иначе и не назовешь.

Подбор нового патриарха — пока одобрили Адриана, но будем еще посмотреть. Пусть пока крутится при Питириме, опыт перенимает, учится в этом гадюшнике ориентироваться.

Трудные переговоры с Турцией.

Переговоры с Персией — Катюшку было решено отдать туда замуж, несмотря на возроптавших, было, царевен. Православную, да за нехристя?

Но тут достойно ответил Аввакум, что муж да спасется женою своей. И — точка.

К тому же персы активно принялись кусать Османов, а Руси того и надобно было.

Переписка со священной Римской империей — тут оказался на высоте Михайла Корибут. Уговорами, поклонами, чуть ли не мольбами, к которым было приложено изрядное количество 'борзых щенков' от шурина, он таки сподвиг Леопольда не прекращать подпитывать борьбу против турок. А воевать на три фронта Османская империя сейчас не могла, да и не хотела. Сулейман был достаточно умен и осторожен.

Но и прощать русским такую наглость?

Э, нет…

Переписка Ивана Морозова с Османским двором продолжалась чуть ли не до ноября месяца — и нельзя сказать, чтобы в ней проиграли русские. Найденный компромисс не устраивал ни одну из сторон, но лучшего пока не предполагалось.

Турки по — прежнему имели относительно свободный доступ в Крым. По — прежнему получали из него товары, такие, как, например, редкостная розовая соль, скот…

Более того, дань, которую ранее русичи платили крымчакам, теперь выплачивали непосредственно турецкому султану. Почему бы нет?

Расход этот в казне уже заложен, Сулейману деньги лишними не будут, а Русь хотя бы начинает жить относительно спокойно. Более того, крепости Керчь, Тамань и прочие таки построены турками. А потому…

Русичи были готовы даже выплатить за них определенные суммы. Алексей, правда, пока не знал, где их взять, но оно того стоило. Хватит держать постоянный оборонный пояс от татарских набегов, хватит нести урон от этих зверей…

Сулейман кривил губы, но соглашался. Конечно, турецким купцам, как и прежде, не запрещали торговать. Приводить корабли. Получать и давать справедливую цену за свой товар, строить мечети, молиться Аллаху.

Но рядом будут стоять и христианские церкви.

Православные церкви. И Питириму предстояло решить, кого туда посылать, где церковь будет брать деньги, чтобы их строить, кто будет в них служить.

Должны, обязаны люди уметь находить общий язык. Не разжигать рознь по религиозному признаку, а наоборот. Понимать, что Бог — един, а мы вот, глупцы, молимся ему, кто как умеет и понимает.

Конечно, Питирим возроптал. Конечно, в церкви начались возмущения — как это так?! Мы?!

К язычникам и нехристям!?

Разъяснения были проведены царем очень быстро и качественно.

Сие не уступка туркам, никак нет. Сие военная хитрость.

Вера православная единственно правильная и искренняя, так ведь? Тут духовенство ничего не возразило, они в этом были глубоко уверены.

А значит, надобно ее свет повсюду нести. Да, и в Крыму тоже. Глядишь, кто из турок и обратится. А нет… так опасности для вас особо и нету, при вас войско будет.

Заодно потренируетесь, а то воплей от вас много слышно, а вот как православие людям нести — куда и что девается? Это подход неправильный.

Эвон, иезуиты везде без мыла лезут, даже в темное место. Так что готовьте добровольцев. Да проследите, чтобы они хоть читать умели, а то позорище! Вот, кстати. Выяснить, как у попов с образованием и организовать курсы повышения квалификации.

Конечно, предвиделось множество трудностей, все-таки воевать воевали, но!

С татарами. Коих и трепали в хвост и в гриву. Не с турками. Лично с Османском империей Русь уже давненько не схлестывалась, ненависти не было. А вот с персами торговали — почему б и тут же так же не торговать с турками?

Чего им давать не собирались, так это рабов.

Вот тут Иван Морозов уперся намертво.

Никаких православных христиан в рабстве не будет. Более того, любой христианин, который ступит на землю Крыма, будет выкуплен русским государем и немедля освобожден, вне зависимости от желаний его владельца.

Султан этим был весьма и весьма недоволен. К христианам относилась весьма значительная часть мусульманских рабов — так что ж теперь? Всех освобождать? Пусть даже за деньги, кому ж охота будет лишиться любимого раба или рабыни только потому, что этих тварей не научили покорности?

Иван тоже уперся.

Сошлись на том, что раб может быть выкуплен при условии, что его хозяин не против. А дальше уж… при определенной сумме любой будет не против.

И еще султан потребовал, чтобы русских военных кораблей в заливе не появлялось.

Иван тут же согласился.

Не появятся! Без вопросов!

Казачьи чайки?

Да помилуйте, разве ж это корабль? Фелюга — и та больше! А еще… торговые-то корабли появляться могут. Это первое. А уж

сделать из торгового корабля военный… тут надо с адмиралом Мельиным поговорить. Умный человек, хоть и француз… ох, умный. Кстати — сейчас он отправлялся к себе домой, во Францию, здраво рассудив, что зимой ни корабли никто строить не будет, ни верфи, а он как раз успеет до дома добраться да и с семьей вернуться. Посуху, оно конечно, дольше, но ведь не холоп едет! Адмирал Павел Мельин, самим царевичем титулом и поместьями жалованный, деньгами не обиженный.

Так что договорились до весьма хороших результатов.

Граница Руси теперь пролегала по морю. Часть ее.

Она шла вдоль Кавказских гор по Тереку и Кубани, через Тамань по берегу Азова до Перекопа. К большому удовольствию горских племен, кстати. И Софья уже предвидела, что надобно будет там держать казачьи отряды. Потому как новых соседей обязательно на зуб попробуют.

К тому же совместными усилиями — чуток войска размахнулись, были заняты земли за Перекопом вплоть до устья Днепра. И уходить оттуда никому не хотелось, ни русским, ни полякам. С чего бы?

Очень уж удобная граница.

Что-то подсказывало царевне, что в ближайшие годы они будут сидеть тихо, но лет через двадцать… там ведь не одна река, там еще и Южный Бут течет,

А если уж по — доброму, у них бы и все до Днестра оттяпать, да не дадут. Пока что и Османы слабоваты, да и русичи с поляками не то, чтобы уж очень сильны. Если их сейчас оттяпать, то не для себя, для поляков, но Михайло сам не хочет. Не потянет он сейчас войну, ему бы сейм к общему знаменателю привести.

Ничего. Они чуток подождут.

И помолятся, чтобы у турок сильный правитель не объявился.

А Иван вернулся домой. В сопровождении, кстати, части польского войска. Небольшой части, во главе с Яном Собесским. И тот весьма тоскует по жене.

Софья сделала невинное лицо.

— Что?! Надеюсь, ты ее не отравила?!

— Ваня! Ты какого обо мне мнения?! — Софья возмущалась вполне искренне.

— Тогда — что?!

— Эммм…. Скорее — кто.

— И кто?!

— Василий Голицын.

— Но — КАК!?

Царевна потупилась.

— Так получилось… я не виновата.

Парни не поверили. И справедливо. Софья отчетливо понимала, что такая жена, как пани Собесская любого мужа свернет с пути истинного. Убить? Можно, но сложно. А вот помочь пани пойти налево? А почему нет?

Она одинока, ей тут плохо, тошно, больно и страшно. А тут Василий Голицын, весь такой, что растакой, в европейском платье, туалетными водами благоухает, по — французски разговаривает, обаятельный, гад! Как тут устоять?

И вот не надо сверкать глазами, не надо. Любая сволочь на своем месте полезна. Василий, вот, оказался превосходным осеменителем, Мария уж, поди, на третьем месяце.

— Как!?

— Соня, ну ты…

Чего было больше в голосах парней — потрясения или восхищения, Бог весть. Софья пожала плечами.

— Вообще-то я ее не заставляла, в койку насильно не укладывала. Это был ее выбор — и что, она не знала, что от таких вещей дети родятся? Зато Василию теперь предложения делают! Он полезный товарищ, шпион в тылу меня.

— Соня?

— Ну да. Ему платят, чтобы он шпионил за мной и все сообщал. А то и соблазнил.

— КАК!?

— Так вот. А вы думали, что всех иезуитов выловили? И всех шпионов?

— а почему мы их до сих пор не выловили?

— Потому как новых напустят. Их еще надо будет выявить и кто знает, что они вынюхают. А этих мы уже знаем и им можно вешать лапшу через Голицына, — обстоятельно разъяснила Софья.

Парни переглянулись с уважением к уму девушки.

— Сонь, а как ты умудрилась Голицына свести с Марией?

— Ну, вот так. Василий Голицын получил свободный доступ в царевичеву школу, да не просто так. И не просто так они столкнулись с Марией Собесской во время прогулки. Ох, не просто.

А там…

Слово за слово, вот и дело сделалось. А через пару месяцев у гордой пани и живот расти начал, девушки следили.

Вот тут-то Мария и поняла, что ее загнали, как волчицу, за красные флажки. А куда деваться-то? Раньше такие проблемы решались просто — травками или как-то еще… ан нет. Сейчас возможности не было. За Марией строго следили, не давая причинить себе вред. Но и ребенку — тоже!

А Василий Голицын куда-то исчез.

Конечно, женщина поняла, как ее подставили. И потребовала встречи с царевной Софьей — она уже поняла, кто и что решает в Дьяково. Софья до сих пор вспоминала тот разговор с удовольствием.

Мария сверкала глазами не хуже пантеры. И разговор начала именно она.

— Ваше высочество, это невыносимо! Я тут, словно в темнице…

— Вы тут *вместо* темницы, — поправила Софья. — потому что пытались отравить мою сестру.

— Но неужели мне даже нельзя верхом проехаться? И почему мне запретили баню?!

— Потому что мы должны сдать вас на руки мужу целой и невредимой. А подобные упражнения могут быть вредны… в вашем состоянии.

Софья тоже предпочла не церемониться. К чему?

И времени нет, и… с кем миндальничать-то?! Да эту стерву надо бы с хлоркой выстирать и с ней же высушить! Мария так засверкала глазами, что Софья помечтала об ее использовании вместо гелиографа.

— Так ты знаешь!!! Ты все знаешь!!!

— Я не знаю, где найти аммиачную селитру, — поправила Софья. — К сожалению. А про беременность мне отлично известно.

— Это ты! Ты все подстроила!!!

— Лично уложила тебя в постель к Голицыну? — перестала церемониться Софья. — Стянула с него штаны и тебя за ноги держала?! Нет?! Так на что ж ты жалуешься? Вроде как никто на Ваську не плакался, все покамест довольны?

Мария побледнела, отчетливо понимая, что мужа ей придется встречать… м — да. Мужчины, конечно, бывают доверчивыми, но пока еще ни одного не удалось убедить в пятимесячной беременности.

— Гадина!!!

Софья коснулась колокольчика. Внимательно посмотрела на влетевших слуг.

— Беречь и стеречь. Чтобы ни волос с головы не упал, ни ребенок не выпал. Ясно?

Ясно было всем. А Мария Собесская относилась к тем женщинам, у которых беременность была заметна уже на раннем сроке. Так что…

— Басю она пыталась подговорить, — вспомнила Софья. — Та, конечно, не согласилась.

— А твои девушки?

— А что она может им предложить? Побрякушки?

— И то верно, — Иван смотрел с уважением.

Ну да. Что значат пусть драгоценные, но камушки, рядом с *будущим*?! При царевне, при власти, при семье и детях, а она ведь не обманывает, те, кто старше, *уже* это получили. Они дурочками будут, ежели разменивать такие перспективы станут.

Они и не стали. Обо всем было доложено Софье. После чего драгоценности у Марии Луизы изъяли — под замок. Приедет муж — отдадим, нам чужого не надобно. Все ж таки золото, мало ли кто поведется?

У апостолов отбор и того строже был, но поди ж ты!

— Собесский-то с вами?

— Я с ним, — усмехнулся Иван. — Сонь, если б ты его видела!

— Чего его видеть, и так ясно, что любит, — Софья вздохнула. — Злое это дело, любовь. То переживаешь за человека, то из-за человека. У меня вот вас двое, так и то душа изболелась…

— Я же говорил, что тебя она тоже любит, — подмигнул другу Алексей.

— А что — были сомнения?

Софья переводила взгляд с одной загадочно ухмыляющейся морды на другую.

— Мужские секреты?

— Именно, сестренка.

Софья пожала плечами. Пусть хоть усекретятся, лишь бы были живы и здоровы. Вот.

* * *

Если бы Софья видела Яна Собесского, она б ему искренне посочувствовала.

Горящие глаза, светящееся лицо, улыбка… Он летел к Марии, словно на крыльях. Держал в кармане драгоценный жемчуг, белый, черный, розовый, Марыся его очень любила и светился он на ее нежной коже… Обнять, поцеловать, сказать, что все у них будет хорошо, что Крым от татарвы почистили, так что приказ короля выполнен, а там уж…

Пусть им нельзя будет появляться какое-то время в свете, пусть! Дома посидят! А потом король и окончательно их простит, Михайла отходчив…

Вот и Дьяково, стены школы…

Только почему так странно смотрят казаки? Почему шепчутся девушки?

Что с Марысенькой?!

То самое…

Ян все понял сразу. Дураком он никогда не был — и отчетливо увидел и маленький животик, и налившуюся грудь, и чуть отекшее уже лицо… все было видно. Даже и то, что на столе стояло блюдо с кислой капустой, кою Марысенька потребляла много и часто.

А учитывая, что у них более полугода ничего не было…

Упало из руки, раскатилось по полу драгоценное жемчужное ожерелье. Глухо простучало жемчужным дождем, хрустнуло под сапогами несбывшимися надеждами…

— Ян!!!

Но этого крика он уже и не услышал. Только дверь захлопнулась. И никто кроме девушек не видел, как воет от боли и горечи женщина, потерявшая в жизни самое ценное для нее — власть.

Ян шел, не видя ничего перед собой. Отлетел кто-то с дороги… коня у крыльца не оказалось — и он пошел напрямик через сад, сбивая цветы, топча траву… куда?

Самому бы знать!

Утопиться?

И того не хотелось…

Ничего не хотелось. Вот так вот, любимая женщина. Отравительница. Предательница. Изменщица. Ты ради нее в огонь и в воду, на турецкие пушки и сабли, а она…?!

В себя Ян пришел, сидя у речушки, в которой даже топиться было жалко — такой она была неглубокой. Разве что на дно лечь и зубами за песочек держаться — а не то комедия будет. В горле что-то сухо клокотало.

Тошно было так, что словами не передать. Тошно, больно, горько…

Чья-то тонкая рука появилась из-за спины, поставила перед Яном на траву корзинку, мужчина обернулся.

— Ты кто?

— Елена.

Девушка принялась выставлять на траву кувшинчик с чем-то спиртным, кубок, выложила порезанные мясо, сыр, хлеб, зелень.

— Испей, боярин.

— Уйди…

Видеть никого не хотелось.

Девушка кивнула.

— Выпьешь — в тот же миг уйду.

— Тебе-то какое до меня дело!?

Ян вскочил на ноги. Стоя он был чуть ли не на голову выше девушки. Совсем юная, невысокая, с темно — каштановыми волосами, заплетенными в косу, и ярко — голубыми, славянскими глазами, она была очень красива. И смотрела прямо на него. Не кокетничая, не флиртуя, не играя.

— Прошу тебя.

— Яд там, что ли?

— Никак нет, боярин. Просто тебе больно сейчас, а это поможет в самый острый миг. Потом, конечно, не надобно уже, но сейчас стоило бы.

— Что бы ты понимала!? Что ты вообще можешь понимать в моей жизни!?

Девушка не отступала и не боялась. Просто смотрела прямо в глаза. Марыся так никогда не делала. Играла, кокетничала, прикрывала глаза густыми ресницами… Марысенька…

По сердцу опять резануло болью.

За что!? Господи, да за что ж так!?

* * *

— Мне и не надобно в твоей жизни разбираться, боярин. То не моего ума дело. А вот что плохо тебе — сразу видно.

И вид у нее был такой решительный, что Ян отчетливо понял, что девушка не уйдет и не отступит. Можно кричать на нее, угрожать, даже ударить, а вот прогнать не получится.

Так почему бы и нет?

Он не глядя выплеснул себе в рот рюмку чего-то крепкого, резкой болью обжегшего пищевод, прожевал торопливо подсунутый кусок мяса — и притянул к себе девушку. Раз уж сама пришла.

Она не сопротивлялась.

Собственно, на то и была ставка. Потом уже будут и слезинки, и кровь на обрывках платья — кстати, без обмана, потом будут разговоры, а сейчас…

Это называется замещение.

Ян сейчас с кровью отрывает от себя кусок души — и если что-то дать ему взамен… думаете, не прирастет?

Еще как!

Если в такой момент подвернется женщина, да умно себя поведет — легко станет заменой той, которая обманула и предала. Насколько уж этих чувств хватит — неизвестно. Но возможность — есть.

* * *

— Сонюшка, ты уверена?

— Алешенька, а как еще? Сейчас мы с распаханной земли налог берем, а это неправильно. Нам надобно, чтобы крестьяне больше землицы распахивали, чтобы прирастала страна, чтобы ширилась, а они ж не будут! Больше земли поднимут — больше возьмут с них.

— Думаешь, ежели брать тягло с человека…

— А что бы не попробовать? Мужчина, старше шестнадцати лет. Вот сколько таких в семье — за столько и налог брать. А баб не трогать, они землю не пашут.

— Так врать же будут.

— А на то перепись населения произвести.

— И кто этим будет заниматься?

— Попы в приходах. На кой они еще нужны, такие умные?

— Попы?

— Пусть перепишут все семьи, где сколько душ, да те сведения патриарху и отправят. А мы уж людей посадим, сведем все воедино и подсчитаем, сколько денег надобно, с какого селения, сколько боярину, сколько государю…

— Бояре недовольны будут…

— А у нас еще Хованский не добит.

Софья смотрела с нехорошим прищуром.

— Страхом править будем.

— Нет, бунты давить постоянно будем, — Софья встретила взгляд брата, не поморщившись, — на то у отца постоянно время было, не у нас. Нам же страну обустраивать надо, а не разбираться с чужим ущемленным самомнением.

— Умеешь же ты… припечатать.

— Умею. Так что? Пугать — или давить?

— Ну, если вопрос именно так ставится?

Софья вздохнула. Грустно и тяжко.

— К сожалению, братик, в нашем отечестве он иначе и не ставится. Никогда.

* * *

— Я так понимаю, ты домой не собираешься?

Ян Собесский смотрел на пана Володыевского. Ежи пожал плечами.

— А зачем? Мне и тут неплохо, а уж Басеньке и вовсе радость.

— Рожать-то скоро будете?

— Так уже… Мальчик у меня, Михайло Иероним.

И столько отцовской гордости, столько нежного и трепетного счастья было в этих словах маленького рыцаря, который наконец обрел тихое семейное счастье…

— Повезло тебе…

Мужчины помолчали. Потом Ежи-таки уточнил.

— А ты это точно? Со своей?

— Куда уж точнее. Видеть ее больше не могу… гадина!

— Но все ж католичка, не православная. А ты ее тут оставляешь…

— Ваш царевич мне обещал, что она будет после родов пострижена. Вот и пусть… не жалко.

— У вас ведь ребенок…

Ян вздохнул.

— Знаешь, Якубу лучше будет без такой матери. Да и мал он еще, для него няньки сейчас куда как важнее…

— Уверен, что не пожалеешь потом?

— Не знаю, ничего не знаю. Ты бы своей простил?

Ежи честно попытался представить, что Басенька ему изменила. Не получилось. То есть — вообще никак. Ни представить, ни подумать…

— Она так никогда не сделает.

— Вот и я так думал.

— Не — ет… ты, Ян, не путай. — Ежи покачал головой. — У вас иное с ней получилось. Бася без меня жить не могла и не может, мы с ней как одно целое. А твоя Марыся? То она за другого замуж выходит. То во Францию одна едет — от любви ли это? Или просто она решила, что ты для нее партия хорошая? Корону надеть возмечтала?

— Не хочу я об этом думать.

— Ну и не думай. Забудь. Не было у тебя такой жены. Как умерла — и все тут. А с Еленой ты что делать будешь?

Ян вздохнул. А что тут сделаешь? Если эта девочка — единственная, кто может хоть ненадолго растопить лед в груди? И рядом с ней становится чуть легче?

— С собой позову. Поедет, как думаешь?

— Нет.

Такого ответа Ян не ждал.

— Почему?

— Потому, что она из девушек царевны. Вроде как личная фрейлина. И только государыня Софья ее отпустить может. Ты с ней не разговаривал?

— С Эленой* или с государыней?

**** польский вариант имени Елена. Один из. Прим. авт.***

— А пожалуй, что и с обеими?

— Нет покамест.

— Вот посмотришь, что тебе скажут.

— Думаешь, государыня ее не отпустит?

Ежи пожал плечами.

— Знаешь, я тут уж сколько времени, а все одно вижу. Царевна Софья, хоть и молода возрастом, да о своих девушках заботится, что о дочерях родных. Любить им не препятствует, но и блудить не дает. Отпустит ли она с тобой Элену — Бог весть. Никогда не знаешь, что у нее на уме.

— Я ж не брошу ее…

— А все одно — пусть не бросишь, но и не женишься. Ты ее для блуда с собой зовешь, а вот представь — тебе жениться надобно будет. Как Элена себя почувствует?

— Любить-то я только ее буду. Да и к чему мне жениться, у меня Якуб есть?

— У вас же еще два ребенка с Марией в младенчестве умерли.

Ян нахмурился.

— Ну…

— И Элена дитя понести может, что делать тогда будешь?

Вопрос оказывался куда как серьезнее, чем казалось вначале пану Собесскому. Это не просто так полюбить, это еще надо искать для девушки место в мире… а ведь ее еще и не отпустить могут.

А, плевать! — вдруг с пьяной удалью решил ясновельможный пан. — *Увезу! Уговорю, украду, хоть как — да увезу! Моя она! И все тут!*

И налил еще по одной.

* * *

Софья стояла рядом с братом. За руку его не держала, но очень хотелось. И все же, это Алеша должен был выдержать без нее. Сам сильный.

И умный.

А стояли они сейчас перед железной клеткой, в которой сидел… да, кто бы узнал сейчас благочестивого старца в этом заросшем, грязном, окровавленном существе без обоих ушей и носа? Кто бы мог подумать, что лицо старца может быть настолько злобным и полным ненависти? А глаза, которые вечно сияли добротой — гореть таким гневом?

И проклятия из его уст вырывались вовсе не христианские.

Алексей смотрел на мужчину. А ведь сложись все иначе…

— Зачем ты отца отравил?

Ответом ему была хриплая ругань. Софья коснулась руки брата.

— Не стоит, Алешенька. Ему это все уже безразлично. Это уже не человек.

— И что с ним теперь делать?

— Казнить, наверное. А что еще?

— Больше он ничего не знает?

— Гарантирую, — Софья усмехнулась. — Палачи у нас хорошие, таким не соврешь. Да и проверяли…

— Соня, а ведь он мог быть нашим воспитателем…

— Мог. И возможно, был бы неплохим учителем. Только вот никогда ему не было по пути ни с Русью, ни с русскими…

— А с Хованским что?

— Примерно то же. Смотреть пойдешь?

— Нет. Казнь через три дня назначим?

— Как скажешь.

Алексей понимал, почему Софья не расправилась с ними принародно еще тогда, после бунта. И сведения бы не вытряхнули, и организаторов лучше было ему казнить…

— Спасибо, сестренка.

— Не благодари. Я тебя просто люблю.

Они вышли из пыточной, не замечая, что вслед им смотрят злобные, ненавидящие глаза старца. У него многое отняли, но язык был цел. И он мог, мог еще нанести последний удар!

* * *

— Сонечка, смотри, что у нас просят.

— И что же? — искренне заинтересовалась Софья.

— Царевич Ираклий, помнишь такого?

Девушка резко помрачнела. Еще бы не помнить. Наталью Нарышкину она век не забудет. Немножко ведь, на самую чуточку судьбу опередили. И нет уже никакого Петра. И не будет никогда!

Но…

— Помню. Чего ему надобно?

— Мы Марфушу замуж отдали… так он же теперь царь Картли, стал с нашей поддержкой.

— И?

— Вот, жену ищет.

— А что, после Натальи он еще не оженился?

— Почитай?

Софья пробежала глазами письмо от царя. Однако ж…

На свитке пергамента Ираклий уверял в своих самых верноподданнических чувствах, прогибался, хотя и в меру и сетовал, что предлагают ему местных красавиц, да лучше русских женщин краше да умнее все одно нет. И ежели у государя есть сестра…

Намек был легким, едва уловимым, но был ведь.

Софья только фыркнула.

— Не по чину…

— А Дуняша? — приостановил ее брат.

Ребята переглянулись.

Евдокия?

А почему нет?

Возраст для Ираклия весьма и весьма подходящий.

Образование?

Да того Картли на карте днем с фонарем поискать, да и не найти. С кем там политику творить? Умная царица им не особенно-то и нужна. Почему бы и не Дуняша? Опять же, не будет дома сидеть, да яд копить. Хуже нет, чем баба без мужика. Ладно, если она свою энергию в дело пускает, а если все в истерики, как у Дуньки…

Опять же, это в Европах она всего лишь сестра *какого-то там* русского государя. А в Картли она — сестра *самого* русского государя. Разница.

— Согласится?

Софья фыркнула вторично.

— Нет. Сначала она покобенится и нервы нам потреплет. А уж потом…

— Язва ты, Сонюшка.

— То есть ты признаешь, что я угадала?

— С абсолютной точностью. Предлагаю отписать Ираклию, что ежели пожелает — пусть приезжает за невестой.

— Думаешь, он на Дуняшку и рассчитывал?

— Не на тебя же? И девчушки малы еще.

Софья шкодно улыбнулась.

— Да. Мы еще маленькие и глупенькие. Так что Дуня и только Дуня. И побыстрее!

Алексей не возражал.

— Ты с ней поговоришь?

— С громадным удовольствием.

Царь всея Руси ласково взъерошил сестренке волосы.

— Ты-то когда в возраст войдешь?

— Я из него уже вышла.

— Чужие браки устраиваешь, а о своем не думаешь?

— Да где ж найти такого мужа, который все терпеть будет? Мои отлучки, наши совещания…?

— А дома сидеть да детей растить? Не изволишь?

Софья зашипела так, что Алексей облегченно выдохнул. Не желает, и слава Богу. Что бы он сейчас без сестры делал — Бог весть. Вешался бы. И все же… надо, надо подумать и об устройстве ее судьбы.

— Ладно. На казнь поедешь?

— Поеду.

Не хотелось Софье, да выбора не было. Приехавший Алексей первым делом утвердил оставленные ему смертные приговоры главных организаторов. Мелочь переловила и передавила без лишнего шума сама Софья, а вот Хованского, Долгоруковых, Полоцкого…

Этих выпотрошили, как рыб — и собирались теперь поджарить на сковородке. Да, и в буквальном смысле тоже. Им предстояла пытка каленым железом на глазах у всех, а затем — кол. И пусть подыхают медленно и позорно.

Толпа уже собиралась с утра, шумела, словно морской прибой, волновалась…

— Едут, едут…

Алексей Алексеевич с сестрой Софьей рядом, бояре, стрельцы, казаки — небольшая процессия заняла места напротив помоста, как были, верхом.

И наконец, на Болото въехала телега. Люди, затаив дыхание, смотрели на тех, кто так и не стал ими править. После пыток, в белых рубахах, приговоренные выглядели откровенно жалко.

Ровно до той поры, как их повлекли на помост.

Там-то и очнулся старец Симеон. И пока палачи занимались Хованским…

— Проклинаю!!! Будьте вы прокляты до седьмого колена, пусть дети ваши никогда не узнают счастья, пусть претерпевают такие же муки…

Голос ввинчивался во внезапно затихшую толпу, словно дрель в стену. Все замерло, не мешая Симеону кликушествовать и пророчествовать, обещая глад, мор, болезни тем, кто пойдет…

— Молчать!

Софье понадобилось ровно две минуты — спрыгнуть с коня, кошкой взлететь на помост, чертова юбка помешала, а то бы и быстрее.

И сейчас она стояла прямо напротив старца.

— Молчи, гнида!

Одного кивка палачам хватило — скрутили, заткнули рот.

Софья развернулась к площади, на которой только начал приходить в себя ее брат. И что-то такое мелькнуло на его лице.

Нет, Алешка проклят не будет! Богом клянусь, этот груз на его плечи не ляжет…

Сверкнул холодной сталью извлеченный из ножен кинжал. Софья, на виду у всей площади, полоснула себя по ладони. Больно было — жуть. На помост закапала кровь.

— Я, Софья Алексеевна Романова, принимаю твое проклятие, старец. — Слова падали камнями. — Пусть оно падет на мою голову, но и ты услышь мой ответ. Я *весь орден твой* пресеку. Не бывать иезуитам не только на Руси православной, но и нигде более. Кровью своей клянусь, не я, так мои потомки, коих ты проклял, закончат это дело.

Тонкие пальцы сжались в кулак, и словно природа вступила в сговор с царевной! На помост упал алый солнечный луч. В его отблесках Софья казалась облитой кровью с ног до головы. И алое платье, и черные, с алым отблеском, волосы…

— Кровавая царевна, кровавая… пр*о*клятая царевна — полетело по толпе.

Софья оскалилась, поднесла кинжал ко рту и слизнула с него кровь. И жест этот вышел таким жутким, что даже палачи шарахнулись.

Никто не знал, что в душе Софья перевела дыхание. Кажется, получилось. Поверили.

Все-таки суеверий в это время хватает, Если бы она позволила Алешке и дальше раздумывать, кто знает, до чего бы договорился рясоносный гад. Вот ведь… царя травить мы желаем, а за поступки свои отвечать — комплексы начинаются? Ай — яй — яй…

Не хватало последнего эффектного жеста.

Кинжал с хрустом полетел вниз, воткнулся в доски под ногами старца.

— Когда сдохнет — забить ему этот нож в сердце вместо кола осинового и так похоронить.

Палач низко поклонился.

Софья сбежала вниз, с помощью брата вскочила на коня, сжала мимоходом руку Алексея, мол, потом все объясню. Молчи…

Она оставалась неподвижна, пока пытали Хованского, Полоцкого, Долгорукова, пока прижигали их каленым железом, пока вырывали языки. Даже не дернулась перевязать руку, с которой на землю капала кровь, пропитывала поводья, лошадь косилась, прядала ушами, но стояла ровно — казачья выучка. А уж как люди косились… Только когда приговоренные заняли свое

место на колах, и процессия двинулась в обратный путь, она позволила себе перевести дыхание и чуть расслабить лицо.

И уже в покоях разревелась, жалко и беспомощно упираясь кулачками в грудь брату.

— Успела, Алешка, едва успела…

Парень гладил ее по волосам.

— Все хорошо, малышка. Все хорошо…

— Что случилось?! Что произошло на площади?!..

Тетки крепко обняли Софью с другой стороны. Девушка всхлипывала, но потом потихоньку замолкла.

— Симеон, сука такая, пытался меня проклясть, — хмуро пояснил Алексей. — А Соня взяла проклятье на себя.

— Соня!!!

— Да не успел он ничего толком сделать, — фыркнула царевна, высвобождаясь из объятий и принимаясь вытирать распухший нос. Истерика схлынула, уступив место привычному ехидству. — Я ему всю малину обломала.

— Но пытался…

— Надо будет за слухами последить. Как бы теперь не пошло, что это я его прокляла, — обеспокоилась Софья.

— А ты проклятья не боишься?

Алексей смотрел на сестру с нежностью. Ведь ради него, только ради него… Тетки были явно в ужасе. Проклятье ж!

— Лешка! Неужели я не рассказывала тебе сказку о великом белом шамане?

Алексей покачал головой.

— А… в далекой жаркой стране жили черные люди. И жил в деревне великий черный шаман. Это как у нас колдун. Все его боялись и все ему подчинялись. А если он хотел покарать человека, он клал тому на порог дохлую змею, и человек умирал через три дня. А потом приехал в эту деревню белый человек. И стал гулять хозяином, делать что пожелает, и даже дал пинка великому черному шаману.

— И что дальше? — Анна поняла, что утешать девушку не требуется, скорее наоборот.

— А дальше великий черный шаман положил белому человеку на порог дохлую змею и стал ждать. А тот не умер. Ни через день, ни через три, ни через месяц. И даже после еще трех дохлых змей — не умер. Поняли тогда глупые люди, что в их деревню приехал великий белый шаман и пришли ему поклониться. Так и сказали — о, великий белый шаман, мы поняли, что ты более могущественный. Ты не поддался колдовству нашего шамана! И сказал, почесав затылок, новоявленный великий белый шаман…

Софья нарочно задержала паузу, поглядывая на брата и теток веселыми глазами.

— И что он сказал?! — не выдержала Татьяна.

— А я и не знал, что на меня порчу наслали!

— Что!?

— А то! Не знал он, что должен помереть, вот и не помер. И чхать ему было на порчу, колдовство и прочую ерунду. Мне — тоже. Пусть Симеон хоть упроклинается, я-то — не католичка. Но к Ибрагиму надо сходить, руку перевязать. Вреда не будет.

И Софья с самым невинным видом принялась заправлять в косу выбившиеся пряди.

Алексей подумал пару минут. Переглянулся с тетушками. И — захохотал так, что потолок вздрогнул.

— Ну, Соня! Слов нет!

Отражение сестрицы весело подмигнуло ему из зеркала.

* * *

— Ванечка!

Феодосия Морозова была взволнована, да еще как! Иван подскочил на месте, только ложка звякнула — он как раз обедал.

— Случилось что, матушка?!

— Да! Сегодня царь наш на казни был…

— Ну да. Хованский, Полоцкий…

Сам Иван не поехал. Он буквально час назад вернулся из Дьяково и собирался через пару часов во дворец. Казнь — казнью, а про поляков забывать не след.

— Полоцкий едва царя не проклял!

— ЧТО!?

Ивана аж подбросило. Нет, вот ведь тварь!

— КАК!?

— Его когда на помост возвели, он начала проклинать, такое говорил, ужасы пророчил, кричал, что Русь погибнет в огне и водах. Ежели за Романовыми пойдет…

— И!?

— Твоя Соня на помост взлетела, да на себя проклятье и приняла.

— Она жива? Цела?

— Говорят, что она себе вену вскрыла и кровь пила. И что ее клятву небеса приняли…

Иван молча отбросил в сторону ложку.

— Мне надо во дворец.

— Я уже приказала коня оседлать.

— Спасибо, мам…

Иван вылетел из столовой. Феодосия только головой ему вслед покачала. Да уж, любит ее мальчик царевну, это видно. И… пусть она себе такой невестки и не хотела бы, но верность и сообразительность Софьи, ее преданность вызывали уважение.

Она ведь ради брата на такое пошла.

А ради любимого мужа и детей?

* * *

Иван влетел в Кремль, едва не снеся по дороге ворота.

Ну, Соня!!!

О ее любви к брату он отлично знал, но чтобы ТАК!? Кем она себя возомнила!?

Убью!!!

В покои его пропустили беспрекословно. Еще бы! Свой, почти родной, почти Романов. Даже Софьины девушки не подумали заступить ему дорогу.

Иван влетел в светелку как серфингист — на гребне волны праведного гнева.

— Соня!!!

— Ванечка?! Что слу…

Договорить Софья не успела. Ее вздернули со стула, встряхнули и заорали едва не в ухо.

— Безмозглая девчонка!!! Ты хоть понимаешь, что творишь!? Я чуть со страху не сдох!!!

— Да что случилось!?

— Что!? А кто сегодня перед всем народом вены на себе резал!?

Софья покосилась на забинтованную ладонь.

— А… э…

Иван крепко стиснул ее, прижал к себе.

— Сонечка… любимая моя… родная, я так за тебя испугался…

И что оставалось делать царевне? Только поднять забинтованную руку и коснуться лица мужчины.

— Ванечка… все хорошо.

А в следующий миг ее еще крепче сжали в объятиях — и поцеловали. После чего единственной связной мыслью у Софьи осталось — и где научился?!

В себя они пришли не скоро, минут через пятнадцать. Соня обнаружила себя на руках у Ивана, а самого Ивана сидящим на лавке около окна.

— Сонюшка, родная моя… любимая…

И что было отвечать?

Соня прислушалась к себе. Любит ли она Ивана?

Да, определенно.

Любит ли Иван ее? Тоже — да.

И что им теперь делать?

— Ты за меня замуж пойдешь? Алексей разрешит, я знаю…

Софья тряхнула головой.

— Ванечка, ты не торопишься ли?

— Нет, Сонюшка. Я еще медлю слишком…

— Ванечка, — Соня смотрела серьезно. — А ты понимаешь, что боярыней Морозовой я никогда не буду? Я всегда сначала останусь Софьей Романовой. И интересы брата и государства для меня будут на первом месте. Детей рожу, но Алешку не брошу. И его делами заниматься не перестану.

— И не надобно. Думаешь, мама рада будет, коли ее отстранить?

Софья вспомнила боярыню Феодосию. Нет, определенно не рада.

— Вот она и будет заниматься домом, внуками, делами. А я по — прежнему буду брату помогать. Так что ежели не можешь принять этого… лучше не надобно и начинать. Потом нам с тобой больнее будет.

Иван вздохнул.

— Соня, мы с Алешкой уже говорили. Я остаюсь при нем ты — тоже… Ну и? Все равно помогать ему придется, один он этот груз не потянет. Ежели захочешь, вообще тайно обвенчаемся…

— Я подумаю, что будет лучше для нашей политики. Сам понимаешь.

Иван рассмеялся.

— Понимаю. Я буду делить тебя с государством, с братом, с кучей дел… но я ведь и не хочу, чтобы ты менялась. Если ты сядешь в тереме и начнешь вышивать, не говоря со мной ни о чем, кроме ниток и иголок, я тоже тебя не разлюблю. Но это ведь не ты будешь…

— Не я, — согласилась Софья.

— Не меняйся, прошу тебя. Никогда не меняйся.

— А что-то ты скажешь, когда дети пойдут?

— Надеюсь, что то же самое…

Софья смотрела в оконное стекло. Что-то вставало впереди? Неужели небеса сжалились над ней? Она может быть счастлива еще раз? Рядом с человеком, который будет любить ее такой, какая она есть, не мешать заниматься любимым делом, более того, работать с ней в одной команде. Сверх того, Иван уже друг

Алексея, то есть конфликта не выйдет. Но братцу и вправду надобно невесту приглядывать. По здешним меркам уж года два как пора, отец в его возрасте уже женат был и детей делал…

И жена нужна либо умная, либо… есть ведь и такие женщины, которым ничего не надо, кроме своей семьи и детей. Может, и им такая нужна? Чтобы она детьми занималась а они — делами государства?

Ох, как бы тут опять ошибку не сделать. Вот занималась Вадюшей свекровь — и выросло… художественное нечто. Здесь она такой ошибки не должна совершить.

— Ох, Ванечка…

* * *

К идее замужества сестры Алексей отнесся двояко. Ему и хотелось, чтобы Соня была счастлива — и не хотелось ее отпускать. Он привык, что всегда есть кому подставить плечо, помочь, поддержать — и отказываться не хотел. Так что…

— Надобно будет Совет организовать. Как у Ивана Четвертого был, вот, чтобы вы туда входили, Аввакум, Адриан, коли патриархом станет…

— Иван Сирко, — подсказал Софья.

— Он от Бога воин, — задумчиво согласился Алексей. — Но тогда уж и дядька Воин…

— А еще — Ромодановский. Строганов, как специалист по Уралу.

— Специалист… в свой карман. Ворует ведь, сволочь такая, — фыркнула Софья.

— А на то и Ромодановский. Пока Григорий в Азове, Федора позовем. Ты ведь ему создание ПГБ доверяешь? — Алексей наполовину подшучивал над сестрой, наполовину спрашивал серьезно.

— Предан аки пес — псом и будет. Умный мужчина, очень умный. А излишняя жестокость… на то и плетка у царя, чтобы псина лишний раз клыки не скалила.

— Мельин, — вспомнил Ваня.

— И верно. Как вернется — быть ему главным советником по морскому делу.

— Ньютон….

— Патрик Гордон, как специалист по иноземной слободе, — утверждающе кивнул Алексей.

— Ибрагим — лучше него в ядах и интригах никто из нас не разберется, — подсказала Софья.

Ближний круг царя начинал формироваться. И Софья с тревогой следила за этим процессом. Самая страшная штука — медные трубы славы. Если Алешка сейчас устоит, если справится, если она правильно его воспитала… вот ведь!

Тогда они выстоят.

А если нет?

Что ж. Тогда ей прямая дорога на колокольню и головой вниз. Ежели по ее вине Русь так с колен и не поднимется…

* * *

Поль Мелье прибыл в родной Марсель холодным февральским утром. Ветер бил в лицо, заставляя прикрыть глаза, не смотреть на родной город, но адмирал не то что в плащ не закутался, так еще и шапку снял да усмехнулся. Разве ж это зимы?

Вот на Руси…

Да, именно там.

Иногда ему казалось, что с ним тролли пошутили. Но потом мужчина касался туго набитого кошелька, маленького мешочка с драгоценностями на груди, медали, жалованной грамоты…

Взгляд его падал на кольцо с крупным сапфиром, которое вручил государь, пошутив насчет фамильного перстня, мол, адмиралу — морской камень, и Поль опять верил.

Хотя уже Павел.

А, какая разница. То же имя, тот же человек…

А вот от Франции он отвык. Отвык от ароматов помойки, коими встречали его города, отвык от запахов немытых тел и душных парфюмов, отвык не мыться в горячо натопленной бане, а просто протираться полотенцем…

Хорошо хоть молиться не отвык.

Вот и родной домик.

Поль перемахнул через забор, и что есть сил забарабанил в дверь.

— Открывайте!

И сам вдруг себе удивился. Слово вырвалось… на русском языке! И нарочно не захочешь, а получится.

А впрочем, хоть на китайском говори, а его уже признали.

— Сыночек!!!

— Поль!!!

— ПАПА!!!

Родным потребовалось две минуты, чтобы высыпать на улицу, как были, кто в платье, кто в одной нижней рубашке, повиснуть

на шее, обнять, зацеловать…

Вернулся!!!

Да разве это не счастье, когда твой родной человек возвращается домой?

Поль смеялся, обнимал детей, щедрой рукой раздавал подарки. На плечи матери и отца опустились меха, у жены на шее блеснуло дорогое — королеве впору такое носить — сапфировое ожерелье, дети запрыгали вокруг, получая в свой черед гостинцы с далекой Руси…

Часа два прошло, не менее, прежде чем они смогли говорить нормально. И тут Поль объявил, что им надобно собираться.

— Дом продаем и едем на Русь. Там у меня деревни жалованы, дворянство…

Мать ахнула, жена едва не упала в обморок. Дети пока были слишком малы, чтобы понять, старшая дочь убежала к подругам похвастаться вернувшимся отцом и привезенными подарками.

— Дворянство? Да кто ж…

— Русский государь, Алексей Алексеевич. Я у него адмирал Мельин — и дворянство мне теперь положено. И дом на Москве строится.

— Дом!?

— Палаты, как положено. Там и жить будете, я-то в море уйду. А в Азов я вас не возьму, покамест опасно там слишком, только закончили Крым от татарвы чистить…

Сначала Полю не поверили. Потом, когда посмотрели еще раз на подарки… да и был повод поверить. Когда с полгода тому назад приехал от него мужчина с письмом и деньгами. А в письме было прописано, что Поль Мелье сейчас на службе у русского государя.

Тогда половина улицы сбежалась, а уж сейчас-то!

Половина города, не иначе. И Поль не скупился. Сообщил всем, что отправляется в ближайший кабачок и будет там кутить до вечера. Так-то.

Деньги?

Да если б Поль захотел, он бы этот кабачок себе прикупил, как… да, вот именно — как корзинку кабачков на ярмарке! Хватит и на переезд, и на обустройство, и государь его милостями не оставит.

Что и было сообщено друзьям и знакомым.

И не только им — в кабачок набилась куча посторонних людей, но Поль даже и не подумал никого гнать. Наливай всем — и точка!

Кабатчик был доволен, знакомые тоже… правда, расспрашивали Поля много. Он и рассказал. Как плыли, попали в

плен к туркам. Думал уже — с жизнью простится, но отбили его русичи. Так к ним и угодил, у них и служить стал.

А чего ж не служить, с такими-то пряниками?

Тут-то Поля и принялись расспрашивать о Руси. Про турок многие знали, всем было известно, что это за гнусные нехристи.

Можно ли там жить?

Еще как можно. А вся та глупость, кою рассказывают — она и есть глупость.

Ходят ли там медведи по улицам?

Ну, сами не ходят. А вот со скоморохами, это вроде как комедианты у нас — тогда да, бывает такое. Ученые звери называются. Так это и у нас собак обучают, разве нет?

Морозы, такие, что на лету птица падает?

Нет, при нем не падали. Говорят, в Сибири — да, там бывает. А на Москве редко. Да и то. Люди-то живут.

Вера?

Вот этот вопрос был самым животрепещущим для многих. Как же! Дикие варвары, язычники! Может, и не христиане вовсе, а если и христиане, то не добрые католики, а какие-то странные, чуть ли не гугеноты?!

И как к ним ехать? Вдруг заставят по — своему молиться, а это ж верная погибель душе!? Страшно…

Вот эти заявления Поль отверг сразу же. Никого русский царь молиться не заставляет. Ни насильно, ни как-то еще. Сам он православной веры, то есть тоже христианин только немного странное это христианство. Папу они не признают и молитвы у них чудные, но его, Поля, никто не уговаривал перейти в чужую веру. Это не безбожные язычники турки, которые могут принять выкрестов, нет. Царевич при нем сказал, что предавший веру — предаст любого.

Тут закивали все собравшиеся, а Поль продолжил говорить, что есть на Москве Иноземная слобода, и есть там протестантская церквушка. А ежели что — царевич и католический храм разрешит поставить. Коли найдется священник, который пожелает туда поехать.

Условие только одно будет — не чинить раздора промеж подданными его величества и не сеять смуту.

Приехал молиться — молись, а в политику не лезь.

Преследования иноверцев? Выкапывание из могил и выбрасывание на свалку, или там, сжигание трупов иноверцев — гугенотов ли, католиков — на кострах, всевозможные унижения и притеснения? Налоги за иную веру? Нантский эдикт? Есть ли его аналоги на Руси?

Что вы!

Торгуйте, верьте — дело ваше. Специально притеснять вас никто не будет. Ну а сволочей… этих-то при любой вере бить будут. Не исключено, что и ногами. Как говорит его высочество — сволочь ни веры, ни национальности не имеет.

Иноземцев били?

Били! И правильно! На Руси нельзя ни травы никотианы, ни крепкого вина. Не пьют там такое. А те, коих били, все это русичам продавали. Считай, людей с пути истинного сворачивали. За то царь и осерчал. Бывает.

Разговаривал с его высочеством?

Да, лично! Между прочим, это не наши аристократы, перед коими выплясывать надобно! Алексей Алексеевич и сам на мачту слазить не ленится, и морем живо интересуется, да и вообще парнишка хороший. Коли не знает, так и приказывать не будет, спервоначалу совета спросит.

Не бывает таких?

Так и сам бы не поверил, коли б не видел! Так видел же!

Полю тоже не поверили бы. Но…

Все знали, что его семье привезли деньги от отца, да и все остальное выглядело более чем убедительно. Не роскошная, но добротная и хорошая одежда, дорогое кольцо с сапфиром, украшающее руку мужчины, грамоты от русского царевича, куча денег, которыми Поль сорил совершенно свободно…

Кто-то слушал. А кто-то и прислушивался. И спустя два дня к Полю пожаловали гости. Глава общины гугенотов Пьер Боннэ вместе с пастором Жаном Лелюком.

Поль, хоть и был добрым католиком, но гостей принял радушно. Католичество-то католичеством, но гугенотов в Марселе тоже хватало. Ты его сегодня облаешь, а он завтра тебе тоже гадость сделает. Вера — это дело священников, а Полю, который в море проводил много времени, с соседями надо было жить дружно. Он и жил.

Так что гости были проведены в дом, усажены за стол и жена Поля выставила на стол бутылку хорошего вина. Некоторое время разговор не завязывался, но потом, после обмена мнениями о погоде, зимних штормах, улове рыбы и подлых турках, гости таки перешли к важной для них теме.

— Ты и верно уезжаешь? — принялся прощупывать почву Пьер.

— Уезжаю, дом вот уже продал почти, осталось мебель продать. Я бы оставил, все равно там все новое будет, но женщины, — Поль пожал широкими плечами. Чего ему стоило уговорить мать переехать на Русь?! Но не оставлять же старуху одну? Конечно, государь его деньгами не обидит, он матери

помогать сможет, да все одно сердце изболится. Так что ехать — вместе.

— Ты так уверен, что тебя там примут…

— Так я ж не лгал, — Поль и не подумал горячиться. — Деревни мне жаловали, о том грамота государева есть. Жилье будет. Жалованьем государь не обидит, да и *премиями*.

— Премиями?!

— После боя с турецкими кораблями, мне кошель с драгоценностями пожаловали. Матросов — и тех наградили, государь лично каждому награду вручал и благодарил за службу.

— Не бывает такого.

— Бывает. И потом мы еще сражались. За успешные действия царевич награждает.

— А неудачи были?

Поль кивнул, вспоминая, как в шторм потерял два корабля. Как в сражении еще потерял десяток из-за того, что не вовремя подал команду о маневре…

— Бывали.

— И — как?

— Государь отругал по — всякому, сказал, что заставит меня лично о гибели людей их родным сообщать.

— И?..

— Что? Палками меня не били, под килем не протягивали, только лучше б уж так чем он… тошно бывает, когда понимаешь, что ребятам жить да жить, а из-за меня… Сам себя казню.

Гугеноты переглянулись.

— А креститься в свою веру он тебе не предлагал?

— Нет… Ни мне, ни детям того не предложат, разве что кто сам захочет.

— А принц только тебя приглашал… или еще кого другого?

Поль усмехнулся. Ну да, о том с ним тоже говорили.

— Ежели кто еще поехать захочет, препятствий не будет. Только за свой счет. Хотя и исключения есть.

— И какие же?

— Моряки, корабелы, ученые… те, кто могут и хотят работать. Эти люди могут приехать. Им оплатят дорогу, помогут перевезти семью, но условия будут очень жесткими.

— Какими же?

— Государь сказал так. Ежели кто пожелает жить на его земле, он обязан будет говорить на его языке, не ставить себя выше других подданных и не вызывать беспорядки. А еще — выучить не менее десятка учеников из русских. Сие будет и в договоре прописано. Жилье, жалованье — все будет. Но и эти условия — тоже.

— А что за договор?

— Так вот…

Поль полез в свой сундучок и вытащил оттуда пергамент.

— Государь мне специально таковой дал. Мало ли что. Мало ли *кто*.

Мужчины переглянулись. Ни для кого не было секретом, что чем дальше, тем хуже приходилось во Франции гугенотам. И все чаще они думали об отъезде. Но куда?

На острова к пиратам? В колонии к дикарям? Как-то вот жить хотелось, да и там тоже гугенотов прижимали, не так, так этак. В Англию?

Вот уж благодарствуйте, сами туда отправляйтесь.

А куда еще?

И быстро выяснялось, что ехать-то особо и некуда. Вдали от моря моряк и рыбак не выживет. А выходы к морю есть далеко не у всех стран, вот и выходит — где можно верить, там нельзя жить.

А тут обнаруживалась страна, в которую можно было уехать.

Море?

Есть. И защита есть. Ну, конечно, турки, не без того, но это — зло неизбежное на любом море. Специально притеснять не будут, так может и поговорить о том можно? Понятное дело, что абы кого не зовут, ну так кому неумехи нужны?

Слух пополз.

И на Русь Поль Мелье отбывал не только с семьей. С ним ехали еще два десятка мастеров, нанятых им на свой страх и риск. Он лично, из своих средств, оставил деньги их семьям, оплатил им проезд…

И надеялся, что правильно понял своего государя. Если умному, серьезному, талантливому человеку надо куда-то уезжать, так почему не в ту страну, где он принесет пользу?!

* * *

— Дуня, радость у нас.

— Да неужто?

Царевна Евдокия смотрела на сестру чуть ли не с ненавистью. Вот ведь… с — стерва! Сумела к братцу прилепиться — и таскается за ним хвостом! Все Алешенька эту гадючку слушает, нет бы старшую сестру спросить, она-то плохого не посоветовала бы! Она-то много чего знает! А эта….

Дождалась, при всей Москве ее проклятили! Доигралась!

Говорят, Софья при всех горло Симеону вскрыла и кровь, у него текущую, пила. При всем честном народе!

А что, она такая! Она может!

— Да, радость. Царевну замуж выдаем.

— Ты, что ли, собралась? Али кто из младшеньких?

— Нет. Ты.

— Я!?

Дуня аж ошалела, как услышала. Софья смотрела без особого интереса. Вот ведь… свалил Лешка это на нее, оно и понятно. Какому ж мужчине охота в бабьи дрязги лезть? Тетки вот мигом занятыми сказались… ей бы тоже, да больше некому.

— Царь Картли к тебе сватается. Так что как приедет он через месяц, так сразу же…

— Что!? Картли!? Сонька, ты совсем ума решилась!!!

Гнев у Евдокии вызвало не государство — в географии она не сильна была, дай ей карту — Францию бы от Греции не отличила. Нет.

Важно было другое. Что Ираклий этот уже был женат — да на ком!

На Нарышкиной!

Памятна всем была та история…

Мало того!

Картли!

Где и по — русски никто не говорит! Храмов толком нет!

И — МЕСЯЦ!!!

Да как же за месяц можно хоть что подготовить!? Неужто царевну замуж, ровно чернавку выдавать?!!

Вот что-то подобное Софья уже и предвидела. Именно потому большая часть приданного уже была готова.

А Дуньке месяца хватит перебеситься и смириться.

И — замуж! Срочно замуж! Без мужиков бабы дуреют и звереют!

Так что…

Минус — фарфоровые вазы числом восемь штук, да сервиз чайный, кои Дунька переколотила в запале. Плюс… ну, плюсом тут избавление от бешеной козы в тереме. А в остальном… подумаешь — истерика и куча высказанных гадостей? Дело-то житейское. Да и не так Дуня неправа, утверждая, что после ее отъезда Софья вообще всех подомнет. Чего уж там…

Чтобы управлять внешним, надо управлять внутренним. Хочешь строить империю — позаботься о крепком тыле. Вот Софья и позаботится. Ни к чему ей Кремлевский курятник, лучше уж раздать куриц в хорошие руки и вздохнуть. Одной проблемой меньше будет… мелких бы пристроить.

* * *

— Ваше величество, позвольте представить. Моя невеста, Элена.

Михаил с сомнением поглядел на пана Собесского. Благо, разговор происходил не в присутствии всех придворных. Нет, тайная аудиенция.

— Рад видеть при дворе такую очаровательную даму. Милая Элена…

— Ваше величество…

Девушка, присевшая в реверансе, была просто очаровательна. Одни большие голубые глаза чего стоили. Наивные, как у котенка. И вся она производила впечатление такой нежной красотки, которую хочется укрыть, защитить… Понятно, *что* Собесскому понравилось!

— Пани, вы русская…

— Да, ваше величество.

По — польски Элена говорила очень правильно. Чисто, четко выговаривая окончания слов — это и выдавало в ней пока иностранку. Через пару — тройку месяцев никто и не скажет.

— Моя жена тоже русская. Полагаю, вы найдете общие темы…

Мария послала мужу улыбку — и кивнула Элене на маленький балкончик.

— Дорогой, мы чуть подышим свежим воздухом?

— Да, милая.

В последнее время королеву опять начинало подташнивать — и Марфа подозревала, что второго ребенка долго ждать не придется. Но потом точно надо на пару лет сделать перерыв, ни к чему каждый год рожать. Хватит ей маминой судьбы.

Стоило женщинам оказаться на балкончике, как Елена неуловимо изменилась.

— Здрава будь, государыня царевна.

— И тебе здоровья…

— Сестрица твоя, Сонюшка, велела кланяться земно, спрашивала, не требуется ли тебе чего, просила передать, что всегда с тобой родные берега пребудут.

Марфа выдохнула. И широко, весело улыбнулась.

— Так ты одна из Софьиных воспитанниц?

— Да, государыня.

— И как же…

— Мария Собесская, — глаза Елены блестели огоньками, — так уж получилось, прижила внебрачного ребенка от Васьки Голицына. Так она утверждает. А кто уж там на деле был… конюх, али вообще псарь — никому не ведомо.

— И Ян…

— Не желает видеть ни ее, ни ребенка. Мария будет в монастырь пострижена, а дите на воспитание отдано в хорошую семью.

— Не кричала Мария, что ее снасильничали?

— В Дьяково-то?! Ян попытался было расспросить, но государыня так и отрезала. Мол, они за здоровьем женщины следить должны были, а не за ее нравственностью. Все, что происходило — по доброму согласию было.

— Не рвался он никого убить?

— А кого? Разве что Марию… Царевна ему так и ответствовала, что коли сучка не захочет, так и кобель не вскочит.

— И ты…

— Когда он меня попросил с ним отпустить, царевна согласие дала. Но сказала, что это на год. Коли мы за это время не решим судьбы связать, так она меня домой потребует. Нечего блуд плодить.

Мария про себя подумала, что идея-то великолепная. Игрушку тебе вроде как и дали, но — попробовать. А так — не твоя она, есть ей куда уйти. Такое на мужчин действует.

— И ты…

Глаза Елены были серьезными.

— Царевна другую для него хотела, но потом меня по результатам обучения взяли.

— Обучения?

— Языки, манеры, верховая езда… да много всего. Я в своей группе лучшая, вот царевна и решила, что плохих ей на такой должности не надобно.

— Ты не пожалеешь потом?

Марфа смотрела в шоке. Да, она и сама понимала, что мужа надо к себе привязать, но чтобы вот так, расчетливо и спокойно…

Но ответ Елены был прост и правдив.

— Ян очень добрый, умный, только счастья у него раньше в жизни не было. Я ни о чем не жалею, тем более, что царевна, случись что, мужа мне найдет. И хорошего.

— И не жаль будет?

— Яна? Очень. Но коли прикажут — уйду. Верю, что царевна ему зла не пожелает.

— Кажется, он больше получил, чем рассчитывал. Но ты ж понимаешь…

— Коли женится он на мне, дорога к трону ему навек закрыта будет. Понимаю. Да только ему то и не надобно. Ему войска в походы водить — и чтобы дома кто-то любящий ждал. Коли получится у меня — добро. Нет? Царевна еще кого искать будет.

— Но вроде бы… невеста?
— Ежели король не отговорит.
— Не отговорит, — Марфа смотрела серьезно. — Не позволю.

* * *

Алексей Алексеевич поднял голову от свитка.

— Ну что ж, боярин. Рад видеть тебя.

Одоевский смотрел нагло — испуганно.

— Рад служить тебе, государь. Как отцу твоему служил, верно и честно.

Аудиенция была предоставлена приватно. Вроде бы как и неплохо, опосля ссылки-то, но мало ли? Сонька-то у трона так и вьется, кто ее знает, чего она хвостом накрутит? С царевной вот у Никиты Одоевского не сложилось, до сих пор ему те слова на совете аукались…

— Служить-то рад… а что ж с сестрой моей спорить решил?

— Государь! — Никита Иванович выглядел ну вовсе даже невинным младенцем. Не было б бороды, так и не отличить… — Я ж… и предки мои…

— Вот ради них только, — обрезал ему Алексей. — Боярин, я решил, что такой ум и опыт пропадать в дальних поместьях не должны, верно?

Боярин молча поклонился. Тут уж не поспоришь.

— А потому пошлю я тебя с важной миссией. Поедешь послом в Англию.

— Государь?!

— Да. Там у короля Якова две дочери есть, Мария да Анна. Вот и хочется мне, чтобы ты пожил в Англии, дом там прикупил, посольство завел, ко двору стал вхож, да и поглядел на девушек? Что там за красавицы, чего они стоят, свататься нам к Якову, али нет?

Такое дело абы кому не доверишь, а ты муж верный и честный, худого не сделаешь…

Никита Иванович аж расцвел розой!

Да уж! Это не опала, это…! Такое доверие! Как бы не невесту государю приглядеть!

А выгода-то какая…

— Государь! Все сполню! Жизнь положу, а только приказ твой выполню!

— Это хорошо боярин. Вот и задача тебе. В посольский приказ пойдешь, там уж всем о твоем назначении известно. Подберут тебе людей…

— Э…

— Знаю я, что сказать ты хочешь, у тебя и своя дворня есть, верно? Говори смело, боярин, я за дело не наказываю.

— И то верно, государь.

— Вот смотри, Никита, дворню тебе с собой взять потребно, спору нет. Но кто из них с англами говорить сможет? Ведь язык-то у них не родной? Хоть одно б слово из десятка поняли? А еще многое есть, кроме твоей миссии. Вот потому я и посылаю с тобой десятка два доверенных людей.

Никита Иванович чуть приуныл. Так это что ж — его ширмой сделать хотят?

Государь словно бы мысли прочел, головой покачал.

— Не о том ты думаешь. Я вот хотел бы, чтобы ты с собой кого из родных взял. Дочки, внучки, кто там? Женщине оно ж завсегда легче с другой женщиной сойтись, посмотреть, чем та дышит, чего ждать от них. Сам пойми, боярин, у них, например, хорошим считается, коли у женщины любовники после свадьбы есть, а у нас как такое непотребство допустить? У них по дамам чуть ли не вши бегают, а нам к чему вшивая царица потребна?

Одоевский закивал, вновь преисполняясь важности. И то верно, кто ж, окромя него справиться может?

— А коли не подойдет никто, государь?

— Я тебя и за то ругать не буду. Тухлая рыбка нам без надобности, сам понимаешь. Так-то я тебя отправлю дружеские отношения наводить, торговлю налаживать, может, людишек наших туда поучиться отправить, или их ученых к нам пригласить, а втайне…

Одоевский закивал. Вот теперь он все понял. Да, ему доверяют. Но и своих людей государь с ним пошлет, и для проверки, и для своих целей…

— Государь, а когда выезжать надобно?

— Чем скорее, тем лучше. Думаю, месяца довольно будет на сборы?

— Да, государь!

— И приказываю тебе, боярин, линий раз о своей миссии не распространяться. Сам понимаешь, шпионов много, а на каждый роток не накинешь платок…

Одоевский поспешно заверил царя, что молчать будет, как рыба окунь! Упорно! Пусть хоть пытают каленым железом! И внучку с собой возьмет, а то и не одну, и сына, и люди государевы при нем в целости и сохранности будут…

Он был доволен и счастлив. Его послали в Англию! Доверили важное дело! Да какое…

— А еще зайди к царевне Софье.

Вот это Никите Ивановичу понравилось куда как меньше. И видя его замешательство, государь усмехнулся.

— Коли ты с собой внучек брать восхотел, так она к ним пару

служанок приставит. Умных да опытных. Не обижайся, боярин, да только наши мамки — няньки лишь в своих теремах опытны. А девушке, сам понимаешь, честь беречь надобно. А ее служанки вельми хорошо в обычаях той страны разбираются…

Одоевский кивнул. Радости, конечно, у него поубавилось, но…

Потерпит!

Ради такого дела, да таких перспектив? Еще как стерпит! И Софьиных девиц, и государевых людей… дело-то житейское.

Благодарствуем, государь.

Алексей отпустил боярина и усмехнулся ему вслед.

А то ж! Доволен? Счастлив? И ладненько!

Конечно, крутить он в свою пользу будет, и приворовывать чуток, и принцесс приукрашивать, чтобы в доверие к государю войти, но на то с ним верных людей и посылают.

Найдется, кому его проверить.

И уж вовсе не стоило знать боярину, что в течение месяца подобный разговор — разве что со сменой стран и государей, состоялся еще с восемью боярами. И все были весьма польщены таким доверием…

Вот и ладненько.

Пусть на благо государства поработают, а то лишь знают — в Думе посохами по полу лупить, да бородами мести!

Без них проблем хватает. Ох и хлопотное дело сие — управление государством!

* * *

Михайла, кстати, и не думал отговаривать Яна от женитьбы. Наоборот, видел на своем примере, что зла тут быть не должно. Ну, русская. Ему ли жаловаться? Он с Марией такое счастье обрел, на кое и не надеялся.

Незнатного рода?

Тут уж как поглядеть. Все мы от Адама и Евы, рода древнее еще и не придумано. И зная шурина — девочка хотя бы дворянка. Пусть и из захудалых.

Расспросил про крымчаков, поблагодарил за службу… Ян первый заговорил о личном.

— Государь, жениться хочу.

— На Элене?

— Да.

— Мария…

— Уже в монастыре. Как ребенок родится, так через три

месяца ее и постригут.

Михайло пожал плечами.

— Не буду говорить, что мне ее жаль. Марию я бы ей никогда не простил, терпел бы ради тебя — и только. Но если уж ты эти путы сбросил… Почему-то мне кажется, что Элена тебя не предаст. Русские женщины — добрые, умные и верные. Я по своей жене сужу…

Улыбка у Яна была грустной.

— Неужто я так много желал, государь? Жену, любовь, дом, детей…

— Марии хотелось большего. Не думай о том, лучше порадуйся, что не оказался на всю жизнь связан с лживой и коварной женщиной.

— Пока мне еще больно.

— Тогда не торопись с Эленой. У вас вся жизнь впереди.

— Мы пока и не торопимся. Но она моя невеста. И я хочу, чтобы к ней относились соответствующе.

— Я поговорю с женой. Она займется придворными.

— Благодарю.

Мужчины неплохо понимали друг друга. Им обоим не хотелось власти, но Михайле она свалилась на плечи. А Ян… да он был счастлив своим местом гетмана! Его дело — воевать за свою родину, и воевать отлично! Заниматься любимым делом. А дома его будут ждать жена и дети.

Мало?

Поверьте, это очень много.

* * *

— Отче, — Алексей смотрел холодно и твердо. Голубые глаза как льдом вымерозило. — Не должно быть в православной церкви людей, кои грамоте не разумеют!

Питирим смотрел грустно. Ну, бывает. Не все в грамоте крепки, кто и молитвы на память заучивал.

— Главное, что в вере они тверды, государь.

Отговорка была хорошей, только вот почему-то государя не устроила.

— А в грамоте? Прочитать иные писульки не можем! И это те, кто свет нести должен.

— Свет веры, государь.

— Отче, как можно говорить о Священном Писании, когда писать не умеешь? Так дело не пойдет. Деньги найдете на хорошее дело. Я знаю, сколько и чего принадлежит церкви. Чтобы

через десять дней у меня на столе лежал подробный отчет. Сколько у нас безграмотных попов, которые таких же безграмотных людей воспитывают? Что вы намерены сделать, чтобы им помочь? Либо вызывайте в монастыри и обучайте, чтобы они хоть Псалтырь могли прочесть, либо кого-то в помощь направляйте на время, дело ваше. Но спустя два года я хочу, чтобы при каждом храме были люди, способные обучить крестьянских детей хотя бы основам счета и грамоты.

— Тяжко сие будет, государь.

Питирим не то, чтобы сопротивлялся — он просто *не понимал*. И в этом непонимании был опасен. К чему крестьянам грамота?

Да ни к чему, им пахать и сеять надобно.

К чему всех попов обучать? Рано или поздно то само произойдет. А пока… Молиться — молятся, верить — веруют, ну и что еще надобно?

Алексей вздохнул. Провел рукой по лбу, убирая непослушную золотистую прядь. И тихо заговорил.

— Пойми, отче, я ведь не просто так гневаюсь. Из-за безграмотности да глупости многие беды проистечь могут. Скажут человеку, что написано красное, он и поверит. А там вовсе даже синее. Ты знаешь, что началось, когда Никон церковные книги править стал, сам видишь. Трещина ширится, остановить ее сложно, сумеем ли — не знаю. А отчего?

— Потому что некоторые по недомыслию своему…

— Во — от. А отчего сие недомыслие? Да от безграмотности. Кого книги править приглашали? Да иноземщину! Своих мудрых людей не нашли? Али языка не знали? Вам веру православную во все концы мира нести, а вы? Да у турок последний мулла — и тот грамотен. Стыдно, отче…

Питирим только головой покачал.

— Стар я уже для твоих нововведений, государь. Стар, немощен… На покой мне пора.

Алексей пожал плечами.

— Удерживать не буду. Но года два еще постарайся продержаться. А там и Адриан сможет в силу войти, вожжи из рук твоих принять. Сам понимаешь, царь с Храмом воедино стоять должны.

— Э, нет, государь, — Питирим понимал, что может поплатиться за этот разговор, но и удержаться не мог. — Ты не воедино с Храмом стоять хочешь, ты желаешь, чтобы Храм то говорил, что тебе угодно. А это вовсе даже другое. Так ты и вовсе церковь подомнешь, а ведь это неправильно. Мы для того и созданы, чтобы…

— Между людьми и Богом быть? Отче, я сейчас может, резко выскажусь, только и ты меня пойми. Да, ваше место между людьми и Богом. И я за то, чтобы православная церковь века стояла, чтобы воссияла, чтобы никому и в голову не пришло, что Бога может, и нет, или иной он какой-то…

— Богохульство…

Питирим едва шевелил белыми губами. Алеша покачал головой.

— Есть ведь нехристи, есть. Сам знаешь. А чего иезуиты стоят? Тот же Симеон? Мало тебе?

Мало не было.

— А ведь священник. Старцем прозывался… И? Неужто не позорит он это слово?

Крыть было нечем. Еще как позорит.

— А вы должны так себя поставить, чтобы никому, ни католику, ни гугеноту, даже последнему богохульнику в голову не пришло такое подумать. Чтобы каждый человек был уверен, что слово православного священника — оно дороже алмаза. Только вот дело это не одного дня. И даже не десяти лет. Внуки наши до того доживут ли?

Питирим слушал, а глаза оставались сомневающимися.

— Понимаю, ты пока не веришь мне — и верно то. Власть и не таких, как я, ломала. Сумею ли удержаться?

— Сумеешь ли, нет ли, выше тебя, государь, все равно никого нет на Руси.

— Бог есть. И совесть. Сумею ли пред ними ответить, когда рядом с отцом лягу?

И на миг проглянуло такое…

Не государь сидел перед Питиримом, нет. Не полновластный правитель земли Русской. Просто юноша, на которого свалилось небо — и сейчас он пытался его удержать. И найти хоть где-то помощь, потому что никому, никому не дано выдержать под тяжестью свода — в одиночку. Объяснить, заставить понять, просто сделать…

Отзовитесь же! Вы же умные, мудрые, взрослые… неужели не ясно, что это — необходимо!?

Как крик в темноте!

Кричи, не кричи…

Питирим поклонился еще раз, пряча под приспущенными веками свое понимание.

— Стар я уже, государь. Слаб. Но прав ты, надобно нам грамотными быть. Авось, и смогу чем помочь. Десять дней, говоришь?

Алексей кивнул. И молча пронаблюдал за уходящим

патриархом. Да уж.

Объясните хоть кто-нибудь, где отец умудрялся находить время на посты и молитвы? Тут выспаться бы! Так и на то времени иногда нет. Если б не сестра, не Иван, не… Был бы один — вовсе упал бы.

Алексею и в голову не приходило, что отец был другим государем. Хорошим человеком, но достаточно слабым и управляемым. И правил не он, а, фактически, за него. Потому и бардак был.

А Алексей сейчас пытался делать свои первые шаги.

Он понимал, что будут проблемы, что его возненавидят, но…

— Ушел патриарх?

Софья скользнула в комнату, отбросила назад темную косу. Алексей окинул сестренку взглядом. Черное простое платье, тонкий венец на темных волосах, да и платье… вроде как и русский фасон, а и что-то европейское в нем есть. И юбка длинная, и рукава, а все ж так сделано в некоторых местах…

— Нововведения?

— Я и твоим гардеробом озаботилась. Ты у нас должен быть государем — солнышком, сам понимаешь.

— А ты, значит…

— Пр**о**клятая царевна. Так тому и быть.

— Никогда не смогу к твоим шуточкам привыкнуть. Это не игрушки, с проклятиями.

— Алешка, было бы из-за чего переживать. Симеон проклинал тех, кто к власти придет. А моим детям власть не нужна. И мне-то она ни к чему, сам знаешь. Так что если никто из моих потомков править не будет, то и проблем не возникнет.

— А ты уже и потомками озаботилась?

— Почему бы нет. Ваня мне предложение сделал — и я его приму, коли ты против не будешь.

— Станешь боярыней, из дворца уедешь…

В голосе Алексея невольно проскользнула тоска. Софья ехидно фыркнула, понимая, о чем думает сейчас братик. Одиночество…

— Вот еще. Я с тобой о том поговорить и хотела.

— О чем? Тетка Анна к своему мужу переезжает, тетка Татьяна своего орла казачьего ждет, Катенька с персиянками не расстается, коих Аббас прислал…. Улетаете?

— Улетают. Они. Так что… приютишь нас с Иваном?

— То есть?

— Чтобы нам рядом быть. Не против? Никуда я не уеду, Иван ко мне переедет, в Кремль. Конечно, и у Морозовых у нас покои будут, но мы там редко бывать станем.

— А Феодосия?

— Не думаю, что она против будет. Внуков, вон, ей отдадим, пусть возится. Она дураков не воспитает, да и Матвей не даст.

Алексей встал из-за стола и крепко обнял сестру.

— Ох, Сонюшка. Как же я рад, что ты у меня есть.

— И буду. Выйду я там замуж, не выйду, все одно я тебя никогда не оставлю. Ты понял?

Софья смотрела брату прямо в глаза, впивалась зрачками в зрачки, стремясь передать то, что знала с момента появления в этом мире. Ее место — именно здесь, рядом с ним. Он никогда не будет одинок.

Она его не оставит.

И в какой-то миг напряжение спало, словно лопнула гигантская струна. Алексей поверил. Муж там, жена, дети… да, это будет. Но кровная связь…

Они *родные по крови*.

Ближе и дороже у них никого не будет. Семьи будут, дети будут, они будут любить своих домочадцев… но иногда они будут вот так, просто стоять рядом и ощущать связь, которая прочнее любого каната. Она не истончится от времени, не оборвется по глупости или недомыслию. Кровь — не водица и ничем ее не разбавить.

— Сонюшка… справимся ли?

И тонкая ладонь ложится на плечо, поддерживая и защищая, как в детстве. Он не один.

— Должны, Алешенька.

Брат и сестра стоят у окна. Над Москвой Златоглавой восходит красноватое по зимнему времени солнышко, посверкивает снег, поднимаются дымки над крышами…

Родина…

Какие слова ни подбери, все одно мало будет. Сердце, душа, вера, сила… все в этом слове.

Русь — матушка. Родная, вечно любимая… все для тебя отдать и быть благодарным за эту жертву. А как иначе?

Иначе — ты не царь. Иначе и быть не должно.

Март, 1674 год.

— Никогда не думал, что такое увижу.

Иван Сирко стоял в первых рядах и наблюдал как венчаются донской казак Степан Разин и царевна Татьяна Михайловна.

— Чудеса в решете? — царевна Софья, стоявшая рядом, усмехнулась. Казак покосился на нее. Он-то хотел забиться в угол собора и не высовываться, но куда там! Приехать не успели, как чудеса начались!

Государь принял их сам. На крыльцо вышел ради такого

случая, обнял Ивана, Степана, Фрола, повесил им на шею по драгоценной звезде на голубой ленте и при всех объявил, что назначает Степана Разина воеводой в Крым. А Фрол и Иван будут его ближниками и во всем помощниками. Нет, он понимает, что Иван — гетман Украинский, но ведь одно другому не мешает? Сейчас Украине и воевать-то не с кем! Ляхи не полезут, а татары… вот и займись! Ты, как гетман, обязан с ними бороться. Крыть было нечем.

Не положено так-то?

Надобно туда боярина подостойнее?

А где те бояре были, когда царевич на татар ходил? В Москве сидели, да под столы прятались, когда Хованский чуть народ не взбунтовал? Вот и сидите себе, сидите.

По трудам и награда будет.

Опосля назначат воеводу в каждый город — Керчь, Бахчисарай, Кафу и прочие, но это уже по весне чтобы сразу к новым местам и отбыли. И выбирать будут не по древности рода, а вовсе даже по знаниям. Толку-то там от спесивца, коли он турецкий язык не знает? В шубе ходить да шапку носить? Так сваришься. Жарко там…

Боярам, мягко говоря, это не нравилось, но пока молчали.

Трупы на кольях, которые еще не убрали с Болота — Алексей — точнее, Софья — приказал оставить их до весны, пока не завоняют, были весьма убедительны.

— Не думал я, что такое возможно.

— Пока вы герои, надо этим пользоваться.

И казак, и царевна разговаривали почти одними губами. Иначе в соборе было и нельзя, не нарушать же торжественность момента. А венчаемые были чудо как хороши. Тетке сейчас никто бы больше двадцати пяти не дал, Степан казался чуть ли не Георгием Победоносцем в белом, шитом золотом, кафтане. И оба сияли, что твои солнышки. Так что даже Питирим хоть и против был, но уже и не хмурился. А сколько визга поначалу было?

Ладно еще Ордин — Нащокин, этот — свой. Боярин, русский, привычный. Тут понятно.

Но — казак?!

Фактически, крестьянин беглый, чуть ли не каторжник без роду и племени?!

Ну, то есть так выглядело для боярской клики. Но тут уж ход конем сделал Алексей. Заявил на очередном заседании Думы боярской, что ежели все они его слуги, то как смеют ставить себя выше или ниже других слуг? О том ему судить надобно. Кто-то из них пошел Крым воевать? Нет?

Тогда Пункт первый — сидеть, и второй — не тявкать. А если

кому хочется, вот Федор Юрьевич Ромодановский. Ему о своих проблемах и рассказывайте. Бе — гом! И еще бегомее!

В конце концов, казаки — это военная сила, и сейчас эта сила стоит на рубежах с Турцией. А бояре сейчас что полезного делают? А?!

Но и то едва не вспыхнул бунт. Были, были предпосылки, но тут уж расстаралась Софья. Во — первых, по столице пошла информационная война. Девушки, хоть и не знали такого слова, отлично разносили кучку сплетен, а народ щедро добавлял от себя.

Бояр скопом подозревали чуть ли не в измене родине и убийстве прежнего государя. И сокрушались, что Алексей Алексеевич слишком еще молод. Вот и крутят свои делишки всякие там…

Поскольку бояр действительно не слишком любили за спесь и наглость, сплетни прижились. А еще…

Не доверяя только сплетням, Софья чистила стрелецкие полки все время до возвращения Алексея. И Москва была окружена преданными ей войсками. К тому же, народ поддерживал царевича. Раньше войны дорого обходились Руси. Зато сейчас — и выиграли, и прибыль получили, и людей вернули на родину из татарского плена… так что сильно народу бунтовать и не хотелось.

Да и любовь…

Это Софья, с ее позиции женщины двадцать первого века относилась к любви своеобразно. Даже цинично в чем-то… да, может, любовь и есть, только кому она мешала подставлять, предавать и обижать? А все остальные…

Здесь, в этой Руси точно знали, что Бог есть, что любовь — это важно, что после смерти все добрые люди попадут в рай… смейся, не смейся, но ведь знали же!

А кроме того…

Беженцы — это проблема любой страны, что есть, то есть. Их надо размещать, кормить, найти им работу — и желательно не за счет коренного населения.

Софья справилась с этим за счет постройки канала — и кстати, она не считала это таким уж страшным проектом. Во Франции же копали Лангедокский канал — и ничего. И даже были шансы его успешно закончить!

Кстати Софья уже поговорила с Патриком Гордоном про Англию и Шотландию. Почему бы и не сманить на Русь несколько десятков, а то и сотен инженеров, архитекторов, ученых?

Куда?

Пока в Дьяково, а там уже найдется куда.

Нидерланды обеспечивали ее таким количеством строителей, что хватало и на канал, и на дороги, и на школы. Да и не только строителей. Много кто бежал оттуда, понимая, что война — неудачное время для умного человека.

Из Италии выписаны были несколько мастеров по стеклу.

Теперь еще островом заняться. Специалисты ценны и нужны, глуп тот, кто этого не понимает. Казалось бы, что в тех ученых? Сидят себе в своих НИИ — и сидят. Ан нет! Рано или поздно, так или иначе, наука шагнет вперед. И сделает она это не только благодаря озарениям гения, нет — еще и скромному труду таких вот ученых, которые будут собирать и накапливать знания. И это надобно обеспечить.

Хотя НИИ с их мерзкими и мелкими интрижками…

Должен быть один центр — и куча мелких дочерних научных комплексов, ориентированных на свой круг проблем. Но это она уж не повезет. Пусть кому надо, тот и возится.

А кому надо?

В кабинете у Софьи на столе уже третий день лежал проект скромного английского ученого Исаака Ньютона, который предлагал создать Университет. То есть, как он назвал это — Академию. И согласиться стоило бы. Только вот бюджет… не резиновый, сволочь такая!

С другой стороны, из Крыма получили очень много — во — первых.

Во — вторых, в этом году налоги пришли все и вовремя. Ну ладно, до идеала было далеко и ползком, но по крайней мере те провинции, кои раньше разорялись татарвой, теперь и сеяли, и собирали урожай в полнейшем душевном спокойствии.

Так что дефицита бюджета не возникло, был даже определенный избыток, который требовалось вкладывать.

К тому же, это благотворительность — занятие неблагодарное. А вот каналы, мосты, дороги — наоборот! Все построенное способствует торговле и потом на Руси останется. Надобно только контролировать, сколько куда уходит — и жестко! А то сопрут все, что угодно, выстроят тот же мост вместо лиственницы из осинок — и скажут, что так и было.

А насчет Университета — почему бы и не попробовать?

А еще — отправлены были письма во Францию, Швецию, Данию, Испанию и Священную Римскую Империю. А скоро туда отправится и посольство русского царя. Сейчас набирались подарки, причем весьма своеобразные.

Меха, драгоценности, прирученные звери…

То, что покажет отличие Руси и ее самобытность. Задания послам ставились вполне определенные. Первое — королевская

фамилия и ее настроение. Если есть возможность породниться или подружиться, ее нельзя упускать. Русь стара, да Романовы молоды.

Второе — сманить столько мастеров и ученых, сколько можно. Контракты были типовыми. Дорога до Руси, щедрое содержание, питание и проживание за счет казны, но взамен работать там, где укажут, и более того, брать хотя бы по одному ученику в год. И никак иначе.

Третье…

Ну что тут скажешь? Работа у послов такая. Шпионь всегда, шпионь везде… Руси пора обзаводиться своей агентурой в других государствах.

Причем, если главой посольства назначался именитый боярин, то при нем, как правило, отправлялись несколько ребят из царевичевой школы. Вот на них и ложился основной отбор кандидатов на переезд. Но каждому свое.

Пусть боярин блистает при дворе, пусть показывает мощь Руси — матушки, пусть топит окружающих в словесной патоке — это они запросто, Софья уже на своем опыте убедилась, что заболтать бояре могут хоть кого! А ребята при нем будут скромно делать свое дело. Ну, кому придет в голову обратить внимание на лакеев? Кому они вообще сдались?

А они будут работать. Спокойно, методично…

Господи, ну дай ты нам хотя бы лет пять ни с кем не воевать, а!?

— Вряд ли.

Иван Сирко смотрел желтыми глазами. Хищными, умными…

— Я вслух начала разговаривать?

— Говорят же, что я колдун…

Софья ни на минуту не поверила. Скорее она себя выдала или мимикой, или губами пошевелила.

— Степан мне о характерниках рассказывал. При чем тут колдовство?

— Не боитесь, государыня?

— А вы волком обернитесь? Тогда испугаюсь.

Нет, не боялась. Тоже мне, страхозавр нашелся! Волком он бегает! Да в девяностые с тебя бы шкурку спустили и голым в Африку пустили!

— Прямо в церкви?

— Можете, у меня под окошком повыть. Обещаю тяжелыми предметами не кидаться.

Иван усмехался. А и верно, не похожа царевна на обычных женщин. Даже жена его — и та до конца не приняла, побаивалась, а эта знай посмеивается. Не зло, не обидно, просто улыбается

краешками губ, как-то очень просто и по — дружески.

— Что теперь с Крымом будет, царевна?

Софья пожала плечами.

— Ну, что. Степан с супругой в Бахчисарай поедут, там красиво. Вы на Сечи останетесь?

— Ты ведь хочешь, государыня, чтобы Сечь по руку русского царя пришла?

— А что, не придете? Так выбор невелик, либо к нам, либо к полякам.

С этим спорить было сложно. Иван поморщился.

— Думаешь не бывать Сечи независимой?

— Для того слишком многое нужно. Вы не привыкли сеять, жать, торговать… вы привыкли воевать. И в Крыму у вас будет раздолье. А всем остальным вас будет обеспечивать Русь. Пройдет еще много времени, прежде чем Крым станет местом, где можно укрепиться и зажить самостоятельным государством.

— Не боишься, что мы, как татарва станем?

— Боюсь.

— А что взамен предложить хочешь? Ведь предложишь рано или поздно…

— Можем вечером про то поговорить? Государь рад будет…

— Ты мне хоть словом намекни, чтобы я обдумывать начал? Хоть краем…

Софья подумала секунду. Да что ж и не намекнуть?

— Казачество условно на две части делится. Те, у кого жены, дети, им дома ставить, семьи поднимать — этим в Крыму уютно будет. Табуны разведете, часть землицы распашете, каналы проложим, где можно будет…

— И вторая. Молодая, горячая… голозадая.

Софья кивнула.

— Именно. И я хочу предложить им по морю походить, где я скажу. Добычу обещаю богатую, разве что море похолоднее будет…

— И где ж то?

— Там, где Амур река вливается в море. На границе с землей, носящей имя Китай. Или империя Мин.

— Далеко. Я про то слышал. Но я так понимаю, ты людей не обидишь?

— Государю трупы не нужны. А вот верные слуги без награды не останутся, сам видишь.

— Да уж сложно не видеть. Приду я вечером, государыня.

— Я слугу пошлю, мы с государем в кабинете ждать будем.

Иван Сирко поклонился. Софья спокойно смотрела ему вслед. Не то, чтобы она боялась бунта в Крыму. С турками у казаков

генетическая неприязнь, а значит нужно дружить с противоположной стороной. К тому же корабли будут в ее руках, Азов будет только русским… если что — она любой бунт кровью зальет. Не хотелось бы, но — разберется.

Проблема в том, что казаки могут договориться с поляками, а самые отчаянные еще и мешать торговле. А вот это уже ни к чему. Эту возможность она и хотела исключить, перебрасывая казаков за Урал. Ну и достигнуть еще кое — каких целей, как и всегда в политике.

Степана и Татьяну тем временем выводили из церкви. Невеста светилась так, что видно сквозь фату было. Да и Степан был хорош. А уж как народ радовался! Сейчас, на их глазах, совершалась сказка — богатырь, победивший подлых татар, получал в награду прекрасную царевну и… ладно, насчет полцарства — перебьется. Хватит ему и Крыма! Пусть покамест правит, а Софья будет медленно, осторожно сшивать ниточками то, что давно бы следовало.

Чтобы Сечь, Крым, Русь — все стало единым целым, одним царством. Чтобы никакой скотине не пришла в будущем мысль то полотно рвануть!

Софья посмотрела на Ивана Сирко уже более хищно. Оценивающе, холодно… авторитет ведь, да какой! Коли поможет…

— Сколь там моей жизни осталось, — Иван смотрел в ответ грустно. — Но вижу я, что зла в тебе нет, и помогу, чем смогу. Только вот крови еще пролить много придется.

— Ничего. Пр*о*клятой царевне можно.

— Так ведь нет на тебе проклятия…

— И мне то ведомо. Но никто не мешает пользоваться народными страхами в своих целях?

— Сонечка, ты идешь?

Иван Морозов словно из воздуха соткался рядом. Царевна кивнула.

— Да… идем?

Возражений не было.

* * *

— Соня, ты уверена, что это надобно делать именно сейчас?

— Надо. И — да, я уверена. На Сечи и в Крыму казаков хватит. Да и Ромодановский там, и войска хватает. А тут — мы ж не воюем!

— Но мы помогаем!

Софья пожала плечами.

Ну и что? Грех не помочь соседу! Особенно такому, который может тебе создать проблемы!

— Тебе жалко?

— А что нам это даст?

— Мастеров по шелку, по бумаге, по боевым искусствам — в Китае много знают, грех этим не воспользоваться. К тому ж нам Сибирь заселять надобно. Вот и будем то делать, пока никто не мешает.

— А кто помешать может?

— Маньчжуры.

— Подробнее?

Софья задумчиво взяла очиненный уголек, коснулась расстеленной на столе карты. Кривой, корявой, но карты ж!

— Вот это — Амур — река. Края там богатые. Лес, зверь, золото, все и не перечислить. А вот это — Китай. И коли мы сейчас на Амуре закрепляться начнем… тебе с той стороны татарва надобна?

— Мне ее и так хватило с лихвой. Так что там у нас?

Софья вздохнула. Поглядела на брата. Лешка у нее, конечно молодец, но слишком уж он порывист. Слишком активен… Огонь и ветер! Сейчас гвардию под себя переделывает — и весь в военных делах. А рутину кому тянуть? Не стратег он все ж таки, тактик. Но на то при нем она есть.

— Вот смотри, после войны примерно лет десять назад, ну, чуть поболее, Китай к югу от реки Янцзы разделился на три части. Большую часть себе захапали маньчжуры. Там провинции Хунань, Цзянси и Чжецзян, а так же кусок Гуйчжоу и Гуанси…

— Звучит препохабно. Как ты все это выговариваешь?

Софья хотела зашипеть на брата, но по искоркам в голубых глазах поняла, что ее просто поддразнивают.

— Лешка, будь серьезнее!

— Соня, будь проще — и тебя можно будет слушать без заворота ушей!

— Твои б надрать! — мечтательно — ехидно протянула девушка. Алексей тут же принял строгий вид.

— Эй — эй, это покушение на царя! Между прочим, богоданного и все остальное. Что там патриарх говорил?

— Который?

— Адриан, разумеется. Питирим меня уже не интересует.

Ну да, месяца не прошло, как сменился патриарх, а церковь уже начала чувствовать его тяжелую лапку. А то ж!

Адриан отлично понимал, кому обязан своим избранием и постепенно, уверенно, серьезно проводил политику, выгодную

Алексею Алексеевичу. Повышал уровень грамотности, поговаривал об открытии при монастырях школ… Софья против не была.

Вот в своем времени ей дико не нравились монастырские школы, но кто учителя? Такие же чинуши от церкви? Пфе! Им не то, что ребенка, им таксу на ответственную передержку не доверишь!

Но здесь-то, где сильна *вера*! Истинная, искренняя, где любой человек даже не верит — верует всей душой? Может, пусть так оно и остается?

А веру надо воспитывать. Чтобы любой, кто полезет, тут же получал отпор. Извините, но в чужой храм со своими молитвами не ходят. С другой стороны, надо и веру отделять от фанатизма. И раскол постепенно сглаживать. Каторжный труд, как бы не на несколько десятков поколений. Ахнули одним махом, расхлебывай теперь! И Адриан это понимал. И действовал соответственно.

— Что царь — он своим людям отец и все его дела от Бога.

— Это хорошо, это правильно. Так что там с Китаем?

Софья усмехнулась.

— А что с ним может быть?

— Кто там чего не поделил? И что там за провинции Ху… тьфу! Так вот и осквернишься…

— Переживешь.

— Так вот, маньчжуры сейчас активно доедают остатки империи Мин. И реально от нее остались три осколочка. Гэн Цзиньчжун в Фуцзянь, Шан Кэси в Гуандуне и У Саньгуй в Юньнане. У Саньгуй уже воюет, к нему присоединился Гэн. У него войско примерно тысяч сто пятьдесят…

— Сколько!?

— Столько, Алешенька. Столько. Но он воюет на два фронта. С маньчжурами — и с Чжэн Цзином.

— И может проиграть?

— Еще как.

— А ты что предлагаешь?

Софья усмехнулась.

— Шан Кэси стар. Его сын мог бы вступить в войну, но отец удерживает. А зря… С другой стороны, старикам свойственна осторожность, но если мы пообещаем свою поддержку и помощь… на Урале льются неплохие пушки, например, опять же, взрывчатка…

— Поделимся секретом?

— Нет. Изделиями. Может быть, он и вступит в войну. И это увеличит шансы Гэна.

— А еще?

— Умничка. Посольство поедет к Чжэн Цзину. Сейчас он одинок, а мы ему пообещаем многое. Торговлю, помощь… они же пиратством живут!

— И?

— Пусть пиратствуют где надо и с нашей помощью.

Софья смотрела лукаво. Алексей не выдержал и поцеловал ее в кончик носа.

— Сестренка, я тебя обожаю. Ты просто лиса.

— Стараемся. Все для тебя, братик. Надобно еще с Ваней поговорить, чтобы все просчитал, все ж таки много денег потребуется.

— Ну, ты ведь начала с Европой торговать?

Софья довольно улыбнулась.

— Алешенька, пусть от них хоть какая польза будет. Считаем?

— Считаем!

Михайло Корибут, с легкой руки Марфы, да и Яна Собесского, создал ее товарам режим наибольшего благоприятствования. Теперь возить товары через Польшу русские купцы могли почти невозбранно. А если кто из панов пытался срубить деньгу поборами…

Попытка не пытка, правда, товарищ Собесский?

Сначала пошли караваны государственные. Но потом купцы, почесав затылки, поняли, что безопасность их обеспечат, а торговать с Европой можно — и выгодно. И принялись присоединяться. Но сливки Софья снять успела.

Причем, она сделала ставку на элиту.

Собственно, в любом времени ценно было что? Что-то недоступное другим, дорогое, качественное… Что мы можем дать?

А вот то!

Красная и белая рыба. Икра. И пушнина.

Причем продавать требовалось не тупо меха, а изделия из последних, так дороже будет.

А на икру и рыбу Софья изначально вздула цены так, что даже ее совесть чуть пискнула. Ненадолго. Попищит — и перестанет.

Причем на вооружение был взят принцип 'Apple'. Нечего уговаривать человека, что ему нужна твоя продукция. Гораздо лучше сделать вид — мол, ты что — дурак? Тебе такое предложили, а ты всякую гадость покупаешь?

Не, ну если дурак — твои трудности.

Дураком быть никому не хотелось. Тем более, что продукты

были вкусны, правильно готовились и хранились, а еще… тс — с-с!

Говорят, что красная икра очищает кровь в венах, а черная увеличивает мужскую силу!

И золото потихоньку потекло.

Торговля резко оживилась. К чему продавать перекупщикам, когда можно и самим отвезти? А потом вернуться с товаром, распродать его, закупить поболее своего — и опять отвезти…

Оживилось производство.

Пока на такое решались только самые смелые, но видя полученные прибыли…

Да и поляки не обделяли себя. Хоть и не давали им драть пошлины с проходящих по их землям, но зато предлагали — построй корчму? Приют? И бери деньгу!

Тебе прибыток, казне доход… нет денег на 'построить'? Казна поможет, а как с ней расплатишься, так и тебе в карман золотишко закапает!

Как правило, все соглашались.

Недовольны были паны, по землям которых не проходили торговые пути, но тех быстро успокоил Ян Собесский.

Пока не проходят?

Так сами торговать начните! Между прочим, когда караваны пойдут регулярно, много всего потребуется. Хотя бы продукты!

Увы… кое — кого пришлось учить очень жестко.

А что делать?

Софья озаботилась безопасностью от разбойников у себя, Михайла у себя — и купцы вздохнули спокойнее. Тем более, что оба государя, не сговариваясь, отправляли татей на работу. У Михайлы была прорва дел на границе — там один Каменец можно было еще лет десять восстанавливать, а с дармовой разбойничьей силушкой оно куда как ловчее выходило. Хоть на зарплате сэкономить.

Правда, те, кто разводил татей, так легко не отделались. И после того, как на дубу повисло целых два пана, пусть и из незначительных, но все же, сейм поднял визг.

Ага, как же!

Визжать они могли до войны. Тогда да, за ними была сила. И Михайла еще не заматерел, и с Яном у него разногласия были. Зато сейчас?

Король — победитель, люди готовы его чуть ли не на руках носить, а если в Каменце али окрестностях заикнешься, что государь плох, можно и в морду получить. Для них-то Михайла — спаситель! Под турками никому быть не хотелось!

Да и Ян Собесский!

Раньше у него жена была, которой на трон хотелось. А сейчас что?

Привез себе какую-то девку с Руси, она вокруг него змеей обвилась, шипит, нашептывает… стерва! Но это и вообще лучше вслух не произносить. Четверо панов жизнью поплатились, остальные быстро змеиные языки прикусили, да и жен замолчать заставили. Поняли, что есть темы, коих лучше не трогать.

И королева подобные разговоры сильно не одобряла, а уж Михайла…

Прикажет — и сиди, пан ясновельможный, годика три у себя в поместье. Запросто. Он-то на королеву надышаться не может, даром, что тоже русская. Зато детей родила!

Первого мальчишку, здоровенького да крепкого, второго тоже мальчика… король аж светится.

Одним словом, недовольство хоть и было, но хорошо замаскированное. Так, что найти было сложно. А Михайла занимался укреплением королевской власти.

В том числе и… несчастными случаями.

Увы…

Позволить себе прямо осудить некоторых панов он просто не мог. Слишком сильные кланы за ними стояли, слишком много у них было власти. Обязательно воспротивились бы.

Но вот стравить их друг с другом?

Вполне!

Например, два пана поссорились из-за прекрасной панны, подрались на дуэли и один убил второго. Ничего, казалось бы, страшного, бывает. Но вот если потом победителя находят со стрелой в спине, или кинжалом в горле, да еще все указывает на месть со стороны родственников убитого, да еще сплетнями чуть подогреть… и как тут не сцепиться?

Паны дерутся, король вытирает слезинку платочком и грустно замечает, что надобно бы навести порядок. Нельзя ж так, чтобы благородная дуэль перерастала в подлую месть. А потому…

Кого в монастырь, кого в дальнее поместье, кого оженить или там замуж выдать! И ведь все согласны!

Защищают-то невиновных, а коли человек проштрафился, да еще так? Тут никто в благородные защитники не полезет, себе дороже получится…

Примерно то же самое происходило на Руси.

Жестоко? Бесчеловечно?

Ну, это еще как посмотреть. По мнению Софьи, одна вовремя прибитая сволочь избавляла множество хороших людей от кучи неприятностей. Вот и…

Самые умные кое-что понимали, только вот кто и что мог

сделать? Суть власти — сила и деньги. Первое — было. Второе — прирастало.

А дружба Руси и Польши сулила смутьянам множество проблем. Ведь коли и удастся Михайлу Корибута одолеть, так шурин его не спустит. То есть спустит, но шкуру.

В Европе, кстати, тоже было неспокойно.

После трагической гибели Вильгельма Оранского, Кельн, Мюнстер, Испания и Франция с остервенением накинулись на потерявшие правителя Нидерланды, выдирая из них жирные куски. Особенно лютовала Испания, которую уже несколько раз шугали из Нидерландов.

Второго такого таланта, как Вильгельм, не нашлось. И сейчас за освободившийся трон соперничали Гогенцоллерны, Габсбурги и Бурбоны. Остальных в расчет не брали.

Впрочем, французам это не помешало оттяпать себе Брюгге и Гент, вне зависимости от исхода войны.

Яков, хоть и пытался помогать Нидерландам, но что он мог сделать?

Сыновей у него не было, а посадить туда дочь? Смешно!

Генеральные штаты же… нет, свою страну любили все, но свой карман дороже сердцу. А потому речь сейчас шла о том, кто даст больше и кому продаться выгоднее. Все отлично понимали, что после смерти Вильгельма Оранского другой фигуры подобного масштаба просто не имеется. Некому взять власть, некому встать во главе… хотя Франция…

Убили-то его проклятые французы…

В представлении Генеральных штатов это означало, что Людовику придется заплатить намного больше, чем остальным кандидатам.

В представлении обычных голландцев — что оный Людовик, хоть и трижды король — солнце, но светить спокойно ему не дадут. Из бунтов не вылезет.

В представлении Софьи…

Пока в Европах заварушка, им не до Руси. Так что есть время решить проблему с Китаем и как следует освоить Сечь.

Если повезет — закрепиться на Амуре так, чтобы не свернули и конкретно навтыкать маньчжурам. Чтобы не думали, что на Русь можно приходить незваными. Опять же, Япония…

Чем ругаться с ними за Курилы всю дорогу, лучше сразу натравить на них Чжэн Цзина? Пусть пиратствует всласть?

Если князья докажут свою независимость маньчжурам, а они докажут с ее помощью, то куда-то ж человеку надобно будет направить свою энергию?

Пусть направит ее так, чтобы было выгодно Руси. А они

помогут… почему нет?

Конечно, надобно быть очень осторожными, чтобы в итоге все против них не обернулись… но вряд ли.

Сидит себе Русь смирно — и пусть сидит. Воюет?

А с кем?

С турками? Так они всему христианскому миру поперек шерсти.

С Китаем?

И кому какое до них дело? Это далеко и неправда! Главное, что Русь не лезет в дела остального цивилизованного мира и не мешает делить Нидерланды. Конечно, эмиссары русского царя вывозят оттуда людей, но сколько тех вывезенных? И кому они интересны во время войны?

Ах да!

Еще Русь торгует!

Тут — да, можно бы встревожиться. Но ведь Русь поставляла на европейский рынок то, чего нельзя было найти. Изящные шубы и палантины из мехов, муфты и шапочки — Софья тряхнула стариной и вспомнила фасоны двадцать первого века — мигом оценили дамы. Рыбку и икорку — мужчины. А остальное… мед, воск, пеньку… вообще-то ранее это через Архангельск скупали англичане и голландцы. А сейчас все достается европейцам, львиная доля оседала во Франции и Испании — и кто будет этим недоволен? Все равно выходит дешевле, чем покупать то же самое у голландцев.

Так что пусть сидит…

Философия 'гром не грянет, мужик не перекрестится' была свойственна и цивилизованной Европе.

* * *

— Какой же ты у меня красавец стал, Ванечка!

Феодосия с гордостью смотрела на сына. А как таким не гордиться? Красив, умен, царский ближник, доверенный друг, да и царевна за него не просто так согласилась выйти. Хотя последнее…

— Ванечка, ты ее сильно любишь?

— Сонечку? Мам, это не любовь.

Сын смотрел голубыми глазами, улыбался.

— Любовь — это что-то другое. А я точно знаю, что коли в моей жизни ее не будет, то и жизнь-то не надобна станет.

Феодосия приложила руку к щеке. И, наверное, впервые пожалела о том дне, когда на ее пороге появились царские дети

со своей теткой.

— Ох, Ванечка.

Сын словно прочитав ее сомнения. Улыбнулся.

— Мам, не надо бояться. Я в Сонечке больше, чем в себе уверен. И в Алешке тоже.

Феодосия покивала. А ночью, поговорив с Матюшей, который так и оставался при ней, решилась идти к царевне.

Софья приняла ее сразу — и минуты ждать не заставила. А Феодосия только что глаза раскрыла от удивления.

Девичья светелка?

И что там должно быть?

Ну, девушки — свита быть обязана. Мамки, няньки, казначейша, пожилые женщины обязательно. Пяльцы, прялки, рукоделие, может, священные книги, музыкальные инструменты, птицы заморские, забавы разные… ага! Как же!

Покои Софьи больше напоминали мужские комнаты. Светлые стены, легкая незнакомая мебель, зеркало на стене — и только-то.

Ни игр, ни сладостей, ни рукоделия. Девушки есть, но… странные. Вроде бы и разговоры девичьи, и хихи — хаха, а все одно от них мороз по коже пробирает. То ли двигаются они не так, то ли смотрят… но миг, поворот головы — и вот уже перед тобой очаровательная резвушка — хохотушка, в которой серьезности и на версту не отыщешь.

Сама царевна сидит за здоровущим столом, заваленном кучей бумаг. Но Феодосии она навстречу встала, чуть голову склонила, как перед старшей, улыбнулась радушно.

— Добро пожаловать, матушка боярыня.

Феодосия чуть расслабилась. Софья явно была настроена на разговор. Об этом свидетельствовала и добродушная улыбка, и приглашающий жест к маленькому столику с восточными сладостями и фруктами, и даже то, что Софья, выглянув в переднюю к девушкам, строго приказала:

— Меня не беспокоить.

И плотно прикрыла дверь.

Какое-то время разговор катился по светским рельсам, которые всегда одинаковы. Погода, озимые, урожай, турки, самочувствие… наконец, прощупав друг друга и убедившись, что диалог состоится, собеседницы перешли к главному. Начала Феодосия.

— Царевна, сын мой о другой жене и не мечтает.

— И с Алешей все уже обговорено. Он так же не против.

— А ты, царевна?

Феодосия смотрела внимательно, жестко, пристально. Нет

страшнее зверя, чем мать, защищающая свое дитя. Пусть пока опасность еще не возникла, но кое-что Феодосия могла предугадать.

Но Софья встретила взгляд, не дрогнув. Звон незримых шпаг поплыл по комнате.

— Я? Я Ивана люблю. И не предам. Этого довольно?

— Нет. Как будет выглядеть ваша жизнь?

— Жить будем здесь, в Кремле. Алеша согласен, Ванечка не против…

— То есть хозяином в своем доме он не будет.

— А сейчас он там — хозяин?

Софья попала не в бровь, а в глаз. И правда, боярыня с ней встречалась не так много, чтобы составить верное впечатление. Но женщина Феодосия властная, дай волю — мигом под себя прогнет. Молись, постись, не работай, а в тягости сиди дома. Декрет до трех лет… оно Софье надо?

— Все ему принадлежит и все для него делается.

— А Тиша как же? И Маруся?

Боярыня мертвенно побледнела. Тишу она родила два года назад, от Матвея, Марусю пять лет тому. Счастлив мужчина был до потери сознания. А дети воспитывались втихорца. Матвей их и признал, и усыновил — и кому какое дело? Пожениться они не могли, но и удержаться — тоже. Оставалось грешить — и каяться.

— Ты… знаешь?

— Знаю. Глупо таиться было. Ваня же знает…

— Он рассказал?

— Нет. Я сама узнала.

Феодосия была смертно бледна, только на щеках горели яркие пятна румянца.

— Ты…

— Боярыня, сойдемся на том, что мы обе любим Ваню. И вреда ему не причиним. Тебе хочется со мной за хозяйство воевать? Я ведь в тереме не сяду, вышивать не обучусь. А тебе каково будет туда вернуться?

Феодосия это понимала, но наглость… Она даже приподнялась на стуле… что хотела — и сама не знала. То ли броситься на наглую девчонку, то ли разрыдаться…

— Сидеть! — голос царевны был ледяным. — Ты ко мне пришла, не я к тебе. Ваня давно уж взрослый, сам решать может. Он решил, и я решила. Ты хоть и боярыня, да я — Романова. Во мне царская кровь, такая же и во внуках твоих будет.

— Внуках… — Феодосия почти выплюнула эти слова.

Именно здесь и именно сейчас она осознала, что потеряла сына. Пусть это было сделано гораздо раньше, в тот день, когда

она отпустила своего светленького мальчика в Дьяково, но осозналось — в этот миг. И было больно.

— И я надеюсь, что бабушка примет в них участие.

— А она их будет видеть?

— Дети будут жить вместе с родителями, — Софья мило улыбнулась. — В Кремле. Но бабушке завсегда будут рады.

Феодосия вцепилась ногтями в ладони. Вот ведь как… тут хоть волком вой, хоть на колени бросься… но ничего ты уже не изменишь. И твой самый замечательный, любимый и любящий сын достается этой… гадине!

— Ненавижу!

Вырвалось само, сквозь стиснутые зубы, чуть ли не воем. Потому что Феодосия поняла одно — и четко. Все, все было просчитано заранее. И Матвей, и дети, и приручение Вани — все! Хотя она была о Софье слишком хорошего мнения. Девушка просто предоставила возможности. А вот воспользоваться — или нет, как и когда, все выбирала сама Феодосия. Но сейчас винила в своем выборе девушку, не понимая, что должна быть ей даже благодарна. Нет хуже, чем замкнутая семья из двух человек. Мать и сын, мать и дочь, реже отец и сын… как правило, такие дети очень несчастны. Софья помогла разорвать эту цепь, но обрывки больно хлестнули поперек души. Хоть и готовила себя боярыня, а все одно, пересилить не смогла. Материнское… оно такое.

И страшнее всего для Феодосии оказалось то, что царевна смотрела… с пониманием?

Не жалела, не злорадствовала… Понимала.

Боярыня встала, поклонилась… Ее сил хватило, чтобы невозмутимо пройти по Кремлю и забраться в возок. И только дома она дала себе волю. С криками, слезами, битьем утвари…

Дрянь. Какая же дрянь!!!

Софья тоже не была в восхищении. Она считала Феодосию умнее, а тут такая… бабская реакция.

Ладно!

Тогда тем более надобно жить в Кремле! Ей еще войн в доме не хватало!

Иван… Ванечка. Софья вздохнула. Вот так положа руку на сердце… любит ли она так же, как он? Безумно, безудержно…

Вряд ли. У нее есть брат — и есть ее страна. Вот тут она готова и на костер взойти. А остальное… Но обманывать мужа она не станет. Будет ему верна, родит детей… и в этот раз воспитает их как следует! Хватит на граблях выплясывать!

Девушка сделала несколько кругов по кабинету, разгоняя резкими движениями досаду — и опять уселась за работу. Вот подойдем к преграде, там и прыгать будем. А пока — и

переживать нечего. Все одно за ней победа будет. Ночная кукушка — она завсегда убедительнее…

Май, 1674 год.

Поль Мелье, а точнее, русский дворянин Павел Мельин смотрел на свой дом.

Да, не ждал он такого, никак не ждал. Каменные хоромы в два этажа, обширное подворье, несколько слуг, которые тут же выстроились и согнулись в поклонах…

— Доволен, адмирал?

Григорий Ромодановский смотрел весело. Он отлично понимал, что без флота у моря делать нечего. А стало быть, коли согласен Поль, то есть уже Павел стать русским поданным — так и отлично! Кто только Руси не служил, всякому место нашлось!

А потому дом Павлу готовился аккурат с того времени, как он еще во Францию отъезжал. И не только ему…

С Павлом приехало еще два десятка французов, но тем такой роскоши не досталось. Не заслужили покамест. И дома им достались один на две — три семьи, сами потом отстроитесь. И со слугами, конечно, вопрос. Но тут уж по справедливости. Сначала докажи, что ты полезен, потом поговорим и о награде.

— Еще как доволен, боярин.

Поль смотрел, как его семья осваивает новый дом. Дети с радостным визгом носились по комнатам. Мать и отец не верили, что это — им, жена оглядывала все уже хозяйским взором, приглядываясь к слугам. А он… Он был горд хорошей такой, чисто мужской гордостью, которая брала свое начало еще из древних времен! Как же!

Кормилец. Добытчик! И пещеру нашел, и мамонта убил… Поль об этом так не думал, да разве в том дело? Сейчас ему было просто приятно. И Ромодановский смотрел, как светловолосый мальчишка показывает дом его семье, бойко тараторя по — французски, знакомит со слугами…

Видимо, один из царевичевых ребят.

— Ну, тогда сегодня принимай хозяйство, а завтра, благословясь, и в порт. Да и на верфи…

— Тут со мной люди приехали…

— И?

— Жан — Люк корабел отменный, почитай, у них вся семья в том. Из поколения в поколение предается, Пьер штурман не из последних, Жано боцманом ходил, пока не покалечили…

— А здесь он, калечный…

— Обучить людей может. Поверь, боярин, не последних людей взял, лишними не окажутся.

— Ну… коли так, пусть завтра тоже на верфи приходят.

Сегодня их кое-как разместили, а завтра посмотрим, кого к какому делу пристроить. К тебе сегодня парнишка заглянет, расскажешь ему?

— Как прикажешь, боярин.

Ромодановский усмехнулся. Прикажешь…

Он-то на суше, да Поль на море. Им вместе работать надобно, чтобы лучше было. Сам Ромодановский отродясь кораблей не строил, позарез мастера надобны. И коли Павел понимает, что им плечом к плечу стоять — лучшего и просить нельзя.

— Приказывать нам обоим государь будет, а он уже распорядился. Флот строить, моряков обучать, пусть по Азовскому морю плавают, опыта набираются, с турками торгуют…

— Будем обучать. Пусть сначала в лужице поплавают, потом и в море выйдем! Никто со штурвалом в руках не рождался, справимся!

— Царь обещал еще голландских мастеров вскоре прислать…

— Это дело! Голландцы ребята хорошие…

— Хорошие-то хорошие. Но они сюда от войны пришли. Предупреди своих людей, случись что — карать буду без пощады.

— Так и ты своих предупреди, — парировал Поль.

— Они уже знают. Ни им снисхождения не будет, ни твоим, сам понимаешь. Здесь все пока еще хрупко, не ровен час рассыплется — царь с нас головы снимет.

Царь… да уж, Мельину сложно было представить белобрысого мальчишку в роли царя. Но — у каждого свой крест.

— Тяжко ему теперь…

Ромодановский понял, взглянул остро.

— Бог не спрашивает, но каждому дает по его силам.

Мельин перекрестился — и вдруг понял, что воспринимает Ромодановского почти как своего, как католика. А что?

Богу-то виднее…

Да и то сказать, среди приехавших и протестанты есть… так что ж теперь? Коли и плотники, и корабелы отменные?

Но поговорить он еще раз со всеми поговорит. Да, и еще…

— С нами пастор Симон приехал. Ему бы с тобой поговорить, боярин…

Ромодановский чуть нахмурился, но на такой случай уже были ему даны инструкции — и жесткие. А потому…

— Это не со мной беседовать надобно. С батюшкой Михаилом.

— Боярин?

— Ну да. Пусть завтра приходит в церковь — и обсуждают, как лучше. Где помещение найти, как службы организовать…

— Но… не против ты…?

— Павел, — Ромодановский смотрел серьезно, — никто вас от веры отрешать не собирается. Со мной государь говорил, объяснил, что христиане всегда других христиан поймут. Никто никому препятствий чинить не станет. Но! Коли увижу я, что твой пастор к розни призывает, клин между людьми вбить пытается — повешу безжалостно! Не за веру, но за принесенные распри. Не до них нам сейчас. Так и людям объявлю, мол, смутьян. И католический падре так же добром принят будет. Но коли глупости вроде ваших, французских начнутся, уж не обессудь. Варварство какое — мертвым спокойно лежать не давать из-за того, что вы псалмы читаете по — латыни, а они по — французски. Мы вот, православные, точно знаем, что вы заблуждаетесь, так ведь силком вас в храм не тащим.

Павел хотел было возмутиться, но понял, что последние слова явно были шуткой .

— Ну, боярин…

— Так уж давненько боярин… Ум — от не шапкой определяется. Так завтра, после заутрени ждать буду, тогда все и обсудим? Корабли, матросы… с дороги сложно. Сходи покамест в баньку, чай, уж часа три как протапливают.

— Приду, боярин.

Ромодановский раскланялся да и пошел со двора. Вслед за ним ушел и паренек, и стражники… и Павел остался один на один со своим новым домом. Сбил шапку на затылок, оглядел высокие окна, трепещущие в них занавеси… дворец! Такой дворянину впору! Хотя он и есть сейчас…

И кивнул родными.

— Пойдемте пока, я вам баньку покажу. Самое лучшее, что у турок есть…

Сияющие глаза жены, детей, родителей были ему наградой. Эх… так вот и нехристей поблагодаришь. Не возьми они его в плен на галеры, не выручили б его русичи, не стал бы он адмиралом!

Обязательно им благодарность вынесет! Ядрами, и побольше, побольше… как тут говорят — для сердечного дружка…

И свечку сходит поставит. Обязательно.

1675 год.

— Сонечка, ты уверена?

— Алешенька, вроде как время удобное. Покамест ни с кем не воюем…

Алексей плутовато усмехнулся.

Ну да. Воевали не они, воевали *за них*, а это намного приятнее. Тайными путями в три княжества шли оружие,

боеприпасы, деньги…

Посольство было отправлено чуть ли не год назад, причем тайно. Никакой известности, караванов, пышности — чуть ли не ночью пробирались в три княжества. По земле, по воде…

И — да. Пообещали свою поддержку.

Князья, конечно, понимали, что это не из добрых чувств к ним, но если тебе протягивают руку помощи, грех не принять?

Обычаи у маньчжуров своеобразные, попади они в плен, им сильно повезет, коли умрут. Сразу. А то ведь можно и несколько дней помирать. Мечтать о смерти — и не получить ее.

Еще как можно.

Получив же поддержку князья сильно оживились и принялись теснить маньчжуров. Благо, у тех тоже положение было не бог весть какое. Они воевали с монголами, народу все надоело, так что…

Не было, вот не было нового Чжу Юаньчжана, династия Цин пока еще не была сильна. Собственно, они были даже младше Романовых, а значит, те, кто их сверг, не считались бы даже цареубийцами. На что и рассчитывал У Саньгуй. У него была самая большая армия, самая сильная поддержка… если он сейчас отделится…

Если его поддержат двое других князей — они отделятся вместе. А если поддержит и Русь — они смогут закрепить свою независимость.

Так что У Саньгуй объявил о создании империи Чжоу и принял имя Чжоу — ди. Драться он собирался до конца, отчетливо понимая, что пощады не будет. Да и двое других князей — тоже. Сейчас, когда появился реальный шанс на выигрыш — война пошла всерьез, только перья от обеих сторон летели.

Софья потирала руки, Строганов ругался, но оружие и золото в три княжества шли регулярно и обильно.

Неудобно?

Это еще мягко сказано! Княжества находились решительно не с той стороны, с которой нужно было русским. Но…

Чжэн Цзин тоже не одобрял маньчжуров. А суда у него были, и судов было много. Так что задачей поставщиков было сплавить контрабанду до устья Амура, а уж там передать ее на нужные корабли.

Морской запрет?

Если есть надежда — плевать было островитянам на любые запреты! Три раза! А для кораблей противника был и греческий огонь. Да, его тоже поставляли, и пиратам уже случалось применять его.

Сохранение тайны обеспечивалось самым надежным способом — живых не оставалось. Попадись та или иная сторона в руки маньчжурам… На такой случай у всех был с собой яд. Так оно легче будет.

С другой стороны, и Строганов не оставался внакладе.

Шелк, бумага, рис… из Китая шел стабильный поток товаров. А таможенные пошлины на них Софья разрешила не платить, так что прибыль была громадной. Строганов и себя не обидел, и с казной смог поделиться.

В Европе тоже было весело. Нидерланды все-таки решили делить на Верхние или Испанские, и Нижние, береговые. Нижние тоже делились на несколько частей, самый большой кусок отходил Франции, но Людовику от этого легче не становилось. Он с этими землями приобретал себе такую головную боль… с мятежами, восстаниями, дружеской помощью Англии повстанцам. Но и не отказываться ведь!?

Теперь русские поглядывали в сторону Османской империи. Спору нет, соглашение с ними хорошее, но без трений нигде не обходится.

То там, то здесь, то турки пробуют на прочность казаков, то казаки — турок. И случаются… несчастья, почти как в анекдотах. Шел по улице, споткнулся, девять раз упал на саблю. Да так неудачно, все горлом и горлом!

То Сулейман шлет раздраженную ноту, а Алексей отписывается. То Алексей пишет в негодовании, мол, что за наглость, а Сулейман разводит руками. И Софья прикидывала уже, чем бы таким занять Османов, чтобы им не до русских было?

Венгрия? Трансильвания?

Почему бы и нет, надо только лидера им найти, а уж подстрекать долго не придется.

Эх, вот так и пожалеешь, что Дракула — не вампир. Как душевно было бы, если бы он сейчас быстренько восстал из гроба и сцепился с турками? Можно даже ночной порой, кто бы был против? И последнее — занять чем-нибудь шведов и датчан. Не воевать же с ними за Питерские болота? Сейчас решительно неудачное для этого время. Нельзя ли устроить так, чтобы они сами друг друга перерезали? Софья собиралась об этом внимательно подумать. С картой, кошельком и коварством.

Да и много другого они сделали за этот год.

Например, приняли указ по которому никому не воспрещалось искать залежи руд или ценных металлов рядом со своим поселением. Если же человек находил что-то интересное, он сообщал местному священнику. Тот отписывал патриарху и обо всем становилось известно государю. Соответственно, по

результатам на место выезжала комиссия — смех один, два выпускника царевичевой школы, кто ближе окажется — брались образцы, исследовались в Дьяково — и если это оказывалось что-то стоящее — нашедший месторождение щедро вознаграждался.

Крестьянин выкупался у боярина и получал свое подворье, купец получал грамоту на беспошлинную торговлю на пять лет… вот в таком духе.

Препятствовать поиску было нельзя. А кто надумает… плетьми бить нещадно и ссылать в Сибирь!

Бояре одобрили. И месторождения руд — дело хорошее, особливо ежели на их землях, и казна за то награждает — еще приятнее. А еще приятнее, что часть месторождений могут им же и разрабатывать доверить. Алексей Алексеевич на это очень ясно намекнул.

Конечно, поток заявок был пока невелик, но море начинается с ручья, не так ли? И Софья надеялась на лучшее.

По ее наущению, Алексей внес и еще одно предложение боярам!

Если крестьянин был доведен до такой степени, что хоть в воду головой, лишь бы не оставаться у барина, он мог прийти к местному попу. Тот же, зная, кто действительно в безнадежных условиях, а кто просто лентяй и жалобщик, мог отправить заявку наверх.

Такая семья обязывалась отработать десять лет на благо государя. То есть — поехать, куда скажут, поселиться там, распахивать землю и хозяйствовать. Десять лет с них шел повышенный налог, пока не отработают потраченное на них, а потом обычный, государев. А по сравнению с тем, что драли иные бояре, это не так уж было и много.

Боярину же, от которого ушли люди, из казны выдавалось возмещение.

Конечно, тут были возможны перегибы. Да что там — возможны! Они просто — были! Но Софья планировала, во — первых, начать подкоп под крепостное право, во — вторых, заселить Урал. Рано или поздно, так или иначе — Сибирь должна быть освоена. Да и Аляской неплохо бы заняться. Кстати… если уж там американцы золота намыли, почему бы это не сделать сейчас. Надо только правильно снарядить старателей и экспедиции. И тоже — осваивать и заселять!

А помещикам — призадуматься. Если уж от них люди готовы в Сибирь удрать…

Конечно, просто так никого не отправляли. Софья понимала, что колонизация неподготовленными крестьянами Сибири кончится, как у колонистов на острове Роанок. То есть — потом и

трупов не найдут.

Значит, надобно сначала крестьянам объяснить, как хозяйствовать, инструмент справить, одежду, утварь — это не на час дело.

И куда?

Выход нашелся быстро.

Дьяково и Коломенское уже кипели и бурлили. Третьим назначили село Ростокино.

Почему его?

Так монастырское. Отбирать его никто не стал, честь по чести выкупили у церкви, сделали казенным и разбили экспериментальное хозяйство.

А именно — пробовали, как лучше сажать, сеять отбирали семена, высаживали картофель, помидоры, неведомые ранее баклажаны… не репой единой жив человек!

Хозяйствовали там как голландцы, во главе с ученым Дирком ван Хорном, так и ребята из царевичевой школы. Причем, никого не заставляли насильно разбираться с картошкой, Боже упаси!

Из истории своего времени Софья знала, что главное — создать дефицит, а потому уверенно вела разговор о том, что нечего ее давать всякой черни! Перебьются без картошки! Этот овощ для государя, в крайнем случае — для бояр, а крестьяне пусть репой обходятся! И точка!

В крайнем случае — тыквой, которая тоже не особо была распространена на Руси.

Так что поля охраняли, нарушителям выдавали тяпку и приказывали отработать на картошке… одним словом окрестные деревни примерно уже представляли, что это такое, с чем его едят и как высеивают. А там — лиха беда начало!

И сопрут, и высадят, и слопают… еще и над соседями потешаться будут, мол, вы, деревня, царского овоща не едали, а вот мы! И постепенно картошка пойдет по Руси.

Но это — одна сторона медали. А второй стороной было то, что в Ростокино отправлялись на передержку крестьяне, которые ехали в Сибирь. На несколько месяцев. Учились хозяйствовать, получали семена, одежду — утварь, которой не хватало, объединялись в крепкие ватаги — и когда дороги становились подходящими, выезжали на место уже подготовленными.

— А?

За мыслями Софья и не заметила, что Алексей ее о чем-то спрашивает.

— Венчаться будете на Покров?

— Лучше — да.

— Ваня… хотя что я спрашиваю? Счастлив?

Софья кивнула, серьезно глядя на брата. Больше всего она боялась ревности в отношениях. Чего уж там, все мужчины — собственники. Ванька будет сердиться, что она не полностью принадлежит семье, Алешка — что Соня теперь не целиком его… и как?

Софья потому и тянула, что работала с обоими парнями. Медленно, исподволь, намеками, шутками, байками приучая обоих к тому, что ничего со свадьбой не изменится. Жила она в Кремле — и будет. Разве что вместе с мужем.

Работали они с Ванькой вместе? Так и продолжится. Разве что фамилия будет одна на двоих и спать будут вместе. И никакой ревности или соперничества, даже подсознательного. Она потому и решилась сейчас венчаться, что оба парня были внутренне готовы. А еще — мир и покой, как раз у нее будет время все углы сгладить.

— Доволен. Лешка, ты точно не против?

— Сестренка, я же тебя люблю… мне хочется, чтобы ты счастлива была!

— Еще больше? Так я с того счастья лопну.

— А вдруг — вытянешь?

— Ох, Алешка… если хочешь — не будем. Ты же знаешь, дороже и ближе тебя у меня никого не будет, хоть я гарем заведу!

Алексей покачал головой.

— Соня… это надо. Ты же меня все равно не оставишь, так и переживать не о чем. Зато Ванька на делах сосредоточится, а то он на всех счетах твой профиль рисует.

— Ужас какой! А почему я не видела?

— Час рисует, час стирает, час делами занимается. Давай, выходи за него замуж, а то мне казначей нужен на полный рабочий день, а не урывками.

Софья только усмехнулась. Нахватался… А Алексей перешел к тому, что его волновало.

— Голицына тогда куда?

— При мне и останется. И будет по — прежнему сливать информацию.

— Но…

— Скажем, что ты меня чуть ли не силком замуж выдаешь. А у меня любоффф!

— А поверят?

— Так мы и через Медведева ее сольем. И через Гришку с Танькой тоже…

Алексей был похож в этот момент на шкодного котяру.

— Ну, ты и… зараза!

— Попрошу не оскорблять, — надулась Софья.

— Это не оскорбление, это восхищение. Зараза. И спасения от тебя нет, особливо нашим врагам.

— Так для них-то это привычно! Понимаешь, в Европах ведь женщина считается неполноценная, коли мужа своего любит. Им любовники надобны, да лучше не один. А уж коли девка с королем легла…

— Я помню. Вот ведь… убогие.

— Потому там сифилис и гуляет. Сам знаешь. И нас-то они во многом по себе судят.

— Ну да, — Алексей покивал своим мыслям. — Видят, что мы дружить стараемся, опять же, батюшка нам тут сильно помог…

Софья торопливо перекрестилась.

Помог ли им Алексей Михайлович? Вопрос сложный, до сих пор его дела разгребали. Иногда такое выплывало, что Софье хотелось ему на могилу плюнуть, но тут уж даже Алешка не поймет.

С другой стороны он к Европе тяготел сильно, его манера в европейском платье дома ходить, детей на иностранный манер учить сейчас очень пригодилась. Считалось, что русские варвары пытаются быть похожи на цивилизованные страны, хотя бы царская семья.

И верно, Софья дома ходила в платье, похожем на европейские, разве что без пышных юбок, Любава не ушла в монастырь, а жила во дворце, царевны повыходили замуж — европеизация.

— Ванечка, кстати, ничуть не против. Только просит, чтобы Голицын ему под руку не попадался. А то мало ли…

— Я думаю, с этим проблем не возникнет. Тем более, что он на Любаву поглядывает.

— Вот ведь… кот блудливый! Сонь, если что — я ему ведь все оторву, не помилую.

— Да он и сам это понимает. И я предупредила. Но Любаве полезно почувствовать себя молодой красивой женщиной, а не царской вдовой.

— Да уж, она кроме детей, по — моему, ничего и не видит.

— А ей рано. Ей же и двадцати пяти нет, вон, Татьяна в тридцать с хвостиком ребенка ждет.

Алексей кивнул. Тетки, словно сговорившись, затяжелели одновременно. Отставала только тетка Ирина, но той, вроде как, уже было не до мужчин. А вот с детскими домами и приютами она развернулась на полную катушку, так, что чуть ли не в каждой семье детей в ее честь называли.

Любава же, после смерти мужа просто замкнулась на детях — Володеньке и маленькой Наташеньке, от которых и не отходила.

Софья пока не спорила, пусть придет девчонка в себя, все ж мужа потеряла. Может, и не сильно любимого, но любящего и заботливого.

У нее же и без того дел хватало. В частности — шпионы.

В Дьяково их было восемь штук. Один — Сильвестр Медведев, двоих слуг подкупили, позабыв про русский характер — те в ноги царевичу кинулись, умоляли не казнить… Алексей и не казнил. Приказал деньги брать, а доносить то, что он скажет. Еще четверо было приезжих. Выявленных. Но тех вскорости разобьют по градам и весям — и пусть шпионят где-нибудь в Тамбове. Милое дело!

— Ладно. Но ты поглядывай…

— Лешка, ты же знаешь…

— Ох, Сонечка, что бы я один делал…

Алексей не обольщался. Процентов пятьдесят его дел тянула на себе Софья. Не зарываясь, не требуя ничего для себя, спокойно и вдумчиво объясняя ему, что к чему по первой же просьбе…

Еще бы он не задумывался о браке сестры, понимая, что если сейчас это на него свалится…

— Пока я жива, один ты не будешь. Клянусь.

Произнесено это было так что Алексей просто молча поцеловал маленькую ручку в чернилах. Она ведь обещание сдержит. И…

Глаза у Софьи вдруг заблестели. Весело, озорно…

— Лешка, в твоих интересах выдать меня замуж, чтобы я успела подготовить смену из своих детей. Да и тебе жениться бы, чтобы наследники были.

Ну, Соня!

* * *

Иван Борисович Троекуров степенно поклонился его величеству и отступил назад, к стене зала.

Стар он, что уж там, тяжко ему постоянно на балах этих крутиться. А надобно…

Более-то нигде столько нужного не узнаешь, как здесь, в этом вертепе разврата! Тоже скажете, галантные отношения! Да о какой галантности речь идет, когда ночные горшки опорожняют у дверей дворца? А его величество… подойти к нему боярин мог, только забив ноздри полосками смоченной духами ткани. Лучше уж дышать всем ртом, как рыба, чем такую вонь терпеть!

И то — иногда ничего не спасало!

Бал был в разгаре.

То и дело кто-то из дам или кавалеров уединялся то у подоконников, то за ширмами, непринужденно испражняясь на мраморные полы… вот ведь!

В Кремле бы кто так сделать попробовал!

Да нашли бы негодяя — им бы полы и вытерли! А тут — в порядке вещей!

Время от времени парочки удалялись в темноту альковов — и оттуда доносились характерные звуки.

Боярин терпел.

И все больше понимал, что мудр государь не по годам.

Да, поехать сюда надобно. Посмотреть на принцесс надобно.

И понять лишний раз, что не подходят они. Дочери маркизы де Монтеспан? Нет уж!

Что сама маркиза резко не нравилась мудрому боярину — шлюха в павлиньих перьях, что ее дети.

Разряженные, разукрашенные, отлично осознающие свою значимость, и гордящиеся своим ублюдочным происхождением. Грубо?

Ну так правда же!

При живой жене девку свою перед людьми вставлять, детей от нее плодить и еще их на трон проталкивать? На Русь Святую?

Э, нет!

Кому другому такое счастье подарите, а мы с доплатой не возьмем!

Более серьезно посол приглядывался к Марии Генриетте, старшей дочери принца Орлеанского. Младшая была еще слишком молода. А вот старшая входила в возраст и была мила и обаятельна.

Но… нравы французского двора подействовали и на нее.

Принцесса была не умна, вовсе нет. Она была хитра, но ум — это ведь нечто другое? Может, потом она и станет мудрой. А может, и нет?

К тому же ее Людовик прочил в жены Карлу Испанскому.

Расстроить сей брак было бы несложно, но — к чему?

Получить в свой дом французскую вертиховостку, которая уже сейчас вовсю строила глазки мужчинам, кокетничала, разбивала сердца?

Нет уж!

Лучше на Руси девушку хорошую найти!

Людовик Четырнадцатый уже и так и этак пытался обрабатывать посла, но боярин искусно выскальзывал из рук.

Да, конечно. Государю отписал.

Государь размышляет.

Да, дофины прелестны. Но их происхождение…

Но я убеждаю государя, а то как же!

Троекуров вежливо отклонил приглашение очередной великосветской шлюхи уединиться. Только сифилиса ему и не хватало! А уж эта-то дурная болячка тут свирепствует постоянно!

Тьфу! Вертеп разврата!

Иван Борисович тяжко вздохнул, достал платок и утер пот со лба. Эх, по возвращении домой опять все стирать, да в бане мыться.

Свинарник, одно слово. Нет уж!

Никаких французских принцесс на Руси не будет!

Если только Анна Мария Орлеанская, при условии, что девочка уедет уже сейчас и будет воспитываться в Кремле. Но на это Людовик не пойдет, ему нужен инструмент влияния, способный проводить его политику. Девочка же мала…

Ничего. Зато мы отсюда мастеров побольше сманим. Тех же гугенотов — талантливы ведь! Людовик в чем-то умный, да где-то и дурак дураком…

Иван Борисович вежливо отказал очередной шлюхе — вот ведь, знают, что человек недоступен — и лезут, словно им медом намазано, и принялся ждать своего времени. Король желал его видеть для беседы.

И верно.

Людовик в очередной раз намекал на старшую дочь Атенаис де Монтеспан, хмурил брови, заявлял, что 'Мы недовольны промедлением'…

Иван Борисович кланялся, вздыхал, заверял в своем вечном почтении…

Ничего. Найдется и на Людовика управа.

* * *

— Венчается раб божий Иван и раба божия Софья…

Софья терпела.

Уборы весом в мегатонну, обряды, идиотское поведение окружающих….

Можно подумать, у нее был выбор!

Наконец она решилась выйти замуж за Ванечку — пока это позволяла политическая обстановка.

Бояре сейчас ломали копья по поводу отъезда царевны Евдокии в Картли. Все-таки выдавать царевну за малозначительного царька, который тут при дворе несколько лет обтирался, один кафтан пять лет носил — это точно был перебор! С их точки зрения. А вот Алексей был полностью — за! Это брак

Софьи ему не до конца нравился.

Хотя бояре тоже поворчали. И чего это Морозов, почему ему такая честь?

Но — уже недолго. Ну, честь. Так ведь есть за что! Царский ближник, друг наилюбимейший, чего еще ждать? Вот то, что покои молодым были отведены в Кремле, их зацепило куда как поболее.

И чтобы утихомирить хотя бы самых противных ревнителей традиций, свадьбу играли по старым обычаям. Софья парилась под фатой и думала, что ей надо памятник за мужество поставить. И звезду героя.

Но наконец-то их увели из церкви — и дышать стало чуть полегче.

Потом было пиршество, и Алексей сидел рядом. И шептался с Иваном.

Софья прислушалась.

Ан нет. Она слишком плохо подумала о своих мальчишках. Никаких мужских советов тут и рядом не было. Алексей искренне надеялся, что друзья его не покинут, а Иван успокаивал, объясняя, что Софья никогда брата не оставит, а он теперь крепче каната привязан. Ранее он хоть жениться мог на ком другом — и жена б могла на их дружбу повлиять.

А сейчас — все. Узы крепче стального каната.

Да, канаты…

Софья невольно задумалась о том, что постепенно на Руси начинал строиться свой флот. Пока — в Азове.

Были заложены верфи, были заложены корабли… да, пока лес был не очень хорошим, но начинать же надо с чего-то? Пусть технологию хотя бы тут отработают.

Потом, потом будем строить боевые корабли. И ставить на них хорошие пушки.

Не галеры, фрегаты!

А вот пушки Софью раздражали. Поди, введи по всей стране стандартизацию и унификацию! Когда даже метрической системы покамест нет, локоть и аршин у всех гуляют туда — сюда, про версту молчим… где ты, палата мер и весов!?

Не говоря уж о том, что надежных пушек сделать не удавалось.

Рано или поздно, так или иначе — они прогорали, взрывались… почему!?

Софья подозревала, что их знаний и умений было просто недостаточно для хорошего литья. Хотя ее ребята разъехались по разным странам, занимаясь тем, что позднее назовут промышленным шпионажем.

Пока удалось узнать секрет производства шелка, спасибо Франции, сманить множество специалистов из Нидерландов, и даже найти многозарядный пистоль! И это — в своей родной стране!

Софья разве что ядом не начинала плеваться! За двести лет до покорения Америки и великого уравнителя Кольта, Первуша Исаев сделал многозарядный пистоль для ее отца.

За что получил монетку — и пистоль был заброшен к лешьей матери!

Плохо так об отце думать — но придурок!

Узнав о револьвере, Софья распорядилась найти мастера — и нашла целую семью Исаевых. Оружейников невесть в каком поколении, талантов и даже гениев. Правда, подобного Первуше среди них не было, но зато были его знания, его наставления…

Как замена — сойдет!

Так что сейчас активно разрабатывались проекты многозарядных пистолей — и уже были пойманы два шпиона. Французских.

Слишком тут Людовик разгулялся. Надо будет парочку шпионов спровадить на Соловки, пусть проветрятся. Хотя ему сейчас весело и душевно.

От Нидерландов он себе такой кус отгрыз, что любо — дорого поглядеть. Кто будет править там до сих пор не решено и пока место покойного Вильгельма занимает его кузен Карл. Нассау — Зиген, или как на Руси говорят, нашего плотника троюродный забор. Ну, так и остальные были не ближе!

Правда, со здоровьем у него не очень. В сражениях он участвует, мечом машет, а вот жениться уже не получится. По причине состояния нестояния.

Жениться, да…

Ванечка смотрел на невесту сияющими глазами — и за этот взгляд Софья заранее прощала ему все. И трудности, которые возникнут, и отвлечение ее от дел государственных, и даже тоскливую, что та волчица, Феодосию. Он счастлив.

Может, и у нее будет хоть капля счастья?

И оно таки было.

Когда ушли все лишние, когда молодые остались одни в опочивальне и Иван робко положил руки на плечи девушке, когда губы соприкоснулись с губами, деля на двоих одно дыхание…

Что такое счастье?

У всех оно свое, но в эту ночь Софья нашла еще одну составную частичку мозаики.

1676 год.

Казачьи чайки весело бежали по воде. Самые молодые, самые

смелые, веселые, отчаянные и отважные. Те, кому нечего было терять, ушли в поход. И дело у них было серьезное.

Год назад они ушли в эти места.

Обосновались, переговорили со Строгановым, получили проводников и людей — и обосновались на Амуре — реке, там, где от него отходит Сунгари.

Свалили деревьев, построили острог, принялись охотиться и запасаться на зиму.

Первая стычка ждать себя не заставила.

Китайцы оказались не худшими воинами, умели держать в руках оружие, но и казаки были не в крапиве найдены.

И пушки у них были, и огненное зелье — крепко получив несколько раз по рукам, китайцы присмирели, а там и зима легла.

Трещали морозы, усыпал землю глубокий снег — и если б не помогали местные людишки, тяжко бы пришлось казакам. Но помогали ведь!

Не задаром — за все было уплачено полновесными монетами. Кто-то ворчал, стоит ли, может, все можно и мечом взять, но тут уж атаман запретил и строго. Государь-де сказал — никаких распрей. Более того, местным надо помогать, их защищать надобно…

Так что — все по доброй воле. Никакого насилия ни в торговле, ни в личном… мало ли какому парню какая девка понравится?

Сложно, конечно, было — и окажись атаманом кто другой, не Иван Сирко, не миновать бы бед. Но старый гетман среди казаков пользовался непререкаемым авторитетом. А уж после Крыма — и тем более.

А как лед сошел — казаки отправились вниз по реке.

До устья Амура.

Задание было простое — гонять китайские корабли, ежели то не корабли княжеств. С последними торговать. А вот врагов…

Топить, топить и еще раз топить. Трофеи — ваши, все, что с бою возьмете — тоже ваше, сможете домой отослать, на Сечь, али казне продать, али еще что придумаете, но — ни один китайский корабль в море себя спокойно чувствовать не должен. А то развели тут… Маньчжуров.

Этот вид охоты казакам был знаком, приятен и выгоден. Так что…

Иван Сирко встретился с послом У Саньгуя, обговорил систему знаков 'свой — чужой' — и Охотское море живо стало напоминать картину неизвестного художника 'пчелы в атаке'.

Казаки были неуловимы, они налетами, грабили, убивали,

пускали китайские джонки на дно — и исчезали. Тактика привычная.

И как ни бесился император, но даже выяснить, кто это такие и откуда они взялись — не удавалось.

В море стало опасно. Блокаду с трех княжеств пришлось снимать, чем и воспользовались мятежники. Весы борьбы между династией Мин и династией Цин опять закачались, выходя из равновесия. Победа маньчжуров отдалялась на неопределенный срок.

А казаки поглядывали на Сахалин, прикидывая, не устроить ли там базу?

Сначала временную, потом постоянную?

Союзники поддерживали! Еще бы! Именно военные силы извне спаяли и скрепили тройственный союз. Ну и браки тоже…

И У Саньгуй готов был помочь русским обосноваться под боком! Пусть! Много они не просят, так у него много и нет. А коли маньчжуры победят — и того не будет.

* * *

— Что скажешь, сестренка?

— Что надо ждать гадостей.

— Все же хорошо. Что опять не так?

— Не знаю, Ванечка. Но уверена — долго такое благолепие продолжаться не может.

Трое ребят сильно повзрослели за два года прошедшие после венчания на царство. Алексей обзавелся морщинками в уголках рта и сильно раздался в плечах, Иван больше не выглядел долговязой жердью, нарастив хоть какое-то мясцо на кости, Софья чуть округлилась и теперь больше походила на девушку, чем на подростка.

Семейная жизнь шла ей на пользу, хотя от детей она покамест стереглась, отвар пила. Не до того еще. Примерно полгода тому назад они отправили Евдокию в Картли, за что Ираклий был весьма благодарен. Дуняша тоже. И буквально на днях получили весточку из Персии.

Там — вот ужас-то, вот трагедия! — буквально полгода назад шахом стал Аббас Сефевид.

Чисто случайно, после совершенно неожиданной смерти старшего брата. У того сердце не выдержало.

Попойки, понимаете ли, многодневные празднества — и в один из дней он просто не проснулся. Тихо умер во сне.

А уж что там было, и что подсыпали мужчине, Софья не знала да и знать не хотела. Ей было достаточно того, что в Персии на троне окажется умный и решительный товарищ. А где своего ума не хватит — девушки займут. Личные. Софьины, подобранные на должности наложниц — наушниц — телохранительниц.

После Сулеймана, конечно, остались дети, но разве они могли занимать престол? В разгаре были конфликты с Османами, требовалась сильная и твердая рука, опять же, русские войска стояли на границах, делая вид, что не прочь откусить кусочек от соседа… ну и…

Совет евнухов был, конечно, против, не одобрял этого выбора и главный визирь, но другого-то варианта не предоставлялось.

За Аббаса была армия, у него были деньги, за ним шел народ, которому надоели бесконечные гулянки правителя на их, между прочим, деньги. Всем хотелось спокойствия и безопасности, Аббас мог это дать — или хотя бы делал вид, так что долго решать не пришлось.

Визирь понял, что его просто разорвут на части — и сдался.

Аббас же решительно разогнал всех евнухов, раздал большую часть гарема, отправил куда подальше родственников и принялся заниматься государственными делами. Кстати, с детьми своего брата он поступил порядочнее, чем в свое время Михаил Романов, а точнее, его отец — патриарх. Никого казнить не стали, но жить и сыну и дочерям до смерти предстояло взаперти, под присмотром доверенных людей. Жестоко?

Ну, дочерей брата можно потом и замуж выдать. Сына же…

Смотря каким вырастет. Своих-то пока не было, но это и понятно. Раньше боялся рисковать, ребенок — это ж какой рычаг давления. А сейчас и жена есть, и возможность.

Теперь требовалось пристроить Марью и подыскивать невест мальчишкам. А вот со вторым в Европе был решительный непорядок.

Просто решительная недостача приличных невест!

У Леопольда была дочь Мария Анна и вроде как подходила по возрасту, но сам император не хотел ее отдавать ни за кого. Кроме Алексея. А тому, понятное дело, не хотелось жениться абы на ком. Сначала бы посмотреть…

Да и здоровьем слаба невеста. Еще сколько проживет-то?

Карл шведский детьми пока не обзавелся — сам еще сопляк совсем.

В Дании пока была Ульрика Элеонора упустили, но ту пытались просватать как раз за Карла — оно и понятно, Дании и Швеции было выгодно дружить домами. Если только влезать нагло и перебивать сватовство?

Попробовать можно, но стоит ли? Софья ждала информацию от своих людей.

Карл испанский… Но там такая родословная, что ей — ей, легче пристрелить что женихов, что невест. Софья помнила, что кроме фамильной губы Габсбурги отличались таким же фамильным безумием. И к чему это нам на Русь тащить? Своих юродивых хватает.

Нет уж, никаких больных!

В Португалии была принцесса де Бейру, но девчушке было шесть лет — это первое. А второе — она пока была единственной наследницей. Так что Педро не готов был отдать ее на сторону. Хотя заметочку себе Софья сделала — и в Португалии также собиралась основать русское посольство. Посмотреть что там вырастет.

Про династию Браганса плохих разговоров не ходило, к тому же девчонку воспитывали, как правительницу, то есть хотя бы читать научат…

Надобно приглядеться.

В Англии у Якова были Мария и Анна, но они не подходили. Яков был не лучшим человеком и не лучшим правителем. Марию ранее прочили за Вильгельма, но после его смерти девчонка осталась не у дел. Можно бы и подумать, и для кого-нибудь из мальчишек сговорить англичанку, но Яков хотел только короля. И его резко не устраивало православие предполагаемого зятя. А тут уж простите. Менять веру, чтобы жениться? Не слишком ли жирно вам будет, Яша? Нам и так раскол до сих пор, как еж в неудобном месте а вы еще добавить хотите?

Нет уж. Королева нужна такая, чтобы приняла веру мужа и не вякала. А если еще и в команде работать сможет — цены ей не будет.

У Людовика Четырнадцатого была незаконная дочь от маркизы де Монтеспан, и король — солнце был бы не против ее пристроить, но… Нет уж. Такого нам не надобно.

Была б дочь законная, а не внебрачная…

И так слишком многое ломалось на Руси, чтобы еще и так традициями пренебрегать! Не по — христиански это так-то, свой блуд на народ выносить, да еще и размахивать им, как флагом. Нельзя…

Если в просвещенной Франции такое было и в порядке вещей, то на Руси народ просто плевался.

Равно как и не надобно французских принцесс от его брата Филиппа Орлеанского. Вроде бы и неплохие девчушки, да вот беда — одна уже взрослая и Людовик активно сговаривает ее за Карла Испанского. Вторая же — соплюшка. Анна Мария Орлеанская.

Нет, можно бы, кто бы спорил! Но… Софья считала, что за невестой должно быть достойное приданное — это первое. Приличная родословная — это второе. Потому как папаша ее, Филипп Орлеанский, прославился на всю страну теми наклонностями, за которые когда-то покритикованы были Содом с Гоморрою. Нехорошо…

Хоть и женил его Людовик, хоть и делал он детей, а все ж нехорошо.

Ну и третье. Политику Европы сейчас определяла Франция. А Софья не считала, что они с Алешкой смогут противостоять на равных Людовику. Не тот опыт, не те навыки. Мигом тут попросят, здесь прогнут, там почешут… не успеешь оглянуться, как хвост собакой завертит. Не из благих же побуждений короли дочек замуж выдают — из расчета укрепления государства.

Хотя Людовик активно шел на сближение.

Король — Солнце был далеко не глуп и понимал, что Русь сама собой не рассосется. Был при французском дворе и русский

посол, боярин Иван Борисович Троекуров, мужчина умный и основательный, сорока лет от роду. Софья на него нахвалиться не могла.

Хоть и писал на родину посол о диких французских нравах, о том, что его величество смердит аки зверь дикий, что придворные дамы принимают гостей, чуть ли не на ночном горшке сидя, да деваться было некуда. Европейскую политику сейчас диктовал Луи XIV, так что приходилось приспосабливаться к нему. К тому ж, за время пребывания во Франции, посол умудрился сманить на Русь больше трех сотен мастеров в самых разных областях деятельности. От архитекторов до ученых, от работников типографии до моряков. И это за четыре года!

Мало того, в посольство Софья десятками отправляла ребят из царевичевой и иных школ. Пусть учатся.

Правда, каждый — своему.

Самое большое количество кораблей и моряков было сейчас во Франции, Англии, Испании… так что ж не перенять полезный опыт?

Ребят учили языкам, читать — писать — считать, основам морской науки, а потом отправляли на прохождение практики. Казна содержала их, платила жалованье, кормила — одевала, но отчет спрашивался строго. Ибо — нечего гулять по иностранщине за казенный кошт!

Софья отлично помнила фильм с Высоцким в главной роли. Ага, тот самый 'Арап Петра Великого'. И помнила, как там кучка недорослей, отучившись в Европах сколько-то лет, потом о корабле знала только то, что оный на море не тонет. Вроде как.

И пришлось Петру их гонять палкой… ну и смысл?

Деньги потрачены, специалистов ноль, разве что палку жалко. Нет, не пойдет.

Потратил рубль в кабаке — отчитайся. И знай, что второго тебе на то же не дадут, ибо сие — развлечение бесовское.

А то ж!

Винопитие для католиков хорошо, а мы, православные, знаем, что вино разум губит и в свинское состояние человека повергает. Да и табак, трава никотиана, ни к чему хорошему не приводит. Вспомните, кто пускает дым изо рта!

К Антихристу прийти хотите?

Добьетесь…

Эта пропаганда постоянно велась во всех школах, в основном, за счет того что преподавали-то там — попы.

После того, как год назад ушел от власти Питирим и пришел Адриан, он начал проводить и другую реформу.

Было официально объявлено, что церковные книги

переводить надобно, только не иноземными специалистами, а нашими. А для того — учиться требуется. И людишек учить.

И начинать с того, что каждое воскресенье, после проповеди, дети обязаны оставаться в храме и местный священник должен их учить грамоте, счету и письму, сколько сам разумеет.

Да, выучатся немногие, но пряничек был вывешен достаточно сладкий.

Раз в год списки лучших учеников будут отправляться Патриарху. Ну, не лично, но на это дело посадят два десятка монахов. Ребенок, чему выучен… и по итогам, лучших будут брать на обучение и полный пансион в царевичеву школу, коих насчитывалось уже шесть штук.

Самая основная и базовая была в Дьяково. Неподалеку, в Коломенском, строили Университет, названный так с подачи Софьи.

Еще пять школ рассредоточились ровным кольцом вокруг Москвы. И каждая была ориентирована на свое направление. Софья прикинула, и решила обучать детей по — разному. Ну кто-то же к военной службе лежит более, кто-то к чиновной, кто-то море во сне видит, кто-то от Бога лекарь, а кому-то новое знание всего дороже…

Первые два года детей надобно учить одинаково — чтение, письмо, счет в больших объемах, языки, физподготовка, а вот потом, по склонностям и делили. И обучали уже предметно, со стажировками в нужных приказах, на ладьях, в 'потешных полках'.

Что было уж вовсе невиданным делом на Руси. Но…

Ворчать-то ворчали, да не сильно. Не такой уж большой процент обучаемых был по стране, не так уж много денег на это тратилось. А вот отдача была неплохой. Первой ее оценили священники. По стране увеличилось количество типографий, и соответственно, количество рабочих рук. Приезжие мастера принялись строить лесопилки, водяные мельницы, кто-то отправился работать на строительстве канала…

Да, канал.

Софья отлично понимала, что это вызовет сложности, но чтобы такие?

Деньги туда уходили весело и со свистом, но не бросать же?

Вот, во Франции такая проблема решается, почему бы и им не решить? К тому же у нее было преимущество двадцать первого века. Она знала, как сделать лучше. Ведь что такое шлюз? Да гидротехническое сооружение. Водохранилище? Канал?

Все именно это. А Софья АСФ кончала не просто так, она хорошо разбиралась в строительстве, и фирма их не только дома строила. Коммуникации тоже прокладывать доводилось и даже

шлюзы ремонтировать. Полезная штука.

Так что проблемы канала решались достаточно оперативно. Проектные — ею лично, финансовые — в соавторстве с Ваней. Что, собственно, нужно людям?

Жилье. Так его можно строить и рядом с каналом, а то ж! И удобно будет, и когда его запустят, там должен будет кто-то жить. Так что на каждом шлюзе — а их уже было двенадцать штук — в первую очередь строилось нечто вроде деревеньки из пяти домов. И определялось, кому они достанутся. Такая вот программа, жилье в массы. Стоимость канала это увеличивало ненамного, часть зарплаты можно было выплачивать как раз жильем, часть — продуктами…

Кабала?

Да как сказать!

После пяти лет работы, русский человек мог получить свой дом, подзаработать денег, а то, что без дальнейшего заработка он не останется, так это факт.

К тому же — ключевое слово — русский. А на строительство и татар нагнали. Крым-то чистили? Чистили! Вот и… куда их еще девать было? Пусть пользу приносят.

Сильно повезло еще, что на строительстве не вспыхнуло никаких эпидемий, а могло, еще как могло!

Хотя везение — вопрос сомнительный.

После письма Ромодановского сильно встревожился Алексей. Еще бы! Разумеется, боярина поблагодарили за службу, а потом поговорили и с Митькой. И предложили ему, раз боярин так пожелал — принять фамилию. А землю ему лично казна даст. Ее сейчас освободилось много, осваивать надобно. То, что раньше из-за татарских набегов заброшено было, теперь оживать начнет.

Этим решением были довольны все. И сыновья Ромодановского, которые все ж таки не прониклись, как отец, и сам Григорий…

Вот Митька фырчал, но ему убедительно доказали, что не хочешь — не занимайся. Братья займутся, а ты проверяй. А ежели лекарем хочешь стать — учись. Это куда как приятнее делать, когда о куске хлеба думать не надобно.

Впрочем, награждение было не просто так.

Софья отлично понимала, что такое чума в это время. Ни антибиотиков, ни грамотных медиков… если бы Митька ее не распознал, если бы не бросился отдавать приказы, если бы татары принесли ее на Русь…

Тысячи полегли бы и десятки тысяч. Страшно.

Так что награда была справедливой — это первое. И стимулировала царевичевых, теперь уже царских воспитанников,

на совершение такого же подвига. Это второе.

Хотя воспитанники и так были готовы за царя в огонь и в воду.

* * *

Сэр Исаак Ньютон любовался каменным теремом, который рос с каждым днем. Пока рядом с ним были деревянные корпуса. Но и каменное здание царевна обещала.

Университет.

— Красивое место.

Томас Савари смотрел одобрительно. Недавно ему пришлось уезжать из Франции, а научный мир ведь узок! И Исаак пригласил к себе французских коллег. Денис Папен, Абрахам де Муавр, Денис Лорд — и это были далеко еще не все имена.

Король — Солнце активно прижимал гугенотов, те сопротивлялись, но самые умные видели, что битва уже проиграна. А раз так…

Надо уезжать.

Почему бы и не на Русь?

Здесь строится Университет, здесь полный пансион, жилье, финансирование — только работай. И — учи.

Кого?

Да уж есть кого! Ребят хватает, да и каких ребят!

Умные, смышлёные, с такими работать одно удовольствие!

А царевичи?

Исаак как-то больше общается с царевичем Иваном, Алексей наезжает редко. Зато деньги выделяет регулярно, хотя отчет и требует. Но это уже не вопрос Исаака. Царевич выделил ему пятерых ребят, которые занимались исключительно счетами и отчетностью, так ненавистной сердцу истинного творца.

Постепенно университет заполнялся кадрами.

— Добрый день, сэр Исаак.

Улыбка у царевны Софьи была очаровательная. И вся она была такая… просто милая молодая дама в платье полуевропейского покроя. Темные волосы заплетены в длинную косу, платье без пышной юбки, никакой краски на лице — и все же было в этом что-то очень естественное и непринужденное.

Вот и Томас заулыбался. Умеет же царевна расположить к себе людей!

— Государыня, — по — русски ученый уже говорил как на родном языке, лишь иногда допуская ошибки. — Мы рады видеть вас.

— Тем более, что я с хорошими новостями. Мы скоро усилим университет великолепным ученым. Антонио ван Левенгуком.

— Левенгук…

Ньютон нахмурился. Савари отреагировал быстрее.

— Этот шлифовальщик стекол?

Царевна смотрела невинно.

— Полагаю, что хорошо сделанное стекло тоже важно. Тем более, он привезет с собой микроскопы, а это важно для медицинского направления. Да и для натуралистов было бы удобнее наблюдать звезды в хороший телескоп?

— Интересно, что ему пообещал государь?

— Чуть побольше, чем лавку, — лукавства в голосе царевны прибавилось. — К тому же на Руси никто не будет сомневаться в его уме, не так ли, господа?

Господа наперебой заверили Софью, что ради такой очаровательной женщины, они и медведя в свои ряды примут. Софья покачала головой и сообщила, что принято решение о строительстве обсерватории. Чтобы удобнее было наблюдать движения небесных тел. А потому, сэр Исаак, вы обсудите, какая она должна быть, а уж мы исполним.

Исаак обещал. И провожая царевну, улыбался своим мыслям.

— Обычно женщины на Руси не так свободны, — заметил Томас. — Я бы сказал, что государыня скорее напоминает француженку.

— Поверьте, друг мой, это впечатление весьма ошибочно. Нравы здесь весьма строгие и о галантности наших, да и ваших придворных дам не может идти и речи. Более того, любая дама, которая осмелится появиться на улице в европейском платье, вызовет… непонимание.

— Но царевна…

Томас задумался — и кивнул. И верно, общее впечатление строгости сохранялось, даже несмотря на улыбку и дружеское обращение.

— Сейчас она уже боярыня Морозова.

— Боярыня?

— Да, недавно государь отдал ее в жены своему ближайшему другу. Но так он привязан к ним обоим, что разрешил жить во дворце.

— Не боится ли он? Все-таки… власть — сильное искушение? А он доверяет сестре, приблизил к себе…

Сэр Исаак пожал плечами. Он отлично понимал опасения своего друга. Тому совершенно не хотелось бежать и с Руси. Он тут уже освоился, устроился, учеников завел, друзей, дом строит… и опять уезжать? А если начнется бунт, смена власти и

прочее, так поступить просто придется.

— Не думаю, что царевич поступает опрометчиво. Около года назад вышел указ, который определяет порядок престолонаследия. И по женской линии его теперь наследовать нельзя.

— Когда это останавливало заговорщиков?

— А царевну Софью и не останавливает указ. Ее останавливает любовь к брату. Это было после турецкого похода…

Сэр Ньютон рассказывал о встрече брата и сестры, а собеседник слушал с заметным удивлением. Для него еще многое было в новинку. Но… ему уже нравилась эта загадочная страна. Нравились ученики… и если не придется отсюда уезжать — так тем лучше!

* * *

А Софья тем временем направилась в Кремль.

Муж обнаружился именно там, где она и думала — в царском кабинете. Почему-то удобно мальчишкам было работать вместе — и все тут! Наверное, это обуславливалось их характерами.

Порывистый и легкий на подъем Алексей, лидер и энтузиаст, отлично дополнялся Ванечкой — немного более медлительным и очень спокойным. К тому же, в силу характера, Ваня совершенно не желал быть первым. А вот роль друга и советника его весьма устраивала. И на юного государя он действовал, как доза успокоительного.

Вот что с кабинетом делать — Соня не знала. Разве что обеспечить мальчишек еще десятком полок? И соседнее помещение присоединить? Невозможно ж!

Кругом бумага!

— …уже воруют и сажают!

Его величество привычно расхаживал по кабинету.

— Кого воруют? — с порога не удержалась Соня.

Алексей остановился, обернулся и послал сестре улыбку.

— Картошку. Кукурузу. Фасоль и бобы. Помидоры тоже бы воровали, да вот беда — не даем.

— Бессовестные люди, — ухмыльнулась Софья. — Народ же к царскому столу приобщиться хочет!

— Когда поумнеют, тогда и приобщатся, — отрезал Алексей, — а то налопаются сейчас не того — и потравятся.

Кукукруза и фасоль появились относительно недавно, в результате дружеских отношений с Португалией.

Туда послом был отправлен боярин Куракин, Федор Федорович, мужчина умный и серьезный. Авось да разглядит все потребное.

Да и в остальные страны были направлены послы. Правда, в самые важные — Испанию, Англию, Францию, Швецию, Священную Римскую Империю, Данию, Персию, Турцию.

Софья преследовала несколько целей сразу.

Уменьшить концентрацию бояр на единицу отечества — все равно добрых две трети тут ничего не делали, разве что склочничали, сварились в думе и места при царе делили.

К тому же, пока их нет, вотчинами будут управлять либо сыновья, либо управляющие, а с ними может быть и легче, чем с матерущими боярами.

Создать себе точки опоры в разных странах. Для чего?

Шпионить, вестимо. А что, им можно а нам нельзя? Собирать всю возможную информацию о стране, о ее значимых людях, правителях, настроении…

А еще…

Надо ж не просто шпионить. Вот как удачно прошло с Вильгельмом Оранским — был Вилли, и не стало Вилли. Ну и правильно к чему нам сильная Англия. Перебьются!

Ну так мало ли кто, мало ли где…Чтобы Русь жила спокойно, остальные должны воевать. В частности — Швеция и Дания.

Часть Европы делом заняли — и вторую займем. Поляки пока опасности не представляют, они сейчас поклевывают турок, но все равно, что-то там в Румынии плохое зреет. Надо приглядываться и контролировать.

В Крыму тоже спокойно. Вот Тамань отдать пришлось, ну так для того и занимали. Зато все необходимое получили — и сейчас притираемся. Везем туда зерно. Соль, лес меха… да много чего возим. И оттуда тоже.

Сулейман более — менее доволен, если в первых письмах между строк читалось 'На — и подавись, тварь!', то в последних 'Ладно, хоть ты и тварь, но полезная'. А войска занять и без того найдется.

Софья сейчас подумывала, как бы стравить Леопольда с Османами накрепко. А что?

Мы тебе помогли, а ты в ответ? Нет, Софья отлично понимала, что любой правитель — тварь неблагодарная, работа у него такая, но надобно ж и головой думать! Ты сейчас с нами разругаешься, мы тебе бяку сделаем. А разругаться…

Не — ет, ругаться мы не будем, мы просто напакостим.

Тебя просили как человека — прислали к тебе посла, так помоги. Посоветуй… ведь полно девок по Европам сидит, да и

парни найдутся. Вам же самим новая кровь надобна, все вон, перевыродились! Каждый третий, чай, если и не дурак, так идиот. Не ругательно, генетически.

Но Леопольд кривил губы, обращался с послами кое-как… ладно, что-то Софья готова была списать на спесь боярскую, но что-то же и не спишешь? Русь — это вам не заштатное германское княжество, чтобы нам в супруги для принцев секонд — хэнд предлагать или вообще — евродисконт. Этих понятий Софья никому не объясняла, но ругалась. То предложат какую-то княжну из такой зачуханности… ну вроде как Соньку Ангальт — Цербстскую, ту же будущую Екатерину. Ладно, там хоть девка была что надо, и то — вопрос. Историю победители пишут. Нужна ли такая жена на Руси? Ежели какая там девка — неясно, а вот княжество под микроскопом не разглядишь! К лешему! Пусть по соседству роднятся! Да, и вторых браков нам тоже не надобно, своим же братьям, не кому-то там…

А бояре… вот в брачных делах их спесь играла Софье весьма и весьма на руку. Гордые порученным делом, они весьма придирчиво отбирали кандидатуры. Но Леопольд-то подсовывал некондицию! Да еще с таким видом, словно его девок все похватать должны были и порадоваться! Никто другой себе такого не позволял, а значит…

Софья уже прикидывала, что сделать с обнаглевшим котярой. Тапком его по морде! Тапком! И никаких: 'ребята, давайте жить дружно'! Сначала докажи, что ты хороший!

А сами покамест разбираемся с маньчжурами. Обойдемся мы без династии Мин! Софья довольно усмехнулась, вспомнив о приятном сюрпризе для китайцев.

— Соня, вернись на землю!

Братец пощелкал у нее перед носом пальцами. Софья в ответ лязгнула зубами.

— Укушу!

— И получишь в ответ!

— Эй, свою жену только я пороть буду, — Ванька откровенно посмеивался.

— Кому жена, кому сестра, — но ворчал Алексей больше по вредности. Софья взирала на обоих с умилением. Сколько ж ей усилий стоило сгладить мужскую ревность? Но потом все утряслось, и сейчас ребята вполне добродушно подкалывали друг друга, перебрасывая ее, словно мячик.

Еще бы Феодосия не шипела… но свекровь…

Видимо, это закон равновесия, в той жизни повезло, в этой — наоборот. Что Феодосия, что ее сестрица шипели гадюками, но Софья не обращала внимания.

Идите вы… дамы!

— Тут нам из Китая грамотка. У Саньгуй предлагает породниться.

— Да? Я Машку туда не отдам, — не то, чтобы Софья была против брака, но отдавать соплюшку в район боевых действий?

— А и не надо. У него есть сестра. Любимая, обожаемая и прочее. Зовут — У Шан. Вот он и предлагает скрепить узы. Можно не первой женой, но обязательно — женой и в царскую семью.

— А лет соплюшке сколько?

— Двенадцать.

Софья потерла лоб.

— М — да… воспитать мы ее, воспитаем, но тебе вроде как ни к чему такое родство? Тебе найдем кого покруче?

— А эту кому?

— Ванька мелок… Федьке?

— Почему бы нет. Поговорю, пусть женится. Хотя ему в церковь хочется…

— Какая церковь, когда тут родине надобно? — Софья искренне удивилась подобным заявлениям. — Пусть женится, а уж потом, лет в сорок…

Алексей кивнул.

— Да, пожалуй, отпишу. Мы согласны, пусть невеста едет на Русь.

— А я еще займусь вопросами приданого. Я на мелочь не согласна, так что пусть отдают нам хороший кусок земли. Официально, со всеми бумажками…

— Так он же им не принадлежит…

— Так та земля пока никому особенно не принадлежит. Но коли У Саньгуй выиграет свою независимость, они до — олгонько с маньчжурами грызться будут. Тут и мы поможем, чем сможем. А когда они на ту землицу посмотрят — может, то и не при нашей жизни случится, но будет же! Так вот, там и занято все нашими людьми будет, и грамотка будет. А кто, чего…

Мужчины переглянулись и расцвели улыбками.

— Жадная Соня.

— Да!

Софья поцеловала в щеку одного, второго.

— Да, мальчики! Я жадная и вредная! А еще твердо помню, что всякое чужое — есть мое, родное и государственное! И вам забывать не дам! Что там с армейской реформой?

И ребята переключились на обсуждение количества полков, выправление устава, сроков службы, обмундирования, снабжения и прочих радостей.

Пока еще было время.

Пока на Руси было относительно спокойно.

Но уже собиралась гроза.

И — грянула.

* * *

— Соня?

Царевна была нешуточно встревожена.

— Нам пишет Михайла.

— Что у него случилось?

Мужчины отвлеклись от воинских упражнений и подошли к царевне. Та помахала листком.

— Турки двинулись с места. Их почти восемьдесят тысяч.

— И куда они пошли? В Крым?

Алексей напрягся. О сборе армии у турок он знал, они активно готовились, везли в Крым огневой припас, но…

Столько войска там нет. Потери громадными будут.

— Нет. Там сейчас ничем не разживешься, а им нужна добыча.

— А куда?

Софья нежно улыбнулась.

— Маленькая птичка принесла на хвосте султану Сулейману, что Леопольд помогал нам во время войны. Бунт на Крите, налеты… это все его рук дела. И Сулейман обиделся.

— И?

— Они идут к Вене. Леопольд в панике, просит помощи у Михайлы, у нас…

— Будем собирать войско?

Софья пожала плечами в ответ на слова мужа.

Молодец Ванечка, финансист от Бога, да вот ни разу не стратег. Не его это — воинские дела, ой, не его. Это — Алешкино.

И верно, братец встрепенулся.

— Да ты что! Воевать за этого… спесивого павлина?! И сам не стану, и Михайле не дам!

— Нам надобно подумать, что мы можем получить у турок в том же Крыму, — задумчиво произнесла Софья. За… невмешательство.

И что может получить Михайла?

Возможно, земли между Днепром и Дунаем?

Кусок Валахии?

Союзник тогда хорош, когда у него своих проблем хватает. Земли он получит, но тут же главное — удержать их?

Волной накатывала на Европу турецкая рать. И это нападение

надобно было использовать во благо Руси. Чем Софья и собиралась заняться.

Справятся ли они втроем?

Алексей, она, Ванечка?

Обязаны.

Сделают!

Будущее терялось в густом тумане.

1677 год

— Сколько турок?!

Леопольд был бледен, как никогда.

— Около ста двадцати тысяч, ваше величество.

— Мне доносили лишь о восьмидесяти!?

— Ваше величество, как оказалось, это еще не все части. Есть еще моряки под предводительством паши Мезоморте. И венгры…

— Венгры!?

— Да, ваше величество. Вы же знаете…

О, Леопольд знал. Австро — Венгрия просто мечтала развалиться на Австрию и Венгрию. То есть Венгрия мечтала, а Австрии этого решительно не хотелось. Ишь ты, свободу им… а не перебьются?

В итоге, государство не вылезало из бунтов и заговоров.

— Твари…

— Да, ваше величество. Но дошли слухи…

— Слухи?!

— Мой король, наши люди сообщили, что Сулейман обещал Тёкели свою поддержку. А еще его поддержат…

— Знаю! Это все?

— Да, государь.

— Как скоро они будут здесь?

— Движутся они достаточно медленно, у них трудности со снабжением, но думаю, месяца через три они придут под наши стены.

— Пошел вон!

Секретарь мгновенно повиновался. Оставшись один, Леопольд плеснул себе вина в кубок, медленно выцедил — и вдруг швырнул драгоценную вещицу в стену. Несколько капель выплеснулось на обивку, кубок покатился, зазвенел, но никто не прибежал на шум. Оно и понятно, своя шкура дороже.

Сто. Двадцать. Тысяч.

Даже одних людей — это много. Очень много. У него и половины не наберется, да и та рассеяна по стране. И не всем можно верить. И вооружены османы очень неплохо уж не хуже его войск.

А есть еще и флот. И Мезоморте… проклятая тварь!

Отступник, место которого на костре. Некогда венецианский дворянин, сейчас же — принявший мусульманство выродок, алжирский бей, который уничтожает христиан с особым удовольствием!

Сын дьявола!

Так вот и понимаешь, что Святая Инквизиция — это полезно. Сожгли бы мерзавца — и хлопот бы не было. Но…

Леопольд был далеко не глуп. Он осознавал, что флотоводцев, подобных Мезоморте, у него просто нет. Никто с ним справиться не сможет. Разве что задавить числом.

Но… где взять то число?

Чтобы оно было надо как следует всыпать османам на берегу, а тут…

Деньги есть, но наемники — это не совсем то.

Нужны союзники. Львы, а не шакалы.

На губах мужчины зазмеилась улыбка.

Союзники?

Он — помог русским и полякам с Критом. Пусть они отплатят ему сейчас? Пришлют войска, орудия, помощь, пока еще есть время.

Но пришлют ли?

А на кого еще можно рассчитывать? Франция? Испания? Англия? Им не до того. Старина Роули глуп, как тот самый королевский жеребец, его сынок не лучше, Людовик себе на уме, да и испанцы… сейчас они все делят, раздирают на части Нидерланды. И раздерут-таки…

Но войска оттуда не уберут.

Португальцы?

У них неплохой флот. Можно попробовать… найдется, что предложить взамен.

Чуть успокоившись, его величество позвал секретаря и принялся диктовать письма. Потом их отправят со срочными гонцами, чтобы к адресатам они попали не через месяц, а срочно. И пусть только попробуют не ответить!

Особенно — положительно!

* * *

— Все-таки стоит ли ему помогать?

Алексей сомневался — и тому были причины. Уж сколько Леопольд тянул кота за хвост… ей — ей, самое терпеливое животное взбунтовалось бы. А русские к таковым не принадлежали.

Хотя письмо было вполне определенным. Полупросьба — полутребование о помощи. Жить котику хотелось — и с целой шкуркой.

— Помогать-то стоит, но опосредованно, — задумчиво произнесла Софья. Она, как обычно, грызла кончик пера, задумалась, смотрела в окно.

— Казна новой войны не выдержит, имеющееся бы разгрести, — Ваня был категоричен.

— А если полезем — обязательно потом ответ схлопочем. В Крыму, например. Нет, Соня, не сдался нам этот паразит, нечего ему помогать…

— А я считаю, мальчики, что вы неправы, — Софья сплюнула кусок пера — и посмотрела серьезнее. — Надо просто затребовать с него подходящую цену за помощь.

— И какую же?

— Невесту. Федю женим, остался Ванятка и девочки. Теперь надо Ваньке невесту найти, пока она свободна. Еще свободна.

— Ага, много он нам помог?

— Э, нет. Сейчас мы будем требовать с него определенную девушку. Даже еще не девушку, Алеша.

— Не понял?

— Я смотрю на все королевские дома Европы — и не вижу, никого достойного нашей семьи. Пожалуй, кроме одной кандидатуры. Но ей сейчас восемь лет.

— Соня, а почему не младенец?

— Лешка, а что тебя не устраивает? Сейчас замуж выдают рано, надо бы, кстати, принять указ, чтобы не раньше пятнадцати! Какое количество девчонок от ранних родов гибнет — уму непостижимо!

— Ты не растекайся мыслью…

— Ладно. Формулируя корректно — есть одна кандидатура, которая мне пока что нравится. И как невеста, и как приданное. А что мала… нам ли жаловаться? Ванька тоже не старик.

— Ванька, Федя… а про меня ты подумала?

— а вы еще не нагулялись, ваше величество? Думаешь, я ни про кого не знаю? Про Татьяну, Ирину, Марусю…

Братец смущаться и не подумал.

— И что? Кто-то мной недоволен?

— Все довольны, — усмехнулась Софья, — с детьми бережешься?

— А то ж. Мои дети будут только в законном браке. А вот с кем…

— Ульрика — Элеонора Датская.

— Это — кто?

— Милая умная девочка. Не слишком красива, ну да с лица воду не пить. Зато здорова. Датская принцесса. Она вообще-то с Карлом Шведским помолвлена, но у них пока войны… можем перехватить.

— Думаешь, стоит?

Перо подверглось очередному обгрызанию.

— Не знаю, Алешенька. Понимаешь, у тебя должны быть дети. И лучше — скорее. У батюшки к этому времени уже были… мы все смертны — и надобно наследников воспитывать и учить. Других нет, разве что на той же Изабелле тебя женить, но это ж сколько ждать придется. А Ульрика хотя бы не дура — ей, между прочим, с Леопольдом помолвку предлагали.

— И?

— Поменять Карла на Леопольда. Отказалась.

— Приедет — и начнет тут интриги крутить…

— Окоротим, — пообещала Соня.

— А хоть портрет ее есть? Хоть что-то?

— Алеша, что-то есть, но…

Лист бумаги, выложенный на стол, воображение не потрясал. Самым выдающимся на портрете девушки был — нос.

— Там, между прочим, и свободный принц есть. Георг Датский.

— Та — ак…

— Предлагаю обменяться. Они нам Ульрику, мы им Катеньку.

— Думаешь?

— А чего тут думать? О приданном сговоримся… вы более — менее в одном возрасте, сумеешь произвести впечатление — получишь девчонку. А с Катериной я поработаю. Пошлем посольство?

— Что из себя представляет этот Георг?

— Пустое место. Тень отца. Ничтожество на троне.

— И ты хочешь такого Катюшке?

— Умной жене хватит. Справится.

— И у нас останутся — кто?

— Марья. Володя. Наташа.

— Ах да, еще Ванечка. Так кого ты для него выбрала?

— Изабеллу Луизу де Бейру.

— Кто такая?

— Дочь Педру. Португальский король из династии Браганса.

— Сонь, вроде бы ее с Савойским пытаются сговорить? — Иван знал о ком идет речь, но как хорошую партию он ее не рассматривал.

— Разберемся. Если Леопольд влезет — то договориться сможем.

— Думаешь?

— Они с Савойским — кузены. К тому же, если Виктор на ней женится, то станет консортом, пока у малышки не появится брата. А его родителям это не нравится.

— Кому б понравилось. Погоди, так она одна — наследница?

— Пока — да. Но у Педру молодая жена, так что можно рассчитывать на появление наследника. Пусть старается лучше.

— Соня, не то, чтобы я был против, но неужели никого больше найти нельзя?

Софья вздохнула. Потерла лоб рукой — и печально посмотрела на брата.

- Боюсь, милый братец, что это — окончательные варианты. Европейки нам не подходят, особенно взрослые. Для них нормально не мыться, собирать вшей на возлюбленном, гадить, где попало, хоть в углу дворца, заводить любовников…

— Спасибо. Я понял.

Алексея аж передернуло.

— Дания все-таки рядом, не настолько уж они там дикие. А Изабелла… пусть Белла, неглупа по моим данным. Ее развивают, все-таки ей предстоит стать королевой — пока нет братьев, с ней занимаются, ее воспитывают. И в то же время — она еще молода. Если выписать ее сюда — будет хорошая жена для Ванюшки.

— Будет ли хорошая жена у меня?

— Лешенька, не знаю. Но если Ульрика — Элеонора тебя полюбит… Мы сможем привить ей элементарное — да хотя бы гигиену. Сможем — я очень надеюсь сделать из нее еще одну опору для трона.

— Полюбит ли?

— А ты постарайся. Мы поможем, чем сможем, но ведь и ты не в огороде найден? О твоих талантах я от девушек наслышана…

— Ох и лиса ты, Соня.

— Алешенька, так ведь тут все просто. Чтобы девушка в такого как ты влюбилась — ни ума, ни таланта не надобно. Ты в зеркало-то погляди — красавец, умница, государь… чего еще?

— Не знаю. Соня, а если так получится, что не срастется?

— Ты, Ванечка, Володя. Неуж не подберем пары? Да и на этих двоих свет клином не сошелся. На крайний случай есть еще пара вариантов, но уж больно они… спиной ты к такой жене повернуться не сможешь.

— Логично. Ладно, будем договариваться с Леопольдом. Он подписывает для нас договор, Изабелла выезжает к нам, а войска выступают к ним?

— Примерно так.

— Это по Ваниной жене. А я…

— А ты едешь свататься. То есть сначала зашлем послов — и быстро. А потом и сам съездишь, чай не переломимся.

— Бояре вой поднимут. Не по чину…

— Побольше повоют — поменьше поболеют. Управимся.

Софья перевела дух. Осторожно так… Алешка, вроде бы, ничего не заподозрил — и слава Богу. Но… она действительно собиралась сама подобрать ему жену. *Правильную*.

Семья — это упряжка из двух лошадей, и тянуть они должны в одну сторону. Вот как они с Ванечкой. Ему интересны финансы, ей политика, а если в одну упряжку впрягли коня и трепетную лань, то дело кончится сдохшим от перенапряга конем и радостно ускакавшей к иным жеребцам ланью. О чем не худо бы и мужчинам помнить.

Ей не нужно, чтобы Алешка отвлекался на проблемы в семье. А вот если жена брата возьмет на себя хоть что-то из разрастающихся обязанностей — хорошо будет. Ульрика — Элеонора, хоть и не красотка, но не глупа, по отзывам людей. А это — главное. А еще — не честолюбива. То есть — вообще. Не дал ей Бог когтей и клыков, не в отца пошла. Если что — пусть Алексей ей хоть детей сделает. Ну и по землям там посмотрим, что с приданым. И Ване была бы невеста на славу. Куракин очень положительно о фамилии Браганса отзывался, опять же, про эту династию Софья как-то слышала. На экскурсии, в Лиссабоне. И что приятно — фамильной шизофренией, или заячьей, простите, габсбургской губой они отягощены не были. Уже много! Жаль, что больше она не слушала, а стоило тогда не хлопать ушами!

Но знать бы, где падать!

Софья вообще считала, что истории в школах уделяется недопустимо малое время. Сейчас…

Раньше-то она на математику налегала, физику, химию, языки учила…

Хотя это и сейчас пригодилось.

— А что получит Михайла? Ему же тоже предстоит участвовать?

Софья тряхнула головой, отвлекаясь от посторонних мыслей.

— Конечно, получит. Он как раз откусит у турок кусок земли между Доном и Днепром. Он-то с турками мира не заключал, они просто вымелись, разбитые. Вот и сквитается. Наши и его войска под командованием Яна Собесского отправятся на помощь, но не все, далеко не все. Кое-кто пойдет в другую сторону. Под командованием пана Лянцкоронского.

— Ежи уже просился его отпустить?

— Просился.

— Отпустишь?

— Бася уже отпустила, — пожала плечами Софья. — Она понимает, что долго ротмистр при ней не высидит. Пусть съездит. С Яном.

— Не к полякам?

— Ему пока нельзя. Езерковские до сих пор бесятся, Марфа мне отписала.

— Давно? — заинтересовался Ванечка. Софья кивнула на стол, заваленный бумагами.

— Потом возьмешь, почитаешь. У вас переписка серьезная, деловая, а у нас — что? Сплетни бабские…

— Соня, уши надеру, — пригрозил Алексей.

Царевна пожала плечами с невинным видом.

— Ну ладно… оно и пришло-то с час назад, я просто сказать не успела. Марфа пишет, что дети живы — здоровы, что муж доволен и счастлив, что паны шипят, но терпят. Их, конечно, слегка прижали, но им же и способы заработка предоставляют. Казна даже помогает самым бедным, с тем, чтобы они лет за десять ссуду выплатили и дальше только налоги отдавали. Так что пока вроде не бунтуют, плюс еще методика пауков в банке действует. Несколько десятков панов сейчас междоусобицами заняты, им не до короля.

— Это хорошо. А еще?

— Езерковские до сих пор недовольны, недавно одним меньше стало. Вздумал, дурак, Елену задеть. Высказался, что не стоило бы подстилок в приличное-то общество тащить…

— Дура — ак… — согласно протянул Ваня.

— Собесский его, конечно, нашинковал, что твою капусту. За любимую женщину — от, почти жену…

— Жену?

— Ян поговаривает о женитьбе. Правда пока, после Марии не решается еще…

— Тьфу, стерва, — сплюнул Алексей. Видел он пани Собесскую. Хороша, конечно, Маша, да и слава Богу, что не наша.

Софья усмехнулась. Да уж. Сколько ей труда стоило свести Марию и Голицыным. Хорошо хоть мужчина опытным 'бабоукладчиком' оказался, такого наплел, что дама не только уши — что угодно развесила. Софья бы и сама… Хотя — нет. Для ее века Голицын квалификацией не вышел.

А вот для Марии в самый раз оказалось. Целый спектакль тогда в Дьяково разыграли.

Мало того — пришлось ему даму брюхатить, что тоже составило определенную проблему — Мария ведь ребенка не хотела. Но в итоге все удалось. Подменили ей все противозачаточные на витаминки — и получили приплод.

Сейчас ребенок, которого назвали Константином, воспитывался в подходящей приемной семье, а сама Мария Луиза под именем сестры Прасковьи обживала отдаленный сибирский монастырь. Там ей и предстояло оставаться до смерти, хоть и с минимальным комфортом. Пусть на прополку овощей ее не погонят, но и за стены не выпустят. Ори, не ори…

Вины за собой Софья не чувствовала. Пусть потом с нее за это спросят.

— Будем надеяться, следующая пани Собесская будет уже наша.

— Тебе, сестренка, дай волю, ты всей Европой таким образом управлять будешь.

Софья фыркнула.

— Таким — не буду. У них там сифилис гуляет, и вши стадами бродят, а мы народ чистоплотный. И порядочный. Ладно, давайте прикинем, что можно дать с собой войскам, какие новинки?

— Да никаких, — пожал плечами Алексей.

— Инквизиция?

Софья потерла лоб, а потом до нее дошло, и она согласно кивнула.

Да, не хотелось бы, чтобы церковь прицепилась. Но и…

— Потерь будет…

— Лучше, чтоб Русь вотчиной Дьявола объявили — или чем там еще эти умники развлекаются?

— А ежели втайне…?

— Соня, как мы динамит втайне…? Нереально сие! Сама понимаешь!

Софья понимала. И все же, все же…

— Хоть пушки им дать нормальные?

— Пушки, пищали, тут я согласен. Но ни динамит, ни греческий огонь… и ребят туда посылать не позволю!

— Алеша…

— Соня. Я сказал — нет.

Софья вздохнула.

Ну и ладно. Вообще-то она и не собиралась, но… Брату сегодня и так досталось с женитьбой, теперь ему надо показать, кто тут главный. И разумеется — это он.

А говорить, что она давно уже распорядилась отобрать оружие, а химические новинки в Европу отправлять так и так не станет — ни к чему.

Молчу, молчу…

* * *

Эдмунд Галлей бросил на стойку несколько медных монет. Трактирщик посмотрел на них презрительным взглядом, но потом сгреб медяки в ладонь и молча налил мужчине эля.

Юноше было откровенно грустно и тоскливо.

Ну да, он опубликовал свою работу об орбитах планет — и описал в ней неравенство Юпитера и Сатурна. И ведь он прав! У одной планеты скорость все время увеличивалась, у второй уменьшалась…

Но почему вдруг работа вызвала такую негативную реакцию?!

Над ним смеялись… пусть не в лицо, но за спиной — да! Мол, как это так?! Ежели одна планета все время ускоряется, а вторая замедляется, то почему они еще летают по тем же орбитам? Почему одна из них не рухнула на землю, а вторая не улетела? Он знал, кто именно смеется, ему любезно пересказывали шуточки, в травле участвовали, казалось, все, от студентов до профессоров. И особенно усердствовал мистер Джон Флемстид. Еще бы, первый королевский астроном, молитвенник на тонких ножках! Пастор, брюзга и зануда, который не терпел конкуренции. А Галлей знал, что он более умен и талантлив! Но — увы.

Он бы отстаивал свои теории, но его попросту не слушали! Не слышали!

Даже отец прислал письмо, в котором сообщил, что своим поведением Эдмунд позорит их семью! И пока тот не займется делом — не получит больше ни пенса!

Легко ли это услышать юноше в неполные двадцать один год?!

Ох, тяжко…

А он-то надеялся, если его работа будет принята благосклонно, попробовать заинтересовать Королевское Общество своим проектом, хотел съездить на остров Святой Елены. Но куда уж там…

— Вы позволите, сэр?

Эдмунд мрачно поднял глаза от кружки.

Рядом с его столом стоял молодой человек, пожалуй, чуть постарше Эдмунда. Располагающее лицо, светлые волосы, голубые глаза, улыбка такая… хорошая. Да и одет достаточно дорого, это сын торговца мог определить. Дорогая шерсть, покрой камзола, великолепное оружие, неброская отделка плаща и шляпы — вроде бы ничего вычурного или бросающегося в глаза, но в таком виде и к королю пожаловать можно. Разве что парика нет. И украшений тоже.

Странно, ну да мало ли у кого какие привычки.

— Присаживайтесь, сэр.

Мужчины какое-то время сидели молча, приглядывались друг к другу, но первым молчание нарушил незнакомец.

— Я заказал обед. Не соблаговолите ли вы составить мне компанию, сэр?

— Позвольте? — удивился Эдмунд. — Но мы не знакомы…

— Это верно, мы не представлены, но все же я вас знаю. И увидев, не смог не подойти к вам. Разве я могу не выразить свое восхищение вашим талантом астронома?

— Простите, сэр…

— Джон Свамп, к вашим услугам.

— Джон… Свамп?

— Это очень приблизительный перевод моей фамилии. На родине меня зовут *Иван Болотин*, но в Англии мое имя можно произнести именно так.

— Ивь. ан Боль… оть…ин… — Эдмунд попробовал произнести непривычное имя и внутренне поморщился. Язык сломаешь!

Юноша весело улыбнулся.

— Вот, чтобы избежать таких проблем, можете называть меня Джоном. Должен сказать, что у вас потрясающие знания. И я специально приезжал в Оксфорд за вашей книгой.

— Сэр Исаак очень просил привезти в университет экземпляр. А лучше — несколько.

— Сэр Исаак? Университет?

Голова у Эдмунда пошла кругом. Мужчина достал экземпляр его книги.

— Исаак Ньютон разумеется. Декан Университета Государева.

— Государева?

— Государя Алексея Алексеевича Романова. Русского царя.

Эдмунд кивнул. Да, теперь все стало на свои места. И верно, ходили слухи, что на Руси создали Университет, но просвещенные люди над этим больше подсмеивались. Ну, на что способны эти варвары? У них же там вечные морозы, холода… какая там наука?

Но вот сидит Джон, держит его книгу и что-то говорит.

Не доведенное до конца исследование?

Углубить и расширить выводы? И кое-что обобщить?

Ну-ка…

Минут через десять Галлей был уже увлечен настолько, что едва не принялся писать вином, случайно обмакнув перо в кубок вместо чернильницы. А спустя еще два часа договорился с новым другом до того, что собрался отправляться на Русь.

К черту ли ту Святую Елену?! Стоял остров — и еще постоит, не потонет! Зато на Руси он сможет пообщаться с сэром Исааком,

да и другие ученые, которых называл Джон, также были известны и интересны…

Съездить ли на Русь?!

Конечно, съездить, тем более, что русский король оплачивает все расходы, взамен прося только сэра Галлея прочитать курс лекций по астрономии в Университете. И — да.

Обязательно изложить свою теорию о движении планет. Кто ж откажется?

Ваня смотрел на пьяненького англичанина чуть насмешливо. Вот ведь, что хмельное с человеком делает, даже с самым лучшим. И верно, хорошо царевич у них в школе сделал. Хоть раз — да каждый из учеников должен был напиться впьянь, до свинского состояния, посмотреть на себя — такого и понять, где мера и почему пить не стоит.

Никто и не пил. Разве что вот так, когда надобно… и то Иван умудрялся половину под стол лить.

Вот и еще один человек присоединится к Университету. Царевна Софья очень хотела его видеть, даже настаивала, говоря, что он умница и если его не загубят, то Галлей станет великим астрономом. Вот Ваня и подсуетился.

Натравить людей на Галлея было несложно — никто не любит молодых, ранних и умных. Это не Русь, тут талантливых людей давят, ровно клопов. Ну а потом доверительный разговор, чуть внимания, много алкоголя — и контракт подписан.

Эдмунд Галлей обязался приехать на Русь и прочитать курс лекций. А уж уезжать он и сам не захочет. Никто еще не захотел.

* * *

— Соня, кто такой Имре Тёкели?

Софья задумалась. В мозгу зашелестели незримые листы картотеки, собранной за долгие годы и неустанно пополняемой.

Венгрия — Леопольд — Тёкели — Дракула…

— Да, был такой. Сын Штефана Тёкели, венгра, который бунтовал против Леопольда. Вроде как бежал в Трансильванию, чтобы ему не отсекли ненужное. Пытается стать достойным преемником Дракулы, но куда ему. А что случилось, Алешенька?

— Читай. Грамотка тут пришла…

Софья ловко поймала пергаментный свиток со здоровущей печатью, развернула, вчиталась.

Латынь она отлично знала, как и любой образованный человек. Выучила. Пришлось.

В самых вежливых и изящных выражениях господин Тёкели

сообщал, что вот он, мечтая о независимости Великой Трансильвании… так, ну бла — бла — бла пропустим… одним словом — человек мечтает о звании нового Дракулы. А — шиш.

Часть Трансильвании он себе отгрыз, как говорится — на энтузазизьме. А куда потом?

Как говорится, для войны нужны три вещи — деньги, деньги и еще раз деньги. Где деньги, Зин?

В Трансильвании, которую со времен Дракулы обдирали так, что ей — ей, вампиры казались бы благом? Что-то подсказывало Софье, что выбирая между вампирами и сборщиками налогов, народ выбрал бы первых. Гемоглобин-то восстановим, а вот денег — нет! Вообще нет.

Нигде нет.

Короче — кризис экономики. Эх, и тут от них не скрыться…

И что там дальше?

Ну, может, конечно, гражданин Имре прогнуться под великую Турцию. Принять мусульманство, и даже обрезание сделать. Но народ будет недоволен. Вот почему в Трансильвании не любят турок? Странный вопрос…

А может и прогнуться под Русь — матушку.

Но нужен ли этот кусок на Руси?

У Софьи руки чесались замахнуться на великую державу и вообще сваять Советский союз, назвав его другим именем. Что поделать — она росла и жила в то время, когда СССР был великой империей, а при словах 'русские идут' правители остальных держав начинали вздрагивать и мелко креститься.

Но сейчас ей не потянуть.

Ни ей, ни Лёшке, ни Руси, что самое важное.

А вот Михайле Трансильвания очень удачно придется. Отгрызть бы тот кусочек по Дунаю… пусть Имре будет независимым, пусть! Но под покровительством Великой Польши! А что? У них и границы общие, и из Крыма можно снабжение наладить, опять же, русские в войне если и будут участвовать — то только под польским флагом.

Софья совсем по — детски хихикнула, вспомнив про боевых летчиков Ли Си Цинов и Ван Ю Шинов. А что? Будут бравые поляки Иванов, Петров и Сидоров под командованием пана Володыевского. Как вы яхту назовете, так ее и в политике примут.

Паны, опять же, будут заинтересованы, а то нельзя все время повышать давление в котле. Рано или поздно может сорвать крышку, а еще одной войны на Руси не надобно. Пусть лучше Польша пока остается дружественным государством, а потом, если повезет, объединятся две страны. Только вот с браками — не надо.

Сыты по горло коронованными идиотами и прочей генетической швалью. Не — ет, и при своей жизни она родословную портить не даст, и потомкам завещает. Пусть на все изжоги идут, пусть хоть детей от жен подменяют на детей от любовниц — но на троне не должно быть генетически дефектных царей. Надо бы еще основы генетики изложить сэру Исааку — кто там у него сейчас этим занимается?

Много Софья рассказать не могла, но ведь сейчас и это было неизвестно. И вообще, главное знать, куда копать, а как копать, какой лопатой…

Она знает, *что*.

Ученые найдут — *как*.

Но это потом, потом. А покамест…

Надобно узнать точнее, что там происходит. Софья решительно принялась строчить указания осведомителям.

* * *

Илона Зриньи смотрела в будущее с тоской. Да еще с какой.

Легко, ой как легко жить, когда тебе пятнадцать, когда ты весела и беззаботна.

Легко жить и под крылом сильного и умного мужа, любить его, рожать детей и каждый день молить Бога, чтобы дал еще денек. Хоть один, потому что Ференц был Ракоци. До последней капли крови, до мозга костей… и рано или поздно его должны были убить. Как ее отца, как деда…. Она понимала это, понимал и Ференц — и вместо того, чтобы позволить жене превратиться в нежную и трепетную лилию, растил злую колючку. Пусть — роза. Но с шипами, а не с цветами.

Легко умереть вместе с тем, кого любишь.

А вот сохранить все, что есть у него, преумножить, передать детям…

Она — сможет?

Были, были у нее сомнения. Иногда и самая сильная женщина может позволить себе минуту слабости, плача навзрыд там, где ее никто не увидит кроме птиц. На западной башне замка.

Ференц, ох, Ферек… зачем, за что, как же так…

Вопроса — 'кто?' она не задавала. Ни на минуту не задавала, с тех пор, как у мужа начались боли — и они заподозрили яд. Леопольд, кто же еще?! Габсбурги, будьте вы прокляты!!!

Род Ракоци древний и сильный, и Илона подозревала, что мужа отравили не просто так.

Теперь надо отнять у нее сына, сделать из него марионетку — и она будет плясать под ниточки императора…

Не отдам!!!

Руки сжались в кулаки.

Людям не отдам, смерти не отдам…

Женщина кусала подушку, чтобы младенец не слышал ее рыданий. А выть хотелось…

Я справлюсь.

Я выдержу…

Кто бы мог подумать, что в этом красивой черноволосой женщине будет столько внутренней силы? Все бы, жизнь, честь и душу отдала Илона за свободу родной страны. Кровь бы позволила по капле выцедить. Ее отец, мать, деды и прадеды мечтали о свободе. Свободе от Римской Империи, от Габсбургов… за что и платили своей кровью.

Даже не за дела, за мечты. Леопольд, а до него и множество других императоров, ревниво охранял свои владения, выжигая даже намек на крамолу.

Ни один заговор пока еще не увенчался успехом, ни один…

Все погибали.

Прадеды и прабабки, деды, отец, мать, теперь вот муж… скосит ли ее неумолимая коса? Илона подозревала, что да. Но пока она еще жива!

Она будет, видит Бог, она станет бороться до последнего!

Пусть не она увидит свободную Венгрию, пусть ее дети и внуки, но они доживут! Свобода будет гореть у них в крови, равно, как и у нее.

Свобода…

В зал она спустится спокойная. Как и всегда после смерти мужа, в траурном уборе. Займется делами, будет говорить, улыбаться, выслушивать людей с их бедами, проверять отчеты управляющих, разгонять воронье, слетевшееся в замок…

Родственники, родственники… и откуда только эти твари выползают?! Где они были, когда Ферек пытался найти помощь?! Где они были, когда он умирал от яда!?

Где!?

Зато сейчас выползли из нор, жала выпустили, зашипели, что те гадюки…

Помогут они…

Ага, помогут, как же!

Илона боялась.

За себя, за младенца, за дочь… за свою землю и своих людей. А помощи ждать было неоткуда. И двигалась неодолимой волной турецкая армия, и… что же будет?!

Женщине было страшно.

* * *

— Ваше высочество!

— Мадемуазель Изабелла!

Голоса гувернанток разносились по саду, буквально раздирая воздух. Девочка поморщилась, но из укрытия не вылезла.

Нет уж!

Надоели!

Опять будут танцами мучить! А неохота… она бы лучше сейчас поиграла с любимой собачкой. Вот кстати…

— Кики…

Подзывать малыша приходилось шепотом. Услышат еще…

Но песик почему-то не шел.

— Ваше высочество…

Шепот был также очень тихим. Изабелла обернулась — и увидела молодую девушку. Та тоже пряталась за кустами, держа на руках предателя Кики. Крохотный песик породы бишон фризе, которого почесывали за ушками, выглядел абсолютно счастливым. Девочка прищурилась, вспоминая.

Где же она ее видела? Нет, не упомнить…

Дворец короля хоть и не был проходным двором, но запомнить всех просто не было возможности.

— Сеньорита…

— Меня зовут Анита, я кузина русского посла. Идемте, ваше высочество, а то сейчас эта стая чаек до нас доберется.

— Куда?

— Спрячемся от них?

Белле того и хотелось, так что, пригибаясь и оглядываясь, она последовала за девушкой. Несколько минут плутаний в саду — и они вышли к симпатичной беседке, заросшей виноградом так, что и входа не видно было.

— Ваше высочество?

Изабелла первой скользнула внутрь. Там было тихо, спокойно, а главное — ни одной фрейлины. Девушка, войдя вслед за принцессой, вручила ей Кики — и осталась стоять у входа. Изабелла подумала, а потом указала девушке на подушку.

— Присаживайтесь, сеньорита Анита.

— Благодарю, ваше высочество.

Девушка ловко скользнула на подушки.

— Расскажите мне о Руси? Это правда, что там постоянно темнота и холода? Говорят, там такие морозы, что птицы на лету замерзают?

Девушка улыбнулась.

— Что вы, ваше высочество! У нас есть и зима, и лето…

Через два часа Анита и Изабелла выбрались из беседки, чтобы разойтись в разные стороны.

И вновь встретиться. Изабелла хвасталась своим Кики — и Анита рассказала ей, что на Руси разводят и дрессируют хорьков. И даже сказала, что у нее с собой есть питомец. И — самое главное!

Обещала принести его и показать! И если принцессе понравится — то и подарить.

А поскольку фрейлины наверняка не дали бы принцессе спокойно поиграть с экзотической зверушкой, то конечно, первая встреча должна была состояться подальше от этого… престарелого курятника. Да и послушать еще о Руси хотелось.

Да, конечно, Изабелла в жизни там не побывает, но… интересно же!

Анита, она же Анна Перышкина, одна из Софьиных воспитанниц, только усмехалась. У нее было другое мнение на этот счет.

Не побывает?

Ой, не зарекайся…

Царевна Софья уже прислала записочку, так что Изабеллу надо было потихоньку заинтересовать Русью. Пусть она станет для девочки страной сказок — тогда и поездка туда пройдет спокойнее, да и начальная обработка…

А вообще — насколько ж умна царевна! Глядя на девочку, Анна понимала, что из нее получится хорошая королева. Неглупая, любопытная, ясноглазая — от такой хорошие дети будут. А если ее еще мыться приучить, да к здоровой пище…

Хорек, между прочим, был одним из дюжины, которую привезли с собой — и был специально приучен не жрать тухлятину, как ни маскируй. Так что скоро Изабелла начнет отказываться от плохой воды и пищи, мотивируя это тем, что такое даже Рикки не ест! А вы человека накормить хотите?

Еще хорек был умен, спал на подушке рядом с человеком, ластился, чтобы его погладили, без устали играл с бумажкой и отлично ловил крыс и мышей.

Скоро, очень скоро экзотическая игрушка займет свое место рядом с принцессой.

А дальше — больше. Сложен только первый шаг.

Сколько времени пришлось выслеживать девочку! Больше месяца!

Но что такое удача? Это — труд. Девяносто процентов труда, и уж десять можно оставить на стечение обстоятельств. Так говорила царевна — и Анна принимала эту истину всей душой. Давно ли она была воровкой и пряталась по подворотням?

Сейчас она доверенное лицо царевны, и прятаться ей приходится уже во дворцах. Роскошное платье, драгоценности, кружева и золото…

Но работа-то привычная?

Стоит ли упоминать, что на следующий день принцесса потихоньку удрала в беседку, откуда и вернулась с роскошным хорьком на плече.

Конечно, Кики ревновал, но недолго. Хорек, существо чрезвычайно активное и любопытное, быстро научился играть с собачкой — и теперь они служили неиссякаемым источником забав для всех фрейлин принцессы, да и для нее самой.

А Анита все рассказывала и рассказывала девочке о Руси. И

все больше любопытства было в глазах Изабеллы.

Софья была бы довольна.

* * *

Получив письмо от польского царя, Леопольд изволил огневаться.

Как!?

Эти варвары… эти однодневки… это быдло ему еще и условия ставит!?

Справедливости ради, условия ставил русский царь, но все-таки!

Он, император Священной Римской Империи, его поддерживает Папа Римский, он один из самых…

И турки стоят у него на пороге.

Одному ему не отбиться.

Польша?

Ну, придут они там, или не придут — вопрос. Но коли он сейчас русскому царю откажет — можно и не сомневаться, что поляки дома останутся. А зачем им воевать идти? У них сейчас и дома весело и интересно.

В Польше было… сложное настроение, иначе и не скажешь.

Паны — та еще вольница, укротить которую пока еще не мог ни один король. Михайла не стал бы исключением — или отравили бы, или зарезали, или еще чего, но звезды решили для разнообразия сложиться очень удачно.

Сначала тягостная война с Русью, в которой много кого вырезали. Потом победная война с Турцией, в ходе которой Михайла приобрел себе верные войска, а паны на полгодика так и вовсе прижухли — народ бы их на части порвал за государя. Мало того — еще и успешный поход в Крым, в который отправилась часть недовольных — и далеко не все вернулись.

Да и Ян Собесский короля поддерживал. Тоже… сила.

А противовеса этим двоим пока не находилось.

Может, и нашелся бы кто, да на то время надобно. А еще деньги и вдохновитель. И пока…

К тому же, как опытный интриган, Леопольд мог распознать схожую работу — и видел, как словно исподволь стравливаются панские кланы, как ссорятся соседи, как корона съедает то одного, то другого, оставаясь, вроде бы, и не при чем…

В другое время он бы помог. И с удовольствием. Только вот сейчас, при смычке Польши с Русью, если его вмешательство обнаружат — это будет самоубийством.

И так много кто на него зубы точит.

Но не отдавать же этому варвару принцессу?

Да и Педру… да, безусловно, ему договориться куда как легче, но…

Эти варвары!!!

И массивная золотая чернильница таки полетела в стену, пятная дорогую, с золотым же тиснением алую кожу обивки.

Впрочем, перебесившись, Леопольд стал соображать намного лучше. И вызванный им секретарь послушно застрочил письмо под диктовку господина.

Невесту хотите?

Так вы сами от нее откажетесь! А пока — милости ждем на помощь!

* * *

Ульрика вышивала. Сие занятие приличное и принцессе подобающее. Щебетали дамы, рассказывали какие-то истории — она не слушала. Она размышляла о своем.

Карл…

Высокий стройный юноша с грустным собачьим взором, коего она видела два раза в жизни.

Ее нареченный.

Жених…

Король Швеции, Готов и Вендов.

Один раз она видела его, когда брат отдавал ее руку Карлу. Второй раз — тем же вечером на балу.

Карл пригласил ее на танец, кружил, говорил заученные комплименты, а глаза были… равнодушными.

Увы.

Ульрика отлично понимала, что она — не красавица. Но разве мало другого?

Доброй души?

Сердца?

Порядочности и преданности?

Ульрика понимала, что ее брак будет политическим — и готова была отдать свою руку и свою верность мужу. Но…

Сможет ли она?

Карл сейчас — враг ее родины. Швеция воюет с Данией. А что делать ей, как быть? Предавать брата — или жениха?

Ульрика не знала. Тем более, что брата она любила, а жениха — нет.

— Оставьте нас.

Кристиан незамеченным вошел в покои, жестом остановил сестру, которая намеревалась склониться в реверансе.

— Сиди, сестра. Я пришел поговорить с тобой.

— Да, мой дорогой брат?

— Сегодня я получил письмо от русского государя. Нам обещана помощь в войне со Швецией, если мы отдадим ему руку нашей принцессы.

Ульрика замерла, словно заяц в тени филина.

— Но…

— Да. Я так решил.

Ульрика сжала руки.

— Но брат мой…

— Сидите и слушайте, сестра. Русь недалеко, я не отдаю вас замуж в совершенно чужую страну. Русский государь молод, кажется, он всего на пару лет старше вас. Карл же младше вас на четыре года. Это не имеет значения в политике, но мне хотелось бы счастья для сестры.

А для себя — поддержки могущественного соседа, в союзе с которым можно оторвать хоро — оший кусок от Швеции.

— Или вы будете утверждать, что любите Карла?

Ульрика пожала плечами. Посмотрела в лицо брату.

— Нет, брат мой. Мне он безразличен.

— Я так и думал, что все эти слезы о верности клятвам и вашей любви — не более, чем предлог для отказа Леопольду.

Ульрика усмехнулась.

— Верно, брат. И все же. Не стоит меня за это осуждать?

— Поверь, сестра, если бы мне было выгодно… но Леопольд стар, он далеко и слава его… м — да. Ладно, не будем о грустном. Кроме того, Георгу предлагают русскую принцессу в жены. Катрин… ее имя Катрин.

— Ваше величество, возможно у вас есть портреты?

Портреты были.

С одного улыбался красавец, равного которому Ульрика еще не видела. Веселая улыбка, шапка золотых кудрей, шальные синие глаза…

И сердце кольнула холодная иголочка. Она-то самая обычная. Разве ему такая нужна?

— А второй?

На втором портрете, миниатюре размером с ладошку, была нарисована также красавица. Светловолосая, синеглазая, с обворожительной улыбкой.

— Принцесса Катерина.

Иголочка кольнула еще раз. Брат и сестра были похожи даже на портрете, значит, сильно живописец не приврал. Приукрасить-

то — это обычное дело. Но — не здесь.

Ульрика не знала, что Софья распорядилась писать портреты с натуры, не льстя и не приукрашивая — и одного художника даже выгнали за излишнюю льстивость. Лучше не очаровываться, чем разочароваться.

Не приняла она во внимание законы генетики.

Близкородственное скрещивание царских династий, браки с дво- и троюродными сестрами давали печальную картину. Узкие плечи, нездоровые лица…

В то время, как Романовы пока еще не испортили себе ни внешность, ни наследственность. Что Алексей Михайлович в молодости был красавцем, что жена его…

Смешно сказать, но больше всего, наверное, не повезло царевне Софье, у которой все черты родителей соединились в нечто достаточно неприметное. А вот остальные дети унаследовали выразительные лица матери — и краски отца. Глаза, кудри…

— Но ты же…

— Георг женится на англичанке, как и планировали. Это брак выгодный, не стоит упускать. А вот тебя можно и выдать замуж. Мир скрепим…

— И как…

Голос изменил девушке, дрогнул, сорвался.

— Я отпишу, что согласен. И предварительно обговорим… всякое. А через три месяца…

— Это же так мало!

— Почему же? Тряпок тебе не хватит? Так на Руси иная мода…

Ульрика поникла.

И верно, иная.

И жизнь там иная, и требовать от нее будут иного, и…

Брат чуть приобнял сестру за плечи.

— Не падай духом, малышка. Я обещал отцу позаботиться о тебе — и я это сделаю. Алексей Алексеевич неплохой человек и государь. Он уже выиграл несколько войн. Да и к тому же он рано остался без родителей, как и мы с тобой. А у Карла, если ты помнишь, сейчас заправляют его мать и канцлер

Ульрика помнила. Карл был пока еще несовершеннолетним. Но…

Страшно.

А кому бы не было, на ее-то месте? Ошибешься в выборе — это ведь не лошадь на ярмарке, это на всю жизнь.

— Правду ли говорят, что на Руси женщинам из терема выходить нельзя? Только в церковь да на кладбище?

— А ты об этом с будущим мужем переговори. Верю — он умный человек и достойный.

Ульрика поникла головой. Брат-то верил. А как быть ей?

Хотя что от нее сейчас зависит? Она может только соглашаться с его решением…

* * *

Письмо Алексей Алексеевич получил. И довольно потер руки.

Кристиан соглашался без раздумий. У него сейчас шла война со Швецией. Так вот, Алексей Алексеевич обещал помочь людьми, оружием — и вообще выступить в сторону Финляндии. Софья ворчала, конечно, денег в казне не было — и проекты требовали все больше и больше. Но…

У страны должно быть несколько выходов к морю. Один они себе уже отвоевали, но далеко там не пройдут. Там на страже своих интересов стоит Османская Империя.

Если они получат в свое распоряжение Ревель и Нарву — читай, дорога к финнам будет открыта.

Флот Швеции?

Ха! Да они даже с датчанами воевать на море не могли по причине его отсутствия. Так что устроиться, закрепиться, построить военные городки — и медленно продвигаться на полуостров.

Швеция, в отличие от Руси, не может позволить себе войну на два фронта. Хотя и Русь сейчас не воюет. Нет их в Европе. И — точка.

Не докажете.

Разве что Катерину вежливо отклоняли, мол, уже другую посватали. Но и тут Алексей особой беды не видел, найдется, куда сестру пристроить.

Тут проблем не предвиделось.

Хуже обстояло дело с женой для Ванечки. Леопольд, как говаривала сестренка, 'скрипя сердцем' соглашался выступить посредником. И для начала требовал денег.

Много.

А лучше — побольше, побольше…

Это-то они предвидели. Небольшой аванс был уже готов, а в остальном — утром царевна, вечером остаток денег. И никак иначе.

Не то, чтобы на Изабелле свет клином сошелся, но уж больно она была удобна.

Симпатичная — портрет прислали уже давно. Этакая

черноволосая и черноглазая малышка с тонким носиком, которая обещала вырасти красавицей.

Неглупая — по отзывам из того же посольства. Остальное — воспитуемо.

Можно жениться и внутри страны?

Можно, кто б спорил. Но он ведь первый, кто вот так роднится. Первый из Романовых. И должен соответствовать. Должен поставить высокую планку, чтобы потом дети не подбирали абы кого. За себя он уверен. Братьям тоже подобрал — не из последних. Не по уму, так хоть по титулу и политическому весу. Но это — он.

А какие у него будут потомки?

Сложный вопрос.

Что Ульрика, что Шан, что Изабелла хороша еще тем, что за ними не стоит клан, не будет кучи их родственников вокруг трона, как до сих пор вьются те же Милославские, клянчат деньги, что-то требуют…

И ведь уверены, что он — должен! Причем всем им и по гроб жизни!

Прислушиваться к советам, оделять милостями, награждать чинами и должностями… нет уж!

Обойдетесь, родненькие. Открыто вас задрать я не дам, но от двора постепенно отлучу. Там, оставлю пару — тройку самых безобидный. А таких, как дядька Илья, дед Иван…

В Крым бы их, к татарам! Так нет же, туда не лезли, ни один Милославский с ним в поход не пошел, а как он победу одержал, так набежали саранчой. Чуть ли не Бахчисарай им подавай в личное владение.

Софья подсказала, как отбиться. Согласиться — и тут же сообщить, что они туда и переедут. На пожизненное пребывание.

И вообще, если у вас земля здесь, зачем вам земля там? Чтобы где-то дела косо шли? Управляющий!? Нет — нет, только личное участие! Только хозяйский пригляд!

Э, нет. Либо вы от всего отказываетесь тут — и переезжаете в Крым. Либо не тянуть лапки к землям — и останетесь при своих.

Поскольку беседа была приватной — подействовало отлично. И все же, все же…

Не успокоятся. До сих пор ищут подходы к Ванечке, к Феде, даже к Любаве, чтобы через нее влиять на Володю.

Алексей отлично сознавал, что царь — реформатор никому не нужен. Хорошо памятен был ему разговор с сестрой. Они тогда сидели поздно ночью, после казни Хованского — и Алексей смотрел в стену остановившимися глазами, а Софья просто держала его за руку и была рядом, как всегда, с раннего детства,

и одним присутствием своим разгоняла по углам черные тени. И знал Алексей — никуда она не уйдет. Они уже вместе…

— Соня, как же тяжко…

— У тебя всегда есть выбор, братик.

— Да неужто?

— Ты можешь царствовать, а можешь править.

Разъяснений не требовалось. Чем это друг от друга отличается, Алексей знал. Можно проводить время в молитвах, постах, охотах и прочих развлечениях. И довериться советникам, да хоть бы и той же Соне. Она справится.

А можно взвалить на себя небо — и надеяться, что не дрогнут руки. Или что рядом встанет кто-то еще.

Одно Алексей знал точно, Софья всегда будет на его стороне, что бы он ни выбрал.

— Могу.

— И если решишься править — будь готов к худшему. При жизни тебя будут ненавидеть и травить, а после смерти могут и проклясть.

— Только так?

— Не стану врать. Не знаю точно, но подозреваю, что — да. Народ не любит, когда что-то меняется. Даже если это к их выгоде, но польза-то там, в будущем, а меняться надо уже здесь и сейчас. Так что… Тебя будут ненавидеть, пытаться убить, подложить кого-нибудь в постель, разбить наш союз…

— Соня, как же мне жалко иногда, что ты — моя сестра. Ей — ей, будь мы хоть чуть дальше — женился б не глядя!

— Ты бы меня и не узнал никогда, — усмехнулась Софья. — Кто бы меня к царевичу подпустил? Нет уж. Мы тебе принцессу найдем, не менее. Хочешь?

Алексей не знал. А чего он хочет? Что ему нужно?

Впрягаться ли в этот воз? Рисковать ли?

А впрочем, знал он уже ответ, изначально знал…

— Ты будешь со мной?

— Всегда.

— На Ваньке казна, на мне армия, на тебе дипломаты и бояре… потянем?

— Найдем и других коней.

— Тогда с утра же…

И на лице сестры расцветает улыбка.

— Лешка… с Богом!

Они справляются, но как же тяжело. И женитьба…

Так прописано. Царь *не может* жениться по любви. Никак. Да и царевна…

— Соня, а если бы Ваня был другим? Пил, гулял…

— Был бы бесполезен для нас?

— Ну… да. Ты бы тогда…? — Алексей не договаривает, но ведь и так все понятно.

— Алешенька, братик, не знаю. Наверное, нет. Не можем мы себе того позволить. Корона слишком дорого берет с любого из нас.

— И ты бы смогла отказаться? От любимого человека?

— Это было бы очень больно, Алешенька. Но это обратная сторона власти. Нам много дано, но с нас много и спросится.

И глядя в сумерки, Алексей Алексеевич Романов радуется, что не любил. Так, как пишут в пьесах — не любил. Ему было хорошо, приятно, весело, но так, чтобы умереть без любви — Бог миловал, не иначе. Что ж, Ульрика — так Ульрика. Даже если он не сможет влюбиться в эту девушку. По крайней мере он будет ей верен. Будет беречь ее, как свою жену, уважать, разделять совместные обеды и ужины, делать детей…

Она не поймет, что чего-то не хватает, он не допустит.

А значит…

Перо быстро бежит по пергаменту. Приказ в казначейство. И — список.

Драгоценности, меха, кое-что из крымских трофеев… надо произвести впечатление на Кристиана?

Надо!

* * *

Впрочем, не везде к идеям русских варваров отнеслись благосклонно. Сказать, что Педру не понравилась идея сватовства русского царя?

А сколько там было печатных слов?

Лучше уж промолчать. Поскольку печатными там были только предлоги. Но и извернуться не получалось. Виктор Савойский (скотина — и вся семья его такая!!!) писал, что опасно более и считает необходимым освободить принцессу от данного слова. Кой там консорт? Он, бедолажечка, рукой — ногой шевельнуть не может, его всего корежит, опасается, как бы навек парализованным не остаться. И как тут губить жизнь невинному ребенку?

Никак, правильно.

Понятное дело, что сам Виктор тут бы не при чем, крутила его мать, умная и хваткая дама, но результат-то один!

Можно бы послать ко двору Людовика, переговорить с ним. Интересы у Франции и Португалии примерно в одних и тех же

областях, да вот беда, у Людовика пока один сын. И консортом его не отдадут. А принимать какую-то шушеру?

Софья была несправедлива к королевским дворам. Там тоже рассматривали внебрачных детей короля, как второй сорт. Да, не брак, но и предлагать им брак тоже никому не хотелось.

Ублюдок — он и есть ублюдок, а уж как там это красиво называется…

С другой стороны — брат русского государя был не намного лучше.

Здоровый, симпатичный, неглупый. Это большой плюс. Плюс и тот, что коли ему еще детей не даст Бог, царь обещал брата своего отпустить. Пусть Белла правит, а Ивиан (какие ж сложные у русских имена) будет при ней принцем — консортом.

Все остальное — сплошные минусы.

Даже если так прикинуть, где Португалия, а где Русь? Полгода ехать — да и плыть не меньше. К тому же плыть — через владения турок, а уж те своего не упустят.

Торговать — неудобно, воевать еще неудобнее, влиять на ребенка — можешь и не мечтать.

И как жить? Грустно…

С другой стороны, турецкое воинство общим числом сто двадцать тысяч человек — и набрали же где-то — мерным шагом двигалось к границам страны. И у Педру были сильные подозрения, что отсидеться в стороне не удастся. Если русские могут прийти на помощь — пусть придут, но отдавать им дочь?!

Нет уж!

Принцесса опасно больна!

Так и отпишем. Пусть сначала помогут, а уж как там их кинуть…

* * *

— Козел!

Алексей своих чувств и не скрывал, да и Ваня был не менее категоричен.

— Чтоб ему…

С учетом последних событий на политической арене картина получалась не совсем красивая. Мистер Тёкели слегка пококетничал, уверяя русского государя в своей готовности прогнуться. Даже сильно пококетничал.

Потому что здесь и сейчас перед Софьей лежали известия о передвижении турецких войск — и двигаться они могли только — ТОЛЬКО! — через Венгрию. А значит… лукавите, Имре? Ой,

лукавите.

Софья размышляла.

— Нужен ли нам этот перебежчик?

— Без шакалов воняет, — огрызнулся Алексей. — Сонь, ты же понимаешь, что он сейчас будет балансировать между нами, Леопольдом и турками, пока кто-то не сорвется.

— А если он?

— поясни, — попросил Иван.

Напрасно Софья боялась, что муж начнет ограничивать ее свободу. Куда там! Хочешь сидеть до ночи с бумагами — сиди, дорогая. Хочешь мастерские — поехали, место посмотрим. Хочешь… что хочешь — то и сделаем. При этом подкаблучником Ваня не был, это-то она бы увидела. Просто ее любили — и позволяли, к громадному удовольствию и ее, и Алексея, заниматься тем, что женщине нравится.

Шипела, конечно, свекровь, но в Кремль ей бегать было некогда, а Софья и Ваня, переоборудовав для себя покои, наслаждались семейным уютом. Почти семейным.

— Чтобы начинать такую игру, надо быть очень самонадеянным. Серьезной поддержки у него нет, он сейчас либо пан — либо пропал. Победит Турция — он наместник в Венгрии, а там и кусок Австрии прихватит. Победит Леопольд — Имре таких люлей получит, что на лошади везти придется. А куда везти?

— Думаешь, к нам подастся?

— Или в Колонии. Но до нас ближе, и шансов больше. Вдруг да посочувствуем?

— Накормим, спать уложим, денег дадим, войсками поможем, — ухмыльнулся Алексей.

— Вы абсолютно правы, государь.

— Сонька, нарвешься…

Титулования в обычное время братец не переносил, за этим ему с избытком бояр хватало. Дай волю — всего патокой зальют. Софья это знала, но брата иногда провоцировала. Для проверки.

— Уже боюсь, — Софья получила легкий братский щелчок в лоб и ухмыльнулась. — Если сотрудничать с Тёкели — надо подумать, как его ухватить, чтобы не увернулся.

— За самое ценное не выйдет?

Софья отрицательно покачала головой.

— Никаким образом. Вот смотри — там сейчас война начнется. Мясорубка. Ты туда кого отдать хочешь? Манюню? Наталью? Кем рискнем?

Алексей покачал головой.

— Не справятся. Ни девочки не потянут, ни я. Не настолько я король, чтобы хладнокровно, сестру, на погибель…

— Именно. И малявки еще сопливы, и Имре… между прочим, обаятельный и привлекательный мужчина в самом расцвете сил. Кого бы мы ни послали — есть опасность… эээ…

— Да ладно, Сонь. Я понял, — Алексей махнул рукой. — Кто кем там вертеть будет — непонятно, а нам нужно накрепко.

— А вот накрепко и не выйдет. Жены нет, детей нет, родителей нет, зацепить его нечем… а если компромат искать — все равно ведь сорвется.

— И нужен ли нам такой ненадежный союзник?

— А что, есть выбор? — Иван иллюзий не питал, работать иногда приходится с такой дрянью…

Ни выбора, ни лишних денег в казне не было. В немалую копеечку влетали посольства, стройки, производства и наука. Впрочем, Софья денег на это не жалела, прекрасно понимая, что все в стране останется.

Но здесь и сейчас она могла предложить альтернативу.

— Недавно умер Ференц Ракоци.

— Ракоци?

— Да. Это старинный род, между прочим, их владения — чуть ли не восьмая часть Венгрии. Чувствуете?

— Подробности?

— Боролся за независимость. Умер. Был женат на Илоне Зриньи. Оставил двоих детей. Дочь — и сына. Юлию и Ференца. И наш общий друг Леопольд тянет к детям свои когтистые лапки.

— А ты что предлагаешь?

— Списаться с их матерью. Она далеко не дура, уж поверьте мне, ребята.

— Ты хочешь предложить ей…

— Хочу. На что пойдет женщина, чтобы обеспечить престолонаследие для своего сына? Вы лично как думаете?

— Смотря какая женщина, — ухмыльнулся Ванечка. — Ты — да. А вот Любава…

— Я — тоже нет, — фыркнула Софья. — На то Алешка есть, пусть его дети с короной всю жизнь маются.

— Спасибо, сестренка.

— А наши будут за троном стоять. Поддержкой и опорой. И никак иначе.

Это Софья тоже подчеркивала при каждом возможном случае. Не нужна ей та корона. И даром не нать, и с доплатой не нать! Алешке ее — и все дела!

— Итак, Илона Зриньи, — Ваня поспешил разрушить торжественность момента.

— Или Елена. Очень умная женщина, очень хваткая, полагаю, она поймет свою выгоду.

— На таких условиях можно помочь и Имре Тёкели. Пусть работает. А в нужный момент просто подменить изрядно запачканного князя — на своего? Ты это имеешь в виду?

Софья, все это время глядящая в глаза Алексею, медленно опустила веки.

Именно так. Какой же ты вырос… братик.

* * *

Сулейман небрежным жестом отпустил наложницу и вытянулся на кровати.

Да… скоро войско уйдет в поход. А он вздохнет с облегчением. Все-таки янычары, это…

С одной стороны — они великолепные воины, умные, сильные, хищные.

С другой — войску нужна война. Победоносная. Мехмед проиграл — и где он теперь? Если Сулейман проиграет — он точно узнает, куда попадают после смерти султаны.

А ведь ему тоже придется идти в поход.

Придется переносить тяготы и лишения походной жизни, придется вести войска… страшновато. Что ж, пока есть время — он будет наслаждаться всем предложенным, от гарема, до роскошной одежды. Почему бы нет?

В походе такого уже не будет.

Крохотное облегчение Сулейман чувствовал при мысли о Гуссейн — паше.

Кёпрюлю Амджазаде Хаджи Гуссейн — паша не так давно стал великим визирем, но уже успел зарекомендовать себя, как умный и осторожный человек. И сам на рожон не полезет, и другим не даст — оно и к лучшему.

Вообще бы воевать не полезли, но положение было такое, что не одержав пару — тройку побед, султан мог легко расстаться с головой. И на кого нападать?

Русские?

Имело бы место. Но… что они пока получат, разнеся Крым вдребезги и пополам?

Русские там даже обосноваться не успели! Ни рабынь там не будет, ни богатой добычи. А вот зубы у казаков очень острые. К тому же…

Неудачное это место — Крым. Для боевых действий — неудачное. Султан отлично понимал, что захватить полуостров он сможет, а вот удержать — нет. Да и не совсем то ему было нужно.

Татар почти нет, кто там будет жить? Кто будет служить

заслоном между ним и русскими?

Нет, это не то.

А вот показать зубы дряхлеющей Европе…

Стоило, еще как стоило. Провоцировали — получите!

Сулейман в любом случае собирался остаться в выигрыше. Избавиться в походе от части крикунов, а уж потом, медленно, не спеша, реформировать армию, флот, разобраться со взяточничеством… да много было планов.

Скоро, очень скоро сто двадцать тысяч воинов выдвинутся в поход.

Через Белград — на Дьер и Вену.

* * *

Император всея Римской Империи, Леопольд Первый писал письмо. Скользило перо по дорогому пергаменту, не по бумаге. Хотя и стоило бы…

Кому писать!

Этой твари, которая мутит венгров, подбивает их на беспорядки… этому Тёкели!

Да будь его, Леопольда, воля, болтался бы он в петле! И самое ему там место было бы!

Но не сейчас…

Не когда к границам его страны идет турецкое войско. Громадное! И… Леопольду было страшно. Он уже не вспоминал, что такое же, даже больше и страшнее, войско двигалось на Польшу — ну так ничего, отбились… но кого волнуют эти варвары?

Пусть только попробуют не прийти на помощь!

Негодяи…

Мужчина вежливо писал, что Священная Римская Империя, конечно, может признать суверенитет — и даже даровать Имре княжеский титул, но… пусть он подтвердит свою преданность — делом.

Например, первым встанет воевать с турками.

Не пропустит их через свои земли. В конце концов, Вашварский мир еще не окончился! Так что… подлость сие! И бесчестие падает не только на головы турок, но и на головы их пособников.

Того, что придется выполнять свои обещания, он не опасался. В политике, как в постели с проституткой, обещать — не значит жениться.

Союзные войска еще не пришли, так что Леопольд хватался за

соломинку — и отчетливо понимал, что могут ведь и не успеть.

И вряд ли его что-то спасет.

Германские княжества?

Венеция?

Он писал всем — и отчетливо понимал, что может, еще как может проиграть. А в политике проигрыш не прощается.

* * *

— Ежи!

— Ян!

Ясновельможные паны крепко обнялись, не обращая внимания на разницу в состояниях. Подумаешь — один чуть ли не богаче короля, а второй вынужден жить на Руси, потому что дома ему сейчас будет… тяжко. Главное — воинская дружба, а она их соединила накрепко узами симпатии и взаимного доверия.

— Как дела, друже?

— Пока не жалуюсь, — Ян усмехнулся. — Мы с Еленой недавно повенчались.

— Да что ты! Радость-то какая…

— Только это втайне. В королевской часовне, свидетелями их величества были… Елена непраздна.

— Ян, так это ж замечательно!

— То верно, да мы на войну уходим. Случись со мной что — она пани Собесской останется, не русской девкой. Сам понимаешь.

— Шипят наши гады…

— Шипят.

Ян поморщился, что не укрылось от взгляда Ежи.

— И у меня Бася тож… второго ждем.

— Ну, поздравляю! Как только ты решился ее оставить…

— Она сейчас в Дьяково, не в Кремле. А там царевна Анна всем нынче заправляет. Царевна Софья теперь рядом с братом днюет и ночует, тяжко государю. А вот другие царевны поразъехались. Царевна Анна в Дьяково, царевна Татьяна в Крыму с мужем…

— Вот уж где дело невиданное! Царевна, да простой казак, чуть ли не вор…

— Э, нет. Род Разиных — тоже древний. Да и то сказать — необычно уж то было, что царевны замуж повыходили. А коли дала та стена трещину, так уж и не важно, речная ли вода льется, озерная ли… все одно пить можно. Что Ордин — Нащокин, что Разин многое для Руси сделали. Вот и награду получили по

заслугам.

— Да…

— Но и тебе ж грех жаловаться? Государь тебя не обижает, вести доходят…

— Скромничать не стану. И верно, войско на мне, границы, крепости ставим, Иероним тебе приветы передает…

— Лянцкоронский? Как он там?

— В Каменце комендантствует. Говорит, краше прежнего город отстроили. Не жалеешь, что уехать пришлось?

— С Басей? Да хоть небо на землю падай! Никогда не пожалею! Без нее дышать нечем, да и незачем!

— Да… сейчас я тебя понимаю. Знаешь, я бы тоже с Еленой уехал куда-нибудь… да нельзя. Сына надо растить, врагов воевать…

— Панов приструнять.

— Разбойников гонять…

Мужчины переглянулись и весело расхохотались, отлично понимая, что иногда грань между этими двумя весьма условна. Отсмеявшись, Ежи стал серьезным.

— Я тебе привел двадцать тысяч войска. Бери и владей.

— У тебя двадцать, да у меня пятнадцать…

— А турок?

— Сто двадцать. Тысяч. Две тысячи пушек, почти сорок тысяч лошадей, десять тысяч слонов, по пятнадцать тысяч волов и мулов…

— Справимся, — Ежи и не сомневался. И не таких видали, а и тех бивали, как говорят на Руси.

— Должны. Обязаны. С тобой государь говорил?

Ежи чуть опустил ресницы.

Говорил. Да еще как говорил.

— Нам нужна не просто победа. Нам нужно…

— Да. Хотя добиться этого будет втрое тяжелее. Победить бы куда как проще было…

Ежи кивнул. Проще, да вот — надобно государям иное. А значит — сделаем! Воину не обязательно быть хорошим политиком, но коли уж ты войска водишь — должен уметь многое. В том числе и понимать, к чему приведет тебя победа или поражение.

О чем промолчали мужчины?

О том, что победа-то не нужна была ни Руси, ни Польше.

К чему?

Пока турки с австрийцами сцепились, русские могут получше укрепиться и задержаться в Крыму. А поляки могут оттяпать себе хоро — оший такой кусок земель, и что важно, удержать их. Не

одни, так вторые за помощь расплатятся. Или контрибуцией отдадут.

Война должна пойти взатяг.

Леопольду сие невыгодно?

А кто он, Леопольд? Сват, брат? С ним детей не крестить, Бог миловал. А от тирании Габсбургов половина Европы стонет. Там, Бог даст, и французы помогут. Только вот Леопольду — или Сулейману?

Европа медленно превращалась в кипящий котел, и паны готовы были поспособствовать. Опять же, к своей выгоде.

Между прочим, где война — там трофеи. Где трофеи — там бунтов поменее, а в Польше это важно.

Хоть и любят там Михайлу, хоть и гордятся, а все одно, спесивых дураков не перевести. Вот и пусть они хоть все на войне полягут.

Дурак с возу — волки сдохли!

* * *

— Вот ведь наглость!

— Лешенька, это папа. То есть — самый мощный человечище всея Европы. Глыба, я бы сказала.

Софью ситуация откровенно забавляла, а мальчишки злились.

— Да будь он хоть папой, хоть мамой! Каз — зел!

Софья умилилась интонации, с которой Иван произнес это слово. Вот уж стоит ли ужасаться, или смеяться, но кое — какие привычки вылезли здесь. Из двадцать первого века вылезли.

Но ведь и правда — козел!

Его святейшество непорочное, папа римский Иннокентий, порядковым номером одиннадцатый, потерял и рамки, и совесть. Хотя вроде бы и папой стал совсем недавно?

И что обидно-то — мужик неплохой.

Суровый, серьезный, разогнавший всяких родственничков и знакомых, прихлебателей и лизоблюдов. И начавший постепенно закручивать гайки для кардиналов.

Софья одобряла эту его инициативу. А вот другую…

Кеша, в миру вообще Бенедикт Одескальки, еще до своего избрания конфликтовал с Людовиком Французским. И сейчас Король — Солнце пошатывал под ним трон.

Ой, пошатывал.

Подумаешь — папа. Да у нас французские короли таких вертели, как хотели. И не раз вертели!

Ты его отлучишь, а он с войском в гости — и копьем к пузу в качестве аргумента. Случалось, знаете ли. А то, что пару — тройку сотен лет тому назад, так это неважно. Старые традиции — хорошая штука! Всегда вспомнить можно.

Опять же, даже вспоминать иногда ни к чему. Турки поработают. А мы либо их поддержим, либо вам ножку подставим — как удобнее будет. Поспособствуем.

Так что Бенедикт в чем-то даже обрадовался.

Вроде бы ситуация сложная. Русский царь, при посредстве императора Священной Римской Империи сватается к дочери португальского короля. Совет да любовь?

Ну да…

Так невеста-то католичка. А царь… а он — кто?

Православный?

Неубедительно. Это почти что и не христианин. Псалмы читают на варварском языке, реформы какие-то проводят, да и к тому же…

Софья не зря старалась. Слухи о ее проклятии поползли, что та квашня. Липкие, раздувающиеся, самые разные…

Царевна прокляла иезуитов…

Полоцкий проклял царевну…

Царевна весь орден пообещала раздавить, и царь ее в том поддержал…

Правды там было маловато, ну так откуда ей взяться в слухах и сплетнях? Зато подробностей… чуть ли не до того, что царевна кровь у Симеона из горла пила. Софья только посмеивалась. Пусть боятся, меньше проблем будет. Хотя основная часть и не боялась. Ну подумаешь там — дохлый иезуит? А чего это он на эшафоте оказался?

Царя убил?

Аааа… простите, такое и в цивилизованной Европе не одобряется. Там такого, неодобренного, много. Мытье, учение, цареубийство…

И те слухи доползли до папы римского. И сейчас Климент требовал от царевича, во — первых, удалить от себя сестру — ведьму. Во — вторых, пустить на Русь иезуитов.

Это — для начала, потом еще что-нибудь попросить можно. А то ведь принцесса пока хворает…

— Соня, ты к этому недостаточно серьезно относишься, — Алеша смотрел задумчиво. — Они ведь… и правда тебя ведьмой считают.

— И пусть считают. В Европу я не поеду, а на Руси меня не достанут. А вот ответить стоит. Знаешь что, братец, а давай-ка мы напишем ответ Кеше?

— Выкладывай? — Иван отлично знал жену и понимал, что такое шкодное выражение ее лица…

— Маркиза де Монтеспан. Ля Вуазен. Аббат Гибур.

— И?!

— Черная месса.

— Что?!

— Как!?

Софья усмехнулась, мысленно поблагодарив 'Анжелику'. К чему тут история, когда эту книгу, наверное, половина России читала, а вторая — фильм смотрела?

— Эта компания служит черные мессы. И проводит их аббат Гибур. Маркиза молится о том, чтобы удержать короля. А проходит это под чутким руководством Катрин Монвуазен. Или ля Вуазен, как-то так. Можем написать папе и поинтересоваться, чем ему не угодила я. Тем, что пресекла бесчинства такого же 'аббата'?

— Соня, но откуда?!

Алексей лишний раз убедился в гениальности сестры. Царевна невинно пожала плечами.

— Алешенька, ну мы ж не просто так посольства рассылаем?

— Но узнать *такое*?!

— Мы вкладывали дикие суммы в обучение наших людей. Вот тебе и отдача.

Софья даже сильно не лгала. Она умолчала лишь о том, что сама дала задание своим ребятам. Указала кто, что, как… им оставалось только добыть доказательства — эх! Где ты, фотоаппарат!?

Хотя над его аналогом работали в Университете. Камера — обскура, нитрат серебра, кто не баловался фотоделом в Советском Союзе? У Софьи в общаге таких 'любителей' десятка два было, они даже у коменданта комнату отвоевали, чтобы фотки проявлять!

Сэр Ньютон воспринял идею с восторгом. Как и дряхлый уже Глаубер… Пусть пока получался театр теней, но профили-то были узнаваемы!? Дайте время, мы такое фотодело развернем!

И доказательства были. Показания свидетелей, пара писем… все хранилось у Софьи в отдельном ящичке. Снять копии — и отправлять.

Пусть Кеша подумает над тем, что у него в Европах творится. А Симеона… а вот на это его и спишем. До Руси далековато, то ли он украл, то ли у него украли, но шуба-то была!

А что до иезуитов — да не пускать их сюда, и точка!

— Не пускать — нельзя.

Софья потерла лоб.

— Можно. Но лишь с принцессой. Вот Изабелла приедет — тогда и иезуитов милости просим. А нет, так у нас народ дикий. Мы не католики, мы не гугеноты, мы православные, мы и в морду дать могем. Оглоблей, например.

— Злая ты, Соня, — муж явно шутил. Но все-таки…

— И как ты с ней уживаешься? — Алексей тоже принял озадаченный вид.

Царевна зашипела гадюкой.

— Что? Не нравится?! Вот уйду от вас — и уеду к Людовику! Шикарный мужчина! Отобью его у маркизы, отмою за полгодика — и будет мне счастье. Да какое! Вшивое, блохастое… мечта женщины!

— Да давай я тебе здесь блох со вшами насобираю, — от доброй души предложил братик. — Или тебе заграничные нужны?

— Уууу… злыдни. Так пишем?

— Пишем!

* * *

Илона Зриньи молча смотрела на мужчину напротив. А Имре, наоборот, излагал свои соображения.

То есть — они у них были одни на двоих.

У него есть люди.

У Илоны — земли и деньги.

Ему нужно преумножить, ей — сохранить.

У него нет детей, у нее двое, и если она сейчас не выйдет замуж, то может получить впридачу к детям опекуна. Или их вообще могут отнять. Официально она подданная Леопольда, а как тот относится к дочери Зриньи, родственнице Франкопанов и жене Ракоци… ну, для него хуже только сочетание — жена Вельзевула, родственница Люцифера и дочь Сатаны.

И то — вряд ли.

Сейчас Леопольд занят войной с Турцией. Да, пока гром еще не грянул, но недобрый ветер уже веет над Австро — Венгрией. Туркам надо больше времени, чтобы собраться и прийти, потому что их — громадье. Более ста тысяч.

И в этой круговерти у них есть шанс на успешный заговор. Сбросить с себя ярмо ненавистного австрийца…

Предложение?

Илона выходит за него замуж. И они объединяют силы, средства…

То, что ей сорок лет, а он на четырнадцать лет моложе, как раз не страшно. Подумаешь, проблема? Им же не любиться, а

сражаться вместе. Хотя даже сейчас вы весьма привлекательны… нет?

Ну, нет — так нет. Храните верность умершему мужу, госпожа, принуждать вас никто не будет. Мне не вы нужны, а свобода моей страны.

Ну и корона в перспективе.

Поможете?

Илона честно попросила время на размышления, и Имре Тёкели отбыл восвояси. Ненадолго, на месяц, не более. Впрочем, Илона не обольщалась, это только первая ласточка. И самая хищная.

Любовь?

Да о чем вы говорите!? Когда в политике было место для этого чувства?!

Но и соглашаться…?

Выживет ли Ферек при таком предприимчивом отчиме? Все-таки наследник Ракоци, единственный, прямой… и не умрет ли через некоторое время сама Илона? У нее ведь дочь, стоит Юлиане вырасти до подходящего возраста — и ее матери можно устраивать случайное падение с лестницы. Например.

Страшно.

Очень страшно.

А еще родня давит, а еще… да много чего — еще. Хорошо хоть свекровь убралась вслед за мужем, эта стервь сейчас бы всех с ума свела. Не любила Илона свою родственницу, Софию Батори, и вполне взаимно.

Какое бы решение приняла женщина — непонятно, ибо на второй неделе ее размышлений в ворота замка тихонько постучался бродячий менестрель — и был впущен внутрь.

И даже задержался на несколько дней.

Пел, показывал фокусы, рассказывал интересные истории, слегка, не переходя определенных границ, тискал служанку, сумел рассмешить даже Илону, вытащив из уха коменданта замка Паланок, роскошную алую розу.

А на третий день, Илона столкнулась с ним на башне. В своем любимом месте, где сидела ночами, размышляя о своей дальнейшей судьбе.

Что она думала в тот миг?

Враг?

Подослали?

Убийца?!

Мысль взметнулась, накрывая волной паники, Илона схватилась за кинжал, но тут же услышала тихий голос.

— Прошу вас, госпожа, я безоружен. Я послан к вам от

русского царя. Вот, возьмите?

Илона покачала головой — и тогда мужчина принялся расшнуровывать ворот рубахи. Как-то вывернул ее, подпорол — и на холодные каменные плиты пола лег конверт из тонкой кожи.

— Письмо и доказательство внутри. Я удаляюсь, госпожа.

Илона отступила от выхода — и темная тень исчезла. И только тогда женщина осознала, что они сейчас говорили по — латыни. И как!?

Она готова была поклясться, что ее собеседник получил блестящее образование! Это была не простонародная, мусорная, латынь, нет, он говорил так, словно учился где-нибудь в колледже.

Иезуиты?

Илона осторожно взяла конверт платком.

Вскрывать его сама она не будет, попросит служанку. Мало ли…

* * *

Конверт оказался без подвоха. Более того, когда его открыли, из конверта выпало несколько десятков негранёных изумрудов, и лист пергамента. И печать. Большая, которую не подделать.

Печать русского государя, его герб…

Илона взяла лист в руки, бросила взгляд на текст.

Латынь. С одной стороны. С другой же… русский?

Илона знала девять языков: венгерский, немецкий, хорватский, словацкий, польский, сербский, французский языки, изучила древнегреческий и латынь, но русский?

Так, немного, пару — тройку слов. Но и этого хватило.

Что ж, посмотрим, что ей пишут?

Первые две строчки она пропустила. Как и полагалось, они были посвящены восхвалениям госпожи замка Паланок, ее красоте и мужеству. Важное начиналось потом.

Алексей Алексеевич писал то, что елеем проливалось на измученную душу женщины. Осторожно, полунамеками, так, чтобы посторонние мало что поняли, не называя имен, он писал, что только род Ракоци достоин править Венгрией. И лучше иметь на границе хорошего друга, чем подлого императора. А потому, именно сейчас у Илоны удобный момент.

Сама она не победит. Но наверняка есть мужчины, готовые геройствовать во славу ее прекрасных глаз? А уж в остальном… дать денег, войско, оказать поддержку именно сейчас… да, условие будет простым.

Когда на трон сядет законный король Венгрии из рода, овеянного вековой славой, будет подписан мир с Русью. И кое — какие земли отойдут к полякам. Не так много, кстати говоря, Илона и больше бы отдала. Да, и в знак мира, надо будет заключить брачный договор. Между кем из ее детей и кем из русских царевен или царевичей — надо будет еще подумать, но все же, это — обязательно.

Разумеется, это только предварительный проект.

Парень, который принес письмо — один из вернейших царских слуг, так что просьба не обижать его. Все остальное он расскажет, коли спросите.

Илона долго сидела, задумавшись. А потом…

— Позови ко мне менестреля.

Служанка пискнула — и умчалась за дверь. Чтобы вернуться через несколько минут с менестрелем, который тут же принялся кланяться и спрашивать, сыграть ли что, прекрасной госпоже? Веселое, али грустное, али…

Илона задумалась, потом попросила спеть что-нибудь печальное — и менестрель завел старинную венгерскую песню. А она приглядывалась.

Вот ведь… и не скажешь, что не венгр!?

Все, все в нем просто кричит о выходце из простого народа, получившем капельку лоска, но, в общем-то, простоватом и неуклюжем парне. Обильно смазанные воском усы, завитые локоны, горячие темные глаза, рубаха вроде бы и из недешевой материи, но в пятнах и кое — где залатана, запах чеснока, бараньего жира и дешевого благовония, а сапоги не особо хорошие, дрянь сапоги…

Совсем не таким он был на башне.

Откуда что взялось?

Как ему это удается?

Песня следовала за песней, потом Илона жестом отпустила служанок и приказала певцу пройти в ее кабинет. За вознаграждением.

Что тот и сделал.

И даже в кабинете не вышел из роли, пока Илона не бросила резким жестом на стол письмо. Глухо застучали, посыпались изумруды, собранные небрежной рукой.

— Как твое настоящее имя?

— Прокопий, сын Аввакума.

— Мне это ни о чем не говорит.

— Государь хотел послать кого иного, но лучше меня не нашлось, госпожа.

Менестрель разительно изменился. Ничего он не делал, не

стирал краску, не принимал поз, не произносил выспренных речей, просто чуть шевельнулся, поменялось выражение лица — и вмиг перед Илоной оказался если и не дворянин, то господин достаточно знатный.

— Какого вы рода?

— Мой отец служит Богу, а сейчас является одним из царских ближников.

— Он князь?

— Он просто служит Богу.

Прокопий подозревал, что легко не будет. Но и выбора не было. Специалистов его уровня было пока человек десять — и все были заняты. Потому он и отправился в путь. Спешил, как мог, менял коней, и только в пяти днях пути от замка Паланок позволил себе измениться. Исчез польский пан, едущий по своим спешным делам, вместо него появился бродячий певец, коих тысячи и десятки тысяч. И прошел в замок, как один из множества, не привлек ничьего внимания, поговорил с боярыней, передал письмо… осталось рассказать то, что объяснил ему государь.

Да, вот так вот тоже случается.

Отец всю жизнь посвятил Богу. Сын же…

Оказавшись в Дьяково, дети протопопа принялись учиться. И на Прокопия быстро обратили внимание, а то как же? Ум, память, отличное физическое развитие, а главное — способность к перевоплощению. Когда устраивали шуточные постановки, представления или нечто подобное — он первым оказывался.

Добавьте к этому непреклонный характер, любовь к родине и фамильное неистовство — что удивляться, что это многообещающее сочетание Софья принялась готовить, как разведчика?

Немного их было, человек десять, ну так ведь не количеством берут, а умением!

Было у Прокопия и еще одно достойное внимания качество…

— Священник… католик?

— Православный.

— А если я сейчас прикажу заковать вас в цепи и пытать?

Илона спрашивала почти всерьез. Слишком страшно было поверить, слишком неустойчиво было ее положение, слишком…

Мужчина пожал плечами.

— Воля ваша.

— Не боитесь?

— Не то, чтобы… вы позволите?

Илона вскинула брови, глядя, как мужчина достает из за воротника обычную иголку, разве что длинную, хищно

отблескивающую металлом, а затем снимает с пояса флягу. Протирает и иглу, и ладонь чем-то бесцветным — и глубоко всаживает острие в руку. Так, что кончик поблескивает металлом через кровь. Игла просто пробивает ладонь.

— Вы…

— Да, госпожа?

И при этом мужчина оставался абсолютно спокоен. Не изменился в лице, ничего, просто улыбался…

— Вам не больно?

— Нас учили терпеть боль, госпожа.

Вообще-то полностью враньем это не было. Просто у Прокопия был повышенный болевой порог, вот и все. Кстати, как и у его отца.

Мужчина мог и не такое стерпеть, но не раскрывать же фамильный секрет? К тому же, в этом даре были и плюсы, и минусы.

Да, Прокопий мог стерпеть боль — и боль серьезную. Но он мог и не заметить опасности, пока не станет слишком поздно и запустить болезнь. Умереть от горячки — или истечь кровью, кто знает?

— Вот даже как… И много таких…

— Простите, госпожа, сие дело государево.

Илона медленно кивнула. И вдруг перешла на французский.

— Как я могу быть уверена, что вы не шпион иезуитов?

— Вам мало этого? — короткий кивок на письмо? Ответ последовал на великолепном французском, парижский диалект. — Тогда я ничем не могу доказать, что я — русский. Разве что ежели найдется православный священник…

— Отче наш? — теперь Илона говорила по — русски.

И ее собеседник продолжил говорить, подхватив ее слова. Уже на русском. Привычно перекрестился в нужном месте, закончил молитву и посмотрел на княгиню.

— Я могу кровью и жизнью поклясться, что не подсыл, что иезуитов люблю не более вашего с тех пор, как они убили нашего государя…

— Вот как?

— Государь Алексей Михайлович погиб от подлого яда…

— Я слышала, но…

Теперь разговор велся на немецком, но собеседник словно бы и не замечал смены языков. Был по — прежнему вежлив, улыбался.

И рассказывал.

И Илона видела — не лжет. Да, Прокопий тоже был там. Именно он влетел на площадь вместе с отрядом Ежи

Володыевского, не мог ведь он пропустить такое!? Именно он убил одного из крикунов — и видел все. И как говорила царевна Софья, и остальное…

— До меня доходили слухи…

К концу второго часа беседы, Илона поняла — ей действительно не лгут. Просто прислать к ней официальное посольство — это нарушить хрупкое равновесие, и дать возможность вмешаться ее врагам. А так…

Да ничего и не было…

И никого не было.

Наутро Прокопий ушел из замка. Письмо княгини Ракоци было надежно спрятано так, что пришлось бы всю одежду распустить по ниточке, чтобы найти его. Он доставит на Русь ответ.

А на словах передаст, что Илона Зриньи согласна.

Утопающий и за гадюку схватится, а предложение русского царя… Даже если в нем и содержится яд — так выбора все равно нет. Не Леопольд же?

Фу…

* * *

Китайская принцесса была премиленькая. Ничего не скажешь. Этакая статуэточка, гладкие черные волосы, крохотная ножка, раскосые глаза, набеленное лицо…

Федя смотрел ошалелыми глазами, пока Алексей не наступил ему на ногу. Только тогда очнулся.

И потянулось…

Ритуальные речи, расшаркивания, заверения в своей нежнейшей и крепчайшей дружбе, согласование времени свадьбы…

У Шан все это время стреляла глазками в Федора, но молчала. Софья так и не решила, нравится китаянке парень — или нет. Разный тип лиц, разная мимика, даже недолгий общежитский опыт ей не помог.

Но намного больше Соне не понравились другие взгляды. На Алексея.

Да, царь. Да, хорош собой, на троне, весь в золоте и вообще — величие прет. Но что-то казалось Соне что взгляды юной китаянки далеки от восхищенных. Скорее они… расчетливые?

Алексей Алексеевич наконец предложил отправить принцессу со служанки на женскую половину Кремля — и пусть отдохнут с дороги. Там все устроено для них…

Софья дала девочке прийти в себя примерно три часа, а потом появилась на пороге.

За это время она уже успела выслушать доклад от своих девушек. Малявка капризничала, кричала на служанок и одну даже стукнула. Симптомчики…

Избалованная стервочка?

Возможно.

А работать все равно придется. И жениться, и в постель ложиться… будем надеяться, она перерастет. Или — нет? Но тогда…

Софья мысленно пожала плечами.

Смерть женщины родами, особенно если не первыми — вторыми, а пятыми — шестыми, удивления не вызовет. А до той поры…

Софья скользнула в комнату и прищурилась на малявку. Та сидела перед зеркалом, а служанка ей расчесывала волосы. Девочка заметила новое лицо почти сразу — и недовольно чирикнула на китайском.

Переводчик был не нужен, зная о визите малышки, Софья позаботилась о языке.

— Говорите ли вы по — русски, государыня?

Сама Софья могла сказать примерно с десяток предложений на китайском, например, это. Могла кое-что понять, но разговаривать свободно?

Нет, не могла.

— Почему… ты… не поклон?!

Малявка с трудом подбирала слова, но от сердца у Софьи чуть отлегло. Если девчушка пытается учить язык новой родины, это уже неплохо?

— Мое имя Софья. Я царевна.

Ну, по — китайски вышло 'принцесса', но для У Шан подошло. Малявка опустила голову.

— Царевна? Ты… жена?

— Мой брат — русский государь. Я пришла помочь.

— Помочь чем?

Диалог выходил пока корявым, но Софья уже ставила малышке плюсы. Да, на нижестоящих та отыграется, безусловно. Но на равных зубки не покажет. Хотя бы пока не разберется.

Плохое качество для руководителя, много спеси. Но ей и не нужна У Шан в качестве руководителя. Она — гарант договора и если окажется достаточно умна, чтобы видеть скрытое — проживет долго.

— Размещение. Слуги. Одежда.

— У меня все есть. Благода… дарить…

— Русская одежда. — Софья провела руками по своей юбке, словно демонстрируя наряд. У Шан невольно заинтересовалась. Да, это не кимоно, а ведь носить придется, и как она будет выглядеть в подобном наряде?

— Посмо… треть?

— Примерить?

На 'примерить' малявка тоже согласилась. А Софья смогла наблюдать, как та общается с портными.

Настроение колебалось.

Да уж, свинью они Федьке подложили…